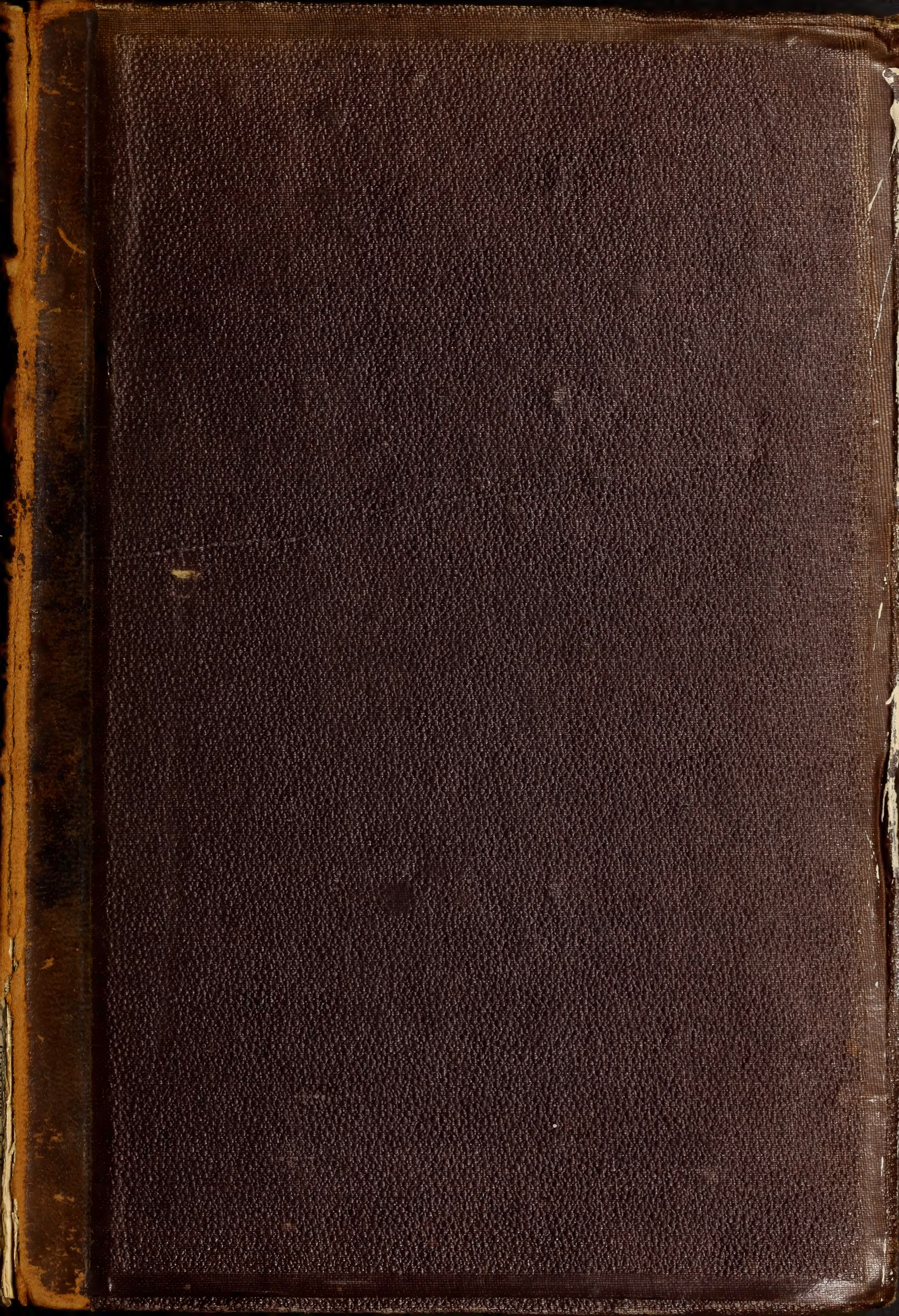

Отъ Кеевашова

облагодѣтельствованнаго Е.В.М.

Сергѣю Платоновичу

Голубову

1881

Окт. 31.

СОЧИНЕНІЯ

ЮЛІЯ ЦЕЗАРЯ

ЗАПИСКИ О ЕГО ПОХОДАХЪ.

СЪ ЛАТИНСКАГО ПЕРЕВЕЛЪ

Алек. Клевановъ.

Второе изданіе,

вновь провѣренное по подлиннику, съ прибавленіемъ жизнеописанія Цезаря, сочиченнаго Светоніемъ, рѣчи Цицерона за Марцелла и очерка дѣятельности Цезаря по письмамъ Цицерона.

МОСКВА.

Типографія А. И. Мамонтова и К°, Большая Дмитровка, № 7.

1869.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ПРЕДИСЛОВІЕ

КО ВТОРОМУ ИЗДАНІЮ.

Высокое образовательное значеніе памятниковъ классической древности останется навсегда, пока человѣкъ будетъ чувствовать влеченіе къ честному и прекрасному. Споръ о преимуществѣ реализма и классицизма въ сущности праздный; только изъ совокупнаго ихъ дѣйствія, а не съ исключеніемъ одинъ другаго, можетъ выйдти полное стройное цѣлое человѣческаго знанія, какое напр. мы видимъ въ великомъ Гете. Но нельзя оспоривать и того, что общепринятая система изученія языковъ классическихъ, заимствованная изъ Германіи, клонится только къ тому, чтобы заставить ученика возненавидѣть эту отрасль человѣческихъ знаній. Вмѣсто того, чтобы знакомить ученика съ мыслью подлинника, съ изяществомъ изложенія, останавливаются почти исключительно на формахъ, на строѣ фразы, почему напр. тутъ такая форма, а не другая, когда и Цицеронъ не могъ бы отдать себѣ отчета, почему онъ выразился такъ, а не иначе, все равно какъ и мы теперь говоримъ и пишемъ не по грамматикѣ Востокова или чьей-либо, а по примѣрамъ живой рѣчи и лучшимъ образцамъ прошлаго. Поклоненіе формамъ рѣчи дошло до абсурда: Ананьевъ въ своей грамматикѣ дерзаетъ поправлять Цицерона по ея правиламъ.... Явленіе весьма

прискорбное, если преподаватели, какъ жрецы древности, стараются для возвышенія и необходимости своего ремесла, вещи самыя простыя и естественныя представлять затруднительными и дающимися только долговременному изученію. Пристрастите воспитанника къ предмету его занятій, покажите ему весь интересъ его, подѣйствуйте на его душу, покажите, что мысли и дѣйствія великихъ людей древности доступны и намъ, и вы сдѣлали дѣло: остальное совершится само собою. Я правилъ грамматики совершенно не помню, а классиковъ читаю и понимаю, какъ русскую книгу. Не нужно же дѣлать изъ средства къ знанію самое знаніе и обставливать изученіе классиковъ чуть не семилѣтнимъ изученіемъ формъ, чрезвычайно своеобразно вылившихся изъ-подъ пера древнихъ писателей.

Теперь мы предпошлемъ очеркъ дѣятельности Цезаря по письмамъ его современника Цицерона и тутъ-то мы увидимъ, что въ древности жили такіе же люди, какъ и теперь, и что нѣтъ надобности становиться на ходули, чтобы достать ихъ.

А. Клевановъ.

1869.
Марта 20.
Москва.

ЦЕЗАРЬ,

ВЪ ПИСЬМАХЪ ЦИЦЕРОНА.

1.

Цезарь родился въ 655 году отъ построенія Рима (99 до Р. Х.); семь лѣтъ ранѣе родились въ одномъ и томъ же году (648 отъ построенія города и 106 до Р. Хр.) Помпей и Цицеронъ. Эти три личности были главными дѣятелями того времени; судьба ихъ была тѣсно связана: то враги, то друзья, они имѣли другъ на друга сильное, всемогущее вліяніе и сошли съ исторической сцены почти одновременно: Цицеронъ пережилъ Цезаря только годъ съ небольшимъ; Помпей убитъ за 4 года ранѣе. Человѣкъ новый, происходя не отъ древней аристократіи по роду, но истинный аристократъ по характеру и убѣжденіямъ, не говоря уже по уму и дару слова, Цицеронъ занимаетъ посредствующее мѣсто между Помпеемъ, какъ предводителемъ партіи сената, партіи *оптиматовъ* и Цезаремъ, который явился поборникомъ интересовъ народа. Достигнувъ консульства, Цицеронъ сталъ играть политическую роль; цѣль его дѣятельности была—среднее сословіе, уже сформировавшееся подъ названіемъ всадническаго и откупщиковъ (публикановъ: они брали на откупъ государственные сборы) связать тѣсно съ сенатомъ и противуставить оплотъ честолюбцамъ въ родѣ Катилины,

Клодія и Цезаря, старавшимся дѣйствовать на массы, льстя ихъ дурнымъ страстямъ. Одно время, а именно въ бытность свою консуломъ, Цицеронъ успѣлъ заключить тѣсный союзъ между сенатомъ и среднимъ, всадническимъ сословіемъ. Тутъ палъ Катилина съ своими сообщниками, но не остановилъ тѣмъ другихъ честолюбцевъ. Исторія заговора Катилины загадочная: по всей вѣроятности онъ палъ за чужіе грѣхи и какъ предостереженіе другимъ. Самъ онъ, и не-за-долго до заговора, игралъ роль довольно незначительную, такъ что Цицеронъ въ письмѣ къ Аттику (1.1.) въ 689 году, говоря о соискателяхъ консульства, о Катилинѣ выражается такъ: «Катилина будетъ вѣрнымъ соискателемъ, если придутъ къ убѣжденію, что середи дня не свѣтитъ солнце.» Это впрочемъ не воспрепятствовало Цицерону въ другомъ письмѣ къ Аттику, относящемся къ тому же году, выразиться совершенно иначе: «теперь мы подумываемъ защищать Катилину, соискателя вмѣстѣ со мною (консульской должности). Судей мы имѣемъ кого хотимъ и при величайшемъ расположеніи обвинителя. Надѣюсь—Катилина, если будетъ оправданъ, будетъ дѣйствовать со мною согласнѣе относительно домогательства; если же случится иначе, перенесемъ какъ свойственно человѣку.» Менѣе, чѣмъ черезъ два года, Цицеронъ произноситъ тѣ громовыя рѣчи, гдѣ осуждаетъ Катилину, котораго собирался защищать, и его сообщниковъ, и условливаетъ ихъ гибель. Весьма естественно предполагать, что тѣ отношенія соискательства одной и той же должности, въ которыхъ Цицеронъ надѣялся найдти единодушіе, окончились совершеннымъ разрывомъ, и личныя отношенія Цицерона къ Катилинѣ можетъ быть не мало повліяли на то раздраженіе, какое сказывалось и въ рѣчахъ Цицерона противъ Катилины и въ дѣйствіяхъ противъ него и его сообщниковъ. По образу мыслей и убѣжденіямъ, Цезарь болѣе сочувствовалъ Катилинѣ, чѣмъ Цицерону и потому очень понятно, что въ то время, когда Цицеронъ явился гонителемъ

Катилины и народной партіи, Цезарь не могъ быть съ нимъ въ пріятельскихъ отношеніяхъ. Помпей въ то время, когда разъигралась эта замѣчательная драма заговора Катилины, находился на Востокѣ (въ Сиріи и Палестинѣ). Въ то время, т. е. немедленно по усмиреніи заговора, звѣзда Цицерона блистала на небосклонѣ римскаго политическаго міра свѣтлѣе и Цезаревой и Помпеевой; но это-то именно и послужило поводомъ къ его униженію. Цезарь, какъ поборникъ партіи народной, не могъ сочувствовать дѣйствіямъ Цицерона, который хотя на основаніи сенатскаго декрета, но безъ утвержденія народнаго собранія и правильнаго суда, предалъ смерти римскихъ гражданъ. Сознавая всѣ высокія достоинства Цицерона, то, что онъ поистинѣ одинъ изъ послѣднихъ великихъ дѣятелей Римскаго міра, не можемъ не сознаться, что онъ забылся одно время, что, уничтоживъ заговоръ Катилины, приписавъ ему ту важность, какой онъ можетъ быть и не имѣлъ, онъ хотѣлъ во что бы то ни стало явиться спасителемъ отечества, возстановителемъ, завѣщаннаго предками, порядка вещей съ преобладаніемъ сената. Одно время, повторяемъ, Цицеронъ значилъ больше Цезаря и Помпея. Если вѣрить Плутарху—замѣтимъ мимоходомъ, что его и Светонія жизнеописанія походятъ болѣе на собранія анекдотовъ и даже скандальныхъ исторій, чѣмъ на безпристрастныя и основательныя сочиненія —то Цезарь въ сенатѣ, когда докладывалось дѣло Катилины, сказалъ рѣчь умѣренную и почти въ его защиту, что вызвало грозный отвѣтъ со стороны Катона и такое негодованіе сенаторовъ, что извлечены были мечи и жизнь Цезаря подвергалась опасности, и только заступничеству Цицерона обязанъ онъ былъ, что имѣлъ возможность уйдти невредимо изъ зданія Сената. Характеризуя перевѣсъ Цицерона въ то время надъ Цезаремъ, случай этотъ въ сущности весьма сомнителенъ. Цицеронъ такъ любилъ хвалиться всѣми своими дѣйствіями, и такія были потомъ его щекот-

ливыя отношенія къ Цезарю, что онъ не преминулъ бы какъ нибудь хоть вскользь упомянуть объ этой своей услугѣ Цезарю въ своихъ письмахъ. Въ свое консульство Цицеронъ отсутствующему Помпею декретировалъ молебствіе за успѣшныя дѣйствія въ Палестинѣ и Понтѣ. Какъ глава аристократической партіи, и какъ самъ потомокъ древняго рода, Помпей не могъ, по возвращеніи въ Римъ, безъ неудовольствія и зависти, видѣть, что Цицеронъ, человѣкъ новый (т. е. безъ длиннаго ряда знатныхъ предковъ) происходившій изъ всадническаго сословія, на которое аристократы смотрѣли съ пренебреженіемъ, какъ на погрязшее исключительно въ сельскихъ занятіяхъ и денежныхъ дѣлахъ, пріобрѣлъ такое значеніе въ государствѣ, которое затмѣвало почти его и ставило его на второй планъ. Конечно Помпей скрылъ это въ душѣ, но зависть его къ Цицерону высказалась немедленно уже въ томъ, что въ своихъ рѣчахъ въ сенатѣ онъ умышленно проходилъ молчаніемъ подвигъ Цицерона, который тотъ ставилъ наравнѣ чуть не построеніемъ самаго Рима. Впослѣдствіи зависть и недоброжелательство Помпея къ Цицерону высказались еще яснѣе. Замѣтимъ, что Помпей былъ въ высшей степени скрытнаго характера, умѣлъ отлично притворяться; Цезарь былъ характера открытаго и нескрывалъ своихъ чувствъ, хотя былъ гдѣ нужно и тонкій политикъ. А у Цицерона, что на умѣ, то было и на языкѣ; онъ былъ слишкомъ откровененъ, даже болтливъ и самъ много разъ давалъ пищу своимъ врагамъ на себя. — Между тѣмъ какъ Помпей, скрывъ въ душѣ свою зависть къ Цицерону и искреннее, задушевное, желаніе унизить его, притворялся его короткимъ пріятелемъ, Цезарь дѣйствовалъ открыто противъ Цицерона. Его пріятель, трибунъ народный К. Метеллъ, когда Цицеронъ, выступивъ къ народу и слагая санъ Консульства, хотѣлъ, согласно заведеннаго обычая, сказать рѣчь, К. Метеллъ остановилъ его словами: «Тому, кто казнилъ другихъ внѣ закона, не давъ имъ возможности оправдываться, нельзя позволить говорить». Цицеронъ объ этомъ

разсказываетъ въ письмѣ къ брату этого Метелла: «то было оскорбленіе такое, какому никогда, ни въ самой низшей, должности ни одинъ, самый безчестный, гражданинъ не подвергался». Но говоритъ далѣе Цицеронъ (и сколько похвальбы въ этихъ словахъ!): «Это оскорбленіе обратилось мнѣ въ величайшую честь. Такъ какъ Метеллъ позволилъ мнѣ только дать клятву, то я громкимъ голосомъ далъ справедливѣйшую и превосходнѣйшую клятву (что спасъ отечество) и народъ за мною единодушно поклялся, что я высказалъ правду». Не смотря на торжественную эту для Цицерона минуту—тутъ судьба его уже рѣшилась: въ перспективѣ передъ нимъ, но еще для него скрыто, были—потеря значенія и изгнаніе.—Самыя незначительныя, иногда пустыя, скандальныя даже, событія служатъ часто нитью поводомъ къ самимъ важнымъ: въ домѣ Цезаря, во время празднованія въ честь Доброй Богини, гдѣ могли участвовать однѣ женщины, найденъ былъ переодѣтымъ въ женское платье одинъ хорошенькій молодой человѣкъ, знатный патрицій, П. Клодій. Онъ былъ до того хорошъ, что Цицеронъ обыкновенно называетъ его въ письмахъ, вмѣсто имени, просто *хорошенькимъ* (pulchellus). Суматоха вслѣдствіе этого произошла страшная: Цезарь съ женою развелся; но до того Римляне были равнодушны въ дѣлѣ любви, что не только вслѣдствіе такой продѣлки Цезарь не питалъ какого либо неудовольствія на Клодія, а напротивъ съ этого времени завязалась между ними связь еще тѣснѣе, и жертвою ея сдѣлался Цицеронъ, а причиною его несчастія былъ его же Цицерона невоздержный язычекъ. Возникъ вопросъ въ сенатѣ—преслѣдовать ли этотъ скандалъ или нѣтъ. Катонъ сильно настаивалъ; другія знатныя лица уклонялись отъ рѣшенія. Цицеронъ и про себя говоритъ: «я со дня на день становлюсь все мягче.» Впрочемъ рѣшено—Клодія предать суду за оскорбленіе религіи, и судомъ онъ былъ оправданъ. Интересны подробности этого событія, характеризующія и характеръ общества, и современное поло-

женіе дѣлъ. Цицеронъ въ письмѣ къ Аттику говоритъ: «ты желаешь знать—почему оправданъ Клодій? Вслѣдствіе недостаточности судей и ихъ подлости». Охарактеризовавъ судей, какъ людей самихъ ненадежныхъ—обвиненный имѣлъ право отвода и потому онъ отводилъ кто ему не нравился—Цицеронъ говоритъ: что первый день они дѣйствовали честно и не безъ самохвальства описываетъ, что когда онъ, Цицеронъ (противъ Клодія) выступилъ свидѣтелемъ, то всѣ судьи встали, обступили его и высказали готовность жертвовать своею жизнью за спасеніе Цицерона отъ клевретовъ Клодія. Сами судьи просили себѣ охраны вооруженной: она имъ дана. Повидимому осужденіе Клодія было неминуемо. Въ два дни перемѣнилось все вслѣдствіе просьбъ, искательствъ, денежныхъ раздачь, ночныхъ визитовъ хорошенькихъ женщинъ и мальчиковъ; дѣло обдѣлалось такъ, что большинствомъ 6 голосовъ Клодій оправданъ. Цицеронъ тутъ выражается: 25 человѣкъ судей были такъ тверды, что несмотря на величайшую имъ угрожавшую опасность, предпочли сами погибнуть, чѣмъ все погубить, а 31 человѣкъ дѣйствовали больше подъ вліяніемъ голода, чѣмъ того, что о нихъ скажутъ (по латынѣ тутъ выходитъ отличный каламбуръ: (fames magis quam fama commoverit). Катуллъ сенаторъ, увидавъ одного изъ этихъ судей спросилъ: зачѣмъ же требовали вы у насъ стражи? Развѣ вы боялись, чтобы кто у васъ денегъ не отнялъ»?—Къ этому Цицеронъ присоединяетъ размышленіе, что такой неправедный судъ грозитъ разрушеніемъ общественному порядку. «Можно ли—говоритъ онъ—судьямъ отрицать дѣйствительность того, что не только людямъ, но и самимъ скотамъ извѣстно»? Приведемъ перебранку послѣ оправданія Клодія, происходившую между нимъ и Цицерономъ. Вотъ какъ ее разсказываетъ послѣдній: «всталъ красавчикъ, бросаетъ мнѣ упрекъ, что былъ я въ Баіяхъ».—Неправда, но что же изъ этого? Все равно какъ бы сказалъ, что ты былъ въ святилищѣ.—«Что-же общаго человѣку изъ Арпинъ съ теплыми

водами?—Разскажи, говорю, твоему покровителю, который возжелалъ Арпинатскихъ водъ, а тебѣ извѣстны и морскія. —«Доколѣ мы будемъ терпѣть этого царя»?—Называешь царемъ, говорю, между тѣмъ какъ царь о тебѣ не упоминалъ вовсе (а онъ наслѣдство царя уже пожиралъ въ мысляхъ)—«Ты—говоритъ—купилъ домъ».—А ты можешь сказать, что купилъ судей.—Да они тебѣ и подъ клятвою не повѣрили»!—Повѣрили 25 человѣкъ, а 31—взяли съ тебя раньше (приговора) деньги, и даже въ томъ тебѣ довѣрія не сдѣлали».—Просимъ читателя замѣтить, что разговоръ этотъ происходилъ въ засѣданіи сената, и тонъ нѣсколько даетъ понятіе о томъ, что иногда тамъ происходило.—Впрочемъ Цицеронъ сѣтуетъ, что процессъ Клодія имѣлъ вредныя послѣдствія вслѣдствіе двухъ декретовъ сенатскихъ, состоявшихся по требованію Катона и Домиція: по одному слѣдствіе должно было простираться и на самихъ консуловъ, а по другому—тѣ, кто дома держали у себя раздатчиковъ денегъ, должны быть судимы, какъ государственные преступники. Цицеронъ, по поводу этихъ декретовъ, сильно порицаетъ Катона, говоря что такъ поступать можно только въ Платоновой республикѣ, состоящей изъ однихъ философовъ, а не въ Римѣ, гдѣ тина населенія (faex Romuli). Откупщики государственныхъ доходовъ высказали прямо въ сенатѣ, что, увлеченные жадностью, они надавали слишкомъ много и просили уничтожить торги. Цицеронъ, сознаваясь Аттику, что дѣло это весьма грязное и возмутительное, взялъ на себя защиту несправедливыхъ притязаній откупщиковъ только для того, чтобы какъ нибудь поддержать согласіе, уже сильно надорванное и прежними двумя распоряженіями сената—между нимъ и всадническимъ сословіемъ, которое въ то время было третьимъ, посредствующимъ между сенатомъ и черныо; изъ него были всѣ откупщики (publicani) и судьи. Однако, несмотря на дѣйствія Цицерона противъ совѣсти, это согласіе было навсегда нарушено. Замѣчательно, какъ происходили въ Римѣ выборы,

и притомъ самые важные—консульскіе—вліяніемъ и деньгами, а больше всего послѣднимъ: «ждутъ—таковы слова Цицерона—теперь выборовъ, и тутъ, противъ общаго желанія, проводитъ намъ *Великій* (Magnus—Помпей) Авлова сына и дѣйствуетъ не столько вліяніемъ своимъ и расположеніемъ къ нему народа, сколько тѣмъ средствомъ, для котораго по словамъ царя Филиппа Македонскаго нѣтъ ни одного неприступнаго укрѣпленія, если только туда можетъ войдти оселъ съ грузомъ золота.» Общее впечатлѣніе дѣлъ того времени было таково, что Цицеронъ пишетъ къ Аттику въ 694 году: «относительно положенія общественныхъ дѣлъ не знаешь чего желать и чѣмъ помочь. Какъ бы я коротко ни изжилъ то, что сдѣлалось здѣсь послѣ твоего отъѣзда, но ты по неволѣ воскликнешь, что дѣлу Римскому стоять болѣе невозможно!» Интересна характеристика консула: «навязанъ намъ теперь такой консулъ, на котораго никто кромѣ насъ философовъ и взглянуть-то не можетъ не вздохнувъ.» Излагая далѣе мнѣніе Помпея, котораго называетъ пріятелемъ и Красса, о прочихъ выражается Цицеронъ такъ: «прочихъ ты знаешь, они до того глупы, что съ разрушеніемъ общественнаго порядка надѣются спасти свои рыбные садки.» Впрочемъ далѣе сдѣлано исключеніе для Катона, но все таки съ замѣчаніемъ, что онъ вредитъ своею излишнею строгостью, неумѣстною при общей испорченности. О значеніи Цицерона въ то время можно судить изъ того, что когда бросали жребій кому изъ бывшихъ консуловъ отправиться съ порученіемъ въ Галлію, то первый жребій достался Цицерону, но сенатъ единогласно положилъ, что ему необходимо оставаться въ городѣ. Тоже вслѣдъ за тѣмъ случилось и съ Помпеемъ, и Цицеронъ по этому случаю замѣчаетъ, что «мы оба оставлены, какъ залоги общественнаго порядка.» Предложенъ былъ поземельный законъ; но сенатъ встрѣтилъ его съ большимъ отвращеніемъ, подозрѣвая—такъ говоритъ Цицеронъ,—что Помпей ищетъ себѣ какой-то новой власти.» Цицеронъ ула-

дилъ все это: умы людей богатыхъ, собственниковъ, а въ нихъ то наша вся сила»—таково его выраженіе—успокоилъ покупкою этихъ земель для раздачи, чѣмъ угодилъ и Помпею, желавшему провести поземельный законъ, и черни, тѣмъ болѣе, что самая ея тина по этому случаю могла быть исчерпана, а пустынныя мѣста Италіи могли сдѣлаться люднѣе.» Въ это время значеніе Цицерона было самое блестящее, какъ видно изо всего вышеизложеннаго, но уже готовилось его паденіе. Помпей, въ высшей степени скрытный, лаская Цицерона, завидовалъ ему и старался сбросить его съ первенствующаго положенія. Видя сопротивленіе своимъ честолюбивымъ замысламъ, онъ бросился въ партію народную; во главѣ ея стоялъ Цезарь, только что возвратившійся изъ Испаніи, гдѣ былъ преторомъ. Тутъ то Помпей, Цезарь и Крассъ заключили между собою тѣсный союзъ, извѣстный подъ именемъ тріумвирата. Цицеронъ не попалъ въ него и уже потому самому долженъ былъ сдѣлаться его жертвою.

II.

695-й годъ отъ построенія Рима и 59 г. до Р. Хр. былъ годомъ консульства Цезаря, о которомъ Цицеронъ уже впослѣдствіе выражался, что во время его онъ Цезарь одинъ значилъ больше, чѣмъ весь общественный строй (plus valuit quam tota respublica). Товарищемъ Цезаря былъ М. Кальпурній Бибулъ. Дѣятельность Цезаря началась дѣйствіемъ, явно непріязненнымъ Цицерону: Клодій, о которомъ мы говорили выше—былъ его неумолимымъ врагомъ; ему Клодію, хотѣлось сдѣлаться трибуномъ народнымъ, чтобы въ этомъ достоинствѣ имѣть возможность отмстить Цицерону. Но для того, чтобы сдѣлаться трибуномъ, надобно было перечислиться изъ патриціевъ въ плебеи. Этого домогался и ранѣе Клодій безъ успѣха но, при содѣйствіи Цезаря, на этотъ разъ добился этого безъ труда.

Сначала Цицеронъ относился довольно равнодушно къ искательству Клодія, даже издѣвался надъ нимъ. Вотъ его слова: «онъ (Клодій) уже не скрываетъ своихъ замысловъ, а явно хочетъ быть трибуномъ. Когда объ этомъ толковали въ сенатѣ, сразилъ я человѣка и попрекалъ его непостоянствомъ за то, что онъ въ Римѣ домогается трибунства, а въ Сициліи хотѣлъ быть эдилемъ. Но нѣчего, прибавилъ я, намъ много опасаться, такъ какъ не допустимъ мы его и плебеемъ погубить общественное дѣло, какъ не допустили до того же въ мое консульство подобныхъ ему патриціевъ.» Доходило дѣло и до шутокъ. Клодій спросилъ у Цицерона (а надобно знать, что Клодій только что передъ тѣмъ пріѣхалъ изъ Сициліи и хвалился, что *очень скоро—на седьмой день*!) дозволялъ ли онъ въ Сициліи давать мѣсто гладіаторамъ? На это Цицеронъ отвѣчалъ, что нѣтъ. Клодій: а вотъ я ихъ первый покровитель, но сестра, имѣющая столько консулярнаго мѣста, даетъ мнѣ только одну ногу (футъ—*каламбуръ*). Цицеронъ: «сдѣлай одолженіе не жалуйся на счетъ одной ноги сестры, можешь и другую поднять.» Клодій: шутка недостойная бывшаго консула. Цицеронъ: сознаюсь, но я ненавижу твою сестру; женщина она безпокойная, и съ мужемъ воюетъ, да и притомъ не только съ Метелломъ, но и съ Фабіемъ за то только, что они мнѣ пріятели. Весьма интересно, до какой степени ослѣпленъ былъ Цицеронъ насчетъ своихъ истинныхъ отношеній къ Помпею. Аттикъ предупреждалъ Цицерона, что въ Помпеѣ слишкомъ мало искренности, но Цицеронъ считалъ его не только своимъ вѣрнѣйшимъ другомъ, но и былъ убѣжденъ, что доброе согласіе между ними необходимо для спокойствія общественнаго, и что онъ Цицеронъ имѣетъ на Помпея благодѣтельное вліяніе, *дѣлая его лучше* и отвлекая отъ излишней угодливости массамъ. Ослѣпленіе Цицерона простирается до того, что онъ предполагаетъ въ себѣ даже возможность вліянія на Цезаря: «что же если я и Цезаря, которому те-

перь дуютъ сильно благопріятные вѣтры, сдѣлаю лучше?» Хорошо выражается Цицеронъ о первыхъ людяхъ своего времени! «Наши первенствующія лица (principes) полагаютъ, что пальцемъ въ небо попали, если у нихъ въ садкахъ есть такія ручныя рыбы, которыя къ рукамъ подходятъ, а о прочемъ небрегутъ.» Въ другомъ письмѣ Цицеронъ пишетъ, что Цезарь расчитываетъ на его содѣйствіе для того, чтобы провести поземельный законъ. «Меня—слова Цицерона—посѣтилъ Корнелій Бальбъ, приближенный Цезаря. Онъ утверждалъ, что Цезарь во всѣхъ дѣлахъ будетъ пользоваться совѣтами моими и Помпея и позаботится, чтобы съ Помпеемъ сблизить и Красса.» Въ слѣдующемъ письмѣ Цицеронъ съ уныніемъ выражается о своемъ времени, что теперь то именно и не вѣрна жизнь каждаго лучшаго. Отъ Цицерона хотѣли тріумвиры отдѣлаться подъ какимъ нибудь благовиднымъ предлогомъ, и давали ему порученіе въ Египетъ. Вотъ что по этому поводу пишетъ Цицеронъ къ своему пріятелю Аттику: «душевно желаю видѣть Александрію и остальной Египетъ, уйдти отъ этого пресыщенія нами этихъ людей и вернувшись найдти нѣкоторые признаки сожалѣнія; но въ это время и при такихъ отправителяхъ: стыжусь Троянъ и Троянокъ» (стихъ Гомера). Что скажутъ наши лучшіе люди, если только такіе остались? Приманкою награды заставили меня перемѣнить мнѣніе,... Одинъ Катонъ мнѣ дороже шести сотъ тысячъ! А что исторія скажетъ обо мнѣ черезъ шестьсотъ лѣтъ? А мнѣніе потомства для меня гораздо дороже всѣхъ толковъ людей, теперь живущихъ. Впрочемъ когда и дадутъ, то и тогда еще будетъ время подумать, да и не принять будетъ не безъ славы; а потому если съ тобою будутъ говорить, то ты за меня рѣшительно не отказывайся.» Въ это время Цицеронъ жилъ въ деревнѣ, удалясь отъ дѣлъ или правильнѣе удаленный отъ дѣлъ, до которыхъ его не допускали люди болѣе сильные. Интересны слова Цицерона: «предпочитаю плыть дурно, лишь

бы другой управлялъ судномъ, чѣмъ быть кормчимъ для такихъ неблагодарныхъ пассажировъ.» Въ другомъ мѣстѣ Цицеронъ пишетъ: «и до того утратилъ я всякую энергію среди затишья, въ которомъ мы теперь коснѣемъ, что предпочитаю лучше попасть подъ власть тиранна, чѣмъ бороться съ нимъ, хотя бы и при самыхъ вѣрныхъ надеждахъ.» Цезарь, чтобы задобрить простой народъ, предложилъ Кампанское поле раздѣлить между бѣднѣйшими изъ гражданъ. По поводу этого предложеннаго закона, Цицеронъ пишетъ Аттику, что зло еще не такъ велико, какъ онъ думалъ, что онъ ожидалъ большаго, что Кампанскаго поля, если его раздѣлить по 10 десятинъ на человѣка, достанетъ не болѣе какъ на пять тысячъ человѣкъ, а все прочее многолюдство черни вслѣдствіе этого самого необходимо отвернется отъ нихъ (тріумвировъ). Далѣе Цицеронъ говоритъ: «съ отмѣною таможенныхъ пошлинъ, съ раздѣленіемъ Кампанскаго поля, какіе же у насъ останутся внутренные общественные сборы, кромѣ двадцатой, да и та нѣтъ сомнѣнія сдѣлается жертвою первой рѣчи къ народу при крикахъ прихлебателей нашихъ.» Помпей говоритъ у Цицерона гражданамъ: «я буду васъ держать подавленными войскомъ Цезаря» и при этомъ Цицеронъ дѣлаетъ такое разсужденіе: «и не столько этимъ войскомъ ты, Помпей, будешь держать насъ въ порабощеніи, сколько вслѣдствіе неблагодарности людей, именуемыхъ благонамѣренными, которые не только мнѣ не принесли никакой награды, но даже и на словахъ выразить признательность считали для себя унизительнымъ». Весьма любопытно слѣдующее письмо: «Сампсицерамъ (Помпей) смущенъ. Все внушаетъ опасенія. Обдуманно готовитъ онъ тираннію. Что же иное значатъ: тѣсный родственный союзъ (Помпей женился на дочери Цезаря), раздѣлъ Кампанскаго поля, расточеніе денегъ? Будь это верхъ зла, то и въ такомъ случаѣ его было бы слишкомъ много; но таково свойство дѣла, что этимъ кончиться не мо-

жетъ. Все это чѣмъ особенно можетъ доставлять удовольствіе имъ (тріумвирамъ)? Никогда не дошли бы они до этого, еслибы не готовили себѣ путь къ тому, что еще гибельнѣе. «Далѣе Цицеронъ утѣшаетъ себя тѣмъ: его главною заботою было, какъ бы услуги Помпея отечеству въ глазахъ потомства черезъ шесть сотъ лѣтъ не показались больше его (Цицерона). Но теперь онъ Цицеронъ можетъ быть совершенно спокоенъ: Помпей уронилъ себя окончательно. Въ слѣдующемъ за этомъ письмѣ читаемъ: «попались мы кругомъ; теперь не отказываемся и рабствовать, но какъ самаго большаго опасаемся уже смерти и ссылки, а и они, по моему мнѣнію, легче всего этого. Цѣль нашихъ властителей не оставить кому-либо возможность какой-либо щедрости (т. е. раздать все самимъ). Одинъ только говоритъ и явно противится—юноша Куріонъ (тотъ самый, который, будучи трибуномъ народнымъ, впослѣдствіи въ рѣшительную для Цезаря минуту принялъ его сторону) его встрѣчаютъ громкими рукоплесканіями, осыпаютъ всѣми знаками расположенія всѣ благонамѣренные граждане, а имъ и осталось только поговорить; доблесть же ихъ связана по рукамъ и ногамъ. Да, короче сказать, нѣтъ надежды никакой, чтобы не только частныя лица были когда-либо свободны, но даже и должностныя. Цезарь меня приглашаетъ весьма ласково съ собою легатомъ; это довольно обезопасило бы меня отъ Красавчика (Клодія), да и представилобы возможность явиться опять когда бы ни захотѣлъ... Впрочемъ не думаю воспользоваться предложеніемъ Цезаря. Не хочу бѣжать, желаю вести борьбу». Далѣе въ слѣдующемъ письмѣ къ Аттику (кн. 2, пис. 19-е) Цицеронъ такъ говоритъ о современномъ положеніи дѣлъ: «знай, что еще никогда и ничто не было такъ позорно, такъ гнусно, такъ оскорбительно для всѣхъ сословій, родовъ и возрастовъ какъ теперешнее положеніе дѣлъ, болѣе, по истинѣ, чѣмъ бы я хотѣлъ и во всякомъ случаѣ чѣмъ я ожидалъ. Эти *народники* (populares) выучили

уже и воздержныхъ людей шикать. Бибулъ просто на небесахъ, а за что про что не вѣдаю, но осыпаютъ его похвалами такъ, какъ будто бы онъ одинъ медлительностью поправилъ наши дѣла. Помпей, моя страсть, къ величайшему моему горю, провалился совершенно. Мнѣніе народа всего лучше обнаруживается въ театрѣ и во время зрѣлищъ... Когда давали Аполлинарскія игры, Дифиллъ, трагическій актеръ, такъ рѣзко отнесся къ Помпею: «нашею бѣдою ты сталъ великъ!» Тысячу разъ заставили его повторить. «Эту твою доблесть, прійдетъ время какъ тяжко ты будешь оплакивать!» — сказалъ при крикахъ всего народа и пр. Когда вошелъ (въ театръ) Цезарь — глухія рукоплесканія; за нимъ слѣдовалъ молодой Куріонъ. Ему рукоплескали такъ, какъ въ лучшія времена общественнаго дѣла Помпею. Цезарь обидѣлся; говорили, что полетѣли письма къ Помпею въ Капую. Враждебны были они (тріумвиры) всадникамъ— тѣ стоя рукоплескали Куріону, а недругами всѣмъ». Въ этомъ же письмѣ Цицеронъ говоритъ: «Цезарь желаетъ, чтобы я былъ у него легатомъ; почетный предлогъ уклониться отъ опасности, но я отказываюсь и предпочитаю лучше борьбу». До какой степени Цицеронъ ошибался въ Помпеѣ, видно изъ 20-го письма къ Аттику: «Клодій мнѣ грозитъ опасностью. Помпей меня любитъ и считаетъ себѣ дорогимъ. Вѣришь?—ты меня спросишь. Вѣрю, вполнѣ убѣжденъ. Помпей утверждаетъ, что опасности нѣтъ, клянется, даже говоритъ, что прежде онъ, Помпей, будетъ имъ, Клодіемъ, убитъ, чѣмъ допуститъ какое-либо насиліе въ отношеніи къ нему, Цицерону. Объ общественныхъ дѣлахъ напишу тебѣ вкратцѣ: боюсь, какъ бы самая бумага насъ не выдала. Какой-то новый недугъ овладѣлъ обществомъ; между тѣмъ какъ все то, что сдѣлалось, не одобряютъ, жалуются, скорбятъ, разнообразія въ дѣлѣ нѣтъ никакого, явно говорятъ и уже громко стонутъ, а леченія никакого нѣтъ. Явно идти противъ—невозможно безъ рѣзни, да и не видимъ, чѣмъ

могутъ кончиться эти уступки, кромѣ совершенной гибели. Бибулъ удивленіемъ и благосклонностью людей въ небесахъ. Его эдикты (объявленія) и рѣчи переписываютъ и читаютъ. Высшую славу пріобрѣлъ онъ новымъ образомъ дѣйствія и ничто теперь такъ не популярно, какъ ненависть къ тѣмъ, которыя гоняются за популярностью. Боюсь и подумать, чѣмъ все это можетъ кончиться». Въ 21-мъ письмѣ книги 2-й къ Аттику, Цицеронъ еще точнѣе описываетъ положеніе общественныхъ дѣлъ въ то время: а что о немъ много толковать? Оно погибло окончательно и положеніе тѣмъ прискорбнѣе, что во время твоего отъѣзда казалось, что господство это (тріумвировъ), пріятное черни, людямъ благонамѣреннымъ тяжело, но не гибельно. Теперь же все это до того всѣмъ ненавистно, что въ ужасъ прихожу, какой только можетъ имѣть исходъ. Тотъ пріятель нашъ (Помпей), не привыкшій къ позору, всегда вращавшійся въ похвалахъ, покрытый славою, теперь какъ то и тѣломъ поникъ и духомъ упалъ, куда броситься—не знаетъ: идти дальше опасно, вернуться назадъ—невѣрно: въ людяхъ благонамѣренныхъ видитъ враговъ, да и въ неблагонамѣренныхъ не видитъ искреннихъ друзей. Подивись мягкости характера! Я отъ слезъ не могъ удержаться, видя, какъ Помпей говорилъ къ народу объ эдиктахъ Бибула. Привыкнувъ прежде величаво держать себя на этомъ мѣстѣ, при сильной къ нему любви народа, при общемъ расположеніи, до чего онъ держалъ себя униженно, смиренно, такъ что онъ самъ себѣ не могъ понравиться, а не только присутствовавшимъ. Зрѣлище одному Крассу пріятное, а другимъ не совсѣмъ... Эдикты Бибула, направленные противъ Помпея, народу до того пріятны, что къ мѣсту, гдѣ они выставлены, невозможно пробраться отъ огромной толпы читающихъ, а самому Помпею до того прискорбны, что чахнетъ съ досады; мнѣ самому они непріятны, такъ какъ они мучатъ того, кого я всегда любилъ, да и человѣкъ такой горячій, непривыкшій къ оскорбле-

ніемъ, умѣющій владѣть мечемъ, какъ бы въ порывѣ досады и раздраженія не былъ вызванъ на что-либо рѣшительное. Какова будетъ участь Бибула не знаю, а какъ теперь дѣла, онъ покрылъ себя удивительною славою. Когда онъ выборы отложилъ до октября—подобное дѣло обыкновенно не нравится народу—Цезарь полагалъ, что рѣчью своею можетъ побудить гражданъ идти къ Бибулу. Многое высказалъ онъ въ самомъ возмутительномъ духѣ, но не могъ исторгнуть у гражданъ никакого голоса сочувствія. Что же еще вникать? Понимаютъ они—тріумвиры—что никто добровольно не держится ихъ стороны, и потому то надобно опасаться насилія». По поводу Клодія Цицеронъ пишетъ къ Аттику: «Какъ бы я хотѣлъ, чтобы ты былъ въ Римѣ! Конечно ты остался бы, еслибы можно было предвидѣть то, что случилось; *Красавчика* нашего безъ труда мы имѣли бы въ рукахъ, или, по крайней мѣрѣ, могли бы знать, какъ онъ будетъ дѣйствовать. А теперь дѣло такъ: мечется, неистовствуетъ, не знаетъ что дѣлать. Многимъ бросаетъ вызовъ, а дѣйствовать станетъ повидимому какъ укажетъ случай. Видя, какъ ненавистенъ этотъ теперешній порядокъ вещей, повидимому хочетъ напасть на его виновниковъ, а, соображая ихъ средства и силы, обращается на насъ». Въ это время случился интересный скандалъ; пусть его разскажетъ Цицеронъ: «Веттій тотъ самый, что и у меня былъ доносителемъ (о замыслахъ Катилины), какъ подозрѣваемъ, обѣщалъ Цезарю—взвесть какое-нибудь подозрѣніе на молодаго Куріона. Вкравшись въ пріязнь юноши, онъ ему признался, что хочетъ будто бы съ своими рабами напасть на Помпея и убить его. Куріонъ высказалъ отцу, а тотъ сенату. Введенъ Веттій, сначала онъ отказывался ото всего, а потомъ изложилъ, будто бы составилась толпа молодежи подъ предводительствомъ Куріона; въ ней сначала были Павллъ и К. Цепіо, потомъ Брутъ и Лентуллъ, сынъ фламина, съ вѣдома отца. Потомъ К. Септимій, письмоводитель Бибула,

принесъ будто бы ему отъ Бибула кинжалъ. И смѣялись только этому! У Веттія не нашлось бы кинжала, если бы не далъ консулъ! и тѣмъ болѣе это было невѣроятно, что еще въ маѣ Бибулъ предупредилъ Помпея, чтобы онъ берегся злыхъ умысловъ, и Помпей благодарилъ его за это... Составилось сенатское опредѣленіе: Веттія, какъ сознавшагося, что былъ съ оружіемъ, заключить въ тюрьму, а кто его подкупилъ, тотъ — государственный преступникъ.... Сенатское опредѣленіе прочитано въ народномъ собраніи; а на другой день Цезарь—тотъ самый, который, будучи преторомъ, приказалъ К. Катуллу говорить съ мѣста болѣе низкаго, вывелъ Веттія на Ростры и поставилъ его тамъ, куда и въ мысляхъ консулу Бибулу нельзя было залетѣть. Отсюда тотъ, что хотѣлъ, то и говорилъ объ общественномъ дѣлѣ, но только въ этой исторіи имена нѣкоторыхъ дѣйствующихъ лицъ измѣнилъ, однихъ убавилъ, а другихъ прибавилъ. Меня не именовалъ, но сказалъ, что краснорѣчивый бывшій консулъ, сосѣдъ консула, говорилъ ему, что необходимо содѣйствіе Брута какого ниб. или Сервилія Агалы»..... Дѣло это кончилось ничѣмъ: Веттій умеръ въ темницѣ, отравленный, какъ полагаютъ Цезаремъ, виновникомъ всей этой неудавшейся продѣлки.

III.

П. Клодій, при содѣйствіи Цезаря, сдѣлался трибуномъ народнымъ и всю дѣятельность свою направилъ къ тому, чтобы повредить Цицерону. Дѣйствовалъ ли онъ такъ изъ одной личной мести или, удовлетворяя ей, и дѣлалъ угодное нѣкоторымъ сильнымъ лицамъ, желавшимъ унизить Цицерона—не будемъ вникать здѣсь въ подробности, хотя послѣднее вѣроятнѣе. Клодій задобрилъ чернь двумя мѣрами: даровою раздачею хлѣба, которую онъ первый ввелъ, и составленіемъ новыхъ избирательныхъ коллегій изъ самой тины

народной. За тѣмъ онъ издалъ законъ противъ тѣхъ, которые безъ суда народнаго казнили бы гражданина Римскаго. Хотя въ немъ никто поименованъ не былъ, но законъ направленъ былъ явно противъ Цицерона, который, въ бытность свою консуломъ, хотя и по декрету сената, но безъ утвержденія народа, противузаконно велѣлъ предать смерти сообщниковъ Катилины. Видя это, Цицеронъ одѣлся въ траурное платье и съ нимъ, какъ бы при общественномъ бѣдствіи, до 20,000 гражданъ; но будучи оставленъ безъ помощи и Помпеемъ, и Цезаремъ и Крассомъ, Цицеронъ уѣхалъ изъ Рима въ консульство Габинія и Пизона (въ 696 г.) Домъ его немедленно сожженъ Клодіемъ, а пустое мѣсто посвѣщено свободѣ; имущество описано, помѣстья преданы разграбленію; проведенъ законъ о его изгнаніи; запрещено ему давать огонь и воду, и никто не долженъ былъ пускать его подъ свою кровлю ближе 400 миль отъ Рима. Цицеронъ удалился въ Ѳессалонику, гдѣ и оставался до такой перемѣны обстоятельствъ, которая позволила ему возвратиться въ Римъ. Цицеронъ самъ не разъ говоритъ въ письмахъ къ Аттику относящихся къ этому трудному періоду его жизни, что его погубили не враги, а завистники. Двадцать два мѣсяца прошло отъ времени удаленія Цицерона въ ссылку до его возвращенія. Цезарь все это время находился въ Галліи, куда пригласилъ легатомъ, брата Цицеронова, Квинта, о которомъ съ похвалою отзывается Цезарь въ своихъ *запискахъ*. Съ того времени между Цезаремъ и Цицерономъ завязались дружественныя отношенія. Въ письмѣ къ Аттику (въ 700 году) Цицеронъ говоритъ: «полюбуйся на мое пріятнѣйшее сближеніе съ Цезаремъ (при крушеніи всего, это для меня—единственная доска спасенія). Нашего Квинта держитъ онъ въ такихъ достоинствѣ, чести, милости, не иначе, какъ еслибы тотъ самъ былъ бы главнымъ вождемъ!» Въ письмѣ къ брату Квинту въ томъ же году Цицеронъ отзывается о Цезарѣ съ величайшею похвалою. Между прочимъ пишетъ, что получилъ письмо Це-

заря, полное ласки, внимательности, готовности служить. «Доволенъ я такою ко мнѣ любовью Цезаря и предпочитаю ее всѣмъ почестямъ, какихъ онъ велитъ мнѣ отъ себя надѣяться... Письмо его (Цезаря) ты не повѣришь, какъ меня утѣшило во всѣхъ отношеніяхъ.» Цицеронъ имѣлъ маленькую слабость заниматься поэзіею и сочинилъ какое-то стихотвореніе въ честь Цезаря, которое, какъ писалъ Квинтъ, тотъ похвалилъ; по этому поводу Цицеронъ выражается; «долго я проспалъ въ отданіи должной почести этому человѣку (Цезарю), хотя ты часто меня подстрекалъ; теперь поспѣшу нагнать упущенное время какъ на коняхъ, такъ (намекаетъ на поэму) на поэтической колесницѣ. Дайте мнѣ только Британнію, и я ее нарисую твоими красками, а моею кистью». Въ другомъ письмѣ къ Квинту (3.1) Цицеронъ такъ говоритъ брату: «пишешь о величайшей любви къ намъ Цезаря. И ты ему угождай, и я, чѣмъ только буду въ состояніи, стану содѣйствовать его возвышенію... Безсмертную радость причинило мнѣ то, что ты пишешь, что меня Цезарь со дня на день любитъ все больше и больше, а Бальба, главнаго виновника этого, я берегу какъ зѣницу ока.» Какое сильное вліяніе имѣлъ Цезарь заочно на дѣла въ Римѣ, видно изъ того, что и въ Галліи онъ раздавалъ мѣста; такъ Цицеронъ просилъ трибунства для Курція, и Цезарь ему отвѣтилъ, что трибунство готово Курцію и еще упрекнулъ, что онъ несмѣло его проситъ. Изъ этого же письма Цицерона видимъ, что Цезарю присылали самый обстоятельный, до крайне мелочныхъ подробностей, отчетъ о томъ, что происходило въ Римѣ. При такомъ сближеніи съ Цезаремъ отношенія къ Помпею Цицерона были самыя натянутыя: «Помпей—такъ пишетъ Цицеронъ—очень усиливается быть со мною по прежнему, въ дружбѣ, но неуспѣваетъ, и, если только буду пользоваться какою либо долею свободы, никогда и неуспѣетъ. О походѣ Цезаря въ Британію, Цицеронъ пишетъ въ этомъ письмѣ: «о Британскихъ дѣлахъ вижу изъ твоихъ пи-

и раздастся голосъ разбойника и святотатца Ватинія, который требуетъ такой же уступки для себя, какъ и для Цезаря?» Для характеристики Цезаря считаемъ необходимымъ привесть нѣкоторыя мѣста изъ рѣчи Цицерона въ защиту Рабирія Постума, относящіяся къ 700 году, тому самому, когда писаны вышеприведенныя письма Цицерона къ его брату Квинту, въ то время легату Цезаря:

«Если хотите знать правду, судьи, не будь въ высшей степени великая щедрость Цезаря ко всѣмъ, и невѣроятная къ нему (Рабирію Постуму), то мы уже давно не видѣли бы Постумія на форумѣ среди насъ. Цезарь бремя многихъ его (Цезаря) друзей принялъ одинъ и то, что многіе люди, близкіе къ Постумію, во время удачныхъ его дѣлъ поддерживали, распредѣливъ между собою, теперь Цезарь въ его несчастіи все взялъ на себя одинъ. Судьи, вы видите передъ собою только тѣнь и подобіе всадника Римскаго, да и то сохранены они лишь вѣрностью и помощью единственнаго друга. Теперь исторгнуть у Постума невозможно ничего, кромѣ одной тѣни прежняго достоинства, да и ту одинъ Цезарь защищаетъ и поддерживаетъ; а все таки это достоинство, и при самомъ бѣдственномъ положеніи Постума, нужно приписать ему въ высшей степени. Ужь конечно не мало надобно имѣть достоинствъ, чтобы такой человѣкъ, какъ Цезарь, до такой степени дорожилъ имъ, несмотря на его несчастіе и разлуку съ нимъ, и при такомъ собственномъ высокомъ положеніи, что великая для него заслуга—не оставлять участіемъ другихъ, при занятіяхъ важнѣйшими дѣлами, которыя онъ частью совершилъ, частью совершаетъ. Если бы онъ и забылъ о другихъ, то и это не было удивительнымъ, или если бы и припомнилъ, что забылъ, то и это весьма легко было бы оправдать. Многія конечно, великія и невѣроятныя, доблести К. Цезаря я зналъ; но иныя, какъ бы совершались на обширныхъ театрахъ и почти всѣмъ извѣстны: выбирать мѣсто для лагеря, устроивать войско въ боевомъ порядкѣ, брать приступомъ города,

обращать въ бѣгство полки непріятельскіе; силу зимнихъ холодовъ, которую мы здѣсь переносимъ съ трудомъ въ зданіяхъ города—переносить; въ эти самые дни стужи, преслѣдовать непріятеля тогда, когда даже хищные звѣри прячутся въ берлогахъ, и по народному праву затихаютъ всѣ военныя дѣйствія. Все это велико, кто смѣетъ отрицать, но и вызвано оно великими наградами—вѣчною памятью людей. И нѣчего удивляться, если такіе подвиги совершаетъ тотъ, кто возжелалъ безсмертія. Но то—дивная похвала, которая прославлена не стихами поэтовъ, не страницами лѣтописей, а живетъ въ сужденіи людей добрыхъ и умныхъ: всадника Римскаго, стариннаго своего пріятеля, дорожившаго его любовью и расположеніемъ, разстроившаго свои дѣла не дурными страстями, не расходами на предметы излишества и разврата, но въ попыткахъ увеличить завѣщанное отцомъ состояніе, поддержалъ, не далъ ему пасть, помогъ дѣломъ, состояніемъ, вѣрностью и теперь поддерживаетъ, не даетъ погибнуть другу въ крайности, и не ослѣпленъ умъ его блескомъ его имени, и возвышенность положенія и славы нисколько не измѣнили чувствъ его сердца. Пусть конечно славны будутъ тѣ дѣла, которыя и сами по себѣ велики; о сужденіи моемъ пусть каждый думаетъ что хочетъ, но я эту, при такомъ всемогуществѣ и счастіи, щедрость къ своимъ, вѣрность въ дружбѣ, ставлю выше всѣхъ прочихъ добродѣтелей. А вы, судьи, такую доброту, необыкновенную въ людяхъ знатныхъ и могущественныхъ, должны не только не пренебрегать и оставлять ни причемъ, но уважать и поддержать и тѣмъ болѣе, что вы видите, что эти дни выбраны какъ бы съ умысломъ для униженія его достоинства; а у него Цезаря ничего нельзя отнять, чего бы онъ не перенесъ съ твердостью, или не поправилъ бы легко. Если же онъ услышитъ, что у его друга отняли честь, и сильно огорчится, да и утратитъ то, что возстановить онъ не можетъ надѣяться.»

IV.

Союзъ тріумвировъ сталъ распадаться. Въ 700 году умерла жена Помпея, дочь Цезаря, которую историкъ Веллей называетъ (2, 47,) залогомъ ихъ взаимнаго согласія. Помпей женился на дочери Сципіона, отъявленнаго аристократа, но способности котораго далеко не соотвѣтствовали блестящему, имъ носимому, имени. Въ слѣдующемъ, 701-мъ, году одинъ изъ тріумвировъ Крассъ, отправясь на войну съ Парѳами, во время ея, вслѣдствіе измѣны Абгара, окруженъ Парѳами, разбитъ на голову и лишился жизни. Помпей, въ третье свое консульство (въ 702 году), провелъ нѣсколько мѣръ или косвенно направленныхъ противъ Цезаря, или ему непріятныхъ; такъ закономъ постановлено—допустить изслѣдованіе политическихъ преступленій лѣтъ за 20 назадъ, къ какому времени относилось и консульство Цезаря. Габиній, Меммій, пользовавшіеся расположеніемъ Цезаря, были отправлены въ ссылку. Многіе изъ недовольныхъ дѣйствіями Помпея и Сената отправлялись къ Цезарю, и около него образовалась значительная толпа недовольныхъ современнымъ порядкомъ вещей. Такъ какъ въ 699 году Цезарю продолжена проконсульская власть еще на 5 лѣтъ, то онъ, домогаясь быть консуломъ, просилъ, чтобы ему дозволено было искать этой должности заочно, что ему и разрѣшено сенатомъ и народомъ въ 702 году. Между тѣмъ Цезарь, приведя почти къ концу Галльскую войну, не только не уменьшалъ военныхъ приготовленій, но ихъ усиливалъ: на свой собственный счетъ сформировалъ онъ нѣсколько новыхъ легіоновъ и имѣлъ ихъ всѣхъ 12; воинамъ удвоилъ онъ жалованье, и изъ Галліи готовилъ себѣ мало-по-малу господство въ Римѣ. Напряженное настроеніе умовъ двухъ соперниковъ, для которыхъ современный имъ міръ былъ тѣсенъ, Помпея и Цезаря, увеличивалось все болѣе и болѣе, и борьба между ни-

ми становилась неизбѣжна; начало ея относится къ 703 и 704 годамъ. Въ 703 году Цицеронъ отправился проконсуломъ съ войскомъ въ Киликію, гдѣ совершилъ нѣсколько, впрочемъ весьма сомнительныхъ, военныхъ подвиговъ въ войнѣ противъ свободныхъ Киликовъ, которыхъ главный городъ Пиндениссъ взялъ приступомъ, за что отъ воиновъ получилъ титулъ *императора*, въ то время бывшій столь обыкновеннымъ, что не было ни одного вождя арміи, который бы его не получалъ не столько за дѣйствительные подвиги, сколько вслѣдствіе угодливости воиновъ. Въ 704 году вернулся Цицеронъ въ Римъ къ самому началу борьбы между двумя соперниками, изъ которыхъ оба были ему почти равно дружны и дороги. Цицерону обѣщался описывать всѣ городскія событія и новости, М. Целій, назначенный къ нему, Цицерону, квесторомъ, человѣкъ весьма даровитый, какъ видно изъ его писемъ, но безпокойный и окончившій свою дѣятельность весьма печально (см. Цезаря, зап. о войнѣ гражданъ, кн. 3, главы 20—23). Вотъ что между прочимъ пишетъ Целій къ Цицерону вскорѣ послѣ его отъѣзда въ 703 году: «напиши мнѣ пожалуста, какъ ты нашелъ Помпея, какъ онъ тебѣ показался и что за рѣчи говорилъ съ тобою, какія высказалъ намѣренія (конечно, ему въ привычку—думать одно, а говорить другое, но не настолько онъ силенъ умомъ, чтобы не дать понять своихъ истинныхъ мыслей). Относительно Цезаря частые о немъ и нехорошіе слухи, но тѣ, которые приходятъ, только шепчутъ о томъ: одни, что онъ потерялъ конницу и, какъ мнѣ кажется это навѣрное, другіе—что онъ потерялъ седьмой легіонъ, а самъ осажденъ у Белловаковъ, отрѣзанный отъ прочаго войска. Достовѣрнаго покамѣстъ ничего, да и эти сбивчивые слухи повторяются тайкомъ немногими, а кѣмъ, ты знаешь. О если бы посмотрѣлъ, какъ Домицій, разсказывая, приставляетъ обѣ руки ко рту?» Весьма интересны слѣдующія подробности изъ письма Целія: «Сервій, назначенный было въ

трибуны народные, осужденъ; его мѣста ищетъ К. Куріонъ. Многимъ, хорошо незнающимъ его и его переходчивостъ, внушаетъ большія опасенія, но какъ надѣюсь, и хочу, и какъ самъ онъ высказываетъ, предпочитаетъ онъ дѣло людей благонамѣренныхъ и сената. Поводъ и побужденіе его искать этой дѣятельности въ томъ, что Цезарь, который не отступаетъ ни передъ какими издержками, чтобы задобрить себѣ умы людей низшаго класса, имъ сильно пренебрегаетъ. И, какъ мнѣ кажется, лучше этого обстоятельства и быть не могло. Это и прочими замѣчено до такой степени, что Куріонъ, никогда не дѣйствуя обдуманно, хитро и умно избѣгъ коварныхъ замысловъ тѣхъ, которые шли противъ его трибунства—Лолліевъ и Антоніевъ, и людей въ этомъ родѣ.» Какова была и въ чью пользу дѣятельность Куріона, трибуномъ народнымъ увидимъ дальше. Весьма любопытно мнѣніе о Помпеѣ, какое высказалъ Цицеронъ Целію въ отвѣтъ на первое его письмо: «Конечно тебѣ невозможно вникнуть въ истинное положеніе дѣлъ такъ, какъ кому-либо изъ насъ, въ особенности мнѣ, съ которымъ онъ, Помпей, проводилъ цѣлые дни въ разговорахъ о положеніи общественныхъ дѣлъ, а ихъ нельзя изложить на письмѣ, да и не слѣдуетъ. Знай только, что Помпей—превосходный гражданинъ, и что онъ и въ мысляхъ, и въ намѣреніяхъ, готовъ на все, что нужно для сохраненія общественнаго порядка. А потому отдайся этому человѣку; онъ за тебя ухватится, повѣрь мнѣ. Вѣрно то, что ему благонамѣренными и неблагонамѣренными гражданами кажутся тѣ, которыхъ и мы привыкли считать за такихъ».—Въ другомъ письмѣ Целій пишетъ къ Цицерону: «Помпей твой открыто запрещаетъ Цезарю, и провинцію сохранить съ войскомъ и быть консуломъ. Впрочемъ онъ, Помпей, высказалъ, что теперь еще время сенатскому на этотъ предметъ опредѣленію. Сципіонъ сказалъ, что докладъ (о Галльскихъ провинціяхъ) будетъ въ Мартѣ и только объ этомъ предметѣ. Такое рѣшеніе опечалило Бальба Корнелія

и мнѣ извѣстно, что онъ горячо поспорилъ съ Сципіономъ». Въ письмѣ къ Аттику около того же времени Цицеронъ высказывается о Помпеѣ такъ: «оставилъ я его гражданиномъ превосходнымъ и къ отраженію того, что составляетъ предметъ общихъ опасеній, вполнѣ готовымъ». Въ другомъ письмѣ читаемъ: «пиши же мнѣ пожалуста о томъ домашнемъ обстоятельствѣ, весьма щекотливомъ, которое тебѣ не безъизвѣстно, потомъ о Цезарѣ, расположенія котораго я сталъ искать по твоему совѣту, о чемъ и не жалѣю». Еще: «пріятно слышать о Цезарѣ и то, что опредѣлилъ сенатъ и каковы твои надежды. Если только Цезарь въ этомъ уступитъ, то мы спасены. Интересны подробности, предшествовавшія и сопровождавшія это опредѣленіе сената. Вотъ что разсказываетъ Целій: «Замѣчено въ Помпеѣ—и это успокоило многихъ—что онъ, Помпей, высказался: ранѣе Мартовскихъ календъ невозможно дѣлать какое-либо постановленіе о провинціяхъ Цезаря, не оскорбивъ его, а что послѣ Мартовскихъ календъ онъ, Помпей, не задумается ни сколько. Когда его спросили, если въ то время кто-либо (изъ трибуновъ народныхъ) этому воспротивится, то онъ, Помпей, отвѣтилъ: не все ли равно—если Цезарь не послушаетъ опредѣленія сената, или приготовитъ кого-либо ему воспротивиться.—Что-же, спросилъ тутъ кто-то, если Цезарь захочетъ и быть консуломъ и держать при себѣ войско? А Помпей: какъ милостиво! «А что если сынъ мой захочетъ мнѣ влѣпить палку?» Изъ этихъ словъ заключили, что между Помпеемъ и Цезаремъ ведутся переговоры. Теперь, какъ мнѣ кажется, Цезарь рѣшается на одно изъ двухъ: или остаться (въ Галліи) и на этотъ годъ отказаться отъ кандидатуры въ консулы или оставить (и Галлію и войска), если только будетъ назначенъ. Куріонъ всецѣло готовится противъ Цезаря; не понимаю, въ чемъ онъ можетъ успѣть, но вижу только, что, при его здравомъ образѣ мыслей, хотя бы онъ и ничего сдѣлать не могъ, пасть не можетъ». Въ дру-

гомъ письмѣ послѣднемъ отъ 703 году, Целій пишетъ Цицерону: «я вижу, что Куріонъ хлопочетъ о двухъ предметахъ: у Цезаря что ниб. отнять, а Помпею что ниб. прибавить, какой бы ни было малозначительный подарокъ ... Такъ онъ теперь взялся за раздачу земель на Кампанскомъ полѣ. Говорятъ, Цезарь о немъ и не думаетъ, а Помпей сильно безпокоится, какъ бы въ немъ не оставить Цезарю пищу щедрости къ его прибытію.»

Къ началу 704 года относится письмо Целія къ Цицерону, въ которомъ онъ пишетъ о Куріонѣ: «а что я тебѣ писалъ о Куріонѣ, что онъ очень охладѣлъ, ужь теперь опять горитъ. Вѣдь онъ мгновенно воспламеняется. Съ величайшею вѣтренностью, не успѣвъ относительно вставочнаго времени (intercalando, отсрочки) перебѣжалъ къ народу и сталъ говорить за Цезаря; хвалится, что пуститъ въ ходъ законъ о дорогахъ, имѣющій сходство съ поземельнымъ Рулла и продовольственный, по которому эдили должны размѣрять хлѣбъ». Но всего яснѣе современный вопросъ выясненъ Целіемъ въ слѣдующемъ письмѣ къ Цицерону: «относительно общественныхъ дѣлъ весь споръ сосредоточился на вопросѣ о провинціяхъ. Помпей съ Сенатомъ настаиваютъ по прежнему, чтобы Цезарь оставилъ свои провинціи прежде Ноябрскихъ нонъ, а Куріонъ рѣшился скорѣе всему подвергнуться, чѣмъ это допустить. Отъ остальныхъ своихъ проектовъ онъ отказался. А наши прочіе—ты ихъ хорошо знаешь—не дерзаютъ борьбу довести до крайности. Дѣло все въ такомъ видѣ: Помпей, будто бы не имѣя никакой личности съ Цезаремъ, дѣлаетъ видъ, что домогается того, что считаетъ и для него, Цезаря, справедливымъ, а Куріона винитъ, будто онъ старается вызвать на ссору. Въ сущности же Помпей сильно не желаетъ и очень боится, какъ бы Цезаря не назначили консуломъ прежде, чѣмъ тотъ передастъ провинціи и войско. Куріонъ трактуетъ Помпея не слишкомъ хорошо и нападаетъ на все его второе консульство. Скажу тебѣ одно:

если со всѣхъ сторонъ будутъ тѣснить Куріона, то Цезарь будетъ защищаемъ. Если они (партія Помпея и сената) опасаются вмѣшательства трибуновъ, то Цезарь останется столько времени, сколько ему будетъ угодно». Въ слѣдующемъ письмѣ Целія читаемъ: «вмѣшательство нашего К. Куріона въ законѣ о провинціяхъ имѣло блестящій исходъ. Когда доложили сенату о противодѣйствіи трибуна, а докладъ былъ согласно прежняго сенатскаго опредѣленія; первое мнѣніе было высказано М. Марцелла о необходимости вступить въ соглашеніе съ трибунами народными; но сенатъ значительнымъ большинствомъ перешелъ къ другимъ очереднымъ занятіямъ. Помпей великій упалъ до того духомъ, что кажется самъ не знаетъ, чего уже и хотѣть, А сенатомъ принято мнѣніе—допустить къ консульскимъ выборамъ того, кто не хочетъ отказаться ни отъ провинцій, ни отъ войска! Какъ это перенесетъ Помпей (онъ понимаетъ, что сдѣлается съ общественнымъ строемъ, если онъ не озаботится), а вы богатые старики на себѣ увидите». Еще подробнѣе въ слѣдующемъ письмѣ: «о сущности общественныхъ дѣлъ пишу тебѣ, что миръ не можетъ и годъ одинъ протянуться. Сущность въ томъ—и объ этомъ-то будутъ вести борьбу тѣ, которые стоятъ въ главѣ вещей — Помпей рѣшился не допускать Цезаря—сдѣлаться консуломъ прежде, чѣмъ онъ откажется отъ войска и провинціи, а Цезарь убѣжденъ, что онъ безопаснымъ быть не можетъ, если разстанется съ войскомъ. А потому онъ, Цезарь, предлагаетъ условіе, чтобы имъ обоимъ—и ему, и Помпею—отказаться отъ войска. Вотъ къ чему привели эти нѣжныя объясненія въ любви и союзъ, не исключавшій взаимной зависти: стараніе исподтишка вредить другъ другу—обратилось въ открытую вражду. Не знаю теперь самъ, что дѣлать, и къ кому пристать и увѣренъ, что и ты будешь въ той же нерѣшительности... Впрочемъ не безъизвѣстно тебѣ, что при внутреннихъ раздорахъ гражданинъ, пока дѣла еще на словахъ рѣшаются, долженъ слѣдовать той сторонѣ, которая справедливѣе, а

если дѣло дошло до оружія, той, которая сильнѣе. Въ этой борьбѣ на сторонѣ Помпея будутъ сенатъ и всѣ, кто въ состояніи обсуждать, а къ Цезарю пристанутъ всѣ, кому есть чего-либо опасаться или кто расчитываетъ поживиться на чужой счетъ. Войска же и сравнивать нельзя... Впрочемъ, еще довольно будетъ времени взвѣсить силы той и другой стороны и рѣшить, куда пристать... Короче сказать, знаешь, что будетъ? Если только одинъ изъ нихъ (либо Цезарь, либо Помпей) не отправятся на Парѳянскую войну, то я вижу неизбѣжными великія смуты, въ которыхъ дѣло рѣшится силою и мечомъ. И тотъ и другой готовъ къ борьбѣ и въ душѣ, и войсками. Будь только возможно для тебя, безъ твоей собственной опасности, то судьба представила бы тебѣ зрѣлище великое и пріятное». Въ письмѣ къ Аттику изъ Азіи Цицеронъ пишетъ: «Баттоній передалъ мнѣ удивительные ужасы о Цезарѣ... войско онъ ни въ какомъ случаѣ не отпуститъ, на его сторонѣ назначенные преторы, Кассій, трибунъ народный, Лентуллъ консулъ, а Помпей собирается удалиться изъ Рима». Цицеронъ находится въ страшной нерѣшимости—кого предпочесть изъ двухъ соперниковъ. Онъ пишетъ къ Аттику: «слѣдуя твоему совѣту, я однимъ дорожилъ, потому что онъ мнѣ оказалъ великую заслугу, а другимъ потому, что онъ былъ настолько силенъ. И достигъ я того, что ни для того, ни для другаго не было повидимому никого дороже меня. Въ мысляхъ у меня постоянно было: пока я за-одно съ Помпеемъ, не прійдется мнѣ ни въ чемъ согрѣшить относительно общественнаго дѣла, и думая одинаково съ Цезаремъ, не прійдется бороться съ Помпеемъ. До такой степени тѣсенъ былъ союзъ между ними! Теперь же грозитъ, какъ и ты мнѣ показываешь, да и самъ я вижу—упорная между ними борьба. Но и тотъ и другой меня считаютъ своимъ, развѣ одинъ изъ нихъ притворяется? Помпей не сомнѣвается—и весьма основательно, что теперешній его образъ мыслей объ общественныхъ дѣлахъ заслу-

живаетъ мое полное сочувствіе. Я получилъ и отъ Цезаря, и отъ Помпея, въ одно время съ письмомъ отъ тебя—письма, гдѣ повидимому и тотъ и другой ставятъ меня выше всѣхъ другихъ своихъ близкихъ». Несмотря на скрытое неудовольствіе къ Помпею, Цицеронъ болѣе склоняется къ его сторонѣ; вотъ его слова: «о своемъ могуществѣ состязаются между собою эти люди съ опасностью для государства. Если теперь берутся за оружіе во имя защиты общественнаго строя, то почему не думали объ этомъ, когда Цезарь былъ консуломъ? Почему я—дѣло котораго неразлучно было съ безопасностью общественною—въ слѣдующемъ году остался беззащитнымъ? Зачѣмъ продолжена власть Цезарю и при томъ такимъ образомъ? Зачѣмъ потрачено было столько усилій, чтобы десять трибуновъ народныхъ провели законъ о допущеніи Цезаря къ консульскимъ выборамъ заочно? Вслѣдствіе этого-то Цезарь такъ усилился, что вся надежда на сопротивленіе заключается въ одномъ гражданинѣ и лучше было бы, чтобы онъ (Помпей) самъ не давалъ бы ему такихъ силъ, чѣмъ теперь вести борьбу съ столь могущественнымъ?... Для меня лодка одна, гдѣ у руля Помпей... а самого Помпея буду склонять одинъ на одинъ къ примиренію... Вижу, предстоитъ намъ дѣло имѣть съ человѣкомъ самымъ смѣлымъ и на все готовымъ (Цезаремъ); всѣ осужденные, всѣ покрытые какимъ либо безславіемъ, всѣ достойные осужденія и позора, вся молодежь, вся городская отпѣтая чернь, могущественные трибуны, съ ними и Кассій, всѣ тѣ, которые погрязли въ долгахъ, а ихъ больше, чѣмъ я предполагалъ (законнаго лишь основанія нѣтъ на той сторонѣ, а всего прочаго много); всѣ за него. Всѣ усилія должно употребить, чтобы дѣло не рѣшилось оружіемъ; исходъ его всегда невѣренъ, а теперь его скорѣе можно ожидать въ другую сторону». Въ другомъ письмѣ: «въ 4-ые Декабрьскіе Иды видѣлся я съ Помпеемъ, часа два провели вмѣстѣ... о дѣлахъ общественныхъ говорилъ онъ со мною въ томъ смыслѣ, что

война неизбѣжна. Надежды на соглашеніе нѣтъ никакой... Впрочемъ я не ожидаю такого безумія отъ Цезаря, чтобы все подвергнуть опасности». Далѣе: «дѣла общественныя внушаютъ мнѣ все болѣе и болѣе опасеній. И между гражданами благонамѣренными нѣтъ никакого единодушія... Миръ намъ необходимъ. Побѣда чья бы то ни было много зла принесетъ, а во всякомъ случаѣ явится намъ самовластитель... Мое мнѣніе, — полезнѣе уступить ему, что онъ требуетъ, чѣмъ вступать въ бой. Поздно оказывать сопротивленіе тому, кого мы, впродолженіи десяти лѣтъ, вскармливали противъ себя. До сихъ поръ не нашелъ я еще никого, кто не былъ бы того мнѣнія, что лучше уступить Цезарю, что онъ требуетъ, чѣмъ вступать въ борьбу. Отъ чего прежде мы ему не сопротивлялись? Хотя тогда, когда вновь на пять лѣтъ отсрочивали власть, или тогда, когда постановили принять въ уваженіе его кандидатуру (въ консулы) и заочно. Развѣ не нужно ли намъ было непремѣнно— прежде дать ему оружіе въ руки, чтобы бороться только съ хорошо изготовившимся?»—«Ты говоришь, пишетъ Цицеронъ къ Аттику, что люди благонамѣренные смотрятъ съ напряженнымъ вниманіемъ на то, какъ я буду дѣйствовать при этихъ обстоятельствахъ?... Да скажиже мнѣ, гдѣ это сословіе благонамѣренныхъ?.. Отдѣльныя личности есть, не болѣе... Не сенатъ ли благонамѣренно дѣйствуетъ, раздавая провинціи частнымъ лицамъ? Куріонъ не сталъ бы настаивать на вмѣшательствѣ, если бы только вступили съ нимъ въ переговоры. Но сенатъ этого не захотѣлъ и Цезарь остался безъ преемника. Не откупщики ли? И никогда не были они слишкомъ надежны, и теперь Цезарю величайшіе пріятели. Не ростовщики ли или земледѣльцы? Но для нихъ желательнѣе всего спокойствіе. Не думаешь ли ты, что тѣ боятся быть подъ царскою властью, которые отъ того никогда и не отказывались, лишь бы оставаться въ покоѣ? Что же? Не полагаешь ли ты что нужно (кандидатуру) его,

Цезаря, принять въ соображеніе и когда пройдетъ, назначенный закономъ, срокъ? А я полагаю, что и отсутствующаго не слѣдуетъ. Но разъ это допущено, то и допущены послѣдствія всего этого.

.... Все это происходитъ отъ одного начала. Нужно было сопротивляться, когда онъ, Цезарь, не собрался еще съ силами; а теперь у него одиннадцать легіоновъ, конницы сколько угодно, жители земель по ту сторону По, городская чернь, столько трибуновъ народныхъ, молодежь такъ испорченная, а самъ вождь съ такимъ вѣсомъ, столь смѣлый! Съ нимъ предстоитъ теперь или сражаться, или уважить его требованія по закону. Но ты скажешь—лучше бороться, чѣмъ рабствовать. Зачѣмъ? Побѣжденный будетъ осужденъ на казнь, да и побѣдителемъ все-таки ты будешь рабствовать... Никому не извѣстно, чѣмъ это кончится, разъ обнажится мечъ, но то всѣмъ извѣстно, что если благонамѣренные будутъ побѣждены, то онъ (Цезарь) будетъ врядъ ли жалостливѣе Цинны при избіеніи лучшихъ людей, и въ алчности не уступитъ Суллѣ, относительно захвата себѣ богатствъ людей состоятельныхъ.» Какъ Цицеронъ ошибался при оцѣнкѣ характера Цезаря, — увидимъ впослѣдствіи. Далѣе Цицеронъ пишетъ къ Аттику: «ты отгадалъ,—я видѣлся съ Помпеемъ; въ шестой день календъ онъ нагналъ меня у Лаверна, вмѣстѣ пріѣхали мы въ Форміи и, отъ восьмаго часу до вечера, объяснялись тайно. На вопросъ твой—можно ли сколько-нибудь надѣяться на примиреніе, отвѣчу, что—сколько я могъ замѣтить изъ многословной и обстоятельной бесѣды Помпея,—и охоты то къ примиренію ни у кого нѣтъ. Онъ въ томъ убѣжденіи, что если Цезарь сдѣлается консуломъ и отпуститъ войско, то общественный строй рушится; но онъ, Помпей, полагаетъ что Цезарь, узнавъ о дѣятельныхъ противъ него приготовленіяхъ, откажется въ этомъ году отъ консульства, и предпочтетъ сохранить провинцію и войско. Но еслибы Цезарь вышелъ изъ границъ благо-

разумія, то онъ, по словамъ Помпея, заслуживалъ бы только презрѣнія, и онъ, Помпей, надѣется вполнѣ на силы свои и государства... Вообще Помпей много разсуждалъ объ опасностяхъ притворнаго мира. У насъ въ рукахъ была рѣчь Антонія, сказанная въ десятый день календъ январскихъ; въ ней всѣ дѣйствія Помпея съ самаго дѣтства осыпаны порицаніями, ораторъ жалуется за осужденныхъ, грозитъ оружіемъ. Если такъ дерзаетъ говоритъ квесторъ его (Цезаря), слабый и нищій, то какимъ языкомъ заговоритъ Цезарь, когда въ рукахъ его будетъ все?.. Помпей хочетъ оставить городъ». Объ опасностяхъ для общественнаго строя, если Цезарь сдѣлается консуломъ, даже отпустивъ войско, Цицеронъ говоритъ: «ты знаешь каковъ онъ былъ въ первое консульство; еще съ силами не собравшись, онъ тогда значилъ больше всѣхъ... Помпею въ такомъ случаѣ ничего болѣе не останется, какъ удалиться въ Испанію...» О нерѣшительности и бездѣйствіи Помпея: «я совершенно сбитъ съ толку дерзостью нашего безразсуднаго плана... Помпей не знаю, рѣшился ли на что нибудь,—сидитъ по городамъ, точно на него дурь нашла... Всѣ мы будемъ вмѣстѣ, если онъ останется въ Италіи; если удалится изъ нея, прійдется подумать. До сихъ поръ, если только я самъ въ здравомъ разсудкѣ, по моему мнѣнію, все дѣлается глупо и неосторожно...

V.

705-й годъ наступилъ. Въ январѣ его Цезарь перешелъ Рубиконъ, и военныя дѣйствія начались.... Любопытно прослѣдить впечатлѣніе, какое наступательныя дѣйствія Цезаря произвели на Цицерона; вотъ что пишетъ онъ къ Аттику: «спрашиваю, что это такое или что это дѣлается? А для меня совершенные потемки: Цингулъ еще пока нашъ, Анкону потеряли. Лабіенъ оставилъ Цезаря. О комъ это рѣчь—

объ Аннибалѣ или объ Императорѣ народа Римскаго! О несчастный и безумный человѣкъ, который никогда не прозрѣвалъ и тѣни прекраснаго! И онъ говоритъ, что все это дѣлаетъ во имя своего достоинства! Но можетъ ли быть достоинство тамъ, гдѣ нѣтъ чести? А честно ли держать войска безъ согласія властей, съ оружіемъ въ рукахъ занимать города и пролагать дорогу внутрь отечества?

...Но каково тебѣ покажется, что сдѣлалъ нашъ Помпей? Оставилъ городъ (Римъ),—безразсуднѣе этого быть ничего не могло... Онъ говоритъ: дѣло общественное не въ стѣнахъ... Удивительно, какъ всѣ жалуются: Римъ остался безъ должностныхъ лицъ, безъ сената... Бѣгство Помпея удивительно всѣхъ тронуло... Дѣло показалось совершенно съ другой точки, ничего уже не хотятъ уступать Цезарю. Объясни мнѣ пожалуста — не понимаешь ли хоть ты, что все это значитъ? Мнѣ поручено дѣло не хлопотливое. Помпей хочетъ, чтобы я былъ начальникомъ надъ всею Кампаніею и морскимъ берегомъ, и чтобы ко мнѣ относились и съ набоомъ, и во всѣхъ главныхъ дѣлахъ вообще, а потому мнѣ придется переѣзжать съ мѣста на мѣсто». Немного послѣ Цицеронъ пишетъ: «ты хочешь знать, какъ намѣренъ поступить Помпей; а я такъ полагаю, что врядъ ли онъ и самъ это знаетъ; изъ насъ по крайней мѣрѣ никто. Видѣлъ я консула Лентулла въ Форміяхъ, въ 10-й день Календъ, видѣлъ Либона... все полно опасеній и нерѣшительности... Хочетъ ли Помпей гдѣ-нибудь остановиться или перейдетъ за море—неизвѣстно. Если останется, опасаюсь, что не будетъ имѣть вполнѣ достаточныхъ силъ для борьбы; а если удалится изъ Италіи, то куда, и что намъ дѣлать?...» Лабіенъ, одинъ изъ легатовъ Цезаря, раздѣлявшихъ съ нимъ труды и опасности по Галльской войнѣ, оставилъ Цезаря и перешелъ къ Помпею. По этому поводу Цицеронъ пишетъ къ Аттику. «Лабіена считаю героемъ, давно не было гражданскаго подвига выше этого; во всякомъ случаѣ это об-

стоятельство, если и ничего другаго не принесло съ собою, — по крайней мѣрѣ огорчило Цезаря. И то уже хорошо... Что за война — видишь самъ: она до того гражданская, что и возникла не отъ раздоровъ между гражданами, но отъ дерзости одного гибельнаго гражданина; а онъ силенъ войскомъ, многихъ связываетъ надеждою и обѣщаніями, возжелалъ многаго и многихъ... Ему преданъ Римъ беззащитный, но полный богатствъ всякаго рода. А чего нельзя опасаться отъ того, кто эти храмы и строенія считаетъ не отечествомъ, а готовою добычею?... Мы же, гдѣ и когда будемъ въ состояніи поднять голову? А нашъ вождь какъ не воинственъ, какъ чуждъ всякаго плана дѣйствій! Не говорю уже объ ошибкахъ прошлыхъ десяти лѣтъ,—какія условія не были бы лучше этого бѣгства? Да и теперь не знаю, что онъ думаетъ, хотя и домогаюсь вывѣдать письмами. Вѣрно только то, что невозможно было показать болѣе робости, болѣе замѣшательства.... Вся надежда на два, завистливо удержанные и почти намъ враждебные, легіоны; а при наборѣ очень мало охотниковъ и всѣ уклоняются отъ войны. Время условій потеряно.... Что будетъ—не вижу, а допущено нами, или правильнѣе нашимъ вождемъ, то, что мы, выйдя изъ пристани безъ руля, отдались на произволъ вѣтрамъ. Л. Цезарь принесъ порученіе отъ К. Цезаря... Помпею угодно было, чтобы я прибылъ въ Капую и содѣйствовалъ набору, но на него весьма неохотно отзываются кампанскіе поселенцы.... Когда я пріѣхалъ въ Капую, тамъ уже находились консулы и много сенаторовъ. Желаніе у всѣхъ было одно, чтобы Цезарь, отведя войска, ограничился тѣми условіями, какія предложилъ. Одному Фавонію не нравилось, что онъ, Цезарь, предписываетъ намъ законы, но его на совѣтѣ не слушали. Уже самъ Катонъ предпочитаетъ рабствовать чѣмъ сражаться... Велико разнообразіе мнѣній при нашихъ спорахъ: большинство впрочемъ утверждаетъ, что Цезарь не остановится на этихъ условіяхъ, а что эти предло-

женія сдѣланы имъ съ цѣлью—остановить наши приготовленія къ войнѣ. А я полагаю, что онъ дѣйствительно выведетъ войска. Во всякомъ случаѣ онъ побѣдитъ, если сдѣлается консуломъ, —но побѣдитъ съ меньшею преступностью, чѣмъ съ какою теперь дѣйствуетъ... Дѣлать нечего, покориться надо. Стыдно даже, до чего бѣдны мои и воинами и деньгами, а всѣ сокровища не только частныя, какія только находятся въ городѣ, но и общественныя, какія хранятся въ казначействѣ, ему, Цезарю, оставили. Я во всякомъ случаѣ не перестаю склонять къ миру, и самый несправедливый миръ, по моему мнѣнію, полезнѣе, чѣмъ самая справедливая война»... При Помпеѣ находится Лабіенъ; онъ не сомнѣвается относительно слабости войскъ Цезаревыхъ; съ прибытіемъ его нашъ Кней много пріободрился». Впрочемъ Цицеронъ не прерывалъ сношеній съ Цезаремъ, или, правильнѣе, его приближенными.... «Требуцій писалъ ко мнѣ, что самъ Цезарь, въ 10-й день календъ февральскихъ, просилъ его написать ко мнѣ и пригласить меня въ городъ (Римъ); что онъ, Цезарь, сочтетъ это за верхъ одолженія съ моей стороны.... Отвѣтилъ я Требуцію, — Цезарю прямо писать я не захотѣлъ, потому что и онъ ко мнѣ не писалъ,—что, въ теперешнее время, прибытіе мое въ Римъ крайне затруднительно, но что я нахожусь въ моихъ помѣстьяхъ, не принялъ никакого порученія, и набора не произвожу. И въ такомъ положеніи останусь, пока будетъ надежда на миръ; если же начнется война, то я исполню мою обязанность, а дѣтей отправлю въ Грецію. Вижу, что вся Италія воспылаетъ войною; столько зла возбуждено частью завистливыми, частью злонамѣренными, гражданами!» Изъ слѣдующаго затѣмъ письма видно большое противорѣчіе въ мысляхъ и дѣйствіяхъ Цицерона относительно Цезаря; сначала онъ отзывается о немъ съ бранью: «Говорятъ, что Цезарь, несмотря на то, что послалъ Л. Цезаря съ порученіями о мирѣ, самымъ усерднымъ образомъ производитъ наборъ, занимаетъ

мѣста, укрѣпляетъ ихъ вооруженными отрядами. О, гибельный разбойникъ! Никакимъ спокойствіемъ нельзя загладить такой позоръ, нанесенный общественному дѣлу! Но, полно сердиться, уступимъ обстоятельствамъ времени и съ Помпеемъ отравимся въ Испанію». Немного далѣе: «о Діонисіи (учителѣ сына Цицерона) забылъ я тебѣ писать ранѣе, но я рѣшился здѣсь дожидаться отвѣта Цезаря для того, чтобы, въ случаѣ возвращенія нашего въ городъ, онъ бы тамъ насъ дожидался».

Весьма любопытно слѣдующее письмо Цицерона, и мы его передаемъ здѣсь почти вполнѣ: «краткорѣчивымъ дѣлаютъ меня самыя обстоятельства; въ мирѣ я уже отчаялся, а къ войнѣ наши не изготовились нисколько. Пожалуйста не думай, чтобы можно было быть незначительнѣе этихъ консуловъ, а въ надеждѣ—ихъ послушать и узнать, каковы наши приготовленія, въ проливной дождь пріѣхалъ я въ Капую наканунѣ Нонъ, какъ мнѣ было назначено. А они еще не пріѣхали и явились смущенные, не готовые. О Помпеѣ говорили, что онъ въ Луцеріи и хочетъ осматривать когорты Аттіанскія, на которыя впрочемъ твердо разсчитывать нельзя. А о Цезарѣ слухъ, что онъ спѣшитъ, и съ часу на часъ будетъ здѣсь не за тѣмъ, чтобы сражаться (да и съ кѣмъ?), а чтобы преградить дорогу къ бѣгству.... А мнѣ что дѣлать? Къ тому, чтобы оставаться склоняютъ—зима, ликторы, вожди неразумные и нерадивые; а къ бѣгству — дружба Помпея, правда дѣла, позоръ единомыслія съ тиранномъ, а о немъ неизвѣстно—будетъ ли онъ подражать Фаларису или Пизистрату». Въ другомъ письмѣ: «бывши въ Капуѣ, я узналъ, что отъ консуловъ ждать нечего, что набора нигдѣ и произведено не было.... Нашъ Кней (Помпей) — дѣло бѣдственное и невѣроятное — до чего упалъ духомъ! Ни бодрости, ни плана дѣйствія, ни войскъ, ни заботливости. Не говорю уже о постыднѣйшемъ бѣгствѣ изъ города (Рима), о дышавшихъ робостью рѣчахъ по городамъ, о совершенномъ

незнаніи силъ не только противника, но и своихъ собственныхъ.... Самъ Цезарь меня склоняетъ къ миру, хотя письмо его относится ко времени, предшествующему открытію военныхъ дѣйствій. Далабелла и Целій пишутъ мнѣ, что онъ мною очень доволенъ.»

Въ 21 письмѣ, книги 7-ой, Цицеронъ пишетъ: «не вижу пяди земли въ Италіи, которая не была бы во власти Цезаря. О Помпеѣ не знаю ничего и полагаю, что онъ, если не уйдетъ на корабль, будетъ пойманъ. О невѣроятная быстрота дѣйствій (Цезаря), а нашего пріятеля!... Но безъ скорби не могу винить того, о комъ сокрушаюсь и мучусь. Ты не безъ причины боишься казней, не потому, чтобы Цезарю чего нибудь недоставало къ прочности побѣды и господства, но предвижу, по чьему указанію онъ будетъ дѣйствовать». Въ 23 письмѣ читаемъ: «мы почти въ плѣну, Помпей удаляется изъ Италіи и его (ненавистное дѣло!) преслѣдуетъ Цезарь, Цезарь преслѣдуетъ Помпея! Зачѣмъ? Чтобы убить! О я несчастный и мы всѣ не сдѣлаемъ ему оплота изъ тѣлъ нашихъ?... И плохія (ненадежныя) дѣла всегда онъ выигрывалъ, а въ самомъ этомъ, лучшемъ, палъ. Развѣ одно: тѣ онъ зналъ, а этого не зналъ. Трудная по истинѣ задача правильно завѣдывать общественнымъ дѣломъ».

Изъ всего это можно кажется, не впадая въ ошибку, заключить, какъ, при самомъ началѣ борьбы Цезаря съ Помпеемъ, обрисовались ихъ характеры, отношенія и какъ вѣрно умные люди, такіе какъ напримѣръ Цицеронъ, предвидѣли неминуемое торжество Цезаря.

Въ первомъ письмѣ 7-ой книги Цицеронъ пишетъ къ Аттику, что Помпей письмомъ звалъ его въ Луцерію, какъ мѣсто по его, Помпея, мнѣнію самое безопасное. Цицеронъ отвѣтилъ на это, что онъ, Цицеронъ, ищетъ мѣста не того, гдѣ безопаснѣе, но гдѣ онъ могъ бы больше принесть пользы общественному дѣлу, что оставить Капую и морской берегъ значило бы отрѣзать себѣ и сообщенія, и под-

возы изъ Сициліи и Африки. При этомъ случаѣ Цицеронъ говоритъ: «вотъ я невольно попалъ въ то дѣло, гдѣ никогда искренно не домогались ни мира, ни побѣды, а была только одна мысль о позорномъ и пагубномъ бѣгствѣ». Но идемъ, и какой бы судьба ни судила намъ жребій, пусть лучше подвергнусь я ему съ тѣми, которыхъ считаютъ хорошими гражданами, чѣмъ повидимому съ ними разойдусь во мнѣніяхъ. А на самомъ дѣлѣ я вижу уже городъ (Римъ), наполненнымъ хорошими гражданами т. е. состоятельными и богатыми.... Одинъ Помпей трогаетъ меня памятью благодѣянія, а не значеніемъ. Какое значеніе можно приписать ему въ томъ дѣлѣ, въ которомъ, когда мы всѣ высказывали опасенія относительно Цезаря, онъ обнаруживалъ одну любовь къ нему? Теперь же когда самъ началъ бояться, полагаетъ, что и всѣ долж(н)ы быть ему врагами. Поѣду въ Луцерію, но врядъ ли ему (Помпею) мое прибытіе будетъ пріятно. Не смогу я скрыть, что мнѣ не нравятся всѣ его дѣйствія до сихъ поръ»... Во 2-мъ письмѣ, кн. 8-ой: «къ Цезарю я писалъ одно письмо изъ Капуи, гдѣ отвѣчалъ на то, въ которомъ онъ мнѣ писалъ о своихъ гладіаторахъ, коротенькое, но полное благосклонности, не только безъ порицанія, но даже съ величайшею похвалою Помпея... Другое я написалъ къ нему въ тотъ же день, какъ это къ тебѣ; не могъ я не отвѣчать, когда и онъ писалъ ко мнѣ, и Бальбъ.... врядъ ли когда либо и гдѣ либо какой вождь общественнаго дѣла поступилъ гнуснѣе нашего друга (Помпея), а мнѣ жаль его.. Онъ покинулъ городъ, т. е. отечество... Я охотно умеръ бы за Помпея; для меня нѣтъ дороже человѣка; но не думаю, чтобы въ немъ одномъ была вся надежда на спасеніе общественнаго дѣла... Но если онъ удалится изъ Италіи, я недумаю, чтобы мнѣ нужно было за нимъ слѣдовать, я нахожу это вовсе неполезнымъ ни мнѣ, ни дѣтямъ, да къ тому же и неправильнымъ и нечестнымъ».... Цицеронъ, хотя и отправился въ Луцерію къ Помпею, но уз-

налъ, что безопасно туда достигнуть не можетъ, по тому что войска Цезаря преградили ему путь и, для соединенія съ Помпеемъ, не оставалось другаго средства, какъ сѣсть на корабль и плыть моремъ. О Помпеѣ Цицеронъ пишетъ коротко: «Кней нашъ—въ Брундизій. Бѣжалъ. Дѣло кончено». Надобно припомнить, что Домицій, единомышленникъ Помпея, собралъ въ городѣ Корфиніѣ 30 когортъ и ждалъ, что Помпей поспѣшитъ къ нему на соединеніе, и въ такомъ случаѣ Цезарю оставалось бы, или открытою силою проложить себѣ дорогу въ Римъ, или, въ случаѣ движенія туда, онъ оставилъ бы въ тылу у себя значительныя непріятельскія силы, которыя отрѣзали бы его отъ Галлій, а подвоза моремъ ждать онъ не могъ потому, что вся морская сила находилась въ рукахъ у Помпея. Оттого то Домицій съ нетерпѣніемъ ждалъ Помпея и постоянно письмами звалъ его къ себѣ. Цицеронъ по этому поводу пишетъ: «еще одно только остается нашему пріятелю (Помпею) ко всему позору—не помочь Домицію. Всѣ думаютъ, что онъ ему поможетъ, а я только не думаю. И такъ онъ броситъ на жертву такого гражданина и тѣхъ, которые, какъ ты знаешь, съ нимъ вмѣстѣ? И у самаго вѣдь 30 когортъ. Если я не ошибаюсь совершенно, непремѣнно покинетъ. Невѣроятно оробѣлъ. Только объ одномъ и думаетъ—о бѣгствѣ, и ты полагаешь, что я за нимъ послѣдую, но поистинѣ тебѣ скажу, что мнѣ бѣжать есть кого, а слѣдовать не закѣмъ.... Что можетъ быть прискорбнѣе того, что одинъ (Цезарь) въ дѣлѣ самомъ позорномъ снискиваетъ рукоплесканія, а (Помпей) въ самомъ лучшемъ—непріятности. На перваго смотрятъ какъ на сохранителя и враговъ своихъ, а на другаго какъ на предателя друзей. Какъ я ни люблю нашего Кнея, но какъ же похвалить то, что онъ такихъ людей оставилъ безъ помощи? Если отъ робости, то что можетъ быть постыднѣе? А если, какъ нѣкоторые думаютъ, Помпей полагалъ свое дѣло ихъ избіеніемъ сдѣлать лучшимъ, то что несправедливѣе?

Въ шестой день календъ вечеромъ меньшой Бальбъ пришелъ ко мнѣ; онъ спѣшилъ тайкомъ, по приказанію Цезаря, за консуломъ Лентулломъ—обѣщать ему провинцію, лишь бы только возвратился въ Римъ: я не полагаю, чтобы его можно было нагнать... Онъ же—Бальбъ—мнѣ говорилъ, что Цезарю ничего такъ не хочется, какъ настигнуть Помпея. Этому я вѣрю. «И помириться съ нимъ» — Этому не вѣрю и опасаюсь, какъ бы все это милосердіе не клонилось бы только къ одному случаю жестокости. А старшій Бальбъ пишетъ ко мнѣ: «ничего такъ не хочетъ Цезарь, какъ жить безъ опасеній подъ старѣйшинствомъ Помпея. Я думаю ты вѣришь... Помпей теперь во всей вѣроятности въ Брундизіѣ; на легкѣ отправился онъ впередъ легіоновъ изъ Луцеріи. Но это чудовище—Цезарь—обладаетъ ужасною бдительностью, быстротою, дѣятельностью. Право совершенно незнаю, что будетъ». Сколько правды въ словахъ Цицерона о герояхъ этой борьбы: «и тотъ и другой ищутъ только господства, а вовсе не того, чтобы ихъ отечество было счастливо и въ чести. И если Помпей оставилъ Римъ, то не потому, чтобы онъ не могъ его удержать, и Италію не по тому, чтобы онъ былъ изъ нея прогнанъ; но съ самого начала уже была у него мысль—всѣ земли, всѣ моря привесть въ движеніе, призвать къ оружію властителей дикихъ народовъ, ихъ вооруженныя полчища привесть въ Италію, собрать огромныя силы. Давно уже домогается онъ (Помпей) возстановленія царства Суллы, исполняя въ этомъ страстное желаніе своихъ приближенныхъ. Неужели ты въ самомъ дѣлѣ думаешь, что между ними не могло бы послѣдовать никакого соглашенія?.. И сейчасъ возможно. Но ни тому, ни другому не нужно нашего благополучія. И тотъ и другой хочетъ царствовать...... Ты спрашиваешь, что писалъ ко мнѣ Цезарь? Тоже, что уже и не разъ; въ высшей степени ему пріятно, что я остался въ бездѣйствіи: проситъ, чтобы и впередъ такъ было. Бальбъ меньшой передавалъ мнѣ тоже на словахъ;

ѣхалъ онъ къ консулу Лентуллу съ письмомъ Цезаря и обѣщаніемъ наградъ, если вернется въ Римъ, но, мнѣ кажется, неуспѣетъ его застать; онъ уже за моремъ».

Помпей въ Брундизіѣ. Цицеронъ пишетъ (8.13): «ждемъ извѣстія изъ Брундизія. Если Цезарь настигнетъ нашего Кнея, то есть еще хотя сомнительная надежда на миръ, но если тотъ раньше переправится за море, то надобно опасаться гибельной войны. Видишь ли съ какимъ человѣкомъ (Цезаремъ) приходится имѣть намъ дѣло! Какимъ проницательнымъ, дѣятельнымъ, на все готовымъ? Если дѣйствительно онъ будетъ чуждъ убійствъ и ни у кого ничего не отниметъ, то онъ сильнѣе всего будетъ любимъ именно тѣми, которые больше всего его опасались. Много мнѣ приходится говорить и съ городскими жителями и съ поселянами. Ни о чемъ другомъ не заботятся они—только о земляхъ своихъ, домахъ, деньжишкахъ. И полюбуйся, до чего измѣнился ходъ дѣла! Того, на кого прежде располагали всѣ надежды, опасаются (Пемпея), а этого (Цезаря) кого боялись, любятъ. Безъ прискорбія и вспомнить не могу, какъ мы сами добились этого нашими промахами и ошибками». О возможномъ исходѣ борьбы Цицеронъ такъ разумно выражается: «опасность—въ раздраженіи того и другаго, а побѣда до того невѣрна, что дѣло, худшее по моему мнѣнію, даже скорѣе можетъ на нее расчитывать». О томъ, какъ Цезарь принятъ въ Римѣ и Италіи, Цицеронъ пишетъ: «и гдѣ они, эти наши лучшіе люди? Полюбуйся, какъ они спѣшатъ на встрѣчу Цезарю, какъ себя ему продаютъ! А города считаютъ его за бога и уже не притворно какъ тогда, когда о больномъ Помпеѣ возсылали обѣты. Все, что этотъ Пизистратъ не сдѣлалъ злого, принимается съ такою благодарностью, какъ будто онъ другому воспрепятствовалъ сдѣлать это самое зло. На Цезаря смотрятъ, какъ на благосклоннаго, а на Помпея, какъ на разгнѣваннаго. Какія встрѣчи въ городахъ, какія почести! Но ты скажешь, что опасаются? Очень можетъ быть, но во всякомъ случаѣ

того, т. е. Помпея, боятся еще больше. Веселитъ ихъ хитрое милосердіе Цезаря, а гнѣвливости Помпея опасаются.... Лучшіе люди хотятъ, чтобы я удалился во что бы то ни стало, а сами остаются!... Мнѣ нужно ѣхать, соединиться съ человѣкомъ, болѣе готовымъ къ опустошенію Италіи, чѣмъ къ побѣдѣ»!

Наконецъ въ Капуѣ, гдѣ былъ Цицеронъ, получено письмо такого содержанія: «Помпей отправился за море со всѣми воинами, какіе при немъ были, что составляетъ до 30,000 человѣкъ; съ нимъ два консула, народные трибуны и сенаторы, при немъ находившіеся, всѣ съ женами и дѣтьми. Говорятъ, что онъ сѣлъ на корабль въ 4 день передъ Мартовскими нонами. Съ этого дня господствовали сѣверные вѣтры. Суда, которыми не воспользовался, всѣ велѣлъ или изрубить, или сжечь». Вотъ какъ Цицеронъ излагаетъ свои ощущенія при этомъ извѣстіи, уже достовѣрномъ: «Доселѣ я былъ озабоченъ и тосковалъ по сущности самого дѣла, такъ какъ я относительно всего оставался въ неизвѣстности. А теперь, когда Помпей и консулы вышли изъ Италіи, уже не тоскую, но горю скорбью: повѣрь мнѣ, я просто внѣ себя, до того мнѣ кажется покрытъ я позоромъ, почему я не съ Помпеемъ?... Теперь я буду хлопотать—къ чему и ты меня склоняешь и подаешь надежду, чтобы Цезарь дозволилъ мнѣ не присутствовать въ сенатѣ, когда тамъ будутъ обсуживаться какія-либо мѣры противъ Кнея; боюсь, что не успѣю въ этомъ. Явился ко мнѣ отъ Цезаря Фурній; онъ мнѣ принесъ извѣстіе, что сынъ К. Тицинія съ Цезаремъ, но что тотъ считаетъ себя мнѣ признательнымъ болѣе, чѣмъ я желалъ бы, а, о чемъ онъ меня проситъ, узнаешь изъ его письма». Вотъ въ буквальномъ переводѣ письмо Цезаря къ Цицерону: «Цезарь императоръ желаетъ добраго здоровія императору Цицерону. Нашего общаго знакомаго Фурнія видѣлъ я на минуту, не имѣлъ возможности подробно ни выслушать его, ни поговорить съ нимъ, такъ какъ

я спѣшилъ, находясь уже на походѣ и пославъ впередъ легіоны. Впрочемъ, не могъ я обойдтись безъ того, чтобы и не писать къ тебѣ и не послать его къ тебѣ—высказать мою признательность, хотя я уже не разъ это дѣлалъ и, какъ кажется, еще чаще буду это дѣлать; таковы твои въ отношеніи ко мнѣ заслуги! Въ особенности прошу тебя, надѣясь въ скоромъ времени быть въ Римѣ, дать мнѣ возможность видѣть тебя тамъ, и пользоваться твоими—совѣтомъ, вліяніемъ, достоинствомъ, содѣйствіемъ во всѣхъ дѣлахъ. Возвращаюсь къ своему предположенію; прости моей поспѣшности и краткости письма. Остальное ты узнаешь отъ Фурнія». Весьма интересно читать въ письмѣ Цицерона къ Аттику: «повѣрь мнѣ, я уже вовсе не думаю и не предполагаю возможности благополучнаго исхода. Вполнѣ понимаю, что ни при жизни ихъ двухъ (Цезаря и Помпея), ни этого одного (Цезаря), невозможно существованіе прежняго общественнаго порядка. Уже я не надѣюсь наслаждаться когдалибо спокойствіемъ, и не уклоняюсь ни отъ какой бѣды; одного только опасаюсь, не сдѣлать бы чего постыднаго или не сдѣлалъ ли я его уже?» Цицерон постоянно хотѣлось играть роль миротворца между Цеземъ и Помпеемъ; но въ то время онъ уже сомнѣвался въ искреннемъ желаніи Помпеемъ мира; «удивительнымъ образомъ Кней нашъ захотѣлъ повторенія Сулланова царства. Да онъ этого никогда и не скрывалъ. Такъ съ нимъ-то ты хочешь быть?—Исполняю долгъ благодарности, а не сочувствую дѣлу, какъ въ отношеніи Милона и—но довольно.—«А дѣло-то развѣ не хорошо?» Вполнѣ хорошо, но осуществляется самымъ гнуснымъ образомъ. Первый планъ—задушить городъ и Италію голодомъ, потомъ—опустошать поля, жечь, не воздерживаться отъ денегъ богатыхъ людей. Но когда того же можно опасаться и съ этой стороны, то я считалъ бы за лучшее, чтобы то ни было перенести дома. Не рѣшаюсь только подвергнуться обвиненію въ неблагодарности.... Но ты можетъ

быть ждешь всего лучшаго отъ Цезаря? Скажу тебѣ, что когда онъ взойдетъ въ силу, то въ Италіи крыши ни одной не оставитъ.—А ты будешь помогать?—Далеко нѣтъ ,а чтобы не видѣть этого, я хочу отсюда удалиться. Развѣ не видишь? Сенатъ, законы, судьи, суды утратили свою власть и не только чьего-либо частнаго, но и общественнаго состоянія не достанетъ на удовлетвореніе страстей, издержекъ и нуждъ стольких бѣднѣйшихъ людей.»

Въ высшей степени любопытно письмо Цезаря къ его пріятелямъ Оппію и Корнелію, писанное послѣ сдачи Домиція въ Корфиніѣ (см. записки о войнѣ гражданъ, кн. 1, гл. 20—23), гдѣ онъ раскрываетъ вполнѣ свой планъ дѣйствій: «весьма радуюсь, что вы въ письмахъ высказываете большое одобреніе тому, что произошло у Корфинія. Вашими совѣтами я буду пользоваться весьма охотно и тѣмъ охотнѣе, что я, по собственному побужденію, рѣшился дѣйствовать какъ можно мягче и снисходительнѣе, и стараться всѣми силами примириться съ Помпеемъ. Сдѣлаемъ же попытку, нельзя ли намъ снискать расположеніе всѣхъ и пользоваться (долговременною) прочною побѣдою? Прочіе жестокостью не могли ни избѣгнуть ненависти, ни долго удержать за собою плоды побѣды, кромѣ одного Л. Суллы, но ему я подражать не буду. Пусть будетъ новый способъ какъ побѣждать, опираясь на милосердіе и щедрость. Какъ это возможно было бы осуществить, кое что мнѣ приходитъ на умъ, а отыскать можно еще больше. Прошу васъ, чтобы и вы сами тоже имѣли въ мысляхъ. Захватилъ я Кн. Магія, Помпеева префекта: вѣрный моему плану дѣйствія—я тотчасъ его выпустилъ. Уже два начальника кузнецовъ Помпея попались въ мои руки и отпущены мною. Если они захотятъ быть признательны, то должны увѣщевать Помпея, чтобы онъ былъ лучше моимъ другомъ, чѣмъ другомъ тѣхъ, которые и мнѣ и ему были всегда враждебнѣйшими; ихъ то происками и обязаны мы, что дѣло общественное пришло въ та-

кое положеніе». Бальбъ, присылая это письмо Цицерону, присоединяетъ отъ себя данныя, которыя указываютъ, до чего простиралось неслыханное снисхожденіе Цезаря: «онъ самъ, безъ всякаго съ моей стороны вызова, позволилъ не находиться при войскѣ, назначенномъ дѣйствовать противъ Лентула и Помпея, которымъ я слишкомъ много одолженъ. Онъ, Цезарь, высказалъ, что съ него довольно, если я, по его просьбѣ, возьмусь исполнять его порученія въ городѣ, но ихъ я, по желанію и тѣхъ (противниковъ Цезаря), исполнять могу, и теперь я въ Римѣ занимаюсь и управляю всѣми дѣлами Лентула, исполняя въ отношеніи и къ нимъ обязанности дружбы честно и вѣрно.... Ручаюсь (если только я хорошо знаю Цезаря), что онъ больше будетъ заботиться о твоемъ значеніи (достоинствѣ), чѣмъ о своихъ собственныхъ пользахъ....»

О силахъ, и образѣ дѣйствій, Помпея въ предстоящую кампанію находимъ весьма интересныя свѣдѣнія у Цицерона: «справедливо высказываешь ты сомнѣніе о числѣ воиновъ; ровно на половину меньше—пишетъ Клодія. Неправда и относительно истребленія судовъ. А что ты хвалишь консуловъ, то и я одобряю ихъ образъ мыслей, но не дѣйствія. Съ удаленіемъ ихъ всѣ надежды на миръ должны исчезнуть, а я на него-то и разсчитывалъ; теперь несомнительно угрожаетъ гибельная война, и начнется она голодомъ. Впрочемъ я не скорблю, что не буду участвовать въ этой войнѣ, грозящей такими злодѣйствами, что если преступно родителямъ отказывать въ пропитаніи, то каково же, если наши лучшіе люди собираются изнурить голодомъ исконную и святѣйшую общую мать—отчизну. И не догадка моя это только, но я присутствовалъ при ихъ бесѣдахъ. Всѣ эти морскія силы изготовляются въ Александріи, Колхидѣ, Тирѣ, Сидонѣ, Арадѣ, Кипрѣ, Памфиліи, Ликіи, Родосѣ, Хіосѣ, Византіи, Лезбосѣ, Смирнѣ, Милетѣ, Коосѣ, съ цѣлью—отрѣзать всѣ подвозы продовольствія отъ Италіи и занять всѣ хлѣбородныя области. И съ какимъ раздраженіемъ явится тогда

назадъ Помпей и въ особенности противъ тѣхъ, которые хотѣли только сохраненія общественнаго порядка, какъ бы оставленный тѣми, которыхъ самъ покинулъ.... Боюсь, какъ бы не былъ опустошенъ Эпиръ; да какой же уголокъ Греціи уцѣлѣетъ, когда Помпей явно хвалится и разсказываетъ воинамъ, что онъ щедростью превзойдетъ самаго Цезаря?...» Говоря о желаніи своемъ купить одно помѣстье, Цицеронъ высказываетъ: «теперь все это пойдетъ за безцѣнокъ вслѣдствіе того, что вздорожали деньги.» А еще далѣе присоединяетъ эти, много знаменательныя и почти пророческія, слова: «мнѣ кажется все это уже обречено запустѣнію».

Вотъ что отвѣчалъ Цицеронъ на письмо къ нему Цезаря, которое мы привели выше: я прочелъ письмо, полученное отъ общаго нашего пріятеля, Фурнія, въ которомъ ты просилъ меня пріѣхать въ Римъ. Что ты желаешь пользоваться моими совѣтами и достоинствомъ—это мнѣ удивительно не было; но тщетно я старался разгадать—о какомъ вліяніи и содѣйствіи во всѣхъ дѣлахъ ты говоришь. Впрочемъ надежда увлекала меня къ той мысли, что ты имѣешь въ виду, и это вполнѣ соотвѣтствуетъ твоей удивительной и необыкновенной мудрости — возстановленіе спокойствія, мира, согласія между гражданами, и на этотъ-то предметъ я полагалъ довольно пригодными—и мой характеръ и личное значеніе. Если это дѣйствительно такъ, и если у тебя есть какая-либо мысль поберечь Помпея нашего и примирить его съ тобою и дѣломъ общественнымъ, то для этой цѣли человѣка болѣе пригоднаго какъ я, конечно не найдешь. Постоянно я и ему, и сенату, при первой возможности толковалъ о мирѣ и когда взялись за оружіе, не принималъ ни малѣйшаго участія въ военныхъ дѣйствіяхъ. Находилъ я, что этою войною причиняется насиліе тебѣ и что противъ почести твоей, данной тебѣ благодѣяніемъ народа римскаго, стараются дѣйствовать твои недруги и завистники. А я и въ то время не только самъ

былъ поборникомъ твоихъ успѣховъ, но и прочимъ совѣтовалъ тебѣ помогать. Теперь же озабочиваетъ меня сильно достоинство Помпея. Вотъ уже нѣсколько лѣтъ, какъ я избралъ васъ двоихъ, предметомъ моего особеннаго ухаживанья, и съ тѣмъ, чтобы вамъ оказывать, что и исполнялъ, мою искреннѣйшую и усерднѣйшую дружбу. А потому прошу тебя, или лучше, всѣми силами умоляю и заклинаю — при твоихъ величайшихъ заботахъ, удѣли сколько-нибудь времени и этому размышленію, и я тогда навсегда пребуду, памятуя о твоемъ величайшемъ благодѣяніи, тебѣ признательнымъ и твоимъ усерднѣйшимъ поклонникомъ. Имѣй только это дѣло отношеніе ко мнѣ одному, то и въ этомъ случаѣ я надѣялся бы успѣть въ своемъ домогательствѣ; но теперь полагая, что и твоей чести, и общаго блага, касается, тебѣ—меня изъ немногихъ сберечь, какъ человѣка наиболѣе полезнаго вамъ обоимъ, и преимущественно могущаго содѣйствовать возстановленію согласія между гражданъ. Еще прежде благодарилъ я тебя за Лентула, за сохраненіе человѣка, которому и я одолженъ возвращеніемъ (изъ ссылки). Читая его, полное выраженій признательности, письмо о твоемъ къ нему благодѣяніи, я остался при убѣжденіи, что благодѣяніе, оказанное Лентулу, на столько же относится и ко мнѣ. Теперь дай же мнѣ возможность благодарить тебя еще больше за Помпея».

Каковы были чувства Цицерона, когда онъ получилъ извѣстіе, что Помпей осажденъ въ Брундизіи: «отъ слезъ не могу ни сообразить ничего, ни писать... Что намъ дѣлать? Народа римскаго войско осаждаетъ Кнея Помпея! Рвомъ и валомъ окруженнаго держитъ! Не даетъ даже возможности убѣжать! А мы еще живы, и городъ этотъ (Римъ) стоитъ! Преторы оказываютъ судъ и расправу! Эдили готовятъ игры! Люди состоятельные берутъ проценты, да я и самъ сижу. Попытаюсь ли броситься туда, но меня сочтутъ за безумнаго. Умолять города о содѣйствіи? Благонамѣренные граж-

дане не пойдутъ, а пустые даже насмѣются: алчущіе переворота, въ особенности побѣдители и съ оружіемъ въ рукахъ—употребятъ насиліе... Есть ли честный исходъ такой бѣдственной жизни?... Никогда не хотѣлъ я раздѣлить побѣду съ Помпеемъ, но бѣдствіе его предпочелъ бы!»

Считаемъ нелишнимъ привести здѣсь два письма Цезаря, въ которыхъ выражается его характеръ краткостью и сжатостью выраженія: «Цезарь—Корнелію Оппію привѣтствіе. 7 марта пришелъ я къ Брундизію, расположился лагеремъ у стѣнъ. Помпей въ Брундизіи. Прислалъ ко мнѣ М. Магія о мирѣ. Отвѣчалъ я, что мнѣ заблагоразсудилось. Хотѣлъ, чтобы вамъ это тотчасъ же было извѣстно. Какъ только буду имѣть надежду дѣло привести къ какому-либо соглашенію, тотчасъ я васъ увѣдомлю».—Къ К. Педію Цезарь пишетъ: «Помпей держится въ городѣ, а мы стоимъ въ лагерѣ у воротъ. Затѣваемъ дѣло большое, много дней на него потребуется вслѣдствіе глубины моря, но дѣло это существенной необходимости. Съ обоихъ концовъ пристани ведемъ насыпи для того, чтобы или вынудить его оставить Брундизій съ войсками, какія у него есть, или воспрепятствовать его выходу».—Къ Цицерону Цезарь писалъ: «Правильно ты судишь обо мнѣ—да вѣдь ты меня хорошо знаешь, что ничто такъ отъ меня не далеко, какъ жестокость. А я, какъ въ своихъ дѣйствіяхъ (милосердія) нахожу себѣ истинное удовольствіе, такъ и веселюсь, торжествую, что они заслужили твое одобреніе. И нисколько меня не волнуетъ то, что, отпущенные мною на свободу, ушли опять, чтобы мнѣ же нанесть войну. Мое первое желаніе, чтобы я остался вѣрнымъ себѣ, а они себѣ. А я бы хотѣлъ, чтобы ты у меня находился подъ рукою въ городѣ (Римѣ) и далъ бы мнѣ возможность пользоваться, какъ я уже и привыкъ, твоими совѣтами и содѣйствіемъ во всѣхъ дѣлахъ. Да будетъ тебѣ извѣстно, что мнѣ нѣтъ ничего пріятнѣе твоего (зятя) Долабеллы. Такое и я къ нему буду имѣть расположеніе, что

и ему другаго ничего не останется дѣлать, до того чувства его ко мнѣ сильны и благосклонны»!

Когда, по удаленіи Помпея изъ Брундизія, Цезарь отправился въ Римъ, то по дорогѣ—недалеко отъ Арпина, онъ имѣлъ свиданіе съ Цицерономъ. Въ высшей степени любопытны подробности этого свиданія, какъ ихъ передалъ Цицеронъ, которому мы и предоставимъ говорить самому: «я говорилъ съ нимъ въ такомъ смыслѣ, чтобы онъ лучше имѣлъ обо мнѣ хорошее мнѣніе, чѣмъ нашелъ бы, за что благодарить. Остался я при своемъ, что не поѣду въ Римъ; но ошибся въ расчетѣ, если полагалъ, что мнѣ легко будетъ получить его согласіе на это. Напротивъ, онъ ни за что не соглашался; въ этомъ онъ видѣлъ съ моей стороны приговоръ осужденія его дѣйствіямъ и прочіе—такъ говорилъ онъ—глядя на меня, задумаются пріѣхать. На это я возразилъ, что другихъ положеніе совсѣмъ не то. Много онъ убѣждалъ меня. «Да пріѣзжай же и толкуй о мирѣ».—Вполнѣ, какъ я хочу?—«Да развѣ я тебѣ буду предписывать?»—Ну, такъ я буду говорить, что сенатъ не одобритъ ни преднамѣреннаго похода въ Испанію, ни переправы войскъ въ Грецію, да и много сожалѣнія выскажу я о Кнеѣ (Помпеѣ).—На это онъ Цезарь: «я не хочу, чтобы это было говорено».—Да я такъ и предполагалъ, отвѣчалъ я на это; потому-то самому и не хочу я быть тамъ, гдѣ мнѣ необходимо нужно будетъ говорить такъ, и гдѣ, я разъ пріѣду, молчать отнюдь не смогу, а потому-то лучше и не ѣхать. Кончилось тѣмъ, что онъ — Цезарь, видя единственный исходъ дѣла, просилъ меня: подумать.—Отказать и въ этомъ, было бы неприлично. Такъ мы разстались; я полагаю, что онъ мною недоволенъ, а за то я собою такъ доволенъ, какъ уже со мною давно не было» ..

Но пора и остановиться; этому предмету—отношеніямъ Помпея, Цезаря и Цицерона—посвятимъ мы современемъ особое сочиненіе. Приведеннаго выше достаточно, чтобы читатель оцѣ-

нилъ всю важность и интересъ предмета, можно сказать еще нетронутаго, такъ какъ и въ историческихъ сочиненіяхъ обыкновенно повторяютъ одно и тоже, а къ самимъ источникамъ обращаются очень рѣдко и неудачно. Такъ напр. неужели люди, помогавшіе Наполеону III писать исторію Цезаря, не знали хорошенько по латынѣ, а между тѣмъ у него въ цитатахъ хоть бы писемъ Цицерона, нерѣдко находимъ совершенное извращеніе смысла; приведемъ любопытный примѣръ. Въ предисловіи Наполеонъ говоритъ (въ переводѣ, изданномъ Вольфомъ) «Цезарь исчезаетъ, и его вліяніе господствуетъ еще болѣе, чѣмъ при его жизни. Цицеронъ, *его противникъ* (это совершенное неправда, какъ видно изъ многаго мною приведеннаго выше) *вынужденъ* (!?) воскликнуть: «всѣ дѣянія Цезаря, его литературныя произведенія, его слава, его обѣты, его мысли представляютъ послѣ его смерти болѣе силы, нежели тогда, когда онъ еще жилъ» Цицеронъ въ приведенномъ мѣстѣ, въ 10 письмѣ 14 книги къ Аттику, говоритъ совсѣмъ не то, что угодно Наполеону: вотъ слова Цицерона (онъ отвѣчаетъ на письмо Аттика и содержащіяся въ немъ извѣстія): «Полно такъ ли? И мой, и твой пріятель Брутъ удовольствовался тѣмъ, чтобы оставаться въ Ланувіи? А Требонію пришлось окольныхъ путей отыскивать, чтобы отправиться въ провинцію? Неужели все, что Цезарь дѣлалъ, писалъ, говорилъ, обѣщалъ теперь должно имѣть болѣе значенія, чѣмъ если бы онъ самъ жилъ?.. Вотъ это-то и прочее я и выносить не могу»... Изъ этого явствуетъ—и мы просимъ всѣхъ, знающихъ Латинскій языкъ, обратиться къ подлиннику—что Цицеронъ хотѣлъ высказать совсѣмъ противоположное тому, что Наполеону угодно было ему приписать... При жизни Цезаря Цицеронъ не только ему противникомъ не былъ, но даже былъ его пріятелемъ, и въ январѣ 710 года (въ мартѣ убитъ Цезарь) Цезарь обѣдалъ подружески у Цицерона... Послѣ смерти Цезаря Цицеронъ принялъ сторону тѣхъ, которые видѣли

въ этомъ событіи благопріятный случай возстановить древній порядокъ вещей, и потому-то Цицеронъ сталъ выражаться о Цезарѣ непріязненно и такъ, какъ при жизни Цезаря въ самой откровенной перепискѣ никогда и не думалъ.

Не можемъ не сдѣлать нѣсколько общихъ выводовъ. Изъ словъ лучшаго и разумнѣйшаго представителя лучшихъ людей того времени—Цицерона, мы видимъ, что политическое устройство римскаго государства, какъ оно сложилось въ историческомъ ходѣ событій, уже отжило свой вѣкъ; страшная неурядица стала господствовать; въ этотъ хаосъ внесть порядокъ—могла только власть одного. Не учрежденія дѣлаютъ людей, а люди созидаютъ себѣ тѣ именно порядки, какихъ стоютъ. Безусловно хорошей формы правленія или государственнаго быта нѣтъ; все зависитъ отъ людей. И демократія, и аристократія, и монархія заключаютъ въ себѣ условія, необходимыя для существованія каждаго общества и государства—обезпеченіе личности и собственности, и желаніе и средства доставить каждому возможность наибольшаго и наилучшаго развитія моральныхъ и матеріальныхъ силъ каждаго съ возможно меньшимъ пожертвованіемъ личной свободы, но тѣ же самыя учрежденія носятъ въ себѣ и сѣмена собственнаго разрушенія. Не всегда истинное равенство живетъ въ демократіи, и нѣтъ ничего несноснѣе для разумнаго человѣка господства неразвитыхъ массъ, а образовать ихъ или развить возможно настолько же, насколько возможно утишить волны морскія. Монархія, если во главѣ ея стоитъ умный человѣкъ, опирающій свое право на длинномъ рядѣ вѣковъ и именно тѣмъ самимъ не нуждающійся въ подольщеніи низкимъ страстямъ массъ, прибѣжищу презрѣнныхъ выскочекъ честолюбцевъ, представляетъ наиболѣе условій благосостоянія, прочности и долговѣчности государства. Наслѣдственный монархъ, отрѣшась отъ всякихъ личныхъ видовъ, которыхъ онъ и имѣть не можетъ, до того его личность тѣсно сливается съ государствомъ, держитъ

разумное равновѣсіе между всѣми сословіями государства, не допуская преобладанія одного ко вреду другаго; онъ имѣетъ возможность выбирать себѣ достойныхъ слугъ и исполнителей вездѣ и всюду, обращая вниманіе на одни достоинства, богомъ данныя, а не на права рожденія или происки демократіи, отъ которыхъ отвернется каждый честный человѣкъ. Оттого-то и становится понятнымъ, почему демократическія учрежденія древняго Рима кончились монархіею; оттого понятно, почему высокая личность Цезаря, едва пять лѣтъ, и то среди военныхъ бурь, стоявшая во главѣ вещей, оставила такое неизгладимое впечатлѣніе, что память его, дорогая современникамъ, сдѣлать еще дороже потомству. Замѣтимъ, что Цезарь никакого государственнаго переворота не дѣлалъ, ни одной изъ властей, стоявшихъ во главѣ государства не отмѣнилъ, а силою вещей и высокими качествами ума и души сталъ выше всѣхъ. Въ гражданскихъ смутахъ не пролилъ онъ ни капли крови; только на поляхъ битвы. Милосердіемъ и прощеніемъ дышали всѣ его дѣйствія. Не льстилъ онъ страстямъ народнымъ: даровая раздача хлѣба народу введена до него; до него честолюбцами, не имѣвшими другой надежды выказаться, истощены всѣ средства обольщенія черни, такъ что въ этомъ отношеніи Цезарю уже не осталось ничего. Если Цезарь палъ отъ мечей своихъ друзей и приближенныхъ, то не очистительною жертвою идеальныхъ мечтаній возстановленія уже, невозможной тогда, республики, а просто потому, что своимъ безкорыстіемъ не удовлетворилъ онъ ожиданій своихъ близкихъ, въ мысляхъ дѣлившихъ собственность лицъ, принадлежавшихъ къ противной партіи. Имя Цезаря сдѣлалось почти нарицательнымъ для имени монарховъ, и дѣйствительно онъ имъ великій урокъ... Если имя Цезаря благословляли современники, если къ нему благоговѣетъ и потомство, то какому позору обречены имена Тиберія, Нерона, Калигулы и прочихъ?

А. Клевановъ.

Москва. 1869 г. Апрѣля 14.

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ ПЕРЕВОДЧИКА ПРИ ПЕРВОМЪ ИЗДАНIИ.

Сочиненія Юлія Цезаря, содержащія въ себѣ записки объ его походахъ, составленныя отчасти имъ самимъ, отчасти его приближенными, чрезвычайно интересны. Изъ нихъ знакомимся мы съ жизнью и дѣятельностью одного изъ величайшихъ полководцевъ древняго міра, съ военною тактикою того времени, съ нравами и обычаями многихъ народовъ, съ которыми Цезарь имѣлъ столкновеніе. Несмотря на видимую простоту и легкость слога Цезаревыхъ записокъ, передать ихъ на другой языкъ весьма затруднительно, именно потому, что вся эта легкость и такъ сказать пловучесть слога теряется въ переводѣ. Впрочемъ, довольно для меня, если тѣ изъ моихъ читателей, которые не знакомы съ подлинникомъ, черезъ мой переводъ ознакомятся съ столь разнообразною и замѣчательною дѣятельностью Цезаря. Люди же, хорошо знающіе подлинникъ, пусть укажутъ мнѣ недостатки моего перевода; съ благодарностью я приму ихъ и постараюсь исправить.

Замѣчательная личность Цезаря и жизнь его таковы, что о нихъ надобно или слишкомъ много говорить, или лучше умолчать, чѣмъ сказать что-либо недостойное его великой памяти. А потому я предоставлю вмѣсто себя говорить Светонію. Подробное жизнеописаніе Цезаря, имъ составленное, прилагаю при семъ въ переводѣ, какъ самый лучшій и полный матеріалъ для его біографа.

Первый томъ сочиненій Цезаря, въ моемъ переводѣ, содержитъ, кромѣ его жизнеописанія, сочиненнаго Светоніемъ, *записки о Галльской войнѣ* въ восьми книгахъ. Во второмъ томѣ будутъ заключаться *записки о внутренней войнѣ* и *записки о походахъ Александрійскомъ, Африканскомъ* и *Испанскомъ*, т. е., однимъ словомъ, все остальное, что мы имѣемъ отъ Цезаря или подъ его именемъ.

А. Клевановъ.

Москва
1854.
Марта 4-го.

ЗАПИСКИ

о

ГАЛЛЬСКОЙ ВОЙНѢ.

КНИГА ПЕРВАЯ.

---

1. Галлія вся дѣлится на три части: въ одной живутъ Белги, въ другой Аквитаны, а въ третьей Кельты, какъ они по-своему себя называютъ, а по нашему Галлы. Эти три народа существенно различаются другъ отъ друга нарѣчіемъ, нравами и законами. Рѣка Гаронна служитъ границею между Галлами и Аквитанами, а отъ Белговъ Галлы отдѣлены рѣками Марною и Сеною. Изъ этихъ трехъ народовъ храбростью отличаются преимущественно Белги; причина та, что, по отдаленности ихъ отъ Римской провинціи, они чужды вліянія ея образованности; купцы весьма рѣдко проникаютъ къ нимъ, внося то, что служитъ къ изнѣженности нравовъ. Притомъ же они самые ближайшіе сосѣди Германцевъ, живущихъ по ту сторону Рейна, и съ ними въ постоянной войнѣ. По той же причинѣ и Гельветы превосходятъ доблестью остальныхъ Галловъ; почти ежедневно имѣютъ они стычки съ Германцами, или отражая ихъ отъ собственныхъ предѣловъ, или внося войну въ ихъ земли. Область собственно такъ называемыхъ Галловъ начинается отъ рѣки Роны, окаймлена рѣкою Гаронною, океаномъ и областью Белговъ; со стороны Секвановъ и Гельветовъ она достигаетъ рѣки Рейна, имѣя наибольшее протяженіе по направленію къ сѣверу. Область Белговъ, начинаясь съ сама-

го отдаленнаго конца области Галловъ, касается нижней части теченія рѣки Рейна, имѣя протяженіе къ сѣверу и востоку. Аквитанія отъ рѣки Гаронны простирается къ Пиренейскимъ горамъ и къ части океана, омывающей берега Испаніи, и расположена на сѣверъ и западъ.

2. У Гельветовъ самимъ знатнымъ и богатымъ былъ нѣкто Оргеториксъ. Въ консульство М. Мессалы и М. Пизона онъ, желая сдѣлаться единовластителемъ надъ своими соотечественниками, составилъ заговоръ съ дворянствомъ — убѣдить ихъ со всѣмъ войскомъ выйдти изъ предѣловъ отечества, представляя имъ завоеваніе всей Галліи весьма легкимъ, по ихъ храбрости, которою они превосходятъ всѣхъ другихъ—предпріятіемъ. Убѣжденія его тѣмъ болѣе имѣли силы, что природа какъ бы сама заключила Гельветовъ въ тѣсныхъ рубежахъ: съ одной стороны область Гельветовъ отдѣляется отъ Германцевъ весьма широкою и глубокою рѣкою Рейномъ, а съ другой стороны отъ Секвановъ крутыми горами Юры. Далѣе озеро Леманъ и рѣка Рона служатъ границею Гельвеціи отъ нашей провинціи. Такимъ образомъ Гельветы не могли свободно ни расходиться по сторонамъ, ни дѣлать нападенія на сосѣдей какъ бы хотѣли, что̀ было имъ, при страстной охотѣ къ войнѣ, крайне прискорбно. Область свою они считали тѣсною для многочисленнаго, жившаго въ ней, населенія, и несоотвѣтственною пріобрѣтенной ими славѣ о храбрости; въ длину она простиралась на 240, а въ ширину на 180 миль (тысячъ шаговъ).

3. Понуждаемые такими обстоятельствами и уступая вліянію Оргеторикса, Гельветы опредѣлили устроить все, что слѣдуетъ къ походу, скупить какъ можно болѣе телѣгъ и вьючныхъ животныхъ, произвести посѣвы какъ можно въ большемъ размѣрѣ, чтобы заготовить потребное количество хлѣба на дорогу, скрѣпить узы дружбы и пріязни съ сосѣдними народами. Они постановили закономъ—въ теченіи двухъ лѣтъ изготовить все что нужно, а на третій годъ выступить въ походъ. Приведеніе въ исполненіе всего этого поручено Оргеториксу. Онъ, отправившись посломъ въ сосѣднія государства, на пути убѣждаетъ Кастика, сына Катаманталедова, Секвана, присвоить надъ соотечественниками царскую власть, которою пользовался его отецъ въ продолженіи многихъ лѣтъ, бывъ отъ сената и народа римскаго названъ другомъ и союзникомъ. Также убѣдилъ онъ Эдуя Думнорига, Дивитіакова брата, который въ это время занималъ высшее мѣсто управленія и пользовался наибольшою любовью простаго народа, — домогаться верховной власти; ему онъ отдалъ дочь свою въ замужство. Оргеториксъ выставилъ имъ планъ этотъ весьма удобоисполнимымъ, тѣмъ болѣе что онъ самъ готовился присвоить верховную

власть надъ своими соотечественниками. Не было подвержено сомнѣнію, что Гельветы изо всѣхъ народовъ Галліи самый могущественный; ихъ войсками и средствами Оргеториксъ обѣщалъ поддержать попытки своихъ друзей къ достиженію верховной власти. Внявъ его убѣжденіямъ, они скрѣпили союзъ свой общими клятвами и льстили себя надеждою, что, присвоивъ себѣ царскую власть надъ тремя сильнѣйшими и могущественнѣйшими народами Галліи, они безъ труда овладѣютъ и всею Галліею.

4. Гельветамъ донесено было объ этихъ замыслахъ Оргеторикса; они, по заведенному обычаю, заключили его въ оковы и приказали ему оправдаться; въ случаѣ, еслибы онъ не успѣлъ доказать свою невинность, его по закону надлежало сжечь. Въ день, назначенный для суда, Оргеториксъ велѣлъ собраться къ мѣсту судилища всѣмъ своимъ сродникамъ, а было ихъ не менѣе десяти тысячъ; сюда же присоединились кліенты его и должники, которыхъ также было не малое количество. Съ помощью ихъ, Оргеториксу удалось избавиться отъ оковъ и отъ необходимости оправдываться. Между тѣмъ какъ граждане, въ негодованіи на такой поступокъ, хотѣли оружіемъ защищать свои права, и съ этою цѣлью правительство собирало вооруженныхъ поселянъ, Оргеториксъ скоропостижно умеръ, не безъ подозрѣнія, какъ полагали Гельветы, что онъ самъ себѣ причинилъ смерть.

5. Несмотря на кончину Оргеторикса, Гельветы не оставляютъ своего замысла и усиливаются покинуть страну свою. Когда они сочли себя достаточно приготовленными и снаряженными къ походу, то они предали огню всѣ свои города, въ числѣ двѣнадцати, селъ до четырехъ сотъ и вообще всѣ частныя строенія; равнымъ образомъ они истребили весь хлѣбъ, какой не могли съ собою взять; все это они дѣлали съ той цѣлью, чтобы отнять всякую надежду на возвращеніе и тѣмъ съ большею готовностью выносить труды и опасности; каждому приказано было взять съ собою съѣстныхъ припасовъ на три мѣсяца. Уступая убѣжденіямъ Гельветовъ, Раураки, Тулинги и Латобриги, ихъ сосѣди, присоединились къ нимъ и, также предавъ огню свои жилища, отправились въ походъ вмѣстѣ съ ними. Боіи, которые жили по ту сторону Рейна, перешли въ область Норическую и заняли Нореію; они заключили союзъ съ Гельветами и присоединились къ нимъ.

6. Гельветамъ, для выхода изъ ихъ страны, предстояло избрать которую-нибудь изъ двухъ дорогъ. Одна шла чрезъ землю Секвановъ, между горою Юрою и рѣкою Роною; она представляла много затрудненій и до того узка, что съ трудомъ могла проѣхать по ней одна телѣга; надъ нею возвышалась чрезвычайно крутая гора, такъ что здѣсь

немногочисленный отрядъ могъ остановить сильное войско. Другая дорога, много легче и удобнѣе, пролегала чрезъ нашу провинцію, такъ какъ Рона, отдѣляющая землю Гельветовъ отъ Аллоброговъ, недавно покоренныхъ нами, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ можетъ быть переходима вбродъ. Самый пограничный и ближайшій къ землѣ Гельветовъ городъ Аллоброговъ есть—Женева; тутъ находится мостъ на Ронѣ, ведущій къ Гельветамъ. Они не сомнѣвались или привлечь на свою сторону Аллоброговъ, еще такъ недавно покоренныхъ Римлянами и потому не совсѣмъ къ нимъ расположенныхъ, или силою принудить — пропустить ихъ чрезъ свою область. Приготовивъ все къ походу, Гельветы назначили день, въ который всѣ должны были собраться къ берегамъ Роны; то было 5-ое число передъ апрѣльскими календами, въ консульство Л. Пизона и А. Габинія.

7. Цезарь, получивъ извѣстіе, что Гельветы намѣреваются проложить себѣ путь черезъ нашу провинцію, поспѣшилъ оставить Римъ, и какъ можно болѣе ускоренными переходами прибылъ въ дальнюю Галлію и въ Женеву. Въ провинціи приказалъ онъ произвести самый усиленный наборъ (во всей дальней Галліи находился только одинъ легіонъ). Мостъ на Ронѣ въ Женевѣ Цезарь велѣлъ сломать. Гельветы, узнавъ о его прибытіи, отправили къ нему пословъ, именитыхъ людей; во главѣ посольства стояли Намей и Верудоктій. Они сказали Цезарю: «намѣреваются они пройдти Римскую провинцію не дѣлая никакого вреда, а по необходимости, не имѣя иного пути изъ своей страны, и просятъ на этотъ предметъ его дозволенія». Цезарь, припоминая, какъ Гельветы убили консула Л. Кассія, войска его поразили и обезоружили, не счелъ благоразумнымъ дозволить имъ просимое. Зная враждебное расположеніе Гельветовъ, трудно было предполагать, чтобы они, въ случаѣ движенія черезъ Римскую провинцію, удержались отъ грабежа и непріязненныхъ дѣйствій. Впрочемъ, желая выиграть время и дать собраться войску, Цезарь отвѣчалъ Гельветамъ, что «ему нужно время на размышленіе, и что отвѣтъ его они получить въ апрѣльскія иды.»

8. Между тѣмъ Цезарь съ помощію легіона, съ нимъ находившагося, и воиновъ, набранныхъ въ провинціи, провелъ валъ на десять миль протяженія отъ озера Лемана, чрезъ которое проходитъ Рона, до горы Юры, служащей границею Гельветовъ отъ Секвановъ; въ вышину этотъ валъ имѣлъ шестнадцать футовъ и при немъ былъ еще ровъ. По окончаніи работъ, Цезарь расположилъ войска по укрѣпленіямъ, готовый, въ случаѣ покушенія Гельветовъ насильственно проложить себѣ дорогу, отразить ихъ. Когда въ назначенный день послы Гельветовъ прибыли за отвѣтомъ, Цезарь далъ имъ слѣдующій: «Не

въ обычаѣ народа римскаго чрезъ свои области пропускать вооруженныхъ, и потому онъ не согласенъ дозволить имъ путь чрезъ провинцію; если же они вздумаютъ дѣйствовать силою, то онъ будетъ отражать ее.» Гельветы пытались было силою, одни на судахъ и плотахъ, собранныхъ ими въ большомъ числѣ, а другіе вбродъ, гдѣ дозволяла малая глубина Роны, проложить себѣ дорогу, то днемъ, то ночью возобновляя свои попытки; но всѣ онѣ были безуспѣшны; воины римскіе изъ укрѣпленій осыпали ихъ стрѣлами, и вынудили наконецъ отказаться отъ этого предпріятія.

9. Оставалась еще дорога через землю Секвановъ, но по ней, вслѣдствіе тѣснинъ, безъ согласія Севкановъ, невозможно было пройдти. Такъ какъ просьбы Гельветовъ о дозволеніи имъ пройдти оставались безполезными, то они отправили пословъ къ Думнориксу Эдую съ просьбою— посредничествомъ своимъ испросить у Секвановъ требуемое дозволеніе. Думнориксъ пользовался большимъ расположеніемъ и вліяніемъ у Секвановъ; притомъ онъ былъ въ дружественныхъ связяхъ и съ Гельветами, какъ потому, что за нимъ была дочь Оргеторикса, такъ и потому, что, пылая честолюбіемъ и добиваясь верховной власти, онъ старался задобрить въ свою пользу какъ можно больше союзниковъ. Вслѣдствіе этого онъ охотно взялся исполнить желаніе Гельветовъ, и успѣлъ уговорить Секвановъ пропустить ихъ по своей землѣ. Оба народа скрѣпили свой союзъ клятвами и взятіемъ заложниковъ съ обѣихъ сторонъ. Секваны ручались, что пропустятъ Гельветовъ по своей землѣ, а Гельветы, что они, во время пути, не сдѣлаютъ никакого вреда.

10. Цезарю донесено, что Гельветы намѣреваются по землямъ Секвановъ и Эдуевъ пройдти въ область Сантоновъ, а она была недалеко отъ земель нашего города провинціи—Тулузы. Цезарь понималъ, въ случаѣ удачи этого предпріятія, всю опасность сосѣдства воинственнаго и непріязненнаго намъ народа для плодородныхъ и открытыхъ природою нашихъ земель въ провинціи. Вслѣдствіе этого соображенія, Цезарь поручаетъ сдѣланное имъ укрѣпленіе легату Т. Лабіену, самъ поспѣшно ѣдетъ въ Италію, набираетъ тамъ два легіона, беретъ съ собою три, которые были расположены на зимнихъ квартирахъ около Аквилеи, и съ пятью легіонами поспѣшаетъ въ дальнюю Галлію ближайшимъ путемъ черезъ Альпы. Здѣсь Центроны, Граіоцелы и Катуриги, занявъ высоты, хотѣли-было остановить движеніе нашего войска. Послѣ многихъ съ ними схватокъ, въ которыхъ Римляне имѣли верхъ, Цезарь изъ Оцела, города, стоящаго на краю ближней провинціи, на седьмой день прибылъ въ область Воконтовъ въ дальней провинціи. Оттуда Цезарь

прошелъ въ область Аллоброговъ, а отъ нихъ въ землю Сегузіановъ, Они первые живутъ по ту сторону Роны внѣ провинціи.

11. Между тѣмъ войско Гельветовъ уже прошло тѣснины и землю Секвановъ, проникло въ землю Эдуевъ и опустошало ее. Эдуи, не будучи въ состояніи защищать себя и имущества отъ нихъ, отправили пословъ къ Цезарю съ просьбою о помощи, выставляя ему свои заслуги на видъ, что они вели всегда себя въ отношеніи къ народу римскому такъ дружелюбно, что не слѣдовало бы римскому войску смотрѣть равнодушно на то, какъ поля ихъ опустошаются, дѣти уводятся въ рабство, а города подвергаются опасности быть взятыми. Въ то же время, что и Эдуи, Амбарры, племя, связанное узами родства съ Эдуями, даютъ знать Цезарю, что поля ихъ опустошены, и что самые города свои они съ трудомъ могутъ отстоять отъ нападенія Гельветовъ. Аллоброги, имѣвшіе дома и поселенія по ту сторону Роны, спаслись бѣгствомъ къ Цезарю, жалуясь, что у нихъ ничего не осталось, кромѣ одной обнаженной земли. Вслѣдствіе всего этого Цезарь рѣшился не дожидаться, чтобы Гельветы, разоривъ до конца нашихъ союзниковъ, прибыли въ землю Сантоновъ.

12. По границѣ Эдуевъ и Секвановъ течетъ рѣка Араръ, (нынѣ Саона), впадающая въ Рону. Теченіе ея до того медленно, что трудно узнать, смотря на нее, въ какую сторону она имѣетъ движеніе. Черезъ эту рѣку переправлялись Гельветы на плотахъ и паромахъ. Лазутчики дали знать Цезарю, что три части войска Гельветовъ переправились черезъ рѣку Араръ, а четвертая осталась еще на этой сторонѣ. Тогда Цезарь съ третьей стражи ночи выступилъ изъ лагеря съ тремя легіонами и достигъ той части войска Гельветовъ, которая еще не успѣла перейдти рѣку. Тѣ были застигнуты врасплохъ и не ожидали нападенія, а потому большая часть ихъ пала. Остальные бѣжали и скрылись въ сосѣднихъ лѣсахъ. Разбитые Гельветы принадлежали къ Тигуринскому племени; вся же Гельвеція дѣлится на четыре племени. Тигуринцы, оставивъ разъ свои предѣлы, на памяти отцовъ нашихъ, убили консула Л. Кассія, и послали подъ ярмо римское войско. Такимъ образомъ—случай ли, воля ли боговъ безсмертныхъ—опредѣлили, что та же часть Гельветовъ, которая нанесла народу римскому великій вредъ, первая понесла за то возмездіе. Въ этомъ случаѣ Цезарь былъ мстителемъ и за отечество, и за себя. Тигуринцы въ томъ же сраженіи, гдѣ убили консула Кассія, убили и легата Л. Пизона, дѣда тестя Цезарева Л. Пизона.

13. Послѣ этого сраженія Цезарь, съ цѣлью настичь остальныя войска Гельветовъ, приказалъ навесть мостъ на Арарѣ и перевелъ

свое войско. Гельветы были поражены внезапнымъ прибытіемъ Цезаря, никакъ не ожидая, чтобы онъ въ одинъ день совершилъ ту переправу, на которую они употребили, и то съ величайшими усиліями, 20 дней, и отправили посольство къ Цезарю. Во главѣ посольства былъ Дивиконъ, тотъ самый, который начальствовалъ Гельветами во время военныхъ дѣйствій съ Кассіемъ. Дивиконъ говорилъ Цезарю слѣдующее: «Буде народъ римскій заключитъ миръ съ Гельветами, они изъявляютъ готовность идти туда и жить тамъ, гдѣ имъ укажетъ Цезарь. Если же хотятъ ихъ преслѣдовать войною, то пусть вспомнятъ и о старинной невзгодѣ народа римскаго и о прежней доблести Гельветовъ. Если Цезарь врасплохъ напалъ на часть ихъ войска, отдѣленную отъ прочаго рѣкою и потому не получившую помощи, и разбилъ ее, то пусть онъ этимъ не гордится и не приписываетъ своей доблести или недостатку мужества ихъ. Они отъ предковъ получили завѣтъ—сражаться открытою силою и разсчитывать болѣе на мужество, чѣмъ на военныя хитрости. А потому берегся бы Цезарь, какъ бы то мѣсто, на которомъ они расположены, не ознаменовалось въ памяти вѣковъ новымъ бѣдствіемъ народа римскаго и гибелью его войска».

14. Цезарь ему отвѣчалъ такъ: «Пусть они нисколько не сомнѣваются, что онъ очень хорошо помнитъ событіе, на которое намекаютъ Гельветы; оно тѣмъ прискорбнѣе для него, что вины народа римскаго въ немъ не было никакой, развѣ въ томъ, что онъ, не сознавая ничего за собою, не взялъ мѣръ осторожности, не сдѣлавъ ничего, за что бы можно было опасаться, и не желая показать чувство страха безъ причины. Но еслибы онъ и желалъ предать забвенію давнишнюю обиду, можетъ ли онъ забыть ихъ недавнія оскорбленія,—то, какъ они насильственно хотѣли проложить себѣ путь черезъ Римскую провинцію,—то, что они разорили земли Эдуевъ, Амбарровъ и Аллоброговъ? А если они такъ кичливо превозносятъ свои побѣды и хвалятся безнаказанностью своихъ злодѣйствъ, то все это ведетъ къ одному. Боги безсмертные, намѣреваясь наказать людей за ихъ преступленія, чтобы чувствительнѣе сдѣлать кару внезапнымъ переходомъ отъ благополучія къ несчастію, долго медлятъ возмездіемъ и даже посылаютъ успѣхъ нечестивымъ. Какъ бы то ни было, если они, въ доказательство чистосердечія своихъ намѣреній, дадутъ заложниковъ и если вознаградятъ Эдуевъ и ихъ союзниковъ, а равно и Аллоброговъ за нанесенный ими вредъ, то онъ согласенъ заключить съ ними миръ». Дивиконъ отвѣчалъ: «Гельветы слѣдуютъ завѣту предковъ своихъ—брать заложниковъ, а не давать ихъ; народъ римскій на себѣ испыталъ это».

15. Давъ такой отвѣтъ, Дивиконъ удалился. На другой день Гельветы сняли лагерь съ прежняго мѣста. Также поступилъ и Цезарь; онъ всю свою конницу, собранную въ провинціи, у Эдуевъ и ихъ союзниковъ, въ числѣ 4 т. ч., послалъ впередъ узнать, въ какую сторону двинется непріятель. Наши всадники, съ жаромъ преслѣдуя задніе ряды непріятеля, въ неудобномъ мѣстѣ схватились съ Гельветами и немного нашихъ пало. Гельветы еще болѣе возгордились этимъ успѣхомъ, отразивъ пятью стами всадниковъ многочисленную нашу конницу, и перешли къ наступленію, по временамъ изъ заднихъ рядовъ нападая на нашихъ. Цезарь не допускалъ своихъ до рѣшительнаго боя, довольствуясь наблюдать за движеніями непріятеля и не давать ему опустошать край. Такимъ образомъ оба войска, Гельветовъ и наше, двигались одно за другимъ, такъ что между задними рядами непріятеля и нашими передовыми было разстояніе не болѣе 5-ти или 6-ти миль.

16. Между тѣмъ Цезарь ежедневно требовалъ отъ Эдуевъ провіанту, который они цѣлымъ обществомъ обѣщались выставить. По случаю холодовъ, такъ какъ Галлія имѣетъ климатъ суровый по своему сѣверному положенію, не только хлѣбъ на поляхъ еще не созрѣлъ, но самыя пастбища были еще весьма недостаточны. Пользоваться хлѣбомъ, подвезеннымъ на судахъ по рѣкѣ Арару, Цезарь не могъ, такъ какъ Гельветы, отъ преслѣдованія которыхъ онъ не хотѣлъ отстать, удалились отъ береговъ Арара. Эдуи все откладывали со дня на день, говоря, что провіантъ собираютъ. Цезарь, видя, какъ много времени прошло въ проволочкахъ и что день раздачи хлѣба воинамъ приближается, созвалъ главныхъ изъ Эдуевъ; много ихъ находилось въ римскомъ лагерѣ. Тутъ были Дивитіаконъ и Лисконъ, — этотъ послѣдній исправлялъ верховную у Эдуевъ должность *вергобрета*, избираемаго на одинъ годъ, и пользующагося правомъ жизни и смерти надъ согражданами. Цезарь сталъ ихъ сильно винить, что они, при столь крайнихъ обстоятельствахъ, въ виду непріятеля, когда невозможно ни купить хлѣба, ни найдти его въ поляхъ, оставляютъ его, вопреки обѣщанію, безъ всякой помощи, и это съ ихъ стороны тѣмъ не простительнѣе, что война начата главнымъ образомъ по ихъ же просьбѣ, и потому содѣйствіе ихъ тѣмъ необходимѣе.

17. Тогда Лисконъ, вынужденный рѣчью Цезаря, рѣшился высказать то, что до того времени умалчивалъ; онъ говорилъ: «Есть люди, имѣющіе, не смотря на свое частное положеніе, по своему вліянію на простой народъ, болѣе силы, чѣмъ самые начальники. Они-то своими возмутительными и безсовѣстными рѣчами удерживаютъ

большинство выставить, сообразно обѣщанію, хлѣбъ. Видя, что они сами не въ силахъ присвоить себѣ господство надъ Галліею, хотятъ, чтобы оно скорѣе принадлежало ихъ же соотечественникамъ Галламъ, чѣмъ Римлянамъ. А не подлежитъ сомнѣнію, что если только Римляне побѣдятъ Гельветовъ, то они отнимутъ вольность у всѣхъ Галловъ вообще, и въ томъ числѣ и у Эдуевъ. Эти-то злонамѣренные люди переносятъ врагамъ всѣ наши намѣренія и все, что дѣлается въ нашемъ лагерѣ. Положить этому конецъ не въ его власти. Цезарю самому не безъизвѣстно, что только крайняя необходимость заставила его высказать все это, и притомъ съ величайшею для себя опасностью,—почему онъ и молчалъ покуда могъ».

18. Цезарь понялъ, что Лисконъ въ своей рѣчи намекалъ на Думорикса, Дивитіакова брата; но, не желая до времени передъ многими раскрывать этого дѣла, онъ поспѣшно распустилъ собраніе, а Лискона удержалъ при себѣ. Тотъ смѣлѣе и свободнѣе одинъ на одинъ подтвердилъ то, что говорилъ при всѣхъ. Тайно старался разузнать объ этомъ Цезарь и отъ другихъ, и все подтвердило истину словъ Лискона. Думориксъ, человѣкъ предпріимчивый и смѣлый, снискалъ любовь народа своею щедростью, и честолюбію его не было границъ. Въ теченіи многихъ лѣтъ за ничтожную плату имѣлъ онъ на откупѣ дорожные и другіе сборы у Эдуевъ, и никто не смѣлъ идти противъ него на торгахъ. Изъ этого источника онъ составилъ себѣ большое состояніе, и вмѣстѣ извлекалъ средства къ господству подкупомъ и щедростью. На свой счетъ содержалъ онъ большой отрядъ конницы и имѣлъ его всегда при себѣ. Не довольствуясь вліяніемъ у своихъ соотечественниковъ, онъ всячески старался распространить его и на сосѣдніе народы; съ этою цѣлью онъ выдалъ мать свою за одного изъ первыхъ по роду и могуществу лицъ у Битуриговъ; жена его была изъ племени Гельветовъ. Сестру свою по матери и другихъ родственницъ онъ повыдавалъ замужъ въ другіе сосѣдственные города. Самые узы родства заставляютъ его желать успѣха Гельветамъ. Ненавидитъ же онъ отъ всей души Римлянъ за то, что съ ихъ прибытіемъ его вліяніе начало слабѣть, и братъ его Дивитіаконъ получилъ прежнюю степень чести и значенія. Думориксъ питалъ себя надеждою, въ случаѣ пораженія Римлянъ при содѣйствіи Гельветовъ, присвоить себѣ власть царскую. При господствѣ же Римлянъ онъ опасается не только за свои честолюбивые замыслы, но боится утратить и то вліяніе, которымъ теперь пользуется». Въ этихъ разспросахъ Цезарь узналъ, что «въ недавней неудачной стычкѣ нашей конницы Думориксъ съ своимъ отрядомъ первый обратился въ бѣгство (а Думориксъ былъ начальни-

комъ вспомогательнаго отряда конницы, присланнаго Эдуями Цезарю), и тѣмъ произвелъ робость и замѣшательство во всѣхъ».

19. Разузнавъ все это, Цезарь имѣлъ въ виду многія обстоятельства, сомнѣнію не подверженныя, какъ то: что Думнориксъ доставилъ Гельветамъ свободный проходъ черезъ землю Секвановъ, что при его посредничествѣ они дали другъ другу заложниковъ, что все это совершено имъ не только безъ вѣдома его, Цезаря, и государства, но и самъ народъ Эдуевъ объ этомъ не зналъ ничего, въ чемъ свидѣтельствовали его власти. По всему этому Цезарь видѣлъ необходимость или самому принять мѣры противъ Думнорикса, или предать его суду его соотечественниковъ. При этомъ его затрудняло одно обстоятельство: братъ Думнорикса—Дивитіакъ отличался величайшею преданностью къ народу римскому, большимъ расположеніемъ къ Цезарю, умѣренностью, справедливостью, постоянствомъ и вѣрностью въ словѣ. А потому Цезарь боялся оскорбить его казнью брата. Итакъ, не приступая къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ, Цезарь призвалъ къ себѣ Дивитіака. Онъ сталъ съ нимъ говорить не черезъ посредство всегдашнихъ переводчиковъ, но чрезъ К. Валерія Процилла—первое лицо въ провинціи Галльской, приближенное къ нему, Цезарю, и пользовавшееся его полнымъ довѣріемъ. Тутъ Цезарь объявилъ Дивитіаку, что, въ его присутствіи, на совѣтѣ галльскихъ начальниковъ, было говорено о его братѣ, и что потомъ онъ узналъ изъ частныхъ разспросовъ разныхъ лицъ. Въ заключеніе, Цезарь убѣждаетъ и проситъ Дивитіака не обижаться, если онъ, Цезарь, изслѣдовавъ обстоятельства дѣла, присудитъ его брата къ заслуженному наказанію или самъ, или предоставитъ его суду его соотечественниковъ.

20. Дивитіакъ, обливаясь слезами, обнявъ Цезаря, умоляетъ его «не быть слишкомъ строгимъ къ его брату; что всѣ обвиненія на него, къ несчастію, слишкомъ справедливы; что это никого такъ не оскорбляетъ до души, какъ его, Дивитіака: что въ то время, когда онъ, Дивитіакъ, пользовался честью и уваженіемъ не только соотечественниковъ, но и всей Галліи, братъ его былъ еще слишкомъ молодъ и не пользовался никакимъ значеніемъ; что, будучи всѣмъ обязанъ ему, Дивитіаку, онъ всѣми средствами старался не только уничтожить его вліяніе, но и погубить его; тѣмъ не менѣе онъ, Дивитіакъ, дорожитъ чувствомъ любви братской и уваженіемъ соотечественниковъ. Если Цезарь поступитъ съ Думнориксомъ строго, то каждый, видя, какимъ уваженіемъ пользуется у него Дивитіакъ, подумаетъ, что не безъ его участія такъ поступлено, и такимъ образомъ онъ, Дивитіакъ, сдѣлается предметомъ негодованія всей Галліи». Долго со слезами

умолялъ объ этомъ Дивитіакъ Цезаря. Тотъ, взявъ его правую руку, проситъ его успокоиться и не молить его болѣе, увѣряя его, что онъ такъ его любитъ, что изъ расположенія къ нему готовъ забыть обиду свою личную и отечества. Послали за Думнориксомъ, и Цезарь при его братѣ выставляетъ ему на видъ всѣ его вины, какъ собственныя его, такъ и обвиненія его согражданъ; убѣждаетъ не подавать въ будущемъ повода къ подозрѣніямъ, а прошедшее его онъ соглашается предать забвенію изъ расположенія къ брату его, Дивитіаку. Тѣмъ не менѣе къ Думнориксу назначена стража, такъ что всѣ его дѣйствія и слова должны были быть извѣстны Цезарю.

21. Въ тотъ же день передовые разъѣзды дали знать Цезарю, что непріятель расположился лагеремъ у подошвы горы, миляхъ въ восьми отъ римскаго лагеря. Тотчасъ Цезарь послалъ осмотрѣть эту гору и узнать, удобенъ ли на нее всходъ. Оказалось, что онъ незатруднителенъ. Съ третьей стражи ночи Цезарь велитъ своему легату, правившему должность претора, Т. Лабіену, съ двумя легіонами занять вершину горы; въ проводники ему даны тѣ, которые были посланы для осмотра горы; ему Цезарь открылъ свой планъ дѣйствія. Въ четвертую стражу ночи съ остальнымъ войскомъ Цезарь двинулся къ непріятелю тѣмъ же путемъ, по которому онъ шелъ, отправивъ впереди себя всю конницу. Впередъ послалъ съ лазутчиками П. Консидія, пользовавшагося славою опытности въ военномъ искусствѣ, которое онъ изучилъ сначала въ войскѣ Л. Суллы, а потомъ въ войскѣ М. Красса.

22. На разсвѣтѣ вершина горы была занята Т. Лабіеномъ, и Цезарь съ войскомъ отъ непріятельскаго лагеря находился въ разстояніи не болѣе полуторы мили. Какъ въ послѣдствіи узналъ онъ отъ плѣнныхъ, Гельветы ничего не знали еще о приближеніи Лабіена и его самого. Вдругъ Консидій поспѣшно подскакалъ къ Цезарю и сказалъ ему, что гора, которую приказано было занять Лабіену, въ рукахъ Галловъ; что онъ безошибочно узналъ ихъ вооруженіе и значки. Цезарь отвелъ свои войска, на, находившійся по сосѣдству, холмъ и сталъ располагать ихъ въ боевой порядокъ. Лабіенъ, слѣдуя приказанію Цезаря—не прежде вступать въ битву съ непріятелемъ, какъ когда войско самого Цезаря будетъ близь его лагеря, для того чтобы нападеніе было дружно и одновременно, занявъ вершину горы, поджидалъ движенія нашихъ и стоялъ спокойно. Уже много дня прошло, когда Цезарь узналъ отъ лазутчиковъ, что гора находится въ нашей власти и что Гельветы сняли лагерь. Консидій же, пораженный страхомъ, донесъ Цезарю то, чего онъ и видѣть не могъ. Цезарь пошелъ за

непріятелемъ, въ томъ же разстояніи какъ и прежде, и расположился лагеремъ въ 3-хъ миляхъ отъ лагеря Гельветовъ.

23. На другой день Цезарь, видя, что остается только два дня до срока, назначеннаго дя раздачи хлѣба воинамъ, и что городъ Бибрактъ, одинъ изъ важнѣйшихъ и богатѣйшихъ городовъ земли Эдуевъ, находится въ разстояніи не болѣе 18-ти миль, рѣшился запастись провіантомъ, и съ этою цѣлью двинулся къ Бибракту. Бѣглецы изъ отряда Л. Емилія, десятскаго Галльской конницы, дали знать непріятелю о новомъ движеніи Цезаря. Гельветы полагали, что Римляне удалились отъ нихъ по чувству робости, тѣмъ болѣе, что они, наканунѣ занявъ гору, не рѣшились вступить въ сраженіе; съ другой стороны они надѣялись можетъ-быть воспрепятствовать римскому войску снабдиться провіантомъ. Какъ бы то ни было, но Гельветы, измѣнивъ свои намѣренія и направленіе пути, двинулись вслѣдъ за Цезаремъ, по временамъ нападая на задніе ряды его войска.

24. Видя это, Цезарь занялъ сосѣднюю возвышенность своими войсками, а всю конницу выслалъ впередъ остановить натискъ непріятеля. Между тѣмъ, устроивая боевой порядокъ въ три линіи, Цезарь ъ первой, по серединѣ холма, помѣстилъ четыре легіона старыхъ, опытныхъ воиновъ; сзади же ихъ, на самой вершинѣ холма, поставилъ онъ два легіона, недавно набранные имъ въ ближней Галліи, и всѣ вспомогательныя войска. Такимъ образомъ весь холмъ былъ наполненъ воинами; тяжести всѣ Цезарь велѣлъ снести въ одно мѣсто на вершинѣ холма и его велѣлъ укрѣпить тѣмъ, которые находились въ самой верхней линіи. Гельветы, шедшіе со всѣми своими повозками, также собираютъ ихъ въ одно мѣсто; сами же, сплошною массою отразивъ нашу конницу и свернувшись въ колонну, бросаются на нашу передовую линію.

25. Цезарь спѣшился самъ и, велѣвъ всему войску оставить коней, чтобы, уравнявъ опасность всѣхъ, отнять надежду на бѣгство, краткою рѣчью ободрилъ своихъ и далъ знакъ къ битвѣ. Наши воины осыпали сверху непріятеля стрѣлами и тѣмъ бросили замѣшательство въ его ряды; замѣтивъ это, извлекши мечи, они бросились на враговъ. Галлы терпѣли большое затрудненіе въ бою, оттого что наши стрѣлы вонзались въ ихъ щиты и, загнувшись тамъ, не могли легко быть вынуты и обременяли тяжестью лѣвую руку дотого, что многіе Галлы, чтобы ловчѣе сражаться, вовсе бросали щиты и бились ничѣмъ не прикрытые. Получивъ много ранъ, утомленные боемъ, непріятели стали отступать, и удалились было на гору въ милѣ разстоянія. Между тѣмъ какъ они занимали гору, а наши ихъ преслѣдовали, Боіи и Тулинги,

въ числѣ пятнадцати тысячъ прикрывавшіе отступленіе непріятеля, замѣтивъ, что наши, преслѣдуя, открыли свой флангъ, ударили въ него и стали обходить нашихъ. Видя это, Гельветы, уже удалившіеся было на гору, снова стали наступать и возобновили битву. Римляне, сообразно требованію обстоятельствъ, построились иначе: первая и вторая линіи выдерживали нападеніе враговъ уже было побѣжденныхъ, а третья противустала свѣжимъ силамъ его.

26. Долго жестокій бой продолжался съ перемѣннымъ счастіемъ и упорно съ обѣихъ сторонъ. Не будучи долѣе въ состояніи выдерживать нападеніе нашихъ, Гельветы иные удалились, какъ прежде, на гору, а другіе обратились къ защитѣ своего обоза. Во время всей этой битвы, отъ седьмаго часу продолжавшейся до вечера, непріятель ни разу не показалъ намъ тылу. До поздней ночи битва происходила у обоза; повозки служили непріятелю вмѣсто окопа; одни сверху осыпали нашихъ стрѣлами, другіе изъ-за повозокъ и колесъ метали дротики и копья и ранили нашихъ. Наконецъ послѣ упорной битвы, наши овладѣли непріятельскимъ обозомъ; тутъ были захвачены въ плѣнъ дочь Оргеторикса и одинъ изъ его сыновей. Около 130,000 человѣкъ составляли силу непріятельскую послѣ этого сраженія; они шли всю ночь, не останавливаясь ни на минуту, и на четвертый день достигли области Лингоновъ. Наши не могли преслѣдовать; употребивъ три дни на погребеніе убитыхъ и на оказаніе пособія раненымъ воинамъ, Цезарь послалъ къ Лингонамъ письмо и гонцовъ, запрещая имъ подавать пособіе Гельветамъ хлѣбомъ, или чѣмъ бы то ни было, и угрожая, въ случаѣ ослушанія, поступить съ ними также какъ и съ непріятелями. По прошествіи трехъ дней, Цезарь со всѣмъ войскомъ двинулся вслѣдъ за Гельветами.

27. Гельветы, въ крайности лишенные всего, отправили пословъ къ Цезарю съ изъявленіемъ покорности. Они застали Цезаря на пути, пали къ его ногамъ и со слезами молили его о мирѣ. Цезарь приказалъ имъ дожидаться его прибытія въ томъ мѣстѣ, гдѣ они находились. Воля его была исполнена; тогда Цезарь потребовалъ заложниковъ, выдачи оружія и рабовъ, убѣжавшихъ къ нимъ. Пока его требованіе приводилось въ исполненіе, по прошествіи сутокъ, шесть тысичь человѣкъ изъ того колѣна Гельветовъ, которое называлось Вербигеномъ, рѣшились бѣжать, или опасаясь казни по выдачѣ оружія, или надѣясь, что во множествѣ покорныхъ не будетъ замѣчено ихъ отсутствіе. Какъ бы то ни было, они, съ наступленіемъ слѣдующей ночи, оставили лагерь Гельветовъ и двинулись къ Рейну и Германской границѣ.

28. Цезарь, узнавъ объ этомъ, приказалъ тѣмъ племенамъ, по зем-

лѣ которыхъ должны были проходить бѣглые Гельветы, чтобы они захватили ихъ и привели, если сами хотятъ оставаться въ покоѣ. Съ пойманными Гельветами велѣно поступить какъ съ врагами; остальные же, давъ заложниковъ и выдавъ оружіе и перебѣжчиковъ, остались невредимы. Цезарь приказалъ Гельветамъ, Тулингамъ и Латобригамъ возвратиться на прежнія жилища. Такъ какъ они лишены были средствъ прокормиться, истребивъ все дома, то Аллоброгамъ велѣно было снабдить ихъ потребнымъ количествомъ хлѣба; предписано было Гельветамъ возобновить сожженные ими города и села. Цезарь болѣе всего опасался, какъ бы земля Гельветовъ не оставалась впустѣ и не сдѣлалась легкою добычею Германцевъ, жившихъ за Рейномъ. Прельщенные плодородіемъ почвы, Германцы могли занять Гельвецію, и такимъ образомъ сдѣлаться непосредственными сосѣдями провинціи Галльской и Аллоброговъ. Что касается до Боіевъ, то, уступая просьбѣ Эдуевъ, Цезарь дозволилъ этому народу, знаменитому храбростью, поселиться съ ними вмѣстѣ. Эдуи дали Боіямъ земли для поселенія и сравняли ихъ правами съ своими согражданами.

29. Въ лагерѣ Гельветовъ найдены и принесены къ Цезарю списки на Греческомъ языкѣ, въ которыхъ подробно показано число Галловъ, оставившихъ свои жилища, какъ способныхъ носить оружіе, также и дѣтей, стариковъ и женщинъ. Всѣхъ вообще было душъ: Гельветовъ **263,000**, Тулинговъ — **36,000**, Латобриговъ — **14,000**, Раураковъ **23,000**, Боіевъ—**32,000**. Изъ этого числа способныхъ носить оружіе было **92,000**; всѣхъ же вообще **368,000** душъ. По переписи, сдѣланной по приказанію Цезаря, оказалось. что изъ этого числа возвратились домой **110,000** душъ.

30. По окончаніи войны съ Гельветами, къ Цезарю прибыли послами отъ всѣхъ почти племенъ Галліи первыя лица; они принесли ему поздравленія и говорили: «Не безъизвѣстно имъ, что Цезарь мстилъ Гельветамъ за давнее оскорбленіе, нанесенное ими народу римскому; тѣмъ не менѣе достойная казнь, понесенная этимъ племенемъ, полезна была въ высшей степени для всей Галліи. Гельветы, находясь на верху силы и могущества, оставили свои древнія жилища и устремились на Галлію, съ цѣлію покорить ее, избрать лучшія и плодороднѣйшія мѣста ея для поселенія, племена же, ея населяющія, сдѣлать своими данниками. Въ заключеніе, Галльскіе послы просили Цезаря дозволить имъ назначить день общаго для всей Галліи совѣта; на немъ, по взаимномъ совѣщаніи, имѣютъ они просить Цезаря о многихъ важныхъ дѣлахъ. Получивъ это дозволеніе, Галлы назначили день совѣщанія, обязавши другъ друга клятвою держать его втайнѣ и

не открывать иначе, какъ гдѣ это будетъ дозволено съ общаго согласія.

31. Когда собраніе разошлось, тѣ же главныя лица галльскихъ племенъ собрались опять къ Цезарю и просили дозволенія — на тайной аудіенціи объяснить ему свои нужды. Получивъ желаемое, со слезами они всѣ упали въ ноги Цезарю: «Для нихъ—говорили они ему—столько же важно достигнуть цѣли своихъ просьбъ, сколько и то, чтобы высказанное ими оставалось втайнѣ; если же это обнаружится, то всѣмъ имъ угрожаетъ неминуемая гибель.» Отъ лица всей Галліи Эдуй Дивитіакъ сказалъ слѣдующее: «Галлы раздѣлены на двѣ враждебныя партіи; во главѣ одной стоятъ Эдуи, во главѣ другой Арверны. Много лѣтъ продолжалась между этими двумя народами борьба о первенствѣ; наконецъ Арверны и Секваны вздумали пригласить къ себѣ на помощь Германцевъ. Сначала только 15,000 ихъ перешли по сю сторону Рейна; этимъ грубымъ и невѣжественнымъ людямъ полюбилась почва Галліи, богатства и образованность ея жителей; одни за другими подходили въ Галлію Германцы, и нынѣ уже въ Галліи ихъ находится 120,000. Эдуи, съ своими союзниками, не разъ пытались прогнать оружіемъ пришельцевъ, но понесли жестокое пораженіе, утративъ сенатъ, всю конницу и цвѣтъ дворянства. Такимъ образомъ Эдуи, народъ, прежде и по своей доблести, и по союзу, и пріязни народа римскаго занимавшій первое мѣсто между галльскими племенами, вынужденъ былъ—именитѣйшихъ гражданъ отдать въ заложники Секванамъ и вмѣстѣ присягнуть въ томъ, что никогда не будетъ требовать назадъ своихъ заложниковъ, ни умолять народъ римскій о помощи, ни какими-либо средствами домогаться свергнуть наложенное на него иго рабства. Одинъ онъ, Дивитіакъ, изо всего народа Эдуевъ не согласился ни дать въ томъ клятву, ни дѣтей своихъ въ заложники. Вслѣдствіе этого вынужденный бѣжать, онъ прибылъ въ Римъ и умолялъ сенатъ о помощи, не будучи одинъ изо всѣхъ связанъ ни клятвами, ни заложниками. Не менѣе, какъ и Эдуевъ, горькая участь постигла и ихъ побѣдителей, Секвановъ. Аріовистъ, царь германскій, поселился въ ихъ области, плодороднѣйшей изо всей Галліи, и занялъ для своихъ воиновъ третью часть ея; нынѣ же онъ требуетъ у Секвановъ еще третьей части ихъ полей, такъ какъ, нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, прибыли къ нему еще 24,000 Гарудовъ, которымъ и нужно очистить землю для поселенія. Въ теченіи немногихъ лѣтъ, всѣ Галлы будутъ лишены своихъ земель, и всѣ Германцы перейдутъ по сю сторону Рейна, такъ какъ почву Германіи нельзя сравнить съ галльскою, и образъ жизни Галловъ несравненно

лучше германскаго. Аріовистъ же, съ тѣхъ поръ какъ разбилъ галльскія войска у Магетобріи, сталъ повелителемъ надменнымъ и жестокимъ; въ заложники требуетъ онъ дѣтей благороднѣйшихъ семействъ, и, въ случаѣ малѣйшаго ослушанія его воли, истязаетъ ихъ разнаго рода мученіями. Вообще, какъ истинный варваръ, Аріовистъ дѣйствуетъ подъ вліяніемъ гнѣва и гордости; власть его стала для Галловъ невыносима. Если народъ римскій и Цезарь не вступятся за нихъ, то имъ не останется ничего болѣе, какъ послѣдовать примѣру Гельветовъ, то-есть оставить свои жилища и искать другихъ мѣстъ для поселенія, подалѣе отъ Германцевъ, и, что бы ни случилось, возложить всю надежду на судьбу. Если только Аріовистъ узнаетъ о предметѣ ихъ просьбъ, то всѣ заложники, у него находящіеся, погибнутъ мучительною смертью. Цезарь во главѣ многочисленнаго войска, своимъ личнымъ вліяніемъ, еще свѣжимъ впечатлѣніемъ недавней побѣды и величіемъ народа римскаго, можетъ остановить движеніе германскаго народа на сю сторону Рейна и защитить всю Галлію отъ притѣсненія Аріовиста».

32. Когда Дивитіакъ окончилъ говорить, то всѣ Галлы, сколько ихъ было въ собраніи, съ великимъ плачемъ стали просить Цезаря подать имъ руку помощи. Цезарь замѣтилъ, что одни Секваны не слѣдовали примѣру другихъ, но, въ горѣ, потупивъ головы, смотрѣли въ землю. Удивленный этимъ, Цезарь спросилъ ихъ о причинѣ, но они ничего не отвѣчали и пребывали въ томъже грустномъ молчаніи. Нѣсколько разъ спрашивалъ Секвановъ Цезарь, и не могъ добиться отъ нихъ никакого отвѣта. Наконецъ Эдуй Дивитіакъ сказалъ Цезарю: «Жребій Секвановъ потому ужаснѣе и тягостнѣе всѣхъ прочихъ, что одни они не смѣютъ даже и тайно жаловаться, ни молить о помощи; жестокости отсутствующаго Аріовиста они опасаются столько же, какъ еслибы онъ здѣсь былъ. Прочимъ есть возможность спастись бѣгствомъ; Секваны же, принявъ Аріовиста въ свои предѣлы и отдавъ въ его власть всѣ свои города, не могутъ избѣгнуть страшныхъ отъ него мученій.

33. Выслушавъ все это, Цезарь старался ободрить Галловъ и обѣщалъ имъ озаботиться ихъ просьбою, причемъ высказалъ надежду, что Аріовистъ, изъ уваженія и благодарности къ нему, Цезарю, положитъ конецъ притѣсненіямъ. Затѣмъ Цезарь распустилъ собраніе, впрочемъ, по многимъ причинамъ, онъ счелъ нужнымъ обратить вниманіе на высказанныя въ немъ, весьма важныя, дѣла. Во-первыхъ, Эдуи—народъ, не разъ удостоенный отъ сената и народа римскаго названія сродниковъ и братьевъ, былъ униженъ и порабощенъ Гер-

манцами и вынужденъ дать заложниковъ имъ и Секванамъ. А при такой степени могущества народа римскаго допустить это—было бы унизить и себя и его. Притомъ, навыкъ Германцевъ — переходить по сю сторону Рейна и въ большомъ числѣ селиться въ Галліи— грозилъ въ будущемъ серьезною опасностью для народа римскаго. Нельзя было не предвидѣть, что эти дикіе и необузданные варвары, занявъ всю Галлію, по примѣру Кимвровъ и Тевтоновъ, не оставятъ въ покоѣ и нашу провинцію и оттуда ударятъ на Италію; опасность была тѣмъ ближе, что только Рона отдѣляетъ нашу провинцію отъ земли Секвановъ. Противъ этого, слѣдовательно, надобно было взять мѣры заблаговременно. Къ тому же Аріовистъ до того сдѣлался надмененъ и дерзокъ, что пора было положить конецъ его своеволію.

34. Вслѣдствіе такихъ соображеній, Цезарь отправилъ пословъ къ Аріовисту, требуя отъ него, чтобы онъ назначилъ ему время и мѣсто для совѣщанія, такъ какъ ему, Цезарю необходимо нужно переговорить съ нимъ о важныхъ дѣлахъ, касающихся народа римскаго и его, Аріовиста. Посламъ Цезаря Аріовистъ далъ слѣдующій отвѣтъ: «Еслибы ему было до Цезаря какое дѣло, то онъ самъ бы его отъискалъ; если же Цезарю онъ теперь нуженъ, то Цезарь можетъ самъ къ нему пожаловать. Притомъ онъ не рѣшится безъ войска явиться въ ту часть Галліи, которою владѣетъ Цезарь; собрать же войско въ одно мѣсто нужно много труда и издержекъ. Впрочемъ, ему удивительно, какое можетъ быть дѣло Цезарю, или народу римскому, до той части Галліи, которою онъ владѣетъ по праву оружія?»

35. Цезарь, получивъ такой отвѣтъ отъ Аріовиста, отправилъ къ нему снова пословъ съ такими рѣчами: «Такъ какъ онъ, Аріовистъ, забывъ благодѣянія народа римскаго, въ консульство его, Цезаря, нарекшаго его черезъ сенатъ царемъ и другомъ, несогласился, будучи приглашенъ, явиться на свиданіе, и даже отрекся переговорить объ общихъ дѣлахъ, то неугодно ли ему будетъ согласиться на слѣдующее: «отнынѣ впредь не переводить болѣе въ Галлію по сю сторону Рейна своихъ соотечественниковъ; возвратить взятыхъ у Эдуевъ заложниковъ, дозволивъ Секванамъ съ своей стороны сдѣлать то же; ничѣмъ не наносить обиды Эдуямъ и ихъ союзникамъ. Если онъ, Аріовистъ, согласенъ на эти условія, то прочная пріязнь будетъ у него и съ нимъ, Цезаремъ, и съ народомъ римскимъ. Если же откажется, то онъ, Цезарь, на основаніи сенатскаго декрета, изданнаго въ консульство М. Мессалы и М. Пизона, по которому начальникамъ Галльской провинціи велѣно блюсти интересы государства и заботиться о защитѣ Эдуевъ и другихъ со-

*

юзниковъ народа римскаго, возьмется за оружіе въ защиту, притѣсненныхъ Аріовистомъ, Эдуевъ.

36. Отвѣтъ Аріовиста на это былъ слѣдующій: «Право войны велитъ побѣдителямъ налагать на побѣжденныхъ такія условія, какія заблагоразсудятъ. Конечно, народъ римскій въ этихъ случаяхъ руководствуется своимъ произволомъ и не нуждается въ чьемъ-либо посредничествѣ. Если онъ, Аріовистъ, не указываетъ народу римскому, какъ ему поступать въ своемъ правѣ, то и народу римскому не слѣдуетъ препятствовать ему въ свободномъ отправленіи его права. Эдуи состязались съ нимъ оружіемъ, побѣждены открытою силою и стали его данниками. Цезарь дѣлаетъ ему, Аріовисту, великую обиду уже тѣмъ, что, съ его прибытіемъ, они стали платить неисправно дань. Эдуямъ заложники возвращены не будутъ, но и войною они будутъ пощажены дотолѣ, пока будутъ соблюдать данныя обѣщанія и исправно платить ежегодную дань. Буде они этого не исполнятъ, то далеко имъ не поможетъ наименованіе братства съ народомъ римскимъ. Что же касается до угрозы Цезаря—мстить за обиду Эдуевъ, то доселѣ никто безнаказанно не обнажалъ мечь на Аріовиста. Буде хочетъ, пусть идетъ на бой и свѣдаетъ мужество Германцевъ, доселѣ непобѣдимыхъ, опытныхъ въ бою, въ теченіи четырнадцати лѣтъ не знавшихъ покоя и отдохновенія».

37. Въ одно и то же время, когда Цезарю принесли отвѣтъ Аріовиста, пришли къ нему послы отъ Эдуевъ и Тревировъ. Эдуи жаловались, что Гаруды, недавно переведенные въ Галлію, опустошаютъ ихъ земли, и что, такимъ образомъ, они даже дачею Аріовисту заложниковъ, не могли искупить себѣ у него мира. Тревиры дали знать Цезарю, что сто родовъ Свевскихъ остановились на берегахъ Рейна, стараясь перейдти на сю сторону; ими начальствуютъ два брата. Назуя и Цимберій. Эти извѣстія сильно встревожили Цезаря: онъ увидѣлъ необходимость дѣйствовать, поспѣшно; въ случаѣ соединенія прежнихъ силъ Аріовиста съ вновь прибывшими Свевами, трудно было бы противуставить имъ сопротивленіе. Вслѣдствіе этого. Цезарь, запасшись какъ можно поспѣшнѣе провіантомъ, двинулся къ Аріовисту.

38. Три дня уже былъ Цезарь въ походѣ, когда ему дано знать, что Аріовистъ со всѣмъ войскомъ двинулся занять Везонцій *), главный городъ Секвановъ, и что третій день, какъ онъ перешелъ границу. Для Цезаря было весьма важно недопустить Аріовиста овладѣть

---

*) Нынѣ «Безансонъ.»

этимъ городомъ: во-первыхъ, онъ былъ въ изобиліи снабженъ всѣми запасами, нужными для веденія войны; притомъ, въ военномъ отношеніи онъ представлялъ весьма важный пунктъ, будучи сильно укрѣпленъ природою—почти кругомъ омываетъ его рѣка Дубисъ, какъ бы искуственнымъ рвомъ. Въ промежуткѣ, оставленномъ рѣкою, футовъ на 600 вышиною, возвышается крутая гора, склоны которой съ обѣихъ сторонъ доходятъ до самыхъ береговъ рѣки. Вершина горы обнесена стѣнами и составляетъ крѣпость; она соединяется съ городомъ. Цезарь поспѣшно, не останавливаясь ни днемъ ни ночью, идетъ къ городу, занимаетъ его и ставитъ тамъ гарнизонъ.

39. Цезарь провелъ нѣсколько дней въ Везонціи для заготовленія провіанта и принятія мѣръ къ свободному его подвозу. Между тѣмъ, на распросы нашихъ воиновъ, купцы и Галлы говорили имъ съ ужасомъ объ огромномъ ростѣ Германцевъ, невѣроятномъ ихъ мужествѣ и опытности въ военномъ дѣлѣ, утверждая, что, встрѣчаясь съ ними, они не въ состояніи даже вынести ихъ страшнаго лица и огненнаго взора. Такіе слухи распространили по нашему лагерю значительныя робость и смятеніе умовъ. Первые поддались чувству страха военные трибуны, префекты и другіе, болѣе изъ дружбы къ Цезарю послѣдовавшіе за нимъ изъ Рима, и не имѣвшіе большой опытности въ военномъ дѣлѣ. Они искали разныхъ предлоговъ просить у Цезаря позволенія ѣхать домой. Иные еще оставались, стыдясь обнаружить страхъ, но онъ невольно высказывался въ выраженіи ихъ лицъ; даже иногда не могли они удержаться отъ слезъ; удалясь въ палатки, они или сами наединѣ оплакивали свой жребій, или горевали вмѣстѣ съ своими приближенными объ общей угрожавшей имъ опасности. По всему лагерю публично, вездѣ, писались завѣщанія. Такая робость не могла не повліять мало по малу и на болѣе опытныхъ въ военномъ дѣлѣ солдатъ, сотниковъ и начальниковъ конницы. Не желая показать себя столько же трусливыми, какъ первые, они говорили, что не врагъ внушаетъ опасеніе, а неудобство пути, узкаго и идущаго между огромными лѣсами, какой отдѣляетъ еще ихъ отъ Аріовиста, и невозможность свободно подвозить съѣстные припасы. Нѣкоторые даже предупреждали Цезаря, что когда онъ подниметъ сигналъ снимать лагерь и выносить военные значки, то воины откажутъ повиноваться и, отъ робости, не понесутъ военныхъ значковъ.

40. Примѣчая это, Цезарь приказалъ созвать къ себѣ сотниковъ всѣхъ рядовъ и съ жаромъ пенялъ имъ: «На что имъ допытываться и обдумывать—куда ихъ ведутъ и съ какою цѣлью? Аріовистъ, во время его консульства, добивался съ величайшею охотою дружбы

народа римскаго. Почему же предполагать, чтобы онъ такъ необдуманно измѣнилъ своему долгу? По крайней мѣрѣ онъ, Цезарь, убѣжденъ, что Аріовистъ, обдумавъ его требованія и усмотрѣвъ справедливость предложенныхъ имъ условій, не отвергнетъ дружеское расположеніе и его, и народа римскаго. Если же онъ въ безуміи и неистовствѣ и начнетъ войну, то чего имъ опасаться? Зачѣмъ имъ сомнѣваться въ собственномъ мужествѣ и благоразуміи ихъ полководца? Отцы наши уже имѣли дѣло съ этимъ врагомъ, и пораженіе Кимвровъ и Тевтоновъ К. Маріемъ доставило равную славу и полководцу, и его войску. И сами они недавно въ Италіи испытали военные труды въ усмиреніи бунта рабовъ, которые много находили еще опоры въ нашей же дисциплинѣ и обычаяхъ у насъ перенятыхъ. Изъ этого они сами могутъ видѣть, сколько храбрость сама по себѣ представляетъ ручательства безопасности; тѣхъ же, кого они безъ причины боялись безоружныхъ, въ послѣдствіи вооруженныхъ и побѣдителей, они усмирили. Наконецъ это тѣ же самые Германцы, съ которыми неоднократно Гельветы имѣли схватки не только въ своей, но и въ ихъ землѣ и оставались по большей части побѣдителями, тогда какъ сами Гельветы не могли выдержать нападенія нашего войска. Но ихъ пугаетъ несчастіе Галловъ и ихъ пораженіе; о причинахъ если они ихъ спросятъ, то и узнаютъ, что Аріовистъ въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ находилъ защиту въ лагеряхъ и болотахъ, не давая Галламъ возможности напасть на себя. Когда же они, утомленные ожиданіемъ и не имѣя терпѣнія дождаться боя, стали расходиться, тутъ онъ напалъ на нихъ и разбилъ ихъ болѣе хитростью и искусствомъ, чѣмъ доблестью. Но тотъ же благопріятный случай, который помогъ ему противъ народа невѣжественнаго и неопытнаго, врядъ ли можетъ служить ему пособіемъ противъ нашего войска, да и самъ Аріовистъ врядъ ли на него разсчитываетъ. Обнаруживать же имъ опасеніе относительно затрудненій пути или подвоза съѣстныхъ припасовъ—значитъ дерзко сомнѣваться въ способности ихъ полководца, или присвоивать себѣ его обязанности. Пусть они заботу обо всемъ этомъ предоставятъ ему одному. Секваны, Левки, Лингоны будутъ снабжать насъ хлѣбомъ; притомъ же онъ поспѣваетъ на поляхъ. А относительно удобствъ дороги, они сами могутъ скоро узнать ихъ. Ослушанія же воиновъ и отказа ихъ поднять военные значки онъ не боится. Знаетъ онъ, что войско теряетъ уваженіе къ начальнику или въ томъ случаѣ, когда ему измѣнитъ счастіе, или въ томъ, когда онъ будетъ уличенъ въ злоупотребленіяхъ и лихоимствѣ. Порукою его невинности—вся его прошлая жизнь, а залогомъ счастія—благопріятный конецъ войны гельветской. Итакъ, онъ

поспѣшитъ выступленіемъ, которое было хотѣлъ отложить, и въ слѣдующую же ночь, въ четвертую стражу ея, дастъ знакъ снимать лагерь, желая поскорѣе узнать, что̀ имѣетъ болѣе власти надъ его воинами, чувство ли чести и долга, или страха. Если же никто за нимъ не послѣдуетъ, то онъ пойдетъ и съ однимъ десятымъ легіономъ, въ которомъ онъ не сомнѣвается; онъ будетъ для него преторіанскою когортою». Къ этому легіону Цезарь особенно благоволилъ, и вполнѣ полагался на его испытанное мужество.

41. Рѣчь эта совершенно какъ бы чудомъ измѣнила расположеніе умовъ; у всѣхъ явилось величайшее рвеніе и усердіе къ войнѣ. Первый десятый легіонъ благодарилъ, чрезъ военныхъ трибуновъ, Цезаря за выгодное о немъ мнѣніе, и изъявилъ полную готовность идти съ нимъ въ походъ. Прочіе легіоны также черезъ военныхъ трибуновъ и сотниковъ первыхъ рядовъ просили Цезаря принять ихъ объясненіе: «что никогда не имѣли они ни сомнѣній, ни робости, и всегда были того убѣжденія, что о военныхъ дѣлахъ долженъ заботиться одинъ полководецъ, а не они». Удовлетворясь этимъ объясненіемъ, Цезарь распросилъ о дорогѣ Дивитіака, къ которому изо всѣхъ Галловъ имѣлъ наиболѣе довѣрія. Онъ предпочелъ сдѣлать обходъ на 50 миль для того, чтобы вести войско открытыми мѣстами, и въ четвертую стражу, какъ обѣщалъ, выступилъ въ походъ. На седьмой день бозостановочнаго похода, передовые разъѣзды дали знать, что войска Аріовиста находятся отъ нашихъ въ 24 миляхъ.

42. Узнавъ о приближеніи Цезаря, Аріовистъ отправилъ къ нему пословъ, напоминая ему, что какъ онъ, Цезарь, изъявилъ желаніе переговорить съ нимъ, то теперь, такъ какъ онъ подошелъ ближе, то и находитъ возможнымъ сдѣлать это безъ опасности. Цезарь не отвергъ предложенія Аріовиста; онъ надѣялся, что Аріовистъ возвратился къ здравымъ видамъ умѣренности, потому что предложилъ самъ то, въ чемъ отказалъ прежде, когда его просили. Льстилъ себя большою надеждою Цезарь, что Аріовистъ, изъ благодарности за столько знаковъ расположенія со стороны его, Цезаря, и народа римскаго, не будетъ упорствовать и согласится на его требованія. День свиданія назначенъ пятый отъ того дня. Между тѣмъ неоднократно съ обѣихъ сторонъ пересылались уполномоченными, и Аріовистъ изъявилъ желаніе, чтобы Цезарь не бралъ съ собою ни одного пѣшаго воина, опасаясь со стороны его покушенія захватить его, Аріовиста; и тотъ и другой должны были имѣть съ собою только конную свиту; иначе Аріовистъ не соглашался. Цезарь не хотѣлъ по столь ничтожной причинѣ разстроить сдѣлку, но и опасался ввѣрить свою жизнь конницѣ, состояв-

шей изъ Галловъ. А потому онъ счелъ за лучшее, взявъ всѣхъ коней у Галльскихъ всадниковъ, отдать ихъ воинамъ десятаго легіона, къ которому онъ имѣлъ наибольшее довѣріе; такимъ образомъ, на случай нужды, онъ приготовилъ себѣ самую вѣрную защиту. По этому случаю остроумно замѣтилъ одинъ изъ воиновъ десятаго легіона: «Цезарь болѣе сдѣлалъ, чѣмъ обѣщалъ; онъ далъ слово считать десятый легіонъ за свою преторіанскую когорту; нынѣ же онъ ихъ пожаловалъ во всадники».

43. Посреди обширной равнины возвышался земляной холмъ изрядной величины; онъ находился почти въ равномъ разстояніи отъ обоихъ лагерей, и потому онъ былъ избранъ для свиданія. Цезарь, въ двухъ стахъ шагахъ не доходя холма, поставилъ свой конный легіонъ; въ такомъ же разстояніи отъ холма стояла и конница Аріовиста. Германскій вождь требовалъ, чтобы переговоры вести не сходя съ коней и чтобы взять съ собою по десяти верховыхъ на совѣщаніе. Когда свидѣлись оба вождя, Цезарь сталъ говорить первый. Онъ напомнилъ Аріовисту свои одолженія и милости сената: «какъ онъ получилъ отъ сената наименованіе царя и друга, и осыпанъ былъ щедрыми подарками. Милости такой прежде удостоивались немногіе и то въ награду за великія услуги. Онъ же, Аріовистъ, получилъ все это по великодушію сената и расположенію его, Цезаря, не имѣя на это собственно никакого права. Далѣе Цезарь изложилъ, какъ издавна и какія основательныя причины имѣютъ Эдуи разсчитывать на союзъ Римлянъ, какіе неоднократно римскій сенатъ милостивые декреты издавалъ въ отношеніи къ нимъ, какъ Эдуи всегда пользовались старѣйшинствомъ въ Галліи, еще прежде чѣмъ искали союза народа римскаго. А у него въ обычаѣ не только ничего не отнимать у своихъ друзей и союзниковъ, но всячески содѣйствовать увеличенію ихъ чести, славы и могущества. А потому, можетъ ли онъ теперь равнодушно снесть, что у Эдуевъ отнято даже и то, съ чѣмъ они приступили къ союзу Римлянъ»? Въ заключеніе Цезарь повторилъ тѣ же условія, которыя онъ предлагалъ черезъ пословъ: «чтобы Аріовистъ не тревожилъ впредь войною Эдуевъ и ихъ союзниковъ, чтобы возвратилъ имъ заложниковъ и, если уже вовсе невозможно нисколько изъ находящихся у него Германцевъ отправить домой, то чтобы онъ впредь не дозволялъ никому изъ нихъ переходить Рейнъ.

44. Аріовистъ мало отвѣчалъ на требованія Цезаря, но сильно хвалился своими подвигами: «перешелъ онъ Рейнъ не самъ по себѣ, но по желанію и усиленной просьбѣ Галловъ; оставивъ домъ и родныхъ, вправѣ онъ былъ льститься великими надеждами, ожидать

большаго вознагражденія. Если онъ имѣетъ мѣста для поселенія въ Галліи, то они уступлены ея жителями; равно и заложники даны ими же добровольно. Дань наложена на нихъ по военному праву, какъ всегда побѣдители поступаютъ съ побѣжденными. Не онъ началъ войну съ Галлами, но Галлы съ нимъ; всѣ племена Галліи ополчились было на него и стали противъ него лагеремъ; но онъ всѣхъ ихъ въ одномъ сраженіи поразилъ и обратилъ въ бѣгство. Если они снова желаютъ возобновить съ нимъ бой, то онъ согласенъ принять его. Если же они желаютъ пользоваться миромъ, то несправедливо съ ихъ стороны отказываться платить дань, которую они по сю пору платили добровольно. Дружба народа римскаго должна служить ему къ чести и защитѣ, а не къ его ущербу, и въ этой-то надеждѣ онъ и искалъ ее. Если же народъ римскій будетъ прощать за него дань и лишать его плодовъ его побѣдъ, то не съ меньшимъ усердіемъ готовъ онъ отречься отъ его пріязни, съ какимъ добивался ея прежде». Если онъ множество Германцевъ переводитъ въ Галлію, то для защиты своей, а не для ея завоеванія; доказательство то, что онъ пришелъ въ Галлію только по приглашенію ея жителей и не начиналъ войны, а только отразилъ ее. А явился онъ въ Галлію прежде, чѣмъ народъ римскій; до нынѣ войско римское еще ни разу не переходило границъ провинціи. Что же ему нужно? Зачѣмъ онъ пришелъ въ его владѣнія? Эта Галлія по такому же праву провинція его, Аріовиста, по какому та провинція Римлянъ. Если, ему Аріовисту—Римляне не дозволятъ сдѣлать нападеніе на свои владѣнія, то можетъ ли онъ равнодушно видѣть вмѣшательство Римлянъ въ его право? Хотя Цезарь и говоритъ, что Эдуи получили отъ сената наименованіе братьевъ, но не до такой степени онъ дикарь и дѣла не смыслитъ, чтобы незнать, что, въ недавнюю войну Римлянъ съ Аллоброгами, Эдуи не давали помощи Римлянамъ, а въ борьбѣ Эдуевъ съ нимъ, Аріовистомъ и съ Секванами, Римляне также не принимали участія. Вынужденъ онъ по всему этому подозрѣвать, что Цезарь подъ личиной дружбы, имѣя войско въ Галліи, держитъ его на его угнѣтеніе. А потому онъ ему объявляетъ, что если онъ не уйдетъ и не выведетъ войска изъ этихъ мѣстъ, то онъ будетъ съ нимъ обращаться уже не какъ съ другомъ, а какъ со врагомъ. Убійствомъ Цезаря онъ, Аріовистъ, задобритъ въ свою пользу многихъ знатнѣйшихъ Римлянъ, занимающихъ первыя мѣста въ государствѣ; они сами присылали къ нему объ этомъ, и такимъ образомъ онъ имѣетъ возможность гибелью Цезаря снискать благосклонность и дружбу всѣхъ. Если же Цезарь отступитъ и предоставитъ ему спокойное обладаніе всею Галліею, то получитъ отъ него, Аріовиста,

великое за то вознагражденіе. Гдѣ бы и съ кѣмъ бы Цезарь ни началъ войну, Аріовистъ берется вести ее за него, безо всякихъ съ его стороны трудовъ и опасностей».

45. Цезарь съ своей стороны говорилъ много, стараясь доказать, почему ему невозможно отказаться отъ своихъ намѣреній. Между прочимъ сказалъ онъ: «что не въ обычаѣ его и народа римскаго оставлять союзниковъ, оказавшихъ отличныя услуги и что онъ, Цезарь, неможетъ понять, почему бы этой Галліи принадлежать Аріовисту, а не Римлянамъ? К. Фабій Максимъ побѣдилъ Рутеновъ и Арверновъ, но народъ римскій простилъ имъ, земли ихъ не присоединилъ къ провинціи и даже не взялъ съ нихъ дани. Да если бы необходимо было обратиться и къ самимъ отдаленнымъ временамъ, то право владѣнія Римскаго народа въ Галліи основано на самой строгой справедливости. Если необходимо соблюсти приговоръ сената, то Галлія, хотя по праву войны и покорная Римлянамъ, должна пользоваться ненарушимо вольностью и управляться собственными законами».

46. Переговоры еще шли, когда Цезарю дали знать, что всадники Аріовиста подвигаются къ холму и мечутъ въ нашихъ стрѣлы и камни. Тогда Цезарь положилъ конецъ совѣщанію и отъѣхалъ къ своимъ, строго приказавъ не метать ничего въ непріятеля. Бой отборнаго легіона съ непріятельскою конницею не могъ быть сомнителенъ, но Цезарь не допустилъ до него, опасаясь, какъ бы побѣду не приписали коварству, что будто бы онъ заманилъ непріятеля подъ видомъ переговоровъ. Когда наши воины узнали, съ какою надменностью дѣйствовалъ Аріовистъ на совѣщаніи, какъ онъ отрицалъ право Римлянъ на всю Галлію, какъ всадники его сдѣлали нападеніе на нашихъ и тѣмъ положили конецъ переговорамъ, то они обнаружили сильнѣйшее рвеніе и охоту къ бою, чѣмъ прежде.

47. Черезъ два дни послѣ того, Аріовистъ прислалъ къ Цезарю пословъ сказать, что ему нужно переговорить съ нимъ о дѣлахъ, о которыхъ толковали на совѣщаніи, но не кончили. А потому пусть онъ вновь назначитъ день совѣщанія или, буде не желаетъ, пришлетъ къ нему посломъ кого-нибудь изъ своихъ легатовъ. Цезарь не заблагоразсудилъ согласиться на новый съѣздъ тѣмъ болѣе, что и на первомъ Германцы не могли удержаться отъ непріязненныхъ поступковъ. Отправить уполномоченнымъ кого-либо изъ своихъ Цезарь также не рѣшился, не желая подвергать опасности и отдавать на жертву произволу дикихъ и необузданныхъ людей. Всего лучше Цезарь нашелъ послать къ Аріовисту К. Валерія Процилла, сына К. Валерія Кабура; этотъ молодой человѣкъ отличался прекрасными достоинствами и ласковымъ

обращеніемъ,—отецъ его получилъ право гражданства отъ К. Валерія Флакка; пользовался довѣріемъ Цезаря и зналъ хорошо языкъ галльскій, на которомъ Аріовистъ, отъ давняго пребыванія въ Галліи, привыкъ говорить бѣгло. Притомъ же Германцы не имѣли причины и повода къ неудовольствію на этого молодаго человѣка. Съ Процилломъ посланъ былъ еще М. Меттій, не разъ пользовавшійся гостепріимствомъ Аріовиста. Имъ поручено было узнать, въ чемъ состоятъ предложенія Аріовиста и передать ихъ Цезарю. Увидавъ у себя въ лагерѣ пословъ римскихъ, Аріовистъ, въ присутствіи всего войска, воскликнулъ: «что вы пришли здѣсь дѣлать? Заниматься шпіонствомъ»? Тщетно тѣ пытались говорить, имъ не дали и заковали ихъ.

48. Въ тотъ же день Аріовистъ подвинулъ лагерь и расположился у подошвы горы, миляхъ въ шести отъ Цезарева лагеря. На другой день Аріовистъ прошелъ съ своимъ войскомъ мимо лагеря Цезарева, и остановился за нимъ въ двухъ миляхъ. Это движеніе Аріовистъ совершилъ съ тою цѣлью, чтобы отрѣзать Цезарю подвозъ съѣстныхъ припасовъ изъ земель Секвановъ и Эдуевъ. Начиная съ этого дня, въ теченіи пяти, Цезарь ежедневно выводилъ свои войска изъ лагеря, устроенныя въ боевомъ порядкѣ, для того чтобы Аріовистъ, если бы захотѣлъ состязаться сраженіемъ, имѣлъ къ тому возможность. Между тѣмъ Аріовистъ, въ теченіи всего этого времени, держалъ свои войска въ лагерѣ; только ежедневно высылалъ для нападенія конницу. Въ этомъ родѣ сраженія Германцы пріобрѣли величайшую опытность. Число всадниковъ простиралось до 6.000, столько же сопровождало ихъ пѣшихъ, отличающихся мужествомъ и быстротою на бѣгу; всадники ихъ выбирали изъ числа всего войска для своей защиты и безопасности. Въ сраженіи они сражались подлѣ всадниковъ, на нихъ же обыкновенно опирались всадники въ случаѣ отступленія. Они же выручали въ минуту опасности. Если всадникъ падалъ раненый съ коня, они его защищали. Въ случаѣ быстраго движенія конницы въ нападеніи или въ отступленіи, эти пѣхотинцы равнялись быстротою на бѣгу съ конями,—до того ловкость развилась у нихъ отъ упражненія!

49. Цезарь, видя, что Аріовистъ не выходитъ изъ лагеря, и желая открыть себѣ опять свободный подвозъ съѣстныхъ припасовъ, прошелъ то мѣсто, на которомъ стояли Германцы и, въ шести-стахъ шагахъ отъ нихъ, выбралъ мѣсто удобное для лагеря; онъ шелъ съ войскомъ, расположеннымъ въ три линіи. Первая и вторая стояла подъ оружіемъ, между тѣмъ какъ третья трудилась надъ укрѣпле-

ніемъ лагеря. Мѣсто это, какъ мы выше сказали, было отъ непріятеля въ разстояніи не болѣе 600 шаговъ. Аріовистъ выслалъ туда около 16 тысячъ легкаго войска и всю конницу съ цѣлью устрашить наши войска и воспрепятствовать работамъ надъ укрѣпленіями. Но Цезарь выполнилъ свой планъ; первая и вторая линіи отразили непріятеля, а третья безостановочно производила работы. Когда укрѣпленія лагеря были окончены, Цезарь оставилъ въ немъ два легіона и часть союзныхъ войскъ, а четыре остальныхъ отвелъ въ большой лагерь.

50. На слѣдующій день Цезарь, не измѣняя своему обыкновенію, вывелъ войска изъ обоихъ лагерей и, отойдя немного отъ главнаго, сталъ въ боевой порядокъ, предлагая бой Аріовисту. Германцы и на этотъ разъ не вышли изъ лагеря; дожидавшись ихъ до полудня, Цезарь опять увелъ войско въ лагери. Тогда только Аріовистъ выслалъ часть своихъ войскъ для нападенія на нашъ ближайшій лагерь; тутъ съ обѣихъ сторонъ происходилъ упорный бой до вечера. Солнце уже садилось, когда Аріовистъ, послѣ кровопролитнаго и не рѣшительнаго боя, отвелъ свои войска въ лагерь. Цезарь спрашивалъ у плѣнныхъ Германцевъ, почему Аріовистъ не рѣшается вступить въ битву, и узналъ слѣдующее: у этого народа матери семействъ гаданіями и метаніемъ жеребья узнаютъ: слѣдуетъ ли сражаться или нѣтъ? Въ настоящемъ же случаѣ онѣ предсказали, что до новолунія военное счастіе не можетъ быть благопріятно для Германцевъ.

51. На другой день Цезарь оставилъ въ лагеряхъ потребное для ихъ обороны число воиновъ; а вспомогательное все войско расположилъ передъ меньшимъ лагеремъ для того, чтобы скрыть малочисленность воиновъ въ легіонахъ, уступавшихъ въ числѣ непріятельскому войску. Самъ же, устроивъ войско въ три линіи, двинулся съ нимъ къ лагерю непріятельскому. Тогда, вынужденные необходимостью, Германцы выводятъ свои войска изъ лагеря; каждое племя стало отдѣльно, и, въ равномъ другъ отъ друга разстояніи, помѣстились Гаруды, Маркоманны, Трибокки, Вангіоны, Неметы, Седузіи, Свевы. Строй ихъ, съ цѣлью— бѣгство сдѣлать невозможнымъ, обнесенъ былъ ихъ повозками; на нихъ помѣстили они своихъ женщинъ и онѣ, сложа руки, умоляли шедшихъ на битву воиновъ не отдавать ихъ въ рабство Римлянамъ.

52. Цезарь каждому легіону далъ въ начальники легата и квестора, для того, чтобы они были свидѣтелями и поруками взаимной храбрости. Самъ же съ правымъ крыломъ ударилъ на ту часть непріятельскаго строя, которая была слабѣе другихъ. По данному сигналу наши такъ быстро ударили на непріятеля, и тотъ съ своей же такъ поспѣшно бросился на встрѣчу, что бой сдѣлался рукопашнымъ, прежде чѣмъ могли

быть брошены дротики. Кинувъ ихъ, наши схватились за мечи; Германцы, по обыкновенію свернувшись въ колонну, приняли на щиты удары мечей. Но многіе изъ нашихъ воиновъ втѣснялись въ ихъ строй, вырывая у нихъ щиты и нанося раны посверхъ ихъ. Уже непріятель на лѣвомъ крылѣ пришелъ въ разстройство и обратился въ бѣгство, когда его правое сильно тѣснило наши войска своею многочисленностью. Замѣтивъ это, молодой П. Крассъ, командовавшій конницею, — а ему, не участвовавшему въ боѣ, виднѣе былъ ходъ дѣла, ввелъ въ бой третью запасную линію, и тѣмъ во время поддержалъ нашихъ въ минуту опасности.

53. Такимъ образомъ бой былъ возстановленъ, а непріятель повсюду обратился въ бѣгство и не останавливался до самаго Рейна, находившагося отъ мѣста битвы въ 50 миляхъ разстоянія. Весьма немногіе спаслись на той сторонѣ или вплавь, или на лодкахъ. Самъ Аріовистъ ушелъ на тотъ берегъ въ найденномъ имъ челнокѣ. Всѣхъ остальныхъ нагнавъ умертвили наши всадники. Двѣ жены было у Аріовиста: одна, свевскаго рода, которую онъ привелъ съ собою изъ дому, а другая, сестра царя Нориковъ Воціона; на ней, присланной ея братомъ, женился онъ въ Галліи; обѣ погибли во время бѣгства. Изъ двухъ ихъ дочерей одна убита, а другая попалась въ плѣнъ. Самъ Цезарь, преслѣдуя съ конницею непріятелей, нагналъ К. Валерія Процилла; его, тройными оковами скованнаго, влекли Германцы за собою. Этому обстоятельству Цезарь не менѣе обрадовался какъ и побѣдѣ: онъ былъ въ восхищеніи, что видѣлъ невредимымъ одного изъ благороднѣйшихъ мужей Галліи, своего пріятеля и друга, попавшагося было въ руки враговъ. Судьба сдѣлала торжество Цезаря болѣе полнымъ, спасши Процилла. Онъ разсказывалъ Цезарю, что три раза, въ его же, Процилла, присутствіи метали о немъ жребій, немедленно ли его сжечь на кострѣ, или оставить до времени, и три раза жребій велѣлъ ему жить. Также нашли и привели къ Цезарю и М. Меттія.

54. Когда на той сторонѣ Рейна получено было извѣстіе объ этомъ сраженіи, то Свевы, пришедшіе было къ рѣкѣ, стали расходиться по домамъ. Прибрежные жители, пользуясь ихъ испугомъ, преслѣдовали ихъ и многихъ побили. Цезарь, въ теченіи одного лѣта, кончивъ двѣ весьма значительныя войны, отвелъ немного ранѣе, чѣмъ слѣдовало по времени года, войска свои на зимнія квартиры въ землю Секвановъ; начальство надъ войсками, расположенными по зимнимъ квартирамъ, сдалъ Т. Лабіену, а самъ отправился въ ближнюю Галлію, на, имѣвшіе тамъ открыться, собранія.

КНИГА ВТОРАЯ.

—

1. Между тѣмъ какъ Цезарь, о чемъ уже сказано выше, находился на зимнихъ квартирахъ въ ближней Галліи, доходили до него частые слухи, подтвержденные и письмами Лабіена, что всѣ Белги,—а они, какъ мы видѣли, занимали третью часть Галліи,—составляютъ союзъ противъ народа римскаго, и скрѣпляютъ его взаимною дачею заложниковъ. Причиною этого были слѣдующія обстоятельства: во-первыхъ, Белги опасаются, какъ бы, по умиреніи всей Галліи, римское войско не обратилось на нихъ. Во-вторыхъ, много содѣйствовали къ этому убѣжденія нѣкоторыхъ Галловъ. Одни изъ нихъ, не желая водворенія въ Галліи Германцевъ, неохотно и враждебно смотрѣли на то, что римское войско зимуетъ, и какъ бы освоивается въ Галліи. Другіе, по легкомыслію и вѣтренности, ждали перемѣнъ; особенно тѣ, которые, пользуясь своимъ вліяніемъ и возможностью держать наемное войско, присвоивали надъ своими соотечественниками царскую власть; при господствѣ же Римлянъ, они не могли такъ свободно приводить въ исполненіе свои честолюбивые замыслы.

2. Вслѣдствіе такихъ слуховъ и писемъ, Цезарь набираетъ два новыхъ легіона въ ближней Галліи. Съ наступленіемъ лѣта, онъ ихъ отправляетъ въ дальную Галлію подъ начальствомъ К. Педія легата. Самъ онъ отправился къ войску, когда въ полѣ стало довольно кормовъ; Сенонамъ и другимъ Гальскимъ племенамъ, жившимъ по сосѣдству съ Белгами, Цезарь приказалъ развѣдывать и давать ему знать обо всемъ, что у нихъ происходитъ. Извѣстія всѣ говорили объ одномъ, что Белги собираютъ войско и сводятъ его въ одно мѣсто. Тогда Цезарь рѣшился дѣйствовать, и на двѣнадцатый день выступить въ походъ. Озаботясь о томъ, чтобы въ подвозѣ провіанта не было недостатка, Цезарь снялъ лагерь и, послѣ 15-ти дней похода, прибылъ къ границамъ Белговъ.

3. Движеніе Цезаря было такъ быстро и приходъ его такъ неожиданъ, что Ремы, первое племя Белговъ со стороны Галліи, отправили къ нему пословъ, знатнѣйшихъ лицъ—Ицція и Антеброга. Именемъ своихъ соотечественниковъ, они сказали Цезарю: «что отдаютъ себя и все свое на волю и произволъ римскаго народа, что они не принимали участія въ общемъ союзѣ Белговъ противъ Римлянъ; готовы они дать заложниковъ, исполнить все, что будетъ приказано

отъ Цезаря, пустить его войско въ свои города, снабдить провіантомъ и всѣмъ, въ чемъ оно будетъ имѣть нужду». При этомъ послы Ремовъ сообщили извѣстіе: «что всѣ Белги взялись за оружіе, что Германцы, живущіе по сю сторону Рейна, присоединились къ нимъ, и что всеобщее воодушевленіе таково, что племя Суессоновъ, родственное и одной крови съ Ремами, пользующееся съ ними одними и тѣми же правами и законами, признающее одну и ту же власть и однихъ начальниковъ, не смотря на всѣ ихъ убѣжденія, пристало къ общему союзу Белговъ.

4. Цезарь разспрашивалъ пословъ о томъ, какія именно племена взялись за оружіе, и какъ велики ихъ силы на войнѣ, и узналъ слѣдующее: «большая часть Белговъ—германскаго происхожденія; предки ихъ, давно перешедши Рейнъ, поселились здѣсь вслѣдствіе плодородія почвы, вытѣснивъ отсюда коренныхъ жителей, Галловъ. Одни Белги, изо всѣхъ племенъ Галліи, когда, на памяти нашихъ предковъ, Кимвры и Тевтоны поработили было всю Галлію, отразили ихъ съ успѣхомъ отъ своихъ предѣловъ. Вслѣдствіе этого воспоминанія, они, относительно военнаго дѣла, пользуются большею славою, и не менѣе и сами думаютъ о себѣ въ этомъ отношеніи. О числѣ ихъ послы Ремовъ брались сообщить намъ вѣрныя и подробныя свѣдѣнія; вслѣдствіе ихъ родственныхъ отношеній съ Белгами, они знали, сколько каждое племя обѣщалось на общемъ сеймѣ выставить воиновъ. Первое мѣсто между Белгами, по могуществу, вліянію и многолюдству, занимаютъ Белловаки; они могутъ выставить до 100,000 человѣкъ; они изъ этого числа обѣщали 60 тысячь отборнаго войска съ тѣмъ, чтобы имъ принадлежало главное распоряженіе войною. За Белловаками слѣдуютъ Суессоны, сосѣди ихъ, Ремовъ; обширная ихъ область отличается плодородіемъ. У нихъ еще недавно, на нашей памяти, былъ царемъ Дивитіакъ, могущественнѣйшій въ Галліи; онъ простеръ свою власть не только на большую ея часть, но и на Британію. Теперь у нихъ царемъ Гальба. По испытанному его благоразумію и храбрости, съ общаго совѣта, ему ввѣрено начальство на войнѣ. У Суессоновъ 12-ть городовъ; они обязались выставить на войну 50,000 человѣкъ. Столько же обѣщались Нервіи, самое отдаленное и дикое изъ племенъ Белговъ. Атребаты дадутъ 15,000; Амбіаны—10,000; Морины—25,000, Менапіи—9,000, Калеты—10,000, Верокассы и Веромандуи—столько же, Адуатики—19,000. Кондрузы, Эбуроны, Церазы, Пеманы, извѣстные подъ общимъ именемъ Германцевъ, по ихъ мнѣнію, могутъ выставить до 60-ти тысячъ человѣкъ.

5. Цезарь ласково обошелся съ Ремами, привѣтливо говорилъ

съ ними; только потребовалъ, чтобы къ нему явился весь ихъ сенатъ, и чтобы дѣти первыхъ семействъ были отданы ему въ заложники. Все это было въ точности исполнено въ назначенный срокъ. Между тѣмъ, Цезарь тщательно внушаетъ Дивитіаку, какая общая опасность угрожаетъ и Римлянамъ, и всей Галліи, если силы враговъ соберутся вмѣстѣ, и указываетъ ему на необходимость раздѣлить ихъ. Этого же достигнуть можно, если войска Эдуевъ нападутъ на землю Белловаковъ и станутъ ее опустошать. Поручивъ ему это, Цезарь отпустилъ его. Между тѣмъ всѣ войска Белговъ, собравшись въ одно мѣсто, двинулись навстрѣчу Римлянамъ и находились уже не въ дальнемъ отъ нихъ разстояніи. Узнавъ объ этомъ отъ своихъ разъѣздовъ и изъ показаній Ремовъ, Цезарь перешелъ рѣку Аксону, составляющую крайнюю границу Ремовъ, и сталъ за нею лагеремъ. Тутъ онъ имѣлъ въ виду защитить берегомъ одинъ флангъ своей арміи и вмѣстѣ обезопасить ея тылъ; такимъ образомъ, подвозы съѣстныхъ припасовъ отъ Ремовъ и изъ прочей Галліи могли подходить къ нему безпрепятственно. Черезъ Аксону былъ мостъ; для обереганія его поставилъ Цезарь отрядъ, а на другой сторонѣ рѣки— легата К. Титурія Сабина, съ шестью когортами; лагерь обнесъ валомъ, вышиною въ 12 футовъ, и рвомъ, глубиною въ 22 фута.

6. Въ 8-ми миляхъ отъ лагеря Цезарева находился городъ Ремовъ—Бибрактъ; на него обратились первыя усилія Белговъ и въ этотъ день съ трудомъ устоялъ городъ. У Галловъ и Белговъ осада городовъ производится однимъ и тѣмъ же образомъ. Окруживъ городъ войскомъ со всѣхъ сторонъ, они бросаютъ во множествѣ на стѣны камни и стрѣлы, и тѣмъ стараются прогнать съ нихъ защитниковъ; потомъ, прикрывъ себя черепахою изъ щитовъ, они подходятъ къ воротамъ и подрываютъ стѣну. Успѣхъ такой осады тѣмъ вѣрнѣе, что почти никогда осажденные не могутъ выдержать града стрѣлъ и камней, и вынуждены бываютъ оставить стѣну. На этотъ разъ ночь положила конецъ осадѣ. Ремъ Иццій, тотъ самый, который былъ посломъ у Цезаря, начальствовавшій въ то время въ городѣ и пользовавшійся уваженіемъ и любовію его сограждан, отправилъ гонцовъ къ Цезарю, давая ему знать, что городъ, если ему не будетъ прислано на выручку войско, не можетъ долѣе держаться.

7. Въ полночь Цезарь посылаетъ на помощь городу нумидскихъ и Критскихъ стрѣлковъ и балеарскихъ пращниковъ; проводниками этому вспомогательному отряду служили посланные Ицція. Съ прибытіемъ ихъ, осажденные Ремы ободрились и оборонялись съ новымъ мужествомъ; а по той же причинѣ осаждающіе потеряли надежду взять го-

родъ. Вслѣдствіе этого, они не долго оставались подъ городомъ, а, опустошивъ его окрестности и предавъ огню всѣ села и строенія, какія только могли захватить, обратили всѣ свои силы къ лагерю Цезаря. Въ разстояніи отъ него менѣе двухъ миль, расположились они лагеремъ, который, какъ можно было судить по разведеннымъ огнямъ и дыму отъ нихъ, протянулся болѣе, чѣмъ на 8 миль.

8. Сначала Цезарь, вслѣдствіе и значительности силъ непріятеля и молвы объ его отличной храбрости, рѣшился пріостановиться сраженіемъ; но ежедневно въ легкихъ стычкахъ конницы онъ испытывалъ и силы непріятеля, и смѣлость своихъ воиновъ. Убѣдясь, что наши ни въ чемъ не уступятъ врагу, онъ избралъ передъ лагеремъ, для устройства боеваго строя, отъ природы удобное и благопріятное мѣсто. Холмъ, на коемъ расположенъ былъ нашъ лагерь, мало-по-малу возвышался надъ равниною; въ ширину имѣлъ онъ именно столько пространства, сколько требовалось для расположенія на немъ войска въ боевомъ порядкѣ; по обѣ же стороны онъ имѣлъ скаты, а спереди къ равнинѣ опускался, мало-по-малу, едва примѣтною наклонностью. Цезарь обѣ стороны холма прорѣзалъ широкими поперечными рвами, въ длину шаговъ на 600; по концамъ рвовъ онъ сдѣлалъ укрѣпленія и поставилъ на нихъ метательныя орудія. Все это было сдѣлано съ тою цѣлью, чтобы превосходный числомъ непріятель не воспользовался своею многочисленностью и не обошелъ фланги арміи Цезаря во время битвы. Устроивъ все это, Цезарь оставилъ въ лагерѣ два легіона, недавно имъ набранные, для того, чтобы они могли подать помощь тамъ, гдѣ нужно будетъ; а шесть легіоновъ, составлявшихъ остальное его войско, расположилъ въ боевомъ порядкѣ передъ лагеремъ. Непріятели также вывели свои войска изъ лагеря, и выстроили ихъ въ боевомъ порядкѣ.

9. Между войсками нашимъ и непріятельскимъ, находилось небольшое болото. Непріятель ждалъ, чтобы наши первые его перешли; наши же хотѣли напасть именно тогда, когда непріятель станетъ его переходить. Въ ожиданіи же происходили схватки конницы. Такъ какъ ни та, ни другая сторона не рѣшалась перейдти первая, то Цезарь, довольствуясь перевѣсомъ нашихъ въ бывшемъ сраженіи обѣихъ конницъ, отвелъ войска въ лагерь. Непріятель же немедленно обратился къ рѣкѣ Аксону, которая, какъ мы сказали выше, протекала позади нашихъ лагерей; тутъ онъ пытался, воспользовавшись найденными бродами перевесть часть своихъ силъ черезъ рѣку съ тѣмъ, чтобы овладѣть укрѣпленіемъ, которымъ начальствовалъ К. Титурій легатъ, и разрушить мостъ. Въ случаѣ же неудачи нападенія непріятель хотѣлъ опустошить поля Ре-

мовъ, которые были намъ весьма полезны къ веденію войны, и отрѣзать подвозъ съѣстныхъ припасовъ нашему войску.

10. Титурій далъ знать объ этомъ Цезарю и тотъ немедленно повелъ къ нему всю конницу, легко вооруженныхъ Нумидовъ, пращниковъ и стрѣлковъ; перешедъ мостъ, они встрѣтили непріятеля. Дѣло въ этомъ мѣстѣ произошло жаркое. Въ то время, когда непріятель, взойдя въ рѣку, покушался ее перейдти, наши перебили у него много людей. Тщетно непріятель съ величайшею смѣлостью по грудамъ своихъ же тѣлъ, пытался перейдти рѣку, градъ стрѣлъ вынудилъ его остановиться. Тогда, непріятель, видя невозможность овладѣть городомъ и перейдти рѣку, или напасть на наше войско при благопріятныхъ для себя условіяхъ мѣстности, испытывая при томъ же недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ, собралъ общій совѣтъ и постановилъ на немъ за лучшее разойдтись всѣмъ по домамъ, съ тѣмъ чтобы при первомъ нападеніи Римлянъ на какое либо племя Белговъ, всѣ спѣшили на помощь, полагая съ большею пользою вести войну въ своихъ предѣлахъ и пользуясь хлѣбомъ и всѣмъ нужнымъ дома. Много содѣйствовало къ этому рѣшенію между прочими причинами извѣстіе, что Дивитіакъ, съ войскомъ Эдуевъ, приближается къ области Белловаковъ. Ничто не могло долѣе удержать Белловаковъ и они пошли защищать свои дома.

11. Рѣшившись на это, они, во вторую стражу ночи, выходятъ изъ лагеря съ шумомъ, безо всякаго порядка, не признавая ничьего начальства и распоряженія; каждый поспѣшалъ самъ по себѣ домой, идя, гдѣ ему вздумалось. Такимъ образомъ удаленіе Белговъ болѣе походило на бѣгство. Цезарю лазутчики его тотчасъ дали знать о происходившемъ; но ему такое дѣйствіе со стороны Белговъ казалось необъяснимымъ, и онъ подозрѣвалъ тутъ военную хитрость, а потому и пѣшему и конному войску не велѣлъ выходить изъ лагеря. На разсвѣтѣ, получивъ болѣе точныя и подробныя извѣстія отъ передовыхъ разъѣздовъ, Цезарь послалъ въ погоню за непріятелемъ всю конницу, ввѣривъ ее начальству легатовъ К. Педія и Л. Аурункулея Котты; а Т. Лабіену легату велѣлъ идти за конницею съ тремя легіонами. Они нагнали задніе ряды непріятеля, тѣснили ихъ и били на пространствѣ многихъ миль; послѣдній строй непріятеля наконецъ остановился, и сильно и съ успѣхомъ отражалъ натискъ нашихъ; но тѣ изъ Белговъ, которые были впереди, полагая себя внѣ опасности и не признавая ничьего надъ собою приказанія, заботясь только о себѣ, услыша военные клики, разорвали свои ряды и искали спасенія въ одномъ бѣгствѣ. Такимъ образомъ наши убивали враговъ

безо всякой опасности въ теченіи всего дня. Съ наступленіемъ сумерекъ, по данному приказанію, они оставили преслѣдованіе и возвратились въ лагерь.

12. На другой день Цезарь, не давая непріятелямъ опомниться отъ пораженія и страха, повелъ войска въ область Суессоновъ, граничащую съ землею Ремовъ. Сдѣлавъ длинный переходъ, онъ подошелъ къ городу Новіодуну (*). Онъ пытался было овладѣть этимъ городомъ внезапнымънападеніемъ, по слуху, что въ немъ нѣтъ защитниковъ; но при ширинѣ рва и вышинѣ стѣны, несмотря на малочисленность осажденныхъ, не могъ взять городъ. Тогда Цезарь укрѣпилъ лагерь, сталъ устроивать осадныя машины и вообще готовиться къ веденію правильной осады. Между тѣмъ въ слѣдующую ночь, Суессоны, бѣжавшіе вмѣстѣ съ другими отъ Римлянъ, взошли въ городъ. Немедленно къ стѣнамъ приставлены были стѣнобитныя орудія, сдѣланы насыпи и на нихъ поставлены башни. Всѣ эти громадныя осадныя работы, которыхъ Галлы прежде никогда не видали и о нихъ не слыхали даже, и быстрота дѣйствій Римлянъ поразили ужасомъ Суессоновъ; они прислали къ Цезарю пословъ съ изъявленіемъ покорности. При посредничествѣ Ремовъ, за нихъ ходатайствовавшихъ, имъ дарована безопасность.

13. Цезарь взялъ въ заложники дѣтей именитѣйшихъ гражданъ и даже двухъ сыновей царя Гальбы; обезоруживъ всѣхъ жителей города, онъ принялъ отъ Суессоновъ изъявленіе ихъ покорности и повелъ войско противъ Белловаковъ. Они и сами собрались, и свои имущества снесли въ городъ Братуспантій. Цезарь еще находился отъ этого города въ 5 миляхъ разстоянія, когда всѣ старѣйшины Белловаковъ вышли къ нему изъ города на встрѣчу, протягивая къ нему руки и объявляя, что они отдаются въ полную его волю и не желаютъ вести войну съ народомъ римскимъ. Когда же Цезарь подошелъ къ городу и у него расположился лагеремъ, то дѣти и женщины со стѣнъ протягивали по своему обычаю къ Римлянамъ руки, умоляя ихъ о мирѣ.

14. За нихъ—Дивитіакъ (а онъ, по удаленіи Белговъ, распустилъ войско Эдуевъ и возвратился къ Цезарю) говорилъ слѣдующее: «Белловаки постоянно были въ союзѣ и въ дружбѣ съ Эдуями. Они были обмануты своими начальниками, которые увѣрили ихъ, что Эдуи обращены Цезаремъ въ рабство и терпятъ величайшее угнетеніе и притѣсненія всякаго рода и, слѣдуя ихъ внушеніямъ, оставили союзъ съ Эдуями и начали войну съ Римлянами. Виновники ея, видя, какихъ

(*) Нынѣ: Суассонъ или Нойонъ.

бѣдствій они были причиною, бѣжали въ Британнію. Не только сами Белловаки, но даже за нихъ Эдуи, умоляютъ Цезаря примѣнить и къ нимъ великодушіе и милосердіе. Если онъ такъ поступитъ, то увеличитъ вліяніе Эдуевъ на всѣхъ Белговъ; а на ихъ помощь и содѣйствіе они привыкли разсчитывать во всѣхъ войнахъ, какія только случатся.

15. Цезарь, желая почтить Дивитіака и Эдуевъ, сказалъ, что онъ принимаетъ ихъ покорность и ручается за ихъ безопасность. Принимая въ соображеніе, что это племя Белговъ самое значительное и многолюдное, Цезарь потребовалъ отъ него 600 заложниковъ. Получивъ ихъ, а равно и отобравъ оружіе у жителей города, Цезарь оттуда двинулся въ землю Амбіановъ; тѣ безъ замедленія изъявили совершенную покорность. За ними находились земли Нервіевъ; разспрашивая о свойствахъ этого народа и о нравахъ его, Цезарь узналъ слѣдующее: «нѣтъ къ нимъ входа купцамъ, строжайше запрещенъ ввозъ вина и прочихъ, къ роскоши служащихъ, предметовъ; этимъ они желаютъ предупредить разслабленіе нравственности и ослабленіе военной доблести. Это народъ дикій, но весьма храбрый. Съ негодованіемъ и презрѣніемъ отзываются они о прочихъ Белгахъ, виня ихъ, что они, измѣнивъ примѣру мужества, завѣщанному предками, покорились Римлянамъ и утверждаютъ, что никогда не отправятъ пословъ и не согласятся на миръ, на какихъ бы то ни было условіяхъ.

16. Три дни уже шелъ Цезарь по землѣ Нервіевъ, когда узналъ отъ плѣнныхъ, что остается не болѣе 10 миль отъ его лагеря до рѣки Сабиса; за нею же собрались, дожидаясь Римлянъ, всѣ Нервіи, вмѣстѣ съ сосѣдями своими Атребатами и Веромандуями, которыхъ они убѣдили испытать вмѣстѣ военное счастіе. Они ждали еще прибытія войскъ Адуатиковъ, уже бывшихъ на походѣ. Женщинъ и вообще всѣхъ безполезныхъ на войнѣ они удалили въ мѣста, непроходимыя для войска по причинѣ топей и болотъ.

17. Узнавъ обо всемъ этомъ, Цезарь послалъ впередъ разъѣзды и съ ними сотниковъ—выбрать удобное мѣсто для лагеря. При войскѣ Цезаря находилось очень много Белговъ, изъявившихъ покорность, и прочихъ Галловъ, послѣдовавшихъ за нимъ въ походъ. Изъ нихъ-то нѣкоторые, какъ послѣ открылось изъ показаній плѣнныхъ, разузнавъ порядокъ движенія нашего войска въ продолженіи этихъ дней, ночью отправляются къ Нервіямъ и даютъ имъ знать, что между легіонами бываетъ обыкновенно значительный обозъ и нисколько не затруднительно сдѣлать нападеніе на первый легіонъ, когда онъ подъ тяжестями будетъ входить въ лагерь, а другіе легіоны будутъ отдѣлены отъ него значитель-

нымъ пространствомъ. Поразивъ первый легіонъ и разграбивъ обозы, безъ труда справятся они съ остальнымъ войскомъ, пораженнымъ страхомъ. Совѣтъ этотъ былъ тѣмъ болѣе кстати, что Нервіи издревле не имѣютъ конницы, и донынѣ они не стараются заводить ее, обращая все свое вниманіе на пѣшее войско. Они обыкновенно, желая воспрепятствовать движенію по своей землѣ конницѣ сосѣдственныхъ народовъ, дѣлающей набѣги для грабежа, рубятъ деревья рядами широкими; ихъ сучья, перепутавшись вмѣстѣ и оплетенные разными ползучими растеніями и кустарникомъ, представляютъ настоящее подобіе стѣны; не только перелѣзть черезъ нее, но даже и видѣть ничего невозможно. Принимая въ соображеніе, что эти засѣки будутъ останавливать движеніе нашего войска, Нервіи рѣшились воспользоваться поданнымъ совѣтомъ.

18. Мѣстность, избранная для устройства нашего лагеря, была такова: холмъ со всѣхъ сторонъ исподоволь спускался къ рѣкѣ Сабису, о которой мы упоминали выше. Шагахъ въ двухъ стахъ, насупротивъ этого холма, возвышался надъ рѣкою такой же холмъ одинаковой покатости; нижняя часть его была открыта, а верхняя покрыта лѣсомъ такъ что не легко было проникнуть внутрь глазомъ. Въ этомъ-то лѣсу непріятель скрылся въ засадѣ; по открытому же мѣсту виднѣлись по теченію рѣки небольшіе отряды конницы. Глубина рѣки въ этомъ мѣстѣ была футовъ около трехъ.

19. Цезарь велѣлъ впередъ идти конницѣ, а за нею слѣдовалъ со всѣми войсками, впрочемъ совершенно въ иномъ расположеніи и порядкѣ, чѣмъ дали было знать Нервіямъ Белги. Принимая въ соображеніе близость непріятеля, Цезарь, по своему обыкновенію, велъ шесть легіоновъ на легкѣ, тяжести же всего войска находились позади ихъ; два легіона, недавно набранные, прикрывали тылъ всей арміи и обозы. Наша конница, вмѣстѣ съ стрѣлками и пращниками, перешла рѣку и ударила на непріятельскую конницу; та отступила къ лѣсу и изъ лѣсу возобновляла нападеніе; наши же преслѣдовали отступающихъ непріятелей только на открытомъ мѣстѣ и не отваживались слѣдовать за ними въ лѣсъ. Между тѣмъ шесть легіоновъ, шедшіе впереди, размѣривъ мѣсто, приступили къ работамъ укрѣпленія лагеря. Лишь только непріятель, бывшій въ лѣсу въ засадѣ, увидалъ первыя тяжести нашего войска,—а это у нихъ было условленнымъ знакомъ къ нападенію,—какъ въ томъ же боевомъ порядкѣ, какъ онъ былъ въ лѣсу, ободривъ другъ друга, всѣми силами, съ удивительною быстротою, бросился на нашу конницу. Безъ труда смявъ ее и прогнавъ, непріятель съ невѣроятною поспѣш-

ностью бросился къ рѣкѣ, такъ что почти одновременно онъ былъ и въ лѣсу, и у рѣки, и уже нападалъ на нашихъ. Съ тою же поспѣшностью непріятель взобрался на холмъ къ мѣсту нашего лагеря и къ нашимъ войскамъ, занимавшимся возведеніемъ укрѣпленій.

20. Цезарю предстояло въ одно и то же время много распоряженій: нужно было поднять знамя, служившее сигналомъ браться воинамъ за оружіе, дать другой знакъ трубою, чтобы отозвать воиновъ отъ работы, и созвать тѣхъ, которые, ища матеріаловъ для насыпи, отошли далеко. Сдѣлать все это—препятствовала краткость времени и быстрота нападенія непріятеля. Въ этомъ затрудненіи большою помощью служила опытность воиновъ и знаніе дѣла; изъ прежнихъ сраженій они уже знали сами—какъ имъ надлежало поступить—такъ же хорошо, какъ еслибъ это было имъ приказано. Притомъ, при каждомъ легіонѣ находился легатъ, которому Цезарь не велѣлъ отлучаться отъ легіона и отъ производимыхъ работъ, пока укрѣпленія лагеря не будутъ окончены совершенно. Близость непріятеля и быстрота его движеній была такова, что легаты, не дожидаясь уже распоряженій самого Цезаря, принимали мѣры къ защитѣ, какихъ требовали обстоятельства.

21. Цезарь, отдавъ самыя необходимыя приказанія, поспѣшилъ ободрить воиновъ; поѣхавъ наудачу, онъ прежде всѣхъ другихъ встрѣтилъ десятый легіонъ. Краткою рѣчью онъ убѣждалъ воиновъ, чтобы они не измѣнили прежней доблести и не допускали бы чувства робости, выдерживая стойко натискъ врага. Такъ какъ непріятель былъ не далѣе полета стрѣлы, то Цезарь далъ знакъ къ сраженію. Отправившись далѣе, съ тою же цѣлью—рѣчью ободрить воиновъ, Цезарь попалъ уже въ самый пылъ битвы. Время было такъ коротко, и непріятель такъ нетерпѣливо завязалъ бой, что наши не только не успѣли приготовить значки, но даже надѣть шлемы и снять со щитовъ покрышки. Воины наши, оставивъ работы, строились подъ первымъ знаменемъ, которое видѣли, для того чтобы не упустить время боя, пока станутъ отыскивать свои ряды.

22. Такимъ образомъ войско римское построилось по указанію обстоятельствъ, сообразно условіямъ покатой и гористой мѣстности, болѣе чѣмъ слѣдуя требованіямъ военнаго искусства. Каждый легіонъ сражался самъ по себѣ, будучи отдѣленъ отъ другихъ непроходимыми засѣками, о которыхъ мы говорили выше, и черезъ нихъ даже ничего не было видно. Такимъ образомъ не было резервовъ, не было возможности слѣдить за ходомъ боя, не было общаго имъ распоряженія. При такихъ неблагопріятныхъ условіяхъ, исходъ военнаго дѣла былъ въ разныхъ мѣстахъ различный.

23. Воины девятаго и десятаго легіона, составлявшіе лѣвое крыло нашей боевой линіи, бросили свои дротики въ непріятеля, и Атребаты, находившіеся противъ нихъ, выбившіеся изъ силъ вслѣдствіе поспѣшности ихъ движенія впередъ и ранъ, нанесенныхъ дротиками, были безъ труда смяты и сбиты въ рѣку. Въ попыткахъ перейдти ее, они смѣшались и потеряли весьма много убитыми отъ мечей преслѣдовавшихъ ихъ Римлянъ, а тѣ не усумнились перейдти рѣку и, несмотря на неблагопріятную для себя мѣстность, поразили снова непріятеля, пытавшагося было остановиться и возобновить сраженіе. Въ другомъ мѣстѣ одиннадцатый и восьмой легіоны, поразивъ Веромандуевъ, съ которыми сошлись, и преслѣдуя ихъ, съ холма спустились до самой рѣки и сражались на ея берегахъ. Такимъ образомъ нашъ лагерь сдѣлался совершенно открытымъ съ лица и съ лѣвой стороны; на правомъ крылѣ оставался одинъ двенадцатый легіонъ и, въ небольшомъ отъ него разстояніи, седьмой. Всѣ Нервіи, подъ предводительствомъ своего главнаго начальника Бодуогната, сплошною массою обратились къ этому мѣсту. Часть ихъ начала съ открытой стороны обходить съ флангу наши легіоны, а часть устремилась на вершину холма — къ мѣсту нашего лагеря.

24. Въ это время наша конница и легко вооруженная пѣхота, ее сопровождавшая, при первомъ нападеніи непріятеля, какъ я сказалъ пораженныя, удалялись въ лагерь; но встрѣтивъ непріятеля передъ собою, они снова бросились бѣжать въ другую сторону. Служители, находившіеся при нашемъ войскѣ, видя отъ заднихъ воротъ нашего лагеря и съ вершины холма, что наше войско поразило непріятеля и преслѣдовало его за рѣку, вышли было за добычею; какъ вдругъ, посмотрѣвши назадъ, увидѣли непріятеля уже въ нашемъ лагерѣ, и въ ужасѣ обратились въ бѣгство. Также и тѣ, которые были при обозѣ, въ испугѣ и замѣшательствѣ, кричали и разбѣжались, кто куда попало. Видя все это, конница Тревировъ, считавшаяся храбрѣйшею изъ галльскихъ войскъ и пришедшая на помощь Цезарю, отправилась домой. Она полагала, что дѣла наши въ самомъ отчаянномъ положеніи: лагерь нашъ наполненъ былъ непріятелями, легіоны стѣснены и почти окружены ими; конница наша, пращники, Нумиды, воинскіе прислужники въ безпорядочномъ бѣгствѣ. Тревиры, возвратясь домой, извѣстили своихъ соотечественниковъ, что Римляне разбиты и обращены въ бѣгство, что лагерь ихъ и обозы въ рукахъ непріятеля.

25. Цезарь, послѣ увѣщанія десятаго легіона, отправился на правое крыло своей арміи. Онъ увидѣлъ, что наши крайне стѣснены; снесенные въ одно мѣсто значки двѣнадцатаго легіона умножали и

безъ того великую тѣсноту, такъ что наши воины не могли свободно дѣйствовать оружіемъ. Въ четвертой когортѣ всѣ сотники и знаменосецъ были убиты и самый значокъ потерялся. И въ прочихъ когортахъ почти всѣ сотники убиты или ранены; въ томъ числѣ передовой сотникъ П. Секстій Бакулъ, извѣстный своею храбростью, получилъ нѣсколько тяжкихъ ранъ и не могъ уже держаться на ногахъ. Вообще воины стали терять присутствіе духа, а нѣкоторые изъ вновь набранныхъ уклонялись изъ рядовъ, стараясь избѣгнуть стрѣлъ непріятельскихъ. Непріятель безостановочно тѣснилъ нашихъ и спереди и стылу и заходилъ съ обоихъ фланговъ. Положеніе нашего войска было тѣмъ отчаяннѣе, что не было резерва, который можно было бы ввести въ дѣло. Тогда Цезарь, взявъ у одного воина щитъ, потому что самъ былъ безъ щита, и ставъ въ первомъ ряду, поименно призывалъ сотниковъ и увѣщевалъ воиновъ. Онъ приказалъ значки вынести впередъ и расширить ряды, чтобы воинамъ удобнѣе было дѣйствовать мечами. Прибытіе Цезаря ободрило воиновъ и вселило въ нихъ бодрость и надежду; каждый, несмотря на крайность своего положенія, хотѣлъ отличиться въ глазахъ военачальника и потому сражался съ удвоеннымъ мужествомъ. Это на время остановило натискъ непріятеля.

26. Цезарь, примѣтивъ, что седьмой легіонъ стоявшій близко, также стѣсненъ непріятелемъ, приказалъ военнымъ трибунамъ, чтобы они старались соединить оба легіона и потомъ дѣйствовать наступательно на непріятеля. Такимъ образомъ оба легіона подали другъ другу руку помощи и не опасались, чтобы непріятель зашелъ имъ въ тылъ, а потому стали сражаться съ большимъ мужествомъ и смѣлостью. Между тѣмъ воины двухъ легіоновъ, шедшихъ сзади для прикрытія обоза, услыхавъ о сраженіи, поспѣшно шли и уже показались на вершинѣ холма въ тылу непріятеля. Т. Лабіенъ, овладѣвъ непріятельскимъ лагеремъ, съ возвышеннаго мѣста увидѣлъ, что происходило въ нашемъ лагерѣ, и послалъ на помощь десятый легіонъ. Онъ, узнавъ дорогою отъ бѣгущихъ всадниковъ и служителей, гдѣ происходитъ бой и въ какой опасности находятся наши легіоны, лагерь и самъ Цезарь, поспѣшилъ сколько можно быстрѣе къ мѣсту боя.

27. Прибытіе нашего свѣжаго войска совершенно измѣнило положеніе дѣла. Наши до того ободрились, что и тѣ раненные, которые лежали, силились преподняться съ помощію щитовъ и нанесть вредъ непріятелю. Даже прислужники лагерные, примѣтивъ смущеніе непріятеля, безоружные нападали на вооруженныхъ. Конница, желая загладить доблестью позоръ своего бѣгства, во всѣхъ мѣстахъ сраженія, дѣйство-

вала впереди воиновъ легіоновъ. Непріятель, уже отчаявшись въ спасеніи, нетолько не терялъ мужества, но дѣйствовалъ съ удивительною храбростью. Первые ряды его падали, но тѣ, которые были за ними, становились безстрашно на тѣла убитыхъ и сражались съ нихъ. Когда и эти падали и тѣла лежали кучами, то остальные, съ груды ихъ, какъ съ возвышенія, бросали въ нашихъ стрѣлы и, ловя наши дротики, отсылали ихъ обратно въ наши ряды. Неудивительно было послѣ этого, что столь храбрые люди рѣшились перейдти широкую рѣку, взобраться на крутой берегъ, преодолѣть столько затрудненій мѣстности; величіе ихъ духа сдѣлало для нихъ легкимъ то, что̀ въ сущности представляло великія препятствія.

28. Въ этой битвѣ племя Нервіевъ было истреблено почти совершенно. Старики ихъ, которые, какъ мы сказали, вмѣстѣ съ женами и дѣтьми, были отправлены въ болотистыя и непроходимыя мѣста, получивъ извѣстіе объ этомъ сраженіи, полагая, что для побѣдителей нѣтъ никакихъ затрудненій, а для побѣжденныхъ ничего достаточно безопаснаго, съ общаго совѣта съ своими соотечественниками, оставшимися отъ боя, отправили пословъ къ Цезарю и отдались совершенно на его волю. Чтобы показать, какое бѣдствіе постигло ихъ племя, они сказали Цезарю, что изъ 600 сенаторовъ уцѣлѣло только трое, а изъ шестидесяти тысячъ воиновъ едва пятьсотъ, способныхъ поднять оружіе. Цезарь показалъ милосердіе и снисходительность къ просьбѣ побѣжденныхъ, и сберегъ ихъ самымъ тщательнымъ образомъ, велѣлъ пользоваться ихъ ихъ землями и городами, а сосѣдямъ ихъ строго приказалъ не дѣлать имъ никакой обиды, ни притѣсненія.

29. Атуатуки, о которыхъ мы выше писали, со всѣми своими силами шли на помощь Нервіямъ; узнавъ объ ихъ пораженіи, они возвратились съ похода домой. Оставивъ всѣ свои города и укрѣпленныя села, они снесли все свое имущество въ одинъ городъ, отлично укрѣпленный природою. Онъ со всѣхъ сторонъ окруженъ крутыми скалами и обрывами, и только съ одной стороны, въ ширину не болѣе 200 футовъ, было отлогое и доступное мѣсто. Это мѣсто Атуатуки укрѣпили высокою двойною стѣною и приготовили на ней огромныя каменья и заостренныя колья. Этотъ народъ происходилъ отъ Кимровъ и Тевтоновъ; они, по дорогѣ въ провинцію нашу и Испанію, оставили по сю сторону Рейна тѣ тяжести, которыхъ не могли взять съ собою, а для обереганія ихъ, изъ среды своей арміи, шесть тысячъ человѣкъ. Они, послѣ гибели своихъ соотечественниковъ, долго были въ безпрестанныхъ войнахъ съ сосѣдями, то сами нападая на нихъ, то отражая нападеніе; наконецъ заключенъ былъ, съ общаго согласія, миръ, по которому они и избрали ихъ теперешнія жилища.

30. Съ первымъ прибытіемъ нашего войска, непріятели дѣлали частыя вылазки и нападали на нашихъ въ мелкихъ стычкахъ. Когда же наше войско окружило ихъ валомъ, въ вышину 12 футовъ, на протяженіи 15 миль, по которому были частыя укрѣпленія, то они вынуждены были держаться въ городѣ. Когда они увидѣли, что наши дѣлаютъ насыпь, подвигаютъ стѣнобитныя орудія, воздвигаютъ башню, то сначала они насмѣхались съ стѣнъ и спрашивали нашихъ, зачѣмъ они въ такомъ отдаленіи затѣваютъ такія машины, чьими руками и какою силою они, при своемъ маломъ ростѣ (а онъ постоянно былъ предметомъ насмѣшекъ и презрѣнія со стороны Галловъ, отличающихся большимъ ростомъ), надѣются такую огромную башню придвинуть къ стѣнамъ?

31. Когда же они увидѣли, что башня и наши орудія подвигаются къ стѣнѣ, встревоженные новымъ и невиданнымъ зрѣлищемъ, отправили къ Цезарю пословъ о мирѣ. Они говорили такимъ образомъ: «Не сомнѣваются они, что Римляне ведутъ войны съ помощью высшихъ силъ, когда они въ состояніи съ такою быстротою двигать столь огромными и тяжелыми орудіями, и такимъ образомъ сражаться вблизи. И потому они отдаютъ на волю Цезаря себя и все свое. Одного только они у него просятъ: если онъ, по своему милосердію и добродушію, слава о которыхъ дошла и до нихъ, соглашается даровать имъ существованіе, то пусть онъ не отбираетъ у нихъ оружія. Они окружены сосѣдями, враждебно къ нимъ расположенными и завистливыми. Выдавъ оружіе, они будутъ не въ состояніи отъ нихъ защищаться. Если только они будутъ доведены до того, то они предпочитаютъ претерпѣть отъ Римлянъ какое угодно наказаніе, чѣмъ въ мученіяхъ погибнуть отъ тѣхъ, надъ кѣмъ они привыкли повелѣвать».

32. Цезарь на это отвѣчалъ: «слѣдуя своему праву, а не по ихъ заслугамъ, онъ обѣщаетъ безопасность ихъ народу, если они покорятся ему прежде, чѣмъ машины его начнутъ бить стѣну. Первымъ же условіемъ съ ихъ стороны должна быть выдача оружія. Что же касается до ихъ сосѣдей, то онъ поступитъ въ отношеніи къ нимъ такъ же, какъ и къ Нервіямъ, то-есть прикажетъ, чтобы они ничѣмъ не тревожили покорныхъ Римлянамъ племенъ». Послы возвратились домой и сообщили тамъ волю Цезаря. Атуатуки изъявили согласіе ее исполнить. Такое количество оружія было сброшено со стѣны въ ровъ, находившійся передъ городомъ, что кучи его равнялись вышиною съ зубцами стѣны и насыпью осаждающихъ. Впрочемъ, какъ послѣ открылось, третья часть оружія была скрыта Атуатуками и оставлена ими въ городѣ. Ворота его отворились, и этотъ день прошелъ съ обѣихъ сторонъ мирно.

33. Къ вечеру Цезарь велѣлъ запереть ворота, а своимъ воинамъ выйдти изъ города, опасаясь, какъ бы они ночью не нанесли какой обиды его жителямъ. Они, по заранѣе составленному, какъ послѣ узнали, плану, разчитывая на то, что Римляне, вслѣдствіе ихъ покорности, сведутъ вовсе караулы, или вообще не будутъ такъ старательны какъ прежде, взяли оружіе, ими припрятанное, а иные вооружились щитами, сдѣланными на скорую руку изъ коры, или сплетенными изъ тростника и покрытыми шкурами. Въ третью стражу ночи осажденные со всѣми войсками вышли изъ города, и по направленію, гдѣ имъ казался легче доступъ къ нашимъ укрѣпленіямъ, ударили въ нашихъ. По предварительно, данному Цезаремъ, приказанію, о нападеніи дано знать разведенными огнями, и по данному сигналу воины наши изъ укрѣпленій поспѣшили на встрѣчу непріятелю. Тотъ сражался съ отчаяннымъ мужествомъ, какъ и слѣдовало храбрымъ людямъ, вся надежда на спасеніе которыхъ оставалась въ доблести. Мѣстность была противъ нихъ: съ нашего вала и башенъ они были осыпаемы стрѣлами; четыре тысячи человѣкъ у нихъ побито, остальные прогнаты въ городъ. На другой день ворота, уже никѣмъ не защищаемые, были отбиты и городъ занятъ нашими войсками. Цезарь приказалъ всѣхъ жителей и имущество ихъ продать съ аукціона. Отъ покупщиковъ узнали, что всѣхъ проданныхъ было 53 тысячи душъ.

34. Въ то же время П. Крассъ, который съ однимъ легіономъ былъ посланъ къ Венетамъ, Унеламъ, Озизміямъ, Куріосолитамъ, Сезувіямъ, Авлеркамъ, Редонамъ, галльскимъ племенамъ, живущимъ по берегамъ океана, донесъ Цезарю, что всѣхъ ихъ привелъ въ покорность и повиновеніе народу римскому.

35. Вслѣдствіе всѣхъ этихъ событій и умиренія всей Галліи, такая слава объ этой войнѣ вездѣ распространилась между дикарями, что народы, живущіе по ту сторону Рейна, прислали пословъ къ Цезарю, обѣщая дать заложниковъ и выполнить всѣ его приказанія. Цезарь, поспѣшая въ Италію и Иллирикъ, велѣлъ этимъ посламъ явиться къ себѣ въ началѣ слѣдующаго лѣта, а самъ, разставивъ легіоны по зимнимъ квартирамъ въ земляхъ Карнутовъ, Андовъ, Туроновъ, ближайшихъ къ мѣстности, гдѣ происходила война, отправился въ Италію. Тамъ, вслѣдствіе письма Цезарева, по поводу этихъ событій обнародовано было общественное благодарственное молебствіе въ теченіи 15 дней, чего дотолѣ ни съ кѣмъ еще ни случалось.

КНИГА ТРЕТЬЯ.

1. Цезарь, собираясь ѣхать въ Италію, послалъ Сервія Гальбу, съ двенадцатымъ легіономъ и частью конницы, къ Нантуатамъ, Верагрaмъ и Седунамъ, живущимъ между землею Аллоброговъ, озеромъ Леманомъ, рѣкою Роною и вершинами Альповъ. Причина отправленія была та, чтобы сдѣлать свободною дорогу черезъ Альпы, сопряженную дотолѣ для купцовъ съ большою опасностью и тяжкими пошлинами. Цезарь дозволилъ Гальбѣ, если только сочтетъ это нужнымъ, поставить свой легіонъ въ тѣхъ мѣстахъ на зимнія квартиры. Гальба въ нѣсколькихъ сраженіяхъ разбилъ непріятеля и взялъ у него много укрѣпленій; со всѣхъ сторонъ явились къ нему послы съ изъявленіемъ покорности и дали ему заложниковъ. Установивъ миръ, Гальба заблагоразсудилъ поставить двѣ когорты въ землѣ Нантуатовъ, а самъ, съ остальными когортами того легіона, остался зимовать въ селеніи Верагровъ, называемомъ Октодуръ; оно находится въ небольшой долинѣ, со всѣхъ сторонъ окруженной весьма крутыми горами. Рѣкою раздѣлено оно на двѣ части: одну уступилъ Гальба Галламъ, а другую, выславъ оттуда Галловъ, отвелъ своимъ когортамъ для зимнихъ квартиръ; это мѣсто онъ укрѣпилъ валомъ и рвомъ.

2. Уже прошла большая часть зимы, и Гальба приказалъ доставить къ себѣ въ это мѣсто провіантъ, какъ вдругъ лазутчики дали ему знать, что Галлы ночью всѣ ушли изъ своей части селенія, а нависшія горы наполнены огромнымъ множествомъ Седуновъ и Верагровъ. У Галловъ много было побужденій вдругъ возобновить военныя дѣйствія и подавить нашъ легіонъ. Во-первыхъ, они съ презрѣніемъ смотрѣли на его малочисленность: отъ него, бывшаго и безъ того не въ полномъ составѣ, были отдѣлены двѣ когорты, и кромѣ того множество людей по одиночкѣ было разослано для снабженія его провіантомъ. Во-вторыхъ, они разсчитывали на несомнѣнный успѣхъ, вслѣдствіе благопріятной для себя мѣстности: съ горъ нападая и бросая стрѣлы, они надѣялись смять Римлянъ первымъ натискомъ. Притомъ съ прискорбіемъ смотрѣли они, что дѣти ихъ находятся въ видѣ заложниковъ во власти Римлянъ, и были убѣждены, что Римляне пришли къ нимъ не для обереганія торговаго пути, шед-

шаго по ихъ землѣ, но для окончательнаго занятія вершинъ Альповъ и присоединенія этой мѣстности къ сосѣдней провинціи.

3. Получивъ это извѣстіе, Гальба тотчасъ собралъ совѣтъ и спрашивалъ его мнѣнія въ положеніи тѣмъ болѣе затруднительномъ, что, вслѣдствіе покорности Галловъ, взятія у нихъ заложниковъ и потому отсутствія мысли о возможности съ ихъ стороны нападенія, укрѣпленія зимнихъ квартиръ не вполнѣ были окончены, и для снабженія провіантомъ не было взято достаточно безопасныхъ мѣръ. На этомъ совѣтѣ иные, принимая въ соображеніе неожиданность и важность опасности (въ глазахъ Римлянъ всѣ вершины горъ кругомъ были покрыты вооруженными Галлами), отсутствіе всякой помощи, и невозможность подвоза провіанта вслѣдствіе преграждения непріятелемъ всѣхъ путей, предложили отчаянное средство къ спасенію: оставивъ всѣ тяжести, попытаться оружіемъ проложить себѣ путь черезъ толпы Галловъ тою же дорогою, какою они сюда пришли. Впрочемъ, большинство голосовъ на совѣтѣ положило—прибѣгнуть къ вышеизложенному мнѣнію въ случаѣ крайности, а дотолѣ попытать военнаго счастія и оборонять лагерь.

4. Едва прошло столько времени, чтобы успѣть принять, вслѣдствіе этого рѣшенія, самонужнѣйшія мѣры къ оборонѣ, какъ уже непріятель, по данному знаку, устремился къ намъ со всѣхъ сторонъ, бросая въ валъ камни и колья. Наши сначала встрѣтили непріятеля твердо и мужественно; изъ бросаемыхъ съ вала ихъ стрѣлъ ни одна не пропадала даромъ. Гдѣ угрожала опасность, туда наши подавали помощь. Однимъ перевѣшивалъ непріятель: въ продолженіе сраженія утомленные ряды его воиновъ смѣнялись свѣжими; малочисленность же нашихъ не только не позволяла имъ думать объ отдохновеніи, но и раненные не могли оставлять своихъ мѣстъ и искать спокойствія.

5. Уже болѣе шести часовъ длился упорный бой. У нашихъ не только отъ усталости изнемогли силы, но и обнаружился недостатокъ въ стрѣлахъ. Непріятель тѣмъ сильнѣе тѣснилъ нашихъ и, не встрѣчая уже упорнаго сопротивленія, началъ засыпать ровъ и пролагать себѣ дорогу черезъ нашъ валъ. Опасность уже дошла было до крайнихъ предѣловъ, какъ П. Секстій Бакулъ, сотникъ перваго строя (мы упоминали о немъ, что въ битвѣ съ Нервіями онъ получилъ множество ранъ), и военный трибунъ, К. Волузенъ, человѣкъ столько же разсудительный, сколько и храбрый, поспѣшили къ Гальбѣ и сказали ему, что къ спасенію одно средство—выйдти изъ лагеря и сдѣлать нападеніе. Съ этою цѣлью созваны сотники, и чрезъ нихъ приказано воинамъ пріостановить военныя дѣйствія, довольствуясь отраженіемъ стрѣлъ

непріятельскихъ, и отдохнуть немного отъ трудовъ; потомъ, собравшись съ силами, по данному знаку, они должны были устремиться изъ лагеря, помня, что вся надежда на спасеніе заключается въ ихъ храбрости.

6. Приказаніе это было исполнено; нападеніе Римлянами было учинено вдругъ, одновременно, изо всѣхъ воротъ лагеря. Непріятель пораженъ былъ его неожиданностью, не понималъ, что это значитъ, и совершенно растерялся. Такимъ образомъ наши съ нимъ помѣнялись положеніемъ и тѣхъ, которые уже въ мысляхъ овладѣли нашимъ лагеремъ, окруживъ со всѣхъ сторонъ, поражали. Изъ тридцати тысячъ Галловъ, пришедшихъ для нападенія на нашъ лагерь, пало болѣе третьей части, прочіе обращены въ бѣгство и, преслѣдуемые нашими, даже на высотахъ горъ не нашли безопасности. Поразивъ непріятеля и обобравъ его оружіе, наши возвратились въ укрѣпленія лагеря. Избѣгнувъ счастливо опасности, Гальба не желалъ въ другой разъ испытывать судьбу, видя, что онъ встрѣтилъ совсѣмъ другое, а не то, для чего онъ былъ посланъ, а особенно испытывая недостатокъ въ подвозѣ хлѣба и съѣстныхъ припасовъ; вслѣдствіе этого онъ на другой день предалъ огню занятое имъ селеніе и отправился обратно въ провинцію. Непріятель нигдѣ не старался преградить или замедлить ему путь, и Гальба безъ потери привелъ свой легіонъ сначала въ землю Нантуатовъ, а оттуда Аллоброговъ, и тамъ зимовалъ.

7. Послѣ этого, Цезарь по всѣмъ причинамъ почиталъ Галлію замиренною: Белги были побѣждены, Германцы изгнаны, Седуны побѣждены на Альпахъ. Такимъ образомъ, въ началѣ зимы, Цезарь отправился въ Иллирикъ, желая познакомиться и съ этою страною и ея жителями. Вдругъ неожиданная война вспыхнула въ Галліи отъ слѣдующей причины: молодой П. Крассъ, съ седьмымъ легіономъ, зимовалъ въ землѣ Андовъ, близъ береговъ океана. Ощущая недостатокъ въ хлѣбѣ, онъ разослалъ многихъ трибуновъ военныхъ и префектовъ по сосѣдственнымъ городамъ для собранія продовольствія и его доставленія; въ этомъ числѣ Террасидій былъ посланъ къ Унелламъ, М. Требій Галлъ—къ Куріосолитамъ, К. Веланій и Т. Силій—къ Венетамъ.

8. Это племя Венетовъ занимаетъ первое мѣсто между всѣми прибрежными племенами Галліи, во-первыхъ, потому, что оно имѣетъ многочисленный флотъ, служащій ему для сообщенія съ Британіею. Притомъ оно обладаетъ знаніемъ и опытностью морскаго дѣла и, имѣя въ своей власти немногія пристани, какія только есть на этомъ от-

крытомъ и бурномъ морѣ, оно беретъ дань со всѣхъ мореходовъ, его посѣщающихъ. Венеты первые задержали Силія и Веланія, надѣясь за нихъ выручить заложниковъ, данныхъ Крассу. Слѣдуя примѣру Венетовъ, ихъ сосѣди—въ природѣ Галловъ вѣтренность и непостоянство — задержали съ тою же цѣлью Требія и Террасидія. Они тотчасъ обослались между собою послами и положили, черезъ своихъ первыхъ сановниковъ,—ничего не предпринимать безъ общаго согласія и раздѣлить всѣмъ одну и ту же участь. Они убѣждали и прочія племена лучше не измѣнять вольности, завѣщанной имъ предками, чѣмъ носить иго рабства Римлянъ. Быстро всѣ приморскія племена соединились для одной цѣли и отправили общее посольство къ П. Крассу съ требованіемъ—«выдать заложниковъ ихъ, буде желаетъ обратно получить своихъ пословъ.»

9. Цезарь, увѣдомленный объ этомъ Крассомъ, такъ какъ самъ находился слишкомъ далеко, распорядился пока строить длинныя суда на рѣкѣ Лигерѣ (*), впадающей въ океанъ, набирать въ провинціи гребцовъ, матросовъ и кормчихъ. Когда все это поспѣшно было изготовлено, Цезарь, какъ только возможно было по времени года, отправился къ войску. Венеты и другія съ ними общества, узнавъ о прибытіи Цезаря и сознавая всю преступность своего поступка (они задержали и бросили въ оковы пословъ, которыхъ личность неприкосновенна и священна у всѣхъ народовъ), всѣми силами стали готовиться къ войнѣ, сообразно важности угрожавшей имъ опасности; особенное вниманіе обратили они на умноженіе морскихъ силъ. Главная надежда ихъ была на благопріятныя для нихъ условія мѣстности. Пути для пѣшихъ были всѣ перерѣзаны морскими теченіями; плаваніе для Римлянъ было весьма затруднительно по незнанію мѣстности и малочисленности пристаней. Притомъ они надѣялись, что римское войско, по недостатку съѣстныхъ припасовъ, не можетъ долго оставаться въ ихъ странѣ. Но еслибы они и ошиблись во всѣхъ этихъ разсчетахъ, то болѣе всего убѣждены были въ превосходствѣ своихъ морскихъ силъ. Римляне не имѣли большаго количества судовъ и вовсе не знали мѣстности страны, гдѣ должны были вести войну, не знали положенія пристаней, островов и мелей. Притомъ мореплаваніе на обширномъ и, со всѣхъ сторонъ открытомъ, океанѣ, не имѣло ничего общаго съ плаваніемъ по Средиземному, отовсюду замкнутому, морю. Сообразивъ такой планъ дѣйствія, Венеты укрѣпляютъ города, собираютъ въ нихъ хлѣбъ съ полей, сосредоточиваютъ сколько можно

(*) Нынѣ «Луара».

болѣе судовъ въ Венетію куда, какъ достовѣрно знали, Цезарь прежде всего обратитъ свое оружіе. Союзниками ихъ въ этой войнѣ были Озизміи, Лексовіи, Наннеты, Амбиліаты, Морины, Діаблинты, Менапіи; пригласили вспоможеніе и изъ Британіи, лежащей противъ ихъ области черезъ проливъ.

10. Таковы были затрудненія къ веденію войны, которыя мы выше показали; но многое впрочемъ побуждало Цезаря къ этой войнѣ: «задержаніемъ посланныхъ Красса сдѣлано оскорбленіе народу римскому; бунтъ произошелъ по изъявленіи покорности и послѣ дачи заложниковъ; множество племенъ приняло участіе въ союзѣ». Цезарь опасался, въ случаѣ, если пренебречь этою частью дѣла, то какъ бы и прочіе народы Галліи не сочли бы себѣ тоже позволеннымъ. Онъ понималъ, что Галлы отъ природы имѣютъ большую наклонность къ перемѣнамъ и съ жадностью хватаются за первый поводъ къ войнѣ. Притомъ вольностью и независимостью дорожить, и стараться о сверженіи рабства—свойственно каждому человѣку. А потому Цезарь обратилъ все свое вниманіе на то, чтобы предупредить союзъ многихъ племенъ, и для того счелъ нужнымъ какъ можно шире распредѣлить свое войско по ихъ землямъ.

11. А потому Цезарь посылаетъ легата Т. Лабіена съ конницею въ землю Тревировъ, самихъ близкихъ къ берегамъ Рейна, и приказываетъ ему зайдти къ Ремамъ и прочимъ Белгамъ и удержать ихъ въ повиновеніи, а Германцевъ, о которыхъ говорили, что они призваны Белгами на помощь, если они будутъ пытаться силою на судахъ переходить рѣку, отразить. П. Крассу съ двѣнадцатью когортами изъ легіоновъ, и съ большимъ количествомъ конницы, Цезарь велѣлъ идти въ Аквитанію, дабы изъ этихъ народовъ не были посланы вспоможенія въ Галлію, и такіе сильные народы не соединились бы вмѣстѣ. К. Титурія Сабина съ тремя легіонами посылаетъ въ землю Унелловъ, Куріосолитовъ и Лексовіевъ, чтобы развлечь силы этихъ народовъ. Флотъ изъ нашихъ судовъ и галльскихъ, набранныхъ у Пиктоновъ, Сантоновъ и другихъ покорныхъ намъ племенъ, Цезарь ввѣрилъ еще юному Д. Бруту и приказалъ ему съ нимъ при первой возможности отправиться къ Венетамъ; самъ онъ туда же двинулся съ пѣшими войсками.

12. Почти всѣ города Венетовъ были расположены такъ, что, находясь на оконечностяхъ мысовъ и перешейковъ, вдавшихся въ море, они были недоступны для войскъ, потому что приливъ морской, случающійся постоянно два раза въ сутки, совершенно прекращалъ сообщеніе съ сушею; корабли также могли подходить къ стѣнамъ ихъ только во время прилива; съ отливомъ же они оста-

лись бы на мели. Такимъ образомъ и то, и другое обстоятельство препятствовало осадѣ городовъ. Если, послѣ величайшихъ трудовъ и усилій, удавалось намъ, среди самихъ волнъ моря, сдѣлать насыпь, и по ней достигнуть стѣнъ города, то осажденные, доведенные до крайности, во время прилива садились на суда, собранныя во множествѣ, и со всѣмъ имуществомъ перебирались въ близь лежащій городъ. Тутъ они защищались опять тѣми же, для нихъ благопріятными, условіями мѣстности. Такимъ образомъ прошла уже большая часть лѣта безъ вреда для нихъ; нашъ же флотъ не могъ дѣйствовать по случаю противныхъ вѣтровъ и величайшей трудности плавать въ обширномъ и открытомъ морѣ, волнуемомъ сильными теченіями съ рѣдкими пристанями или почти безъ нихъ.

13. Суда Венетовъ имѣли слѣдующее устройство и вооруженіе: днища у нихъ нѣсколько болѣе плоски, чѣмъ у нашихъ, для удобнѣйшаго движенія по мелямъ и низкимъ во время отлива водамъ. Кормы у нихъ весьма возвышенныя, и носы приспособлены выдерживать силу волнъ во время бурь. Эти суда во всѣхъ частяхъ были сдѣланы изъ дубу, и потому не боялись никакого удара. Скамьи для гребцовъ на нихъ были изъ бревенъ, въ цѣлый футъ толщины, прибитыхъ гвоздями въ большой палецъ толщины. Якори у нихъ были прикрѣплены не на веревкахъ, но на желѣзныхъ цѣпяхъ. Кожи звѣрей, тонко выдѣланныя, служили имъ вмѣсто парусовъ, или по неимѣнію льна и незнанію его употребленія, или, что вѣроятнѣе, потому, что такіе паруса способнѣе льняныхъ могли служить къ управленію столь тяжелыми судами и выдерживать порывы бурь, свирѣпствующихъ на океанѣ. Въ стычкахъ нашихъ судовъ съ судами Венетовъ, первые превосходили быстротою и легкостью движенія; послѣднія же, болѣе приспособленныя къ мѣстности, къ силѣ бурь, во всѣхъ отношеніяхъ были удобнѣе и лучше нашихъ. Крѣпкіе бока венетскихъ судовъ безвредно выдерживали удары носовъ нашихъ судовъ, а вышина ихъ дѣлала наши стрѣлы безвредными; она же облегчала имъ движеніе между подводными камнями. Во время вѣтровъ, суда венетскія выдерживали ихъ легко, становились на мели и, оставленныя моремъ въ отливѣ, мѣста безвредно и не опасались подводныхъ скалъ и утесовъ. Для нашихъ же судовъ всѣ эти случайности были предметомъ опасеній.

14. Цезарь овладѣлъ многими непріятельскими городами, но видя, что всѣ его труды напрасны, и непріятель безъ вреда отъ него убѣгаетъ съ одного мѣста на другое, рѣшился дождаться флота. Какъ только онъ прибылъ, и непріятель его замѣтилъ, то его суда, числомъ около 220, совсѣмъ готовыя и снабженныя оружіемъ вся-

каго рода, вышли изъ пристани и стали противъ нашихъ. Ни начальнику флота Бруту, ни военнымъ трибунамъ и сотникамъ, которымъ распредѣлены были отдѣльныя суда, не было извѣстно, какъ поступить и какой избрать порядокъ битвы. Ихъ суда — они это знали— не могли вредить ударомъ носовъ — непріятельскимъ; даже еслибы на нихъ поставить башни, то и тогда вышина ихъ была бы ниже палубы непріятельскихъ судовъ, а потому стрѣлы Римлянъ мало могли вредить Венетамъ, тогда какъ ихъ, падая съ высоты, были тѣмъ пагубнѣе. Весьма же большую пользу принесли нашимъ преострыя косы, воткнутыя на длинныхъ шестахъ, похожія на таковыя же косы, употребляемыя при осадахъ городовъ: ими цѣпляли за веревки непріятельскихъ судовъ, привязывавшія снасти къ мачтамъ, приводили ихъ къ себѣ, и потомъ гребли всею силою веселъ, отъ чего эти веревки натягивались и лопались. Тогда снасти сами по себѣ падали и суда непріятельскія, потерявъ паруса и все вооруженіе, дѣлались разомъ совершенно негодными въ дѣло. Тутъ уже исходъ борьбы зависѣлъ единственно отъ личнаго мужества, а имъ превосходили наши воины непріятелей, тѣмъ болѣе, что битва происходила въ виду Цезаря и всего нашего войска, и ни одинъ сколько-нибудь замѣчательный подвигъ не могъ остаться въ неизвѣстности: наше войско занимало всѣ холмы и высоты, прилежащія къ морю, съ которыхъ можно было поближе видѣть на море.

15. Когда сброшены были, какъ мы уже сказали снасти, то каждое изъ судовъ должно было имѣть дѣло съ двумя или тремя изъ нашихъ: тутъ наши воины всячески старались перейдти на непріятельскія суда. Дикари, замѣтивъ, что это удавалось нашимъ и уже многія ихъ суда взяты, не нашли возможности сопротивляться и искали спасенія въ бѣгствѣ. Впрочемъ, въ то самое время, когда они повернули свои суда по вѣтру, сдѣлалась вдругъ такая тишь, что они не могли двинуться съ мѣста. Это обстоятельство пришлось какъ нельзя болѣе кстати для довершенія дѣла: наши нагнавъ суда взяли ихъ порознь, такъ что весьма немногимъ, подъ покровомъ ночи, удалось пристать къ землѣ, а сраженіе происходило почти отъ четвертаго часу до захода солнца.

16. Этою битвою приведена къ концу война съ Венетами и всѣмъ морскимъ прибрежьемъ. Всѣ ихъ молодые люди и даже всѣ старики, отличавшіеся благоразуміемъ или опытностью, участвовали въ ней, и всѣ корабли, сколько ихъ было, собраны отовсюду къ этому сраженію въ одно мѣсто. Утративъ все это, непріятель не зналъ, гдѣ искать спасенія и какимъ образомъ защищать города. А потому онъ

отдалъ себя и все свое Цезарю, и тотъ рѣшился поступить съ побѣжденными какъ можно строже, чтобы пріучить Галловъ на будущее время болѣе чтить святость посольскаго званія, а потому онъ, предавъ смертной казни весь сенатъ, остальныхъ продалъ въ рабство съ молотка.

17. Пока это происходило у Венетовъ, К. Титурій Сабинъ съ войсками, ввѣренными ему Цезаремъ, прибылъ въ землю Унелловъ. Ими предводительствовалъ Виридовиксъ; въ его рукахъ была верховная власть надъ всѣми племенами, возмутившимися противъ власти Римлянъ; изъ нихъ набралъ онъ сильное войско. Въ скоромъ времени Авлерки, Эбуровики и Лексовіи избили своихъ старѣйшинъ, не совѣтовавшихъ войны, заперли ворота своихъ городовъ и присоединились къ Виридовиксу. Къ нему же стеклись со всей Галліи преступники всякаго рода, искатели приключеній и всѣ вообще, для кого война и надежда грабежа была привлекательнѣе ежедневнаго труда и занятія земледѣліемъ. Сабинъ, избравъ во всѣхъ отношеніяхъ выгодное мѣсто для лагеря, оставался въ немъ. Виридовиксъ остановился въ двухъ миляхъ отъ него и всякій день выводилъ войско изъ лагеря, предлагая нашимъ сраженіе. Такимъ образомъ Сабинъ не только скоро пришелъ въ презрѣніе у непріятеля, но терпѣлъ порицаніе даже отъ своихъ; робость Римлянъ до того казалась велика, что непріятель безстрашно подходилъ почти къ окопамъ нашего лагеря. Причиною бездѣйствія Сабина было то, что онъ, будучи только легатомъ, въ отсутствіе главнокомандующаго не рѣшался сразиться съ непріятелемъ, столь превосходившимъ числомъ, иначе, какъ при самихъ благопріятныхъ для себя обстоятельствахъ.

18. Давъ вкорениться у непріятеля мнѣнію о своей робости, Сабинъ выбираетъ изъ числа Галловъ вспомогательнаго отряда одного хитраго и способнаго на все человѣка. Его большими наградами и обѣщаніями онъ убѣждаетъ перейдти къ непріятелю и даетъ ему наставленіе, какъ дѣйствовать. Тотъ явился къ непріятелю и выдалъ себя за перебѣжчика; онъ сказалъ: «что будто въ лагерѣ Римлянъ господствуетъ страхъ и смятеніе, что войско Цезаря находится въ самомъ критическомъ положеніи отъ Венетовъ; дѣло доходитъ до того, что кажется въ слѣдующую же ночь Сабинъ со всѣмъ войскомъ скрытно выступитъ изъ лагеря и пойдетъ на помощь Цезарю». Непріятельскіе воины, услыхавъ все это, воскликнули, что не надо терять столь удобнаго случая къ побѣдѣ, а слѣдуетъ тотчасъ же ударить на лагерь Римлянъ. Эта мѣра для Галловъ казалась самою лучшею и необходимою по многимъ причинамъ: Сабинъ все время обнаруживалъ

нерѣшительность, слова перебѣжчика подтверждали догадки Галловъ; притомъ въ ихъ лагерѣ началъ обнаруживаться недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ вслѣдствіе ихъ незаботливости о снабженіи себя ими. Цезарь занятъ былъ войною съ Венетами; притомъ человѣку свойственно вѣрить легко тому, чего онъ желаетъ. Подъ вліяніемъ всѣхъ этихъ обстоятельствъ, Галлы не прежде изъ собранія выпустили Виридовикса и прочихъ старѣйшинъ, какъ вынудивъ ихъ согласіе — взяться за оружіе и идти на приступъ римскаго лагеря. Получивъ дозволеніе къ битвѣ, Галлы радовались ей, какъ вѣрной побѣдѣ; взявъ съ собою кучи хвороста, чтобы заваливать рвы нашего лагеря, они двинулись къ нему.

19. Мѣсто лагерей было возвышенное и мало-по-малу сверху наклонное длиною почти на милю. Непріятель, съ цѣлью дать Римлянамъ какъ можно менѣе времени собраться и вооружиться, бѣгомъ устремился къ нашимъ окопамъ, и достигъ ихъ въ изнеможеніи и усталости. Сабинъ, сдѣлавъ своимъ краткое увѣщаніе, далъ знакъ къ битвѣ при ихъ сильномъ желаніи. Пока непріятель возился съ принесенными имъ тяжестями, Римляне вдругъ, по приказанію Сабина, сдѣлали вылазку въ двое воротъ. Благодаря благопріятной для насъ мѣстности, неопытности непріятеля и его усталости, а также храбрости нашихъ воиновъ и ихъ опытности, пріобрѣтенной въ прежнихъ битвахъ, успѣхъ нашъ былъ до того полонъ, что непріятель не выдержалъ перваго натиска нашихъ и тотчасъже обратилъ тылъ. Наши воины съ свѣжими силами безъ труда избили множество Галловъ, утомленныхъ и разстроенныхъ, а конница, устремясь въ погоню за бѣгущими, оставила изъ нихъ живыми весьма немногихъ. Такимъ образомъ въ одно и то же время пришла къ Сабину вѣсть о морской битвѣ Цезаря, а къ Цезарю извѣстіе о побѣдѣ Сабина; взбунтовавшіяся же племена всѣ немедленно отдались Титурію. Вообще Галлы горячо и охотно берутся за войну, но—переносить ея трудности и неудачи—не имѣютъ достаточно терпѣнія и твердости.

20. Въ тоже время П. Крассъ прибылъ съ войскомъ въ Аквитанію. Область эта, по обширности своей и числу жителей, составляетъ, какъ уже о томъ было сказано выше, третью часть всей Галліи. Крассъ, зная, что ему предстоитъ вести войну въ тѣхъ же мѣстахъ, гдѣ нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ легатъ Л. Валерій Преконинъ съ войскомъ потерпѣлъ пораженіе и убитъ, а проконсулъ Л. Маллій долженъ былъ, утративъ обозъ, искать спасенія въ бѣгствѣ, понималъ необходимость обратить все вниманіе и стараніе на веденіе этой войны. Обезпечивъ подвозъ съѣстныхъ припасовъ, собралъ Крассъ конницу и вспомога-

тельныя войска, а многихъ людей, извѣстныхъ своею храбростью, онъ вызвалъ поименно изъ Тулузы, Каркасонны и Нарбонны, городовъ Галліи провинціи, пограничной съ этими краями, и повелъ войско въ область Соціатовъ. Узнавъ о его прибытіи, Соціаты, собравъ большое войско пѣшее и конное (конница составляетъ главную ихъ силу), встрѣтили наше войско на пути, и сначала завязали сраженіе конницею. Когда она была смята нашею, и началось преслѣдованіе состороны нашихъ, вдругъ явились на поле битвы пѣшія непріятельскія войска, находившіяся въ засадѣ въ лощинѣ; они напали на нашихъ, разстроившихъ свои ряды во время преслѣдованія, и возобновили бой.

21. Бой былъ долговременный и упорный: Соціаты, обнадеженные прежними побѣдами, сражались храбро, полагая, что спасеніе всей Аквитаніи зависитъ отъ ихъ мужества. Наши же старались показать, что они въ состояніи сдѣлать и съ юнымъ еще вождемъ, и при отсутствіи главнаго начальника и безъ содѣйствія прочихъ легіоновъ. Наконецъ израненные непріятели вынуждены были обратить тылъ. Избивъ большую часть ихъ, Крассъ на походѣ приступилъ къ городу Соціатовъ. Упорное ихъ сопротивленіе заставило его прибѣгнуть къ правильной осадѣ, устроить насыпи и башни. Осажденные дѣлали вылазки и вели подкопы противъ осадныхъ работъ Римлянъ (Аквитане обладаютъ большою опытностью въ этомъ дѣлѣ, имѣя во многихъ мѣстахъ своей области мѣдные рудники). Видя, что всѣ ихъ усилія безполезны передъ упорствомъ и стараніемъ нашихъ, они отправили пословъ къ Крассу, прося принять ихъ въ свое распоряженіе. Получивъ его согласіе — и приказаніе—выдать оружіе, они его и исполнили.

22. Но пока все вниманіе нашихъ было обращено на этотъ предметъ, главный начальникъ Соціатовъ, Адкантуаннъ, съ шестью стами отборныхъ воиновъ, называемыхъ у Галловъ *солдуріями*, попытался изъ другой части города сдѣлать вылазку. Эти солдуріи имѣютъ обычаемъ, каждый избравъ себѣ друга, дѣлить съ нимъ всѣ наслажденія жизни; если же кому-либо изъ нихъ случится погибнуть, то другъ его долженъ или тутъ же раздѣлить его участь, или послѣ причинить себѣ смерть; и не было еще на памяти людей примѣра, чтобы кто либо изъ нихъ, въ случаѣ, если убитъ тотъ, чьей дружбѣ онъ себѣ обрекъ, отказался бы умереть съ нимъ. Когда Адкантуаннъ попытался сдѣлать вылазку, и съ той стороны города услышанъ былъ военный крикъ, то воины наши устремились туда съ оружіемъ; схватка была упорная; наконецъ Адкантуаннъ съ своими отброшенъ въ городъ. Впрочемъ Крассъ согласился и его пощадить на томъ же условіи, какъ и прочихъ.

23. Принявъ оружіе и заложниковъ, Крассъ отправился въ земли Вокаціевъ и Тарузатовъ. Эти невѣжественныя племена съ ужасомъ услышали, что столь важный городъ, укрѣпленный природою и искусствомъ, въ такое короткое время сдѣлался добычею Римлянъ; а потому повсюду разсылали пословъ, скрѣпляли свой союзъ клятвами и дачею заложниковъ, и со всѣхъ сторонъ собирали войска. Они отправляютъ пословъ къ племенамъ ближней Испаніи, сосѣдственнымъ съ Аквитаніею; берутъ оттуда вспомогательное войско и вождей. По ихъ прибытіи Аквитанцы, полагаясь на многочисленность своего войска, съ большою увѣренностію пытаются вести войну. Вождями избраны тѣ, которые постоянно находились при К. Серторіи, и потому пользовались славою великой опытности и знанія военнаго дѣла. Они, согласно обычая народа Римскаго, обращали вниманіе на мѣстность для избранія лагеря, укрѣпляли его окопами и старались отрѣзать нашему войску подвозъ съѣстныхъ припасовъ. Крассъ понималъ очень хорошо невозможность раздроблять свое войско отрядами, видѣлъ напротивъ, что многочисленность непріятеля дозволяетъ ему и разсылать по дорогамъ отряды и имѣть достаточно силъ для обереганія лагеря, а такимъ образомъ подвозъ провіанта къ римскому войску не былъ безопасенъ и надеженъ; число же непріятелей умножалось съ каждымъ днемъ. Принимая все это во вниманіе, Крассъ рѣшился немедленно дать сраженіе; видя, что на военномъ совѣтѣ всѣ раздѣляютъ его мысли, слѣдующій же день назначилъ для битвы.

24. На разсвѣтѣ Крассъ вывелъ всѣ свои войска, расположивъ ихъ въ двѣ линіи, причемъ вспомогательный отрядъ находился въ серединѣ, и ждалъ, на что рѣшится непріятель. Онъ хотя и въ открытой битвѣ твердо надѣялся на успѣхъ вслѣдствіе многочисленности своей и старинной военной славы, а малочисленности нашего войска, однако счелъ за лучшее безопасно получить побѣду, отрѣзавъ Римлянамъ подвозъ съѣстныхъ припасовъ. Когда же Римляне, терпя недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ и упавъ духомъ, вынуждены будутъ отступать, тутъ непріятель и хотѣлъ напасть на нихъ на походѣ обремененныхъ тяжестями. Этотъ планъ былъ одобренъ всѣми галльскими вождями, а потому они остались въ лагерѣ, когда Римляне вывели свои войска. Видя, что непріятель не принимаетъ боя и тѣмъ какъ бы обнаруживаетъ робость, а его нерѣшительность придаетъ особенное рвеніе нашему войску, и слыша повсюду крики его вести къ непріятелю, Крассъ рѣшился не медлить долѣе и, къ великому удовольствію нашихъ воиновъ, сказавъ имъ краткое увѣщаніе, повелъ ихъ къ непріятельскому лагерю.

25. Тутъ одни засыпали рвы, другіе осыпали защищавшихъ валъ и укрѣпленія непріятелей градомъ стрѣлъ, стараясь сбить ихъ оттуда; союзный отрядъ, по мнѣнію Красса, не весьма надежный для битвы, подавалъ нашимъ стрѣлы, каменья, и дѣлалъ изъ дерну мостъ къ валу, и тѣмъ издали показывалъ видъ, что также принимаетъ участіе въ сраженіи. Непріятель съ своей стороны сопротивлялся упорно и безъ робости; его стрѣлы, пускаемыя съ высокаго мѣста, причиняли большой вредъ нашимъ. Между тѣмъ нѣкоторые наши всадники, объѣхавъ непріятельскій лагерь, донесли Крассу, что онъ у заднихъ воротъ не такъ старательно укрѣпленъ, и что оттуда безъ труда можно въ него проникнуть.

26. Крассъ убѣждалъ префектовъ нашей конницы, чтобы они ободрили своихъ воиновъ обѣщаніемъ значительныхъ наградъ, и показалъ имъ какъ онъ хочетъ дѣйствовать. Они, по данному приказанію, выведя четыре когорты, оставленныя для защиты нашего лагеря и потому не утомленныя трудомъ, повели ихъ далеко въ обходъ для того, чтобы непріятель изъ лагеря не замѣтилъ ихъ движенія, а это было тѣмъ легче, что все вниманіе его было обращено на бой. Такимъ образомъ наши поспѣшно подошли къ той части непріятелькихъ укрѣпленій, о которой мы сказали, прорвали ихъ и очутились въ лагерѣ непріятеля прежде, чѣмъ онъ примѣтилъ ихъ и понялъ въ чемъ дѣло. Услыхавъ крики своихъ въ тылу непріятеля, наши удвоили свои силы, въ надеждѣ на несомнѣнную побѣду и, забывъ свою усталость, ударили на непріятеля съ новымъ жаромъ. Тотъ, обойденный со всѣхъ сторонъ, отчаялся въ успѣхѣ и, метаясь черезъ окопы, искалъ спасенія въ бѣгствѣ. Конница наша его преслѣдовала до поздней ночи, благодаря совершенно открытой мѣстности, и изъ пятидесяти тысячъ воиновъ непріятельскихъ, по достовѣрному извѣстію пришедшихъ изъ Аквитаніи и Кантабріи, дала уйдти не болѣе четвертой части. Была уже глубокая ночь, когда наша конница возвратилась въ лагерь.

27. Услыхавъ объ этомъ сраженіи, большая часть Аквитаніи отдалась Крассу, приславъ по собственному побужденію заложниковъ. Въ этомъ числѣ находились: Тарбеллы, Бигерріоны, Преціаны, Вокаты, Тарузаты, Элузаты, Гариты, Авски, Гарумны, Сибузаты и Кокозаты. Немногія лишь самыя отдаленныя племена, полагаясь на позднее время года (зима уже наступала), сочли ненужнымъ покориться Римлянамъ.

28. Въ то же почти время Цезарь, хотя лѣто почти уже кончилось, повелъ войско въ земли Мориновъ и Менапіевъ; эти племена,

несмотря на усмиреніе всей Галліи, не изъявляли покорности, не присылали пословъ о мирѣ и оставались вооруженными. Цезарь надѣялся скоро окончить съ ними войну; но они придумали для веденія ея совсѣмъ другой отъ прочихъ Галловъ способъ. Они слышали, что многіе галльскіе народы, гораздо сильнѣе ихъ, были побѣждены Римлянами въ открытомъ бою, а потому главную свою надежду они полагали на свои почти непроходимые лѣса и болота, снесли туда свои имущества и удалились въ нихъ сами. Когда Цезарь пришелъ къ мѣсту, гдѣ лѣса начинаются и сталъ лагеремъ, непріятеля нигдѣ не было видно, и наши принялись за работу укрѣпленій. Вдругъ со всѣхъ сторонъ изъ лѣсу непріятель ударилъ на разсѣянныхъ по разныхъ мѣстамъ нашихъ воиновъ. Они тотчасъ взялись за оружіе и прогнали непріятеля обратно въ лѣсъ и съ большею потерею, но, углубясь за нимъ въ лѣсъ и не зная мѣстности, наши и сами понесли нѣкоторыя потери.

29. За тѣмъ въ остальные дни Цезарь приказалъ рубить лѣса, а чтобы, во время ихъ рубки, непріятель не вздумалъ напасть на нашихъ безоружныхъ и занятыхъ работою воиновъ, онъ приказалъ срубленный лѣсъ валить на обѣ стороны къ непріятелю въ видѣ стѣны. Въ короткое время съ невѣроятною быстротою очищено было отъ лѣса значительное пространство; но когда наши достигали уже непріятельскаго обоза и стадъ, онъ удалялся съ ними въ лѣса еще более густыя. Между тѣмъ настали такія непогоды, что необходимо было оставить работы, а постоянные дожди не представляли возможности долѣе держать воиновъ подъ палатками. А потому Цезарь, опустошивъ поля непріятельскія и предавъ огню ихъ села и строенія, повелъ войско назадъ и поставилъ его на зимнія квартиры въ земляхъ Авлерковъ, Лексовіевъ и другихъ галльскихъ племенъ, которыя еще въ самомъ недавнемъ времени вели съ нами войну.

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ.

---

1. Въ послѣдовавшую за тѣмъ зиму—а то былъ годъ консульства Кн. Помпея и М. Красса,—германскіе народы Узипеты и Тенхтеры, въ огромномъ числѣ людей, перешли Рейнъ неподалеку отъ его впаденія въ море. Къ этому движенію побудило ихъ то, что сосѣди ихъ Свевы, въ теченіи многихъ лѣтъ, постоянно тревожили ихъ вой-

ною и не давали имъ заниматься земледѣліемъ. Между Германскими народами Свевы занимаютъ первое мѣсто и по многочисленности и по храбрости. Разсказываютъ, что они дѣлятся на сто участковъ, и каждый ежегодно высылаетъ на войну за границу по тысячѣ вооруженныхъ воиновъ. Прочіе остаются дома для прокормленія и тѣхъ и себя; на слѣдующій годъ эти идутъ на войну, а первые остаются дома; такимъ образомъ они вмѣстѣ занимаются и войною и земледѣліемъ. Впрочемъ у нихъ нѣтъ дѣленія полей въ частную собственность, и болѣе одного года они не остаются на одномъ мѣстѣ для воздѣлыванія. Хлѣбъ притомъ не составляетъ главной ихъ пищи; они большею частью кормятся молокомъ и мясомъ животныхъ, преимущественно убитыхъ ими на охотѣ. Это занятіе, родъ пищи, ежедневное движеніе, полная свобода жизни—съ дѣтства не знаютъ они никакой обязанности и принужденія, слѣдуя во всемъ побужденію одной воли своей—все это содѣйствуетъ къ развитію ихъ силъ, а потому они бываютъ необыкновенно рослы и здоровы. До того пріучаютъ они себя къ холоду, что въ самую сильную стужу прикрываются однѣми кожами, которыя, по малой ихъ величинѣ, оставляютъ большую часть тѣла открытою, и купаются въ рѣкахъ.

2. Они позволяютъ купцамъ посѣщать ихъ земли болѣе потому, что они имъ продаютъ то, что пріобрѣтаютъ войною; покупаютъ же они сами весьма немногое. Германцы не пріобрѣтаютъ даже привозныхъ лошадей, до которыхъ такіе охотники Галлы, что не жалѣютъ на нихъ никакихъ денегъ; они довольствуются своими малорослыми и некрасивыми лошадьми и постояннымъ упражненіемъ пріучаютъ ихъ переносить величайшіе труды. Во время сраженій конницы, они нерѣдко соскакиваютъ съ лошадей и сражаются пѣшіе; лошади же такъ пріучены, что стоятъ на мѣстѣ, какъ вкопанныя. Въ случаѣ надобности Германцы опять спѣшатъ къ конямъ; у нихъ считается за стыдъ и признакъ трусости прибѣгать къ употребленію сѣдла, а потому они въ самомъ маломъ числѣ не боятся напасть на множество всадниковъ на сѣдлахъ. Вина ввозить къ себѣ они вовсе не дозволяютъ на томъ основаніи, что, по ихъ убѣжденію, оно разслабляетъ человѣка и изнѣживаетъ его.

3. Считаютъ они за величайшую славу для своего общества то, что на далекое пространство окружены опустошенными и безлюдными полями; по ихъ мнѣнію, это доказательство того, что ни одинъ сосѣдственный народъ не можетъ вынести силы ихъ оружія. А потому говорятъ, что съ одной стороны на 600 миль отъ границы Свевовъ тянется безлюдное пространство земли. Съ другой стороны граничатъ

съ Свевами Убіи; народъ этотъ былъ могущественнымъ, и въ положеніи столь цвѣтущемъ, сколько то можно сказать о Германцахъ, изъ коихъ онъ даже былъ образованнѣе прочихъ вслѣдствіе сосѣдства Рейна, частаго посѣщенія купцовъ и близости Галліи; все это содѣйствовало къ смягченію ихъ нравовъ. Свевы вели съ Убіями частыя войны, но не могли вытѣснить изъ ихъ жилищъ этотъ многочисленный и могущественный народъ; они заставили его платить дань; вообще ослабили его и привели въ положеніе, противъ прежняго, гораздо худшее.

4. Точно также Узипеты и Тенхтеры, о коихъ мы упомянули выше, въ теченіи многихъ лѣтъ выдерживали постоянныя нападенія Свевовъ. Наконецъ изгнанные изъ своихъ жилищъ, они въ теченіи трехъ лѣтъ скитались по многимъ мѣстамъ Германіи и пришли къ Рейну. Въ этихъ земляхъ жили Менапіи; ихъ поля, деревни и хутора находились по обѣимъ сторонамъ Рейна. Устрашенные приближеніемъ многочисленнаго войска Германцевъ, Менапіи оставили свои жилища по ту сторону Рейна и перешли по сю сторону; они, покрывъ ее своими отрядами, препятствовали Германцамъ перейдти рѣку. Тѣ тщетно испытали всѣ средства: прибѣгнуть къ открытой силѣ невозможно имъ было безъ судовъ; тайно перейдти рѣку препятствовали караулы, разставленные Менапіями. Германцы сдѣлали видъ, будто пошли обратно въ свою землю, а послѣ трехдневнаго движенія внутрь Германіи обратились назадъ и быстрымъ набѣгомъ конницы въ одну ночь совершили весь этотъ путь, безъ труда избили Менапіевъ, ничего не опасавшихся и возвратившихся въ свои жилища по ту сторону Рейна, вслѣдствіе донесенія лазутчиковъ, что Германцы удалились отъ береговъ рѣки. Германцы овладѣли судами избитыхъ ими Менапіевъ и на нихъ перешли рѣку, прежде чѣмъ Менапіи, спокойно остававшіеся въ своихъ жилищахъ на той сторонѣ рѣки, узнали объ ихъ приходѣ. Германцы заняли всѣ ихъ села, и провели у нихъ остальную часть зимы, пропитываясь ихъ запасами.

5. Цезарь, узнавъ объ этомъ, опасался непостоянства Галловъ (столь легкомысленно измѣняющихъ свои предположенія, и склонныхъ къ перемѣнѣ) и рѣшился ни въ чемъ на нихъ не полагаться. Галлы имѣютъ обыкновеніе останавливать волею неволею всѣхъ прохожихъ и спрашивать ихъ, не видали ли они или не слыхали ли чего нибудь новаго. Купцовъ, когда они пріѣзжаютъ въ городъ, сейчасъ окружаютъ жители и распрашиваютъ, изъ какихъ они мѣстъ и что тамъ дѣлается. На основаніи этихъ слуховъ и полученныхъ такимъ образомъ свѣдѣній, Галлы нерѣдко задумываютъ самые важные планы. Легко мож-

но себѣ представить, какъ скоро приходится имъ раскаиваться въ столь опрометчиво принятыхъ рѣшеніяхъ на основаніи неопредѣленныхъ слуховъ; а нерѣдко тѣ, кого они спрашиваютъ, выдумываютъ извѣстія, согласно съ ихъ желаніемъ.

6. Зная эту склонность Галловъ къ новизнѣ и опасаясь увеличить затрудненія войны, Цезарь ранѣе обыкновеннаго отправился къ войску. По прибытіи онъ узналъ, до какой степени основательны были его подозрѣнія; нѣкоторыя галльскія племена отправили пословъ къ Германцамъ, приглашая ихъ оставить берега Рейна и изъявляя готовность доставить имъ все, что имъ потребуется. Обнадеженные этимъ Германцы распространили кругъ своихъ набѣговъ и пришли въ земли Эбуроновъ и Кондрузовъ, находящихся подъ покровительствомъ Тревировъ. Цезарь пригласилъ къ себѣ главныхъ галльскихъ вождей и не показывая имъ виду, что знаетъ объ ихъ дѣйствіяхъ, обласкалъ ихъ, обнадежилъ и приказалъ имъ собрать конницу, а самъ сталъ готовиться къ войнѣ съ Германцами.

7. Заготовивъ припасы и отобравъ конницу, Цезарь двинулся въ тѣ мѣста, гдѣ по слухамъ должны были находиться Германцы. Когда уже его отъ нихъ раздѣляло разстояніе немногихъ дней пути, то къ нему явились послы Германцевъ съ такими рѣчами: «Германцы не имѣютъ намѣренія первые нанесть войну народу римскому, но и не откажутся прибѣгнуть къ оружію, если ихъ затронутъ. Отъ предковъ Германцамъ завѣщано обыкновеніе — не отказываться отъ войны имъ предложенной и не прибѣгать къ мольбамъ. Впрочемъ должны они сказать, что сюда пришли не добровольно, но бывъ изгнаны изъ отечества. Если Римляне хотятъ ихъ дружбы, то союзъ ихъ будетъ для нихъ весьма полезенъ; а для того пусть они или отведутъ имъ земли для поселенія, или дозволятъ имъ оставаться на уже занятыхъ ими силою оружія. Вынуждены они были уступить однимъ только Свевамъ, съ которыми бороться и боги безсмертные не въ силахъ; изъ прочихъ же народовъ на землѣ нѣтъ ни одного, котораго они не могли бы побѣдить.

8. На это Цезарь далъ отвѣтъ, какой ему заблагоразсудилось; но исходъ рѣчи былъ таковъ: «пріязнь для него съ Германцами невозможна, доколѣ они будутъ оставаться въ галльскихъ предѣлахъ. Да и несправедливо тѣмъ, которые не съумѣли защитить своихъ земель, отнимать чужія. Притомъ въ Галліи нѣтъ земель, которыя можно было бы отвести для пришельцевъ столь многочисленныхъ, безъ обиды коренныхъ ея жителей. Впрочемъ, если они хотятъ, то могутъ идти селиться въ землю Убіевъ, которыхъ послы теперь у него, жа-

луются на притѣсненія Свевовъ и просятъ помощи. Онъ, Цезарь, надѣется получить на это согласіе Убіевъ.»

9. Послы Германцевъ обѣщались слова Цезаря передать своимъ соотечественникамъ, просили три дня на обсужденіе ихъ и, по истеченіи ихъ, хотѣли явиться съ отвѣтомъ; а покамѣстъ просили Цезаря не идти далѣе. Цезарь на это предложеніе отвѣчалъ отказомъ, такъ какъ онъ узналъ, что Германцы отправили большую часть своей конницы для фуражировки и грабежа на ту сторону Мозы къ Амбиваритамъ. Онъ догадывался, что Германцы поджидаютъ свою конницу, и для того просятъ отсрочки.

10. Моза течетъ изъ горы Вогеза, находящейся въ землѣ Лингоновъ; принимая въ себя рукавъ Рейна, называемый Вагалисъ, Моза съ нимъ образуетъ островъ Батавовъ; и не далѣе какъ миляхъ въ восьмидесяти отъ него впадаетъ она въ океанъ. Рейнъ же имѣетъ начало въ землѣ Лепонтіевъ, живущихъ въ Альпахъ; въ быстромъ своемъ теченіи, на большое пространство, орошаетъ онъ земли Нантуатовъ, Гельвецієвъ, Секвановъ, Медіоматриковъ, Трибуковъ и Тревировъ. Приближаясь къ океану, Рейнъ раздѣляется на множество рукавовъ, образующихъ большое число значительной величины островорвъ; многіе изъ нихъ обитаемы народами дикими и грубыми, которые, какъ сказываютъ, питаются рыбою и птичьими яйцами. Рейнъ вливается въ океанъ многими устьями.

11. Когда Цезарь съ войскомъ былъ уже не далѣе 12 миль отъ непріятеля, то послы его прибыли снова къ нему, какъ было условлено. Встрѣтивъ Цезаря на пути, они его упрашивали сильно не идти далѣе. Не успѣвъ въ этомъ, они просили «дать приказаніе конницѣ, шедшей впереди, не начинать сраженія, а имъ дозволить отправить къ Убіямъ пословъ. Если сенатъ и старѣйшины этого народа заключатъ съ ними договоръ, скрѣпленный клятвами, то они согласны будутъ на условіе предложенное Цезаремъ; на этотъ предметъ просятъ они у него трехдневнаго сроку». Цезарь подозрѣвалъ, что всѣ эти просьбы клонятся къ одному и тому же: въ теченіи трехъ дней дождаться возвращенія конницы ихъ, находившейся въ отлучкѣ. Впрочемъ Цезарь отвѣчалъ, что въ этотъ день онъ двинется впредь не далѣе какъ на 4 мили для снабженія войска водою, а чтобы въ слѣдующій затѣмъ день они собрались къ нему, какъ можно въ большемъ числѣ, и изложили бы свои требованія. Префектамъ же, шедшимъ впереди со всею конницею, Цезарь послалъ приказаніе —первымъ не начинать военныхъ дѣйствій; если же непріятель самъ нападетъ на нихъ, то чтобы они его отражали, пока онъ самъ подойдетъ къ нимъ ближе со всѣмъ войскомъ.

12. Непріятели, какъ только увидѣли нашу конницу (она была въ числѣ 5,000 человѣкъ, тогда какъ у непріятеля, вслѣдствіе того, что всадники, посланные для фуражировки по ту сторону Мозы, еще не возвращались, было не болѣе 800 всадниковъ), какъ ударили на нее. Наши между тѣмъ не опасались ничего подобнаго, видя недавнее возвращеніе германскихъ пословъ отъ Цезаря и зная, что этотъ день по ихъ же просьбѣ назначенъ для перемирія, и потому при сдѣланномъ на нихъ нападеніи тотчасъ же пришли въ смятеніе. Когда они стали сопротивляться, Германцы по обыкновенію спѣшились, прокалывали коней и многихъ изъ нашихъ сбросили съ нихъ, прочихъ же обратили въ бѣгство и приведенныхъ въ ужасъ гнали, такъ что они не прежде остановились, какъ когда были уже въ виду нашего войска. Въ этомъ сраженіи всадниковъ нашихъ пало 74, и въ томъ числѣ отличный храбростью Пизонъ Аквитанецъ; онъ былъ знаменитаго роду: дѣдъ его былъ царемъ надъ своими соотечественниками и отъ сената римскаго получилъ наименованіе друга. Видя брата своего, окруженнаго врагами, онъ поспѣшилъ къ нему на помощь и исторгъ его изъ опасности; но самъ сброшенъ былъ съ раненаго коня и пока только былъ въ силахъ сопротивлялся съ отчаянною храбростью. Окруженный со всѣхъ сторонъ врагами, онъ палъ, получивъ множество ранъ. Видя это издали братъ его, вышедшій уже изъ сраженія, пустилъ коня своего въ середину враговъ и также получилъ смерть.

13. Послѣ этого сраженія, Цезарь рѣшился не принимать пословъ и не выслушивать никакихъ условій со стороны тѣхъ, которые, вѣроломно и коварно испрашивая миръ, думаютъ только о войнѣ. Дожидаться же, чтобы непріятель получилъ новыя подкрѣпленія и притянулъ къ себѣ свою конницу, было бы въ высшей степени неблагоразумно. Притомъ онъ зналъ непостоянство Галловъ, въ которыхъ этотъ одинъ успѣхъ непріятелей вселилъ уже о нихъ высокое мнѣніе, и рѣшился не дать имъ времени къ измѣнѣ. Цезарь остановился на этой мысли, сообщилъ ее легатамъ и квестору и слѣдующій же день назначилъ для битвы. Между тѣмъ случилось неожиданно благопріятное обстоятельство: на другой день рано утромъ явились многочисленною толпою къ Цезарю всѣ старѣйшины и вожди Германцевъ опять съ словами коварства и лицемѣрія, а вмѣстѣ, какъ они говорили, для того чтобы оправдаться въ начатомъ наканунѣ сраженіи вопреки ихъ же просьбамъ и предложеніямъ; вмѣстѣ хотѣли испробовать, не удастся ли имъ обманомъ снова получить перемиріе. Цезарь очень радъ былъ, что Германцы сами отдались ему въ руки; онъ ихъ велѣлъ задержать, а самъ всѣ войска вывелъ изъ ла-

геря; конницѣ же, которая еще, какъ онъ полагалъ, была въ страхѣ отъ недавняго пораженія, велѣлъ слѣдовать за главною арміею.

14. Расположивъ свое войско въ три линіи и быстро пройдя восемь миль, достигъ непріятельскаго лагеря прежде, чѣмъ непріятель могъ узнать о томъ что произошло. Германцы вдругъ поражены были ужасомъ и, вслѣдствіе поспѣшности прихода нашего войска и отсутствія начальниковъ своихъ, не имѣли даже времени обдумать свое положеніе и взяться за оружіе. Они въ смятеніи не знали что имъ дѣлать,—идти ли на встрѣчу врагу, защищать ли лагерь, или искать спасенія въ бѣгствѣ. Смятеніе непріятелей замѣтно было по бѣготнѣ въ лагерѣ и безпорядочнымъ крикамъ; воины наши, негодуя за вѣроломное нападеніе наканунѣ, тотчасъ вломились въ непріятельскій лагерь. Тутъ тѣ изъ непріятелей, которые успѣли взяться за оружіе, оказали нѣкоторое сопротивленіе, сражаясь изъ за телѣгъ и обозныхъ вещей, а остальное множество женщинъ и дѣтей (Германцы со всѣми семействами своими оставили свои земли и перешли Рейнъ) пустились бѣжать куда попало; въ погоню за ними Цезарь послалъ конницу.

15. Германцы, услыхавъ крики съ тылу и видя пораженіе своихъ, бросивъ оружіе и оставивъ военные значки, устремились сами изъ лагеря. Достигнувъ мѣста, гдѣ сливаются Рейнъ и Моза, Германцы, видя, что самое бѣгство не спасаетъ ихъ и что много пало отъ нашей конницы, бросились въ волны рѣки; страхъ, усталость ихъ и быстрота теченія содѣйствовали къ ихъ гибели. Въ нашихъ рядахъ не было ни одного убитаго и весьма мало раненыхъ; послѣ войны, внушавшей такія большія опасенія—потому что у непріятеля воиновъ было до **180,000** человѣкъ, наши удалились въ лагерь. Тогда Цезарь тѣмъ, которыхъ задержалъ было въ лагеряхъ, далъ дозволеніе уйдти, но они, опасаясь мщенія Галловъ за опустошеніе ихъ полей, просили у Цезаря позволенія остаться у него; имъ Цезарь далъ свободу.

16. Приведя къ концу Германскую войну, Цезарь рѣшился по многимъ причинамъ перейдти Рейнъ. Изъ нихъ самая основательнѣйшая была та, что видя, какъ легко Германцы переходятъ въ Галлію, хотѣлъ внушить имъ опасеніе за ихъ собственныя земли; а оно явится, когда они увидятъ, что войско народа римскаго имѣетъ довольно смѣлости и возможности перейдти Рейнъ. Присоединилось и то, что та часть конницы Узипетовъ и Тенхтеровъ, которая, какъ я упомянулъ выше, была послана по ту сторону Мозы за добычею и провіантомъ и не участвовала въ сраженіи, послѣ бѣгства ихъ соотечественниковъ, удалилась по ту сторону Рейна въ области Сигамбровъ и съ ними соеди-

нилась. Цезарь отправилъ къ нымъ пословъ требовать, чтобы они выдали тѣхъ, которые начали войну съ нимъ и съ Галліею, и получилъ на это отвѣтъ: «Рейномъ оканчивается власть народа римскаго. Если онъ считаетъ несправедливымъ, чтобы Германцы безъ его позволенія переходили въ Галлію, то къ чему онъ простираетъ свои требованія за Рейнъ, гдѣ его власти нѣтъ мѣста?» А Убіи, которые одни изо всѣхъ народовъ, живущихъ по ту сторону Рейна, прислали къ Цезарю пословъ, заключили съ нимъ союзъ, и дали заложниковъ, усердно просили Цезаря: «подать имъ руку помощи, такъ какъ они крайне утѣснены Свевами. Если это сдѣлать помѣшаютъ ему государственныя занятія, то пусть онъ только переведетъ войско черезъ Рейнъ, и этого уже достаточно на будущее время для ихъ надежды и защиты: такъ сильно уваженіе къ войску Цезаря вслѣдствіе пораженія Аріовиста и этой послѣдней войны, что слава объ этомъ проникла до самихъ отдѣленныхъ германскихъ племенъ, и они Убіи впередъ будутъ имѣть для своей безопасности достаточное ручательство въ союзѣ и дружбѣ народа римскаго. Они обѣщали большое количество судовъ для перевоза римскаго войска.»

17. Итакъ, по вышеизложеннымъ причинамъ, Цезарь рѣшился перейдти Рейнъ. На судахъ совершить этотъ переходъ было, по его мнѣнію, и не довольно безопасно, и не соотвѣтственно достоинству его собственному и народа римскаго. Такимъ образомъ, несмотря на затрудненія, къ устройству моста представляемыя шириною, быстротою и глубиною рѣки, Цезарь рѣшился или ихъ преодолѣть и устроить мостъ, или, иначе не переводить войско. Устройство моста придумалъ такое: взяты были по два бревна, фута полтора толщины, къ низу немного заостренные, размѣромъ по глубинѣ рѣки и соединены другъ съ другомъ на разстояніи двухъ футовъ. Они были съ помощью машинъ опущены въ рѣку и вбиты, но не перпендикулярно, а наклонно по теченію воды. Въ разстояніи сорока футовъ, ниже по теченію рѣки, противъ этихъ были опущены точно такіе же другіе, обращенные противъ теченія. На эти сваи положены были поперечныя бревна въ два фута толщины, служившіе для нихъ связью; они прикрѣплены были къ сваямъ двойными гвоздями. Прочность этого моста было такова и такъ хорошо онъ былъ приспособленъ къ теченію рѣки, что быстрота ея теченія только содѣйствовала къ его крѣпости, поддерживая сваи и заставляя ихъ держаться вмѣстѣ. По сваямъ были положены поперечныя бревна, а по нимъ настланъ накатникъ изъ мелкаго лѣсу. Для большей крѣпости моста и противодѣйствія напору волнъ, были снизу къ сваямъ сдѣланы еще подпорки;

сверхъ моста устроены были также отводы, въ небольшомъ другъ отъ друга разстояніи, съ цѣлью, въ случаѣ если непріятели станутъ пускать на мостъ бревна или суда, ослабить ихъ ударъ о мостъ и такимъ образомъ сдѣлать ихъ безвредными.

18. Черезъ десять дней послѣ того, какъ начали подвозить матеріалы для изготовленія моста, онъ уже былъ готовъ вполнѣ, и Цезарь перевелъ по немъ войско. Оставивъ для безопасности моста по обѣимъ сторонамъ сильные отряды, Цезарь двинулся съ войскомъ въ землю Сигамбровъ. Тутъ многія племена прислали къ нему пословъ, прося мира и союза, и получили ласковый отвѣтъ и приказаніе доставить заложниковъ. Сигамбры, лишь только Римляне стали наводить мостъ, по совѣту Тенхтеровъ и Узипетовъ, нашедшихъ у нихъ убѣжище, со всѣмъ имуществомъ удалились въ пустыни и лѣса.

19. Цезарь провелъ нѣсколько дней въ землѣ Сигамбровъ, предалъ огню ихъ селенія, истребилъ находившійся въ полѣ хлѣбъ и потомъ пошелъ въ землю Убіевъ. Онъ обѣщалъ имъ свою помощь въ случаѣ, если Свевы будутъ тѣснить ихъ, и узналъ отъ нихъ слѣдующее: Свевы, лишь только узнали отъ своихъ лазутчиковъ о томъ, что наводится черезъ Рейнъ мостъ, какъ по обыкновенію своему созвали собраніе и, вслѣдствіе принятаго имъ рѣшенія, повсюду разослали повѣстки Свевамъ оставлять города—женъ, дѣтей и все имущество скрыть въ лѣса, а всѣмъ способнымъ носить оружіе, собраться въ одно мѣсто; для этой цѣли избранъ пунктъ, находящійся почти въ серединѣ Свевской области. Здѣсь Свевы хотѣли дождаться прихода Римлянъ и дать рѣшительный бой. Узнавъ объ этомъ, Цезарь понялъ, что исполнилъ все то, для чего перешелъ съ войскомъ Рейнъ: распространилъ страхъ между Германцами, отмстилъ Сигамбрамъ, освободилъ Убіевъ отъ безпрестанныхъ притѣсненій. Вообще, въ теченіи восьмнадцатидневнаго пребыванія съ войскомъ за Рейномъ, Цезарь сдѣлалъ все, что могъ, по своему мнѣнію, и для славы и для пользы отечества, а потому возвратился въ Галлію и развелъ мостъ.

20. Оставалось лѣта уже очень немного, и Цезарь, хотя, въ тѣхъ мѣстахъ—такъ какъ Галлія обращена къ сѣверу—зимы очень раннія, рѣшился отправиться въ Британнію, такъ какъ во всѣхъ почти галльскихъ войнахъ врагамъ нашимъ приходила оттуда помощь. Цезарь полагалъ, если и мало будетъ времени для веденія войны, то весьма полезно для него будетъ ознакомиться съ мѣстностью острова, съ живущими на немъ народами, открыть пристани, удобныя для высадки мѣста, а все это Галламъ было почти неизвѣстно. Кромѣ купцовъ никто не рѣшается посѣщать этотъ островъ, да и тѣ знакомы

сколько-нибудь только съ берегомъ моря и съ мѣстами противулежащими Галліи. Хотя Цезарь созвалъ отовсюду купцовъ, но не могъ узнать отъ нихъ ничего о томъ, какъ великъ островъ, какіе въ немъ обитаютъ народы, какъ они сильны на войнѣ, какими они управляются законами, а равно и о томъ, какія мѣста удобнѣе для пристани многочисленному флоту.

21. Для полученія этихъ свѣдѣній, прежде чѣмъ сдѣлать попытку Цезарь заблагоразсудилъ послать впередъ К. Волузена на длинномъ суднѣ. Онъ приказалъ собрать ему самыя нужныя свѣдѣнія и возвратиться къ нему какъ можно скорѣе. Самъ же со всѣми войсками отправился въ землю Мориновъ, откуда ближайшій переѣздъ въ Британію. Сюда Цезарь приказалъ собраться судамъ изо всѣхъ сосѣдственныхъ странъ и флоту, устроенному въ прошлое лѣто по случаю войны съ Венетами. Между тѣмъ его намѣреніе узнали купцы, и пересказали Британцамъ; многія племена ихъ прислали пословъ къ Цезарю, изъявляя готовность покориться народу римскому и дать заложниковъ. Цезарь выслушавъ рѣчи пословъ, ласково обѣщалъ имъ покровительство народа римскаго, убѣждалъ ихъ оставаться при этомъ образѣ мыслей, и отправилъ ихъ обратно домой; съ ними вмѣстѣ послалъ онъ Коммія, котораго онъ, покоривъ Атребатовъ, сдѣлалъ у нихъ царемъ. Цезарь зналъ его за благоразумнаго, храбраго, неспособнаго къ измѣнѣ человѣка, пользовавшагося большимъ вѣсомъ и извѣстностью въ этихъ краяхъ. Онъ ему приказалъ побывать у всѣхъ племенъ Британіи и склонить ихъ признать власть народа римскаго, а равно дать имъ знать о скоромъ прибытіи его, Цезаря, въ Британію. Волузенъ высмотрѣлъ мѣстность острова, сколько то возможно было, не рѣшаясь выходить на берегъ и отдаться въ руки дикимъ его жителямъ; на пятый день возвратился онъ къ Цезарю и донесъ ему обо всемъ, что ему удалось видѣть.

22. Пока Цезарь оставался въ этихъ мѣстахъ по причинѣ заготовленія судовъ, къ нему явились послы отъ большой части Мориновъ; они раскаивались въ своемъ поведеніи за прежнее время и приписывали своему незнанію нашихъ силъ то, что они, люди невѣжественные, дерзнули вести войну съ народомъ римскимъ; и обѣщали исполнить то, что прикажетъ. Это обстоятельство было по мнѣнію Цезаря для него весьма кстати; такъ какъ онъ не хотѣлъ оставить врага въ тылу своемъ, вести же съ нимъ войну невозможно было по позднему времени года и значило бы для занятія ничтожнымъ дѣломъ отказаться отъ гораздо важнѣйшаго похода въ Британію, а потому велѣлъ посламъ Мориновъ привесть къ себѣ большое число залож-

никовъ; когда они были приведены онъ даровалъ имъ миръ. Около восьмидесяти транспортныхъ судовъ было собрано и изготовлено; ихъ было достаточно, какъ онъ полагалъ, для перевоза двухъ легіоновъ; бывшія у него кромѣ того длинныя суда Цезарь отдалъ квестору, легатамъ и префектамъ. Еще было у него 18 транспортныхъ судовъ, но ихъ задерживалъ вѣтеръ миляхъ въ 8 и не допускалъ до той пристани, откуда отправлялся Цезарь; ихъ онъ назначилъ для конницы. Остальное войско онъ велѣлъ легатамъ К. Титурію Сабину и А. Аврункулею Коттѣ отвесть въ земли Менапіевъ и тѣхъ Мориновъ, которые еще не присылали къ нему пословъ о мирѣ. П. Сульпицію Руфу легату приказалъ Цезарь оберегать пристань, давъ ему достаточныя для этого предмета силы.

23. Устроивъ все такимъ образомъ и дождавшись попутнаго вѣтра, Цезарь въ третью стражу ночи снялся съ якоря, а конницѣ приказалъ идти къ той пристани, гдѣ находились 18 транспортныхъ судовъ, сѣсть на нихъ и слѣдовать за нимъ. Такъ какъ они немного замѣшкали, то Цезарь съ первыми судами достигъ Британіи въ четвертомъ часу дня. По всѣмъ прибрежнымъ высотамъ увидѣлъ онъ вооруженное непріятельское войско. Мѣстность здѣсь была такова, что крутые утесы спускались до самаго моря, и стрѣла, брошенная сверху, упала бы у самой подошвы утеса. Цезарь счелъ невозможнымъ пристать и высадиться въ этомъ мѣстѣ по его крутизнѣ, и до девятаго часу стоялъ на якорѣ, ожидая прихода прочихъ судовъ. Между тѣмъ, созвавъ легатовъ и трибуновъ военныхъ, онъ сообщаетъ имъ извѣстія, полученныя отъ Волузена, сказываетъ имъ, какъ намѣренъ поступить и внушаетъ имъ, что правило военнаго искуства, а особенно на морѣ, столь измѣнчивомъ и непостоянномъ, требуетъ дѣйствовать дружно, скоро и рѣшительно. Отпустивъ ихъ, Цезарь, пользуясь одновременно благопріятнымъ вѣтромъ и приливомъ, далъ знакъ сниматься съ якоря, и присталъ съ кораблями къ ровному и открытому мѣсту, миляхъ въ семи разстоянія отъ прежняго мѣста.

24. Туземцы, узнавъ намѣренія Римлянъ, послали впередъ конницу и колесницы,—ими то они привыкли пользоваться преимущественно въ сраженіяхъ, а потомъ двинули и остальныя войска къ тому мѣсту, и препятствовали Римлянамъ высадиться. Вообще наше положеніе было затруднительно; по своей величинѣ, суда наши не могли остановиться иначе какъ далеко на морѣ, и нашимъ воинамъ надлежало, при незнаніи мѣстности, въ тяжеломъ вооруженіи, съ занятыми руками, вмѣстѣ и прыгать съ кораблей, и стоять въ волнахъ, и бороться съ непріятелемъ. А онъ стоялъ на сухомъ мѣстѣ, на отмеляхъ или въ са-

мыхъ мелкихъ мѣстахъ, былъ легко вооруженъ и свободенъ въ своихъ движеніяхъ; знаніе мѣстности давало ему возможность вѣрно стрѣлять и на лошадяхъ, пріученныхъ къ тому, бросаться въ воду. Наши воины, непривычные къ этому роду сраженія, чувствовали робость и сражались съ меньшимъ жаромъ и усердіемъ, чѣмъ обыкновенно въ битвахъ на сухомъ пути.

25. Замѣчая это, Цезарь приказалъ длиннымъ судамъ, видъ которыхъ незнакомъ былъ дикимъ обитателямъ Британіи (а на ходу онѣ были много легче), отдѣлиться отъ транспортныхъ судовъ и, дѣйствуя веслами, стать съ открытаго флангу непріятелей и, бросая пращи, стрѣлы и камни, отразить ихъ; это много помогло нашимъ. Пораженные невиданною ими наружностью судовъ, съ удивленіемъ Британцы смотрѣли на дѣйствіе веселъ и незнакомыхъ имъ метательныхъ орудій, пріостановили нападеніе и начали даже отступать. Когда наши воины были въ нерѣшительности, опасаясь глубины моря, знаменосецъ десятаго легіона, съ орломъ въ рукѣ, призвавъ боговъ благословить его начинаніе на пользу его легіона, обратясь къ своимъ, сказалъ: «Товарищи, устремитесь впередъ, если не хотите оставить вашего орла въ рукахъ враговъ; по крайней мѣрѣ я исполню долгъ мой отечеству и моему начальнику». Сказавъ это громкимъ голосомъ, онъ спрыгнулъ съ корабля и съ орломъ бросился въ средину непріятелей. Тогда наши, ободряя другъ друга спасти легіонъ отъ посрамленія, всѣ побросались съ кораблей. Находившіеся на другихъ судахъ, видя это, также послѣдовали ихъ примѣру и приблизились къ непріятелю.

26. Бой былъ упорный съ обѣихъ сторонъ; однако наши, не будучи въ состояніи ни построиться въ ряды, ни дѣйствовать дружно, ни слѣдовать за значками—приходили въ замѣшательство; не видя своихъ значковъ, строились, сходя съ корабля, подъ первымъ встрѣтившимся. Непріятель съ берега, если замѣчалъ нашихъ отдѣлившихся отъ прочихъ, пользуясь знаніемъ бродовъ и мелей, смѣло бросался туда на коняхъ и нападалъ многочисленною толпою на малочисленныхъ нашихъ воиновъ, разсыпанныхъ врозь и обремененныхъ тяжестями. Другія толпы непріятелей осыпали нашихъ стрѣлами съ открытой стороны. Цезарь, замѣчая это, приказалъ наполнить воинами челноки, находившіеся при длиннымъ судахъ и легкія лодки, употреблявшіяся для разъѣздовъ; они должны были поспѣшать на помощь во всѣ пункты, гдѣ нашихъ особенно тѣснилъ непріятель. Когда же наши достигли берега и, собравшись всѣ вмѣстѣ, ударили на непріятеля, то онъ обратился въ бѣгство. Преслѣдовать его дальше не было воз-

можности; суда, на которыхъ находилась конница, не могли пристать къ берегу и должны были держаться въ открытомъ морѣ Только этого одного обстоятельства не доставало къ обычному успѣху Цезаря.

27. Непріятель побѣжденный въ сраженіи, какъ только опомнился отъ пораженія, немедленно отправилъ къ Цезарю пословъ о мирѣ, обѣщая выдать ему заложниковъ и исполнить всѣ его приказанія. Вмѣстѣ съ этими послами пришелъ Атребатъ Коммій, который, какъ мы выше сказали, былъ посланъ Цезаремъ въ Британію. Когда онъ вышелъ изъ корабля и, исполняя обязанность посла, хотѣлъ передать порученія главнаго вождя, его схватили и бросили въ оковы. По окончаніи битвы, Британцы возвратили ему свободу и, прося мира, сваливали вину на чернь; они умоляли простить имъ ихъ необдуманный поступокъ. Цезарь пенялъ имъ за то, что, приславъ сами къ нему на твердую землю пословъ съ предложеніемъ мира, они объявили ему войну, безъ всякаго съ его стороны повода; впрочемъ онъ рѣшился простить имъ ихъ неблагоразумный поступокъ и требовалъ заложниковъ. Часть ихъ Британцы немедленно привели, а другую, которую надлежало собрать изъ мѣстъ болѣе отдаленныхъ, обѣщались представить въ самомъ непродолжительномъ времени. Между тѣмъ они отдали приказаніе своимъ возвратиться къ полевымъ работамъ; старѣйшины ихъ явились со всѣхъ сторонъ, и начали себя и свои города поручать въ доброе расположеніе Цезаря.

28. Такимъ образомъ, миръ казался упроченъ. Между тѣмъ, на четвертый день послѣ нашего прибытія въ Британію, 18-ть транспортныхъ судовъ о которыхъ мы выше говорили, съ нашею кавалеріею отплыли изъ пристани при тихомъ вѣтрѣ. Когда они приближались къ Британіи и были въ виду нашего лагеря, вдругъ поднялась ужасная буря; ни одинъ изъ кораблей не могъ подойдти къ берегу, но иные были отнесены въ то же мѣсто, откуда вышли; другіе, съ величайшею для нихъ опасностью, были выброшены на берегъ Британіи, пониже и далѣе къ западу. И тѣ суда, которыя попытались было остановиться на якорѣ, видя, что ихъ заливаетъ водою, вынуждены были, несмотря на ночь, сняться съ якоря и пуститься въ открытое море, которое ихъ прибило опять къ твердой землѣ.

29. Въ ту же ночь случилось быть полнолунію, когда приливъ морской въ океанѣ бываетъ сильнѣйшій; нашимъ же это обстоятельство было неизвѣстно. Такимъ образомъ, въ одно время длинныя суда, на которыхъ Цезарь перевезъ войско и которыя по его приказу были вытащены на берегъ, залиты приливомъ, а транспортныя суда,

находившіяся у берега на якоряхъ, бились отъ напора волнъ и вѣтра. Ни тѣмъ ни другимъ невозможно было подать помощи, вслѣдствіе чего многія суда разбились совершенно, другія, потерявъ веревки, якоря и прочія снасти, сдѣлались негодными къ употребленію; это не могло не произвесть смущенія въ нашемъ войскѣ. Другихъ кораблей не было, на которыхъ можно было бы плыть назадъ; исправить и починить, находившіяся подъ руками, суда невозможно было по отсутствію матеріаловъ. А тѣмъ не менѣе всѣ знали, что необходимо было возвратиться на зимовку въ Галлію; въ Британіи не было заготовлено хлѣба для войска на зимнее время.

30. Видя это затруднительное положеніе нашего войска, старѣйшины Британскіе, собравшіеся было для выполненія приказаній Цезаря вслѣдствіе его побѣды, разсудили между собою снова взяться за оружіе. Они видѣли, что Римляне лишены конницы, кораблей и имѣютъ недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ; малое пространство лагеря обнаруживало малочисленность нашихъ; онъ былъ тѣмъ менѣе, что Цезарь при войскахъ не имѣлъ обоза. Такимъ образомъ Британцы возмутились снова, съ цѣлью, отрѣзавъ подвозы нашему войску, оголодить его и, протянувъ дѣло до зимы, побѣдить Римлянъ или не допустить ихъ до возвращенія въ Галлію, и тѣмъ однажды навсегда положить конецъ покушеніямъ Римлянъ къ завоеванію Британіи.

31. Вслѣдствіе этого замысла, Британцы, мало-по-малу, стали оставлять лагерь Цезаря и тайно уводить жителей съ полей. Цезарь хотя и не зналъ еще о замыслѣ Британцевъ, но подозрѣвалъ возможность его и вслѣдствіе несчастія, постигшаго его суда и по медленности, съ какою они выставляли заложниковъ. А потому онъ принималъ мѣры противъ всѣхъ могущихъ быть случайностей: ежедневно съ полей свозили хлѣбъ въ лагерь. Дерево и желѣзо разбитыхъ совершенно судовъ было употреблено на починку менѣе пострадавшихъ; прочіе нужные матеріалы для того же предмета были привезены изъ Галліи. Такимъ образомъ, благодаря усиленнымъ трудамъ нашихъ воиновъ, всѣ суда, за исключеніемъ двѣнадцати совершенно разбитыхъ, приведены въ такое состояніе, что годны были снова для перевоза войскъ.

32. Пока это происходило, по обыкновенію одинъ легіонъ, на этотъ разъ случился седьмой, отправился для фуражировки. Непріязненныхъ дѣйствій, казалось, нельзя было ожидать; еще не только много жителей оставалось въ поляхъ, но даже они не переставали посѣщать нашъ лагерь. Воины, находившіеся на стражѣ впереди воротъ лагеря, вдругъ донесли Цезарю, что въ той сторонѣ, куда пошелъ нашъ

легіонъ, видна болѣе сильная пыль, чѣмъ какая обыкновенно бываетъ. Цезарь тотчасъ догадался о томъ, что тамъ происходитъ, а именно что Британцы приступили къ непріязненнымъ дѣйствіямъ. Онъ тотчасъ беретъ съ собою когорты, стоявшія на стражѣ. другимъ двумъ велитъ занять ихъ мѣсто, а прочимъ, вооружась немедленно, послѣдовать за нимъ. Въ довольно большомъ разстояніи отъ лагеря, Цезарь увидалъ свой легіонъ; сжатый въ кучу; онъ съ трудомъ выдерживалъ нападеніе непріятелей, окружавшихъ его со всѣхъ сторонъ и осыпавшихъ его стрѣлами. Такъ какъ по окрестности вездѣ уже былъ скошенъ хлѣбъ и оставался только въ одномъ мѣстѣ, то непріятель, догадываясь, что наши придутъ за нимъ. ночью сдѣлали засаду въ сосѣдственномъ лѣсѣ. Когда наши разсѣялись безоружные и стали убирать хлѣбъ, непріятель вдругъ изъ засады напалъ на нихъ; нѣкоторые изъ нашихъ пали. другіе въ замѣшательствѣ составили ряды какъ попало; непріятель окружилъ ихъ со всѣхъ сторонъ разомъ конницею и колесницами.

33. Съ колесницъ сражаются обыкновенно такъ: сначала непріятельскіе воины на нихъ скачутъ кругомъ, бросая стрѣлы и распространяя смятеніе въ рядахъ нашихъ пѣхотинцевъ бѣгомъ коней и стукомъ колесъ. А когда заѣдутъ въ средину конницы, то вдругъ соскакиваютъ съ колесницъ и сражаются пѣши. Между тѣмъ возницы съ колесницами мало-по-малу удаляются отъ мѣста сраженія и становятся такъ, чтобы всегда быть готовымъ убѣжищемъ для своихъ, въ случаѣ, если непріятель станетъ ихъ очень тѣснить. Такимъ образомъ сраженіе съ колесницъ соединяетъ выгоды пѣхоты и конницы, превосходя стойкостью первую и быстротою движенія вторую. Ежедневнымъ упражненіемъ пріучили они своихъ коней останавливаться на самомъ крутомъ мѣстѣ, поварачивать, опять мчаться и, вдругъ остановясь, принимать ихъ на всемъ бѣгу въ повозки.

34. Помощь, поданная Цезаремъ, пришлась какъ нельзя болѣе кстати нашимъ воинамъ, уже пришедшимъ въ робость отъ невиданнаго ими рода сраженія. Прибытіе Цезаря пріостановило нападеніе непріятеля и ободрило нашихъ. Достигнувъ своей цѣли, Цезарь не заблагоразсудилъ напасть на непріятеля, а постоявъ нѣсколько времени на мѣстѣ сраженія, отвелъ легіоны въ лагерь. Пока все это происходило, остальные жители удалились съ полей, пользуясь тѣмъ, что нашимъ было не до нихъ. Затѣмъ въ теченіи многихъ дней были непогоды, не позволявшія и нашимъ оставить лагерь, и непріятелямъ напасть на насъ. Британцы же во всѣ стороны разослали гонцовъ, выставляя на видъ малочисленность нашего войска,

ожидающую ихъ добычу и всегдашнюю вольность въ случаѣ взятія ими римскаго лагеря. Собравъ такимъ образомъ большое число пѣхоты и конницы, они двинулись къ нашему лагерю.

35. Цезарь хотя и зналъ, что непріятель, въ случаѣ пораженія, найдетъ какъ то было и въ прежніе дни спасеніе въ быстротѣ бѣгства, однако, имѣя около тридцати всадниковъ, перевезенныхъ Комміемъ Атребатомъ, о которомъ сказано выше, поставилъ легіоны въ боевомъ порядкѣ передъ лагеремъ. Въ происшедшей битвѣ непріятель не выдержалъ долго натиска нашихъ и обратился въ бѣгство. Наши преслѣдовали его, сколько позволили ихъ силы и быстрота бѣгущихъ, и весьма многихъ изъ нихъ убили; потомъ опустошивъ и предавъ огню все, на далекое пространство, наши удалились въ лагерь.

36. Въ тотъ же день прибыли къ Цезарю послы съ просьбою о мирѣ. Цезарь приказалъ имъ выставить заложниковъ, въ двойномъ противъ прежняго числѣ, и привесть ихъ на твердую землю такъ какъ близость равноденствія и непрочность судовъ дѣлали бы плаваніе зимою небезопаснымъ, а самъ при первой благопріятной погодѣ немного спустя полночи, велѣлъ сняться съ якоря, и благополучно со всѣми кораблями присталъ къ твердой землѣ. Только два транспортныхъ судна не могли пристать къ одной съ прочими пристани, мѣсту, а были отнесены вѣтромъ немного пониже.

37. Когда изъ этихъ судовъ около 300 воиновъ было высажено на берегъ, то они и пошли къ нашему лагерю. Морины, которыхъ Цезарь, при отъѣздѣ его въ Британію оставилъ замиренными, польстились на легкую, по ихъ мнѣнію, добычу, и сначала не въ очень большомъ числѣ, окружили нашихъ, требуя, чтобы они, если хотятъ быть въ живыхъ, положили оружіе. Наши собрались въ кружокъ, и сопротивлялись упорно. Поспѣшно на крикъ ихъ собралось тысячъ съ шесть человѣкъ. Получивъ извѣстіе объ этомъ, Цезарь послалъ на помощь своимъ всю конницу свою, сколько ее было въ лагерѣ. Между тѣмъ наши выдерживали нападеніе непріятеля и болѣе четырехъ часовъ сражались весьма храбро; у нашихъ немногіе получили раны, а непріятелей очень много было убито. Когда же показалась наша конница, то непріятель бросилъ оружіе и обратился въ бѣгство, и тутъ много людей у него убито.

38. На другой день, Цезарь отправилъ легата Т. Лабіена съ легіонами, приведенными назадъ изъ Британіи, противъ взбунтовавшихся Мориновъ. Такъ какъ болота пересохли вслѣдствіе засухи и не представляли для нихъ безопаснаго убѣжища, какъ то было въ предшествовавшемъ году то почти всѣ попали во власть Лабіена. А легаты,

К. Титурій и Л. Котта, которые водили легіоны въ земли Менапіевъ— возвратились къ Цезарю; они опустошили всѣ ихъ поля, истребили хлѣбъ, сожгли селенія; а Менаніи скрылись въ самыхъ густыхъ лѣсахъ. Цезарь разставилъ всѣ легіоны по зимнимъ квартирамъ въ Бельгіи. Туда только два племени британскихъ прислали заложниковъ; прочіе же пренебрегли этимъ. Вслѣдствіе этихъ событій, сенатъ, по письмамъ Цезаря, опредѣлилъ двадцатидневное благодарственное молебствіе.

КНИГА ПЯТАЯ.

—

1. Въ консульство Луція Домиція и Аппія Клавдія, Цезарь, отправляясь съ зимнихъ квартиръ въ Италію, что онъ дѣлалъ каждый годъ, приказалъ легатамъ, которымъ ввѣрилъ легіоны, чтобы они, въ теченіи зимы, построили какъ можно болѣе новыхъ судовъ и починили бы старыя; онъ указываетъ ихъ наружный видъ и форму: для болѣе скорой нагрузки и вытаскиванья ихъ на берегъ, онъ велѣлъ дѣлать нѣсколько ниже тѣхъ, которыми привыкли мы пользоваться въ нашемъ (Средиземномъ) морѣ. И тѣмъ болѣе, что, вслѣдствіе частыхъ приливовъ и отливовъ, волны бываютъ, какъ онъ узналъ изъ опыта, не такъ велики въ океанѣ, какъ въ нашемъ морѣ, а для тяжестей и перевоза большаго числа лошадей нѣсколько шире тѣхъ, какія у насъ въ употребленіи въ другихъ моряхъ. Всѣ же суда приказываетъ сдѣлать такъ, чтобы они были вмѣстѣ и парусными и гребными; для этой цѣли низкая палуба была очень полезна. Все, что требовалось для вооруженія судовъ, Цезарь приказалъ доставить изъ Испаніи. А самъ, закончивъ сеймы ближней Галліи, отправился въ Иллирикъ такъ какъ онъ слышалъ, что Пирусты опустошаютъ набѣгами прилежащую къ нимъ часть провинціи. По прибытіи въ Иллирикъ, Цезарь приказалъ городамъ выставить воиновъ и назначилъ имъ сборное мѣсто. Получивъ объ этомъ извѣстіе, Пирусты прислали къ Цезарю пословъ сказать ему, «что если что случилось съ ихъ стороны враждебное, то большинство народа не принимало въ этомъ никакого участія, и что они готовы дать всяческое удовлетвореніе за причиненный вредъ, какое отъ нихъ потребуютъ». Выслушавъ рѣчи пословъ, Цезарь приказываетъ имъ къ назначенному сроку доставить заложниковъ; въ случаѣ ослушанія, онъ грозитъ имъ войною. Заложники были достав-

лены въ предписанный срокъ, и Цезарь назначилъ между городами посредниковъ—оцѣнить искъ и назначить штрафъ.

2. Окончивъ это дѣло и закрывъ собраніе, Цезарь возвратился въ ближнюю Галлію и оттуда отправился къ войску. По прибытіи туда, Цезарь объѣздилъ всѣ зимнія квартиры и нашелъ, что воины его, при неусыпномъ стараніи, несмотря на величайшій недостатокъ вовсемъ, успѣли построить шесть сотъ судовъ по вышеизложенному образцу, и двадцать восемь длинныхъ судовъ, и привесть ихъ въ такое положеніе, что въ нѣсколько дней они могли быть пущены въ дѣло. Осыпавъ похвалами воиновъ, а равно и людей, имѣвшихъ надзоръ за работами, Цезарь открываетъ имъ свои намѣренія: всѣ суда должны были собраться въ портъ Итій, удобство котораго для переѣзда въ Британію, находящуюся отъ него къ 30 миляхъ, давно было замѣчено Цезаремъ. Для этой цѣли онъ оставилъ столько воиновъ, сколько по его мнѣнію было достаточно, а самъ съ четырьмя легіонами на-легкѣ, и съ 800-ми всадниковъ, отправился въ земли Тревировъ: они и не присылали депутатовъ на сеймъ, и не исполняли приказаній, а, по слухамъ, звали къ себѣ зарейнскихъ Германцевъ.

3. Народъ Тревировъ, изо всѣхъ галльскихъ, имѣетъ сильнѣйшую конницу и весьма многочисленное пѣшее войско; земли его, какъ мы упомянули выше, прилегаютъ къ рѣкѣ Рейну. Два человѣка, Индутіомаръ и Цингеториксъ, оспоривали другъ у друга верховную власть надъ этимъ племенемъ. Послѣдній лишь только узналъ о прибытіи Цезаря и легіоновъ, явился къ нему, ручался за преданность свою и своихъ приближенныхъ и за всегдашнюю покорность народу римскому; онъ сообщилъ Цезарю подробности о томъ, что происходитъ у Тревировъ. Между тѣмъ Индутіомаръ собиралъ пѣшее и конное войско; тѣмъ же, которые по лѣтамъ не въ состояніи были носить оружіе, приказалъ удалиться въ Арденскій лѣсъ (онъ огромною полосою перерѣзываетъ область Тревировъ, начинаясь у рѣки Рейна и доходя до области Ремовъ) вообще онъ всѣми силами готовился къ войнѣ. Но когда нѣкоторые старѣйшины народа, отчасти изъ расположенія къ Цингеториксу, отчасти испуганные приближеніемъ нашего войска, явились къ Цезарю и просили его за себя въ частности, не будучи въ состояніи принести пользу всему своему народу, то Индутіомаръ сталъ опасаться, какъ бы всѣ его не оставили и отправилъ пословъ къ Цезарю сказать ему: «онъ потому не рѣшается покинуть своихъ, и явиться къ нему, чтобы лучше удержать въ повиновеніи своихъ согражданъ; иначе чернь, оставленная совершенно аристократіею, можетъ принять самыя необдуманныя рѣшенія; теперь же народъ Тре-

вировъ у него въ рукахъ, и если Цезарь позволитъ, онъ самъ прійдетъ къ нему въ лагерь и вручитъ ему судьбу свою и всего народа Тревировъ».

4. Цезарь, хотя и понималъ по какой причинѣ это говорится и какое обстоятельство отпугнуло его отъ задуманнаго плана дѣйствія но, дабы не быть вынужденнымъ провесть лѣто въ землѣ Тревировъ, между тѣмъ, какъ у него все уже было для войны Британской изготовлено, приказалъ Индутіомару явиться къ себѣ съ двумя стами заложниковъ. Они пришли, и въ числѣ ихъ, вслѣдствіе особеннаго Цезарева приказанія, сынъ Индутіомара и всѣ его родственники, вызванные поименно. Цезарь утѣшилъ Индутіомара и убѣждалъ его оставаться всегда вѣрнымъ, но, собравъ старѣйшинъ тревирскихъ, ихъ порознь задобрилъ въ пользу Цингеторикса. Такъ поступилъ Цезарь частью потому, что, по его убѣжденію, Цингеториксъ этого заслуживалъ, частью и потому, что при его доказанной преданности, усилить его значеніе у соотечественниковъ могло быть для насъ весьма полезно. Это намѣреніе Цезаря—ослабить его вліяніе въ народѣ—весьма огорчило Индутіомара, и прежде бывъ къ намъ непріязненно расположенъ въ душѣ, онъ съ того времени сдѣлался еще ожесточеннѣе въ своей ненависти.

5. Устроивъ эти дѣла, Цезарь съ легіонами прибылъ къ порту Ицію. Здѣсь онъ узналъ, что сорокъ судовъ, сдѣланныя въ землѣ Мельдовъ, отброшенныя бурею, не могли продолжать плаванія и вернулись туда, откуда они вышли; остальныя же суда были снабжены всѣмъ нужнымъ и были совершенно готовы къ отплытію. Туда же пришла конница изо всей Галліи, въ числѣ четырехъ тысячь, а равно съѣхались старѣйшины всѣхъ галльскихъ племенъ. Изъ нихъ Цезарь весьма немногихъ, вѣрность коихъ была уже доказана опытомъ, опредѣлилъ оставить въ Галліи, а всѣхъ прочихъ рѣшился взять съ собою въ видѣ заложниковъ; онъ опасался, какъ бы во время его отсутствія, не возмутилась Галлія.

6. Въ числѣ прочихъ находился и Эдуй Думнориксъ, о коемъ мы упоминали выше. Его-то въ особенности Цезарь рѣшился держать при себѣ, зная его предпріимчивость, смѣлость, жажду новизны, неумѣренное честолюбіе и большое вліяніе на всѣ галльскія племена. Притомъ онъ уже похвалился на сеймѣ Эдуевъ, что Цезарь дѣлаетъ его царемъ надъ ними, а это Эдуямъ было весьма непріятно; послать же къ Цезарю уполномоченныхъ съ заявленіемъ, что они не желаютъ имѣть у себя царемъ Думнорикса, они не смѣли. Цезарь зналъ объ этомъ отъ своихъ друзей, бывшихъ у него между Галлами. Сначала Думнориксъ усили-

вался просьбами всякаго рода получить позволеніе остаться въ Галліи: то онъ выказывалъ страхъ моря, на которомъ, какъ онъ говорилъ, онъ никогда неплавалъ; то выставлялъ какъ препятствіе данные имъ будто бы религіозные обѣты. Видя упорный отказъ на всѣ свои просьбы и отчаявшись въ ихъ успѣхѣ, Думнориксъ обратился къ галльскимъ старѣйшинамъ, порознь убѣждалъ каждаго изъ нихъ оставаться въ Галліи; онъ ихъ стращалъ, что не безъ причины уводитъ Цезарь изъ Галліи всю аристократію, что онъ ведетъ ихъ на избіеніе въ Британію, опасаясь въ Галліи привести въ исполненіе свое намѣреніе. Думнориксъ клялся въ истинѣ своихъ словъ, а равно требовалъ и отъ другихъ клятвъ—дѣйствовать съ общаго совѣта въ томъ, что они найдутъ полезнаго для отечества. Многіе—слова Думнорикса пересказали Цезарю.

7. Узнавъ объ этомъ Цезарь, дорожа значеніемъ народа Эдуевъ, имъ уважаемаго, рѣшился всѣми мѣрами предупредитъ и обуздать Думнорикса. Безразсудство этого человѣка вышло изъ предѣловъ и могло быть весьма вредно для него Цезаря и пользъ государства. Такимъ образомъ Цезарь провелъ въ этомъ мѣстѣ около 25 дней. Сѣверо-западный вѣтеръ, господствующій въ этихъ мѣстахъ, препятствовалъ плаванію; между тѣмъ Цезарь старался удержать Думнорикса въ повиновеніи и наблюдалъ за всѣми его дѣйствіями. Подулъ попутный вѣтеръ, и Цезарь приказалъ своему войску, и пѣшему и конному, садиться на суда. Пользуясь тѣмъ, что всѣ были заняты, Думнориксъ безъ позволенія Цезаря со всадниками Эдуевъ удалился изъ лагеря. Когда Цезарю дали знать объ этомъ, онъ остановилъ отправленіе, и, отложивъ всѣ дѣла, послалъ въ погоню за Думнориксомъ большую часть конницы съ приказаніемъ—привесть его, въ случаѣ же сопротивленія или ослушанія—убить его. Цезарь основательно заключалъ, что если Думнориксъ не повинуется ему, когда онъ еще въ Галліи, то по отъѣздѣ его непремѣнно задумаетъ что нибудь недоброе. Когда Думнорикса звали назадъ, онъ сопротивлялся, защищался, призывалъ своихъ на помощь, повторяя, что онъ вольный гражданинъ вольнаго народа. Тогда наши, исполняя приказаніе, окружили его и убили; всадники же Эдуйскіе всѣ до одного возвратились къ Цезарю.

8. По совершеніи всего этого, Цезарь оставляетъ Лабіена въ Галліи съ тремя легіонами и двумя тысячами человѣкъ конницы; онъ ему поручаетъ—оберегать пристань, заботиться объ исправномъ подвозѣ съѣстныхъ припасовъ, имѣть наблюденіе надъ всѣмъ, что произойдетъ въ Галліи, и дѣйствовать по указанію обстоятельствъ. Самъ же съ пятью легіонами и такимъ же количествомъ конницы, какое онъ

оставилъ въ Галліи, отправился въ путь во время захожденія солнца при тихомъ южномъ вѣтрѣ. Почти въ полночь вѣтеръ утихъ и суда отдались теченію, которое ихъ отнесло такъ, что на разсвѣтѣ наши увидѣли берегъ Британіи влѣвѣ. Тогда Цезарь, пользуясь измѣненіемъ прилива, велѣлъ дѣйствовать веслами и стараться причалить къ тому же мѣсту, которое по прошлогоднему опыту оказалось удобнѣе прочихъ для высадки. Въ этомъ случаѣ заслуживаетъ похвалы удивительное усердіе воиновъ; они гребли такъ сильно, что ихъ тяжелыя суда не отставали отъ долгихъ судовъ. Былъ почти полдень, когда всѣ наши корабли причалили къ берегу Британіи. Непріятеля въ это время нигдѣ не было видно; послѣ Цезарь узналъ, чти онъ было собирался на берегу въ большихъ силахъ, но былъ испуганъ прибытіемъ огромнаго числа нашихъ судовъ (число ихъ съ лодками, принадлежавшими частнымъ лицамъ, простиралось до восьми сотъ и всѣ они показались въ одно время) и, оставивъ берегъ, удалился на возвышенныя мѣста.

9. Цезарь высадилъ на берегъ войско и избралъ мѣсто удобное для лагеря. Узнавъ отъ плѣнныхъ, въ какомъ мѣстѣ находятся войска непріятельскія, онъ оставилъ на берегу моря, для обереганія судовъ, десять когортъ и триста всадниковъ, и въ третью стражу ночи пошелъ къ непріятелю. Онъ тѣмъ менѣе опасался за суда, что они были привязаны на ровномъ и открытомъ мѣстѣ, гдѣ грунтъ земли былъ мягкій. Начальство надъ судами, ввѣрилъ К. Атрію. Цезарь ночью прошелъ около 12 миль и увидалъ непріятельскія войска. Конница и колесницы Британцевъ выступили до рѣки и, пользуясь выгодами возвышенной мѣстности, отражали нашихъ и завязали бой. Отраженные конницею, они удалились въ лѣсъ, въ прекрасно укрѣпленное и природою и искусствомъ мѣсто, приготовленное ими кажется прежде на случай междуусобной войны; всякой доступъ къ нему былъ загороженъ огромными срубленными деревьями. Изъ лѣсовъ по временамъ показывался непріятель не въ большомъ числѣ, препятствуя нашимъ проникнуть въ укрѣпленіе. Впрочемъ воины седьмаго легіона, образовавъ изъ себя черепаху и сдѣлавъ насыпь къ укрѣпленію непріятельскому, взяли его съ весьма малымъ урономъ и выгнали непріятеля изъ лѣсу. Цезарь остановилъ преслѣдованіе и по незнанію мѣстности, и желая употребить остальное время дня, котораго большая часть уже прошла на укрѣпленіе лагеря.

10. На другой день утромъ Цезарь раздѣлилъ все свое войско и пѣшее и конное на три отряда и отправилъ ихъ въ погоню за бѣгущимъ непріятелемъ. Уже наши прошли нѣкоторое разстояніе и

видѣли задніе ряды Британцевъ, какъ отъ К. Атрія прискакали къ Цезарю всадники съ извѣстіемъ, что въ бывшую наканунѣ ночь поднялась столь сильная буря, что ни канаты и якори не могли выдержать, ни гребцы и кормчіе не могли стерпѣть силы бури, а потому суда взаимно сталкиваясь, потерпѣли весьма много вреда.

11. Цезарь, получивъ такое извѣстіе, оставляетъ походъ и приказываетъ пѣхотѣ и конницѣ возвратиться съ пути, а самъ онъ отправился къ кораблямъ и собственными глазами увидѣлъ истину того, что прежде было ему извѣстно изъ слуховъ и писемъ: онъ удостовѣрился, что 40 судовъ совершенно погибли, остальныя привесть въ прежнее состояніе также требовалось много трудовъ. Для того Цезарь отбираетъ находившихся въ легіонахъ воиновъ, свѣдущихъ въ кузнечномъ дѣлѣ, и посылаетъ въ Галлію за кузнецами. Лабіену Цезарь написалъ, чтобы онъ съ помощью находившихся у него легіоновъ, заготовилъ какъ можно большее число судовъ, а самъ несмотря на трудность этого предпріятія, рѣшился, корабли вытащить на берегъ и окружить вмѣстѣ съ лагеремъ однѣми и тѣми же укрѣпленіями. И день и ночь неусыпно трудились воины въ теченіи десяти дней, приводя въ исполненіе мысль Цезаря. Вытащивъ корабли на берегъ и окруживъ лагерь превосходными укрѣпленіями, Цезарь оставилъ для обереганія его тѣ же войска, что̀ и прежде, а съ прочими отправился къ тому мѣсту, откуда вернулся. Прибывъ туда, Цезарь нашелъ, что противъ него собрались со всѣхъ сторонъ силы Британцевъ въ большемъ противъ прежняго числѣ; верховная власть и распоряженіе войною съ общаго совѣта ввѣрено Кассивеллавну: его владѣнія отъ земель приморскихъ племенъ Британіи отдѣляетъ рѣка Тамезисъ, находящаяся отъ моря въ разстояніи около 80 миль. Въ прежнее время и еще недавно Кассивеллавнъ находился въ постоянной войнѣ со прочими племенами Британіи; но, устрашенныя нашимъ прибытіемъ, они забыли свою вражду и вручили ему власть и веденіе войны.

12. Внутренность Британіи населена коренными жителями, о которыхъ преданіе сохранилось, будто бы они тамъ и родились. Приморскія же мѣста населены выходцами изъ Бельгіи, привлеченными сюда жаждою войны и добычи; по переселеніи они сохранили наименованія тѣхъ племенъ, отъ которыхъ происходятъ; не ограничиваясь простымъ набѣгомъ, они остались здѣсь и принялись обработывать землю. Страна здѣсь чрезвычайно населена, села и деревни частыя и строятся почти по образцу галльскихъ, скота здѣсь очень много. Вмѣсто денегъ употребляется здѣсь мѣдь и желѣзныя кольца извѣстнаго вѣса. Во внутренности острова есть рудники бѣлаго олова, а въ приморскихъ

мѣстахъ—желѣза; впрочемъ послѣднее встрѣчается въ маломъ количествѣ. Мѣдь здѣсь привозная. Дерева всякаго рода попадаются здѣсь въ лѣсахъ, какъ и въ Галліи, только кромѣ бука и лиственницы. Британцы считаютъ непозволеннымъ ѣсть мясо зайца, куръ и утокъ; но послѣднихъ они держатъ для удовольствія и охоты. Климатъ здѣсь умѣреннѣе чѣмъ въ Галліи, и не бываетъ здѣсь такой сильной стужи.

13. Островъ Британія имѣетъ видъ треугольника, одна сторона котораго обращена къ Галліи. Одинъ уголъ этой стороны, гдѣ находится земля Кантій, куда обыкновенно пристаютъ изъ Галліи всѣ корабли, обращенъ къ востоку, а другой нижній къ югу; этотъ бокъ простирается почти на 500 миль. Другая сторона обращена на западъ къ Испаніи; съ этой стороны, въ такомъ же разстояніи отъ Британіи какъ и Галлія, находится островъ Гибернія; какъ полагаютъ, онъ вполовину менѣе Британіи и въ равномъ разстояніи и отъ нея и отъ Галліи. По срединѣ пролива, отдѣляющаго Гибернію отъ Британіи, находится островъ Монъ, окруженный, какъ говорятъ, великимъ множествомъ малыхъ острововъ; о нихъ нѣкоторые писали, что тамъ зимою, въ теченіи 30 дней, господствуетъ непрерывная ночь. Достовѣрнаго объ этомъ предметѣ ничего не могли мы узнать; а по водянымъ часамъ убѣдились, что ночи здѣсь короче, чѣмъ на материкѣ. По мнѣнію Британцевъ длина западнаго берега около 700 миль. Третья сторона обращена къ сѣверу и противъ нея нѣтъ никакого берега; впрочемъ она обращена болѣе къ Германіи и имѣетъ протяженія 800 миль; такимъ образомъ весь островъ Британія имѣетъ въ окружности двѣ тысячи миль *).

14. Изъ жителей Британіи въ отношеніи гражданственности стоятъ выше другихъ жители Кантія, приморской страны; обычаи у нихъ мало чѣмъ отличаются отъ галльскихъ. Жители внутренности острова почти не сѣютъ хлѣба, питаются молокомъ и мясомъ и одѣваются шкурами звѣрей. Всѣ же вообще Британцы мажутся купоросомъ, отчего цвѣтъ тѣла ихъ зеленоватосиній, внушающій на войнѣ ужасъ. Волосы на головѣ носятъ длинныя; на тѣлѣ же вездѣ брѣютъ, кромѣ головы и усовъ. Женъ имѣютъ общихъ человѣкъ на десять или на двѣнадцать, и преимущественно братья съ братьями однихъ, а родители съ дѣтьми. Дѣти же всѣ считаются того, кто первый взялъ за себя жену дѣвицею.

---

*) Собственно въ подлинникѣ: **двадцать разъ сто тысячъ шаговъ.**

15. Непріятельская конница и колесницы завязали жаркое дѣло съ нашею конницею на походѣ. Наши остались побѣдителями во всѣхъ отношеніяхъ и прогнали непріятелей въ горы и лѣса; но убивъ весьма многихъ изъ нихъ, наши зашли далеко и потеряли нѣсколько своихъ. Немного времени спустя, когда наши воины, ничего не опасаясь, занимались укрѣпленіемъ лагеря, непріятель, вдругъ вышедъ изъ лѣса, устремился на нихъ. Упорный бой завязался между нимъ и нашими войсками, прикрывавшими лагерь. Цезарь послалъ въ подкрѣпленіе своимъ двѣ когорты, обѣ изъ двухъ легіоновъ первыя. Онѣ оставили между собою весьма малый промежутокъ, но непріятель, пользуясь смущеніемъ нашихъ отъ новаго для нихъ рода сраженія, успѣлъ съ величайшею смѣлостью прорваться въ промежутокъ между обѣихъ когортъ и возвратиться оттуда безъ вреда. Въ этотъ день убитъ военный трибунъ К. Лаберій Дуръ; непріятель же отраженъ съ помощью новыхъ подкрѣпленій.

16. Это сраженіе, происходившее у лагеря и въ глазахъ всѣхъ, показало, что въ этомъ родѣ битвы наши воины не могутъ равняться съ непріятелемъ; причиною тому тяжелое вооруженіе, препятствующее преслѣдовать отступающаго непріятеля и необходимость не выходить изъ строя. Конница наша сражалась всегда съ великою для себя опасностью: непріятель обыкновенно дѣлаетъ видъ отступленія; потомъ, заманивъ нашу конницу подалѣе отъ легіоновъ, соскакиваетъ съ колесницъ и дѣлаетъ такимъ образомъ бой неровнымъ; вслѣдствіе чего сраженіе конницы представляло одинаковую опасность и при аттакѣ, и при отступленіи. Притомъ непріятель никогда не дѣйствуетъ сплошною массою, а въ разсыпную; онъ располагается отрядами, куда удаляются, отступая, его воины утомленные битвою, а на ихъ мѣсто выходятъ новые съ свѣжими силами.

17. На другой день непріятель остановился далеко отъ нашего лагеря на горахъ; онъ изрѣдка показывался и не такъ охотно, какъ прежде, затѣвалъ схватки съ нашею конницею. А въ полдень, когда Цезарь отправилъ легата К. Требонія съ тремя легіонами и со всею конницею для фуражировки, они, лишь только наши хотѣли было заняться ею, налетѣли на нихъ со всѣхъ сторонъ такъ, что нашимъ невозможно было оставить рядовъ своихъ и отойдти отъ значковъ. Они ударили сильно на непріятеля, отразили его и горячо преслѣдовали; конница наша смѣло гнала непріятелей, видя за собою пѣхоту, и не давала имъ отдыху: они не имѣли времени ни опомниться, ни остановиться, ни соскочить съ колесницъ, и понесли большой уронъ въ людяхъ убитыми. Вслѣдствіе этого пораженія, вспомогательныя

войска непріятелей тотчасъ разошлись по домамъ, и съ того времени мы уже не имѣли болѣе дѣла со всѣми непріятельскими силами.

18. Цезарь, узнавъ о намѣреніяхъ непріятеля, повелъ войско къ рѣкѣ Тамезису въ земли Кассивеллавна; на этой рѣкѣ былъ всего только одинъ пѣшій бродъ, и то весьма затруднительный. Пришедъ къ рѣкѣ, мы увидѣли на той сторонѣ значительныя непріятельскія силы устроенныя въ боевомъ порядкѣ; берегъ защищенъ былъ тыномъ изъ острыхъ кольевъ; они же были набиты на днѣ рѣки подъ водою. Все это извѣстно было отъ плѣнныхъ и перебѣжчиковъ. Цезарь, пославъ впередъ конницу, немедленно велѣлъ слѣдовать за нею легіонамъ. Съ такою быстротою и силою наши воины, несмотря на то, что переходили рѣку по шею въ водѣ, ударили на непріятеля, что онъ не могъ выдержать одновременнаго натиска нашей пѣхоты и конницы, оставилъ берегъ и пустился бѣжать.

19. Кассивелавнъ, потерявъ, какъ видно было изъ описаннаго выше, надежду имѣть надъ нами верхъ въ рѣшительной битвѣ, распустилъ бо̀льшую часть своихъ войскъ. Онъ оставилъ при себѣ четыре тысячи колесницъ; съ ними наблюдалъ онъ за нашими движеніями, скрываясь въ маломъ отъ насъ разстояніи по лѣсистымъ и малоизвѣстнымъ мѣстамъ, а изъ тѣхъ краевъ, куда лежалъ намъ путь, онъ жителей и стада угонялъ въ лѣса. Когда же наша конница чуть немного неосторожно разсыпалась по полямъ для грабежа и опустошенія, Кассивелавнъ высылалъ по, ему одному только извѣстнымъ, путямъ и тропинкамъ свои колесницы и завязывалъ бой весьма опасный для нашей конницы. Такимъ образомъ страхъ, имъ внушаемый, препятствовалъ нашей конницѣ дѣлать дальніе набѣги. Вслѣдствіе этого Цезарь неприказалъ конницѣ отдѣляться отъ строя легіоновъ и ограничивался опустошеніемъ края и причиненіемъ вреда непріятелю настолько, насколько позволяли силы пѣшихъ воиновъ и путь, по которому они двигались.

20. Между тѣмъ Тринобанты (народъ этотъ одинъ изъ сильнѣйшихъ въ Британіи; изъ него то бѣжалъ въ Галлію къ Цезарю подъ его покровительство молодой человѣкъ, по имени Мандубратій; отецъ его Имануенцій былъ царемъ Тринобантовъ и убитъ Кассивеллавномъ, а самъ онъ нашелъ спасеніе отъ смерти только въ бѣгствѣ) присылаютъ уполномоченныхъ къ Цезарю, изъявляя покорность и готовность исполнить всѣ его приказанія. Они просили его защитить Мандубратія отъ преслѣдованія Кассивелавна и прислать его къ нимъ для верховнаго надъ нимъ начальства. Цезарь приказываетъ имъ выставить 40 заложниковъ и хлѣбъ войску, и посылаетъ къ нимъ Ман-

дубратія. Тринобанты немедленно исполнили приказанія Цезаря и доставили и всѣхъ заложниковъ, и хлѣба.

21. Видя, что Тринобанты получили отъ Цезаря защиту, а отъ нашихъ воиновъ не потерпѣли ни малѣйшаго вреда, Ценимагны, Сегонтіаки, Анкалиты, Биброки и Кассы черезъ пословъ отдались подъ покровительство Цезаря. Отъ нихъ онъ узналъ, что неподалеку находится городъ Кассивеллавна, защищенный лѣсами и болотами, гдѣ нашли убѣжище множество людей и скота. Городомъ называется у Британцевъ мѣсто въ густомъ лѣсу, обнесеннее валомъ и рвомъ, куда они удаляются обыкновенно въ случаѣ непріятельскаго нашествія. Цезарь повелъ туда легіоны; онъ нашелъ, что это мѣсто прекрасно укрѣплено природою и искусствомъ, но предпринялъ аттаковать его съ двухъ сторонъ. Непріятель, послѣ кратковременнаго сопротивленія, не выдержалъ натиска нашихъ воиновъ и пустился бѣжать черезъ другую сторону города; тутъ нашли большое количество скота. Изъ бѣгущихъ непріятелей многіе были настигнуты и убиты.

22. Пока это здѣсь происходило, Кассивеллавнъ посылаетъ въ Кантій, примерскую область, о которой мы говорили выше, къ четыремъ царямъ ея Цингеторисгу, Карвилію, Таксимагулу и Сегонаксу приказаніе—собрать всѣ силы, напасть вдругъ на нашъ приморскій лагерь и стараться имъ овладѣть. Когда непріятель подошелъ къ нашему лагерю, наши воины сдѣлили вылазку, убили у непріятеля много людей и къ числѣ ихъ именитаго вождя Луготорикса, а сами возвратились безо всякаго урона. Кассивеллавнъ, узнавъ объ этомъ сраженіи и видя вездѣ однѣ потери, неудачи и опустошеніе земель своихъ, а особенно встревоженный отпаденіемъ племенъ, черезъ посредство Атребата Коммія, посылаетъ къ Цезарю пословъ съ изъявленіемъ покорности. Цезарь, располагая, вслѣдствіе неожиданныхъ смутъ въ Галліи, провести зиму на твердой землѣ и видя, что лѣта немного уже осталось, а борьба можетъ быть продолжительна, приказалъ Кассивелавну дать заложниковъ, опредѣлилъ количество ежегодной дани, которую Британія должна была платить народу римскому, и строго запретилъ Кассивелавну вести войну съ Мандубратіемъ и Тринобантами.

23. Получивъ заложниковъ, Цезарь возвратился съ войскомъ на морской берегъ и нашелъ, что корабли уже исправлены. Велѣвъ ихъ спустить на воду, Цезарь, вслѣдствіе большаго количества находившихся при войскѣ плѣнныхъ и убавленія числа судовъ отъ бури, рѣшился въ два раза перевести войско. Случилось такъ, что, при столь большомъ числѣ судовъ, ни въ эту кампанію, ни въ прошло-

годнюю, не погибло ни одного судна съ воинами. Но когда суда, высадивъ бывшихъ на нихъ воиновъ, отправились въ обратный путь, въ сопровожденіи 60 сдѣланныхъ послѣ по приказанію Лабіена, то весьма многія дошли до мѣста; прочія же почти всѣ были отнесены бурею назадъ. Тщетно подождавъ ихъ нѣсколько дней, Цезарь, опасаясь приближенія равноденствія и видя необходимость поспѣшить отъѣздомъ по случаю приближенія времени тода для плаванія неблагопріятнаго, посадилъ воиновъ на суда въ большемъ, чѣмъ бы слѣдовало, количествѣ. Погода была совершенно тихая и, оставивъ Британію въ началѣ второй стражи ночи, Цезарь благополучно со всѣми судами на разсвѣтѣ присталъ къ берегу Галліи.

24. Приказавъ вытащить суда на берегъ, Цезарь предсѣдательствовалъ въ Самаробривѣ на гальскомъ сеймѣ и, принимая въ соображеніе, что въ этомъ году хлѣбъ родился въ Галліи, вслѣдствіе засухи, скудно, онъ отступилъ отъ принятаго имъ въ прежнихъ годахъ порядка на счетъ зимнихъ квартиръ и рѣшился распредѣлить войска на большое пространство. Одинъ легіонъ Цезарь велѣлъ легату К. Фабію вести въ землю Моргиновъ; другой К. Цицерону въ землю Нервіевъ; третій Л. Росцію въ землю Эссуевъ; съ четвертымъ легіономъ Т. Лабіенъ долженъ былъ зимовать въ землѣ Ремовъ у границъ Тревировъ. Три легіона поставилъ въ Бельгіи подъ начальствомъ квестора М. Красса и легатовъ Л. Мунація Планка и К. Требонія. Одинъ легіонъ, недавно имъ набранный по ту сторону рѣки По и пять когортъ, Цезарь отправилъ къ Эбуронамъ; бо́льшая часть ихъ земель находится между Мозою и Рейномъ; ими управляютъ Амбіориксъ и Кативолкъ. Этою частью войска Цезарь велѣлъ начальствовать легатамъ, К. Титурію Сабину и А. Аврункулею Коттѣ. Такимъ распредѣленіемъ легіоновъ Цезарь хотѣлъ предупредить недостатокъ провіанта; притомъ квартиры всѣхъ войскъ (за исключеніемъ той части, которую Л. Росцій повелъ въ совершенно покоренную и смирную сторону) были расположены вокругъ миль насто. Цезарь рѣшился и самъ оставаться въ Галліи, пока легіоны займутъ и укрѣпятъ назначенныя имъ мѣста для зимовки.

25. У Карнутовъ знаменитостью рода славился Тасгетій; предки его пользовались у нихъ царскою властью. Въ награду достоинствъ Тасгетія и его къ себѣ преданности, доказанной неоднократно въ продолженіи галльскихъ войнъ, Цезарь возвелъ его на мѣсто его предковъ. На третій годъ царствованія, враги Тасгетія открыто убили его и въ этомъ заговорѣ принимали участіе многіе изъ его соотечественниковъ. Цезарю донесено объ этомъ событіи. Онъ зная, что многіе

изъ Карнутовъ участвовали въ немъ, и опасаясь поэтому возмущенія всего ихъ народа, немедленно приказалъ Л. Планку съ легіономъ идти поспѣшно изъ Белгіи въ землю Карнутовъ и тамъ зимовать. Планкъ, по приказанію Цезаря, долженъ былъ разыскать виновныхъ въ убійствѣ Тасгетія, схватить ихъ и прислать къ Цезарю. Между тѣмъ всѣ легаты и квесторы, имѣвшіе легіоны подъ своимъ начальствомъ, донесли Цезарю, что они стали на зимнія квартиры и укрѣпили ихъ.

26. Дней черезъ пятнадцать послѣ того, какъ войска стали по зимнимъ квартирамъ, неожиданный примѣръ измѣны и возмущенія подали Амбіориксъ и Кативолкъ. Сначала они было встрѣтили Сабина и Котту на границахъ своихъ владѣній, выставили на зимнія квартиры потребное количество хлѣба, но потомъ замыслили возстаніе, подстрекаемые наущеніями Тревира Индутіомара. Нечаяннымъ нападеніемъ избивъ нѣсколько нашихъ воиновъ, разсѣявшихся за дровами, они съ многочисленными силами явились къ нашему лагерю, намѣреваясь аттаковать его. Наши немедленно взялись за оружіе и стали на валъ. Испанская конница вышла изъ лагеря, ударила на непріятеля и одержала надъ нимъ верхъ. Тогда непріятель, отчаявшись открытою силою овладѣть нашимъ лагеремъ отвелъ свои войска отъ приступа и. сталъ по своему обычаю кричать, чтобы кто-нибудь изъ нашихъ явился для переговоровъ, что они имѣютъ сообщить нѣчто важное о дѣлахъ, касающихся и до нихъ и до насъ, и надѣются окончить несогласія къ взаимному удовольствію.

27. Для переговоровъ съ нашей стороны посланы К. Арпиней, всадникъ римскій, приближенный къ К. Титурію, и К. Юній, родомъ изъ Испаніи, который, по порученію Цезаря, уже не разъ бывалъ у Амбіорикса. Передъ нами Амбіориксъ началъ говорить слѣдующее: «помнитъ онъ благодѣянія къ нему Цезаря, какъ онъ освободилъ его отъ дани, которую онъ платилъ Адуатикамъ, своимъ сосѣдямъ, и какъ онъ возвратилъ ему сына и племянника, бывшихъ у Адуатиковъ въ числѣ заложниковъ въ рабствѣ и въ оковахъ. Если же случилось нападеніе на римскій лагерь, то не по его совѣту и согласію, а по волѣ народа. Власть его, Амбіорикса, надъ народомъ такого рода, что скорѣе онъ долженъ бываетъ исполнять волю народа, чѣмъ его волю народъ. Народъ же его потому началъ войну, что былъ увлеченъ всеобщимъ возстаніемъ въ Галліи; иначе понятно, что, при своемъ безсиліи, могъ ли онъ надѣяться получить верхъ въ борьбѣ съ народомъ римскимъ? Но Галлы всѣ дѣйствуютъ за-одно; день назначенъ для одновременнаго нападенія на всѣ войска Римлянъ,

расположенныя на зимнихъ квартирахъ въ Галліи, съ цѣлью—воспрепятствовать легіонамъ подать другъ другу руку помощи. Естественно, что Галлы не могли отказаться дѣйствовать единодушно, когда дѣло шло о возвращеніи общей вольности и независимости. Исполняя долгъ любви къ отечеству, онъ не можетъ забыть, сколько онъ обязанъ Цезарю за его къ нему благодѣянія, а потому умоляетъ и заклинаетъ Титурія правами дружбы, принять мѣры къ спасенію его и его войска. Значительныя силы Германцевъ, нанятыя Галлами, перешли Рейнъ, а черезъ два дня будутъ здѣсь. Итакъ, пусть они сами разсудятъ, не лучше ли имъ, прежде чѣмъ узнаютъ объ этомъ сосѣдственные народы, вывести войска изъ этихъ зимнихъ квартиръ и поспѣшить на соединеніе съ войскомъ или Цицерона или Лабіена, изъ коихъ первый находится въ пятидесяти миляхъ, а второй немного далѣе. Онъ же, Амбіориксъ, съ своей стороны обѣщаетъ и подтверждаетъ это клятвою: дать Римлянамъ свободный и безопасный путь по своимъ землямъ. Дѣйствуя такимъ образомъ, онъ и исполняетъ долгъ свой къ отечеству, освобождая его отъ зимовки Римлянъ, и старается отплатить Цезарю за его благодѣянія». Сказавъ это, Амбіориксъ отпустилъ пословъ.

28. Арпиней и Юній передали легатамъ все, что слышали отъ Амбіорикса; тѣ, пораженные неожиданностію событій, совѣтъ Амбіорикса, хотя и врага, рѣшились взять во вниманіе. Особенно имъ казалось невѣроятно, чтобы незначительный и слабый народъ Эбуроновъ дерзнулъ одинъ и самъ по себѣ начать войну съ народомъ римскимъ. Дѣло это представлено обсужденію военнаго совѣта, и послужило поводомъ къ жаркимъ спорамъ. Л. Аврункулей и многіе военные трибуны и сотники первыхъ рядовъ утверждали: «что нѣтъ необходимости брать скорыя рѣшенія и безъ позволенія Цезаря покидать зимнія квартиры. Какъ бы ни были велики силы Германцевъ, ихъ можно отразить въ укрѣпленномъ лагерѣ; тому доказательство уже есть, что первое нападеніе непріятелей стоило ему много крови, а было для него совершенно безуспѣшно: въ продовольствіи они не терпятъ недостатка. Между тѣмъ поспѣшатъ на выручку или самъ Цезарь, или войска, расположенныя по сосѣдству на зимнихъ квартирахъ Наконецъ, что можетъ быть необдуманнѣе и позорнѣе руководствоваться совѣтомъ врага въ важныхъ рѣшеніяхъ»?

29. Титурій на это возражалъ: «Поздно будетъ тогда принимать мѣры къ спасенію, когда они будутъ окружены многочисленнѣйшими войсками Галловъ въ соединеніи съ Германцами, или когда какое-нибудь несчастіе постигнетъ войска, расположенныя на ближайшихъ зимнихъ квартирахъ: времени на размышленіе остается немного. Цезарь

по всей вѣроятности отправился въ Италію; иначе Карнуты не рѣшились бы умертвить Тазгета и Эбуроны, еслибы Цезарь былъ въ Галліи, не дерзнули бы такъ самонадѣянно напасть на нашъ лагерь. Въ своемъ мнѣніи основывается онъ не на совѣтѣ врага, а на обстоятельствахъ: Рейнъ близко, а Германцы раздражены смертью Аріовиста и нашими побѣдами. Галлія вся кипитъ негодованіемъ, видя одни пораженія, утрату славы военной, которою она прежде гордилась, и необходимость покориться владычеству Римлянъ. Наконецъ можетъ ли быть, чтобы Амбіориксъ рѣшился на возстаніе, не имѣя ничего вѣрнаго въ виду? Впрочемъ его мнѣніе во всякомъ случаѣ не представляетъ никакой опасности. Если обстоятельства наши не затруднительны, то безъ труда они достигнутъ квартиръ сосѣдняго легіона. Если же вся Галлія возстала за одно съ Германцами, то вся надежда на спасеніе въ поспѣшности отступленія. Мнѣніе же Котты и его товарищей какое представляетъ ручательство за будущее? Если въ настоящемъ они и избѣгнутъ опасности, то развѣ современемъ въ случаѣ продолжительнаго облежанія не должны они опасаться голода?»

30. Долго спорили съ обѣихъ сторонъ; такъ какъ Котта и сотники первыхъ рядовъ упорно настаивали на своемъ мнѣніи, то Сабинъ воскликнулъ, возвышая нарочно свой голосъ, чтобы слышно было большой части воиновъ: «пусть будетъ по вашему, когда вы такъ этого хотите! Конечно, изо всѣхъ васъ не я больше всѣхъ страшусь смерти. Пусть они разсудятъ, и, въ случаѣ какого несчастія, съ тебя пусть они требуютъ отчетъ! Они, еслибы не твое упорство, на третій день соединились бы съ войсками на ближайшихъ зимнихъ квартирахъ и вмѣстѣ бы съ ними стали дѣйствовать на войнѣ, а не подвергались бы опасности, отброшенные далеко и предоставленные однимъ своимъ силамъ,—погибнуть отъ меча или отъ голода!»

31. Затѣмъ Сабинъ всталъ, оканчивая засѣданіе. Тогда всѣ окружили обоихъ легатовъ, умоляя ихъ—своимъ упорствомъ и несогласіемъ не увеличивать общей опасности. Останутся ли они, пойдутъ ли въ походъ—и то и другое мнѣніе равно хорошо, если они единодушно станутъ дѣйствовать; при несогласіи же нѣтъ надежды на спасеніе». Споръ продолжался до полуночи; наконецъ Котта убѣжденный подалъ руку Сабину. Мнѣніе послѣдняго восторжествовало. Опредѣлено было на разсвѣтѣ выступить въ походъ; остальная часть ночи прошла для воиновъ безъ сна; они перебирали свои вещи, что̀ брать съ собою и что вынуждены были оставить здѣсь, изъ приготовленнаго для зимы. Казалось, все соединилось къ тому, чтобы увеличить опасность для нашихъ, въ случаѣ, еслибы они и остались, и ослабить

ихъ усталостью и отсутствіемъ сна. На разсвѣтѣ наши выступили въ походъ и, въ полномъ убѣжденіи, что Амбіориксъ изъ пріязни къ намъ подалъ такой совѣтъ, растянулись на большое пространство и взяли съ собою огромный обозъ.

32. Непріятель догадался по шуму въ нашемъ лагерѣ и движенію, что наши собираются въ походъ. Въ двухъ миляхъ оттуда, въ лѣсистомъ и удобномъ мѣстѣ, поставилъ онъ засаду, раздѣливъ ее на двѣ части, и дожидался тамъ прибытія Римлянъ. Когда большая часть нашего войска, не опасаясь и не подозрѣвая ничего, спустилась въ глубокую долину, вдругъ непріятель показался по обѣимъ сторонамъ дороги, преградивъ дорогу шедшимъ впереди и тѣсня задніе ряды наши. Бой былъ для насъ неизбѣженъ при самихъ, для насъ неблагопріятныхъ, условіяхъ мѣстности.

33. Тутъ Титурій, который никакъ не предполагалъ возможности этого событія, приходитъ въ смущеніе, мечется туда и сюда, хочетъ ставить когорты въ боевой порядокъ. Но самыя распоряженія онъ дѣлалъ робко и нерѣшительно; замѣтно было, что онъ совершенно потерялся и не зналъ какъ поступить,—что̀ обыкновенно бываетъ съ людьми въ случѣ событій, которыхъ возможности они никакъ не предполагали. Но Котта, предъугадывавшій, что это случится на пути и потому совѣтовавшій оставаться, не упустилъ ничего къ спасенію войска. Онъ исполнилъ долгъ хорошаго полководца, одобряя воиновъ, и храбраго солдата личнымъ мужествомъ въ сраженіи. Вожди, видя, что наши воины растянулись на большое пространство, и потому находясь въ невозможности поспѣть вездѣ и слѣдить, что гдѣ происходитъ, приказали воинамъ оставить обозы и собраться въ одну толпу. Мѣра эта, при такихъ обстоятельствахъ, сама по себѣ была необходима, однако повлекла за собою большое разстройство. Наши воины упали духомъ, а непріятели ободрились, видя въ этомъ дѣйствіи признакъ робости и отчаянія. Притомъ случилось то, чего и надобно было ожидать; воины оставляли ряды, бѣжали къ обозу за тѣмъ, что имѣли самаго дорогого, и уносили съ собою: вездѣ раздавались крики смятенія и вопли.

34. Противники наши дѣйствовали благоразумно. Вожди ихъ отдали по всему войску приказаніе «чтобы никто не смѣлъ покидать своего поста: все, что Римляне оставили, ихъ неминуемая добыча и непремѣнно имъ достанется, лишь бы только удалось ихъ побѣдить, а потому чтобы они всѣ усилія употребили на бой». Наши не уступали непріятелю ни въ числѣ, ни въ мужествѣ, и не смотря на измѣну счастія, предоставленные полководцемъ сами себѣ, они всю на-

дежду на спасеніе полагали въ храбрости. Куда бы ни бросалась наша когорта, вездѣ тамъ непріятель терпѣлъ жестокій уронъ. Замѣтивъ это, Амбіориксъ приказалъ своимъ—только издали метать стрѣлы, въ случаѣ же нападенія Римлянъ отступать. При легкомъ вооруженіи непріятеля и опытности въ этого рода войнѣ, наши не могли имъ вредить; когда же наши отступали, то они опять за ними слѣдовали.

35. Исполняя въ точности полученное приказаніе, непріятель, лишь только наша когорта бросалась на него, обращался въ бѣгство, самое поспѣшное; наши же, обнаживъ свой флангъ, получали въ него градъ стрѣлъ. Когда же наши возвращались на прежнее мѣсто, бѣгущіе слѣдовали за ними и вмѣстѣ съ прочими находившимися вблизи, тѣснили ихъ. Оставаться же на мѣстѣ значило оставаться въ бездѣйствіи подъ тучею стрѣлъ, изъ которыхъ почти каждая вредила вслѣдствіе того, что все войско было въ одной кучѣ. Несмотря на столько неблагопріятныхъ для себя условій, наши, осыпанные ранами, упорно сопротивлялись. Жаркій бой продолжался уже большую часть дня, съ разсвѣта и до восьмаго часу, и наши не обнаруживали признаковъ робости, а показывали себя достойными своей славы. Тогда Т. Балвентій, въ прошломъ году командовавшій первою сотнею, храбрый и уважаемый, палъ пронзенный въ обѣ ноги дротикомъ. К. Луканій, также одинъ изъ первыхъ сотниковъ, погибъ храбро сражаясь, защищая отъ опасности сына своего. Л. Котта, легатъ, въ то время, когда онъ ободрялъ воиновъ всѣхъ рядовъ и когортъ, раненъ въ лицо пращею.

36. Пораженный всѣмъ этимъ, К. Титурій, видя вдалекѣ Амбіорикса ободряющаго своихъ воиновъ, посылаетъ къ нему переводчика своего, Кн. Помпея, съ просьбою пощадить его и войско. Амбіориксъ сказалъ посланному: «Если легатъ Титурій хочетъ съ нимъ переговорить, то очень можетъ; онъ надѣется настоять у своихъ соотечественниковъ, чтобы они пощадили римскихъ воиновъ. Что же касается до него, Титурія, то онъ не можетъ сомнѣваться въ своей безопасности, за которую онъ Амбіориксъ ручается». Титурій сообщаетъ раненому Коттѣ свое намѣреніе—идти на свиданіе съ Амбіориксомъ, въ надеждѣ исходатайствовать у него свою жизнь и воиновъ. Котта сказалъ, что онъ не пойдетъ къ вооруженному врагу, и остался при своемъ мнѣніи.

37. Сабинъ приказалъ за собою слѣдовать находившимся при немъ военнымъ трибунамъ и сотникамъ первыхъ рядовъ. Когда они приблизились къ Амбіориксу, тотъ приказалъ имъ положить оружіе.

Сабинъ повиновался и приказалъ то же сдѣлать его сопровождавшимъ. Пока толковали объ условіяхъ, и Амбіориксъ съ умысломъ тянулъ время въ разговорахъ, Сабинъ и его свита были мало-по-малу окружены и избиты. Тогда Галлы по своему обычаю испустили радостные крики побѣды, подняли вой и ударили съ силою на нашихъ и смѣшали ихъ ряды. Л. Котта и большая часть воиновъ погибли, храбро сражаясь; остальные удалились въ лагерь, откуда вышли. Тутъ Л. Петросидій, носившій орла, тѣснимый многочисленнымъ непріятелемъ, бросилъ орла въ лагерный окопъ, а самъ, впереди его храбро сражаясь, убитъ. Съ трудомъ наши защищались до ночи, а съ наступленіемъ ея, не видя никакой надежды на спасеніе, они избили до смерти другъ друга, всѣ до одного. Немногимъ удалось уйдти изъ сраженія и малоизвѣстными лѣсными тропинками достигнуть зимнихъ квартиръ легата Т. Лабіена, и сообщить ему извѣстіе о всемъ, что случилось.

38. Возгордясь этою побѣдою, Амбіориксъ спѣшитъ съ конницею въ землю Адуатуковъ, сосѣдственнаго ему народа. Онъ шелъ и день и ночь, приказавъ пѣхотѣ слѣдовать за собою. Онъ возмутилъ Адуатуковъ, разсказавъ о томъ, что̀ случилось; на другой день онъ отправился къ Нервіямъ, убѣждая ихъ «не упускать столь благопріятнаго случая для упроченія за собою навсегда вольности и отмщенія Римлянамъ за причиненныя ими обиды. Два ихъ легата и значительная часть войска погибли. Не трудно нечаяннымъ нападеніемъ истребить одинъ легіонъ, подъ начальствомъ Цицерона, стоявшій на зимнихъ квартирахъ. Онъ, Амбіориксъ, берется въ этомъ случаѣ быть имъ помощникомъ». Такими убѣжденіями онъ безъ труда склоняетъ Нервіевъ на свою сторону.

39. Немедленно разосланы гонцы къ Центронамъ, Грудіямъ, Левакамъ, Плевмоксамъ, Гейдунамъ (всѣ эти племена признаютъ надъ собою власть Нервіевъ) и собраны, сколько можно болѣе, значительныя силы. Онѣ неожиданно устремились на зимнія квартиры Цицерона, еще не знавшаго о судьбѣ, постигшей Титурія. И здѣсь невозможно было воспрепятствовать, чтобы нѣсколько нашихъ воиновъ, отошедшихъ отъ лагеря въ лѣсъ за дровами и матеріалами для укрѣпленія, не досталось въ руки нечаянно прибывшей непріятельской конницѣ. Окруживъ нашъ легіонъ своими многочисленными полчищами, Эбуроны, Нервіи, Адуатуки и прочіе ихъ друзья и союзники усиливались взять его приступомъ. Наши немедленно взялись за оружіе и стали на валъ. Съ трудомъ въ этотъ день наши выдерживали натискъ непріятеля, полагавшаго всѣ надежды на успѣхъ въ поспѣшности нападенія; они уже мечтали этою побѣдою навсегда обезпечить свою независимость.

40. Цицеронъ немедленно посылаетъ къ Цезарю письмо съ извѣстіемъ о случившемся, и посланнымъ обѣщаетъ въ случаѣ успѣха большія награды. Но гонцы его были перехвачены непріятелемъ, преградившимъ всѣ пути. Въ теченіи ночи наши воины съ невѣроятною быстротою изъ лѣса, заготовленнаго для укрѣпленія, воздвигли болѣе 120 башенъ, и довершили укрѣпленія лагеря, гдѣ онѣ казались недостаточными. На другой день непріятель еще съ большими силами приступилъ къ лагерю, заваливая рвы; наши упорно защищались, также какъ и наканунѣ; это повторялось въ теченіи многихъ дней. Для нашихъ не было ни минуты покоя ни днемъ, ни ночью; отдохновенія не знали ни больные, ни раненые; всѣ готовили средства къ оборонѣ на слѣдующій день, приготовляли множество заостренныхъ, обоженныхъ съ конца, кольевъ, стрѣлъ, служащихъ для обороны стѣнъ, прибавляли вышину башень, поправляли зубцы вала и парапетъ съ помощью хвороста. Самъ Цицеронъ, несмотря на свое, весьма слабое, здоровье, даже ночью не зналъ себѣ покоя, такъ что воины почти насильно заставляли его поберечь себя и сколько-нибудь отдохнуть.

41. Тогда вожди и старѣйшины Нервіевъ, изъ которыхъ нѣкоторые видались прежде съ Цицерономъ и были съ нимъ дружны, просили у него свиданія. Получивъ на этотъ предметъ дозволеніе, они Цицерону говорили въ томъ же смыслѣ, какъ Амбіориксъ Титурію: «Вся Галлія взялась за оружіе, Германцы перешли Рейнъ; Цезаревы и другія зимнія квартиры Римлянъ всѣ въ настоящее время предметъ нападенія. Сабинъ уже погибъ. Въ доказательство истины своихъ словъ они ссылаются на Амбіорикса. Безразсудно было бы, говорили они надѣяться помощи отъ тѣхъ, которые сами не знаютъ, какъ себя защитить. Но они такъ расположены къ Цицерону и къ народу римскому, что желаютъ только избавиться отъ зимнихъ квартиръ и не дать вкорениться этому обыкновенію; а потому они дозволяютъ Римлянамъ безъ вреда удалиться съ зимнихъ квартиръ, въ какую сторону они пожелаютъ». Цицеронъ на это отвѣчалъ только слѣдующее: «не въ обычаѣ народа римскаго принимать условія отъ вооруженнаго врага. Если же они положатъ оружіе и пошлютъ пословъ къ Цезарю, то онъ (Цицеронъ) возьметъ на себя за нихъ ходатайство и надѣется, что Цезарь не откажетъ, по врожденной ему справедливости, въ ихъ законныхъ требованіяхъ».

42. Видя, что эта хитрость не удалась, Нервіи окружили нашу зимовку валомъ въ одиннадцать футовъ вышины и рвомъ въ пятнадцать глубины. Они выучились этому отъ насъ въ прошлогоднія компаніи

и отъ нѣкоторыхъ, взятыхъ ими у насъ, плѣнныхъ. Не имѣя готовыхъ желѣзныхъ для этого орудій, они мечами обрубали дернъ, а землю таскали руками и полами своихъ одеждъ. Изъ этого можно судить, какъ велико было число непріятелей, что имъ нужно было менѣе трехъ часовъ работы сдѣлать окопъ на 15 миль въ окружности. Потомъ они воздвигали башни въ вышину вала, готовили осадныя косы *) и черепахи **), по наставленію нашихъ плѣнныхъ.

43. На седьмой день осады, при сильномъ вѣтрѣ, непріятель началъ бросать изъ пращей на шалаши нашихъ солдатъ, по галльскому обыкновенію покрытыя соломою, раскаленные куски глины и желѣзныя стрѣлы, накаленныя до-красна. Отъ нихъ загорѣлись шалаши, а сильный вѣтеръ разнесъ скоро огонь по всему лагерю. Непріятель бросился съ радостными криками къ нашимъ укрѣпленіямъ, какъ будто уже на вѣрную побѣду, сталъ придвигать къ валу башни и машины (черепахи) и по лѣстницамъ взбираться на валъ. Но такова была доблесть и присутствіе духа нашихъ воиновъ, что, несмотря на окружавшіе ихъ потоки пламени, несмотря на осыпавшій ихъ градъ стрѣлъ непріятельскихъ, несмотря на потерю всего своего имущества, пожираемаго огнемъ, не только ни одинъ не оставилъ своего поста на валу, но даже не поглядѣлъ назадъ, а каждый сражался съ усиленнымъ жаромъ. День этотъ былъ для насъ самый опасный и трудный; за то непріятель понесъ также въ теченіи этого дня величайшій уронъ убитыми и ранеными: до того тѣсною толпою стоялъ онъ у нашего вала, что задніе ряды переднимъ не представляли возможности отступить. Пламя уже начало утихать, когда непріятелю удалось придвинуть къ самому валу одну изъ башенъ; находившіеся противъ этого мѣста сотники третьей когорты отступили, и всѣмъ своимъ воинамъ приказали сдѣлать тоже; они знаками и криками приглашали непріятеля проникнуть въ лагерь, но никто изъ Галловъ не дерзнулъ. Наши пустили тогда множество камней въ непріятеля, сбили его, а башню сожгли.

44. Въ этомъ легіонѣ было два сотника отличной храбрости, одинъ

---

*) Осадная коса было длинное желѣзное, на концѣ загнутое, оружіе, служившее для разрытія насыпей и вытаскиванья камней изъ стѣны, чтобы она осыпалась.

**) Черепаха—деревянная машина на колесахъ, въ которой находился aries; она покрыта была свѣжими кожами или лубками для безопасности находившихся въ ней людей. Когда она приближалась къ стѣнѣ, то выдвигался телецъ, поражавшій стѣну.

Т. Пульфіонъ, а другой Л. Варенъ; оба имѣли право стоять въ первыхъ рядахъ. Между ними было постоянное соперничество и шла жестокая война о первенствѣ. Пульфіонъ, сражаясь храбро съ укрѣпленій, обратясь къ Варену, сказалъ, «что ты колеблешься, Варенъ? Когда ты отыщешь мѣсто доказать твое мужество? Пусть нынѣшній день рѣшитъ нашъ всегдашній споръ!» Сказавъ это, Пульфіонъ вышелъ за укрѣпленія лагеря и бросился въ самую тѣсную толпу непріятелей. Варенъ также не остался въ лагерѣ и, дорожа общимъ мнѣніемъ о своей храбрости, поспѣшилъ за Пульфіономъ, тотъ подойдя на близкое къ непріятелю разстояніе, бросилъ дротикъ и пронзилъ имъ бѣжавшаго впередъ Галла. Онъ палъ бездыханенъ, товарищи прикрыли его щитами, а въ Пульфіопа бросали стрѣлы, недавая ему возможности отступать. Щитъ его былъ пробитъ насквозь, и остріе стрѣлы загнулось на самомъ его поясѣ. Ударъ былъ такъ силенъ, что ножны свернулись съ мѣста, и правая рука Пульфіона съ трудомъ доставала мечь. Галлы окружили его, пользуясь его замѣшательствомъ. Варенъ, забывъ свои непріязненныя отношенія къ Пульфіону, поспѣшилъ ему на помощь. Вниманіе Галловъ обратилось на него; о Пульфіонѣ же они думали, что онъ получилъ въ поясъ смертельную рану. Варенъ обнажилъ мечь и встрѣтилъ враговъ, одного убилъ и прочихъ заставилъ отступить, но, подвигаясь впередъ, попалъ въ яму и упалъ. Въ эту минуту Пульфіонъ поспѣшилъ на помощь Варену, окруженному Галлами, и оба сотника совершенно безъ вреда, поразивъ множество непріятелей, возвратились въ лагерь и были оба осыпаны похвалами товарищей. Такимъ образомъ, въ этой борьбѣ судьбѣ угодно было, чтобы они оба, будучи врагами, выручили и спасли другъ друга и вопросъ о томъ, кто изъ нихъ превосходитъ храбростью, остался нерѣшеннымъ.

45. Чѣмъ продолжительнѣе и упорнѣе была осада нашего лагеря, тѣмъ положеніе наше становилось затруднительнѣе (ежедневно число защитниковъ убавлялось вслѣдствіе множества раненыхъ) и тѣмъ чаще отправлялъ Цицеронъ письма и гонцовъ къ Цезарю; большая часть ихъ попадала руки непріятеля, и наши посланные гибли въ мученіяхъ въ виду нашего лагеря. У насъ находился одинъ Нервій знатнаго происхожденія, по имени Вертиконъ; онъ съ начала осады перешелъ къ намъ и поклялся Цицерону въ вѣрности; онъ уговорилъ одного изъ своихъ рабовъ надеждою вольности и богатаго награжденія доставить Цезарю донесеніе Цицерона. Тотъ, обернувъ имъ дротикъ, незамѣтно, какъ Галлъ, прошелъ между Галлами и достигъ къ Цезарю, который только тутъ узналъ объ опасности, какой подвергается Цицеронъ и его войско.

46. Цезарь получилъ донесеніе Цицерона въ одиннадцатомъ часу дня; ту же минуту послалъ онъ гонца въ землю Белловаковъ къ квестору М. Крассу, находившемуся на зимнихъ квартирахъ, миляхъ въ двадцати пяти, съ приказаніемъ выступить въ полночь и спѣшить къ нему на соединеніе. М. Крассъ выступилъ въ походъ немедленно по полученіи приказанія. Другаго гонца Цезарь отправилъ къ легату К. Фабію, съ приказаніемъ идти въ землю Атребатовъ, чрезъ которую надлежало ему проходить. Цезарь написалъ и Лабіену, чтобы онъ, если можетъ безъ вреда для пользы общей шелъ съ своимъ легіономъ въ землю Нервіевъ. Дожидаться остальнаго войска—Цезарь не заблагоразсудилъ по отдаленности его помѣщенія; всадниковъ около четырехъ сотъ онъ взялъ съ ближайшихъ зимнихъ квартиръ.

47. Въ третьемъ часу Цезарь, узнавъ отъ передовыхъ разъѣздовъ о приближеніи Красса съ войскомъ, выступилъ въ походъ и въ тотъ день сдѣлалъ переходъ въ двадцать миль. Цезарь поручилъ Крассу съ легіономъ защиту Самаробривы, куда, по случаю близости зимнихъ квартиръ римскаго войска, свезены были войсковыя тяжести, заложники отъ разныхъ племенъ, разнаго рода публичные акты и всѣ хлѣбные запасы. Фабій, исполняя приказаніе, скоро на походѣ присоединился къ войску Цезаря. Лабіенъ, узнавъ о гибели Сабина и его когортъ и видя приближеніе къ своему лагерю всѣхъ тревирскихъ войскъ, возъимѣлъ опасеніе, какъ бы при такихъ обстоятельствахъ отступленіе не сочли бѣгствомъ и неоткрылось бы свободное поле непріятельскому нашествію, тѣмъ болѣе что непріятель и такъ возгордился недавнимъ успѣхомъ. Вслѣдствіе этого Лабіенъ доноситъ письменно Цезарю, съ какою опасностью сопряжено было бы его выступленіе съ легіономъ изъ зимнихъ квартиръ; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ даетъ знать Цезарю о томъ, что случилось у Эбуроновъ, и что всѣ пѣшіе и конные войска Тревировъ остановились не далѣе 3-хъ миль отъ его лагеря.

48. Цезарь одобрилъ мнѣніе Лабіена и, хотя вмѣсто трехъ легіоновъ долженъ былъ ограничиться двумя, однако рѣшился поспѣшить, зная, что вся надежда на спасеніе оставалась въ быстротѣ дѣйствій. Длинными переходами двинулся онъ въ землю Нервіемъ. Тутъ отъ плѣнныхъ онъ узналъ объ опасномъ и крайнемъ положеніи, въ какомъ находятся войска Цицерона. Цезарь надеждою большихъ наградъ убѣдилъ одного галльскаго всадника доставить къ Цицерону письмо; оно было писано по гречески, чтобы въ случаѣ, если бы оно и досталось непріятелю, онъ не могъ бы узнать о намѣреніяхъ Цезаря. Онъ приказалъ посланному, если нельзя будетъ пройдти въ ла-

терь, бросить туда письмо съ дротикомъ, завязавъ его въ ремень *). Въ письмѣ Цезарь извѣщалъ Цицерона, что онъ идетъ къ нему на помощь съ легіонами и убѣждаетъ его защищаться съ прежнимъ мужествомъ. Галлъ, видя, что въ лагерь пройдти было бы опасно, бросилъ, какъ ему приказано было, въ лагерь письмо Цезаря на дротикѣ. Случилось, что онъ вонзился въ башню и въ теченіи двухъ дней не былъ замѣченъ нашими; на третій, одинъ воинъ его увидалъ и принесъ къ Цицерону. Онъ собралъ воиновъ и при нихъ прочиталъ письмо Цезаря къ ихъ великой радости. Притомъ уже въ отдаленіи видны были зарева зажженныхъ войсками Цезаря деревень; это обстоятельство уничтожило всякое сомнѣніе насчетъ приближенія легіоновъ.

49. Галлы, узнавъ отъ своихъ лазутчиковъ о приближеніи Цезаря, сняли осаду и со всѣми силами пошли на встрѣчу Цезаря; число ихъ простиралось до 60 тысячъ человѣкъ. Цицеронъ, пользуясь этимъ обстоятельствомъ, опять выпросилъ у Вертикона, о которомъ мы говорили выше, Галла для того, чтобы отправить письмо къ Цезарю, въ которомъ онъ совѣтуетъ ему соблюдать на походѣ всѣ мѣры осторожности, такъ какъ всѣ силы непріятельскія обратились къ нему, оставивъ его лагерь. Въ полночь это письмо было принесено къ Цезарю; о содержаніи его онъ тотчасъ далъ знать воинамъ и ободрялъ ихъ къ предстоявшему сраженію. На другой день, на разсвѣтѣ, Цезарь съ войскомъ двинулся впередъ, но не успѣлъ пройдти четырехъ миль, какъ увидѣлъ обширную долину перерѣзанную ручьемъ, и на той сторонѣ большія силы непріятельскія. Было бы весьма опасно сразиться съ превосходнымъ въ числѣ непріятелемъ при неблагопріятныхъ условіяхъ мѣстности. А потому Цезарь, зная, что войска Цицерона отъ облежанія освободились и не видя необходимости поспѣшать, остановился и избралъ, сколько можно благопріятнѣе, мѣсто для лагеря. Хотя оно и само по себѣ было очень не велико (нашихъ было едва ли 7000 человѣкъ), особенно при отсутствіи обоза, но Цезарь стѣснилъ его съ умысломъ съузивъ промежутки между палатокъ съ цѣлью—внушить непріятелю къ себѣ самое большое презрѣніе. Между тѣмъ онъ отправилъ во всѣ стороны разъѣзды отыскать удобнѣйшій путь черезъ долину.

50. Въ этотъ день оба войска оставались на своихъ мѣстахъ; только небольшія стычки конницы происходили у водопоя. Галлы под-

*) На концѣ дротика былъ ремень, которымъ раскачивали дротикъ, когда его бросали для большей силы удара.

ждали къ себѣ еще не подошедшихъ подкрѣпленій. Цезарь же надѣялся вызвать непріятеля къ себѣ по сю сторону долины, обнаруживая мнимую робость, и заставить его принять сраженіе у своихъ укрѣпленій; въ случаѣ же еслибы онъ и не успѣлъ въ этомъ, то, развѣдавъ мѣстность, онъ хотѣлъ найдти безопаснѣйшій путь къ переходу черезъ долину и рѣчку. На разсвѣтѣ непріятельская конница подвинулась къ нашему лагерю и завязала бой съ нашею. Цезарь съ умысломъ приказалъ своимъ всадникамъ отступить и удалиться въ лагерь; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ отдалъ приказаніе насыпать валъ повыше, заваливать ворота и, исполняя все это, обнаруживать какъ можно болѣе суматохи и суетливости, какъ будто все это дѣлается подъ вліяніемъ страха.

51. Непріятели, видя во всемъ этомъ ручательство успѣха, перешли на нашу сторону и выстроились къ битвѣ въ самомъ неудобномъ мѣстѣ. Наши сошли съ умысломъ съ вала; Галлы пододвинулись еще ближе, и со всѣхъ сторонъ стали бросать стрѣлы внутрь нашихъ укрѣпленій; они послали трубачей прокричать: «Если кто-либо Галлъ или Римлянинъ хочетъ къ нимъ перейдти, то можетъ безъ опасности до третьяго часу; по прошествіи котораго уже нельзя будетъ». До того Галлы съ презрѣніемъ смотрѣли на нашихъ, что хотя лагерныя ворота были завалены для виду только однимъ слоемъ дерну; однако они полагали, что въ нихъ прорваться невозможно и потому одни руками разрывали валъ, другіе заваливали ровъ. Тутъ Цезарь стремительно ударилъ со всѣмъ войскомъ изо всѣхъ лагерныхъ воротъ и выслалъ конницу; непріятель такъ поспѣшно обратился въ бѣгство, что даже и не думалъ о сопротивленіи; множество было убито и всѣ обезоружены.

52. Цезарь остановилъ дальнѣйшее преслѣдованіе, видя, что мѣстность покрыта лѣсами и болотами; ему хотѣлось оставить это мѣсто безъ малѣйшей потери, и дѣйствительно, съ войсками совершенно не вредимыми, въ тотъ же день онъ пришелъ къ Цицерону. Съ удивленіемъ увидѣлъ онъ сдѣланныя непріятелемъ башни, осадныя орудія и укрѣпленія. При осмотрѣ Цицеронова легіона оказалось, что и десятый человѣкъ въ немъ не остался не раненнымъ. Это обстоятельство показало и степень опасности, въ какой находились наши воины, и силу ихъ мужества. Цезарь осыпалъ похвалами и Цицерона, и его легіонъ; отличившихся особенно храбростью сотниковъ и военныхъ трибуновъ, по засвидѣтельствованію Цицерона, онъ поименно призывалъ къ себѣ и хвалилъ. Плѣнные сообщили Цезарю болѣе точныя подробности о несчастіи, постигшемъ Сабина и Котту. На другой день

въ собраніи воиновъ, Цезарь упомянулъ о случившемся, утѣшалъ и ободрялъ воиновъ; онъ сказалъ имъ, что перенесть его должно тѣмъ великодушнѣе, что случилось оно по винѣ и неблагоразумію легата, и что, по благоволенію боговъ безсмертныхъ и вслѣдствіе личнаго мужества воиновъ, это несчастіе заглажено, и торжество непріятеля было также недолговременно, какъ и наше огорченіе.

53. Между тѣмъ молва о побѣдѣ Цезаря достигла Лабіена черезъ землю Ремовъ съ невѣроятною быстротою, такъ что, хотя до зимнихъ квартиръ Цицеронова легіона было около 60 миль и Цезарь прибылъ туда въ девятомъ часу въ исходѣ, а уже въ полночь у воротъ нашего лагеря раздались радостные крики Ремовъ, поздравлявшихъ Лабіена съ побѣдою. Когда извѣстіе объ этомъ пришло къ Тревирамъ, Индутіомаръ, предположившій на слѣдующій же день напасть на лагерь Лабіена, ночью бѣжалъ и всѣ войска отвелъ обратно въ землю Тревировъ. Цезарь Фабія съ легіономъ отсылаетъ на прежнія зимнія квартиры, а самъ остается зимовать съ тремя легіонами, въ трехъ зимнихъ лагеряхъ въ окрестностяхъ Самаробривы. Вслѣдствіе же сильныхъ волненій въ Галліи Цезарь рѣшился всю эту зиму провести у войска. Узнавъ о несчастіи Сабина и о его смерти, почти всѣ галльскіе народы замышляли войну, разсылали во всѣ стороны гонцовъ и посольства, совѣтуясь какъ лучше поступить и откуда начать войну; ночью въ пустынныхъ мѣстахъ у нихъ бывали совѣщанія. Почти вся зима прошла для Цезаря въ постоянныхъ тревогахъ; рѣдкій день не присылали къ нему гонца съ извѣстіемъ о новыхъ совѣщаніяхъ и волненіяхъ Галловъ. Л. Росцій легатъ, начальствовавшій 13-мъ легіономъ, донесъ Цезарю, что племена такъ называемой Арморики собрали было большія силы для нападенія на его лагерь и подошли къ нему на разстояніе не болѣе 8 миль; но получивъ извѣстіе о побѣдѣ Цезаря, они такъ поспѣшно удалились, что отступленіе ихъ правильнѣе можно считать бѣгствомъ.

54. Впрочемъ Цезарь призвалъ къ себѣ старѣйшинъ каждаго галльскаго племени: однихъ онъ стращалъ наказаніемъ, говоря, что онъ знаетъ объ ихъ замыслахъ, другихъ убѣждалъ оставаться вѣрными; такимъ образомъ ему удалось большую часть Галліи удержать въ повиновеніи. Однако Сеноны, племя весьма могущественное и пользующееся большимъ вѣсомъ у галльскихъ народовъ, замыслили съ общаго согласія убить Каварина, котораго Цезарь поставилъ надъ ними царемъ (во время прибытія Цезаря въ Галлію надъ Сенонами царствовалъ братъ Каваринъ, Моритасгъ, и предки его всѣ поль-

зовались царскою властью). Каваринъ, узнавъ объ угрожавшей ему участи, бѣжалъ; его преслѣдовали Сеноны до границъ земель своихъ и лишили его и царской власти, и отечества. Они отправили пословъ къ Цезарю съ предложеніемъ удовлетворенія; но когда Цезарь приказалъ явиться къ нему всему сенату, они ослушались его приказанія. Для этихъ дикихъ народовъ важно было подать первый примѣръ неповиновенія, а вслѣдъ затѣмъ послѣдовала такая быстрая перемѣна въ ихъ расположеніи, что изо всѣхъ племенъ Галліи только два, Эдуи и Ремы, пользовавшіеся всегда особеннымъ уваженіемъ Цезаря (первые за постоянную и опытами доказанную преданность къ народу римскому, вторые за недавнія важныя услуги, оказанныя въ галльскихъ войнахъ) остались вѣрными; изъ прочихъ же ни одинъ не оставался внѣ подозрѣнія. И, по моему мнѣнію, это было нисколько не удивительно, какъ по многимъ инымъ причинамъ, такъ особенно потому, что Галлы съ крайнимъ огорченіемъ видѣли утрату своей древней воинской славы, которою они гордились передъ прочими народами, и необходимость покоряться власти народа римскаго.

55. Тревиры и Индутіомаръ, въ продолженіи всей зимы, безпрестанно посылали пословъ по ту сторону Рейна, убѣждая деньгами жившія тамъ племена принять участіе въ войнѣ: они говорили, что большая часть нашего войска истреблена и осталась самая малая. Впрочемъ они не могли склонить къ переходу черезъ Рейнъ ни одного племени Германцевъ; двойной примѣръ — войны Аріовиста и перехода Тенхтеровъ отбилъ у нихъ охоту испытывать счастія въ предпріятіяхъ этого рода. Обманутый въ этой надеждѣ, Индутіомаръ тѣмъ не менѣе собиралъ войска, училъ ихъ, умножалъ свою конницу отъ сосѣдственныхъ народовъ, приманывалъ къ себѣ надеждою большихъ наградъ со всей Галліи изгнанниковъ и преступниковъ. Дѣйствуя такимъ образомъ, Индутіомаръ пріобрѣлъ такое сочувствіе всей Галліи, что со всѣхъ сторонъ стекались къ нему посольства; и народы, и частныя лица, и тайно и явно, искали его союза.

56. Видя такую готовность къ войнѣ галльскихъ племенъ (Сеноны и Карнуты готовы были взяться за оружіе, сознавая свою вину въ отношеніи къ Цезарю; Нервіи и Адуатики всѣми силами готовились вести войну съ Римлянами), Индутіомаръ зналъ, что стоитъ только ему выйдти за рубежи своей земли, и толпы воиновъ станутъ къ нему стекаться. А потому онъ назначилъ вооруженный сеймъ (у Галловъ всегда служащій знакомъ къ открытію войны); на него должны непремѣнно являться всѣ способные носить оружіе Галлы; кто приходилъ послѣ всѣхъ, тотъ въ виду собранія погибалъ въ

ужасныхъ мученіяхъ. На сеймѣ Индутіомаръ—Цингеторикса, зятя своего, главу враждебной ему партіи (онъ, какъ мы выше упоминали, отдался подъ покровительство Цезаря и оставался ему вѣренъ) объявилъ врагомъ отечества, а имущество его отобралъ въ пользу общественную. Потомъ онъ объявилъ на сеймѣ, что его призываютъ на помощь Сеноны, Карнуты и весьма многія галльскія племена, что онъ пойдетъ къ нимъ по землямъ Ремовъ и будетъ опустошать ихъ область; но прежде всего намѣренъ онъ учинить нападеніе на лагерь Лабіена; въ заключеніе онъ сообщилъ свой планъ нападенія.

57. Лабіенъ былъ убѣжденъ, что его лагерь наилучшимъ образомъ укрѣпленъ и мѣстностью и искусствомъ, а потому ничего не опасался ни за себя, ни за свой легіонъ, а рѣшился поджидать случая къ какому-либо успѣшному дѣйствію. Узнавъ о рѣчи, сказанной Индутіомаромъ на сеймѣ, отъ Цингеторикса и его родственниковъ, Лабіенъ послалъ ко всѣмъ сосѣдственнымъ племенамъ собрать конницу и назначилъ ей срокъ, къ которому она должна была явиться. Между тѣмъ Индутіомаръ со всею своею конницею почти ежедневно ходилъ вблизи нашего лагеря, частью стараясь ознакомиться съ его мѣстностью, частью стращая нашихъ и ища случая къ переговорамъ; его конница метала стрѣлы въ средину нашего лагеря за окопы. Лабіенъ удерживалъ свои войска въ лагерѣ и всячески старался усилить въ непріятелѣ мнѣніе о нашей робости.

58. Индутіомаръ съ каждымъ днемъ смѣлѣе приближался къ нашему лагерю, оказывая презрѣніе къ нашимъ. Въ одну ночь Лабіенъ впустилъ въ свой лагерь всю конницу, которой онъ приказалъ явиться, и такъ тщательно держалъ около лагеря наши караулы, что Тревиры вовсе не знали о случившемся. Между тѣмъ Индутіомаръ по обыкновенію явился къ нашему лагерю и большую часть дня провелъ около него; всадники его метали въ нашъ лагерь стрѣлы и, осыпая нашихъ порицаніями, вызывали ихъ на бой. Наши ничего имъ на это не отвѣчали; тогда они къ вечеру отошли въ безпорядкѣ. Тутъ Лабіенъ приказалъ конницѣ броситься вдругъ изъ двухъ воротъ лагеря, и когда непріятель прійдетъ въ ужасъ и обратится въ бѣгство (что по его мнѣнію и случится) домогаться одного: смерти Индутіомара; пока онъ не будетъ убитъ, никого наши всадники не должны были ранить для того, чтобы, преслѣдуя другихъ, не дать ему возможности спастись бѣгствомъ; кто убьетъ Индутіомара, тому обѣщано большое награжденіе. Въ подкрѣпленіе конницы высланы были и когорты. Судьба содѣйствовала успѣшному исполненію намѣренія Лабіена. Преслѣдуемый всею нашею конницею, Индутіомаръ

застигнутъ въ самой переправѣ черезъ рѣку и убитъ; голова его принесена въ лагерь къ Цезарю; всадники, на возвратномъ пути, преслѣдовали и поражали непріятеля, сколько могли. Узнавъ объ этомъ, всѣ войска Эбуроновъ и Нервіевъ, которыя было собрались, разошлись. Послѣ этого событія волненіе въ Галліи нѣсколько утихло.

КНИГА ШЕСТАЯ.

---

1. Цезарь, имѣя многія причины полагать, что волненіе въ Галліи еще усилится, предписалъ легатамъ М. Силану, К. Антистію Регину и Т. Секстію произвесть наборъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ просилъ Кн. Помпея проконсула, остававшагося въ Римѣ для попеченія о дѣлахъ государственныхъ, чтобы онъ тѣмъ, которые были приведены уже изъ Цизальпинской Галліи имъ въ бытность его консуломъ къ присягѣ на военную службу, велѣлъ собираться подъ знамена и идти къ нему, Цезарю. Онъ представлялъ, какъ важно будетъ и на будущее время внушить Галліи мнѣніе о томъ, что силы Италіи неистощимы, что онѣ не только могутъ въ короткое время пополнить ущербъ, понесенный на войнѣ, но и выставить гораздо бо́льшія силы. Помпей поспѣшилъ исполнить желаніе Цезаря и для общей пользы и по дружбѣ къ нему. Наборъ легатами Цезаря произведенъ былъ также поспѣшно, и такимъ образомъ, прежде исхода зимы были сформированы и приведены три новыхъ легіона и число когортъ, погибшихъ съ Титуріемъ, замѣнилось двойнымъ. Такъ поспѣшно собранныя значительныя силы показали, что̀ въ состояніи сдѣлать средства Римлянъ и ихъ дисциплина!

2. По смерти Индутіомара, описанной нами выше, Тревиры власть его передали его роднымъ. Они не переставали приглашать сосѣдственныхъ Германцевъ и обѣщать имъ денегъ. Когда ближайшіе Германцы отказались, они перешли къ дальнымъ. Изъ нихъ нѣкоторые согласились на предложенія Тревировъ, заключили съ ними союзъ, скрѣпленный клятвами, и взяли заложниковъ въ обезпеченіе исправнаго платежа денегъ; къ этому союзу присталъ и Амбіориксъ. Когда Цезарь все это узналъ, онъ понялъ, что со всѣхъ сторонъ угрожаетъ ему война: Нервіи, Адуатики и Менапіи въ соединеніи со всѣми Германцами, живущими по сю сторону Рейна, уже вооружились и приго-

товились къ войнѣ. Сеноны отказываютъ въ повиновенiи и соглашаются дѣйствовать за-одно съ Карнутами и прочими сосѣдними племенами. Тревиры Германцевъ безпрестанно осаждаютъ посольствами; а потому Цезарь рѣшился поспѣшить началомъ военныхъ дѣйствiй.

3. Не дождавшись конца зимы, Цезарь, собравъ четыре ближайшихъ легiона, вдругъ двинулся въ землю Нервiевъ. Нападенiе было такъ неожиданно, что Нервiи не успѣли ни вооружиться, ни бѣжать; множество жителей и скота было захвачено въ плѣнъ и отдано въ добычу нашимъ воинамъ; поля всѣ опустошены, и Нервiи были вынуждены изъявить покорность и дать заложниковъ. Поспѣшно окончивъ это дѣло, Цезарь отвелъ легiоны назадъ на зимнiя квартиры. На сеймъ, собравшiйся по назначенiю Цезаря въ началѣ весны, всѣ племена галльскiя прислали депутатовъ, кромѣ Сеноновъ, Карнутовъ и Тревировъ. Видя въ этомъ явный знакъ неповиновенiя и возстанiя, Цезарь рѣшился отложить всѣ прочiя дѣла, а сеймъ перенесть въ Лутецiю Паризiевъ. Паризiи были сосѣди Сеноновъ и на памяти отцовъ слились съ ними въ одинъ народъ; полагали впрочемъ, что они не принимали участiя въ умыслѣ Сеноновъ. Провозгласивъ съ своего сѣдалища перенесенiе сейма, Цезарь въ тотъ же день отправился съ легiонами въ землю Сеноновъ и большими переходами поспѣшно туда прибылъ.

4. Узнавъ о прибытiи Цезаря, Акконъ, главный зачинщикъ возстанiя Сеноновъ, приказалъ народу собираться въ города. Пока они готовились къ этому, Римляне уже были у нихъ. Тогда по необходимости Сеноны оставили свой умыслъ и послали къ Цезарю просить пощады черезъ посредничество Эдуевъ, связанныхъ съ Сенонами узами старинной дружбы. Цезарь охотно исполнилъ просьбу Эдуевъ, простилъ Сеноновъ и принялъ ихъ извиненiя. Лѣтнее время онъ хотѣлъ посвятить военнымъ дѣйствiямъ, а не розыскамъ. Взявъ у Сеноновъ сто заложниковъ, Цезарь отдалъ ихъ на сбереженiе Эдуямъ. Карнуты также прислали пословъ и заложниковъ при посредничествѣ Ремовъ, покровительствомъ коихъ они пользовались; отвѣтъ Цезаря былъ тотъ же, что̀ и Сенонамъ. Цезарь потомъ участвовалъ въ засѣданiяхъ сейма и предписалъ на немъ галльскимъ племенамъ выставить вспомогательную конницу.

5. Умиривъ эту часть Галлiи, Цезарь обратилъ все свое вниманiе на войну съ Тревирами и Амбiориксомъ. Онъ приказалъ Каварину съ конницею Сеноновъ слѣдовать за собою, опасаясь, какъ бы не возникли волненiя вслѣдствiе досады Каварина на своихъ соотечественниковъ или ненависти ихъ къ нему, имъ заслуженной. Устроивъ это и считая за вѣрное, что Амбiориксъ будетъ избѣгать открытаго

сраженія, Цезарь старался отгадать его намѣренія. Сосѣдями Эбуроновъ были Менапіи; имѣя постоянное и безопасное убѣжище въ своихъ болотахъ и лѣсахъ, они одни изо всѣхъ галльскихъ племенъ ни разу не присылали къ Цезарю пословъ. Цезарь зналъ, что Амбіориксъ связанъ съ ними узами пріязни и что, съ другой стороны, чрезъ посредство Тревировъ онъ подружился съ Германцами. Вслѣдствіе этого Цезарь вознамѣрился прежде, чѣмъ напасть на самого Амбіорикса, отнять у него надежду на помощь; иначе, угрожаемый войною и невидя спасенія, онъ или скрылся бы у Менапіевъ, или вынужденъ былъ бы къ тѣсному союзу съ живущими по ту сторону Рейна племенами. Для сего Цезарь отправилъ обозы всей арміи къ Лабіену въ землю Тревировъ, и туда же приказалъ двинуться двумъ легіонамъ; а самъ съ пятью легіонами на-легкѣ, безъ тяжестей, пошелъ въ землю Менапіевъ. Тѣ, не собирали вовсе войскъ, но надѣясь на неприступность своихъ жилищъ, бѣжали въ лѣса и болота и снесли туда свое имущество.

6. Цезарь, раздѣливъ войско на три отряда (однимъ начальствовалъ самъ, а другими двумя—К. Фабій легатъ и квесторъ М. Крассъ), двинулся такимъ образомъ тремя колоннами, поспѣшно пролагая мосты, предалъ огню селенія и деревни и овладѣлъ множествомъ людей и скота. Менапіи вынуждены были прислать къ нему пословъ съ просьбою о мирѣ. Цезарь взялъ заложниковъ, а Менапіямъ объявилъ, что онъ поступитъ съ ними какъ съ врагами, если они когда-нибудь пріймутъ къ себѣ Амбіорикса или его пословъ. Распорядившись такимъ образомъ, Цезарь оставилъ для наблюденія въ землѣ Менапіевъ Атребата Коммія съ конницею, а самъ двинулся въ землю Тревировъ.

7. Пока Цезарь занятъ былъ этими дѣлами, Тревиры, собравъ многочисленное пѣшее и конное войско, рѣшились атаковать Лабіена, стоявшаго съ однимъ легіономъ у нихъ на зимнихъ квартирахъ. Уже были они отъ его лагеря въ разстояніи не болѣе двухдневнаго перехода, какъ вдругъ они узнали, что къ Лабіену присоединились два легіона, присланные Цезаремъ. Расположившись лагеремъ миляхъ въ 15, Тревиры рѣшились подождать прихода вспомогательныхъ германскихъ войскъ. Лабіенъ узналъ о намѣреніи непріятеля, но, зная его опрометчивость, не терялъ надежды заманить его къ бою; онъ оставилъ въ лагерѣ для обереганія тяжестей пять когортъ, а съ двадцатью пятью когортами и многочисленною конницею двинулся на встрѣчу непріятеля, и не доходя только милю (*тысячу шаговъ*) отъ него, остановился лагеремъ, который и укрѣпилъ. Между лагерями Лабіена

и непріятельскимъ протекала рѣка, переходъ черезъ которую былъ крайне затруднителенъ по ея глубинѣ и крутизнѣ береговъ. Предпринимать переправу черезъ нее Лабіенъ не хотѣлъ и не надѣялся, чтобы и непріятель рѣшился на нее. Съ каждымъ днемъ надежда на подкрѣпленія усиливалась у непріятеля. Лабіенъ на военномъ совѣтѣ во всеуслышаніе сказалъ: «такъ какъ Германцы, по слухамъ, уже приближаются, то онъ не рѣшается подвергнуть опасности себя и свое войско, а на другой же день на разсвѣтѣ отступитъ». Объ этомъ намѣреніи Лабіена немедленно дано знать непріятелю; весьма естественно, что изъ такого множества галльскихъ всадниковъ были и расположенные въ пользу общаго дѣла ихъ соотечественниковъ. Лабіенъ ночью созвалъ къ себѣ трибуновъ военныхъ и сотниковъ первыхъ рядовъ, открылъ имъ свое намѣреніе и приказалъ при снятіи лагеря обнаруживать болѣе чѣмъ въ привычкахъ народа Римскаго, поспѣшности и замѣшательства, чтобы непріятеля утвердить въ мнѣніи о своей робости; такимъ образомъ наше отступленіе должно было имѣть видъ бѣгства. При такой близости лагерей, на разсвѣтѣ непріятельскіе лазутчики узнали и донесли своимъ о томъ, что̀ происходитъ въ римскомъ лагерѣ.

8. Едва только наши послѣдніе ряды успѣли покинуть свои окопы, какъ Галлы стали говорить другъ другу: «что не должно выпускать изъ рукъ столь вѣрную добычу; долго было бы, при ужасѣ Римлянъ, дожидаться помощи Германцевъ; несовмѣстно было бы съ ихъ воинскою славою съ столь многочисленными силами медлить и не рѣшиться напасть на малочисленнаго непріятеля, бѣгущаго въ безпорядкѣ и замѣшательствѣ». Вслѣдствіе этого непріятель рѣшается перейдти рѣку и завязать бой на неблагопріятной мѣстности. Лабіенъ этого-то и хотѣлъ, и постоянно, но медленно отступалъ, желая всѣхъ непріятелей заманить на эту сторону. Тутъ отдѣливъ войсковыя тяжести и поставивъ ихъ на нѣкоторомъ возвышеніи, Лабіенъ сказалъ своимъ воинамъ: «Воины, вы дождались того, чего хотѣли; непріятель отдался вамъ въ руки при, самыхъ невыгодныхъ для него, условіяхъ мѣстности. Итакъ, подъ моимъ начальствомъ покажите ту же доблесть, съ какою обыкновенно сражаетесь при Цезарѣ; имѣйте убѣжденіе, что онъ здѣсь присутствуетъ и все видитъ!» Потомъ Лабіенъ велѣлъ обернуть значки къ непріятелю и двинуться къ нему строемъ; оставивъ нѣсколько эскадроновъ конницы при тяжестяхъ, остальную онъ расположилъ по обѣимъ флангамъ. Наши, испустивъ военный крикъ, бросили въ непріятеля дротики. Тотъ былъ удивленъ, видя, что вмѣсто бѣгства наши первые соби-

раются напасть и, не выдержавъ перваго нападенія, обратился въ бѣгство, ища спасенія въ ближайшихъ лѣсахъ. Лабіенъ послалъ за нимъ въ погоню конницу, которая многихъ убила, а еще болѣе захватила въ плѣнъ. Вскорѣ затѣмъ Тревиры изъявили покорность. Германцы, шедшіе было къ нимъ на помощь, узнавъ объ ихъ пораженіи, поспѣшно возвратились домой. Родные Индутіомара, главные виновники этого отпаденія, оставили отечество и удалились вмѣстѣ съ Германцами. Власть же надъ Тревирами ввѣрена Цингеториксу, который, какъ мы и выше говорили, оставался постоянно вѣренъ своимъ обязанностямъ.

9. Цезарь, изъ земли Менапіевъ прійдя къ Тревирамъ, рѣшился перейдти Рейнъ по двумъ причинамъ: во-первыхъ потому, что оттуда Тревирамъ были присланы противъ него вспомогательныя войска; во-вторыхъ, для того чтобы Амбіориксъ не имѣлъ у нихъ убѣжища. Рѣшась такъ, Цезарь приказалъ наводить мостъ немного повыше того мѣста, гдѣ прежде перевелъ войско. Такъ какъ способъ его построенія былъ уже извѣстенъ, то при усердной работѣ воиновъ, онъ былъ въ нѣсколько дней оконченъ. Оставивъ у моста со стороны Тревировъ сильный отрядъ, чтобы предупредить возможность нечаяннаго движенія съ ихъ стороны, Цезарь съ прочими пѣшими войсками и конницею перешелъ Рейнъ. Убіи, еще прежде изъявившіе покорность и давшіе Цезарю заложниковъ, прислали къ нему пословъ для оправданія; они говорили: «что и не думали нарушать вѣрность и не оказывали никакого пособія Тревирамъ». Они умоляли «пощадить ихъ и не приносить ихъ невинныхъ и навлекшихъ на себя ненависть всѣхъ Германцевъ въ жертву за виновныхъ; если ему угодно, они умножатъ число заложниковъ». Цезарь изслѣдовалъ дѣло и узналъ, что къ Тревирамъ приходили вспомогательныя войска отъ Свевовъ; онъ удовольствовался объясненіями Убіевъ и сталъ разузнавать о дорогахъ въ землю Свевовъ.

10. Скоро Убіи извѣстили Цезаря, что всѣ Свевы собираютъ войска въ одно мѣсто и что они приказали всѣмъ имъ подвластнымъ племенамъ выставить вспомогательное войско, конное и пѣшее. Узнавъ это, Цезарь беретъ мѣры къ продовольствію войска, избираетъ мѣсто, удобное для лагеря, приказываетъ Убіямъ скотъ ихъ и все имущество съ полей собрать въ города. Дѣйствуя такимъ образомъ, Цезарь намѣревался непріятеля невѣжественнаго и непредусмотрительнаго заставить голодомъ принять бой при неблагопріятныхъ для него условіяхъ. Вмѣстѣ Цезарь приказалъ Убіямъ посылать часто къ Свевамъ лазутчиковъ для разузнанія всего, что у нихъ дѣлается. Тѣ

исполнили приказаніе и нѣсколько дней спустя донесли, что «всѣ Свевы, получивъ достовѣрное извѣстіе о приближеніи римскаго войска, удалились со всѣми своими и своихъ союзниковъ войсками къ самымъ почти отдаленнымъ предѣламъ своей земли. Тамъ тянется на неизмѣримое протяженіе лѣсъ, называемый *Баценисъ* *), который глубоко проникаетъ внутрь области Свевовъ и вмѣстѣ служитъ естественною стѣною Свевамъ отъ Херусковъ, препятствуя взаимнымъ обидамъ и нападеніямъ. У начала этого лѣса Свевы рѣшились дожидаться Римлянъ.

11. Говоря объ этомъ предметѣ, не излишнимъ будетъ коснуться нравовъ и обычаевъ Галловъ и Германцевъ и показать, чѣмъ разнствуютъ другъ отъ друга эти народы. Въ Галліи не только въ каждомъ племени, но и въ каждомъ округѣ и въ каждомъ селеніи существуютъ партіи, во главѣ которыхъ стоятъ люди, пользующіеся всеобщимъ уваженіемъ; имъ поручается вся власть и забота объ интересахъ партіи. Такой порядокъ вещей возникъ, какъ кажется, издревле, потому что въ немъ большинство народа находитъ ручательство отъ притязанія сильныхъ. Глава партіи не даетъ никого изъ себѣ подвластныхъ въ обиду; въ противномъ случаѣ онъ теряетъ у своихъ всякой вѣсъ и значеніе. Тотъ же порядокъ вещей имѣетъ мѣсто и въ управленіи всею Галліею; всѣ племена ея раздѣлены на партіи.

12. Когда Цезарь прибылъ въ Галлію, во главѣ одной партіи стояли Эдуи, а другой Секваны. Послѣдніе, видя превосходство Эдуевъ, основанное и на давности ихъ вліянія, и на множествѣ состоящихъ подъ ихъ покровительствомъ племенъ, искали союза Аріовиста и Германцевъ; большими пожертвованіями и еще большими обѣщаніями они призвали ихъ къ себѣ. Такимъ образомъ, побѣдивъ Эдуевъ въ нѣсколькихъ сраженіяхъ и истребивъ ихъ знатные роды, Секваны получили такой перевѣсъ надъ ними, что большая часть бывшихъ подъ покровительствомъ Эдуевъ племенъ признала ихъ власть. Они взяли у у нихъ въ заложники дѣтей ихъ старѣйшинъ и ихъ самихъ заставили дать публичную клятву—не предпринимать ничего враждебнаго противъ Секвановъ. Они даже заняли силою сосѣднюю часть ихъ полей и пользовались старѣйшинствомъ надо всею Галліею. Вслѣдствіе этой то необходимости Эдуй Дивитіакъ вынужденъ былъ отправиться въ Римъ къ сенату съ просьбою о помощи, но возвратился оттуда безъ успѣ-

*) По мнѣнію большей части географовъ, это нынѣшній Гарцъ въ Нижней Саксоніи, въ Вольфенбюттельскомъ княжествѣ.

ха. Съ прибытіемъ Цезаря этотъ порядокъ вещей измѣнился: Эдуи получили обратно своихъ заложниковъ; не только прежніе ихъ союзники возвратились къ нимъ, но и черезъ Цезаря многія племена вновь искали ихъ союза, видя лучшее и справедливѣйшее управленіе у тѣхъ, которые находились подъ властью Эдуевъ; вообще власть и вліяніе Эдуевъ весьма усилились, а Секваны совершенно утратили свое первенство. Мѣсто изъ заняли Ремы; тѣ изъ галльскихъ племенъ, которыя по старинной враждѣ не желали искать союза Эдуевъ, отдавались подъ покровительство Ремамъ, видя, что Цезарь къ нимъ одинаково расположенъ, какъ и къ Эдуямъ. Такимъ образомъ Ремы, оказывая дѣятельное покровительство своимъ союзникамъ, скоро распространили кругъ своего вліянія. Въ настоящее время былъ такой порядокъ вещей, что Эдуи пользовались старѣйшинствомъ; второе же за ними мѣсто занимали Ремы.

13. Во всей Галліи есть два сословія, которыя пользуются значеніемъ и почестью; большинство же народа или чернь не имѣетъ никакой силы и участія въ управленіи и находится почти въ состояніи рабства. А отъ накопленія долговъ, отъ большихъ поборовъ или притѣсненія сильныхъ, многіе изъ черни добровольно отдаются въ рабство знатнымъ лицамъ, которыя такимъ образомъ пріобрѣтаютъ надъ ними тѣ же права, какъ господа надъ рабами. Два же сословія, о которыхъ мы говорили это—сословіе друидовъ, а другое всадниковъ. Друиды— посредники между людьми и богами, отправляютъ богослуженіе и общественное и частное, толкуютъ гаданія и все, что относится къ религіи. Они пользуются большимъ уваженіемъ и къ нимъ стекаются молодые люди учиться. Друиды рѣшаютъ почти всѣ дѣла общественныя и частныя; преступленія всякаго рода, убійства, споры о наслѣдствахъ и о границахъ земель—всѣ подлежатъ разбирательству друидовъ; они опредѣляютъ награды и наказанія. Если же частный человѣкъ, или и должностное лицо, не исполнили приказанія друидовъ, то они его отстраняютъ отъ жертвоприношеній, и это считается у нихъ величайшимъ наказаніемъ. Люди, подвергшіеся ему, считаются безбожниками и злѣйшими преступниками; отъ нихъ всѣ удаляются, избѣгаютъ прикосновенія ихъ и разговора съ ними; всѣ ихъ просьбы остаются безъ уваженія и имъ не оказывается никакой почести. У друидовъ есть верховный начальникъ, пользующійся надъ ними главною властью. Въ случаѣ его смерти, мѣсто его заступаетъ тотъ друидъ, который пользуется наибольшимъ уваженіемъ; въ случаѣ нѣсколькихъ соискателей съ равными правами, выбирается голосами друидовъ, а иногда прибѣгаютъ и къ оружію, чтобы рѣшить споръ о пер-

венствѣ. Въ извѣстное время года бываетъ общее собраніе друидовъ на освященномъ мѣстѣ въ землѣ Карнутовъ, которая считается расположенною въ серединѣ всей Галліи. Туда стекаются всѣ, имѣющіе какія-либо дѣла и тяжбы, прибѣгаютъ къ рѣшенію и приговору друидовъ. Ученіе ихъ, какъ полагаютъ, возникло въ Британіи и оттуда перенесено въ Галлію. Да и понынѣ тѣ, которые желаютъ основательно его узнать, по большей части отправляются туда для изученія.

14. Друиды не участвуютъ въ войнѣ и свободны отъ платежа податей; они не несутъ ни военной и вообще никакихъ повинностей. Вслѣдствіе такихъ преимуществъ, многіе и добровольно посвящаютъ себя этому званію, и принимаютъ его по волѣ родителей и родственниковъ. Говорятъ, что они обязаны выучивать множество стиховъ; для иныхъ ученіе продолжается болѣе двадцати лѣтъ. Они не считаютъ позволеннымъ ученіе свое передавать на письмѣ; для прочихъ же общественныхъ дѣлъ и для частныхъ употребляютъ они греческія буквы. Это кажется дѣлаютъ они по двумъ причинамъ: первое—не желаютъ, чтобы ученіе ихъ сдѣлалось извѣстно простому народу; второе, дабы не ослабить память, ввѣряя все бумагѣ: вообще вѣдь съ распространеніемъ письменности ослабѣваетъ заучиваніе наизусть и возможность долго и много помнить. Между прочимъ друиды стараются вселить убѣжденіе, что души не подлежатъ разрушенію, а по смерти одного существа переходятъ въ другое; цѣль этого ученія—внушить презрѣніе къ смерти и сдѣлать храбрѣе. Кромѣ того они много разсуждаютъ о свѣтилахъ небесныхъ и ихъ движеніи, о величинѣ міра, земли, о природѣ вещей, о силѣ и могуществѣ боговъ безсмертныхъ, и свои свѣдѣнія объ этихъ предметахъ передаютъ молодымъ людямъ.

15. Другое сословіе—всадниковъ. Они, въ случаѣ необходимости, или когда случается война (а до прибытія Цезаря она была почти постоянна, съ тою разницею, что то тѣ, то другія изъ племенъ Галліи были зачинщиками), всѣ участвуютъ въ ней. Чѣмъ кто знатнѣе родомъ или имѣетъ больше денегъ, тѣмъ собираетъ около себя большую толпу служителей и друзей; въ этомъ только заключается ихъ и значеніе и могущество.

16. Всѣ вообще Галлы очень склонны къ набожности. Въ случаѣ важной болѣзни или когда угрожаетъ опасность, они или приносятъ на жертву людей или даютъ обѣтъ принести; для совершенія этихъ жертвоприношеній употребляются друиды. По убѣжденію Галловъ, боги ихъ могутъ быть умилостивлены только тогда, когда за жизнь человѣка будетъ имъ принесена въ жертву жизнь также человѣка; бываютъ и общественныя жертвоприношенія этого рода. Иныя племена

употребляютъ для этого сплетенныхъ изъ хворосту огромныхъ идоловъ; ихъ наполняютъ живыми людьми, которые и погибаютъ въ пламени. Галлы считаютъ угоднѣе богамъ приношенія въ жертву людей виновныхъ въ грабежѣ, воровствѣ или какомъ-либо преступленіи; въ случаѣ же неимѣнія таковыхъ, приносятъ въ жертву и людей ни въ чемъ невинныхъ.

17. Изъ боговъ наибольшимъ уваженіемъ пользуется у Галловъ Меркурій. Его идоловъ чрезвычайно много. Онъ считается изобрѣтателемъ всѣхъ искусствъ, покровителемъ путешественниковъ и странниковъ; къ нему прибѣгаютъ въ денежныхъ и торговыхъ дѣлахъ. Кромѣ Меркурія, Галлы покланяются Аполлону, Марсу, Юпитеру и Минервѣ; о нихъ они имѣютъ почти то же понятіе, что и прочіе народы. Аполлона они считаютъ исцѣлителемъ болѣзней, Минерву—учительницею разныхъ рукодѣлій и искусствъ, Юпитера властителемъ небесныхъ силъ, Марса—начальникомъ воинскаго дѣла. Собираясь на войну, они большею частью даютъ обѣтъ принесть ему въ жертву то, что возьмутъ на войнѣ, и дѣйствительно, что имъ живое попадается въ руки, они закалаютъ, а прочее все сносятъ въ одно мѣсто. У многихъ народовъ Галліи можно видѣть въ освященныхъ мѣстахъ цѣлыя горы, сдѣланныя изъ разныхъ предметовъ этого рода; и весьма рѣдко случаются примѣры такого неуваженія къ святынѣ, чтобы кто либо дерзнулъ изъ взятаго что либо у себя скрыть или изъ положеннаго унести; въ такомъ случаѣ наказаніемъ бываетъ самая мучительная смерть.

18. Галлы считаютъ себя потомками бога Дита *) и говорятъ, что преданіе о томъ сохранилось у друидовъ. Потому въ счисленіи времени они употребляютъ не дни, а ночи; относительно дней рожденія и первыхъ дней каждаго года и мѣсяца, они ихъ считаютъ съ наступленія ночи и уже за нею полагаютъ день. Относительно прочихъ обычаевъ отъ другихъ народовъ отличаются только однимъ: они не позволяютъ явно слѣдовать за собою своимъ юнымъ сыновьямъ, пока они не придутъ въ лѣта мужества и не будутъ въ состояніи отправлять военную службу. Такимъ образомъ у нихъ считается за стыдъ отцу выходить въ люди съ сыномъ въ дѣтскомъ или отроческомъ возрастѣ.

19. Когда женятся Галлы, то мужъ изъ своего имущества отдѣляетъ такую же часть, какую жена ему приноситъ за собою въ приданое.

---

*) Плутона.

и обѣ соединяютъ въ одно. Эти деньги употребляются нераздѣльно и прибыль отъ нихъ сберегается; кто изъ супруговъ переживетъ другаго, тому достается общій капиталъ со всѣми за прошлые года процентами. Мужья имѣютъ относительно женъ, равно какъ и относительно дѣтей, право жизни и смерти. Когда умираетъ отецъ семейства, сколько-нибудь знатный родомъ, то собираются къ нему его родные, и если относительно причины смерти возникаетъ какое либо подозрѣніе, то женъ пытаютъ наравнѣ съ рабами, и если откроется ихъ виновность, то они погибаютъ въ огнѣ и страшныхъ мученіяхъ. Похороны у Галловъ бываютъ сколько возможно великолѣпнѣе и пышнѣе; все, что было дорого покойнику, сожигаютъ и даже живое. Еще недавно, по отправленіи надлежащихъ похоронъ, вмѣстѣ съ тѣломъ сожигали рабовъ и кліентовъ, наиболѣе приближенныхъ къ покойнику.

20. У племенъ Галліи, отличающихся лучшимъ управленіемъ общественныхъ дѣлъ, постановлено закономъ, что если кто либо изъ гражданъ узнаетъ отъ сосѣдей что нибудь касающееся до отечества, то долженъ немедленно сообщить правительству, а другимъ не передавать. Это произошло вслѣдствіе того, что бывали примѣры, какъ часто эти люди невѣжественные и легкомысленные, на основаніи пустыхъ слуховъ, приходятъ въ ужасъ и принимаютъ самыя отчаянныя рѣшенія въ важнѣйшихъ дѣлахъ. Въ такомъ случаѣ правительство скрываетъ что нужно, а сообщаетъ для свѣдѣнія народу то, что можно; говорить же объ общественныхъ дѣлахъ иначе, какъ на сеймѣ, запрещено.

21. Германцы многимъ отличаются во всѣхъ отношеніяхъ отъ Галловъ; они не имѣютъ друидовъ для завѣдыванія дѣлами религіи и не знаютъ жертвоприношеній. Божества они признаютъ только тѣ, которыхъ благодѣтельнымъ дѣйствіемъ явно пользуются—солнце, Вулкана (огонь) и луну; о прочихъ они кажется и понятія не имѣютъ. Жизнь ихъ вся проходитъ въ занятіи охотою и военнымъ дѣломъ; съ дѣтства привыкаютъ они къ самому суровому и трудному образу жизни. Сохранить и мущинѣ какъ можно долѣе невинность—считается у нихъ за большую честь; они полагаютъ, что это сберегаетъ силы, укрѣпляетъ нервы и увеличиваетъ ростъ человѣка. За величайшій стыдъ считается имѣть сообщеніе съ женщиною ранѣе двадцатилѣтняго возраста; скрыть же этого невозможно бываетъ какъ потому, что они всѣ вмѣстѣ моются въ рѣкахъ, такъ и потому, что покрываясь кожами звѣрей и небольшими шкурами ланей, они имѣютъ большую часть тѣла открытою.

22. Они не занимаются земледѣліемъ; главная пища ихъ заключается въ молокѣ, сырѣ и мясѣ. Никто изъ нихъ не имѣетъ своего собственнаго и опредѣленнаго извѣстными рубежами участка; но сановники ихъ и старѣйшины ежегодно дѣлятъ землю по семействамъ и родамъ, собравшимся жить вмѣстѣ, въ такомъ количествѣ, какъ имъ заблагоразсудится; по истеченіи года они заставляютъ переходить на другія мѣста. Въ пользу этого учрежденія приводятъ они много причинъ: они этимъ хотятъ предупредить, чтобы Германцы, пристрастившись къ земледѣлію, не забыли для него войну; чтобы не старались распространять своихъ владѣній и чтобы люди могущественные не вытѣснили бѣдныхъ изъ ихъ участковъ; чтобы не привыкли они строиться удобнѣе и защищаться отъ зноя и стужи; чтобы не возникла страсть къ собиранію денегъ, служащая поводомъ къ смутамъ и раздорамъ. Вообще въ этомъ случаѣ цѣль правительства—управлять народомъ въ духѣ справедливости: каждый доволенъ, видя, что ему достается такой же участокъ, какъ и самому могущественному.

23. Въ великую честь ставятъ Германцы народу, если онъ, опустошивъ прилежащія земли, на большое пространство окружилъ себя пустынею. По ихъ мнѣнію, это доказательство храбрости, если онъ вынуждаетъ сосѣдей оставить ихъ жилища и если, по близости съ нимъ, никто не осмѣливается поселиться; притомъ этимъ они хотятъ себя обезопасить отъ возможности внезапнаго нападенія. Когда племя Германское отправляется на войну или обороняется, то оно избираетъ сановниковъ для ея веденія, имѣющихъ право жизни и смерти; въ мирное же время они не имѣютъ вовсе общихъ начальниковъ; въ каждомъ участкѣ и родѣ есть старѣйшина, вѣдающій судъ и расправу надъ своими и рѣшающій ихъ тяжбы. Воровство и грабежъ не приносятъ никакого позора, если только они совершены за предѣлами своего племени; напротивъ они его считаютъ наилучшимъ занятіемъ для молодежи и лучшимъ средствомъ противу лѣности и праздности. Когда кто-либо изъ старѣйшинъ на сеймѣ вызывается быть вождемъ и приглашаетъ желающихъ; то, при всеобщемъ одобреніи народа, встаютъ и слѣдуютъ за нимъ тѣ, которые довольны и его личностью и намѣреніемъ. Кто же изъ нихъ откажется послѣ, тотъ считается за бѣглеца и предателя, и теряетъ во всемъ къ себѣ довѣріе на будущее время. Беззаконіемъ считается чѣмъ-либо оскорбить гостя; за чѣмъ бы онъ ни пришелъ, особа его считается священною и его защищаютъ отъ всякой обиды; ему вездѣ открытъ доступъ и его угощаютъ всѣмъ что̀ есть.

24. Было прежде время, что Галлы побѣждали Германцевъ храбростью, сами на нихъ нападали и, вслѣдствіе малоземелья и многолюдства, выводили колоніи по ту сторону Рейна. Такимъ образомъ Волки и Тектосаги заняли плодороднѣйшія поля Германіи около Герцинскаго лѣса (онъ, какъ я вижу, по слуху былъ извѣстенъ Эратосѳену *) и нѣкоторымъ Грекамъ, которые его именуютъ Орцинскимъ) и тамъ поселились. Они и понынѣ живутъ тамъ и пользуются великою славою справедливости на судахъ и храбрости на войнѣ. Только они и по нынѣ ведутъ такой же строгій, скудный и воздержный образъ жизни, какъ и Германцы: они одинаково съ ними одѣваются и употребляютъ ту же пищу. Сосѣдство провинціи и привозъ заморскихъ товаровъ ознакомили Галловъ съ потребностями образованности и роскоши. Мало-по-малу Галлы привыкли быть побѣждаемыми и, проигравъ много сраженій, они уже и сами сознаютъ надъ собою превосходство Германцевъ въ мужествѣ.

25. Герцинскій лѣсъ, о которомъ мы не разъ упоминали, простирается въ ширину на девять дней скораго пути; иначе нельзя ее опредѣлить, такъ какъ Германцы не знаютъ измѣренія дорогъ. Начинаясь отъ границъ Гельветовъ, Неметовъ и Рauраковъ, онъ сопровождаетъ рѣку Дунай съ правой стороны въ ея теченіи и доходитъ до земли Даковъ и Анартіевъ; тутъ онъ поварачиваетъ влѣво, расходится отъ рѣки по разнымъ странамъ, и по своей величинѣ касается земель многихъ народовъ. Ни одинъ Германецъ, отъ начала этого лѣса совершивъ по немъ путь въ теченіи 60 дней, не достигалъ его конца и не знаетъ, гдѣ онъ оканчивается. Въ немъ водится много породъ животныхъ, ему только свойственныхъ и въ другихъ мѣстахъ не встрѣчающихся. Упомянемъ о нѣкоторыхъ изъ нихъ, наиболѣе замѣчательныхъ, по отличію отъ нашихъ животныхъ.

26. Тамъ водится быкъ **), на подобіе оленя; на срединѣ лба между ушей возвышается одинъ рогъ, выше и прямѣе всѣхъ намъ извѣстныхъ роговъ; на вершинѣ этотъ рогъ развѣтвляется на широко растилающіяся вѣтви. И самецъ и самка имѣютъ одинаковую наружность и рога одинаковой формы и величины.

27. Тамъ же водятся звѣри, называемые *алки* ***). Наружнымъ

---

*) Эратосѳенъ—библіотекарь Александрійской библіотеки, жившій въ царствованіе Птоломея Эвергета; его сочиненія до насъ не дошли.

**) Кювье—Rech. s. les oss. foss. «Быкъ этотъ не что иное, какъ невѣрно описанный олень».

***) Linn. Elennthier; впрочемъ Цезарь о немъ сообщаетъ баснословныя и ни

видомъ походятъ они на козу, но шкуру имѣютъ полосатую; притомъ они немного поболѣе козы, рога имѣютъ кривые, а ноги у нихъ безъ составовъ и членораздѣленій. А потому они не ложатся для отдохновенія; а если по какому случаю упадутъ, то встать уже никакъ не могутъ. Имъ деревья служатъ вмѣсто ложа; они къ нимъ прислоняются и, упираясь въ нихъ, засыпаютъ. Охотники, по слѣдамъ этихъ животныхъ узнавая мѣсто ихъ отдохновенія, подрубаютъ тамъ корни деревъ или самыя деревья такъ, чтобы они чуть держались. Когда эти животныя по своему обыкновенію упрутся въ деревья, тѣ уступаютъ ихъ тяжести и ихъ самихъ увлекаютъ съ собою въ паденіи.

28. Третья порода животныхъ, называемыхъ *ури* — буйволы *); величиною роста они немного только уступаютъ слонамъ; наружнымъ видомъ, сложеніемъ и цвѣтомъ кожи они походятъ на быковъ. Они отличаются чрезвычайною силою и быстротою и не щадятъ ни человѣка, ни животнаго, лишь только увидятъ; ихъ ловятъ съ большимъ трудомъ съ помощью рвовъ и тамъ убиваютъ. Трудная охота за ними служитъ къ занятію и укрѣпленію силъ молодыхъ людей. Убить какъ можно болѣе этихъ звѣрей и въ доказательство представить съ нихъ рога— считается за большую честь. Эти животныя никакъ не могутъ сдѣлаться ручными и привыкнуть къ человѣку, хоть бы и маленькими были взяты. Рога ихъ обширностью, величиною и наружностью весьма различаются отъ нашихъ бычачьихъ. Германцы тщательно ихъ отыскиваютъ, обдѣлываютъ края серебромъ и въ торжественныхъ случаяхъ пьютъ ихъ нихъ вино.

29. Цезарь, узнавъ отъ лазутчиковъ Убіевъ, что Свевы удалились въ лѣса, не рѣшился за ними слѣдовать туда, опасаясь недостатка въ продовольствіи, такъ какъ, мы и выше имѣли случай замѣтить, Германцы мало занимаются земледѣліемъ. Но для того, чтобы постоянно держать ихъ въ страхѣ относительно своего возвращенія и тѣмъ воспрепятствовать имъ идти на помощь Галламъ, Цезарь развелъ мостъ только на 200 футовъ отъ Убійскаго берега: на концѣ моста воздвигъ башню въ четыре этажа, окружилъ голову моста сильными ук-

---

къ какому теперешнему животному не примѣнимыя подробности. Плиній сообщаетъ о животномъ achlis, а alce считаетъ за животное, похожее на лошадь и оленя.

*) Уръ—галльское слово означаетъ буйвола, по-нѣмецки Auerochs. Считаютъ его за нынѣшняго зубра, хотя описаніе Цезаря и Плинія не соотвѣтствуетъ этому животному.

рѣпленіями и оставилъ для сбереганія его 12 когортъ подъ начальствомъ К. Волкація Тулла, еще юноши. Самъ же, лишь только хлѣбъ въ поляхъ началъ поспѣвать, отправился на войну съ Амбіориксомъ черезъ Ардуенскій лѣсъ (онъ во всей Галліи наибольшій, тянется отъ береговъ Рейна и области Тревировъ до земли Нервіевъ въ длину болѣе чѣмъ на 500 миль). Онъ приказалъ Л. Минуцію Базилю со всею конницею идти впередъ для того, чтобы воспользоваться выгодою быстроты пути и неожиданности нападенія. Онъ далъ ему наставленіе не разводить огней въ лагерѣ, дабы не показать издали непріятелю свое приближеніе, а самъ обѣщалъ идти за нимъ немедленно.

30. Базиль исполнилъ, какъ было ему приказано; поспѣшно совершивъ путь, онъ засталъ непріятеля врасплохъ неожиданно; многіе даже были въ полѣ. По ихъ показанію, Базиль двинулся къ тому мѣсту, гдѣ находился Амбіориксъ съ небольшимъ отрядомъ конницы. Счастіе много значитъ вездѣ, а особенно въ военномъ дѣлѣ. Хотя случай былъ весьма удивительный, что Амбіориксъ застигнутъ былъ вождемъ Римскимъ неожиданно и не приготовившись, и прежде увидѣлъ его чѣмъ услышалъ или узналъ о его приближеніи; однако счастіе ему такъ благопріятствовало, что, потерявъ всѣ военные снаряды, повозки и лошадей, онъ избавился отъ смерти. Главною причиною было то, что жилище его находилось кругомъ въ лѣсу (какъ почти всегда Галлы, убѣгая отъ зноя, селятся въ лѣсахъ и близь рѣкъ); приближенные и слуги Амбіорикса, въ тѣсномъ мѣстѣ, своимъ сопротивленіемъ задержали нашу конницу. Пока происходило сраженіе, одинъ изъ окружавшихъ Амбіорикса посадилъ его на коня; лѣсъ скоро скрылъ его за собою. Такимъ образомъ судьба и ввергла его въ опасность, и почти чудесно отъ нея избавила.

31. Амбіориксъ съ намѣреніемъ ли не собралъ войска, не желая прибѣгать къ бою, или быстрое нападеніе нашей конницы въ томъ ему воспрепятствовало, такъ какъ за нею онъ ожидалъ немедленно всѣ наши силы, — это трудно рѣшить; но разославъ тайно по полямъ гонцовъ, приказывалъ каждому думать самому о себѣ. Часть жителей бѣжала въ Арденскій лѣсъ, часть въ непроходимыя болота. Жившіе по близости океана искали убѣжища на островахъ, образовавшихся отъ его прилива; многіе навсегда бросили отечество и со всѣмъ имуществомъ переселились въ чужіе края. Кативолкъ, царь надъ половиною Эбуроновъ, участвовавшій за-одно въ умыслѣ Амбіорикса, по преклоннымъ лѣтамъ своимъ не имѣя силъ ни бѣжать, ни прибѣгнуть къ силѣ, осыпавъ самыми жестокими проклятіями виновника всего этого событія, Амбіорикса, умертвилъ себя ядомъ изъ

дерева (taxum) *), котораго очень много растетъ въ Галліи и Германіи.

32. Сегны и Кондрузы, принадлежащіе къ роду и числу германскихъ племенъ, живущихъ между Эбуронами и Тревирами, прислали пословъ къ Цезарю, умоляя его не считать ихъ врагами и не полагать, что всѣ Германцы, живущіе по сю сторону Рейна, за-одно; что они никогда не замышляли войны и не оказывали никакого пособія Амбіориксу. Цезарь, узнавъ истину изъ показаній плѣнныхъ, приказалъ посламъ—выдать всѣхъ Эбуроновъ, если которые разбѣжавшись ушли къ нимъ; когда они такъ поступятъ, то онъ земли ихъ оставитъ безъ насилія. Тогда Цезарь всѣ войска свои раздѣлилъ на три отряда, а тяжести всѣхъ легіоновъ велѣлъ снесть въ Адуатику; такъ называется это укрѣпленіе, которое находится почти въ срединѣ земли Эбуроновъ; въ немъ то были зимнія квартиры Титурія и Аврункулея. Это мѣсто заслужило вниманіе Цезаря во многихъ отношеніяхъ и между прочимъ потому, что укрѣпленія, сдѣланныя въ прошломъ году, были еще цѣлы и потому облегчали воиновъ отъ большаго труда. Оставивъ для обереганія тяжестей 14-й легіонъ, одинъ изъ трехъ недавно имъ набранныхъ и приведенныхъ изъ Италіи, начальство надъ нимъ и лагеремъ Цезарь ввѣрилъ К. Туллію Цицерону и далъ ему сверхъ того двѣсти всадниковъ.

33. Раздѣливъ войско, Цазарь отправилъ Т. Лабіена съ тремя легіонами на берега океана въ земли, прилежащія къ области Менапіевъ. К. Требонію съ такимъ же числомъ легіоновъ Цезарь приказалъ идти опустошать страну, сосѣднюю съ Адуатиками. Самъ же Цезарь предположилъ съ остальными тремя легіонами идти къ рѣкѣ Скальдѣ, впадающей въ Мозу, и къ самымъ отдаленнымъ мѣстамъ Арденскаго лѣса, куда, по слухамъ, удалился Амбіориксъ съ небольшимъ отрядомъ конницы. Отправляясь въ походъ, Цезарь обѣщалъ возвратиться черезъ семь дней, именно къ сроку, когда надлежало раздавать провіантъ тому легіону, который оставался въ лагерѣ. Цезарь также далъ наставленіе Лабіену и Требонію, чтобы они, если только будутъ въ состояніи это сдѣлать безъ ущерба для интересовъ отечества, возвратились къ тому же сроку для того, чтобы съ общаго совѣта, разузнавъ намѣренія непріятеля, постановить планъ военныхъ дѣйствій на будущее время.

---

*) Taxus, по гречески σμίλαξ, дерево изъ рода сосны, производящее ягоды, сокъ которыхъ считается ядовитымъ; ростетъ оно въ Испаніи, Корсикѣ и Аркадіи. Его подробно описываетъ Плиній 16. 10, 22.

34. Непріятель, какъ мы выше сказали, не имѣлъ ни войска, ни укрѣпленныхъ мѣстъ и вообще никакихъ средствъ къ открытой оборонѣ; это была толпа, разсѣянная во всѣхъ мѣстахъ. Глубокія долины, лѣса, непроходимыя болота служили для Галловъ убѣжищемъ и ручательствомъ спасенія. Всѣ эти мѣста были имъ хорошо извѣстны, какъ кореннымъ жителямъ. Главному нашему войску не угрожала никакая опасность (да и какая могла быть со стороны устрашенныхъ и разсѣянныхъ непріятелей?), но требовалась величайшая осторожность для сбереженія отдѣльныхъ воиновъ при такихъ затрудненіяхъ, а это обстоятельство отчасти относилось до безопасности нашего войска. Алчность добычи увлекала по сторонамъ многихъ нашихъ воиновъ, а тѣснота и неизвѣстность лѣсныхъ тропинокъ препятствовали проникать имъ туда цѣлыми отрядами. Для исполненія цѣли похода и истребленія непріятельскихъ шаекъ надлежало по многимъ мѣстамъ разсылать отряды и заставлять воиновъ дѣйствовать въ разсыпную. Если же Цезарь хотѣлъ бы остаться вѣрнымъ коренному обычаю и порядку, въ римскомъ войскѣ заведенному, и не позволять воинамъ отходить отъ своихъ значковъ, то врагъ нашъ находилъ для себя безопасность въ самой мѣстности и не терялъ смѣлости, выждавъ благопріятный случай, нападать изъ засады на нашихъ воиновъ порознь. Въ такихъ затруднительныхъ обстоятельствахъ Цезарь употреблялъ всю осторожность и предусмотрительность, сколько возможно, и старался скорѣе виновныхъ оставить безъ наказанія, хотя воины наши пылали мщеніемъ, чѣмъ ихъ самихъ подвергать гибели. Цезарь по сосѣднимъ народамъ разослалъ посланныхъ съ извѣстіемъ, что онъ отдаетъ на разграбленіе землю Эбуроновъ; и онъ хотѣлъ лучше, чтобы Галлы подверглись опасностямъ этого рода войны по лѣсамъ, а не легіоны; а съ другой стороны онъ имѣлъ въ виду, умноживъ число враговъ для Эбуроновъ, искоренить самую память этого племени за совершенное имъ злодѣйство. Въ короткое время для этой цѣли стеклось множество Галловъ.

35. Вотъ что происходило во всѣхъ частяхъ земли Эбуроновъ, и приближался уже седьмой день, на который Цезарь предполагалъ возвратиться къ оставленнымъ имъ обозу и легіону. Тутъ случилось происшествіе, которое показываетъ, какъ много счастіе значитъ на войнѣ, и какіе странные случаи иногда отъ него происходятъ. Непріятель нашъ былъ разсѣянъ и въ ужасѣ, какъ мы уже сказали, и не было, казалось, ни съ какой стороны ни малѣйшей опасности. На ту сторону Рейна къ Германцамъ пришелъ слухъ, что земля Эбуроновъ отдана на разграбленіе и что всѣхъ приглашаютъ туда за

добычею Сигамбры, живущіе на берегу Рейна, которые, какъ мы говорили выше, дали у себя убѣжище Узипетамъ и Тенхтерамъ, собрались въ числѣ 2000 всадниковъ и переправились черезъ Рейнъ на лодкахъ и паромахъ въ 30 миляхъ ниже того мѣста, гдѣ Цезаремъ устроенъ былъ мостъ и оставленъ гарнизонъ. Сначала они ударили на землю Эбуроновъ, захватили много бѣгущихъ въ плѣнъ и загнали большое количество скота, добычи самой привлекательной для этихъ дикихъ народовъ. Жажда добычи завлекла ихъ далеко; ни болота, ни лѣса не могли остановить ихъ, съ дѣтства пріученныхъ къ набѣгамъ и грабежамъ. Отъ плѣнныхъ они разспрашивали, гдѣ находится Цезарь, и узнали, что онъ далеко отошелъ и что съ нимъ удалилось почти все войско. Одинъ изъ плѣнныхъ сказалъ имъ: «и охота вамъ гоняться за этою ничтожною и скудною добычею, когда сама судьба отдаетъ вамъ въ руки богатѣйшую? Черезъ три часа вы можете достигнуть Адуатики, куда войско римское собрало все свое имущество; гарнизону тамъ такъ мало, что не достаточно для прикрытія окоповъ и даже никто не дерзаетъ выходить за укрѣпленія». Обнадеженные этими словами, Германцы уже полученную добычу скрыли въ безопасномъ мѣстѣ, а сами двинулись къ Адуатикѣ; дорогу имъ указывалъ тотъ же, кто и подалъ совѣтъ.

36. Цицеронъ сначала строго соблюдалъ наставленіе Цезаря—не выпускать воиновъ изъ лагеря—до того, что и армейскимъ прислужникамъ не дозволялъ выходить за укрѣпленія. Но на седьмой день онъ пересталъ вѣрить, чтобы Цезарь сдержалъ данное ему слово насчетъ срока возвращенія, тѣмъ болѣе, что Цезарь зашелъ далѣе, чѣмъ предполагалъ, и не было никакой вѣсти объ его возвращеніи. Притомъ ему надоѣло слышать жалобы своихъ воиновъ, называвшихъ такой образъ дѣйствій осадою, такъ какъ никому нельзя было выйдти изъ лагеря. Опасности никакой нельзя было ожидать: непріятель былъ разсѣянъ и почти уничтоженъ, девять легіоновъ и многочисленная конница была въ полѣ; казалось, какая могла быть опасность на три мили отъ лагеря! А потому, пять когортъ было послано за хлѣбомъ на ближайшія нивы, бывшія отъ лагеря только за холмомъ. Въ лагерѣ оставалось много больныхъ изо всѣхъ легіоновъ; 400 человѣкъ выздоровѣвшихъ съ того времени туда же отправлены вмѣстѣ подъ однимъ значкомъ. Притомъ, съ дозволенія легата, отправились во множествѣ армейскіе прислужники, взявъ лошадей, оставленныхъ въ лагерѣ.

37. Надобно было случиться, что въ это самое время пришла германская конница; тотчасъ, не останавливаясь, она устремилась

къ заднимъ воротамъ лагеря, пытаясь ворваться въ него. Лѣсистая мѣстность не прежде позволила замѣтить непріятеля, какъ когда уже онъ былъ возлѣ; поспѣшность его прихода была такова, что купцы, стоявшіе въ палаткахъ подъ самыми лагерными окопами, не успѣли удалиться въ лагерь. Наши смѣшались отъ неожиданности нападенія и когорта, бывшая у воротъ, съ трудомъ сдержала первый натискъ непріятеля. Онъ разсыпался кругомъ лагеря, отыскивая, гдѣ бы удобнѣе въ него проникнуть; съ трудомъ наши отстаивали ворота; въ прочихъ мѣстахъ одни укрѣпленія служили намъ защитою. Ужасное смятеніе господствовало въ нашемъ лагерѣ; одинъ спрашивалъ у другаго, откуда неожиданная опасность; никто не отдавалъ распоряженій, куда нести значки и въ какомъ мѣстѣ собираться съ оружіемъ. Одинъ утверждаетъ, что лагерь уже во власти непріятеля; другой, что Германцы пришли сюда побѣдителями, истребивъ Цезаря и его войско. У многихъ явились тотчасъ и суевѣрныя мысли: несчастіе Котты и Титурія, погибшихъ въ этомъ же самомъ лагерѣ, у всѣхъ было на умѣ. Видя нашихъ въ ужасѣ, Германцы убѣдились, что показанія плѣннаго справедливы, и что лагерь нашъ беззащитенъ. Они стараются ворваться въ него и ободряютъ другъ друга — не упустить столь счастливаго случая къ побѣдѣ.

38. Въ укрѣпленіи нашемъ оставался больной П. Секстій Бакулъ (мы о немъ не разъ упоминали по поводу прежнихъ сраженій); онъ у Цезаря командовалъ передовою сотнею и уже пятый день онъ не принималъ пищи. Отчаявшись въ спасеніи себя и всѣхъ находившихся въ лагерѣ, онъ безоружный вышелъ изъ палатки. Видя, что непріятель грозитъ отовсюду и что дѣла находятся въ самомъ опасномъ положеніи, онъ взялъ оружіе у ближайшаго воина и сталъ въ лагерныхъ воротахъ; за нимъ послѣдовали сотники когорты, оберегавшей ворота; общими силами они нѣсколько сдержали нападеніе. Секстъ, получивъ тяжкія раны, скоро потерялъ память; съ трудомъ спасли его, передавая изъ рукъ въ руки. Впрочемъ этого достаточно было, чтобы ободрить нашихъ; собравшись съ духомъ, они помышляютъ объ оборонѣ, рѣшаются занять валъ и представляютъ видъ правильной защиты.

39. Между тѣмъ воины наши, собравъ хлѣбъ, слышатъ крики. Конница полетѣла впередъ и видитъ, въ какомъ опасномъ положеніи дѣло. Для нашихъ устрашенныхъ не было никакого укрѣпленія, куда бы можно удалиться; недавно набранные, неопытные въ военномъ дѣлѣ, воины смотрѣли на военныхъ трибуновъ и сотниковъ и ждали,

*

что они прикажутъ. Кажется и самый храбрый растерялся при видѣ такой опасности. Германцы, увидя издали наши значки, сначала было остановили осаду, полагая, что это возвратились наши легіоны, о которыхъ плѣнные имъ сказали, что они далеко ушли; потомъ, видя съ презрѣніемъ малочисленность нашихъ, они со всѣхъ сторонъ возобновили нападеніе.

40. Служители армейскіе выбѣжали впередъ на ближайшій холмъ. Немедленно сбитые оттуда, они бросились на ряды нашихъ воиновъ и произвели смятеніе въ нихъ, и безъ того оробѣвшихъ. Одни полагали, построивши войско клинообразно, прорваться поспѣшно черезъ непріятеля въ лагерь, находившійся очень недалеко: еслибы часть и пала, а все прочіе могли надѣяться на спасеніе. Другіе хотѣли оставаться на холмѣ и тамъ всѣ вынести одну участь. Этого не одобряли старые воины, которые, какъ мы упоминали, вмѣстѣ отправились подъ значкомъ. Итакъ, ободривъ другъ друга, предводительствуемые К. Требоніемъ, всадникомъ римскимъ, который былъ поставленъ надъ ними начальникомъ, они прорываются черезъ непріятельскіе ряды и, не потерявъ ни одного человѣка, достигаютъ лагеря. За ними непосредственно послѣдовали дружнымъ усиліемъ армейскіе служители и всадники, и спасены храбростью нашихъ воиновъ. А тѣ, которые стали на холмѣ, не зная вовсе правилъ военнаго дѣла, не могли ни остаться вѣрными своему первоначальному намѣренію на немъ защищаться, пользуясь мѣстностью, ни подражать рѣшительности и быстротѣ, спасшей ихъ товарищей. Стараясь прорваться въ лагерь, они спустились въ неблагопріятную мѣстность. Сотники, изъ коихъ нѣкоторые за храбрость повышены изъ нижнихъ рядовъ прочихъ легіоновъ въ верхніе этого, не желая омрачить прежнюю славу воинской доблести, пали, храбро сражаясь. Часть воиновъ, пользуясь тѣмъ, что храбрость ихъ начальниковъ отвлекла непріятеля, сверхъ всякой надежды благополучно достигла лагеря: часть же погибла, будучи окружена Германцами.

41. Они, потерявъ надежду овладѣть нашимъ лагеремъ, такъ какъ наши уже заняли укрѣпленія, съ тою добычею, которая была ими оставлена въ лѣсу, убрались на ту сторону Рейна. Даже, по удаленіи непріятеля, ужасъ нашихъ былъ такъ великъ, что когда въ ту же ночь прибылъ въ лагерь К. Волузенъ съ конницею, присланный Цезаремъ, то и онъ не могъ убѣдить нашихъ, что Цезарь идетъ назадъ невредимо со всѣмъ войскомъ. Страхъ у всѣхъ былъ до того великъ, что наши, какъ бы потерявъ разсудокъ, увѣряли, что наше войско все погибло, а только конница спаслась бѣгствомъ; никакъ никто

не воображалъ, чтобы Германцы дерзнули напасть на нашъ лагерь, еслибы все наше войско было невредимо. Когда Цезарь прибылъ, то всѣ эти опасенія исчезли.

42. Цезарь, возвратясь, будучи хорошо знакомъ съ случайностями войны, сильно пенялъ за то, что когорты были высланы изъ лагеря; онъ говорилъ, что имъ ни въ какомъ случаѣ не надлежало покидать свой постъ, а быть готовыми на всякій случай, какъ и доказало неожиданное нападеніе непріятеля. Но счастіе еще болѣе намъ благопріятствовало тѣмъ, что мы успѣли отразить враговъ почти отъ самаго вала и лагерныхъ воротахъ. Въ этихъ всѣхъ событіяхъ всего удивительнѣе казалось то, что Германцы, переправившись черезъ Рейнъ съ цѣлью опустошить земли Амбіорикса, нечаянно напали на римскій лагерь, и оказали было тѣмъ величайшую услугу Амбіориксу.

43. Цезарь снова отправился тревожить непріятеля; собравъ множество сосѣднихъ жителей, онъ ихъ разослалъ во всѣ стороны. Всѣ деревни и строенія, какія только попадались, были преданы огню; со всѣхъ сторонъ тащили награбленное. Хлѣбъ не только тратился на прокормленіе огромнаго количества людей и лошадей, но и погибалъ отъ поздняго времени года и дождей, такъ что еслибы кто изъ жителей и спасся гдѣ-нибудь скрывшись, то и по удаленіи нашего войска, долженъ былъ бы погибнуть отъ голода. Нерѣдко случалось, такъ какъ конница наша была раздѣлена на многочисленные отряды, что захваченные ею плѣнники показывали, что только что видѣли Амбіорикса, и увѣряли, что онъ еще не совсѣмъ исчезъ изъ виду. Впрочемъ, несмотря на все стараніе нашихъ воиновъ, желаніе услужить Цезарю и почти невѣроятные и свыше силъ ихъ труды, при чемъ они самую природу побѣждали усердіемъ, и постоянно самой малости повидимому недоставало для полнаго торжества, однако постоянно Амбіориксъ ускользалъ въ ту минуту, когда наши уже полагали имѣть его въ своей власти. Онъ уходилъ, пользуясь оврагами и лѣсами, и въ теченіи ночи бывалъ уже далеко, совсѣмъ на другомъ концѣ страны; его сопровождали только четыре всадника, которымъ онъ рѣшился ввѣрить свою жизнь.

44. Опустошивъ такимъ образомъ непріятельскую страну, Цезарь привелъ войско въ Дурокортъ Ремовъ *) и назначивъ въ этомъ мѣстѣ галльскій сеймъ, онъ на немъ сдѣлалъ слѣдствіе о заговорѣ

---

*) Нынѣ: Реймсъ

Сеноновъ и Карнутовъ. Акконъ былъ уличенъ, какъ виновникъ этого умысла, надъ нимъ произнесенъ строгій приговоръ и онъ казненъ смертью по обычаю предковъ. Нѣкоторые изъ виновныхъ, опасаясь суда, бѣжали; имъ воспрещено давать воду и огонь. Цезарь поставилъ на зимнихъ квартирахъ 2 легіона въ землѣ Тревировъ, 2 въ землѣ Лингоновъ, пять остальные въ Агендикѣ *), въ области Сеноновъ. Принявъ мѣры къ продовольствію войска, Цезарь отправился въ Италію, по обычаю, для участія въ народныхъ собраніяхъ.

КНИГА СЕДЬМАЯ.

1. Успокоивъ Галлію, Цезарь, какъ предположилъ, отправился въ Италію для участвованія въ народныхъ собраніяхъ. Тамъ онъ узналъ объ убійствѣ П. Клодія, и увѣдомленный сенатскимъ декретомъ, что вся молодежь Италіи замышляетъ заговоръ, онъ распорядился произвесть наборъ во всей провинціи. Такое положеніе дѣлъ скоро стало извѣстно въ Трансальпинской Галліи. Галлы присоединили къ этому еще ложный слухъ, имѣвшій, по ихъ мнѣнію, основаніе: «что волненія въ Римѣ задержали Цезаря, и что при такихъ смутахъ ему невозможно возвратиться къ войску. Думая воспользоваться такими обстоятельствами, Галлы, постоянно съ прискорбіемъ снося римское владычество, стали смѣлѣе и рѣшительнѣе замышлять войну. Старѣйшины галльскіе собирались на совѣщанія въ лѣсахъ и уединенныхъ мѣстахъ, и сѣтовали о смерти Аккона; они говорятъ другъ другу, что тотъ же жребій можетъ ожидать и ихъ, сострадаютъ надъ общимъ жребіемъ Галліи; не щадятъ ни обѣщаній, ни наградъ для тѣхъ, которые будутъ зачинщиками войны и съ опасностью собственной жизни будутъ отыскивать вольности для всей Галліи; утверждаютъ, что прежде всего надобно позаботиться о томъ, какъ бы не допустить Цезаря до войска ранѣе, чѣмъ осуществятся ихъ тайныя намѣренія. Они полагали достигнуть этого безъ труда, разсчитывая, что ни легіоны безъ главнаго полководца не рѣшатся выйдти съ зимнихъ квартиръ, ни Цезарь, не подвергаясь опасности, не можетъ ихъ достигнуть безъ прикрытія. Наконецъ, Галлы хотѣли лучше погибнуть

*) Нынѣ: Санъ (Sens)

съ оружіемъ въ рукахъ, чѣмъ не вернуть назадъ и вольность и древнюю воинскую славу, завѣщанныя имъ предками.

2. Когда объ этомъ толковали, Карнуты вызвались: ни отъ какой опасности не отказываются они для общей безопасности и обѣщаются первые изо всѣхъ начать войну. Такъ какъ въ то время невозможно уже было обезпечить себя взятіемъ и дачею заложниковъ безъ того, чтобы ихъ замыселъ не открылся, то они просятъ ихъ общій союзъ скрѣпить клятвою на военныхъ значкахъ и оружіи (этотъ священный обрядъ у нихъ считается величайшей важности) въ предупрежденіе того, чтобы, когда они начнутъ войну, прочія племена ихъ не оставили». Карнуты были осыпаны похвалами отъ своихъ соотечественниковъ; взаимный союзъ скрѣпленъ общими клятвами всѣхъ присутствовавшихъ, назначено время для открытія военныхъ дѣйствій и тѣмъ окончилось совѣщаніе.

3. Въ назначенный день Карнуты, подъ предводительствомъ Котуата и Конетодуна, людей готовыхъ на все, по данному сигналу, устремились въ Генабъ *). Римскіе граждане, находившіеся тамъ для торговли, и въ числѣ ихъ К. Фузій Цита, одинъ изъ извѣстныхъ римскихъ всадниковъ, который по приказанію Цезаря завѣдывалъ снабженіемъ нашихъ войскъ провіантомъ, были убиты и имущества ихъ разграблены. Извѣстіе объ этомъ событіи быстро разнеслось по всей Галліи (въ случаѣ какого-либо важнаго и значительнаго происшествія, Галлы кличъ кличутъ по всей странѣ своей одни другимъ, его перенимаютъ слѣдующіе и передаютъ ближайшимъ, что случилось и въ этотъ разъ). Такимъ образомъ то, что случилось въ Генабѣ при восходѣ солнца, сдѣлалось извѣстнымъ въ землѣ Арверновъ прежде, чѣмъ кончилась первая стража ночи; а отъ одного мѣста до другаго разстояніе около 160 миль.

4. По примѣру Карнутовъ, Верцингеториксъ, сынъ Целтилла, Арвернъ, несмотря на свою молодость пользовавшійся огромнымъ вліяніемъ у своихъ соотечественниковъ (отецъ его получилъ старѣйшинство во всей Галліи и былъ убитъ своими согражданами за покушеніе сдѣлаться царемъ), собралъ приверженныхъ къ себѣ людей и легко воспламенилъ ихъ. Узнавъ о его намѣреніи, всѣ устремились къ оружію. Гобанитіонъ, его дядя, и прочіе старѣйшины народа не раздѣляли образа мыслей Верцингеторикса и считали его намѣреніе безразсуднымъ; они его изгнали изъ города Герговіи *).

*) Нынѣ Орлеанъ.

*) Отъ нынѣшняго Клермона этотъ городъ былъ въ разстояніи одного лье на холмѣ, и понынѣ называемомъ mont Gergoie или Gergoriat.

Онъ не отказался отъ своего умысла, а собиралъ около себя шайку людей бѣглыхъ и нуждающихся. Съ этими силами онъ убѣдилъ нѣкоторыхъ изъ своихъ соотечественниковъ взяться за оружіе въ защиту общаго дѣла ихъ независимости. Составивъ такимъ образомъ многочисленное войско, онъ изгналъ изъ города своихъ недоброжелателей, столь недавно его самого выгнавшихъ оттуда. Онъ получилъ отъ своихъ приверженцевъ наименованіе царя и разослалъ во всѣ стороны посольства, убѣждая галльскія племена оставаться вѣрными общему союзу. Въ короткое время примкнули къ нему Сеноны, Паризіи, Пиктоны, Кадурки, Туроны, Авлерки, Лемовики, Анды и прочія племена, земли которыхъ доходятъ до океана. Главное начальство, съ общаго согласія, ввѣрено Верцингеториксу; пользуясь этою властію, онъ немедленно предписалъ всѣмъ этимъ племенамъ выставить заложниковъ, и въ самомъ скоромъ времени привести извѣстное число воиновъ; онъ назначилъ, сколько какое племя должно заготовить у себя оружія и къ какому времени; главное вниманіе обратилъ онъ на конницу. Къ усиленной дѣятельности онъ присоединилъ великую строгость; колеблющихся въ вѣрности устрашалъ онъ строгими казнями: за большее преступленіе онъ предавалъ смерти огнемъ, или другой мучительной. За вину менѣе важную, онъ отрубалъ уши или выкалывалъ глазъ, и въ такомъ видѣ отсылалъ виновныхъ домой для того, чтобы они прочимъ служили примѣромъ, и чтобы страхомъ большаго наказанія удержать другихъ отъ подобныхъ дѣйствій.

5. Такими строгими казнями, въ короткое время собравъ значительное войско, Верцингеториксъ отправилъ Кадурка Луктерія, человѣка въ высшей степени смѣлаго, съ частью войскъ въ землю Рутеновъ; а самъ отправился къ Битуригамъ. Узнавъ о его приближеніи, тѣ отправили къ Эдуямъ, подъ покровительствомъ коихъ они находились, пословъ съ просьбою о помощи, чтобы быть въ состояніи удержать натискъ непріятеля. Эдуи, по совѣту легатовъ, оставленныхъ Цезаремъ при войскѣ, отправили на помощь Битуригамъ пѣшія и конныя войска. Они пришли къ рѣкѣ Лигеру, составляющей границу между землями Битуриговъ и Эдуевъ, постояли у ней нѣсколько дней, не рѣшились ее перейдти и донесли нашимъ легатамъ, что вынуждены были возвратиться вслѣдствіе вѣроломства Битуриговъ: они узнали, что якобы тѣ замышляли, при переходѣ ихъ черезъ рѣку, ударить съ одной стороны, а Арверны съ другой должны были ихъ окружить. Правду ли они сказали легатамъ или коварно выдумали—трудно рѣшить за недостаткомъ доказа-

тельствъ. Битуриги, узнавъ о возвращеніи шедшихъ къ нимъ войскъ, немедленно соединились съ Арвернами.

6. Объ этихъ происшествіяхъ дано знать Цезарю въ Италію; узнавъ, что, благодаря дѣятельности Кн. Помпея, внутреннія смуты въ Римѣ нѣсколько утихли, Цезарь отправился въ Трансальпинскую Галлію. По прибытіи туда онъ былъ въ большомъ затрудненіи, какимъ образомъ присоединиться къ войскамъ: вызвать ихъ сюда въ провинцію—значило подвергнуть ихъ необходимости выдержать нѣсколько сраженій въ его отсутствіи; самому отправиться къ войску—было бы ввѣрить свою безопасность галльскимъ племенамъ, а это было бы неблагоразумно и даже въ отношеніи къ тѣмъ, которые въ то время оставались замиренными.

7. Между тѣмъ Луктерій Кадуркъ, посланный къ Рутенамъ, задобрилъ это племя Арвернамъ. Оттуда онъ перешелъ къ Нитіобригамъ и Габалламъ, взялъ заложниковъ у тѣхъ и у другихъ и, собравъ значительныя силы, думалъ было уже сдѣлать вторженіе въ провинцію, по направленію къ Нарбоннѣ. Узнавъ объ этомъ, Цезарь рѣшился прежде всего предупредить этотъ замыселъ непріятеля, и съ этою цѣлью отправился тотчасъ въ Нарбонну. По прибытіи туда, онъ обнадежилъ оробѣвшихъ жителей и вооруженные отряды разставилъ по землямъ Рутеновъ, присоединенныхъ къ провинціи, Волковъ-Арекомиковъ, Толозатовъ, вокругъ Нарбонны и вообще по всѣмъ мѣстамъ, сосѣднимъ съ непріятелемъ, а части войскъ, изъ провинціи, и пополненію, приведенному имъ самимъ изъ Италіи, Цезарь приказалъ собраться въ землю Гельвіевъ, пограничныхъ съ Арвернами.

8. Этими распоряженіями Цезарь вынудилъ Луктерія отступить и отказаться отъ намѣренія вторгнуться въ провинцію, такъ какъ Луктерій считалъ опаснымъ очутиться съ своимъ войскомъ посреди вооруженныхъ отрядовъ. Затѣмъ Цезарь отправился въ землю Арверновъ. Здѣсь преграждали ему путь Цевенскія горы, составляющія границу земель Гельвіевъ и Арверновъ; они были покрыты весьма глубокимъ снѣгомъ по случаю суроваго еще времени года. Впрочемъ, при усердной работѣ воиновъ, снѣгъ былъ очищенъ въ глубину на 6 футовъ, и такимъ образомъ проложена дорога къ землѣ Гельвіевъ, куда и прибылъ Цезарь. Тѣ были поражены неожиданностью нападенія; гору Цевенскую считали они за неприступный оплотъ для своей земли; особенно въ это время года черезъ нее нѣтъ тропинокъ даже и для одного человѣка. Цезарь приказалъ конницѣ опустошить земли Арверновъ какъ можно на большее пространство, и внушить имъ какъ можно больше страха. Гонцы, да и самая молва, скоро

извѣстили Верцингеторикса о случившемся; устрашенные Арверны окружили его и неотступно просили защитить ихъ достоянія и не отдавать ихъ на жертву непріятеля, особенно видя, что вся тяжесть войны пала на ихъ землю. Уступая просьбамъ своихъ земляковъ, Верцингеториксъ двинулся отъ Битуриговъ въ землю Арверновъ.

9. Цезарь въ этихъ мѣстахъ оставался только два дня, предвидя возвращеніе Верцингеторикса; онъ уѣхалъ отъ войска будто для собранія конницы и вспомогательныхъ силъ, а начальство надъ нимъ ввѣрилъ молодому Бруту, приказавъ ему разсылать конницу для опустошенія земли непріятельской какъ можно на большее пространство; самъ же обѣщалъ постараться провесть въ отлучкѣ не болѣе трехъ дней. Устроивъ здѣсь все, Цезарь, сверхъ всякаго ожиданія своихъ, прибылъ въ Віенну какъ можно поспѣшнѣе. Взявъ съ собою свѣжую конницу, впередъ за много времени имъ туда отправленную, день и ночь Цезарь проводилъ въ пути и, черезъ землю Эдуевъ, прибылъ въ землю Лингоновъ, гдѣ зимовали два легіона; поспѣшностью перехода Цезарь хотѣлъ предупредить замыслы, которые могли имѣть Эдуи на его безопасность. По пріѣздѣ къ Лингонамъ, Цезарь послалъ за прочими легіонами и собралъ ихъ въ одно мѣсто прежде, чѣмъ объ его дѣйствіяхъ слухъ дошелъ до Арверновъ. Узнавъ о нихъ, Верцингеториксъ отвелъ войско назадъ въ землю Битуриговъ, и оттуда двинулся къ Герговіи, городу Боіевъ, которыхъ Цезарь, побѣжденныхъ въ Гелветской войнѣ, помѣстилъ здѣсь и отдалъ Эдуямъ,—и рѣшился взять его силою.

10. Это обстоятельство поставило Цезаря въ немалое затрудненіе относительно того, на что рѣшиться. Если онъ остальную часть зимы удержитъ легіоны въ одномъ мѣстѣ, то какъ бы по пораженіи данниковъ Эдуевъ, не отпала бы вся Галлія видя, что онъ вовсе не защищаетъ своихъ союзниковъ. Раннее же выступленіе легіоновъ съ зимнихъ квартиръ сопряжено было съ великими затрудненіями относительно подвоза продовольствія для нихъ. Все таки Цезарь рѣшился преодолѣть затрудненія, какъ бы они велики ни были, лучше, чѣмъ навлечь на себя позоръ и тѣмъ отдалить отъ себя расположеніе всѣхъ. Итакъ, убѣдивъ Эдуевъ подвозить провіантъ, онъ далъ знать Боіямъ впередъ о своемъ прибытіи, убѣждая ихъ оставаться вѣрными и выдержать храбро нападеніе непріятеля. Оставивъ въ Агендикѣ два легіона и обозы всего войска, Цезарь двинулся къ Боіямъ.

11. На другой день прійдя къ городу Сеноновъ, Веллавнодуну, чтобы не оставлять въ тылу у себя непріятеля и такимъ образомъ облегчить себѣ подвозъ провіанта, Цезарь предпринялъ овладѣть этимъ городомъ;

въ теченіи двухъ дней онъ его окружилъ окопомъ, а на третій день явились изъ города послы съ изъявленіемъ покорности; Цезарь приказалъ имъ выдать все оружіе, лошадей и выставить 600 заложниковъ. Для приведенія въ исполненіе этихъ условій Цезарь оставилъ легата К. Требонія, а самъ, какъ можно поспѣшнѣе, двинулся въ Генабъ Карнутовъ. Тамъ только-что получено было извѣстіе объ осадѣ Веллавнодуна; Карнуты, полагая, что онъ будетъ долго сопротивляться, готовились, находившіяся у нихъ для защиты ихъ города, войска послать ему на помощь. Черезъ два дня Цезарь, достигъ Генаба; расположившись лагеремъ передъ городомъ, Цезарь вслѣдствіе поздняго времени дня, отложилъ приступъ до слѣдующаго дня, приказавъ воинамъ изготовить все, что для этого нужно. Такъ какъ изъ города Генаба есть мостъ черезъ рѣку Лигеръ, то Цезарь, опасаясь, какъ бы жители города не бѣжали изъ него ночью, приказалъ двумъ легіонамъ провести ночь подъ оружіемъ. Жители Генаба немного ранѣе полуночи вышли въ тишинѣ изъ города и начали переходить рѣку. Узнавъ объ этомъ черезъ лазутчиковъ, Цезарь съ двумя легіонами, которымъ онъ приказалъ быть готовыми на всякой случай, сжегши городскія ворота, проникъ въ городъ и овладѣлъ имъ. Весьма немногимъ изъ непріятелей удалось уйдти, а прочіе всѣ взяты: тѣснота моста и дорогъ дѣлали бѣгство для такого множества народу весьма затруднительнымъ. Цезарь городъ предалъ огню и разграбленію, добычу отдалъ воинамъ, а войско перевелъ черезъ Лигеръ и прибылъ въ земли Битуриговъ.

12. Верцингеториксъ, узнавъ о приходѣ Цезаря, снялъ осаду и двинулся ему на встрѣчу. Между тѣмъ Цезарь предположилъ приступить къ Новіодуну, городу Битуриговъ, лежавшему у него на пути Жители города прислали пословъ къ Цезарю, прося даровать имъ прощеніе и оставить имъ жизнь. Онъ, желая съ такою же поспѣшностью, съ какою совершилъ столь многое, довершить и все прочее, приказалъ жителямъ Новіодуна вынесть оружіе, вывесть коней и дать заложниковъ. Уже часть заложниковъ была въ нашихъ рукахъ; пока же прочее готовили, нѣсколько нашихъ сотниковъ и небольшое число воиновъ были впущены въ городъ собирать оружіе и лошадей. Вдругъ показалась вдали непріятельская конница, предшествовавшая всей арміи Верцингеторикса. Увидавъ ее, горожане обрадовались въ надеждѣ на пособіе; ободряя другъ друга криками, они схватились за оружіе, заперли ворота и начали занимать стѣны. Сотники, находившіеся въ городѣ, отгадали по наружности Галловъ объ ихъ враждебномъ умыслѣ и, обнаживъ мечи, заняли ворота, пока всѣ наши воины не вышли изъ города въ цѣлости.

13. Цезарь приказываетъ вывесть конницу изъ лагеря и завязываетъ конное сраженіе. Наши начали уступать непріятелю; тогда Цезарь двинулъ имъ на помощь 600 германскихъ всадниковъ, которыхъ онъ сначала положилъ постоянно имѣть при себѣ. Галлы не выдержали ихъ нападенія и обратились въ бѣгство, ища убѣжища у главной арміи; потеря ихъ была весьма велика. Вслѣдствіе этого пораженія жители города, снова прійдя въ ужасъ, схватили тѣхъ, которыхъ считали виновниками народнаго возстанія, и выдали ихъ Цезарю, а сами изъявили полную покорность. Окончивъ и это дѣло, Цезарь двинулся къ городу Аварику; въ землѣ Битуриговъ онъ самый значительный и укрѣпленный и находится среди самой плодородной страны. Взятіемъ этого города Цезарь надѣялся принудить все племя Битуриговъ къ покорности.

14. Верцингеториксъ, видя паденіе одного за другимъ городовъ— Веллавнодуна, Генаба и Новіодуна, созвалъ совѣтъ своихъ приверженцевъ. Онъ имъ представилъ: «что на будущее время надобно вести войну совершенно иначе, чѣмъ до сего времени; что всѣми силами надобно добиваться одного, какъ бы Римлянамъ препятствовать въ снабженіи ихъ фуражемъ и провіантомъ. Имъ это легко по множеству у нихъ (Галловъ) конницы и по времени года. Въ поляхъ невозможно еще косить траву; непріятелямъ разсѣявшись надобно искать корму по селеніямъ, а они то всѣ ежедневно и могутъ быть истребляемы конницею. Притомъ для общаго блага и спасенія всѣхъ надобно пренебречь частными потерями: на всемъ этомъ пространствѣ надобно предать огню всѣ деревни, и постройки и по направленію къ Бойямъ, куда только непріятель могъ бы отправиться за кормомъ. Что касается до нихъ самихъ, то они ни въ чемъ не будутъ имѣть нужды, пользуясь средствами той страны, гдѣ будетъ ведена война. Римляне же или не вынесутъ недостатка, или будутъ съ большою опасностью далеко отходить отъ лагеря. Все равно—избить ли самихъ Римлянъ, или отнять у нихъ всѣ тяжести; утративъ ихъ, они не могутъ вести войну. Къ тому же нужно предать огню всѣ города, которые не вполнѣ защищены отъ непріятельскаго нападенія или природою, или укрѣпленіями; пусть же они не служатъ убѣжищемъ своимъ для уклоненія отъ военной службы, а Римлянамъ не представятъ запасовъ продовольствія и вѣрную добычу. Какъ ни тяжело это и прискорбно, но все же легче рѣшиться на это, чѣмъ самимъ погибнуть, а женъ и дѣтей отдать въ рабство, что̀ неминуемо должно случиться съ ними побѣжденными».

15. Мнѣніе Верцингеторикса заслужило всеобщее одобреніе; въ

одинъ день болѣе 20 Битуригскихъ городовъ преданы огню: примѣру этому слѣдуютъ и другія племена. Вездѣ видны зарева пожаровъ; хотя все это Галлы дѣлали съ большимъ прискорбіемъ, но они тѣмъ утѣшали себя, что, считая побѣду почти вѣрною, они надѣялись свои потери восполнить въ скоромъ времени. На общемъ совѣтѣ разсуждали о городѣ Аварикѣ—предать ли его огню, или защищать. Битуриги пали въ ноги прочимъ Галламъ, умоляя ихъ не быть вынужденными собственными руками предать пламени городъ ихъ, красивѣйшій почти во всей Галліи, служащій и украшеніемъ и защитою всему ихъ племени. Они говорили, что его не трудно защитить по его мѣстности, такъ какъ онъ почти со всѣхъ сторонъ окруженъ рѣкою и болотомъ и имѣетъ только съ одной единственный и тѣсный доступъ». На просьбу Битуриговъ послѣдовало дозволеніе: сначала Верцингеториксъ былъ противъ этого, но потомъ уступилъ и ихъ просьбамъ и движимый состраданіемъ къ народу. Избраны способные защитники городу.

16. Верцингеториксъ слѣдовалъ за Цезаремъ малыми переходами; онъ избралъ мѣсто для лагеря, защищенное лѣсами и болотами, въ разстояніи отъ Аварика болѣе 16 миль. Тамъ, черезъ вѣрныхъ лазутчиковъ, онъ получалъ по нѣскольку разъ въ день подробныя донесенія о томъ, что дѣлалось у Аварика, и черезъ нихъ же отдавалъ онъ нужныя приказанія. Онъ наблюдалъ за всѣми движеніями нашихъ воиновъ для фуражировки и снабженія хлѣбомъ, и когда они по необходимости расходились далеко, нападалъ на нихъ и наносилъ имъ большой вредъ, хотя наши, стараясь по возможности предупредить это, отправлялись не въ одно время и разными дорогами.

17. Цезарь расположилъ лагеремъ войска съ той стороны города, которая одна представляла къ нему свободный доступъ между рѣкой и болотами, но, какъ мы выше сказали, довольно тѣсный. Тутъ онъ велѣлъ дѣлать насыпь, устроивать осадныя орудія и строить двѣ башни; обвести кругомъ окопъ не дозволяла мѣстность. Насчетъ снабженія продовольствіемъ Цезарь не переставалъ убѣждать Боіевъ и Эдуевъ: послѣдніе не имѣли усердія и потому весьма мало оказывали помощи; первые же имѣли весьма скудныя средства вслѣдствіе слабости и незначительности этого племени, и потому ихъ достало весьма не надолго. Войско наше было въ величайшемъ затрудненіи насчетъ продовольствія вслѣдствіе бѣдности Боіевъ, незаботливости Эдуевъ и сожженія построекъ. Случалось, что воины наши въ теченіи многихъ дней бывали безъ хлѣба и съ трудомъ прокармливались

стадами, пригнанными изъ отдаленныхъ мѣстъ. Несмотря на это, ни разу не слышно было между ними ропота, который омрачилъ бы славу прежнихъ ихъ побѣдъ и былъ бы недостоинъ величія народа римскаго. Даже когда Цезарь, осматривая осадныя работы, подходилъ къ легіонамъ каждому порознь и говорилъ, что онъ сниметъ осаду, если имъ тяжело сносить нужду въ продовольствіи, то всѣ просили Цезаря: «не дѣлать этого; въ теченіи многихъ лѣтъ они подъ его начальствомъ служили вѣрно и не навлекали на себя никакого порицанія, ни разу не отступали они ни отъ какого предпріятія, не приведя его къ концу; теперь же, оставить осаду, значитъ подвергнуть себя неминуемому безславію; скорѣе перенесутъ они всевозможныя нужды и лишенія, чѣмъ откажутся отмстить за согражданъ своихъ, погибшихъ въ Генабѣ жертвою вѣроломства Галловъ». Тоже самое воины передавали военнымъ трибунамъ и сотникамъ, прося ихъ сообщить объ этомъ Цезарю.

18. Когда придвигали уже башни къ стѣнѣ, Цезарь узналъ отъ плѣнныхъ, что Верцингеториксъ, вытравивъ пастбища, придвинулъ свой лагерь ближе къ Аварику, а самъ съ конницею и легко вооруженными пѣшими, пріученными сражаться между всадниковъ, отправился въ засаду на то мѣсто, на которое, по его мнѣнію, должны были придти на слѣдующій день наши воины для фуражировки. Узнавъ объ этомъ, Цезарь, среди ночи въ тишинѣ, отправился въ походъ и рано утромъ пришелъ къ непріятельскому лагерю. Галлы немедленно отъ лазутчиковъ узнали о движеніи Цезаря: тяжести свои и повозки скрыли они въ лѣсную чащу, а войска всѣ выстроили въ боевой порядокъ на открытой и возвышенной мѣстности. Узнавъ объ этомъ, Цезарь немедленно приказалъ воинамъ сложить съ себя тяжести и приготовиться къ бою.

19. Холмъ, на которомъ стояли Галлы, имѣлъ небольшую покатость къ болоту, которое опоясывало его почти со всѣхъ сторонъ, а въ ширину было не болѣе 50 шаговъ: оно было весьма глубоко и непроходимо. На этомъ холмѣ смѣло обнадеженные мѣстностью расположились Галлы, уничтоживъ всѣ мосты по болоту; они стояли рядами каждое племя особо, занявъ всѣ броды и проходы по болоту вѣрными караулами. Галлы намѣревались въ случаѣ, еслибы Римляне вздумали перейдти болото, напасть на нихъ съ возвышеннаго мѣста, когда они будутъ затруднены переходомъ. Кто бы издали посмотрѣлъ, то подумалъ бы, что условія боя для обоихъ войскъ одни и тѣ же; а вникнувъ въ отношенія мѣстности, видно было, что со стороны Галловъ намѣреніе боя было болѣе однимъ пустымъ тщеславіемъ. Воины римскіе негодовали, что непріятель можетъ сносить ихъ видъ

въ столь близкомъ разстояніи, и требовали знака къ сраженію: но Цезарь имъ внушилъ: «что побѣда стоила бы величайшихъ пожертвованій и гибели множества храбрѣйшихъ изъ нихъ. Видя, что воины для его славы не отказываются ни отъ какой опасности, онъ не согласится быть такъ несправедливымъ, чтобы не считать жизнь воиновъ дороже собственной». Такъ утѣшивъ воиновъ, Цезарь въ тотъ же день отвелъ ихъ въ лагерь; а самъ рѣшился употребить въ дѣло остальное, что относилось къ осадѣ города.

20. Между тѣмъ Верцингеториксъ возвратился къ своимъ; онъ былъ ими обвиняемъ въ измѣнѣ за то, что лагерь придвинулъ ближе къ Римлянамъ, что удалился со всею конницею, оставивъ безъ начальника столь значительныя силы, что по его удаленіи Римляне немедленно пришли такъ кстати и съ такою быстротою; все это не могло быть случайно и безъ умысла; Верцингеториксъ предпочитаетъ получить царскую власть надъ Галліею съ согласія Цезаря, чѣмъ благодѣяніемъ ея жителей. На эти обвиненія Верцингеториксъ отвѣчалъ: «если онъ перенесъ лагерь, то по недостатку пастбищъ и вслѣдствіе ихъ же убѣжденій, а что онъ подошелъ ближе къ Римлянамъ, то въ надеждѣ на благопріятную мѣстность, такъ какъ онъ находилъ защиту въ самой ея крѣпости. Что же касается до конницы, то въ ея содѣйствіи по болотистой мѣстности не было надобности, а тамъ куда они отправились, она была необходима. Удаляясь отъ войска, онъ съ умысломъ никому не передалъ главнаго начальства, опасаясь, какъ бы онъ не вынужденъ былъ желаніемъ народа къ битвѣ; а онъ видѣлъ, что всѣ, по малодушію, предпочли бы скорѣе рѣшить дѣло битвою, чѣмъ сносить дальнѣйшіе труды войны такого рода. Что Римляне пришли такъ кстати, это угодно было судьбѣ; а если они призваны какимъ-либо измѣнникомъ, то послѣдній только оказалъ Галламъ великую услугу, давъ имъ возможность и видѣть малочисленность непріятелей съ своей возвышенной позиціи, и насмѣяться надъ ихъ храбростью; ибо они не дерзнули вступить въ сраженіе и постыдно удалились въ лагерь. Желать ему, Верцингеториксу, власти отъ Цезаря, измѣнивъ своимъ соотечественникамъ, было бы безразсудно: она и такъ въ его рукахъ и обезпечена вѣрною для него и всѣхъ Галловъ надеждою побѣды. Онъ сейчасъ готовъ имъ возвратить, ввѣренную ими ему, власть, если имъ кажется, что они болѣе дѣлаютъ ему чести, чѣмъ одолжены ему спасеніемъ. «А чтобы вы поняли, что я говорю это чистосердечно, — заключилъ Верцингеториксъ—выслушайте римскихъ воиновъ». Приведены были рабы, захваченные во время фуражировки, нѣсколько дней тому назадъ, и

измученные голодомъ и тюремнымъ заключеніемъ. Они отвѣчали такъ, какъ научены были ранѣе: «они — воины изъ римскихъ легіоновъ; вынужденные голодомъ и лишеніями всякаго рода, — они тайно ушли изъ лагеря отыскивать въ поляхъ хлѣба или скота; все наше войско находится въ страшной нуждѣ; воины почти изнемогли отъ слабости и не въ состояніи выносить никакой работы; а потому главный вождь рѣшился отступить съ войскомъ, если въ три дня не возьметъ города». Вотъ результатъ трудовъ моихъ, сказалъ Верцингеториксъ, а вы меня же обвиняете въ измѣнѣ; я довелъ побѣдоносное войско Римлянъ, не потерявъ ни капли вашей крови, до того, что оно сдѣлалось жертвою ужаснаго голода; а когда оно вынуждено будетъ къ позорному бѣгству, то, вслѣдствіе принятыхъ мѣръ, ни одно галльское племя не дастъ ему у себя убѣжища.

21. Галлы отвѣчали на это криками и стукомъ оружія, что, по ихъ обыкновенію, означаетъ одобреніе: Верцингеторикса признали превосходнымъ полководцемъ, не сомнѣвались въ его преданности и сознались, что образъ веденія войны, имъ избранный, есть самый лучшій. Положили на общемъ совѣтѣ послать въ городъ десять тысячъ человѣкъ отборнаго изо всѣхъ племенъ войска. Общую безопасность не рѣшились они ввѣрить однимъ Битуригамъ главное потому, что въ случаѣ, еслибы они удержали городъ, то вся честь побѣды принадлежала бы имъ однимъ.

22. Удивительная храбрость нашихъ воиновъ встрѣчала себѣ противудѣйствіе въ разнаго рода мѣрахъ со стороны Галловъ, принятыхъ ими для обороны; народъ этотъ отличается смышленостью и изобрѣтательностью, а болѣе всего способностью подражать тому, чему научился отъ другихъ. Сдѣлавъ изъ веревокъ петли, они ловили ими осадныя косы и, привлекши ихъ къ себѣ, машинами втаскивали внутрь города. Насыпь они портили, подводя мины—въ устройствѣ ихъ всякаго рода они чрезвычайно искусны и опытны, имѣя у себя большіе желѣзные рудники и разные подкопы имъ извѣстны и у нихъ употребительны. Всю стѣну со всѣхъ сторонъ они покрыли башнями, имѣвшими верхи изъ кожъ. Частыми вылазками и днемъ и ночью непріятели частью поджигали террассу, устроиваемую нами къ стѣнѣ, частью нападали на воиновъ въ то время, какъ они были заняты работою. Они постоянно старались равнять свои башни, надстраивая ихъ, вышиною съ нашими башнями, по мѣрѣ того какъ ежедневно возрастала наша иасыпь. Открытымъ траншеямъ они вредили острыми, съ конца обож-

женными, кольями, бросали туда кипящую смолу и огромныя каменья, чѣмъ замедляли работы и препятствовали имъ подвигаться близко къ стѣнамъ.

23. У всѣхъ галльскихъ стѣнъ почти такая наружность: прямыя бревна во всю длину кладутся на землю, въ равномъ, двухъ футовъ одинъ отъ другаго, разстояніи; они связываются поперечными бревнами и одѣваются земляною насыпью; промежутки же съ лица закладываются большими каменьями. Устроивъ такимъ образомъ первый рядъ, на него кладется такой же точно другой, съ соблюденіемъ такого же промежутка, такъ что бревна не соприкасаются между собою, но искусно держатся, съ помощью вложенныхъ въ промежутки камней. Такъ устроивается вся стѣна до такой высоты, какую ей хотятъ дать. Снаружи она красива этимъ разнообразіемъ составнаго матеріала, бревенъ и камней, расположенныхъ правильными рядами. Притомъ такое устройство стѣнъ много придаетъ имъ прочности и крѣпости къ оборонѣ; камень дѣлаетъ пожаръ стѣны невозможнымъ, а дерево притупляетъ силу дѣйствія стѣнобитнаго орудія. Деревянная связь, сорока футовъ въ длину, во многихъ мѣстахъ поперечно скрѣпленная, не можетъ быть ни проломлена, ни растаскана.

24. Несмотря на столько препятствій осаднымъ работамъ и постоянные дожди и холода, также ихъ замедлявшіе, воины наши, преодолѣвъ всѣ затрудненія, въ теченіи двадцати пяти дней вывели насыпь въ ширину 330, а въ вышину 80 футовъ. Уже она почти касалась городской стѣны; Цезарь, по своему обыкновенію, осмотрѣлъ работы и увѣщевалъ воиновъ не пропускать нисколько времени для работы. Вдругъ, немного ранѣе третьей стражи ночи, замѣтили наши, что насыпь дымится; непріятель поджегъ ее съ помощью мины. Въ то же время по всей стѣнѣ раздались военные клики Галловъ, и въ двое воротъ съ обѣихъ сторонъ башенъ они сдѣлали вылазку. Одни со стѣны издалека бросали на террассу зажженные факелы и разнаго рода горючія вещества, а другіе лили смолу и всячески старались усилить дѣйствіе огня. Затруднительно было сообразить, за что нужно было взяться и чему прежде препятствовать. Впрочемъ, такъ какъ по распоряженію Цезаря впереди лагеря постоянно были наготовѣ два легіона, а многіе воины, смѣняясь постоянно, находились при осадныхъ работахъ, то немедленно приняты были мѣры отразить непріятелей, вышедшихъ на вылазку; другіе отводили башни и перерубали террассу, чтобы воспрепятствовать распространенію огня, всѣ же наши, сколько ихъ было въ лагерѣ, устремились гасить огонь.

25. Вездѣ былъ упорный бой, въ которомъ прошла остальная

часть ночи; непріятель не отчаявался въ побѣдѣ; онъ видѣлъ, что верхи башень обгорѣли и онѣ не могли болѣе, бывъ придвинуты, служить убѣжищемъ нашимъ воинамъ; притомъ утомленныхъ безпрестанно смѣняли свѣжіе, и они дрались упорно, надѣясь въ этотъ часъ рѣшить судьбу Галліи. Я самъ видѣлъ особенность, достойную памяти и которую спѣшу здѣсь записать. У воротъ города стоялъ Галлъ, метавшій къ сторонѣ горѣвшихъ башень куски сала и смолы, передаваемые ему изъ рукъ въ руки; съ правой стороны стрѣла скорпіона *) пронзила его и онъ палъ бездыханенъ. Ближайшій къ нему Галлъ переступилъ черезъ него, сталъ на его мѣсто, продолжая дѣлать то же, что̀ онъ; его постигла та же участь; за нимъ сталъ третій, и когда тотъ убитъ былъ,—четвертый, и постъ этотъ не прежде былъ оставленъ защитниками, когда пожаръ былъ потушенъ, непріятели отражены на всѣхъ пунктахъ и бой совершенно прекратился.

26. Истощивъ всѣ средства защиты и видя безуспѣшность ихъ, Галлы на другой день задумали оставить городъ по убѣжденію и приказанію Верцингеторикса. Они надѣялись въ тишинѣ подъ покровомъ ночи, совершить отступленіе безъ большой потери, тѣмъ болѣе, что лагерь Верцингеторикса находился недалеко отъ города и непрерывное болото, тянувшееся по тому направленію, препятствовало бы преслѣдованію со стороны нашей конницы. Уже они готовились привести въ исполненіе свой умыселъ ночью, какъ вдругъ матери семействъ явились на площадь и со слезами пали въ ноги своимъ, умоляя ихъ и заклиная всѣмъ, не предавать ихъ и общихъ ихъ дѣтей на жертву непріятелю; бѣжать же имъ невозможно было по слабости силъ, въ которыхъ отказала имъ самая природа. Видя, что они остаются глухи къ ихъ просьбамъ и что, какъ обыкновенно бываетъ въ такихъ случаяхъ, чувство боязни за себя изгнало чувство жалости, онѣ стали кричать и давать знать Римлянамъ о замыслѣ бѣгства Галловъ. Тогда Галлы, опасаясь, чтобы Римляне не заняли впереди дорогъ конницею, оставили намѣреніе.

27. На слѣдующій день, когда, по распоряженію Цезаря, башня была выдвинута и прочія работы приняли направленіе какого онъ желалъ, то поднялась сильная непогода. Считая ее не безполезною для исполненія замысла и видя, что осажденные не такъ старательно раз-

*) Скорпіонъ — метательная машина древнихъ, получившая названіе отъ ядовитаго насѣкомаго этого имени.

ставили стражей по стѣнамъ, Цезарь приказалъ и своимъ воинамъ показывать менѣе дѣятельности въ работахъ, а между тѣмъ сдѣлалъ наставленіе, какъ они должны были поступить. Незамѣтно, по его приказанію, воины легіоновъ налегкѣ вошли въ траншеи. Цезарь сдѣлалъ имъ увѣщаніе, говоря, что пришло наконецъ время воспользоваться плодомъ столькихъ трудовъ. Онъ обѣщалъ награды тѣмъ изъ воиновъ, которые первые взойдутъ на стѣны, и въ заключеніе подалъ знакъ воинамъ къ приступу. Они вдругъ налетѣли со всѣхъ сторонъ и быстро заняли стѣны.

28. Непріятель, въ ужасѣ отъ такой неожиданности, будучи сброшенъ со стѣны и башенъ, по площадямъ и вообще открытымъ мѣстамъ останавливался толпами, съ тѣмъ чтобы сразиться открытымъ боемъ въ случаѣ, если Римляне съ какой-нибудь стороны нападутъ на нихъ. Видя, что никто изъ нихъ не спускается на ровное мѣсто, но они вездѣ занимаютъ стѣну, Галлы, дабы не отнята у нихъ всякая возможность къ бѣгству, побросали оружіе и дружно пустились бѣжать въ отдаленныя части города. Одни, столпившись у воротъ и по случаю тѣсноты ихъ сами себя давившіе, погибли отъ мечей нашихъ воиновъ; успѣвшіе выйдти изъ воротъ были настигнуты и умерщвлены конницею; никто изъ нашихъ не думалъ о добычѣ. Ожесточенные избіеніемъ Римлянъ въ Генабѣ и перенесенными трудами, наши воины не щадили ни дряхлыхъ старцевъ, ни женщинъ, ни дѣтей. Такимъ образомъ изъ всего числа защитниковъ города, сорока тысячъ, спаслось не болѣе восьми сотъ; они услыхавъ первой крикъ бѣжали изъ города и достигли невредимо Верцингеторикса благополучно. Была уже совершенная ночь, когда они пришли, и Верцингеториксъ велѣлъ принять ихъ безъ тихонько изъ опасенія, какъ бы состраданіе и жалость къ нимъ не произвели въ народѣ какого-либо волненія. Онъ далеко по дорогѣ разставилъ своихъ приближенныхъ и старѣйшинъ разныхъ племенъ, приказавъ имъ, чтобы они бѣглецовъ раздѣлили и каждаго отвели въ часть лагеря, гдѣ находились его соотечественники.

29. На другой день, Верцингеториксъ созвавъ сеймъ утѣшалъ и увѣщевалъ: «слишкомъ не унывать духомъ и не смущаться постигшею ихъ потерею. Не доблестью и не въ сраженіи побѣдили Римляне, но хитростью какою то и знаніемъ осаднаго искусства, въ которомъ они, Галлы, еще не опытны. Ошибаются тѣ, которые стали бы отъ войны ждать однихъ успѣховъ. Что же касается до него, то они сами могутъ быть свидѣтелями, что онъ былъ противъ намѣренія оборонять Аварикъ. А если и случился теперь уронъ, то этому причиною неблагора-

зуміе Битуриговъ и излишняя уступчивость прочихъ Галловъ; впрочемъ потерю эту онъ постарается вскорѣ загладить блестящими успѣхами. Если какія племена галльскія доселѣ были еще въ разномысліи съ ними, теперь они, благодаря его усиліямъ, скоро къ нему присоединятся и образуется общій союзъ всѣхъ Галловъ, противъ единодушія коихъ на всемъ земномъ шарѣ ничто устоять не можетъ; а этого онъ уже почти достигъ. Впрочемъ справедливымъ считаетъ онъ требовать отъ нихъ для общей безопасности заняться укрѣпленіемъ лагерей, чтобы они могли легче выдерживать внезапныя нападенія непріятеля».

30. Рѣчь эта произвела на Галловъ благопріятное впечатлѣніе; особенно имъ понравилось, что послѣ такого урона Верцингеториксъ не прятался отъ народа и не боялся ему показаться. Напротивъ Галлы получили еще болѣе уваженія къ благоразумію и предусмотрительности Верцингеторикса, подавшаго совѣтъ въ то время, когда Аварикъ былъ цѣлъ, сперва его сжечь, а потомъ его оставить. Такимъ образомъ потери, обыкновенно служащія къ уменьшенію вліянія полководца на его воиновъ, въ этомъ случаѣ имѣли совершенно противоположное дѣйствіе: вліяніе Верцингеторикса на Галловъ послѣ понесенной имъ потери росло съ каждымъ днемъ; они льстились поданною имъ надеждою, что и прочія племена Галліи присоединятся къ нимъ. Съ этого времени Галлы начали укрѣплять свои лагери и до того они были воодушевлены, что, несмотря на трудъ для нихъ непривычный, они въ полной готовности и совершенномъ послушаніи исполняли все, что имъ было приказано.

31. И не менѣе, какъ обѣщался, хлопоталъ Верцингеториксъ присоединить къ себѣ прочія племена Галліи; онъ старался ихъ старѣйшинъ прельстить подарками и обѣщаніями, а для этой цѣли онъ употреблялъ людей ловкихъ, умѣвшихъ и говорить краснорѣчиво, и вкрадываться въ дружбу. Ушедшихъ изъ Аварика, Верцингеториксъ одѣлъ и вооружилъ, а для пополненія убыли въ войскахъ предписалъ подвластнымъ ему племенамъ выставить къ назначенному сроку извѣстное число воиновъ; всѣхъ стрѣлковъ, коими Галлія весьма обильна, онъ велѣлъ собрать и къ себѣ прислать; такими мѣрами уронъ, понесенный въ Аварикѣ, скоро былъ пополненъ. Между тѣмъ Тевтоматъ, сынъ Олловикона, царь Нитіобриговъ, отецъ котораго получилъ отъ нашего сената названіе друга, привелъ къ Верцингеториксу многочисленную конницу, набранную имъ въ Аквитаніи.

32. Цезарь долгое время пробылъ въ Аварикѣ; нашедъ здѣсь огромные запасы хлѣба и прочихъ припасовъ, онъ давалъ войску отдохнуть и опомниться отъ перенесенныхъ имъ трудовъ и лишеній.

Зима уже почти кончилась, подходило время благопріятное для веденія военныхъ дѣйствій; Цезарь намѣревался отыскивать непріятеля и попытаться выманить его изъ лѣсовъ и болотъ или обложить его тамъ осадою. Въ это время прибыли къ нему послы Эдуевъ съ просьбою: «употребить свое посредство въ крайне нужномъ случаѣ. Внутренія дѣла ихъ находятся въ весьма опасномъ положеніи. Издревле ежегодно избирается у нихъ лицо, которое облекается на годъ царскою властью. Нынѣ же такихъ сановниковъ у нихъ два, и каждый убѣжденъ, что онъ-то и выбранъ по закону. Одинъ Конвиктолитанъ, достойный молодой человѣкъ знатнаго рода; другой — Котъ, весьма древняго происхожденія, съ большимъ вѣсомъ и огромною партіею; въ прошломъ году братъ его Валетіакъ отправлялъ эту должность. Всѣ граждане подъ оружіемъ, раздоръ господствуетъ и въ сенатѣ и въ народѣ; все раздѣлилось на двѣ враждебныя партіи. Если такой порядокъ вещей продлится, то неминуемо угрожаетъ междуусобная война; желая это предупредить, прибѣгаютъ они къ благоразумію и распорядительности Цезаря.»

33. Цезарь зналъ, какъ невыгодно оставить войну и уйдти отъ непріятеля при такихъ обстоятельствахъ; но, принимая въ соображеніе, какія дурныя послѣдствія могутъ быть отъ этихъ несогласій, и опасаясь, какъ бы племя Эдуевъ, столь сильное, вѣрное въ союзѣ римскому народу и всегда пользовавшееся его, Цезаря, особеннымъ расположеніемъ, и милостями всякого рода, не сдѣлалось жертвою домашнихъ насильствъ и несогласій и какъ бы партія, менѣе расчитывающая на поддержку съ его стороны, не призвала на помощь Верцингеторикса—рѣшился немедленно заняться этимъ дѣломъ. Такъ какъ по закону Эдуевъ ихъ верховные сановники не должны переходить за предѣлы своей области, то Цезарь, не желая ни въ чемъ коснуться ихъ древнихъ правъ и обычаевъ, рѣшился самъ ѣхать въ землю Эдуевъ и пригласилъ ихъ сенатъ и обоихъ соперниковъ въ Децетію. Туда собрался почти весь народъ; тайно развѣдалъ Цезарь, что Котъ избранъ братомъ не въ томъ мѣстѣ и не такимъ образомъ, какъ надлежало; а такъ какъ законъ Эдуевъ запрещаетъ двумъ братьямъ при жизни одинъ другаго не только отправлять эту должность, но даже и засѣдать вмѣстѣ въ сенатѣ, то Цезарь принудилъ Кота отказаться отъ власти, а Конвиктолитана, избраннаго по закону жрецами въ присутствіи старѣйшинъ народа, утвердилъ въ должности.

34. Сдѣлавъ такое опредѣленіе, Цезарь увѣщавалъ Эдуевъ покончить ихъ раздоры и несогласія и обратить все вниманіе на веденіе

настоящей войны, по окончаніи коей и по усмиреніи всей Галліи, они получатъ заслуженную ими награду. Онъ назначилъ имъ какъ можно въ скорѣйшемъ времени прислать къ нему всю конницу и десять тысячъ пѣшихъ, которыхъ онъ намѣренъ употребить для прикрытія своему войску сообщеній относительно продовольствія. Войско онъ раздѣлилъ на двѣ части: четыре легіона онъ отдалъ Лабіену вести въ землю Сеноновъ Паризіевъ, а самъ повелъ шесть легіоновъ въ земли Арверновъ къ городу Герговіи, слѣдуя теченію рѣки Элавера; часть конницы Цезарь далъ Лабіену, часть при себѣ оставилъ. Узнавъ объ этомъ, Верцингеториксъ, уничтоживъ всѣ мосты по Элаверу, слѣдовалъ за Цезаремъ вдоль другаго берега.

35. Оба войска постоянно почти находились въ виду одно у другаго и лагеремъ располагались напротивъ другъ друга. Непріятельскіе разъѣзды не дозволяли нигдѣ Римлянамъ навесть мостъ и перевесть войска. Это обстоятельство ставило Цезаря въ большое затрудненіе: надобно было бы дожидаться за рѣкою большую часть лѣта, такъ какъ Элаверъ дѣлается доступенъ въ бродъ не ранѣе осени. Во избѣжаніе этого Цезарь расположился лагеремъ въ лѣсистомъ мѣстѣ, насупротивъ одного изъ мостовъ, разобранныхъ по приказанію Верцингеторикса; на другой день онъ тамъ тайно остался съ двумя легіонами, а прочія войска со всѣми обозами, какъ обыкновенно, отправилъ, взявъ нѣсколько когортъ для того, чтобы число легіоновъ казалось все тоже. Онъ приказалъ этому войску отойдти какъ можно подалѣе, и когда день уже былъ на исходѣ и войско по разсчету Цезаря долженствовало стать лагеремъ, Цезарь приказалъ устроить мостъ съ помощью прежнихъ свай, которыхъ нижняя часть была еще видна. Скоро мостъ былъ готовъ, легіоны перешли и Цезарь, избравъ удобное мѣсто для лагеря, воротилъ къ себѣ и остальныя войска. Верцингеториксъ, узнавъ объ этомъ и не желая быть вынужденнымъ противъ воли принять сраженіе, длинными переходами ушелъ впередъ.

36. Цезарь съ этого мѣста въ пять переходовъ достигъ Герговіи. Тутъ въ тотъ же день произошла незначительная схватка конницы. Цезарь, осмотрѣвъ мѣстность города, расположеннаго на весьма высокой горѣ, доступъ на которую былъ со всѣхъ сторонъ весьма затруднителенъ, убѣдился въ невозможности взять его приступомъ; а къ облежанію приступить рѣшился онъ не прежде, какъ обезпечивъ продовольствіе для войска. Верцингеториксъ расположился лагеремъ подлѣ города по горѣ; войска каждаго племени стояли порознь отдѣленныя одно отъ другаго небольшими промежутками. Возвышенія горнаго хребта, насколько ихъ

видно было, покрыты были непріятелями: видъ былъ способный внушить ужасъ. Старѣйшины изъ каждаго племени, избранные Верцингеториксомъ для участія въ военныхъ совѣтахъ, должны были являться къ нему каждый день на разсвѣтѣ для донесеній о случившемся и принятія приказаній. Ни одинъ день не проходилъ безъ того, чтобы не происходило по приказанію Верцингеторикса нападенія со стороны Галловъ конницы, перемѣшанной съ стрѣлками; этими постоянными стычками онъ хотѣлъ испытать мужество и присутствіе духа своихъ воиновъ. Противъ города, у самой подошвы горы, находился холмъ, со всѣхъ сторонъ отдѣленный и представлявшій весьма крѣпкій пунктъ. Занятіемъ его наши казалось могли бы сильно препятствовать непріятелю въ снабженіи себя водою и въ свободномъ пользованіи пастбищами, а между тѣмъ онъ занятъ былъ не слишкомъ сильнымъ отрядомъ. Впрочемъ Цезарь въ тишинѣ ночи вышелъ изъ лагеря, выбилъ непріятеля и овладѣлъ этимъ мѣстомъ, прежде чѣмъ могли ему подать пособіе изъ города; тутъ оставилъ онъ два легіона и отъ меньшаго лагеря къ большому провелъ двойной ровъ въ двѣнадцать футовъ ширины, представлявшій во всякое время безопасное сообщеніе даже для одного воина, на случай внезапнаго нападенія непріятеля.

37. Между тѣмъ какъ это происходитъ у Герговіи, Эдуй Конвиктолитанъ, которому, какъ мы выше говорили, Цезарь присудилъ царскую власть надъ Эдуями, обольщенъ былъ деньгами со стороны Арверновъ и вступилъ въ заговоръ съ нѣсколькими молодыми людьми, первое мѣсто между которыми занимали Литавикъ и его братья, принадлежавшіе къ самому знатнѣйшему семейству. Съ ними дѣлитъ Конвиктолитанъ вознагражденіе и убѣждаетъ: «не забывать, что они родились вольными и на то, чтобы повелѣвать. Племя Эдуевъ въ настоящее время одно замедляетъ вѣрную побѣду Галловъ; ихъ вліяніе удерживаетъ остальныхъ. Если же Эдуи возстанутъ, то Римлянамъ невозможно будетъ держаться въ Галліи. Хотя Цезарь и оказалъ ему нѣкоторымъ образомъ благодѣяніе, но въ такомъ дѣлѣ, гдѣ вся правда и такъ была на сторонѣ его. Впрочемъ дѣло общей свободы для него всего дороже. Да и почему Эдуи въ своихъ правахъ и законахъ отдаются на судъ Цезарю? Почему же Римляне не приходятъ къ нимъ за тѣмъ же?» Не трудно было молодежи увлечься и примѣромъ начальника и соблазномъ денежной награды; они даже взяли на себя приведеніе въ исполненіе этого умысла. Нужно было только найдти предлогъ къ возстанію; они не надѣялись легкомысленно увлечь въ войну большинство народа. Опредѣлено ввѣрить Литовику начальство надъ тѣми десятью тысячами человѣкъ, которыхъ назначено послать къ Цезарю на войну,

и поручить ему вести ихъ; а братья Литавика должны были впередъ ѣхать къ Цезарю. Дальнѣйшій образъ дѣйствія также назначенъ.

38. Литавикъ, получивъ войско и находясь уже отъ Герговіи не болѣе какъ въ 30 миляхъ, созвалъ вдругъ воиновъ и со слезами на глазахъ сталъ имъ говорить: «Куда мы идемъ, товарищи? Вся наша конница, всѣ лучшіе роды погибли; старѣйшины племени нашего, Епоредориксъ и Виридомаръ, обвиненные въ измѣнѣ, умерщвлены Римлянами, не бывъ выслушаны. Это узнать вы можете отъ тѣхъ, которые бѣжали изъ самого побоища; а я, у котораго убиты братья и всѣ родные, отъ горя не могу вамъ передать того, что случилось». Выведены были люди, которые научены были, что имъ отвѣчать; они подтвердили войску все то, что сказалъ Литовикъ: «всѣ всадники эдуйскіе умерщвлены за то, что будто бы они имѣли переговоры съ Арвернами; они же скрылись въ многолюдствѣ воиновъ и такимъ образомъ спаслись отъ вѣрной смерти». Эдуи выразили криками свое негодованіе, умоляя Литавика принять мѣры къ ихъ общей безопасности: «нужно ли еще дальнѣйшее размышленіе?— сказалъ Литавикъ—намъ слѣдуетъ идти къ Герговіи и соединиться съ Арвернами. Усумнимся ли мы, что Римляне, разъ рѣшившись на столь великое злодѣяніе, не устремятся и на нашу гибель? Итакъ, если еще есть въ насъ остатокъ мужества, то отомстимъ за смерть соотечественниковъ нашихъ, погибшихъ предательскимъ образомъ, и умертвимъ этихъ разбойниковъ». Тутъ онъ указалъ на гражданъ римскихъ, находившихся, въ надеждѣ на вѣрность Эдуевъ, при ихъ войскѣ. Немедленно преданъ разграбленію значительный обозъ хлѣба и прочихъ припасовъ; Римляне, при немъ находившіеся, погибли въ жестокихъ мученіяхъ. Онъ разослалъ гонцовъ по всей области Эдуевъ съ извѣстіемъ о мнимомъ избіеніи всадниковъ и старѣйшинъ, убѣждая всѣхъ послѣдовать его примѣру и устремиться на отмщеніе за кровавую обиду.

39. Въ числѣ эдуйскихъ всадниковъ, находились двое молодыхъ людей, нарочно вызванные Цезаремъ: Эпоредориксъ, знаменитый родомъ, сильный вліяніемъ на соотечественниковъ, и Виридомаръ, равный по значенію первому, но уступавшій ему относительно знатности рода; Цезарь его, переданнаго ему Дивитіакомъ, изъ незначительнаго положенія сдѣлалъ однимъ изъ первыхъ лицъ между Эдуями. У Виридомара съ Эпоредориксомъ было постоянное соперничество о первенствѣ: въ междуусобіи за первую должность у Эдуевъ одинъ всѣми силами поддерживалъ Конвиктолитана, а другой — Кота. Эпоредориксъ, узнавъ о замыслѣ Литавика, почти въ полночь явился къ Це-

зарю съ донесеніемъ, умоляя его «не допускать, чтобы цѣлое племя, вслѣдствіе интригъ молодежи, отпало отъ союза съ народомъ римскимъ; а это непремѣнно случится, если столько тысячъ Эдуевъ присоединится къ непріятелю; потерю ихъ и родные ихъ не перенесутъ, да и для всего племени она будетъ весьма чувствительна».

40. Цезарь былъ крайне озабоченъ этимъ извѣстіемъ, тѣмъ болѣе, что племя Эдуевъ постоянно пользовалось особеннымъ его расположеніемъ. Немедля нисколько выводитъ онъ изъ лагеря четыре легіона налегкѣ (безъ тяжестей) и всю конницу; понимая необходимость поспѣшности, онъ не далъ даже времени снять палатки; для защиты лагерей оставилъ онъ легата К. Фабія съ двумя легіонами, а братьевъ Литавика велѣлъ схватить, но узналъ, что они незадолго передъ тѣмъ уже успѣли перейдти къ непріятелю. Сдѣлавъ увѣщаніе воинамъ: «въ теченіи предстоящаго пути не щадить трудовъ», при величайшей готовности ихъ исполнять его приказанія, Цезарь сдѣлалъ 25 миль. Тутъ увидѣли войско Эдуевъ; Цезарь приказалъ конницѣ окружить ихъ и преградить имъ путь, но строго запретилъ убивать кого либо. Эпоредориксу же и Виридомару Цезарь велѣлъ показаться въ первыхъ рядахъ всадниковъ и переговорить съ ихъ соотечественниками, которые считали ихъ убитыми. Узнавъ ихъ и убѣдясь такимъ образомъ въ обманѣ Литавика, Эдуи протягивали къ намъ руки въ знакъ покорности и, бросивъ оружіе, молили только даровать имъ жизнь, а Литавикъ бѣжалъ въ Герговію съ своими приближенными, которые, по обычаю Галловъ, не могутъ оставить своего покровителя, въ какомъ бы онъ ни былъ отчаянномъ положеніи.

41. Цезарь отправилъ къ Эдуямъ гонцовъ, давая имъ знать, что онъ, по своему снисхожденію, даруетъ жизнь ихъ соотечественникамъ, которыхъ по праву войны онъ могъ бы убить. Давъ три часа ночи на отдохновеніе войску, Цезарь двинулся назадъ къ Гергові. Почти на половинѣ дороги встрѣтилъ онъ всадниковъ, посланныхъ къ нему Фабіемъ, съ извѣстіемъ о его весьма опасномъ положеніи. Непріятель въ превосходныхъ силахъ напалъ на нашъ лагерь, смѣняя постоянно утомленныхъ людей свѣжими, тогда какъ наши изнемогали отъ постояннаго труда и при обширности лагерей должны были оставаться постоянно на тѣхъ же мѣстахъ вала. Непріятель переранилъ у насъ много людей, бросая огромное количество стрѣлъ и разныхъ метательныхъ снарядовъ. Ихъ выдержать весьма полезны были метательныя орудія. По уходѣ непріятеля, Фабій оставилъ только двое воротъ, а прочія завалилъ, прибавилъ къ валу парапетъ и готовился на слѣ-

дующій день выдержать новый приступъ. Узнавъ объ этомъ, Цезарь, благодаря усердію воиновъ, поспѣлъ въ лагери прежде восхода солнца.

42. Между тѣмъ какъ это происходило у Герговіи, Эдуи, получивъ первыя извѣстія отъ Литавика, не оставили себѣ нисколько времени для разслѣдованія. Одни побуждаемы были корыстолюбіемъ, другіе раздражительностію и опрометчивостью, столь свойственными характеру здѣшнихъ жителей, готовыхъ пустой слухъ считать за дѣло доказанное. Имущества гражданъ римскихъ преданы разграбленію, а они сами или умерщвлены, или увлечены въ рабство. Конвиктолитанъ поддерживалъ такое расположеніе умовъ народа, стараясь раздражить его болѣе и важностью совершенныхъ злодѣяній сдѣлать возвратъ къ умѣренности невозможнымъ. М. Аристій, трибунъ военный, ѣхалъ къ легіону и остановился въ городѣ Кабиллонѣ; Эдуи дали ему клятву, что не тронутъ его, и тѣмъ выманили его изъ города, а равно и множество купцовъ, собравшихся туда для торговли. Дорогою они напали на нихъ и отняли всѣ ихъ вещи, а самихъ и день и ночь держали въ тѣсной осадѣ. Много пало съ обѣихъ сторонъ, но число Эдуевъ, бравшихся за оружіе, постоянно росло.

43. Когда же пришло къ Эдуямъ извѣстіе, что всѣ ихъ воины во власти Цезаря, то они прибѣгли къ Аристію, доказывая ему, что все, что произошло, случилось безъ согласія народа, назначили слѣдствіе насчетъ разграбленнаго имущества, а Литавика и братьевъ его имѣніе взяли въ общественную казну; къ Цезарю отправлены послы для принесенія ихъ оправданій. Это было сдѣлано ими для возвращенія своихъ согражданъ; но, опозоривъ себя злодѣйствами, прельщенные доставшеюся имъ частью добычи, разошедшейся по многимъ рукамъ, опасаясь возмездія за все это, они тайно составили замыслъ войны, и посольствами склоняли къ ней и прочія племена. Цезарь, хотя и понималъ все это; тѣмъ не менѣе онъ принялъ эдуйскихъ пословъ самымъ ласковымъ образомъ: «снисходя къ невѣдѣнію и легкомыслію народа, онъ не намѣренъ употребить противъ него строгихъ мѣръ и лишить Эдуевъ своей благосклонности». А самъ, ожидая бо́льшаго возстанія Галліи, и не желая быть окруженнымъ всѣми ея племенами, придумывалъ средство, какъ бы отойдти отъ Герговіи и все войско собрать въ одно мѣсто такъ, чтобы отступленіе, сдѣлавшееся необходимымъ вслѣдствіе опасенія измѣны, не показалось бы бѣгствомъ.

44. Пока Цезарь обдумывалъ это, ему казалось представился случай къ удачу военному дѣлу. Прибывъ для осмотра работъ въ меньшемъ лагерѣ, Цезарь примѣтилъ, что тотъ самый холмъ, который въ прежніе дни едва видѣнъ былъ за множествомъ непріятелей, почти со-

вершенно былъ обнаженъ отъ людей. Удивившись этому, Цезарь спросилъ о причинѣ перебѣжчиковъ, стекавшихся къ нему ежедневно въ большомъ числѣ. Всѣ подтвердили то, что уже извѣстно было Цезарю чрезъ лазутчиковъ, а именно, что это гористое возвышеніе на вершинѣ представляетъ почти ровное лѣсистое мѣсто, довольно узкое, представляющее доступъ къ другой части города. За этотъ пунктъ крайне опасались непріятели; они очень хорошо знали, что, потерявъ уже одинъ холмъ, если и другой достанется Римлянамъ, то они будутъ какъ бы въ осадѣ и имъ невозможно будетъ ни выходить, ни пользоваться пастбищами; для укрѣпленія этого мѣста всѣ вызваны Верцингеториксомъ.

45. Узнавъ объ этомъ, Цезарь среди ночи посылаетъ туда весьма многіе отряды конницы; онъ имъ приказываетъ, чтобы они, по всѣмъ мѣстамъ, производили какъ можно болѣе шуму. На разсвѣтѣ онъ отдалъ приказаніе вынесть изъ лагерей большую часть тяжестей, а погоньщикамъ, давъ имъ шлемы, велѣлъ ѣздить вокругъ холмовъ, давъ имъ видъ и наружность конницы; съ ними было и нѣсколько всадниковъ, и они на показъ заходили и подальше. Длиннымъ обходомъ онъ всѣхъ ихъ направляетъ къ одному мѣсту. Все это было видно далеко изъ города, откуда по его возвышенному положенію открывался видъ на лагерь; но на такомъ дальномъ разстояніи хорошенько понять, въ чемъ дѣло, невозможно было. Одинъ легіонъ послалъ онъ къ тому же холму и, давъ ему немного пройдти, скрылъ его въ низменномъ мѣстѣ, среди лѣсовъ. У Галловъ увеличилось подозрѣніе и они сосредоточили туда для укрѣпленія всѣ войска. Цезарь, видя, что лагери непріятелей опустѣли, приказалъ своимъ воинамъ понемногу, прикрывъ военные значки и скрывая по возможности ихъ передвиженіе, какъ бы оно не было замѣчено изъ города, переходить изъ большаго лагеря въ меньшій; легатамъ же, командовавшимъ отдѣльными легіонами, предписалъ образъ дѣйствія. Онъ внушаетъ имъ, главное, воздерживать воиновъ, дабы ихъ рвеніе къ битвѣ или жадность къ добычѣ не увлекли дальше, чѣмъ бы слѣдовало, обращаетъ ихъ вниманіе на неблагопріятныя условія мѣстности, чему помочь можно только быстротою; все дѣло въ случаѣ, а не въ напряженіи силъ. Изложивъ все это, Цезарь даетъ знакъ, а съ правой стороны по другому всходу въ то же время посылаетъ Эдуевъ.

46. Стѣна города, отъ равнины и начала всхода, по прямому направленію, не принимая въ разсчетъ неровностей почвы, была не болѣе, какъ въ тысячѣ двухъ стахъ шагахъ. Извилины же дороги, содѣйствовавшія къ смягченію крутизны холма, увеличивали это разстоя-

ніе. Почти на половинѣ холма, какъ позволяла мѣстность, проведена была въ длину Галлами каменная стѣна изъ огромныхъ камней, въ 6 футовъ вышины, съ цѣлью задержать натискъ нашихъ. Нижняя часть холма была совершенно пуста, но верхняя, до самихъ стѣнъ города, покрыта была сплошными непріятельскими лагерями. По данному знаку, воины наши быстро достигаютъ до укрѣпленія и овладѣваютъ тройнымъ лагеремъ. Такова была быстрота, съ какою захвачены лагери, что Тевтоматъ, царь Нитіобриговъ, захваченный врасплохъ въ палаткѣ, когда онъ расположился на послѣобѣденный отдыхъ, едва ушелъ отъ рукъ нашихъ воиновъ, разсѣявшихся по лагерю для грабежа, полунагой сверху до пояса, на раненомъ конѣ.

47. Достигнувъ того что предположилъ въ умѣ, Цезарь велѣлъ играть отбой, а значкамъ десятаго легіона, который въ то время его сопровождалъ, приказалъ остановиться. Воины прочихъ легіоновъ не слыхали звука трубы, такъ какъ ихъ отдѣляла довольно большая равнина, но удерживаемы были военными трубинами и легатами, по приказанію Цезаря. Обнадеженные быстрою побѣдою, бѣгствомъ непріятелей и счастливыми сраженіями прежнихъ дней, воины не считали никакого предпріятія выше силъ своихъ и доблести; не прежде они остановились въ преслѣдованіи, какъ приблизясь къ стѣнѣ и воротамъ города. Тутъ то изо всѣхъ частей города поднялись крики испуга; жители, находившіеся подалѣе, пораженные внезапнымъ страхомъ, полагая, что Римляне уже въ стѣнахъ, устремились изъ города. Матери семействъ метали съ стѣнъ одежды и серебро; обнаживъ груди, они протягивали руки къ Римлянамъ, съ мольбою о пощадѣ; онѣ боялись участи жителей Аварика, гдѣ не пощажены были смертью ни женщины ни дѣти; нѣкоторыя, на рукахъ бывъ спущены со стѣны, отдавались нашимъ воинамъ. Л. Фабій, сотникъ восьмаго легіона, говорившій, какъ послѣ узнали, въ этотъ день своимъ, что его соблазняетъ добыча, ожидающая его въ Аварикѣ, и что онъ не допуститъ кому либо первому, кромѣ него, взойдти на стѣну, съ помощью трехъ солдатъ, ими поднятый, взобрался на стѣну и, подавая оттуда руку, втащилъ и ихъ каждаго порознь за собою.

48. Между тѣмъ тѣ, которые собрались у другой части города, какъ мы писали выше, для укрѣпленія, услыхавъ первые крики, а затѣмъ и побуждаемые частыми гонцами, съ извѣстіемъ, что городъ въ рукахъ Римлянъ, пославъ впередъ всадниковъ, устремились туда всею массою: приходившіе становились подъ стѣною и ежечасно увеличивали число нашихъ враговъ. Видя множество своихъ, матери семействъ, еще столь не давно протягивавшія со стѣны руки къ Римлянамъ, рас-

пустивъ волосы по гальскому обычаю, умоляли своихъ, выноси къ нимъ дѣтей, о защитѣ. Бой для Римлянъ былъ неровный и мѣстностью и числомъ; утомленные быстротою движенія и продолжительностью битвы, съ трудомъ выдерживали они нападеніе свѣжихъ и не тронутыхъ силъ непріятельскихъ.

49. Цезарь, видя, что бой невыгоденъ по мѣстности, и что силы непріятельскія все прибавляются, сталъ опасаться за своихъ. Онъ немедленно послалъ приказаніе къ легату Т. Секстію, оставленному для защиты меньшаго лагеря, вывести тотчасъ когорты изъ лагеря и поставить ихъ у подошвы холма съ правой стороны непріятеля, для того, чтобы, если увидитъ нашихъ сбитыхъ съ позиціи, наводилъ бы страхъ, чтобы непріятель не такъ свободно ихъ преслѣдовалъ, а самъ, немного выступивъ впередъ съ легіономъ съ того мѣста, гдѣ было остановился, дожидался исхода битвы.

50. Битва была рукопашная и упорная: непріятель полагался на выгоду мѣстности и превосходство въ числѣ, а наши на свое мужество. Вдругъ съ нашего неприкрытаго фланга показались Эдуи, посланные Цезаремъ съ правой стороны, по другой дорогѣ, для развлеченія силъ непріятельскихъ; сходствомъ оружія они привели было нашихъ въ сильный ужасъ. Хотя у нихъ правое плечо было обнажено—признакъ покорныхъ намъ племенъ, но воины наши считали это умышленнымъ дѣйствіемъ непріятеля для ихъ обмана. Въ это время сотникъ Л. Фабій и тѣ, которые вмѣстѣ съ нимъ взошли на стѣну, были окружены врагами, умерщвлены и тѣла ихъ сброшены. М. Петрей, сотникъ того же легіона, старался проломить ворота, но, окруженный и стѣсненный многочисленнымъ непріятелемъ, отчаявшись за себя, — онъ уже получилъ нѣсколько ранъ — обратился къ воинамъ своей сотни, которые за нимъ слѣдовали, и сказалъ имъ: «и вамъ и мнѣ вмѣстѣ невозможно спастись, и такъ я обезпечу вамъ безопасность, вамъ которыхъ ввела въ опасность моя жажда къ славѣ. А вы, пользуясь случаемъ, думайте о себѣ!» Тутъ онъ бросился въ средину враговъ, убилъ двухъ и прочихъ нѣсколько оттѣснилъ отъ воротъ. Когда воины хотѣли подать ему помощь, то онъ имъ сказалъ: «вотще вамъ было бы заботиться о жизни моей,—человѣка, которому уже измѣняютъ кровь и силы. Уходите отсюда, пока есть возможность, и спѣшите къ своему легіону». Сражаясь, онъ вскорѣ погибъ, но своимъ доставилъ возможность спастись.

51. Наши, тѣснимые со всѣхъ сторонъ, потерявъ 46 сотниковъ, сброшены съ занятой было ими позиціи; жаркое преслѣдованіе Галловъ остановилъ десятый легіонъ, расположенный для вспоможенія

на мѣстѣ, болѣе ровномъ; а его подкрѣпили когорты тринадцатаго легіона, Т. Секстіемъ, легатомъ, выведенныя изъ меньшаго лагеря и занявшія болѣе возвышенное мѣсто. Легіоны, какъ только достигли ровнаго мѣста, остановились и обернули значки къ непріятелю. Верцингеториксъ отъ подошвы холма воротилъ своихъ въ укрѣпленія; въ этотъ день мы лишились немного менѣе 700 человѣкъ воиновъ.

52. На слѣдующій день Цезарь, созвавъ собраніе воиновъ, упрекалъ ихъ за самонадѣянность и алчность: «они сами себѣ предписывали, какъ идти далеко и какъ дѣйствовать; слыша сигналъ военачальника, не остановились и не могли быть удержаны ни трибунами военными, ни легатами. Имъ внушено было, что значитъ неблагопріятная мѣстность, что испыталъ и онъ самъ (Цезарь) у Аварика, гдѣ хотя непріятель и былъ захваченъ безъ вождя и конницы, однако онъ (Цезарь) упустилъ вѣрную побѣду для того, чтобы въ борьбѣ не понесть и малаго урона вслѣдствіе невыгодной мѣстности. Отдавая должную дань похвалы и удивленія мужеству тѣхъ, которыхъ не могли остановить ни укрѣпленія лагеря, ни вышина горы, ни стѣны города, однако не можетъ не упрекнуть ихъ своевольства и дерзости, что они сочли себя въ правѣ лучше его, главнаго начальника, судить и о побѣдѣ и о ходѣ событій. Въ воинѣ послушаніе, умѣренность и скромность для него столько же дороги, сколько храбрость и присутствіе духа».

53. Въ заключеніе рѣчи, Цесарь счелъ нужнымь ободрить воиновъ, «дабы они не смущались духомъ о томъ, что случилось, и уронъ, который потерпѣли отъ неблагопріятной мѣстности, не приписывали доблести непріятелей». Исполняя давно задуманный планъ отступленія, Цезарь вывелъ войска изъ лагеря и въ удобномъ мѣстѣ выстроилъ ихъ въ боевомъ порядкѣ. Верцингеториксъ однако не рѣшился спуститься въ равнину и, ограничившись схваткою конницы, кончившеюся благопріятно, Цезарь отвелъ войско въ лагерь. Также онъ поступилъ и на другой день, полагая, что онъ достигъ цѣли, т. е. убавилъ самонадѣянности у Галловъ и ободрилъ мужество своихъ воиновъ, двинулся въ область Эдуевъ. Непріятель и тутъ не преслѣдовалъ его; на третій день Цезарь на рѣкѣ Элаверѣ исправилъ мостъ и перевелъ войско.

54. Тутъ Цезарь узналъ отъ пришедшихъ къ нему Эдуевъ, Виридомара и Эпоредорикса, что Литавикъ со всею конницею отправился склонять Эдуевъ къ возстанію; и имъ необходимо ѣхать впередъ разувѣрить своихъ соотечественниковъ. Цезарь, хотя изъ многихъ обстоятельствъ ясно видѣлъ коварство Эдуевъ и догадывался, что удаленіе

Виридомара и Эпоредорикса только ускорить отпаденіе ихъ племени. впрочемъ не счелъ нужнымъ ихъ удерживать, не желая ни оскорбить ихъ явнымъ подозрѣніемъ, ни обнаружить передъ ними робость. Когда они удалялись, то Цезарь вкратцѣ изложилъ свои къ Эдуямъ благодѣянія: «въ состояніи униженія были они при его пріѣздѣ въ Галлію; лишенные большей части земель и пожитковъ, они были стѣснены въ города, вынуждены платить дань и съ величайшимъ позоромъ исторгнуты были у нихъ заложники. Теперь же они поставлены на такую степень могущества и славы, что нетолько получили все, что потеряли, но и далеко превзошли все, чего только могли ожидать сравнительно съ прежнимъ». Внушивъ имъ это все, Цезарь отпустилъ ихъ отъ себя.

55. Городъ Эдуевъ, Новіодунъ *), лежитъ на берегу Лигера, въ мѣстности весьма выгодной; здѣсь Цезарь собралъ всѣхъ Галльскихъ заложниковъ, большіе запасы хлѣба, общественную казну, значительную часть собственнаго и войсковаго обоза: туда же отправилъ онъ большое количество лошадей, закупленныхъ для этой войны въ Италіи и Испаніи. Прибывъ туда, Эпоредориксъ и Виридомаръ распрашивали о состояніи общественныхъ дѣлъ и узнали, что Эдуи впустили Литавика въ Бибрактъ **), одинъ изъ важнѣйшихъ у нихъ городовъ, что къ нему туда прибыли сановникъ Конвиктолитанъ и большая часть сенаторовъ, и что съ общаго согласія уже отправлены къ Верцингеториксу послы съ предложеніемъ мира и дружественнаго союза. При такомъ положеніи дѣлъ, они и сами хотѣли воспользоваться благопріятными обстоятельствами. Избивъ Новіодунскій гарнизонъ и всѣхъ Римлянъ, бывшихъ тамъ проѣздомъ или для торговли, они деньги и лошадей подѣлили межъ себя, заложниковъ Галльскихъ племенъ отправили въ Бибрактъ къ старѣйшинамъ, а городъ, находясь въ невозможности защищать и не желая, чтобы онъ достался Римлянамъ, предали пламени. Хлѣба, сколько могли наскоро захватить съ собою, увезли на лодкахъ, а остальной побросали въ рѣку или сожгли. Сами они набирали войско по сосѣднимъ мѣстамъ, разставили отряды и караулы по берегамъ рѣки Лигера и повсюду показывались съ конницею, желая вселить робость въ Римлянахъ, замышляя отрѣзать имъ подвозы съѣстныхъ припасовъ и нуждою изгнать ихъ изъ Галліи. Въ этой надеждѣ много ихъ поддерживало то, что Лигеръ очень наполнился водою отъ таянія снѣгу дотого, что повидимому вбродъ его вовсе невозможно было перейдти.

---

*) Нынѣ Неверъ (Nevers).

**) Нынѣ Отюнъ (Autun).

56. Узнавъ объ этомъ, Цезарь видѣлъ необходимость поспѣшности: нужно было стараться во что бы то ни стало навесть мосты и принудить непріятеля къ сраженію, не давъ сосредоточиться всѣмъ его силамъ. Оставивъ свой планъ военныхъ дѣйствій, возвратиться въ Провинцію—и самое чувство страха нашло бы неблагоразумнымъ. Не говоря уже о позорѣ такого поступка, гора Цевеннская на дорогѣ, представляла насчетъ пути величайшія затрудненія, тѣмъ болѣе, что отсутствіе Лабіена и ввѣренныхъ ему легіоновъ внушало опасеніе. Такимъ образомъ съ величайшею поспѣшностью совершая и днемъ и ночью огромные переходы, Цезарь, противъ всѣхъ ожиданій, достигъ Лигера. Здѣсь конница нашла бродъ, въ крайнихъ обстоятельствахъ годившійся, такъ что при переходѣ только плечи и руки воиновъ не были въ водѣ и они могли нести оружіе; конница была разставлена въ водѣ, и такъ, какъ непріятели при первомъ видѣ были смущены, то войско перешло рѣку безъ потерь. Нашедъ хлѣбъ на поляхъ и большое количество скота, Цезарь снабдилъ войско всѣмъ нужнымъ и рѣшился идти въ землю Сеноновъ.

57. Между тѣмъ какъ это дѣлалось у Цезаря, Лабіенъ — резервъ, только что прибывшій изъ Италіи, оставилъ въ Агендикѣ для обереганія обозу, а самъ съ четырьмя легіонами отправился въ Лютецію, городъ Паризіевъ, расположенный на островѣ рѣки Секваны *). Узнавъ о прибытіи его, непріятель собралъ значительныя силы изъ сосѣднихъ племенъ. Главное начальство ввѣрено Авлерку Камулогену; дряхлый старикъ, онъ удостоенъ этой чести по отличному знанію военнаго дѣла. Обративъ вниманіе на существованіе большаго болота, имѣвшаго истокъ въ Секвану и служившаго естественною защитою этого мѣста, Камулогенъ тутъ расположился лагеремъ, и вознамѣрился воспрепятствовать нашимъ въ переправѣ.

58. Лабіенъ сначала пробовалъ употребить машины, дѣлалъ насыпи и гати въ болотѣ, стараясь проложить себѣ по немъ путь. Видя же трудность этого предпріятія, онъ въ тишинѣ, въ третью стражу ночи. вышелъ изъ лагеря и тою же, какою шелъ сюда, дорогою, достигъ Мелодуна **), города Секвановъ, расположеннаго на островѣ рѣки, какъ мы сказали и о Лютеціи. Здѣсь Лабіенъ захватилъ около 50 судовъ; собравъ ихъ поспѣшно и посадивъ на нихъ воиновъ, Лабіенъ безъ сопротивленія овладѣлъ городомъ. тѣмъ болѣе. что жите-

---

*) Нынѣ: Сена, а Лютеція нынѣшній Парижъ.
**) Мелюнъ Melun).

ли пришли въ ужасъ отъ неожиданности нападенія, да и большая часть ихъ была вызвана на войну. Исправивъ мостъ, за нѣсколько дней передъ тѣмъ разломанный непріятелемъ, Лабіенъ перевелъ по немъ войско и, вдоль по теченію Сены, двинулся къ Лютеціи. Непріятель, узнавъ о случившемся отъ бѣжавшихъ жителей Мелодуна, предалъ огню Лютецію и разломалъ ведущіе къ ней мосты; а самъ подъ защитою болота, расположился лагеремъ на берегахъ Сены, напротивъ Лютеціи и Лабіенова лагеря.

59. Уже пронесся слухъ, что Цезарь отступилъ отъ Герговіи, приходили вѣсти объ измѣнѣ Эдуевъ и о вторичномъ вооруженіи всей Галліи. Галлы передавали другъ другу на сходкахъ, будто Цезарь, отрѣзанный отъ Лигера и ото всѣхъ дорогъ, вынужденъ былъ недостаткомъ съѣстныхъ припасовъ отступить въ Провинцію. Белловаки съ своей стороны, постоянно къ намъ враждебные, узнавъ о возстаніи Эдуевъ, стали собирать войска и явно готовиться къ войнѣ. Видя такую перемѣну обстоятельствъ, Лабіенъ понималъ необходимость избрать совершенно другой планъ дѣйствія, чѣмъ какой онъ прежде думалъ. Теперь уже онъ добивался не того, чтобы что нибудь пріобрѣсти или вынудить непріятеля къ бою, а старался объ одномъ только, какъ бы войско безъ потерь привесть въ Агендикъ. Съ одной стороны угрожали Белловаки, народъ, считающійся храбрѣйшимъ въ Галліи; съ другой стоялъ Камулогенъ съ сильнымъ и готовымъ къ бою войскомъ. Легіоны были отдѣлены отъ обозовъ и резерва, а глубокая рѣка раздѣляла ихъ. Среди такихъ затрудненій, возникшихъ внезапно, видѣлъ необходимость искать помощи только въ твердости духа.

60. А потому, созвавъ совѣтъ къ вечеру, убѣждалъ—исполнить его приказанія въ точности и тщательно, а суда, приведенныя изъ Мелодуна, роздалъ всадникамъ Римскимъ и приказалъ имъ, въ концѣ первой стражи ночи, плыть въ молчаніи по рѣкѣ 4 мили, и тамъ его дожидаться. Четыре когорты, не надежныя для боя, Лабіенъ оставилъ защищать лагерь, а прочимъ пяти когортамъ того же легіона Лабіенъ приказалъ со всѣмъ обозомъ отправиться въ походъ противъ теченія рѣки, какъ можно съ большимъ шумомъ. Найденныя нѣсколько лодокъ онъ отправилъ туда же, наказавъ производить веслами какъ можно больше шуму. А самъ Лабіенъ немного спустя вышелъ въ тишинѣ съ тремя легіонами и отправился къ тому мѣсту, къ которому велѣлъ причалить судамъ.

61. Когда наши туда прибыли, то безъ труда схватили непріятельскіе разъѣзды, находившіеся по всему берегу и тѣмъ болѣе не ожидавшіе нападенія, что въ это время случилась сильная буря; наше

войско, и пѣшее и конное, поспѣшно было перевезено при содѣйствіи Римскихъ всадниковъ, коимъ это дѣло было поручено. На разсвѣтѣ, почти въ одно и тоже время, непріятель получилъ извѣстіе и о необыкновенной суматохѣ въ лагерѣ Римлянъ, и о томъ, что главная ихъ масса двигается противъ теченія рѣки, что въ той же сторонѣ слышенъ шумъ веселъ, а немного ниже воины переправляются на судахъ. Услыхавъ объ этомъ, Галлы предположили, что легіоны наши переходятъ рѣку въ трехъ мѣстахъ и, смущенные отпаденіемъ Эдуевъ, собираются бѣжать; а потому они и свои силы раздѣлили на три части. Отрядъ оставили насупротивъ нашего лагеря для наблюденія; небольшой отрядъ отправили по направленію къ Метіоседу, приказавъ ему слѣдовать за движеніемъ нашихъ судовъ, а прочія войска повели противъ Лабіена.

62. На разсвѣтѣ и наши всѣ уже войска были перевезены, и показалось непріятельское войско. Лабіенъ сдѣлавъ увѣщаніе воинамъ, «помнить прежнюю доблесть и столько удачнѣйшихъ сраженій и считать, что тутъ присутствуетъ самъ Цезарь, подъ предводительствомъ котораго они столько разъ побѣждали враговъ» — подаетъ знакъ къ битвѣ. При первомъ натискѣ наше правое крыло, гдѣ находился седьмой легіонъ, обратило непріятеля въ бѣгство; на лѣвомъ же, гдѣ стоялъ 12-й легіонъ, хотя первые ряды непріятелей пали, пронзенные дротиками, но прочіе оказывали самое упорное сопротивленіе, и никто и не помышлялъ о бѣгствѣ. Тутъ находился самъ военачальникъ непріятельскій Камулогенъ и ободрялъ своихъ. Побѣда и тутъ казалась еще нерѣшенною, когда трибуны седьмаго легіона, узнавъ о томъ, что происходитъ на лѣвомъ крылѣ, двинули свой легіонъ въ тылъ непріятеля и стали наступать на него. Но и тутъ ни одинъ изъ непріятелей не оставилъ своего поста, хотя окруженные, они были избиты всѣ до послѣдняго; той же участи подвергся и самъ Камулогенъ. Непріятельскій отрядъ, находившійся для наблюденія противъ Лабіенова лагеря, услыхавъ о томъ, что завязалось сраженіе, двинулся на помощь своимъ и занялъ было холмъ, но не устоялъ противъ перваго натиска нашихъ побѣдоносныхъ воиновъ. Смѣшавшись съ толпами своихъ же бѣглецовъ, не находившихъ защиты ни въ лѣсахъ, ни въ горахъ, они избиты нашею конницею. Окончивъ это дѣло, Лабіенъ возвратился въ Агендикъ, гдѣ находились обозы всей его арміи, а оттуда со всѣми войсками пришелъ къ Цезарю.

63. Извѣстіе объ измѣнѣ Эдуевъ дало войнѣ новую пищу. Во всѣ стороны отправляются посольства. Эдуи все свое вліяніе, могущество и деньги употребляютъ на то, чтобы и прочія галльскія пле-

мена заставить слѣдовать своему примѣру. Получивъ въ свои руки заложниковъ, оставленныхъ у нихъ Цезаремъ, они страшатъ ихъ казнью робкихъ и нерѣшительныхъ. Эдуи требуютъ отъ Верцингеторикса, чтобы онъ явился къ нимъ и велъ бы войну съ общаго съ ними совѣта. Когда это ихъ желаніе было исполнено, они потребовали, чтобы главная власть была имъ ввѣрена. По этому предмету возникъ споръ и для рѣшенія его назначенъ общій съѣздъ всей Галліи въ Бибрактѣ. Во множествѣ стеклись туда Галлы со всѣхъ сторонъ, дѣло предоставлено рѣшить большинствомъ голосовъ всего народа; всѣ единогласно избираютъ главнымъ начальникомъ Верцингеторикса. Въ этомъ сеймѣ не участвовали Ремы, Лингоны и Тревиры: первые оставались вѣрными союзу съ Римлянами; Тревиры—по отдаленности жилищъ и тѣснимые Германцами; по этой причинѣ они не принимали никакого участія въ войнѣ и не помогали ни той, ни другой сторонѣ. Съ большимъ огорченіемъ переносятъ Эдуи то, что лишились старѣйшинства; они жаловались на перемѣну счастія и съ сожалѣніемъ воспоминали о расположеніи къ нимъ Цезаря. Впрочемъ, взявшись за оружіе, Эдуи не дерзаютъ отстать отъ общаго союза. Съ большою неохотою молодые люди Виридомаръ и Эпоредориксъ, питавшіе самыя честолюбивыя надежды, повиновались Верцингеториксу.

64. Онъ предписываетъ прочимъ племенамъ выставить заложниковъ и назначаетъ для этого извѣстный срокъ. Къ тому же времени онъ приказываетъ явиться всей конницѣ, въ числѣ пятнадцати тысячъ. Тутъ онъ сказалъ: «что пѣхоты ему достаточно, сколько у него есть; что онъ не будетъ испытывать счастія и не рѣшится на сраженіе. Имѣя сильную конницу, ему весьма легко воспрепятствовать римскому войску снабжаться хлѣбомъ и фуражомъ. Лишь бы только сами Галлы равнодушно истребляли свой хлѣбъ и жгли селенія; небольшая потеря частныхъ лицъ послужитъ къ прочному торжеству ихъ свободы». Распорядясь такимъ образомъ, Верцингеториксъ приказалъ Эдуямъ и Сегузіанамъ, какъ самымъ ближайшимъ къ нашей провинціи племенамъ, выставить десять тысячъ пѣшихъ; онъ присоединилъ къ нимъ 800 всадниковъ и начальство надъ ними ввѣрилъ брату Эпоредорикса, приказавъ ему идти войною на Аллоброговъ. Съ другой стороны онъ поручилъ Габаламъ и ближайшимъ родамъ Арверновъ опустошать земли Гельвіевъ, а Рутенамъ и Кадуркамъ земли Волковъ Арекомиковъ; тѣмъ не менѣе тайными посольствами къ Аллоброгамъ Верцингеториксъ пытался и ихъ привлечь на свою сторону, полагая, что у нихъ еще не изгладилось воспоми-

наніе о недавней войнѣ; онъ сулилъ старѣйшинамъ ихъ деньги, а народу—власть надъ всѣми землями провинціи.

65. На всякой случай здѣсь приготовлено было для отраженія непріятеля войско изъ 22 когортъ, набранныхъ въ провинціи. Легатъ Л. Цезарь противуставлялъ ихъ непріятелю вездѣ, гдѣ нужно было. Гельвіи, принявъ легкомысленно сраженіе съ сосѣдями, были разбиты; старѣйшина ихъ, К. Валерій Донотавръ, сынъ Кабура, и многіе другіе убиты, а прочіе вынуждены искать спасенія въ стѣнахъ городовъ. Аллоброги, покрывъ берега Роны частыми своими отрядами, съ большимъ усердіемъ и стараніемъ защищали свои предѣлы. Цезарь, зная, что непріятель превосходилъ его конницею и находясь въ невозможности получить подкрѣпленія изъ провинціи и Италіи, такъ какъ всѣ пути туда были преграждены, послалъ въ Германію къ племенамъ, въ прошломъ году изъявившимъ покорность, и привелъ отъ нихъ и конницу и легковооруженныхъ пѣшихъ, привыкшихъ сражаться между конницею. Когда они прибыли, то Цезарь, видя, что лошади у нихъ плохи и къ дѣлу неспособны, отобралъ коней не только у военныхъ трибуновъ и у прочихъ, но и у всадниковъ римскихъ и ветерановъ, и раздѣлилъ ихъ между Германцами.

66. Пока это происходило, къ непріятелю пришло вспомогательное войско изъ Арверновъ и конница, выставленная всѣми племенами Галліи; такимъ образомъ у непріятеля собрались значительныя силы. Видя, что Цезарь направляетъ путь въ землю Секвановъ, по крайнимъ предѣламъ области Лингоновъ, съ цѣлью быть въ состояніи подать провинціи руку помощи, Верцингеториксъ остановился въ десяти миляхъ отъ Римлянъ тройнымъ лагеремъ. Собравъ на совѣтъ начальниковъ конницы, онъ имъ сказалъ: «ударилъ часъ побѣды! Римляне бѣгутъ въ провинцію и оставляютъ Галлію. Это событіе въ настоящее время достаточно обезпечиваетъ ея независимость, но въ будущемъ представляетъ мало ручательствъ къ прочному миру и спокойствію. Римляне явятся съ новыми и бо̀льшими силами и не положатъ войнѣ конца. А потому надобно напасть на нихъ на походѣ. Если пѣшее войско будетъ защищать своихъ, то дальнѣйшее движеніе для него невозможно. Если же, чего онъ ждетъ навѣрное, Римляне, оставивъ тяжести, будутъ только стараться спасать свою жизнь, то они съ тѣмъ вмѣстѣ утратятъ и необходимыя для нихъ вещи и послѣднее значеніе. Что касается до непріятельскихъ всадниковъ, то они должны быть убѣждены, что ни одинъ изъ нихъ и не рѣшится показаться изъ-за пѣшаго строя. А чтобы лучше обпа-

дежить своихъ, онъ войска свои всѣ выведетъ изъ лагеря, стращая ими непріятеля». Галльскіе всадники воскликнули: «самою священною клятвою надлежитъ обязать всѣхъ, дабы не дерзалъ входить подъ кровлю и имѣть доступъ къ дѣтямъ, родителямъ и женѣ тотъ, кто не проскачетъ два раза сквозь весь строй непріятельскій»!

67. Предложеніе это принято съ общимъ одобреніемъ и всѣ дали клятву. На другой день Верцингеториксъ раздѣлилъ свою конницу на 3 части: двѣ показались у Римлянъ съ фланговъ, а третья съ лица начала имъ преграждать путь. Получивъ объ этомъ извѣстіе, Цезарь отдалъ приказаніе и своей конницѣ идти на непріятеля; онъ раздѣлилъ ее также на три части. Сраженіе завязалось разомъ на всѣхъ пунктахъ; ряды нашихъ воиновъ остановились, тяжести приняты въ средину легіоновъ. Если гдѣ-либо наши, сильно тѣснимые непріятелемъ, начинали уступать, то Цезарь приказывалъ туда идти пѣхотѣ; она останавливала преслѣдованіе непріятеля и вмѣстѣ служила опорою для своей конницы. Наконецъ Германцы на правомъ флангѣ овладѣли возвышенностью и сбили непріятеля; они преслѣдовали бѣглецовъ до рѣки, у которой стоялъ Верцингеториксъ съ пѣшими войсками, и многихъ убили. Видя это, непріятель и на прочихъ пунктахъ опасался быть обойденнымъ въ тылъ и обратился въ бѣгство; вездѣ его гнали и избивали. Три знатныхъ Эдуя захвачены и приведены къ Цезарю; то были: Котъ, начальникъ конницы, на послѣднихъ выборахъ имѣвшій споръ съ Конвиктолитаномъ о старѣйшинствѣ, Кавариллъ, послѣ измѣны Литовика командовавшій пѣшими войсками, и Эпоредориксъ, подъ предводительствомъ коего, до прибытія Цезаря, Эдуи вели войну съ Секванами.

68. Видя всеобщее бѣгство конницы, Верцингеториксъ отвелъ войска свои, которыя онъ расположилъ было передъ лагеремъ, назадъ и тотчасъ направилъ путь къ Алезіи, городу Мандубіевъ; немедленно приказалъ онъ обозы вывезти изъ лагеря и слѣдовать за собою. Цезарь же обозъ свой оставилъ на ближайшемъ холмѣ, подъ прикрытіемъ двухъ легіоновъ, и преслѣдовалъ непріятеля до самаго вечера. Убивъ у непріятеля въ заднихъ рядахъ около 3-хъ тысячъ человѣкъ, Цезарь на слѣдующій день сталъ лагеремъ подъ стѣнами Алезіи. Осмотрѣвъ мѣстоположеніе города и надѣясь воспользоваться ужасомъ непріятеля вслѣдствіе пораженія его конницы, на которую онъ главнымъ образомъ разсчитывалъ, Цезарь увѣщевалъ воиновъ усердно приняться за дѣло и замыслилъ всю Алезію окружить окопами.

69. Городъ расположенъ былъ на верху холма, на весьма высокомъ мѣстѣ, такъ что взять его казалось невозможнымъ иначе, какъ пра-

вильною осадою. Подошву этого холма съ двухъ сторонъ омывала рѣка; передъ городомъ растилалась равнина мили на три въ длину; со всѣхъ прочихъ сторонъ городъ окруженъ былъ холмами почти равной вышины, отдѣленными одинъ отъ другаго небольшими промежутками. Подъ стѣнами города, на части холма, обращенной къ востоку, расположилось Галльское войско, окруживъ свой лагерь рвомъ и стѣною въ 6 футовъ вышины. Такимъ образомъ Римлянамъ надлежало вокругъ всего этого вести окопы на 11 миль въ окружности. Лагерь нашъ расположенъ былъ на удобномъ мѣстѣ и укрѣпленъ 23 крѣпостцами; даже днемъ стояли въ нихъ караулы на случай вылазки; а ночью постоянно были тамъ часовые и находились сильные отряды.

70. Работы производились, когда завязалось сраженіе конницы на равнинѣ, которая, какъ мы выше упомянули, въ промежуткѣ холмовъ, тянется въ длину на три мили. Бой былъ самый упорный съ обѣихъ сторонъ. Видя, что наши готовы уступить, Цезарь послалъ имъ на помощь Германцевъ и поставилъ легіоны въ боевомъ порядкѣ передъ лагерями на случай нечаяннаго нападенія непріятельской пѣхоты. Видя содѣйствіе легіоновъ, наши ободрились, а непріятель обращенъ въ бѣгство и тутъ самъ себѣ повредилъ многочисленностью, стѣснившись въ воротахъ, весьма узкихъ. Германцы горячо гнались за непріятелемъ до самихъ укрѣпленій и множество людей у него избили; иные, спѣшившись, пытались перейдти ровъ и взобраться на стѣну. Цезарь выдвинулъ немного впередъ легіоны, расположенные передъ лагеремъ. Галлы, находившіеся въ своемъ укрѣпленіи, пришли въ смятеніе, ожидая къ себѣ немедленно приступа, они съ криками бросаются къ оружію, а нѣкоторые въ ужасѣ пустились въ городъ. Верцингеториксъ приказываетъ запереть ворота, опасаясь какъ бы не опустѣлъ лагерь. Умертвивъ множество непріятелей и взявъ значительное количество коней, Германцы возвратились обратно.

71. Верцингеториксъ принялъ намѣреніе ночью отослать отъ себя всю конницу, прежде чѣмъ Римляне приведутъ къ концу свои окопы. Отсылая, онъ далъ порученіе своимъ: «чтобы каждый, возвратясь къ своему племени, убѣждалъ всѣхъ способныхъ носить оружіе идти на войну. Онъ выставилъ имъ на видъ свои въ отношеніи къ нимъ заслуги и заклиналъ ихъ позаботиться о его спасеніи и не допустить, чтобы онъ достался врагу на мученія за свои заслуги дѣлу общей свободы. Если же Галлы не приложатъ объ этомъ старанія, то пусть они не забудутъ, что съ нимъ вмѣстѣ погибнутъ 80,000 ч. отборнаго войска. По его соображенію, у него хлѣба едва достанетъ на тридцать дней; впрочемъ съ умѣренностью можетъ еще протянуть на нѣсколько

времени». Сдѣлавъ эти распоряженія, онъ въ тишинѣ, во вторую стражу ночи, отпустилъ конницу тѣмъ мѣстомъ, гдѣ наши окопы еще не были довершены. Онъ приказываетъ весь хлѣбъ принести къ нему, угрожая смертною казнью ослушнику; скотъ, котораго большое число было пригнано Мандубіями, онъ роздалъ воинамъ, почемъ пришлось па каждаго. Хлѣбъ онъ распорядился выдавать бережливо и понемногу; войска, которыя были расположены передъ городомъ, ввелъ въ него. Съ такими средствами рѣшился онъ дождаться помощи Галловъ, и весть войну.

72. Узнавъ объ этомъ отъ перебѣжчиковъ и плѣнныхъ, Цезарь распорядился сдѣлать укрѣпленія такого рода: сначала провелъ онъ ровъ, въ 20 футовъ ширины, съ отвѣсными боками такъ, что онъ былъ одинаковаго размѣра и внизу и вверху. Прочія укрѣпленія были проведены отъ этого рва отступя на 600 футовъ. Это было сдѣлано съ тою цѣлью, что какъ, по обширности укрѣпленій, трудно было на всѣхъ пунктахъ защищать ихъ воинами, то и нужно было сдѣлать преграду ночнымъ вылазкамъ непріятеля противъ нашихъ укрѣпленій и воспрепятствовать ему вредить метаніемъ стрѣлъ нашимъ воинамъ, занятымъ работою укрѣпленій. Итакъ, въ означенномъ разстояніи были проведены два рва, каждый въ 15 футовъ ширины и такой же глубины; въ ровныхъ и низкихъ мѣстахъ рвы были наполнены водою, проведенною изъ рѣки. Позади рвовъ сдѣлана была насыпь въ 12 футовъ ширины и вышины; укрѣпленная бруствером съ зубцами, она представляла въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ брустверъ соединялся съ валомъ, крѣпкіе отводы, съ цѣлью воспрепятствовать непріятелю взобраться на валъ. Вся связь укрѣпленій была прикрыта башнями, на разстояніи одна отъ другой 80 футовъ.

73. Въ одно и тоже время приходилось — и доставать матеріалъ для укрѣпленій, и хлѣбъ для прокормленія войска и производить тяжкія работы, отдѣливъ значительное число людей, которые должны были отлучаться далеко отъ лагеря для вышеозначеннаго предмета. Нѣсколько разъ Галлы нападали на наши работы и пытались всѣми силами дѣлать вылазки изъ города въ нѣсколько воротъ. А потому Цезарь счелъ нужнымъ—еще болѣе усилить укрѣпленія, дабы имѣть возможность защищать ихъ меньшимъ числомъ воиновъ. Для этой цѣли, онъ приказалъ нарубить деревьевъ и, обчистивъ на нихъ не крѣпкіе сучья, велѣлъ вершины ихъ заострить; потомъ вырытъ былъ ровъ въ пять футовъ глубины, въ который эти дерева опущены и внизу укрѣплены такъ, чтобы ихъ вырвать невозможно было, а заостренные сучья ихъ стояли къ верху. Въ пять рядовъ поставлены

они были и между собою перепутаны, такъ что кто попытался бы проникнуть внутрь, очутился бы въ лѣсу заостренныхъ сучьевъ *гроздіями* (cippus). Впереди ихъ наискось, расположены были ямы, вырытыя вглубь на три фута; къ низу они съуживались мало-по-малу; туда опущены были обтесанные колья, толщиною въ ногу, къ верху заостренные и обожженные; они были такъ врыты въ землю, что вытыкались изъ нея не болѣе какъ на 4 вершка; для большей крѣпости и прочности земля около нихъ была крѣпко убита. Сверху, для большаго обмана непріятеля, ямы эти были заметаны хворостомъ и травою. Въ восемь рядовъ проведены эти ямы, на разстояніи одна отъ другой 3-хъ футовъ; онѣ названы *лиліями*, представляя подобіе этого цвѣтка. Передъ ними врыты были совершенно въ землю колья съ желѣзными остріями; они были разсѣяны часто одинъ отъ другаго по всѣмъ мѣстамъ и носили названіе *жалъ*.

74. Когда всѣ эти работы приведены были къ концу, при чемъ, для произведенія ихъ, мѣстность выбиралась какъ можно болѣе ровная, то онѣ обняли собою пространство въ четырнадцать миль. Точно такія же укрѣпленія сдѣланы Цезаремъ и съ другой стороны, на случай нападенія непріятеля извнѣ. Такимъ образомъ никакія силы, какъ бы онѣ ни были велики, не могли, и въ случаѣ отсутствія Цезаря, одолѣть защищавшій укрѣпленія гарнизонъ Римскій. А для того, чтобы воины не подвергались постоянно опасности выходя изъ лагеря, Цезарь приказалъ всѣмъ заготовить хлѣба и фуража на 30 дней.

75. Пока это происходило подъ Алезіею, Галлы собрали совѣтъ старѣйшинъ, но на немъ постановили, вмѣсто поголовнаго ополченія, какъ приказалъ было Верцингеториксъ, каждому племени выставить извѣстное число воиновъ; это было сдѣлано въ предупрежденіе замѣшательства и безпорядка, неизбѣжныхъ съ такимъ многолюдствомъ, и по невозможности принять мѣры къ снабженію его провіантомъ. Эдуямъ и племенамъ, отъ нихъ зависящимъ, Сегузіянамъ, Амбиваретамъ, Авлеркамъ, Бранновикамъ, Бранновіямъ положено выставить 35 тысячъ человѣкъ. Столько же Арвернамъ вмѣстѣ съ Элевтетами-Кадурками, Габалами и Велавнами, племенами, признающими надъ собою господство Арверновъ. Сенонамъ, Секванамъ, Битуригамъ, Сантонамъ, Рутенамъ и Карнутамъ — 12 тысячъ; Белловакамъ 10 т., столько же Лемовикамъ. По восьми тысячъ человѣкъ должны были выставить Пиктоны, Туроны, Паризіи и Гельвіи. Суессоны, Амбіаны, Медіоматрики, Петрокоріи, Нервіи, Морины, Нитіобриги — по пяти тысячъ; Авлерки Ценоманы столько же, Атребаты—4 тысячи; Бел-

локассы, Лексовіи, Авлерки Эбуроны—по три тысячи; Раураки и Боіи—30 тысячъ. Всѣ племена, живущія по берегамъ Океана и у Галловъ носящія названіе Арморриковъ—къ этому числу принадлежатъ Куріосолиты, Редоны, Амбибары, Калеты, Озизміи, Лемовики, Венеты и Унеллы—шесть тысячъ. Изъ этого числа Белловаки своей доли не выставили; они сказали, что будутъ вести войну съ Римлянами сами по себѣ и не признавая ни чьей надъ собою власти; впрочемъ, по просьбѣ Коммія, съ которымъ они водили хлѣбъ соль, они дали двѣ тысячи человѣкъ.

76. Это былъ тотъ самый Коммій, котораго вѣрность и услуги, какъ изложено нами выше, были еще недавно такъ полезны Цезарю въ Британніи; въ награду за нихъ Цезарь племя, къ которому принадлежалъ Коммій, освободилъ отъ всякихъ даней и повинностей, возвратилъ ему пользованіе его законами и правами и отдалъ въ его распоряженіи Мориновъ. Впрочемъ Галлія такъ единодушно возстала въ защиту своей вольности и старинной воинской славы, что забыла всѣ благодѣянія, всѣ отношенія дружбы; все вниманіе и силы обратила она на войну и собрала войско изъ 8000 конницы и около двухъ сотъ сорока тысячь пѣшихъ. Сборное мѣсто войску и смотръ ему сдѣланъ на землѣ Эдуевъ и тамъ же назначены главные начальники: верховная власть ввѣрена Атребату Коммію, Эдуямъ—Виридомару и Эпоредориксу, Арверну—Вергазиллавну, двоюродному брату Верцингеторикса. Съ ними вмѣстѣ назначены отборные люди изъ каждаго племени, съ общаго совѣта которыхъ надлежало вести войну. Поспѣшно, полные надежды на успѣхъ, Галлы двинулись къ Алезіи; они были убѣждены, что никто не будетъ въ состояніи выдержать самый видъ ихъ многочисленности; особенно расчитывали они на то, что, когда будетъ изъ города вылазка, въ тоже время съ другой стороны покажутся ихъ огромныя массы кавалеріи и пѣхоты.

77. А тѣ, которые были осаждены въ Алезіи, когда прошелъ уже день, въ который они ждали помощи отъ своихъ, хлѣбъ весь уже былъ съѣденъ, что дѣлалось у Эдуевъ—незнали, собрали совѣтъ для разсужденія о томъ, какъ поступить въ столь крайнемъ случаѣ. Мнѣнія, здѣсь поданныя были разнообразны; одни совѣтовали сдаться, другіе, пока еще есть избытокъ силъ, прорваться чрезъ укрѣпленія Римлянъ, но особенно заслуживаетъ упоминанія рѣчь Критогната, дышащая какимъ то дикимъ и звѣрскимъ ожесточеніемъ. Этотъ мужъ, по происхожденію одинъ изъ знатнѣйшихъ Арверновъ и пользовавшійся большимъ у нихъ вліяніемъ, сказалъ слѣдующее: «Не стану я говорить ничего о мнѣніи тѣхъ, которые постыднѣйшее рабство предлагаютъ вамъ,

украшая его именемъ покорности; эти люди недостойны носить имя гражданъ и не должны бы имѣть доступа здѣсь, въ нашемъ совѣтѣ. Хочу поговорить съ вами о мнѣніи тѣхъ, которые совѣтуютъ вамъ вылазку; всѣ вы сознаетесь, что мнѣніе это повидимому внушено чувствомъ древней нашей воинской доблести. Признакъ изнѣженности и слабости духа—не быть въ состояніи долго терпѣть нужду. Скорѣе найдешь людей, которые добровольно подвергнутся опасности смерти, чѣмъ такихъ, что въ состояніи терпѣливо выносить страданія долгое время. Но я одобрилъ бы это мнѣніе (сочувствуя самъ по себѣ тому, сколько оно показываетъ величіе духа), если бы дѣло только шло объ утратѣ нашей собственно жизни; но, принимая наше рѣшеніе, мы должны помнить объ участи всей Галліи, которую мы призвали къ себѣ на помощь. Если въ одномъ мѣстѣ погибнутъ восемьдесятъ тысячь человѣкъ, то съ какимъ духомъ должны будутъ наши единокровные и близкіе сражаться почти на самыхъ трупахъ? Итакъ не лишите же преждевременно вашего содѣйствія тѣхъ, которые для спасенія вашего рѣшились сами подвергнуться опасности. Берегитесь, какъ бы ваше неблагоразуміе и опрометчивость съ одной стороны, и слабость духа съ другой, не были причиною паденія и порабощенія вѣчнаго всей Галліи. Если ваши соотечественники не явились въ срокъ, то достаточно ли этого, чтобы усумниться въ ихъ вѣрности и постоянствѣ? Что же еще? Не ужели вы думаете, что Римляне для собственнаго ободренія только ежедневно занимаются возведеніемъ укрѣпленій отъ поля? Такъ какъ, по случаю преграждения вамъ всѣхъ путей, вы не можете получить вѣрнаго извѣстія отъ ихъ гонцовъ, то сами Римляне представляютъ доказательство ихъ приближенія; пораженные ужасомъ, оттого-то они день и ночь заняты работами. Въ чемъ же заключается мой совѣтъ?—спросите вы. Послѣдовать примѣру предковъ вашихъ, показанному имъ въ войну съ Кимврами и Тевтонами, далеко нестоль важную, какъ нынѣшняя борьба. Они, бывъ вынуждены искать спасенія въ городахъ, терпѣли такую же нужду, какъ вы теперь, но поддержали въ себѣ силы, питаясь тѣлами тѣхъ, которые оказались къ войнѣ неспособными, и такимъ образомъ не отдались врагамъ. Если бы даже мы не имѣли уже этого примѣра передъ глазами, то въ защиту вольности установить его и завѣщать потомкамъ—дѣло великое и прекрасное. Та война не представляетъ ничего общаго съ нынѣшнею. Опустошивъ Галлію, Кимвры причинили ей много жестокихъ потерь, но наконецъ вышли изъ нашихъ предѣловъ и отправились въ иныя земли; законы же наши и права, земли наши и вольность они оставили неприкосновенными. А Римляне движимые

завистью къ вашей воинской славѣ и могуществу, домогаются одного: водвориться въ городахъ вашихъ и поработить васъ навсегда; съ этою цѣлью ведутъ они постоянно всѣ войны. Конечно вы невѣдаете о томъ, что происходитъ у отдаленныхъ народовъ. Посмотрите на сосѣднюю вамъ Галлію: она обращена въ провинцію Римскую, права и законы даны ей иные отъ прежнихъ; угрожаемая сѣкирами Римлянъ, она угнѣтена постояннымъ рабствомъ.»

78. Выслушавъ всѣ мнѣнія, опредѣлено было на совѣтѣ, неспособныхъ, или по лѣтамъ или по состоянію здоровья, къ войнѣ выслать изъ города и прибѣгнуть къ мнѣнію Критогната не иначе, какъ въ самой крайности, когда все прочее окажется безполезнымъ. А рѣшено лучше воспользоваться имъ, если замедлитъ помощь и потребуютъ обстоятельства, чѣмъ согласиться на миръ и покорность. Мандубіи, давшіе въ своемъ городѣ убѣжище войску галловъ, вынуждены оставить его вмѣстѣ съ женами и дѣтьми. Они, подошедъ къ укрѣпленіямъ Римлянъ, со слезами умоляли ихъ всячески взять ихъ въ рабство, но недать умереть голодною смертью. Цезарь, расположивъ по валу вооруженныхъ воиновъ, не принялъ Мандубіевъ.

79. Между тѣмъ Коммій и прочіе вожди, которымъ поручена была верховная власть, прибыли со всѣми войсками къ Алезіи, занявъ наружныя высоты и расположились не болѣе, какъ въ тысячѣ шаговъ отъ нашихъ укрѣпленій. На другой день, выведя конницу изъ лагерей, наполнили ею всю равнину, которая, какъ мы выше сказали, открывалась въ длину на три мили; пѣшія войска нѣсколько позади были расположены по высотамъ. Все поле видно было изъ Алезіи. Сбѣжались увидя это вспоможеніе, привѣтствовали, поздравляли другъ друга и обнаруживали всѣ признаки радости, а потому выведя войска расположили передъ городомъ; ближайшій ровъ Галлы заваливаютъ хворостомъ и землею, готовятся къ вылазкамъ и всѣмъ случайностямъ.

80. Цезарь, расположивъ все свое войско на обѣ стороны укрѣпленій такъ, чтобы, на случай нападенія, каждый зналъ свой постъ и держалъ его, приказываетъ конницѣ выйдти изъ лагеря и вступить въ сраженіе съ непріятельскою. Изо всѣхъ лагерей, такъ какъ они были расположены по высотамъ, отовсюду открывался видъ внизъ и всѣ воины со вниманіемъ ждали исхода сраженія. Въ рядахъ конницы Галльской были разсыпаны тамъ и сямъ стрѣлки и легко вооруженные пѣшіе, съ цѣлью— оказывать помощь своимъ въ случаѣ отступленія и замедлять натискъ нашихъ всадниковъ. Они-то, въ началѣ сраженія, переранили много нашихъ и заставили ихъ оставить ряды. Галлы надѣялись на перевѣсъ своихъ соотечественниковъ въ сраженіи, и видя, что наши

стѣснены ихъ многочисленностью со всѣхъ сторонъ, и тѣ изъ нихъ, которые находились позади укрѣпленій, и тѣ, которые пришли на помощь, радостными криками и завываніями ободряли своихъ. Такъ какъ сраженіе происходило на виду всѣхъ и ни одно дѣяніе, ни славное, ни позорное, не могло быть скрыто, то обѣ стороны возбуждаемы были къ храбрости и жаждою славы и опасеніемъ безславія. Отъ полудня почти до захожденія солнца побѣда не склонялась ни на чью сторону; наконецъ Германцы, на одинъ пунктъ сосредоточивъ свои силы, ударили на непріятеля и сбили его; когда наконецъ непріятельская конница обратилась въ бѣгство, оставленные ею, стрѣлки были окружены и избиты. Также и въ прочихъ мѣстахъ наши преслѣдовали непріятеля до его лагеря, не давая ему опомниться. А тѣ, которые расположились было передъ Алезіею, съ прискорбіемъ, почти отчаявшись въ побѣдѣ, возвратились въ городъ.

81. Пропустивъ одинъ день и этимъ временемъ заготовивъ между тѣмъ большое количество фашинъ, лѣстницъ и крючьевъ, Галлы, въ полночь вышли тихонько изъ лагеря и устремились къ нашимъ укрѣпленіямъ со стороны поля. Поднявъ разомъ крики, давая знать ими осажденнымъ о своемъ прибытіи, они начали класть фашины, а стрѣлами, пращами и камнями нашихъ сбивать съ валу и вообще всѣми силами дѣлать приступъ къ нашимъ укрѣпленіямъ. Въ то же время, услыхавъ крики, Верцингеториксъ трубою далъ сигналъ своимъ и вывелъ ихъ изъ города. Наши же, какъ въ прежніе дни каждому назначено было его мѣсто, занимаютъ укрѣпленія; пращами, дротиками, свинцовыми пулями и камнями, заготовленными въ большомъ количествѣ, они распространяютъ ужасъ въ рядахъ Галловъ. Такъ какъ темнота не позволяла ничего видѣть, то и съ той и съ другой стороны много принято ранъ; наши орудія бросали всего болѣе стрѣлъ. Легаты М. Антоній и К. Требоній, которымъ эта часть достались для защиты, въ тѣхъ пунктахъ, гдѣ наши были особенно тѣснимы, дѣлали вспоможеніе войсками, выведенными изъ болѣе дальнихъ укрѣпленій.

82. Пока Галлы находились по дальше отъ укрѣпленій, то съ большою пользою употребили они множество стрѣлъ. Но когда они подошли ближе, то иные натыкались неожиданно на колья, другіе попадали въ волчьи ямы и тамъ гибли пронзенные, а прочіе падали отъ дротиковъ, пущенныхъ съ башень и съ валу. Съ обѣихъ сторонъ много было переранено, но нигдѣ непріятель не прорвался въ укрѣпленія; съ разсвѣтомъ непріятель, опасаясь, какъ бы Римляне не напали на его обнаженный флангъ изъ верхнихъ укрѣпленій, отступилъ къ своимъ. Осажденные выносили между тѣмъ заготовленные

прежде, по приказанію Верцингеторикса, матеріалы на случай вылазки и заваливали первые рвы; замедливъ долѣе въ заготовленіи нужныхъ для этого вещей, они узнали объ отступленіи своихъ прежде, чѣмъ успѣли подойти къ нашимъ укрѣпленіямъ. Такимъ образомъ, не сдѣлавъ ничего, они возвратились въ городъ.

83. Два раза отбитые съ большимъ урономъ, Галлы разсуждаютъ о томъ, какъ поступить; они прибѣгаютъ къ людямъ, хорошо знакомымъ съ мѣстностью, и разузнаютъ о томъ, какъ расположены и укрѣплены наши верхніе лагери. На сѣверной сторонѣ ихъ находился холмъ; по его обширности его нельзя было захватить внутрь укрѣпленій, а потому мы вынуждены были провесть здѣсь линію укрѣпленій по неровной и немного покатой мѣстности. Этотъ лагерь защищали легаты К. Антистій Регинъ и К. Каниній Ребилъ съ двумя легіонами. Узнавъ хорошенько черезъ лазутчиковъ мѣстность, непріятель избираетъ изо всего войска 60 тысячъ человѣкъ, преимущественно изъ племенъ, пользующихся наибольшею славою храбрости. Они тайно уговариваются между собою насчетъ образа дѣйствій; время для нападенія они назначаютъ около полудня. Начальство надъ этими войсками ввѣрено Арверну Вергазиллавну, одному изъ четырехъ вождей, родственнику Верцингеторикса. Онъ, выступивъ изъ лагеря въ первую стражу ночи, къ разсвѣту достигъ назначеннаго мѣста и, скрывъ войско за горою, приказалъ воинамъ отдохнуть отъ ночнаго похода. Когда полдень началъ приближаться, онъ двинулся съ войсками къ нашему лагерю, о которомъ мы говорили выше. Въ то же время конница непріятельская начала подходить къ нашимъ укрѣпленіямъ со стороны поля, а прочія войска стали показываться передъ лагеремъ.

84. Верцингеториксъ, съ вершины Алезіи видя движеніе своихъ соотечественниковъ, вышелъ изъ города и приказалъ вынести изъ лагеря длинныя лѣстницы, косы и прочіе нужные предметы, заготовленные на случай вылазки. Почти единовременно завязался упорный бой на всѣхъ пунктахъ; непріятель употреблялъ свои послѣднія усилія: гдѣ мѣсто повидимому казалось слабѣе, туда онъ устремлялся. По обширности укрѣпленій наши войска были развлечены въ разныя стороны и не легко поспѣвали они во всѣ мѣста. Немало къ смущенію нашихъ содѣйствовали крики, поднявшіеся въ тылу сражающихся: мужество враговъ служило для нихъ какъ бы ручательствомъ опасности. Вообще то, что дѣйствуетъ издали, производитъ на умы людей сильнѣйшее впечатлѣніе.

85. Цезарь, занявъ удобное мѣсто, видѣлъ все, что гдѣ происхо-

діло, и подалъ помощь нашимъ въ минуту опасности. Та и другая сторона имѣла въ памяти, что теперь-то необходимо употребить всѣ усилія. Галлы знали, что если не прорвутъ линіи нашихъ укрѣпленій, то нѣтъ надежды на спасеніе; а Римляне видѣли конецъ всѣхъ трудовъ, если устоятъ. Главное сраженіе происходило у верхнихъ укрѣпленій, куда, какъ мы выше сказали, былъ отряженъ Вергазиллавнъ. И небольшая покатость мѣстности даетъ большой перевѣсъ непріятелю: Галлы бросаютъ стрѣлы, то, образуя черепаху, подходятъ къ самимъ укрѣпленіямъ; утомленные смѣняются еще не бывшими въ дѣлѣ. Насыпь, всѣми сброшенная въ укрѣпленіе, открыла свободный доступъ Галламъ, засыпавъ приготовленныя для нихъ въ землѣ западни; у нашихъ уже недоставало ни оружія, ни силъ.

86. Узнавъ объ этомъ, Цезарь посылаетъ на помощь тѣснимымъ Лабіена съ шестью когортами и приказываетъ, если не въ состояніи будетъ удержать натискъ непріятеля, сдѣлать вылазку, но и то въ крайнемъ случаѣ. Самъ между тѣмъ обходитъ остальныхъ, убѣждаетъ не падать подъ тягостью трудовъ, внушаетъ имъ, что отъ этого дня и часа должны зависѣть плоды ихъ всѣхъ прежнихъ усилій. Осажденные, отчаявшись взять наши укрѣпленія въ ровныхъ мѣстахъ потому, что они были слишкомъ сильно защищены, пытаются взять приступомъ мѣста крутыя. Они сносятъ къ нимъ всѣ заготовленные снаряды; множествомъ стрѣлъ сбиваютъ съ башень защищавшихъ ихъ воиновъ; землею и фашинами наполняютъ ровъ и открываютъ себѣ дорогу, а косами растаскиваютъ валъ и защищавшій его брустверъ.

87. Цезарь посылаетъ сначала туда юношу Брута съ шестью когортами, потомъ съ другими семью легата К. Фабія; наконецъ, видя упорную борьбу, самъ привелъ свѣжія войска. Возстановилъ сраженіе и отразивъ непріятеля, онъ двинулся туда, куда послалъ Лабіена, четыре когорты вывелъ изъ ближайшаго укрѣпленія; конницѣ онъ приказалъ частью слѣдовать за собою, а частью, обошедъ укрѣпленія, ударить въ тылъ непріятелю. Лабіенъ, видя, что ни валъ, ни рвы не могутъ удержать напора непріятелей, собираетъ тридцать девять когортъ—а ихъ, выведенныхъ изъ ближайшихъ укрѣпленій, судьба послала ему навстрѣчу и даетъ знать Цезарю черезъ гонцовъ, какъ онъ намѣренъ поступить.

88. Цезарь поспѣшаетъ быть свидѣтелемъ сраженія. О прибытіи его скоро узналъ непріятель по цвѣту его одежды (въ сраженіяхъ онъ имѣлъ обыкновеніе надѣвать особенную), и сверху, по склону холма, видѣлъ, какъ за нимъ слѣдовали эскадроны конницы и когорты

пхотѣы; непріятель началъ сраженіе. Съ обѣихъ сторонъ поднялись крики, которымъ отвѣчали съ вала и со всѣхъ укрѣпленій. Наши, оставивъ дротики, мечами рѣшаютъ дѣло. Вдругъ съ тылу непріятеля показалась конница наша и приблизились другія когорты; непріятель обратился въ бѣгство, но бѣгущихъ встрѣчаетъ конница; побоище было страшное. Седулій, вождь и старѣйшина Лемовиковъ, убитъ; Вергазиллавнъ Арвернъ живой схваченъ въ бѣгствѣ; 74 военныхъ значка непріятельскихъ принесено къ Цезарю; немногіе изъ такого множества удалились безвредно въ лагерь. Видя изъ города избіеніе и бѣгство своихъ, непріятель, отчаявшись въ спасеніи, отводитъ войска отъ укрѣпленій. Услыхавъ объ этомъ, Галлы, находившіеся въ лагерѣ, немедленно обратились въ бѣгство. Еслибы наши воины не были утомлены дневными трудами и частыми переходами съ мѣста на мѣсто для поданія помощи, то все непріятельское войско могло бы быть уничтожено. Съ полночи наша конница отправлена въ погоню за непріятелемъ, настигла его задніе ряды, многихъ взяла въ плѣнъ и многихъ побила; остальные разсѣялись по своимъ домамъ.

89. На другой день Верцингеториксъ собралъ совѣтъ, гдѣ онъ сказалъ: «что войну началъ не по собственной надобности, но въ защиту общей свободы; теперь, когда надлежитъ покориться судьбѣ, онъ готовъ на все—или смертью своею сдѣлать удовлетвореніе Римлянамъ, или быть выданъ живымъ. Объ этомъ отправлены послы къ Цезарю; онъ приказываетъ выдать оружіе и старѣйшинъ. Самъ передъ лагеремъ помѣстился въ укрѣпленіи; туда приведены вожди. Верцингеториксъ выданъ, оружіе брошено къ ногамъ Цезаря. Оставивъ Эдуевъ и Арверновъ, намѣреваясь черезъ плѣнныхъ привлечь эти племена опять на свою сторону, Цезарь прочихъ плѣнныхъ раздѣлилъ своимъ воинамъ поголовно въ видѣ воинской добычи.

90. Приведя къ концу эти дѣла, Цезарь отправился въ землю Эдуевъ; они изъявили ему покорность. Туда же прибыли къ Цезарю послы отъ Арверновъ и обѣщали исполнить всѣ его приказанія. Цезарь предписалъ имъ выдать большое число заложниковъ, а легіоны отправилъ на зимнія квартиры; около 20,000 плѣнныхъ Цезарь возвратилъ Эдуямъ и Арвернамъ; Т. Лабіену съ двумя легіонами и конницею Цезарь приказалъ идти въ землю Секвановъ: къ нему присоединилъ М. Семпронія Рутилія. А К. Фабія и Л. Минуція Базиля Цезарь поставилъ съ двумя легіонами въ землѣ Ремовъ, дабы они не потерпѣли какого-либо вреда отъ своихъ сосѣдей Белловаковъ. К. Антистія Регина послалъ Цезарь въ землю Амбиваретовъ, а Т. Секстія въ землю Битуриговъ; К. Канинія Ребила въ землю Руте-

новъ, давъ каждому изъ нихъ по легіону. К. Туллія Цицерона, П. Сульпиція Кабиллона и Матискона Цезарь помѣстилъ въ землѣ Эдуевъ у Арара для обезпеченія подвоза съѣстныхъ припасовъ, а самъ положилъ зимовать въ Бибрактѣ. Когда объ этихъ событіяхъ узнали въ Римѣ изъ писемъ Цезаря, то опредѣлено двадцатидневное благодарственное молебствіе.

КНИГА ВОСЬМАЯ.

(Предисловіе А. Гирція.)

—

Уступая твоимъ постояннымъ просьбамъ, Бальбъ, и зная, что отказъ мой ты сочтешь не со сознаніемъ моего безсилія, но знакомъ лѣности, берусь за весьма трудное дѣло. Я принялся за продолженіе записокъ Цезаря о Галльской войнѣ, но не съ тѣмъ, чтобы произвесть что-либо подобное его прежнимъ и послѣдующимъ трудамъ, и привелъ къ концу послѣднюю его недоконченную книгу о событіяхъ въ Александріи; я ее заключилъ не окончаніемъ нашихъ междуусобій, которымъ конца не предвидится, а смертью самого Цезаря. Желалъ бы, чтобы тотъ, кто станетъ читать эти книги, зналъ, съ какою неохотою я взялся писать ихъ; тогда можетъ-быть меня помиловали бы отъ обвиненія въ безразсудствѣ и самонадѣянности за то, что я дерзнулъ смѣшать мои сочиненія съ Цезаревыми. Истина неоспоримая, что ни одно сочиненіе, какихъ бы трудовъ и усилій оно ни стоило, не можетъ сравниться съ прелестью Цезаревыхъ записокъ. Они изданы для того, чтобы будущимъ историкамъ сохранить свѣдѣнія о столь великихъ событіяхъ, но до того они заслужили общее одобреніе, что на самомъ дѣлѣ послѣ него стало невозможнымъ писать объ этомъ предметѣ. Мнѣ надлежитъ болѣе прочихъ удивляться Цезарю; другихъ прельщаетъ простота и прелесть его сочиненій, а я одинъ знаю, какъ онъ легко и безъ усилій писалъ ихъ. Въ Цезарѣ удивительная легкость и простота изложенія соединена съ ясностью и правдивостью, съ какими излагаетъ онъ свои дѣйствія. Мнѣ не случилось самому участвовать ни въ Александрійской, ни въ Африканской войнѣ; хотя я отчасти знаю событія этихъ войнъ изъ словъ самого Цезаря, однако иное дѣло излагать по наслышкѣ событія, поразившія насъ своею новостью или заслужившія наше удивленіе, или описывать

ихъ на основаніи собственныхъ наблюденій. Хотя я всячески стараюсь оправдать себя въ покушеніи сравниться съ Цезаремъ, но этимъ самимъ навлекаю на себя обвиненіе въ безразсудной самонадѣянности уже за то только, что я дерзнулъ взяться за то же дѣло, что и Цезарь. Прощай.

---

1. Побѣдивъ всю Галлію, Цезарь хотѣлъ было дать своимъ воинамъ отдохнуть на зимнихъ квартирахъ отъ тяжкихъ трудовъ, такъ какъ все лѣто прошло въ безпрерывныхъ войнахъ. Между тѣмъ доходили до него слухи, что многія племена одновременно хотятъ взяться за оружіе и составляютъ объ этомъ заговоры. Весьма правдоподобную приводили причину ту, что Галлы убѣдились въ невозможности, сосредоточивъ въ одномъ мѣстѣ какія бы то ни было многочисленныя силы, съ успѣхомъ сопротивляться Римлянамъ. Между тѣмъ какъ — такъ они думали — еслибы многія племена въ одно и то же время взялись за оружіе, то у народа римскаго не достало бы ни времени, ни средствъ, ни людей — на всѣхъ пунктахъ противуставить сопротивленіе. И если какое-либо племя и должно было перенести на себѣ временную невзгоду, то она послужила бы къ обезпеченію независимости прочихъ племенъ.

2. Съ цѣлью разувѣрить Галловъ въ такомъ ихъ убѣжденіи, Цезарь ввѣрилъ начальство надъ своими зимними квартирами квестору М. Антонію; а самъ, наканунѣ январскихъ календъ, съ отрядомъ конницы отправился отъ города Бибракта къ 13-му легіону,—а его онъ поставилъ, недалеко отъ области Эдуевъ, на земляхъ Битуриговъ; къ нему присоединилъ онъ находившійся по близости 11-й легіонъ. Оставивъ двѣ когорты для прикрытія обозовъ, Цезарь ввелъ остальное войско въ обильныя всѣмъ земли Битуриговъ. Имѣя область обширную и множество городовъ, это племя не могло быть удержано въ повиновеніи однимъ легіономъ, стоявшимъ у него на зимнихъ квартирахъ, составляло заговоры и готовилось къ войнѣ.

3. Вслѣдствіе внезапнаго прибытія Цезаря случилось, какъ обыкновенно въ такихъ случаяхъ бываетъ, что жители, разсѣянные по полямъ и безоружные, занимавшіеся полевыми работами, сдѣлались добычею нашей конницы прежде, чѣмъ успѣли бѣжать въ города. Обыкновеннаго признака нашествія непріятеля—пожаровъ—на этотъ разъ не было, по приказанію Цезаря. Отчасти онъ не хотѣлъ истреблять запасовъ хлѣба и фуража, которые могли пригодиться при дальнѣй-

шемъ движеніи; отчасти—дабы не привесть въ ужасъ непріятеля пожарами. Тысячами доставались Битуриги въ плѣнъ; тѣ же изъ нихъ, которые успѣли уйдти съ приближеніемъ Римлянъ, въ ужасѣ искали безопасности въ бѣгствѣ къ сосѣднимъ племенамъ, полагаясь на связь гостепріимства съ иными и на единодушіе въ общемъ дѣлѣ. Но они ошиблись въ разсчетѣ. Длинными и поспѣшными переходами Цезарь поспѣвалъ вездѣ и не давалъ племенамъ гальскимъ времени—озаботиться судьбою своихъ единоземцевъ, а заставлялъ думать только о своей. Такою поспѣшностью движеній, Цезарь вѣрныя племена обнадеживалъ всегдашнею помощью, а тѣхъ, которые колебались въ чувствахъ вѣрности, грозою наказанія принуждалъ къ миру. Видя такое положеніе дѣлъ, Битуриги рѣшились прибѣгнуть къ милосердію Цезаря и искать его дружбы, тѣмъ болѣе, что они видѣли, какъ сосѣднія племена, давъ заложниковъ, не были наказаны, а мирно приняты въ повиновеніе; и они поступили также.

4. Цезарь, въ награду воинамъ за ихъ труды и терпѣніе,—они, не смотря на зимнія непогоды, на затрудненія дорогъ, на невыносимую стужу, съ постояннымъ усердіемъ переносили всѣ труды и лишенія,—обѣщалъ выдать, какъ бы вмѣсто военной добычи, простымъ воинамъ по 200 сестерціевъ, а сотникамъ по двѣ тысячи золотыхъ монетъ. Отпустивъ легіоны по зимнимъ квартирамъ, Цезарь самъ на 40-й день удалился въ Бибрактъ. Когда онъ тамъ занимался судомъ и расправою, къ нему явились послы Битуриговъ, прося помощи противъ Карнутовъ, и жалуясь, что тѣ тревожатъ ихъ войною. Узнавъ объ этомъ, Цезарь, проведши на зимнихъ квартирахъ не болѣе 18 дней, легіоны 14-й и 6-й вывелъ съ зимнихъ квартиръ отъ Арара, гдѣ, какъ сказано въ предъидущей книгѣ, они были поставлены для прикрытія подвозовъ провіанта. Такимъ образомъ съ двумя легіонами Цезарь отправился преслѣдовать Карнутовъ.

5. Когда вѣсть о движеніи нашего войска достигла непріятелей, Карнуты, опасаясь бѣдственной участи другихъ племенъ, оставили свои города и деревни,—они наскоро выстроили себѣ небольшія жилища для защиты отъ зимней стужи (еще недавно бо́льшая часть ихъ городовъ была уничтожена вслѣдствіе ихъ пораженія)—бѣжали и разсѣялись въ разныя стороны. Цезарь, не желая подвергать своихъ воиновъ только что наступившимъ во всей силѣ зимнимъ непогодамъ, расположилъ ихъ по квартирамъ, въ городѣ Карнутовъ, Генабѣ, отчасти въ жилищахъ Галловъ, отчасти построенныхъ на скорую руку домахъ, прикрывъ ихъ соломою, приготовленною для покрытія палатокъ. Конницу же и пѣхоту союзныхъ племенъ разослалъ во всѣ стороны, куда, по слухамъ

удалился непріятель. Поиски эти не были тщетны; наши возвратились, обремененные огромною добычею. Карнуты терпѣли жестоко отъ зимняго времени: изгнанные изъ жилищъ, они въ ужасѣ не могли нигдѣ остановиться на долгое время; лѣса же не представляли защиты отъ жестокихъ непогодъ. Такимъ образомъ многіе изъ нихъ погибли, а прочіе разсѣялись по сосѣднимъ племенамъ.

6. Цезарь, принимая въ разсчетъ затрудненія времени года, довольствовался тѣмъ, что предупреждалъ скопленіе непріятельскихъ силъ въ одно мѣсто и не давалъ войнѣ возможности открыться. Сколько можно было предполагать, Цезарь убѣжденъ былъ, что ранѣе лѣта военныя дѣйствія не могли быть важными. А потому онъ Требонія съ двумя легіонами, при немъ находившимися, оставилъ на зимнихъ квартирахъ въ Генабѣ. Самъ, такъ какъ неоднократными посольствами Ремы ему давали знать, что Белловаки, племя храбрѣйшее изо всѣхъ галльскихъ и бельгійскихъ, вмѣстѣ съ сосѣдними имъ племенами, собираютъ войска подъ предводительствомъ Белловака Коррея и Атребата Коммія и сосредоточиваютъ ихъ въ одно мѣсто, намѣреваясь всѣми силами сдѣлать вторженіе въ земли Суессоновъ, находящихся подъ властью Ремовъ, — понимая, что не только честь его, но и самая безопасность повелѣваетъ ему принять всѣ мѣры къ защитѣ союзниковъ, оказавшихъ своею вѣрностью народу римскому большія услуги, вызываетъ снова съ зимнихъ квартиръ девятый легіонъ, а къ К. Фабію посылаетъ письмо, чтобы онъ два легіона, у него находившихся, привелъ въ землю Суессоновъ и призываетъ къ себѣ одинъ изъ двухъ легіоновъ Т. Лабіена. Такимъ образомъ Цезарь, соображаясь съ потребностями войны и расположеніемъ зимнихъ квартиръ, вводилъ поочередно то тотъ, то другой легіонъ въ дѣло, отправляя ихъ одинъ за другимъ въ походы.

7. Собравъ эти войска, Цезарь отправился съ ними въ землю Белловаковъ и, расположившись тамъ лагеремъ, разослалъ во всѣ стороны отряды конницы съ приказаніемъ изловить кого нибудь, кто могъ бы сдѣлать показаніе о намѣреніяхъ непріятелей. Всадники, исполнивъ приказаніе, даютъ знать, что въ селахъ нашли они весьма немногихъ жителей, а прочіе всѣ отвсюду тщательно скрылись,—и тѣ остались не для полевыхъ работъ, но отосланы назадъ для развѣдыванія. Когда у нихъ Цезарь спрашивалъ, гдѣ главныя силы Белловаковъ, и какія ихъ намѣренія, то узналъ, что всѣ Белловаки, способные носить оружіе, собрались въ одно мѣсто, а съ ними Амбіаны, Авлерки, Калеты, Велокассы и Атребаты, что мѣсто для лагеря выбрано возвышенное, среди лѣса, окруженное болотами, что всѣ

свои имущества снесли они въ отдаленную чащу лѣсовъ; что зачинщиковъ войны очень много; но чернь съ большою охотою повинуется особенно Коррею, зная, какъ ему ненавистно самое имя Римлянъ; что нѣсколько дней тому назадъ Атребатъ Коммій уѣхалъ изъ лагеря привесть вспомогательныя войска Германцевъ, которые и близко живутъ, да и въ безчисленномъ множествѣ; что Белловаки постановили, съ согласія всѣхъ старѣйшинъ, къ великому удовольствію народа, въ случаѣ, если Цезарь дѣйствительно, какъ говорили, идетъ къ нимъ съ 3-мя легіонами, предложить ему сраженіе, дабы въ послѣдствіи не имѣть дѣла со всѣмъ войскомъ Римлянъ, что́ было бы для нихъ несравненно затруднительнѣе и тяжеле. Въ случаѣ же, если Цезарь придетъ съ болѣе значительными силами, то Белловаки вознамѣрились оставаться на выбранномъ ими мѣстѣ; а поставивъ засады, препятствовать и вредить всячески Римлянамъ въ поискахъ фуража, по времени года весьма скуднаго и разсѣяннаго по разнымъ мѣстамъ, въ снабженіи ихъ продовольствіемъ и подвозахъ всякаго рода припасовъ.

8. Когда Цезарь узналъ это изъ единогласнаго почти показанія весьма многихъ и разсудилъ, что такой планъ дѣйствій Галловъ исполненъ благоразумія и весьма далекъ отъ ихъ всегдашней опрометчивости. Съ своей стороны онъ рѣшился всѣми силами домогаться того, какъ бы непріятель, презирая малочисленность его войскъ, вышелъ скорѣе въ открытое поле на битву. Онъ имѣлъ удивительной доблести весьма старые легіоны седьмой, восьмой и девятой, одиннадцатый изъ отборныхъ молодыхъ людей, подававшихъ о себѣ большія надежды, служившихъ уже восемь лѣтъ; но, сравнительно съ прочими легіонами онъ не пріобрѣлъ еще такой славы славы заслугъ и мужества. А потому Цезарь, созвавъ совѣтъ и, изложивъ все, что самъ узналъ, ободрилъ воиновъ. На случай того, если онъ будетъ въ состояніи непріятеля, числомъ трехъ легіоновъ, вызвать на бой, Цезарь устроилъ такой порядокъ движенія: легіоны 7-ой, 8-ой и 9-ой должны были идти впереди всѣхъ обозовъ; потомъ вокругъ обозовъ—немногочисленныхъ, какъ обыкновенно бываетъ на походѣ, шелъ 11-й легіонъ; это было сдѣлано съ тою цѣлью, дабы непріятель не замѣтилъ, что Римляне многочисленнѣе, чѣмъ онъ ожидалъ. Устроивъ такимъ образомъ войско почти въ квадратномъ порядкѣ, Цезарь привелъ на видъ непріятелей войско прежде, чѣмъ они его ожидали.

9. Галлы видѣли, что наши легіоны идутъ къ нимъ въ боевомъ порядкѣ мѣрнымъ шагомъ, и хотя Цезарю навѣрное передали ихъ намѣренія, однако они устроили войска свои передъ лагеремъ, а не сошли съ возвышеннаго мѣста, или опасаясь рѣшительнаго дѣла, или

пораженные внезапностью прибытія Римлянъ и желая узнать, какъ тѣ намѣрены поступить. Цезарь хотѣлъ немедленнаго боя; но, видя съ удивленіемъ многочисленность непріятеля, отдѣленнаго долиною болѣе глубокою чѣмъ широкою, сталъ лагеремъ подлѣ непріятельскаго. Онъ приказалъ свой лагерь обнесть валомъ въ 12 футовъ, съ малымъ на немъ брустверомъ, соотвѣтствующимъ его вышинѣ; потомъ велѣлъ вырыть двойной ровъ въ 15 футовъ глубины съ отвѣсными боками. Въ частомъ другъ отъ друга разстояніи воздвигнуты были трехъэтажныя башни, соединенныя одна съ другою помостами, съ лица имѣвшими хворостяную стѣнку для того, чтобы быть защищеннымъ отъ непріятеля двойнымъ рвомъ и двойнымъ рядомъ защитниковъ: одинъ на помостахъ находилъ безопасность въ самой возвышенности мѣста и металъ оттуда стрѣлы тѣмъ смѣлѣе и вѣрнѣе; другой рядъ, вблизи непріятеля расположенный на самомъ валу, помостомъ, подъ которымъ находился, защищенъ былъ отъ падавшихъ сверху непріятельскихъ стрѣлъ. Ворота лагеря были укрѣплены затворами и еще болѣе высокими башнями.

10. Укрѣпленія эти возводились съ двоякою цѣлью: первое, показать непріятелямъ громадностью ихъ, будто мы его боимся, и тѣмъ придать имъ болѣе самонадѣянности. Во-вторыхъ, такъ какъ на дальнее разстояніе надобно было посылать за фуражемъ и провіантомъ, то лагерь нужно было привести въ такое положеніе, чтобы его можно было защищать и небольшими силами вслѣдствіе его крѣпости. Между тѣмъ, несмотря на то, что между обоими лагерями было болото, безпрестанно происходили схватки между выходившими впередъ съ обѣихъ сторонъ немногочисленными воинами: то наши вспомогательныя войска Галловъ и Германцевъ переходили на ту сторону болота и живо тѣснили непріятеля; то напротивъ непріятель перейдя тоже болото, отодвигалъ нашихъ дальше. На ежедневныхъ нашихъ поискахъ за фуражемъ случалось (какъ и надобно было ожидать вслѣдствіе того, что его надлежало отыскивать въ рѣдкихъ и разбросанныхъ строеніяхъ), что наши воины были окружены въ неблагопріятныхъ мѣстахъ и гибли. Эти потери не были важны и ограничивались съ нашей стороны нѣсколькими лошадьми и рабами, но они служили къ поддержанію неблагоразумной самонадѣянности Галловъ. Она еще увеличилась, когда Коммій, который, какъ мы говорили выше, отправился призывать вспомогательныя войска Германцевъ, возвратился и привелъ германскихъ всадниковъ; хотя число ихъ не превышало 500, но прибытіе ихъ весьма ободрило дикарей.

11. Цезарь, видя, что непріятель въ теченіи весьма многихъ дней

держится въ лагерѣ, укрѣпленномъ природою и болотистою мѣстностью, что напасть открытою силою на его лагерь было бы невозможно безъ гибельной борьбы, обложить же его укрѣпленіями требовалось болѣе значительныхъ силъ, послалъ письмо Требонію, чтобы онъ, какъ можно поспѣшнѣе присоединивъ къ себѣ 13-й легіонъ, зимовавшій съ легатомъ Т. Секстіемъ въ земляхъ Битуриговъ, съ тремя легіонами шелъ къ нему поспѣшными переходами, а самъ всадниковъ Ремовъ, Лингоновъ и прочихъ племенъ, въ большомъ числѣ имъ вызванныхъ на войну, послалъ на помощь партіямъ нашихъ фуражировъ для поддержки ихъ въ случаѣ внезапныхъ нападеній непріятеля.

12. Такъ какъ это дѣлалось всякій день, то, какъ обыкновенно случается съ теченіемъ времени, отъ привычки старательность уменьшилась. Белловаки, зная мѣста, гдѣ ежедневно располагались наши конные отряды, собрали отрядъ отборной пѣхоты и устроили засаду въ лѣсистой мѣстности; туда же на другой день посылаютъ всадниковъ сначала навесть нашихъ на скрытую засаду и потомъ окруживъ напасть на нихъ. Судьба назначила Ремамъ это несчастіе: имъ въ этотъ день досталась очередь исполнять обязанности службы. Они, видя вдругъ передъ собою непріятельскихъ всадниковъ и превосходя силами, съ пренебреженіемъ смотрѣли на его малочисленность, съ жаромъ его преслѣдовали и вдругъ окружены со всѣхъ сторонъ толпами непріятельской пѣхоты. Прійдя въ замѣшательство, они отступили поспѣшнѣе, чѣмъ того требовалъ порядокъ коннаго сраженія, потерявъ Вертискона, старѣйшину ихъ племени и начальника конницы. Онъ былъ такъ старъ, что съ трудомъ держался на конѣ, но, по обычаю Галловъ, не захотѣлъ ни подъ предлогомъ старости отказаться отъ начальства надъ конницею, ни допустить своихъ сразиться безъ себя. Удачный результатъ этого сраженія ободрилъ и придалъ мужества непріятелямъ, тѣмъ болѣе, что вождь и начальникъ Ремовъ былъ тутъ убитъ. Нашимъ же уронъ показалъ необходимость—посты ставить въ мѣстности, тщательно осмотрѣнной, а отступающаго непріятеля преслѣдовать умѣреннѣе.

13. Между тѣмъ не переставали ежедневныя схватки въ виду обоихъ лагерей у переправъ и переходовъ черезъ болото. Въ такой борьбѣ Германцы, (приведенные Цезаремъ изъ-за Рейна именно для того, чтобы они сражались перемѣшавшись съ конницею) всѣ дружно перешли болото и, умертвивъ немногихъ, пытавшихся противустать имъ сопротивленіе, упорно гнали передъ собою массу непріятеля. Не только тѣ пришли въ ужасъ, которые непосредственно были тѣснимы, но и тѣ, до которыхъ достигали стрѣлы наши и которые должны были служить

поддержкою первымъ рядамъ,—всѣ обратились въ самое безпорядочное бѣгство. Они не прежде остановились, потерявъ занятыя ими возвышенія, какъ скрывшись въ лагерь, а другіе отъ стыда убѣжали еще далѣе. Ихъ опасностью всѣ войска непріятеля приведены были въ такое смятеніе, что трудно было рѣшить, чего у нихъ больше, самонадѣянности ли при маленькомъ успѣхѣ, или робости при неважномъ пораженіи.

14. Весьма много дней провелъ непріятель въ тѣхъ же лагеряхъ, пока узналъ о приближеніи легіоновъ и легата К. Требонія. Вожди Белловаковъ, опасаясь осады подобной Алезіи, ночью отсылаютъ тѣхъ, которые были слабы возрастомъ или силами или не имѣли оружія и съ ними всѣ обозы. Пока собиралась и готовилась въ путь эта смятенная и безпорядочная толпа (притомъ Галлы, и отправляясь налегкѣ, обыкновенно имѣютъ при себѣ большое число повозокъ), насталъ день. Тогда Галлы вывели свои войска изъ лагеря и расположили ихъ впереди его, для того чтобы задержать погоню Римлянъ и дать время уйдти длинному ряду обозовъ. Цезарь не считалъ нужнымъ ни нападать на хотѣвшихъ сопротивляться, ни преслѣдовать отступавшихъ при неблагопріятной для него крутизнѣ холма; впрочемъ заблагоразсудилъ выдвинуть легіоны впередъ настолько, чтобы въ присутствіи ихъ отступленіе Галловъ не могло совершиться безъ опасности въ виду близости нашихъ воиновъ. Между тѣмъ какъ затруднительное для перехода болото отдѣляло оба лагеря и тѣмъ представляло большое препятствіе для быстраго преслѣдованія отступавшихъ, а по ту сторону находилась гора, почти касавшаяся непріятельскаго лагеря, отъ котораго она была отдѣлена только небольшою долиною; то Цезарь, замѣтивъ это, покрывъ болото мостами, перевелъ легіоны, поспѣшно достигъ до верхней площадки горы и расположился въ боевомъ порядкѣ въ такомъ мѣстѣ, что стрѣлы, брошенныя изъ нашихъ метательныхъ орудій, могли достигать рядовъ непріятельскихъ.

15. Галлы, полагаясь на свойство мѣстности, не отказывались принять сраженіе, въ случаѣ еслибы Римляне вздумали аттаковать ихъ позицію на холмѣ; но не рѣшались мало-по-малу уводить свои войска, опасаясь, какъ бы они врозь не пришли въ смущеніе и потому остались въ боевомъ порядкѣ. Видя ихъ упрямство, Цезарь, оставивъ подъ оружіемъ двадцать когортъ, назначилъ мѣсто для лагеря и приказалъ его укрѣпить. По окончаніи работъ, Цезарь поставилъ легіоны передъ валомъ въ боевомъ порядкѣ; всадники занимали посты на взнузданныхъ лошадяхъ. Белловаки, видя, что Римляне готовы ихъ преслѣдовать, не могли оставаться на этомъ мѣстѣ или

провести на немъ ночь, не имѣя при себѣ съѣстныхъ припасовъ; въ этой крайности они придумали такой планъ отступленія. Изъ предъидущихъ книгъ этого сочиненія видно, что Галлы обыкновенно носятъ съ собою пуки хвороста и садятся на нихъ въ ожиданіи сраженія. Эти-то пуки соломы и хвороста, которыхъ весьма много находилось у нихъ въ лагерѣ, Галлы, передавая изъ рукъ въ руки, сложили въ кучи впереди своего фронта, и съ наступленіемъ вечера, по данному знаку, въ одно и то же время подожгли ихъ. Море огня вдругъ скрыло отъ глазъ Римлянъ непріятельскую армію; пользуясь этимъ, Галлы пустились въ самое поспѣшное бѣгство.

16. Цезарь, хотя за пожаромъ и не могъ видѣть бѣгства непріятелей, однако, подозрѣвая, что такой планъ дѣйствія придуманъ для бѣгства, двинулъ впередъ легіоны, а конницу послалъ въ погоню; самъ же двигался медленно, опасаясь засады и того, какъ бы непріятель не попытался остановиться въ томъ же мѣстѣ и заманить нашихъ на бой въ неблагопріятной мѣстности. Наши всадники опасались пуститься въ середину дыма и густѣйшаго пламени и тѣ, которые съ большимъ усердіемъ пытались туда проникнуть, едва могли видѣть головы собственныхъ лошадей; опасаясь засады, они дали Белловакамъ полную возможность уйдти. Совершивъ такимъ образомъ бѣгство, исполненное и робости и изобрѣтательности, безо всякаго урона, непріятель, пройдя впередъ не болѣе 10 миль, сталъ лагеремъ въ самой крѣпкой мѣстности. Оттуда, разставляя часто въ засады пѣшихъ и конныхъ воиновъ, непріятель наносилъ большой вредъ нашимъ въ ихъ фуражировкахъ.

17. Когда это стало случаться все чаще и чаще, Цезарь узналъ отъ одного плѣннаго, что Коррей, вождь Белловаковъ, съ отрядомъ 6 тысячъ человѣкъ отборной пѣхоты и тысячи человѣкъ лучшей конницы, расположился въ засадѣ въ томъ мѣстѣ, куда подозрѣвалъ, что Римляне пришлютъ вслѣдствіе обилія хлѣба и фуража. Узнавъ объ этомъ намѣреніи, Цезарь вывелъ болѣе легіоновъ, чѣмъ обыкновенно, и послалъ впередъ конницу, которую пріобыкъ посылать въ защиту фуражирамъ; вмѣстѣ съ конницею отправилъ онъ легковооруженныхъ пѣшихъ, а самъ пододвинулся съ легіонами сколько только могъ ближе.

18. Непріятели, расположенные въ засадѣ, избрали себѣ для дѣйствія поляну, которая во всѣ стороны простиралась не болѣе какъ на тысячу шаговъ, опоясанная со всѣхъ сторонъ непроходимыми лѣсами и преглубокою рѣкой; эту поляну окружили они засадою, какъ бы тенетами. Наши, зная объ умыслѣ непріятеля, готовы были встрѣтить бой;

для него все у нихъ было приготовлено—и духъ, и оружіе; надѣясь на содѣйствіе слѣдовавшихъ за ними легіоновъ, они не отказались бы ни отъ какой борьбы, и по-эскадронно прибыли къ назначенному мѣсту. Съ ихъ прибытіемъ, Коррей счелъ случай благопріятнымъ для нападенія; сначала онъ, показавшись съ немногими, ударилъ на ближайшіе къ нему наши эскадроны. Наши твердо выдерживаютъ натискъ непріятелей и не толпятся многіе въ одно мѣсто, какъ это часто случается и вредно въ сраженіяхъ конницы происходя вслѣдствіе какихъ либо опасеній, и въ такомъ случаѣ вслѣдствіе самой многочисленности получается уронъ.

19. Между тѣмъ какъ наши выдерживали нападеніе отдѣльными эскадронами, не допуская обходить себя съ боковъ, прочіе непріятели, видя, что Коррей вступилъ въ бой, устремились изъ лѣсу. Бой въ разныхъ мѣстахъ завязался съ равнымъ упорствомъ; долго продолжался онъ съ одинаковымъ съ обѣихъ сторонъ счастіемъ; наконецъ мало-по-малу вышла непріятельская пѣхота въ боевомъ порядкѣ и вынудила нашихъ всадниковъ отступить; на выручку ея поспѣшно двинулись легковооруженные пѣшіе, о которыхъ я сказалъ, что они посланы впереди легіоновъ; ставъ въ промежутки нашихъ эскадроновъ, они упорно сражались и бой продолжался нѣсколько времени съ равнымъ упорствомъ, потомъ, какъ и требовалъ порядокъ сраженія, тѣ, которые выдержали первой натискъ вышедшихъ изъ засады, этимъ самимъ взяли верхъ, что и будучи застигнуты въ расплохъ не понесли никакого урона отъ напавшихъ. Между тѣмъ легіоны наши подошли ближе, и въ одно и то же время частыя вѣсти приносятся намъ и врагамъ, что главный вождь тутъ съ войскомъ, готовымъ къ бою. Узнавъ объ этомъ, наши, полагаясь на содѣйствіе когортъ, стали сражаться съ большимъ жаромъ, опасаясь, какъ бы въ случаѣ замедленія не раздѣлить славу побѣды съ легіонами. Непріятель упалъ въ духѣ и искалъ спасенія въ бѣгствѣ разными путями, но напрасно; тѣ же затрудненія мѣстности, коими онъ хотѣлъ замкнуть Римлянъ, задержали его самого. Побѣжденные въ ужасѣ бѣжали на-удачу, стремились и въ лѣса и въ рѣку, ослѣпленные страхомъ; большая часть ихъ погибла: наши жарко преслѣдовали и убивали ихъ. И въ такомъ бѣдственномъ положеніи Коррей не хотѣлъ, ни, оставивъ поле битвы, искать спасенія въ лѣсахъ, ни сдаться, несмотря на убѣжденія нашихъ; храбро сражаясь и переранивъ много нашихъ, онъ вынудилъ раздраженныхъ побѣдителей забросать его стрѣлами.

20. Такимъ образомъ дѣло было уже кончено, когда Цезарь всту-

пилъ на свѣжіе слѣды сраженія. Онъ полагалъ, что непріятель, будучи пораженъ такимъ бѣдствіемъ и получивъ о немъ вѣсть, оставитъ мѣсто лагерей, которое, какъ говорили, находилось отъ побоища тысячахъ въ 8 шаговъ разстоянія. Итакъ, несмотря на затрудненія переправы, Цезарь перевелъ легіоны черезъ рѣку и двинулся впередъ. Белловаки и прочія галльскія племена принявъ поспѣшно изъ бѣгства немногихъ и тѣхъ раненыхъ, избѣжавшихъ отъ смерти только по милости лѣсовъ, видя, что все противъ нихъ: Коррей убитъ, конница утрачена и лучшая пѣхота, и ожидая съ часу на часъ прихода Римлянъ, звукомъ трубъ созвали вдругъ совѣтъ и криками изъявили на немъ желаніе—немедленно послать къ Цезарю пословъ и заложниковъ.

21. Намѣреніе это одобрено всѣми, а Коммій Атребатъ бѣжалъ къ тѣмъ Германцамъ, отъ которыхъ на эту войну привелъ было вспомогательное войско. Прочіе немедленно отправляютъ пословъ къ Цезарю и просятъ: «удовольствоваться такимъ ихъ наказаніемъ, какому бы онъ никогда, по своему милоссердію и человѣколюбію, не подвергъ ихъ безъ войны, если бы и былъ въ состояніи. Въ сраженіи конницы сокрушилось могущество Белловаковъ; много тысячъ отборныхъ пѣшихъ воиновъ погибло; едва ушли вѣстники побоища. Впрочемъ и въ такомъ бѣдствіи этимъ сраженіемъ пріобрѣли они ту большую выгоду, что убитъ Коррей, виновникъ войны, возмутитель народа. При жизни его сенатъ имѣлъ гораздо менѣе власти, чѣмъ неразумная чернь.

22. На эти мольбы пословъ Цезарь имъ напомнилъ: «что въ одно и то же время въ предъидущемъ году Белловаки и прочія галльскія племена взялись за оружіе; что они упорно и долѣе всѣхъ оставались при своемъ умыслѣ и примѣръ покорности другихъ не могъ ихъ образумить. Знаетъ онъ и понимаетъ, что вину грѣха всего легче свалить на мертвыхъ; а впрочемъ никто не можетъ имѣть столько силы, чтобы, безъ согласія старѣйшинъ, при противудѣйствіи сената и всѣхъ благонамѣренныхъ гражданъ, опираясь на одну безсильную чернь, быть въ состояніи возбудить и вести войну. Несмотря на то, онъ довольствуется мѣрою наказанія, ими самими себѣ нанесеннаго».

23. На слѣдующую ночь послы принесли къ своимъ согражданамъ отвѣтъ Цезаря; они начали готовить заложниковъ. Стеклись послы прочихъ племенъ, такъ какъ они смотрѣли на исходъ дѣла Белловаковъ; они дали заложниковъ и исполнили приказанія, за исключеніемъ Коммія, а тотъ отъ страха не рѣшался никому довѣрить своей безопасности. Въ предъидущемъ году Т. Лабіенъ, между тѣмъ какъ Цезарь въ ближней Галліи оказывалъ судъ и расправу, слыша, что Коммій составляетъ

противъ Цезаря заговоръ и приглашаетъ къ тому галльскія племена, счелъ себя въ правѣ на его измѣну отвѣчать хитростью, безо всякаго вѣроломства. Полагая, что онъ на зовъ не прійдетъ въ лагерь, а попыткою какъ бы не сдѣлать его осторожнѣе — Лабіенъ послалъ къ нему К. Волузена Квадрата, поручивъ ему, подъ предлогомъ совѣщанія, умертвить Коммія; на этотъ предметъ далъ ему отборныхъ и способныхъ сотниковъ. Когда сошлись на совѣщаніе — это долженствовало служить условнымъ знакомъ—Волузенъ схватилъ руку Коммія, сотникъ нанесъ мечемъ Коммію тяжелый, но не смертельный, ударъ въ голову; или не пріучивъ еще руку къ убійству, или можетъ быть удержанный приближенными Коммія, но онъ не могъ его прикончить. Обѣ стороны извлекли мечи, но и тѣ и другіе думали болѣе о бѣгствѣ, чѣмъ о сраженіи: наши полагая, что Коммій получилъ смертельную рану, а Галлы, узнавъ о коварномъ умыслѣ, опасались худшаго, чѣмъ что уже видѣли. Послѣ этого происшествія—говорятъ —Коммій далъ клятву никогда и на глаза не показываться никакому Римлянину.

24. Побѣдивъ такимъ образомъ самыя воинственныя племена, Цезарь видѣлъ, что ни одно уже не замышляло войны и не думало о сопротивленіи. Только иные, упорно избѣгая въ настоящее время власти Римлянъ, оставляли города и бѣжали изъ своихъ земель. Тогда Цезарь заблагоразсудилъ разослать войско какъ можно больше въ разныя стороны. М. Антонію, квестору, съ одиннадцатымъ легіономъ, онъ велѣлъ при себѣ оставаться; а легата К. Фабія съ 25-ю когортами онъ отправилъ на самый противуположный конецъ Галліи, гдѣ, какъ до него дошелъ слухъ, нѣкоторыя племена были подъ оружіемъ; для усмиренія ихъ, какъ полагалъ Цицеронъ, недостаточно было двухъ легіоновъ, расположенныхъ тамъ подъ начальствомъ легата К. Канинія Ребила. Т. Лабіена Цезарь призываетъ къ себѣ, а 12-й легіонъ, бывшій съ нимъ на зимнихъ квартирахъ, посылаетъ въ Галлію Тогату, для защиты находившихся тамъ поселеній римскихъ гражданъ въ предупрежденіе того, дабы они не пострадали отъ внезапнаго набѣга Галловъ, какъ случилось въ прошломъ лѣтѣ съ Тергестинцами, которые внезапнымъ разбойническимъ набѣгомъ и натискомъ ихъ подавлены. Самъ Цезарь отправился разорять и опустошать владѣнія Амбіорикса. Такъ какъ Цезарь потерялъ надежду захватить въ свои руки Амбіорикса, пораженнаго страхомъ и находившаго спасеніе въ бѣгствѣ съ одного мѣста на другое, то и призналъ наиболѣе соотвѣтствующимъ своему достоинству до того истреблять въ его владѣніяхъ жителей, строеніе и скотъ, чтобы Амбіориксъ сдѣлался нена-

вистнымъ тѣмъ изъ его соотечественниковъ, которые пощажены будутъ судьбою, и вслѣдствіе такихъ потерь возвратъ для него въ отечество сдѣлался бы невозможнымъ.

25. Цезарь разослалъ во всѣ стороны владѣній Амбіорикса частью легіоны, а частью союзныя войска; убійства, пожары, грабежи не прекращались. Умертвивъ и взявъ въ плѣнъ множество непріятелей, Цезарь послалъ въ землю Тревировъ Лабіена съ 2-мя легіонами. Племя ихъ, вслѣдствіе сосѣдства Германіи, пріобрѣло опытность въ ежедневныхъ войнахъ, образомъ жизни и дикостью немного разнилось отъ Германцевъ и никогда не исполняло приказаній иначе, какъ вынужденное войскомъ.

26. Между тѣмъ легатъ Л. Каниній, которому Дурацій (остававшійся постоянно вѣрнымъ союзу Римлянъ, несмотря на отпаденіе нѣкоторой части его соотечественниковъ) далъ знать и письмами и чрезъ гонцовъ, что большія силы непріятелей сосредоточились въ области Пиктоновъ, двинулся къ городу Лемону *). Прибывъ туда, онъ повѣрнѣе узналъ отъ плѣнныхъ, что, вождь Андіевъ, Думнакъ съ многими тысячами воиновъ осадилъ Дурація въ Лемонѣ; не рѣшаясь свои слабые легіоны пустить въ сраженіе съ непріятелемъ, Каниній расположился лагеремъ въ укрѣпленномъ мѣстѣ. Думнакъ, узнавъ о приближеніи Канинія, обратилъ всѣ войска противъ легіоновъ и замыслилъ сдѣлать приступъ къ лагерю Римлянъ. Потративъ весьма много дней на осаду и съ большимъ урономъ своихъ, не могъ повредить никакой части нашихъ укрѣпленій и обратился снова къ осадѣ Лемона.

27. Въ то же время легатъ К. Фабій принялъ покорность весьма многихъ племенъ, взялъ у нихъ заложниковъ и изъ писемъ Канинія узналъ о томъ, что происходитъ въ землѣ Пиктоновъ; свѣдавъ объ этихъ дѣлахъ, онъ отправился подать помощь Дурацію. Узнавъ о приходѣ Фабія, Думнакъ отчаялся въ спасеніи, если онъ будетъ вынужденъ въ одно и то же время и выдержать извнѣ непріятелей Римлянъ и озираться съ опасеніемъ на горожанъ, немедленно отступилъ съ своими войсками. Онъ не прежде счелъ бы себя въ безопасности, какъ когда успѣлъ бы перевести свои войска черезъ рѣку Лигеръ, чрезъ которую по ея значительности былъ мостъ. Фабій, хотя еще не видалъ непріятеля и не успѣлъ соединиться съ Канинiемъ, но, основываясь на показаніяхъ людей, хорошо знавшихъ мѣстность, дога-

*) Нынѣ—Пуатье.

дался, куда направитъ свое движеніе устрашенный непріятель. А потому онъ двинулся съ войскомъ къ тому же мосту, отдавъ приказаніе конницѣ идти впереди легіоновъ настолько, чтобы она всегда могла безъ утомленія коней въ случаѣ нужды имѣть убѣжище въ одномъ и томъ же лагерѣ съ пѣхотою. Наша конница, двигаясь впередъ сообразно данному ей наставленію, нагнала войско Думнака, и напавъ на непріятеля бѣгущаго, смятеннаго ужасомъ и обремененнаго тяжестями, многихъ избила и получила богатую добычу. Такимъ образомъ сдѣлавъ блистательное дѣло, наша конница удалилась въ лагерь.

28. На слѣдующую ночь Фабій послалъ впередъ всадниковъ такъ изготовленныхъ, чтобы они сразились и задержали все войско, пока нагонитъ ихъ самъ. Чтобы дѣло сдѣлалось согласно съ этимъ наказомъ, А. Аттій Варъ, начальникъ всадниковъ, отличавшійся рѣдкимъ мужествомъ и благоразуміемъ, дѣлаетъ увѣщаніе своимъ и, нагнавъ непріятельское войско, часть конницы отрядами расположилъ на выгодныхъ мѣстахъ, а съ частью завязалъ сраженіе. Непріятельская конница смѣло ударила на нашу, опираясь на слѣдовавшую за нею пѣхоту, а пѣшіе, развернувъ свой фронтъ, на всѣхъ пунктахъ поддерживали противъ насъ свою конницу. Сраженіе было весьма упорное: наши, презирая наканунѣ еще побѣжденнаго ими непріятеля и зная, что съ часу на часъ должны подойдти легіоны, упорно сражались съ непріятельскою пѣхотою, не желая подвергнуться позору отступленія и желая сами довершить сраженіе. Непріятель же, полагая, что нашихъ войскъ нисколько болѣе не пойдетъ какъ онъ узналъ наканунѣ, думалъ воспользоваться случаемъ истребить нашу конницу.

29. Нѣсколько времени бой былъ самый упорный. Думнакъ устроилъ боевую линію пѣхоты съ тѣмъ, чтобы она съ своей стороны была опорою конницѣ. Тутъ вдругъ густые ряды легіоновъ показались въ виду непріятеля. Это зрѣлище поразило ужасомъ его пѣшіе и конные полки и распространило смятеніе въ его обозѣ, и непріятели съ большими криками пустились бѣжать въ разсыпную. А наши всадники, которые не задолго прежде съ сопротивляющимися сразились самымъ храбрымъ образомъ, въ торжествѣ побѣды испустили радостные и дружные клики и пустились въ погоню за бѣгущими; они гнали ихъ сколько позволили силы коней и убивали, пока не утомились ихъ руки. Болѣе 12,000 убито непріятелей, отчасти вооруженныхъ, отчасти въ страхѣ пометавшихъ оружіе, и весь обозъ непріятеля захваченъ.

30. Скоро узнали, что при этомъ пораженіи Драппетъ Сенонъ (онъ при самомъ началѣ возстанія Галліи собралъ вокругъ себя шайку негодяевъ разнаго рода, рабовъ, призванныхъ имъ къ свободѣ изгнанниковъ разныхъ племенъ, разбойниковъ, перехватывалъ обозы и припасы Римлянъ), собравъ не болѣе какъ тысячь пять бѣглецовъ, бросился съ ними къ сторонѣ провинціи. Соучастникомъ его умысла былъ Кадуркъ Луктерій (изъ предъидущей книги видно, что, при началѣ возстанія Галліи, замышлялъ онъ сдѣлать нападеніе на провинцію). Легатъ Каниній съ 2 легіонами устремился за ними въ погоню, дабы не допустить шайку негодяевъ внесть страхъ или опустошеніе въ провинцію и тѣмъ бросить тѣнь на славу римскаго оружія.

31. К. Фабій съ остальнымъ войскомъ отправился въ землю Карнутовъ и прочихъ племенъ, силы которыхъ, какъ ему было извѣстно, сокрушены были въ сраженіи съ Думнакомъ. Онъ несомнѣвался, что, по случаю недавняго бѣдствія, они будутъ покорнѣе, а оправившись со временемъ, они могутъ снова возстать по наущеніямъ того же Думнака. Въ этомъ случаѣ счастіе и быстрота удивительно благопріятствовали Фабію въ усмиреніи племенъ. Такъ Карнуты, которые, часто терпя вредъ, никогда о мирѣ не упоминали, изъявили покорность и дали заложниковъ. Прочія племена, находящіяся въ отдаленныхъ концахъ Галліи, близь океана, носящія названіе Арморическихъ, слѣдуя примѣру Карнутовъ, съ прибытіемъ Фабія и легіоновъ, немедленно исполняютъ приказанія. Думнакъ, изгнанный изъ отечества и блуждая и скитаясь одинъ, вынужденъ былъ уйдти въ самыя отдаленныя мѣста Галліи.

32. А Драппесъ и вмѣстѣ съ нимъ Луктерій, узнавъ, что Каниній съ легіонами идетъ за ними вслѣдъ, не рѣшились идти въ провинцію на явную гибель, имѣя по пятамъ за собою римское войско; равно видѣли невозможность долѣе безнаказанно производить свои набѣги и грабежи; они остановились въ землѣ Кадурковъ. Здѣсь Луктерій, пользуясь вліяніемъ, какое онъ имѣлъ во времена благоденствія на своихъ соотечественниковъ, и вообще благосклонностью, съ какою Галлы постоянно смотрятъ на виновника новыхъ замысловъ, занялъ своими войсками и Луктеріевыми городъ Укселлодунъ, находившійся подъ его покровительствомъ. Городъ этотъ сильно укрѣпленъ мѣстностью; жители его пристали къ сторонѣ Луктерія.

33. К. Каниній поспѣшно прибылъ туда. Онъ увидѣлъ, что городъ защищенъ со всѣхъ сторонъ такими крутыми скалами, что даже еслибы и никто его не защищалъ, то и въ такомъ случаѣ вооруженнымъ воинамъ трудно взойдти къ нему. Находившіеся же въ городѣ

Галлы имѣли при себѣ такіе большіе обозы, что еслибы они вздумали съ ними вмѣстѣ спастись тайнымъ бѣгствомъ, то не только конница могла ихъ настичь, но имъ невозможно было бы уйдти и отъ легіоновъ. Раздѣливъ свои когорты на три части, Каниній сдѣлалъ три лагеря на самой возвышенной мѣстности; отъ нихъ онъ мало-по-малу, сколько позволяли силы войска, рѣшился весть валъ кругомъ города.

34. Замѣтивъ это, горожане, озабоченные воспоминаніемъ о, въ высшей степени несчастной, судьбѣ Алезіи опасались такой же участи въ случаѣ осады, а болѣе всѣхъ Луктерій, который самъ на себѣ испыталъ ее; онъ, внушалъ жителямъ города необходимость запастись хлѣбомъ. Итакъ, съ общаго согласія, положено: Луктерію, оставивъ часть войска въ городѣ, отправиться съ остальнымъ налегкѣ для привоза хлѣба. Когда этотъ планъ дѣйствія былъ одобренъ, то въ слѣдующую же ночь Драппесъ и Луктерій вывели войска изъ города, оставивъ въ немъ двѣ тысячи вооруженныхъ воиновъ. Въ короткое время Луктерій и Драппесъ собрали въ землѣ Кадурковъ множество хлѣба; одни добровольно имъ его доставляли, а другіе и хотѣли бы отказать, да не смѣли; нѣсколько разъ ночью они производили даже нападенія на наши укрѣпленія. Вслѣдствіе этого К. Каниній медлилъ окружать весь городъ укрѣпленіями, опасаясь или не быть въ состояніи вездѣ прикрывать ихъ, или раздробленіемъ войска по разнымъ мѣстамъ боясь его ослабить.

35. Собравъ большое количество хлѣба, Драппесъ и Луктерій остановились отъ города не далѣе какъ въ 10 миляхъ и оттуда намѣревались мало-по-малу ввезти хлѣбъ въ городъ. Они раздѣлили между собою занятія: Драппесъ остался прикрывать лагерь съ частью войскъ, а Луктерій повелъ въ городъ вьючныхъ животныхъ. Разставивъ тамъ вооруженные отряды, Луктерій, часу въ 10 ночи, отправился съ обозомъ къ городу по узкимъ дорогамъ, шедшимъ по лѣсу. Услыхали шумъ; караульными нашего лагеря посланы лазутчики и они то дали знать о томъ, что происходило. Каниній, получивъ объ этомъ донесеніе, собралъ вооруженныя когорты изъ ближайшихъ укрѣпленій и поспѣшно на разсвѣтѣ ударилъ на обозъ непріятелей. Они, прійдя въ ужасъ отъ неожиданной бѣды, бѣжали къ своимъ вооруженнымъ отрядамъ; а наши, увидавъ ихъ, еще болѣе разгорячились противъ вооруженныхъ и изъ того числа никого живымъ не брали въ плѣнъ. Бѣжалъ оттуда съ немногими Луктерій, но не въ лагерь.

36. Послѣ этого удачнаго дѣла, Каниній отъ плѣнныхъ узналъ, что часть непріятельскихъ войскъ, подъ начальствомъ Драппеса, нахо-

дится въ лагерѣ, въ разстояніи не болѣе 12 миль. Удостовѣряясь отъ многихъ въ истинѣ этого извѣстія, Каниній не безъ основанія полагалъ, что оробѣвшаго непріятеля теперь не трудно подавить, обративъ уже въ бѣгство одного его вождя. Весьма благопріятнымъ въ этомъ случаѣ обстоятельствомъ было то, что изъ бѣглецовъ ни одинъ не явился въ лагерь дать знать Драппету о случившемся пораженіи. Не видя никакой опасности попытать счастья, Каниній послалъ впередъ къ непріятельскому лагерю всю конницу и Германцевъ пѣшихъ, отличающихся неимовѣрною быстротою движенія; а самъ, распредѣливъ одинъ легіонъ по тремъ лагерямъ, съ другимъ пошелъ въ походъ налегкѣ. Приблизившись къ непріятелю, Каниній узналъ отъ своихъ посланныхъ впередъ лазутчиковъ, что лагерь непріятеля, по обычаю Галловъ, находится не на верху горы, а на ея покатости къ рѣкѣ. Германцы и всадники наши вдругъ ударили на непріятеля, не ожидавшаго нападенія, и начали сраженіе. Узнавъ объ этомъ, Каниній привелъ и легіонъ подъ оружіемъ въ боевомъ порядкѣ. Вдругъ, по данному знаку, со всѣхъ сторонъ Римляне заняли высоты. Когда это случилось, Германцы и всадники, видя значки легіоновъ, сражались съ большимъ жаромъ. Когорты наши разомъ совсѣхъ сторонъ устремились на враговъ: Галлы были почти всѣ или побиты, или взяты въ плѣнъ; добыча же захвачена огромная. Въ этомъ сраженіи захваченъ въ плѣнъ самъ Драппесъ.

37. Каниній, совершивъ чрезвычайно счастливо это дѣло безо всякой почти раны кого либо изъ воиновъ, возвратился къ осадѣ города. Уничтоживъ внѣшняго врага, опасеніе котораго препятствовало ему до сихъ поръ раздѣлять вооруженные отряды и укрѣпленіемъ окружить осажденныхъ, велитъ его вести со всѣхъ сторонъ разомъ. На другой день туда же прибылъ съ своими войсками К. Фабій и взялъ на себя осаждать часть города.

38. Между тѣмъ Цезарь оставилъ квестора М. Антонія въ землѣ Белловаковъ съ 15 когортами, изъ опасенія, дабы не дать Белгамъ возможности придумать новые замыслы. Самъ онъ посѣтилъ прочія племена, приказалъ выставить болѣе заложниковъ, а своими ласковыми рѣчами успокоилъ жителей, бывшихъ въ страхѣ. Прибывъ въ землю Карнутовъ, которые, какъ видно изъ записокъ Цезаря, были зачинщиками войны и потому, по сознанію свои проступковъ, опасались за себя болѣе другихъ, Цезарь, чтобы скорѣе успокоить умы прочихъ гражданъ, потребовалъ выдать ему для казни виновника возстанія и возмутителя народа—Гутруата. Онъ, хотя даже соотечественникамъ своимъ не довѣрялся, однако, вслѣдствіе самыхъ тщательныхъ поисковъ, пойманъ

и приведенъ въ лагерь Цезаря. Вынужденъ былъ Цезарь противъ побужденій сердца своего казнить этого человѣка, смерти котораго требовали воины громкими криками, припоминая всѣ потери и бѣдствія, перенесенныя ими черезъ него. Вслѣдствіе этого Гутруатъ умеръ подъ розгами и потомъ ему отрублена голова сѣкирою.

39. Тутъ узналъ онъ изъ частыхъ писемъ Канинія, что̀ сдѣлано относительно Драппеса и Луктерія и что̀ предприняли жители города. Хотя малочисленность непріятелей внушала только къ нимъ презрѣніе, но упорство ихъ тѣмъ не менѣе заслуживало, по мнѣнію Цезаря, строгаго наказанія. Иначе вся Галлія почла бы, что не силъ недостало у ней для сопротивленія Римлянамъ, а постоянства и прочія племена, увлекаемыя примѣромъ и полагаясь на крѣпкую мѣстность, станутъ домогаться свободы; а онъ зналъ, что всѣмъ Галламъ извѣстно, что ему, Цезарю, осталось годъ управлять Галліею, и они были убѣждены, что стоило имъ только этотъ годъ выдержать, а затѣмъ уже опасности дальше ни какой не будетъ. Итакъ онъ оставилъ легата К. Калена съ 2 легіонами и приказалъ имъ слѣдовать за собою прямымъ путемъ, а самъ со всею конницею, какъ можно поспѣшнѣе, двинулся къ Канинію.

40. Когда Цезарь, сверхъ всеобщаго ожиданія, прибылъ въ Уксуллодунъ и видѣлъ, что городъ со всѣхъ сторонъ окруженъ осадными работами, и что никакъ нельзя оставить осаду; а съ другой стороны изъ показаній перебѣжчиковъ видно было, что городъ снабженъ большимъ количествомъ хлѣба; потому Цезарь пытался отрѣзать непріятелю воду. Рѣка перерѣзывала низменную долину, опоясывавшую почти со всѣхъ сторонъ гору, на крутой и обрывистой вершинѣ которой расположенъ городъ Уксуллодунъ. Мѣстность не позволяла отвесть воду изъ этой рѣки; у подошвы горы она неслась съ такою быстротою, что ни въ одну сторону, какъ бы ни были глубоки рвы, она не могла сбѣгать. Для жителей города сходъ къ рѣкѣ былъ весьма затруднителенъ по его крутизнѣ, такъ что, подвергаясь нападенію нашихъ, они не могли безъ опасности жизни ни подходить къ рѣкѣ, ни безъ вреда возвращаться въ городъ по крутымъ скатамъ горы. Видя такое затрудненіе горожанъ Цезарь расположилъ стрѣлковъ и пращниковъ, а противъ мѣстъ, представлявшихъ удобнѣйшій сходъ, онъ помѣстилъ метательныя орудія и тѣмъ препятствовалъ осажденнымъ брать воду изъ рѣки. Тогда они начали ходить за водою всѣ въ одно мѣсто, гдѣ, почти подъ самою стѣною города, билъ изъ горы сильный ключь, и съ этой стороны до рѣки было шаговъ триста разстоянія.

41. Всѣ видѣли необходимость отрѣзать горожанъ отъ этого водо-

поя; но Цезарь одинъ изыскалъ къ тому средство. Онъ съ этой стороны приказалъ вести насыпь при помощи крытыхъ ходовъ; это предпріятіе стоило великихъ трудовъ и постоянныхъ стычекъ съ непріятелемъ. Жители города, сбѣгая съ болѣе возвышеннаго мѣста, издали сражались безопасно и много нашихъ упорно подходившихъ было ими переранено; но воины наши не могли быть остановлены, вели траншеи и работами побѣждали затрудненія мѣстности. Въ тоже время стали проводить потайныя мины отъ мѣста осадныхъ работъ къ самому роднику, а этотъ родъ работы можно было вести безо всякой опасности и не внушая непріятелю подозрѣній. Насыпь сдѣлали въ вышину 9 футовъ, и на ней устроили башню въ 10 этажей; но и тутъ она не могла равняться съ вышиною стѣны — достигнуть этого было рѣшительно невозможно,—но она превысила уровень родника. Съ этой башни стрѣлы, бросаемыя изъ машинъ, достигали родника и жители города не могли болѣе ходить за водою безъ большой опасности. Такимъ образомъ не только скотъ и лошади, но и множество людей гибло отъ недостатка воды.

42. Устрашенные этою бѣдою жители города наполняютъ бочки соломою, смолою и щепками и, зажегши ихъ, бросаютъ въ наши осадныя работы. Въ то же время они завязали самый упорный бой для того, чтобы сраженіемъ и опасностью отвлечь Римлянъ отъ потушенія пожара. Вдругъ возникло сильное пламя въ самихъ работахъ. Пущенныя по крутому склону горы, зажженныя бочки останавливались у крытыхъ ходовъ и насыпи и зажигали все, что имъ попадалось на встрѣчу. Напротивъ наши воины, несмотря на опасный родъ битвы и на неблагопріятныя для нихъ условія мѣстности, сражались съ величайшимъ усердіемъ. Битва происходила на возвышеніи и въ виду всего нашего войска; съ обѣихъ сторонъ поднимались громкіе военные клики. Итакъ храбрые воины выбивались изъ силъ, чтобы показать и засвидѣльствовать свою храбрость и смѣло бросались на встрѣчу стрѣламъ непріятельскимъ и огню.

43. Цезарь, видя, что множество нашихъ воиновъ переранено, приказалъ когортамъ со всѣхъ сторонъ города всходить на гору и поднять отовсюду большой крикъ, какъ бы они уже готовы были занять стѣны города. Приведенные въ ужасъ этимъ жители, не зная, что происходитъ въ прочихъ мѣстахъ, въ нерѣшительности отзываютъ вооруженныхъ отъ нападенія на работы и располагаютъ ихъ по стѣнамъ. Тогда наши, по окончаніи сраженія, поспѣшно работы, охваченныя пламенемъ, частью погашаютъ, частью ломаютъ. Непріятели упорно сопротивлялись и оставались при своемъ образѣ

мыслей, хотя большая часть ихъ погибла отъ жажды. Наконецъ подземными работами отведена вода изъ родника, такъ что онъ, прежде неистощимый, изсякъ вдругъ. Жители города пришли въ отчаяніе, думая въ этомъ видѣть не дѣйствіе усилій человѣческихъ, но волю божества и, вынужденные крайностью, сдались.

44. Цезарь, зная, что его милосердіе извѣстно всѣмъ, не опасался болѣе, чтобы его строгость приписали жестокости, а не предвидѣлъ успѣшнаго конца своихъ намѣреній, если въ разныхъ мѣстахъ возникнутъ подобныя упорныя возстанія; и потому онъ счелъ за нужное примѣрнымъ наказаніемъ устрашить прочихъ. Вслѣдствіе этого онъ приказалъ всѣмъ изъ осажденныхъ, которые носили оружіе, отрубить руку, оставивъ имъ жизнь, чтобы они служили живымъ урокомъ для другихъ. Драппесъ, о которомъ мы сказали выше, что онъ взятъ въ плѣнъ Каниніемъ, или отъ огорченія и боли оковъ, или изъ опасенія болѣе тяжкаго наказанія, нѣсколько дней не принималъ пищи и такимъ образомъ лишилъ себя жизни. Въ то же время Луктерій, о которомъ я уже писалъ, что онъ бѣжалъ изъ сраженія, попался въ руки Арверну Эпазнакту (Луктерій безпрестанно переѣзжалъ съ мѣста на мѣсто, ввѣряя свою жизнь разнымъ лицамъ и не рѣшаясь долго оставаться на одномъ мѣстѣ, сознавая, какого жестокаго врага онъ сдѣлалъ себѣ въ Цезарѣ). Епазнактъ, изъ приверженности къ народу римскому, нисколько не усомнился задержать Луктерія и въ оковахъ его представить къ Цезарю.

45. Лабіенъ между тѣмъ имѣлъ съ Тревирами удачное конное сраженіе. Много Тревировъ убито, а старѣйшины Германцевъ, никогда не отказывавшіе въ своемъ содѣйствіи противъ Римлянъ, достались ему живые въ руки. Въ числѣ взятыхъ въ плѣнъ находился и Эдуй Суръ, отличавшійся и доблестями и знатностью происхожденія; онъ одинъ изъ Эдуевъ по сіе время еще не положилъ оружія.

46. Узнавъ объ этомъ, Цезарь, видя, что во всѣхъ частяхъ Галліи дѣла наши въ прекрасномъ положеніи, и убѣжденный, что прошлогоднею кампаніею Галлія окончательно побѣждена и усмирена, съ двумя легіонами двинулся въ Аквитанію; дотолѣ Цезарь самъ въ ней еще не былъ, но нѣкоторую часть ея покорилъ черезъ П. Красса; теперь же онъ хотѣлъ не безъ пользы употребить конецъ лѣта. Походъ въ Аквитанію, какъ и всѣ дѣйствія Цезаря, былъ такъ же быстръ, какъ и удаченъ: всѣ племена Аквитаніи прислали къ нему пословъ и дали ему заложниковъ. Послѣ всѣхъ этихъ дѣйствій Цезарь съ коннымъ отрядомъ отправился въ Нарбонну, а войско поручилъ легатамъ развесть по зимнимъ квартирамъ: четыре легіона, подъ

начальствомъ легатовъ М. Антонія, К. Требонія, П. Ватинія и К. Туллія, стали въ Бельгіи. Два легіона были отправлены въ землю Эдуевъ,о которыхъ Цезарь зналъ, что они имѣютъ во всей Галліи наибольшее значеніе. Два легіона поставилъ въ землѣ Туроновъ, у границъ Карнутовъ, съ цѣлью держать въ повиновеніи всю страну, прилежащую къ океану, а два остальные легіона были посланы въ землю Лемовиковъ, по сосѣдству съ Арвернами; такимъ образомъ ни одна часть Галліи не оставалась безъ войскъ. Нѣсколько дней Цезарь провелъ въ провинціи, поспѣшно посѣтилъ всѣ сеймы, разобралъ судебныя общественныя дѣла и ро далъ награды всѣмъ, кто заслуживалъ; а ему ближе и лучше всего было знать расположеніе къ Римлянамъ всѣхъ и каждаго изъ жителей провинціи во время возстанія всей Галліи, усмирить которое дали ему возможность вѣрность и средства этой области. Окончивъ всѣ эти дѣла, Цезарь удалился въ Бельгію къ легіонамъ и зимовалъ въ городѣ Неметоценнѣ *).

47. Здѣсь Цезарь получилъ извѣстіе, что Атребатъ Коммій имѣлъ сраженіе съ нашею конницею. Хотя съ тѣхъ поръ, какъ Антоній занялъ зимнія квартиры, племя Атребатовъ оставалось въ повиновеніи, однако Коммій, послѣ нанесенной ему раны, о котороой упомянуто выше, постоянно готовъ былъ поддерживать своихъ согражданъ въ ихъ замыслахъ, и тѣ изъ нихъ, которые искали войны, имѣли въ немъ вѣрнаго вождя и руководителя. Съ тѣхъ поръ, какъ Атребаты находились въ повиновеніи у Римлянъ, Коммій кормился съ своимъ отрядомъ всадниковъ грабежами; онъ перехватилъ въ неблагопріятныхъ мѣстахъ большіе обозы, шедшіе къ зимнимъ квартирамъ Римлянъ.

48. При Антоніѣ находился, префектъ всадниковъ, К. Волузенъ Квадратъ; съ нимъ онъ и зимовалъ. Его Антоній послалъ въ погоню за непріятельскою конницею. Волузенъ соединялъ въ себѣ съ отличною храбростью сильную ненависть къ Коммію и тѣмъ охотнѣе взялся исполнить то, что ему было приказано. Итакъ, расположивши войска свои въ засаду, онъ часто нападалъ съ успѣхомъ на всадниковъ Коммія. Разъ, въ пылу особенно упорнаго сраженія, Волузенъ, увлеченный желаніемъ захватить самаго Коммія, съ жаромъ далеко преслѣдовалъ его съ немногими всадниками. Тотъ быстрымъ бѣгствомъ отвлекъ Волузена далеко; вдругъ онъ, обратясь къ своимъ, сдѣлалъ призывъ къ ихъ вѣрности и помощи, прося ихъ отмстить за предательски нанесенныя ему раны.

---

*) Нынѣ:—Аррасъ.

Повернувъ коня, Коммій, отдѣлясь отъ своихъ, неосторожно бросился на префекта. Также точно поступили всѣ его всадники; малочисленныхъ нашихъ воиновъ они обратили въ бѣгство и погнались за ними. Коммій, подстрекнувъ шпорами коня, подскакалъ къ коню Квадрата рядомъ съ нимъ и со всей силы ударилъ его копьемъ въ середину ляшки. Видя префекта раненымъ, наши стали упорно сопротивляться и, обратясь, ударили на непріятеля. А когда это случилось, то большая часть непріятелей, сбитые сильнымъ натискомъ нашихъ, ранены и частью обращены въ бѣгство, частью захвачены. Этой бѣды избѣгъ вождь быстротою коня; префектъ, раненый повидимому такъ сильно, что опасались за его жизнь, отнесенъ былъ въ лагерь. А Коммій, или считая себя достаточно отомщеннымъ, или вслѣдствіе гибели большей части своихъ воиновъ, отправилъ пословъ къ Антонію и представилъ ему заложниковъ въ ручательство того, что онъ будетъ жить тамъ, гдѣ онъ ему предпишетъ, и исполнитъ всѣ его приказанія. Объ одномъ онъ просилъ, чтобы сдѣлали уступку его страху, чтобы онъ не показывался на глаза какому нибудь Римлянину. Антоній, находя, что эта просьба внушена справедливымъ страхомъ, простилъ Коммія по его желанію и принялъ отъ него заложниковъ.

Я знаю, что Цезарь въ каждой книгѣ своихъ записокъ обнималъ событія одного года, а я не счелъ нужнымъ такъ поступить потому что слѣдующій годъ, когда были консулами Л. Павлъ и К. Марцеллъ, прошелъ для Галліи безъ особенно важныхъ событій. Но для того только, чтобы не оставить въ забвеніи, гдѣ въ теченіи этого времени находился Цезарь и его войско, я заблагоразсудилъ написать объ этомъ краткое извѣстіе и присоединить къ этой книгѣ.

49. Цезарь, проводя зиму въ Бельгіи, имѣлъ одну цѣль: удержать племена Галліи въ дружественномъ расположеніи и не дать имъ никакихъ ни надежды, ни повода къ войнѣ. Менѣе всего желалъ онъ ко времени своего удаленія имѣть необходимость вести войну. Онъ опасался того, чтобы не оставить войны въ Галліи въ ту минуту, когда войска изъ нея должны быть выведены; тогда вся Галлія, не видя надъ собою постоянной опасности, готова была бы взяться за оружіе. Итакъ онъ съ Галльскими племенами обращался весьма ласково, осыпалъ ихъ старѣйшинъ большими наградами, не налагалъ на нихъ вновь никакихъ тягостей и, облегчивъ положеніе Галліи, обезсиленной столь продолжительною и неудачною борьбою, онъ безъ труда удерживалъ ее въ мирѣ и повиновеніи, давъ ей возможность лучшаго положенія.

50. Цезарь, по окончаніи зимы, противъ обыкновенія отправился въ Италію самымъ поспѣшнымъ образомъ, для того чтобы посѣтить му-

ниципіи и колоніи и склонить ихъ поддержать его квестора М. Антонія въ его искательствѣ жреческой должности. Въ этомъ случаѣ Цезарь весьма охотно хлопоталъ въ пользу человѣка, соединеннаго съ нимъ узами тѣсной дружбы и имъ самимъ представленнаго въ эту должность, противъ усилій партіи немногихъ, которая, отвергнувъ Антонія, хотѣла тѣмъ поколебать значеніе удаляющагося Цезаря. Хотя Цезарь, еще не доѣхавъ до Италіи, получилъ извѣстіе, что М. Антоній избранъ авгуромъ; однако онъ находилъ не менѣе справедливымъ поводъ посѣтить муниципіи и колоніи, какъ для того, чтобы поблагодарить ихъ за то, что они своимъ вліяніемъ и голосами поддержали Антонія, такъ и попросить ихъ не отказать и ему въ искательствѣ на слѣдующіе выборы чести консульской, — тѣмъ болѣе, что враги Цезаря нагло хвалились тѣмъ, что съ избраніемъ консуловъ Л. Лентулла и К. Марцелла Цезарь будетъ лишенъ всякой чести и достоинства; что консульство исторгнуто у Сервія Гальбы, несмотря на то, что онъ имѣлъ болѣе голосовъ и пользовался большимъ расположеніемъ избирателей—вслѣдствіе того, что онъ былъ въ дружескихъ отношеніяхъ къ Цезарю и находился легатомъ при его войскѣ.

51. Прибытіе Цезаря во всѣхъ муниципіяхъ и колоніяхъ встрѣчено было—такъ какъ онъ только въ первый разъ пріѣхалъ послѣ общей войны въ Галліи—съ невѣроятною честью и любовью. Ничего не оставалось, чего бы не было придумано и сдѣлано для Цезаря относительно убранства воротъ, дорогъ и всѣхъ мѣстъ, по которымъ долженъ былъ идти Цезарь. Весь народъ, и съ дѣтьми, выходилъ къ нему на встрѣчу; вездѣ приносили благодарственныя жертвы; площади и помосты храмовъ покрылись столами. Онимъ словомъ, Цезарь заранѣе насладился всѣми удовольствіями самого желаннаго тріумфа: такова была щедрость богатыхъ и усердіе бѣдныхъ.

52. Цезарь, объѣздивъ всѣ земли Галліи Тогаты, возвратился съ величайшею поспѣшностью къ войску въ Неметоценну. Вызвавъ легіоны изо всѣхъ зимнихъ квартиръ въ земли Тревировъ, онъ отправился туда и сдѣлалъ имъ тамъ смотръ. Т. Лабіену Цезарь ввѣрилъ въ управленіе Галлію Тогату, для того чтобы онъ лучше ему содѣйствовалъ въ его искательствѣ консульства, а самъ дѣлалъ такіе только переѣзды съ мѣста на мѣсто, какіе лишь нужны были для поддержанія здоровья вслѣдствіе перемѣны мѣстъ. Нерѣдко доходили до Цезаря слухи, что враги его стараются увлечь Лабіена; а съ другой стороны достовѣрно онъ зналъ, что немногочисленная партія хлопочетъ о томъ, какъ бы, подъ предлогомъ сенатскаго опредѣленія, отнять у Цезаря какую-нибудь часть войска. Впрочемъ Цезарь и отно-

сительно Лабіена не давалъ вѣры никакимъ слухамъ и ни въ какомъ случаѣ не хотѣлъ дѣйствовать противъ сената, будучи убѣжденъ, что пока мнѣнія въ сенатѣ будутъ свободны, онъ всегда будетъ оправданъ. К. Куріонъ, трибунъ народный, взявъ на себя защиту дѣла Цезарева и его чести, не разъ говорилъ сенату, что если онъ имѣетъ опасеніе насчетъ Цезаря и его войска, то такъ какъ власть и армія Помпея не менѣе внушаютъ страха народу, необходимо тому и другому положить оружіе и оставить войско; что такимъ образомъ независимость и вольность государства будутъ обезпечены. И онъ не ограничился этимъ обѣщаніемъ, но уже началъ было собирать голоса. Консулы и друзья Помпея настояли, чтобы этого не было; на этотъ разъ сенатъ ограничился неопредѣленнымъ рѣшеніемъ дѣла.

53. Великое это было свидѣтельство всего сената и соотвѣтствовало прежнему дѣйствію. Еще въ прошломъ году Марцеллъ, стараясь всячески повредить значенію Цезаря, вопреки закону Помпея и Красса, доложилъ сенату о провинціяхъ Цезаря до срока. При подачѣ голосовъ, несмотря на то, что ихъ собиралъ Марцеллъ, который достоинство свое ставилъ въ униженіи Цезаря, сенатъ значительнымъ большинствомъ принялъ рѣшеніе, совершенно противуположное предложенію Марцелла. Враги Цезаря отъ этого не теряли присутствія духа, а старались только распространеніемъ круга своихъ связей достигнуть того, чтобы сенатъ одобрилъ то, что они сами между собою задумали.

54. Состоялось потомъ опредѣленіе сената: на Парѳянскую войну отправить два легіона, взявъ одинъ у Помпея, а другой у Цезаря; явно было намѣреніе отнять у Цезаря одного оба легіона. Помпей какъ бы изъ своего войска далъ первый легіонъ, который имъ былъ посланъ къ Цезарю, но составленъ изъ рекрутовъ Цезарева участка. Цезарь, не смотря на то, что явно видѣлъ, къ чему клонится умыселъ его противниковъ, отослалъ Кн. Помпею его легіонъ, а отъ себя, въ исполненіе сенатскаго опредѣленія, велѣлъ сдать пятнадцатый легіонъ, находившійся въ ближней Галліи. На мѣсто его Цезарь отправилъ въ Италію тринадцатый легіонъ занять караулы, оставленные пятнадцатымъ, а самъ распредѣлилъ войскамъ квартиры: К. Требонія съ четырьми легіонами помѣстилъ въ землѣ Бельговъ, а К. Фабія, съ такимъ же числомъ легіоновъ отвелъ въ землю Эдуевъ. Цезарь былъ убѣжденъ, что Галлія будетъ совершенно спокойна, если Бельги, отличающіеся храбростью, и Эдуи, имѣющіе сильное вліяніе на Галловъ, будутъ войсками содержимы въ повиновеніи; а самъ отправился въ Италію.

55. По прибытіи туда, Цезарь узнаетъ, что консулъ Марцеллъ, самъ по себѣ, оба легіона, Цезаремъ представленные и долженствовавшіе, по сенатскому опредѣленію, идти на войну съ Парѳами, отдалъ Кн. Помпею, который и удержалъ ихъ въ Италіи. Несмотря на очевидность этого факта и ясность приготовленій противъ Цезаря, онъ рѣшился скорѣе все перенести, доколѣ останется какая либо надежда— рѣшить дѣло справедливымъ разбирательствомъ, а не войною; утверждалъ. . . . .

КОНЕЦЪ ЗАПИСОКЪ О ГАЛЛЬСКОЙ ВОЙНѢ.

ЗАПИСКИ

о

ВОЙНѢ ГРАЖДАНЪ

(*Между собою*).

КНИГА ПЕРВАЯ.

---

1. Когда письмо К. Цезаря было вручено Фабіемъ консуламъ, то едва, благодаря сильному настоянію трибуновъ, удалось ему успѣть въ томъ, что письмо Цезаря было прочитано въ сенатѣ; но никакими силами нельзя было добиться до того, чтобы о немъ сдѣланъ былъ докладъ сенату. Консулы предложили сенату объ опасности угрожающей государству. Консулъ Л. Лентулъ сказалъ: «что касается до него, то сенатъ и дѣло общественное найдутъ въ немъ храбраго защитника въ томъ случаѣ, если они—сенаторы—намѣрены принять твердыя и смѣлыя рѣшенія. Если же они будутъ обращать вниманіе на Цезаря и заискивать его благосклонность, какъ они навыкли поступать прежде, то и онъ будетъ заботиться только о себѣ и волѣ сената повиноваться не будетъ, и для него есть вѣрное убѣжище въ дружбѣ и добродушіи Цезаря». Въ этомъ же смыслѣ говорилъ и Сципіонъ: «Помпей, какъ онъ увѣренъ, не оставитъ отечества въ опасности, если сенатъ его станетъ поддерживать. Если же онъ станетъ дѣйствовать вяло и нерѣшительно, то вотще сталъ бы онъ въ послѣдствіи, еслибы и захотѣлъ, искать помощи отъ него».

2. Слова Сципіона казалось выходили изъ устъ самого Помпея, тѣмъ болѣе, что засѣданіе сената было въ Римѣ и самъ Помпей находился тутъ налицо. Были поданы нѣкоторыя мнѣнія въ духѣ примиренія, какъ-то во-первыхъ М. Марцелла; онъ въ своей рѣчи, коснувшись этого вопроса, сказалъ, что о немъ не прежде надлежитъ доложить сенату, какъ когда будетъ произведенъ наборъ по всей Италіи и войска будутъ собраны; подъ защитою ихъ сенатъ смѣло и свободно произнесетъ рѣшенія, какія захочетъ. Въ томъ же духѣ было мнѣніе М. Калидія, состоявшее въ томъ, чтобы и Помпей отправился въ свой участокъ, дабы отнять поводъ къ войнѣ; что Цезарь въ настоящее время опасается, какъ бы Помпей, отнявъ у него два легіона и удержавъ ихъ при себѣ, не обратилъ бы ихъ на гибель его. М. Руфъ также подалъ мнѣніе, въ весьма немногомъ отличавшееся отъ мнѣнія Калидія. Консулъ Л. Лентулъ не щадилъ ругательствъ для подавшихъ эти мнѣнія, а пустить на голоса мнѣніе Калидія онъ начисто отказался. Марцеллъ, испуганный ругательствами взялъ свое мнѣніе назадъ. Такимъ образомъ, подстрекаемые консуломъ, подъ страхомъ окружавшей ихъ вооруженной силы, опасаясь угрозъ Помпеевой партіи, бо̀льшая часть сенаторовъ неохотно и противъ себя утвердили мнѣніе Сципіона. Оно стояло въ слѣдующемъ: «къ назначенному сроку Цезарь пусть отпуститъ войско; ослушаніе его будетъ сочтено враждебнымъ противъ отечества дѣйствіемъ». Трибуны народные М. Антоній и К. Кассій возстали противъ этого рѣшенія. Доложено немедленно сенату о правѣ вмѣшательства трибуновъ; предлагаются мнѣнія самыя рѣшительныя. Чѣмъ кто говорилъ рѣзче и ожесточеннѣе противъ Цезаря, тѣмъ болѣе получалъ похвалъ отъ его недоброжелателей.

3. Къ вечеру засѣданіе сената кончилось; Помпей призываетъ къ себѣ всѣхъ сенаторовъ, ободряетъ ихъ усердіе и убѣждаетъ сохранить его и впредь; нерѣшительнымъ же онъ дѣлаетъ выговоръ и убѣждаетъ ихъ обнаружить болѣе рвенія. Между тѣмъ призываются многіе изъ старыхъ воиновъ, служившихъ прежде подъ знаменами Помпея; имъ обѣщаютъ чины и повышенія; а также вызваны въ большомъ числѣ воины изъ двухъ легіоновъ, отданныхъ Цезаремъ. Городъ наполнился воинами; трибунъ народный, К. Куріонъ, ссылается на право народныхъ собраній. Всѣ друзья консуловъ, приближенные Помпея и закоренѣлыхъ враговъ Цезаря, стеклись въ сенатъ во множествѣ; своими голосами и числомъ они устрашаютъ слабыхъ и нерѣшительныхъ увлекаютъ за собою; большая часть сенаторовъ лишена возможности свободно подавать мнѣнія. Цензоръ Л. Пизонъ вызывается идти

къ Цезарю; за нимъ преторъ Л. Росцій — для того, чтобы извѣстить его о положеніи дѣлъ; они просятъ сроку шесть дней на исполненіе этого порученія. Нѣкоторые сенаторы были того мнѣнія, чтобы къ Цезарю отправить пословъ — извѣстить его о волѣ сената.

4. Всѣ эти мѣры встрѣтили сильное сопротивленіе въ рѣчахъ консула, Сципіона и Катона. Послѣдній дѣйствовалъ противъ Цезаря по старинной враждѣ и огорченный безуспѣшнымъ исканіемъ почести. Лентула заставляло такъ дѣйствовать множество накопившихся на немъ долговъ, надежда имѣть войско и области въ своихъ рукахъ и жить щедрыми подарками союзныхъ царей, которые стали-бы искать его расположенія. Онъ хвалился между своими, что онъ будетъ вторымъ Суллою и захватитъ верховную власть въ свои руки. Сципіона побуждала та же надежда имѣть въ своей власти войска и области, которыя онъ надѣялся раздѣлить съ Помпеемъ по родству съ нимъ; не мало содѣйствовалъ къ тому страхъ суда, лесть и тщеславіе его собственное и аристократовъ, имѣвшихъ въ то время наибольшее вліяніе на общественныя и судебныя дѣла. Самъ Помпей, увлеченный врагами Цезаря, не хотѣлъ, чтобы кто-нибудь могъ равняться съ нимъ властью, и рѣшительно отвергъ дружбу Цезаря, приставъ къ прежде бывшимъ ихъ общимъ врагамъ, недружбу которыхъ Цезарь нажилъ большею частью во время сближенія своего съ Помпеемъ. Чувствуя низость своего поступка относительно двухъ легіоновъ, оставленныхъ имъ въ видахъ своего честолюбія вмѣсто того, что имъ надлежало идти въ Азію и въ Сирію, Помпей всячески хотѣлъ войны.

5. Все это содѣйствовало къ тому, что все дѣлалось поспѣшно и въ замѣшательствѣ; роднымъ Цезаря не даютъ времени извѣстить его. Трибуны народные, угрожаемые сами опасностью, не могутъ себѣ найдти опоры въ правѣ вмѣшательства въ крайнихъ случаяхъ, оставленномъ имъ Л. Суллою. Уже на седьмой день они должны были помышлять только о собственной безопасности, тогда какъ самые буйные трибуны прежняго времени привыкли страшиться за свои дѣйствія и ждать за нихъ наказанія не ранѣе восьмаго мѣсяца. Итакъ приступлено къ самому рѣшительному сенатскому опредѣленію, обыкновенно имѣвшему мѣсто лишь тогда, когда въ стѣнахъ самого Рима опасность, а всѣ средства къ спасенію истощены, и къ которому не дерзали прибѣгать прежде иначе, какъ въ самой крайности: «консулы, преторы, трибуны народные и всѣ лица, когда-либо бывшія облеченными консульскою властью, находящіяся въ городѣ, должны имѣть заботу о томъ, дабы отечество не потерпѣло какого ущерба».

Это сенатское опредѣленіе состоялось въ 7-й день идъ Январскихъ. Итакъ въ теченіи первыхъ пяти дней, какъ начались засѣданія сената и Лентулъ вступилъ въ отправленіе консульской должности, за исключеніемъ двухъ прошедшихъ въ выборахъ, состоялись уже самыя рѣшительныя и дышащія ожесточеніемъ опредѣленія относительно власти Цезаря и знатнѣйшихъ сановниковъ, каковы трибуны народные. Они немедленно бѣжали изъ города и ушли къ Цезарю, который находился въ то время въ Равеннѣ, дожидаясь отвѣта на свои столь снисходительныя требованія и стараясь, въ надеждѣ на чувство справедливости и въ противникахъ своихъ, кончить дѣло миролюбивымъ образомъ.

6. Черезъ нѣсколько дней послѣ того было засѣданіе сената за городомъ. Помпей говоритъ въ томъ же духѣ, въ какомъ прежде черезъ Сципіона: «хвалитъ твердость и достойный образъ дѣйствій сената; исчисляетъ свои силы; у него десять легіоновъ готово; притомъ ему за-вѣрное извѣстно, что воины Цезаря къ нему н расположены и что онъ никакъ не въ состояніи будетъ ихъ убѣдить— защищать его или даже слѣдовать за нимъ». Тутъ же было доложено сенату о прочихъ дѣлахъ: о томъ, чтобы по всей Италіи произведенъ былъ наборъ; чтобы Фаустъ Сулла за претора былъ посланъ въ Мавританію; чтобы изъ общественнаго казнохранилища были выданы деньги Помпею. Доложено также о царѣ Юбѣ, чтобы удостоить его названія союзника и друга народа римскаго. Марцеллъ сказалъ, что онъ этого никакъ не допуститъ по крайней мѣрѣ въ настоящее время. Относительно Фавста воспрепятствовалъ Филиппъ, трибунъ народный. О прочихъ же предметахъ состоялись сенатскіе декреты; области розданы частнымъ лицамъ, двѣ обыкновенно дававшіяся бывшимъ консуламъ, а двѣ преторамъ. Сципіону досталось Сирія, а Л. Домицію Галлія. Филиппъ и Метеллъ обойдены по частному соглашенію и даже ихъ жеребьи не были вынуты. Въ остальныя провинціи отправлены преторы; они не ждали для вступленія въ должность, какъ то водилось прежде, чтобы объ ихъ опредѣленіи было доложено народу и чтобы, по совершеніи обычныхъ молитвъ, ихъ облекли въ военное платье. Консулы, чего прежде никогда не бывало, выходятъ изъ города и не въ отправленіи должности, а и какъ частные люди, вездѣ и въ городѣ и Капитоліи ходятъ въ сопровожденіи ликторовъ, что было противъ всѣхъ примѣровъ страны. По всей Италіи произведены наборы, заказано оружіе, муниципіямъ велѣно выставить деньги, драгоцѣнности берутся изъ храмовъ; перемѣшаны всѣ права божественныя и человѣческія.

7. Узнавъ объ этомъ, Цезарь сказалъ своимъ воинамъ рѣчь: онъ имъ припоминаетъ постоянное гоненіе его недоброжелателей, которымъ наконецъ удалось увлечь съ собою и вооружить противъ него Помпея, а тотъ завидуетъ его славѣ и старается его унизить, тогда какъ онъ, Цезарь, всегда содѣйствовалъ всѣми силами къ увеличенію чести и величія Помпея. Онъ жалуется, что въ управленіе общественными дѣлами вкралось небывалое злоупотребленіе—подавлять оружіемъ право вмѣшательства трибуновъ, возвращенное имъ уже давно. И Сулла, обнаживъ должность трибуна отъ всѣхъ почти правъ, на это не покусился. Помпей же, выдающій себя за возстановителя трибунской власти, отнялъ у ней и тѣ права, которыми она до него пользовалась. Декретъ—всѣ ъ должностнымъ лицамъ радѣть о томъ, дабы отечество не потерпѣло ущерба (этимъ воззваніемъ и декретомъ народъ римскій весь призывается къ оружію)—издавался только какъ противодѣйствіе злонамѣреннымъ законамъ и въ случаяхъ злоупотребленія власти трибунской, отпаденія народа, удаленія его въ храмы и возвышенныя мѣста. Примѣры прежнихъ лѣтъ и судьба, постигшая Сатурнина и Гракховъ, служатъ тому свидѣтельствомъ. Ничего подобнаго на этотъ разъ не только не случилось, но даже и въ помышленіи не было: никакого закона не издано, съ народомъ нѣтъ никакого заговора и раздоръ международный не угрожаетъ государству. Итакъ, онъ убѣждаетъ воиновъ принять подъ свою защиту отъ покушеній враговъ честь и величіе его, полководца, подъ начальствомъ котораго, въ теченіи девяти лѣтъ, они оказали столько услугъ отечеству, одержали столько побѣдъ и усмирили всю Галлію и Германію». Воины тринадцатаго легіона, находившіеся въ то время при Цезарѣ (онъ его призвалъ къ себѣ въ началѣ смутъ, а прочіе еще не подошли) воскликнули, что «они готовы мстить за оскорбленіе ихъ полководца и трибуновъ народныхъ»!

8. Узнавъ расположеніе умовъ своихъ воиновъ, Цезарь отправился съ этимъ легіономъ въ Ариминъ, и тамъ имѣлъ свиданіе съ ушедшими къ нему трибунами народными. Прочіе легіоны онъ вызываетъ съ зимнихъ квартиръ и велитъ имъ слѣдовать за собою. Туда прибылъ молодой Л. Цезарь, котораго отецъ былъ при Цезарѣ легатомъ. Онъ, передавъ порученія, для которыхъ пріѣхалъ, сказалъ Цезарю, что Помпей велѣлъ ему сказать отъ себя частнымъ образомъ: «что онъ хотѣлъ бы оправдать себя передъ Цезаремъ, дабы онъ не приписалъ его личному недоброжелательству то, что онъ дѣлаетъ въ видахъ общаго блага, которое для него всегда было выше всѣхъ частныхъ связей. Величію Цезаря прилично для пользы отечества забыть

свои неудовольствія и обиды и не простирать своего негодованія на враговъ до того, что, желая вредить имъ, онъ можетъ сдѣлать вредъ отечеству». Онъ еще кое-что сказалъ въ томъ же духѣ, извиняя образъ дѣйствій Помпея. Преторъ Росцій почти о томъ же самомъ и въ тѣхъ же словахъ говорилъ съ Цезаремъ, присоединивъ, что онъ говорилъ такъ, какъ ему передано отъ Помпея.

9. Хотя все это нисколько не могло содѣйствовать къ окончанію взаимныхъ неудовольствій, однако Цезарь видѣлъ въ послахъ людей, способныхъ передать Помпею его намѣренія, а потому Цезарь просилъ Л. Цезаря и Росція не отяготиться его порученіями, такъ какъ они взяли же ихъ со стороны Помпея; малымъ трудомъ своимъ они могутъ содѣйствовать къ окончанію важныхъ несогласій и возвратить спокойствіе всей Италіи. Для него всегда честь и польза отечества выше всего и жизни дороже. Прискорбно ему, что по недоброжелательству и злобѣ враговъ его отнято у него то, чѣмъ онъ одолженъ благодѣянію народа римскаго. За шесть мѣсяцевъ до окончанія срока его служенія, его требуютъ въ Римъ, тогда какъ на ближайшихъ выборахъ народъ велѣлъ имѣть его въ виду не смотря на его отсутствіе. Впрочемъ для спокойствія отечества онъ равнодушно перенесъ такое покушеніе на его честь. Онъ отправилъ письмо къ сенату, въ коемъ предлагалъ, чтобы всѣ оставили свои войска, но и того добиться не могъ. По всей Италіи производятся наборы; два легіона, отнятые у него подъ предлогомъ Парѳянской войны, задержаны въ Италіи; всѣ граждане призываются къ оружію. Къ чему все это клонится, если не къ его гибели? Впрочемъ для спокойствія отечества онъ все готовъ перенести и все вытерпѣть. Пусть Помпей отправится въ свои провинціи; войска пусть будутъ распущены; пусть всѣ въ Италіи положатъ оружіе; пусть въ государствѣ исчезнутъ всѣ опасенія; выборы пусть будутъ свободные, а правленіе дѣлами общественными да возвратится въ руки сената и народа римскаго. Чтобы опредѣлить всѣ условія и скрѣпить ихъ клятвами, пусть или Помпей пріѣдетъ къ нему, или его допуститъ къ себѣ: такимъ образомъ личнымъ свиданіемъ они окончили бы всѣ недоразумѣнія».

10. Съ этими порученіями Цезаря Росцій и Л. Цезарь прибыли въ Капую, и тамъ нашедъ Помпея и консуловъ, сообщили имъ требованія Цезаря. Они по взаимномъ совѣщаніи отвѣчали письменно черезъ тѣхъ же посланныхъ слѣдующее: «пусть Цезарь возвратится въ Галлію, выйдетъ изъ Аримина и распуститъ войско. Если онъ это все исполнитъ, тогда Помпей отправится въ Испанію. Между тѣмъ пока

Цезарь не дастъ обезпеченія въ томъ, что исполнитъ свои обѣщанія, консулы и Помпей будутъ продолжать наборъ».

11. Несправедливо было требовать отъ Цезаря, чтобы онъ вышелъ изъ Аримина и возвратился въ провинцію, тогда какъ Помпей имѣлъ въ рукахъ не принадлежащія ему провинціи и легіоны. Войско Цезаря должно было быть распущено, а съ другой стороны наборъ не прекращается; Помпей обѣщаетъ возвратиться въ свой участокъ, но срока не назначилъ; такимъ образомъ Помпей, и по окончаніи Цезарева консульства, могъ еще оставаться здѣсь, не подвергаясь обвиненію въ нарушеніи даннаго имъ обѣщанія. Главное же, что дѣлало миръ почти невозможнымъ, это—отказъ его дать время на совѣщаніе и явиться на него. Итакъ Цезарь выслалъ изъ Аримина М. Антонія съ пятью когортами занять Аррецій, а самъ съ двумя легіонами остановился въ Ариминѣ и оттуда сталъ производить наборъ; города Пизавръ, Фанъ и Анкону онъ занялъ отдѣльными когортами.

12. Между тѣмъ дали знать Цезарю, что въ Игувіи, гдѣ находился преторъ Термъ съ пятью когортами и приводилъ его въ оборонительное положеніи, всѣ жители весьма расположены къ нему, Цезарю. Вслѣдствіе этого Цезарь отправилъ туда Куріона съ тремя когортами, взятыми изъ Пизавра и Аримина. Узнавъ о его прибытіи, Термъ, не надѣясь на содѣйствіе гражданъ, вывелъ когорты изъ города и бѣжалъ; воины на дорогѣ оставили его и разошлись по домамъ. Куріонъ занялъ Игувій при величайшей готовности всѣхъ его жителей. Узнавъ объ этомъ и полагаясь на расположеніе муниципіевъ, Цезарь взялъ съ собою когорты 13 легіона изъ гарнизоновъ и отправился въ Авксимъ. Въ этомъ городѣ находился Аттій съ когортами; разославъ сенаторовъ, онъ по всей Пиценской землѣ производилъ наборъ.

13. Узнавъ о прибытіи Цезаря, начальства авксимскія всѣ явились къ Аттію Вару и сказали ему: «что дѣло это не подлежитъ ихъ разсужденію; но ни они, ни прочія муниципіи не допустятъ, чтобы знаменитому полководцу К. Цезарю, оказавшему столько услугъ отечеству, совершившему столько славныхъ подвиговъ—отказать въ доступѣ въ ихъ городъ; итакъ пусть онъ подумаетъ о потомствѣ и о собственной безопасности». Встревоженный ихъ словами, Аттій вывелъ изъ города введенный имъ было туда гарнизонъ и убѣжалъ. Воины изъ переднихъ рядовъ войска Цезарева погнались за нимъ и принудили его остановиться; въ происшедшемъ сраженіи воины оставили Вара: частью разошлись по домамъ, а частью перешли на сторону Цезаря. Тутъ былъ схваченъ сотникъ перваго ряда Л. Пупій,

давно уже занимавшій эту должность въ войскѣ Помпея. Цезарь осыпалъ похвалами воиновъ Аттія, Пупія отпустилъ домой, благодарилъ Авксиматовъ и сказалъ, что онъ не забудетъ ихъ усердія.

14. Когда объ этомъ получено было въ Римѣ извѣстіе, то вдругъ овладѣлъ всѣми такой страхъ, что консулъ Лентулъ, пришедъ въ то время въ казнохранилище, для выдачи денегъ Помпею вслѣдствіе сенатскаго декрета, вдругъ, бросивъ внутреннія двери казнохранилища отпертыми, убѣжалъ изъ города. Тогда же пронесся ложный слухъ, будто Цезарь приближается къ городу, и всадники его уже у воротъ. За Лентуломъ послѣдовалъ товарищъ его Метеллъ и большая часть должностныхъ лицъ. Кн. Помпей наканунѣ этого дня выѣхалъ изъ города и отправился къ легіонамъ, взятымъ у Цезаря и расположеннымъ на зимнихъ квартирахъ въ Апуліи. Наборъ въ Римѣ пріостановленъ; до самой Капуи всѣ мѣста казались недовольно безопасными. Въ Капуѣ только враги Цезаря опомнились, пришли въ себя и начали производить наборъ между колонистами, поселенными здѣсь по Юліеву закону. Гладіаторовъ, отъ Цезаря находившихся тамъ для публичныхъ игръ, Лентулъ вывелъ на площадь, далъ имъ свободу и коней и велѣлъ имъ слѣдовать за собою. Въ послѣдствіи узнавъ отъ своихъ, что этотъ поступокъ навлекъ всеобщее порицаніе, онъ распредѣлилъ ихъ для стражи около сборищъ невольниковъ въ Кампаніи.

15. Цезарь, вышедъ изъ Авксима, объѣздилъ всю Пиценскую область. Вездѣ профектуры встрѣчали его съ величайшими усердіемъ и радостью, снабжая войска всѣмъ нужнымъ. Даже изъ Цингула, города устроеннаго Лабіеномъ и выстроеннаго на свой счетъ, явились къ Цезарю послы, изъявляя готовность съ величайшею охотою исполнить всѣ его приказанія. Имъ велѣно выставить воиновъ; они немедленно прислали. Между тѣмъ двенадцатый легіонъ приходитъ къ Цезарю; съ двумя легіонами онъ отправляется въ Аскулъ Пиценскій, гдѣ находился Лентулъ Спинтеръ съ 10-ю когортами; онъ, узнавъ о приближеніи Цезаря, бѣжалъ изъ города, пытаясь увлечь за собою когорты, но большая часть воиновъ отъ него бѣжала. Оставшись на пути съ немногими воинами, онъ встрѣтилъ Вибуллія Руфа, котораго Помпей отправилъ въ Пиценскую область для удержанія ея въ повиновеніи. Вибуллій, узнавъ отъ Лентула о томъ что дѣлается въ Пиценѣ, принялъ отъ него воиновъ, а самого отпустилъ. Тутъ онъ старался изъ сосѣдственныхъ мѣстъ собрать, какія только могъ, когорты набора, произведеннаго Помпеемъ, и такимъ образомъ, присоединивъ къ себѣ Ульцилла Гирру, бѣжавшаго изъ Камерина съ находившимися тамъ въ гарнизонѣ шестью когортами, Вибуллій имѣлъ при себѣ 13 когортъ.

Съ ними онъ прибылъ поспѣшными переходами въ Корфиній къ Домицію Агенобарбу, давая ему знать о приближеніи Цезаря съ 2-мя легіонами. Домицій самъ собралъ въ Альбѣ, изъ округовъ Марскаго, Пелигнскаго и другихъ сосѣдственныхъ, около 20 когортъ.

16. Занявъ Фирмъ и выгнавъ Лентула изъ Аскула, Цезарь велѣлъ отыскивать воиновъ, оставившихъ Лентула, и произвести наборъ, а самъ, пробывъ тутъ только одинъ день для принятія мѣръ о снабженіи войска хлѣбомъ, пошелъ къ Корфинію. Когда онъ приближался къ городу, Домицій выслалъ впередъ пять когортъ — разобрать мостъ на рѣкѣ, находившійся впереди города миляхъ въ трехъ. Переднія войска Цезаревы завязали съ ними сраженіе; отбитыя отъ моста, когорты Домиція вынуждены были поспѣшно отступить въ городъ. Цезарь перевелъ легіоны и сталъ у города, расположившись лагеремъ подъ самыми его стѣнами.

17. Узнавъ объ этомъ, Домицій людей, знающихъ хорошо мѣстность, обѣщавъ имъ большую награду, немедленно отправилъ къ Помпею въ Апулію съ письмомъ, прося его о помощи: «по тѣснотѣ мѣста Цезарь легко можетъ быть обойденъ съ двухъ сторонъ войсками и отрѣзанъ отъ подвозовъ хлѣба. Въ случаѣ замедленія онъ, Домицій, болѣе чѣмъ съ 30 когортами и съ большимъ числомъ сенаторовъ и всадниковъ римскихъ, подвергается большой опасности. Между тѣмъ онъ ободрялъ своихъ, разставилъ по стѣнамъ метательныя орудія, распредѣлилъ войска по разнымъ частямъ города для защиты ихъ; въ рѣчи къ воинамъ онъ обѣщалъ каждому изъ собственныхъ земель по четыре десятины, а сотникамъ и волонтерамъ по разсчету.

18. Между тѣмъ Цезарь получилъ извѣстіе, что жители города Сулмона, находящагося отъ Корфинія въ разстояніи 7 миль, расположены исполнить чтобы онъ низахотѣлъ, но что имъ въ томъ препятствуютъ сенаторъ К. Лукрецій и Аттій Пелигнъ, съ 7-ю когортами гарнизона находящіеся тамъ въ горнизонѣ. Цезарь туда послалъ М. Антонія съ пятью когортами 8-го легіона. Жители Сулмона, лишь только завидѣли наши значки, тотчасъ отворили ворота и всѣ, и жители и воины, вышли на встрѣчу Антонію, поздравляя его съ приходомъ; Лукрецій и Аттій думали спастись бѣгствомъ черезъ стѣну. Аттій былъ схваченъ и приведенъ къ Антонію; онъ просилъ его переслать къ Цезарю. Антоній въ тотъ же самый день, въ который выступилъ въ походъ, возвратился съ когортами и Аттіемъ къ Цезарю. Онъ когорты присоединилъ къ войску, а Аттія отпустилъ безъ всякаго вреда. Цезарь, въ первые три дни, занимался обнесеніемъ лагеря сильными укрѣп-

леніями, свозилъ туда хлѣбъ изъ сосѣднихъ муниципіевъ и рѣшился поджидать прибытія прочихъ войскъ. Въ теченіи этого времени пришелъ къ нему восьмой легіонъ, 22 когорты, вновь набранныя въ Галліи, и около 300 всадниковъ отъ царя Норика; съ прибытіемъ ихъ Цезарь устроилъ еще лагерь съ другой стороны города; начальство надъ нимъ онъ ввѣрилъ Куріону; въ теченіи остальнаго времени онъ положилъ обнесть городъ валомъ и укрѣпленіями. Большая часть ихъ уже была окончена, когда къ Домицію возвратились его посланные къ Помпею.

19. Прочитавъ письмо Помпея, Домицій скрылъ его настоящее содержаніе и объявилъ на совѣтѣ, что Помпей спѣшитъ на ихъ выручку. Онъ убѣждаетъ своихъ не терять присутствія духа и готовить все, что нужно къ защитѣ города; а самъ, тайно переговоривъ съ немногими приближенными, замыслилъ бѣжать. Такъ какъ самое выраженіе лица Домиція не соотвѣтствовало его словамъ и онъ во всемъ поступалъ не какъ прежде, но съ большею робостью и нѣкоторымъ смущеніемъ, и безпрестанно имѣлъ тайныя сверхъ того совѣщанія съ приближенными, избѣгая встрѣчи съ прочими воинами, то настоящее положеніе дѣлъ не могло долго оставаться въ неизвѣстности. А Помпей писалъ: «что онъ никакъ не намѣренъ дѣла ставить въ такое крайнее положеніе· что, не по его приказанію и даже безъ его согласія, Домицій заключился въ Корфиніѣ, и что ему слѣдуетъ, если только есть возможность, спѣшить къ нему, Помпею, со всѣми войсками». Послѣднее для Домиція было невозможно вслѣдствіе осадныхъ работъ, коими Цезарь окружилъ городъ.

20. Узнавъ объ умыслѣ Домиція, воины, находившіеся въ Корфиніи, въ первый же вечеръ держатъ межъ себя сходку; черезъ военныхъ трибуновъ, сотниковъ и почетнѣйшихъ изъ среды себя, они говорятъ другъ другу: «находятся они въ облежаніи отъ Цезаря; осадныя его работы почти приведены къ концу; вождь ихъ, Домицій, на котораго они надѣялись и къ которому имѣли полное довѣріе, бросивъ все, помышляетъ объ одномъ бѣгствѣ; надлежитъ и имъ озаботиться собственною безопасностью». Сначала Марсы не соглашались съ прочими и заняли часть города, повидимому самую укрѣпленную; возникъ между войсками такой было раздоръ, что казалось дѣло дойдетъ до сраженія. Впрочемъ скоро они обослались гонцами и узнали то, что дотолѣ имъ было неизвѣстно — умыселъ Домиція бѣжать. Согласясь тогда всѣ за-одно, они вывели Домиція, окружили его стражею, а къ Цезарю изъ среды себя отправили пословъ

сказать: «что они готовы отворить ворота города, исполнить всѣ его приказанія, а Л. Домиція живьемъ отдаютъ въ руки».

21. Узнавъ объ этомъ, Цезарь, какъ ни понималъ всю важность немедленно имѣть городъ въ своихъ рукахъ и перевесть когорты къ себѣ въ лагерь, тогда какъ тамъ онѣ были доступны и подкупу, и убѣжденіямъ людей злонамѣренныхъ,—даже одна пустая молва могла въ одну минуту измѣнить расположеніе умовъ воиновъ; Цезарю весьма хорошо извѣстно было, какъ много значитъ въ военномъ дѣлѣ быстрота для того, чтобы пользоваться обстоятельствами: однако опасаясь ввести войска ночью въ городъ, какъ бы воины, подъ покровомъ ея, не предали его разграбленію, Цезарь осыпалъ похвалами посланныхъ и отослалъ ихъ назадъ въ городъ съ приказаніемъ — оберегать стѣны и ворота. А самъ на производимыхъ имъ работахъ разставилъ воиновъ не такъ какъ въ прежніе дни, по извѣстнымъ мѣстамъ, но покрылъ ихъ безпрерывною цѣпью караульщиковъ, такъ что укрѣпленія были унизаны воинами. Онъ разослалъ повсюду трибуновъ военныхъ и префектовъ внушить воинамъ — остерегаться не только вылазокъ, но не пропускать и порознь выходящихъ людей. Бдительность и дѣятельность воиновъ была такова, что ни одинъ изъ нихъ и не сомкнулъ глазъ въ эту ночь. Съ величайшимъ нетерпѣніемъ всѣ ожидали и дѣлали самыя различныя предположенія о томъ, какая будетъ участь жителей Корфинія, Домиція и Лентула, и какія будутъ послѣдующія событія.

22. Почти въ четвертую стражу ночи Лентулъ Спинтеръ со стѣны переговаривался съ нашими часовыми: «что онъ желаетъ, если можно, видѣться съ Цезаремъ». Получивъ позволеніе, онъ былъ пропущенъ изъ города, и не прежде оставили его сопровождавшіе его Домиціевы воины, какъ когда онъ предсталъ предъ Цезаря. Лентулъ молилъ его о пощадѣ и безопасности, ссылаясь на старинную между ними дружбу; онъ упоминаетъ о значительныхъ въ отношеніи къ нему благодѣяніяхъ Цезаря: «что черезъ него онъ былъ допущенъ въ число первосвященниковъ, получилъ въ управленіе Испанію послѣ преторства и имъ же былъ поддерживаемъ въ искательствѣ консульства». Цезарь прервалъ его рѣчь словами: «не для того оставилъ онъ свою провинцію, чтобы вредить другимъ, но для того, чтобы защитить себя отъ притѣсненій враговъ, чтобы трибуновъ народныхъ, за него изгнанныхъ изъ отечества, возстановить въ ихъ достоинствѣ, чтобы возвратить и для себя и для народа римскаго пользованіе вольностью, подавленною партіею аристократовъ». Лентулъ, ободренный рѣчью Цезаря, просилъ позволенія возвратиться въ го-

родъ; безопасность его обнадежитъ и другихъ относительно ихъ участи; а нѣкоторые до того чувствуютъ страхъ, что считаютъ себя вынужденными искать смерти». Получивъ позволеніе, Лентулъ возвратился въ городъ.

23. Цезарь, лишь только разсвѣло, велѣлъ привесть къ себѣ всѣхъ сенаторовъ и дѣтей сенаторскихъ, трибуновъ военныхъ и всадниковъ римскихъ. Тутъ находились изъ сословія сенаторовъ Л. Домицій, П. Лентулъ Спинтеръ, Л. Вибуллій Руфъ, Секс. Квинтилій Варъ, квесторъ, Л. Рубрій, притомъ сынъ Домиціевъ, весьма много молодыхъ и большое число всадниковъ римскихъ и декуріоновъ, вызванныхъ сюда Домиціемъ изъ муниципіевъ. Цезарь, когда они были ему представлены, защитилъ ихъ отъ насмѣшекъ и оскорбленій со стороны воиновъ. Онъ имъ слегка только замѣтилъ, «что не такой ждалъ онъ отъ нихъ благодарности за свои въ отношеніи къ нимъ великія благодѣянія», и отпустилъ ихъ всѣхъ безъ вреда. Шесть милліоновъ сестерціевъ, привезенные Домиціемъ и положенные имъ въ общественное казнохранилище, были дуумвирами Корфинскими принесены къ Цезарю. Онъ возвратилъ ихъ Домицію, дабы показать, что онъ также не жаденъ на деньги, какъ и на жизнь людей, хотя не было сомнѣнія, что деньги эти общественныя и даны Помпеемъ на жалованье войску. Цезарь приказалъ воинамъ Домиція дать себѣ клятву въ вѣрности, и въ тотъ же день снялъ лагерь и совершилъ обыкновенный переходъ, промедливъ всего семь дней у Корфинія. Цезарь черезъ области Марруциновъ, Френтановъ и Ларинатовъ пришелъ въ Апулію.

24. Помпей, получивъ извѣстіе о событіяхъ у Корфинія, изъ Луцеріи отправился въ Канузій, а оттуда въ Брундизій. Онъ даетъ приказаніе войскамъ новаго набора всѣмъ стекаться къ себѣ, раздаетъ оружіе рабамъ и пастухамъ и даже коней; такимъ образомъ изъ нихъ онъ собралъ 300 всадниковъ; Л. Манлій, преторъ, ушелъ изъ Альбы съ шестью когортами; Рутилій Лупъ, преторъ, изъ Таррачины—съ тремя; они, увидавъ издали конницу Цезаря, бывшую подъ начальствомъ Бивія Курія, оставивъ претора, съ значками своими перешли къ Курію. И по прочимъ дорогамъ нѣкоторыя когорты наткнулись на главное войско Цезаря, а другія на его конницу. Тутъ привели къ Цезарю захваченнаго на дорогѣ изъ Кремоны Кн. Магія, начальника кузнецовъ Кн. Помпея. Цезарь отослалъ его къ Помпею съ такими рѣчьми: «такъ какъ до нынѣшняго времени онъ, Помпей, не соглашался на свиданіе съ нимъ, теперь же онъ, Цезарь, сойдется съ нимъ въ Брундизіи, то ихъ собственное благо и

благо отечества непремѣнно требуютъ ихъ личнаго свиданія. Совсѣмъ иное дѣло въ дальнемъ другъ отъ друга разстояніи сноситься объ условіяхъ черезъ посредство другихъ, или лично переговорить обо всемъ».

25. Давъ это порученіе, Цезарь прибылъ въ Брундизій съ 6-ью легіонами, тремя ветерановъ, а тремя, составленными изъ вновь набранныхъ и пополненными на дорогѣ. Домиціевы когорты Цезарь немедленно изъ Корфинія отправилъ въ Сицилію. Онъ тутъ узналъ, что консулы, съ большею частью войска, отправились въ Диррахій, а Помпей оставался въ Брундизіи съ 20 когортами (навѣрно неизвѣстно было, для того ли онъ остался въ Брундизіи, чтобы удержать въ своей власти господство надъ Адріатическимъ моремъ, крайними частями Италіи и надъ Греціею, и быть въ возможностп вести войну, съ двухъ сторонъ, или потому, что не достало судовъ для переправы. Цезарь, опасаясь, какъ бы Помпей не раздумалъ очистить Италію, предпринялъ запереть входъ въ Брундизійской портъ; съ этою цѣлью были произведены слѣдующія работы: въ самомъ узкомъ мѣстѣ входа въ гавань съ обоихъ береговъ начали насыпать молъ, что было возможно по мелководію въ этомъ мѣстѣ. Когда же дошли до глубокаго мѣста, гдѣ невозможно было дѣлать насыпь прямо со дна моря, то непосредственно къ молу ставили двойные плоты квадратные, во всѣ стороны имѣвшіе 30 футовъ и, для противудѣйствія силѣ волнъ, со всѣхъ четырехъ сторонъ укрѣпляли ихъ якорями. Утвердивъ одни, къ нимъ немедленно присоединяли другіе и на нихъ насыпали землю, чтобы сдѣлать удобнѣе по нимъ движеніе защищавшихъ ихъ войскъ; съ лицевой и другихъ сторонъ для защиты ихъ были сдѣланы плетни и рѣшетки. На каждомъ четвертомъ плоту воздвигнута была двухъ-этажная башня для удобнѣйшей защиты мола отъ пожара и удареній судовъ.

26. Противъ этихъ работъ Помпей употреблялъ большія транспортныя суда, захваченныя имъ въ Брундузійской гавани. Онъ на нихъ воздвигалъ башни въ 3 этажа и, наполнивъ ихъ всякаго рода оружіемъ и метательными машинами, пускалъ ихъ на производимыя Цезаремъ укрѣпленія, стараясь прорвать плоты и воспрепятствовать работамъ. Такимъ образомъ ежедневно обѣ стороны сражались издалека пращами, стрѣлами и метательными снарядами разнаго рода. Цезарь впрочемъ, занимаясь войною, не терялъ изъ виду возможности мирныхъ условій. Хотя ему казалось удивительнымъ, что Магій, отправленный имъ съ порученіями къ Помпею, не возвращался еще къ нему, и хотя эти неоднократныя попытки примиренія замедляли

его, Цезаревы, планы и пріостанавливали рѣшительныя дѣйствія, однако онъ рѣшился упорствовать въ своихъ усиліяхъ къ примиренію. А потому онъ отправилъ къ Скрибонію Либону родственника его и весьма короткаго знакомаго, легата Канинія Ребила; онъ убѣждаетъ Либона быть посредникомъ примиренія и всячески настаиваетъ, чтобы ему, Цезарю, имѣть свиданіе съ Помпеемъ: «увѣряетъ, что если только онъ будетъ къ этому имѣть возможность, то война окончится на справедливыхъ для той и другой стороны условіяхъ; большая честь будетъ Либону, если, при его посредствѣ, война будетъ имѣть конецъ». Либонъ, поговоривъ съ Каниніемъ, отправился къ Помпею, и вскорѣ отъ него возвратился съ отвѣтомъ: «по случаю отсутствія консуловъ, безъ нихъ невозможно вести переговоры о мирѣ». Итакъ Цезарь долженъ былъ на время отложить свои неоднократно повторенныя неудачныя попытки къ примиренію и заняться военными дѣйствіями.

27. Почти уже вполовину были окончены работы Цезаря—на что употреблено было 9 дней, — когда корабли, отосланные консулами обратно изъ Диррахія, куда они отвезли первую часть войска, возвратились въ Брундизій. Помпей, или вслѣдствіе начатыхъ Цезаремъ работъ, или, можетъ-быть, съ самаго начала войны предположивъ оставить Италію, по прибытіи кораблей началъ готовиться къ отплытію. Съ цѣлью удобнѣе замедлить наступательное движеніе Цезаря и предупредить, какъ бы его войска не ворвались въ городъ во время самаго его отъѣзда, онъ приказалъ завалить ворота, площади и перекрестки перегородилъ баррикадами, а улицы перерылъ поперечными рвами, во глубинѣ которыхъ воткнуты были заостренные колья. Этотъ ровъ чуть покрытъ былъ хворостомъ и по немъ заваленъ легкимъ слоемъ земли. Самый доступъ и двѣ дороги, внѣ стѣны шедшія къ гавани, были перегорожены частоколомъ изъ огромныхъ заостренныхъ бревенъ. Когда все это было готово, то Помпей велѣлъ воинамъ, соблюдая тишину, садиться на корабли; а легковооруженныхъ изъ волонтеровъ, стрѣлковъ и пращниковъ, онъ расположилъ изрѣдка по стѣнѣ и башнямъ. Они должны были слѣдовать за нимъ по данному знаку, когда всѣ воины сядутъ на корабли; для нихъ въ удобномъ мѣстѣ были оставлены легкія суда.

28. Жители Брундизія, съ негодованіемъ перенося оскорбленія воиновъ Помпея и порицанія со стороны его самого, были расположены въ пользу Цезаря. Вслѣдствіе этого, узнавъ объ отъѣздѣ Помпея, когда воины его заняты были сборами въ дорогу, жители открыто давали знать объ этомъ нашимъ съ кровель. Цезарь, узнавъ объ этомъ

и не желая упустить столь благопріятнаго случая къ дѣйствію, велѣлъ воинамъ вооружиться и готовить лѣстницы. Помпей къ ночи снялся съ якоря; а расположенная на стѣнѣ стража, по условленному знаку, была отозвана, и по извѣстной ей дорогѣ спѣшила къ судамъ. Воины, приставивъ лѣстницы, взошли на стѣны; жители предупредили ихъ о существованіи скрытаго рва и волчьихъ ямъ, остановили ихъ, а потомъ обвели ихъ дальнею дорогою къ пристани: два корабля, нагруженные воинами, остановились у возводимаго Цезаремъ мола; на лодкахъ и челнокахъ воины Цезаря окружили ихъ и взяли въ плѣнъ.

29. Цезарю повидимому было необходимо, для скорѣйшаго окончанія войны, собравъ корабли, переплыть море, преслѣдовать Помпея и не дать ему усилиться вспомогательными войсками изъ областей, лежащихъ за моремъ. Впрочемъ онъ опасался потерять много времени въ сборахъ, тѣмъ болѣе, что Помпей, захвативъ съ собою всѣ суда, сдѣлалъ немедленную за нимъ погоню невозможною. Нужно было дожидаться кораблей изъ отдаленныхъ мѣстъ Галліи и Пицена и отъ пролива (Сицилійскаго); по времени года, плаваніе ихъ оттуда было бы и долговременно, и сопряжено съ опасностями. Между тѣмъ Цезарь зналъ, что во время его отсутствія ободрится старое войско Помпея, обѣ Испаніи (изъ коихъ одна была связана весьма значительными благодѣяніями его) соберутся съ силами, приготовятъ вспомогательныя войска и конницу, и могутъ попытаться произвесть нападеніе въ его отсутствіе на Галлію и на Италію.

30. А потому Цезарь на этотъ разъ прекратилъ преслѣдованіе Помпея и рѣшился отправиться въ Испанію. Онъ приказалъ дуумвирамъ всѣхъ муниципіевъ собрать суда и отправить ихъ въ Брундизій. Въ Сардинію онъ послалъ съ однимъ легіономъ легата Валерія, а въ Сицилію пропретора Куріона съ четырьмя легіонами, приказавъ ему, по занятіи Сициліи, немедленно перейдти съ войскомъ въ Африку. Сардиніею правилъ М. Котта, Сициліею М. Катонъ, а Африка по жеребью досталась Туберону. Жители Каралеса, услыхавъ, что къ нимъ посланъ Валерій, по собственному побужденію изгнали изъ города М. Котту, прежде чѣмъ Валерій успѣлъ оставить Италію. Котта, въ ужасѣ, полагая, что вся провинція дѣйствуетъ за одно, бѣжалъ изъ Сардиніи въ Африку. Катонъ въ Сициліи исправлялъ старыя галеры и приказалъ городамъ выставить новыя; съ большимъ усердіемъ заготовлялъ онъ все для веденія войны: черезъ легатовъ онъ производилъ наборъ между римскими гражданами въ Луканіи и въ Бруттіи; города Сициліи должны были, по его приказанію, выста-

вить положенное число пѣшихъ и конныхъ воиновъ. Почти окончивъ всѣ эти приготовленія и узнавъ о прибытіи Куріона, Катонъ жаловался публично: «что онъ брошенъ на жертву Помпеемъ предательскимъ образомъ; Помпей, не приготовившись нисколько, началъ вовсе не нужную войну, увѣривъ и его и сенатъ, что у него готово все, что нужно для веденія ея». Изливъ свои жалобы въ словахъ, онъ бѣжалъ изъ своей провинціи.

31. Получивъ оставленныя начальниками Сардинію—Валерій, а Сицилію—Куріонъ, приходятъ туда съ войсками. Тубѣронъ, прибывъ въ Африку, нашелъ власть надъ этою провинціею въ рукахъ Аттія Вара (того самаго, который, какъ мы выше говорили, потерявъ когорты подъ Авксимомъ, прямо оттуда бѣжалъ въ Африку). Онъ въ отсутствіи ея начальника присвоилъ своевольно власть надъ нею и набралъ два легіона; знаніе людей и мѣстности этой провинціи, пріобрѣтенное имъ въ то время, когда онъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, изъ преторовъ получилъ ее въ управленіе, дали ему къ тому возможность. Онъ не пустилъ въ Утику, не только въ городъ, но и въ пристань, Туберона съ судами, и даже не позволилъ ему высадить на землю его больнаго сына, но вынудилъ его сняться съ якоря и отплыть отъ этого мѣста.

32. Устроивъ такимъ образомъ дѣла, Цезарь развелъ войска по ближайшимъ муниципіямъ, желая дать имъ время для отдыха отъ трудовъ, а самъ отправился въ Римъ. Въ собраніи сената онъ жалуется на притѣсненія враговъ, говоря: «что онъ недомогался никакой небывалой почести, но дожидался установленнаго закономъ срока для полученія консульства, и довольствовался тѣмъ, что доступно въ одинаковой мѣрѣ для всѣхъ гражданъ. Предложено было десятью трибунами народными, въ консульство самого Помпея, чтобы его, Цезаря, имѣть въ виду, несмотря на его отсутствіе; предложеніе это встрѣтило ожесточенное сопротивленіе Катона, который остался вѣренъ своему обычаю—многословіемъ тянуть дѣла. Если Помпей самъ былъ противъ этого предложенія, то зачѣмъ онъ его допустилъ? Если же нѣтъ, то почему онъ не далъ ему воспользоваться милостью народа? Онъ упомянулъ о своей снисходительности, какъ онъ первый вызвался оставить войско, и тѣмъ добровольно самъ отрекался отъ своей власти и чести. Онъ указываетъ на несправедливость и ожесточеніе его враговъ, недопускавшихъ въ себѣ того, чего они отъ него требовали, и предпочитавшихъ привесть все въ замѣшательство и безпорядокъ скорѣе, чѣмъ отказаться отъ власти и начальства надъ легіонами. Онъ упоминаетъ также, какъ несправедливо у него взяты были два легіона, припоминаетъ насильственное покушеніе стѣснить

власть трибуновъ и то, сколько разъ предлагалъ онъ условія примиренія, требовалъ свиданія съ Помпеемъ и получилъ во всемъ отказъ. Онъ заклинаетъ ихъ озаботиться дѣлами отечества и содѣйствовать ему, въ устройствѣ ихъ. Если же они, по робости, устранятъ отъ себя эту обязанность, то онъ имъ не будетъ въ тягость, а самъ на себя возметъ веденіе дѣлъ общественныхъ. Надлежитъ отправить пословъ къ Помпею съ попыткою соглашенія. Не остановятъ его въ этомъ случаѣ слова Помпея, недавно сказанныя въ сенатѣ, что тотъ, къ кому посылаютъ съ предложеніями мира, выигрываетъ въ значеніи, а кто посылаетъ, тотъ обнаруживаетъ робость. Разсуждать такъ свойственно слабому и малодушному; что касается до него, Цезаря, то и дѣлами стараясь стать выше другихъ, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ старается превзойдти другихъ справедливостью и великодушіемъ.

33. Сенатъ одобрилъ предложеніе Цезаря относительно отправленія пословъ; но трудно было найдти, ктобы взялся его исполнить; всякой изъ опасенія отклонялъ отъ себя это порученіе. Всѣ помнили слова Помпея, сказанныя въ сенатѣ, когда онъ уѣзжалъ изъ города, что онъ будетъ считать тѣхъ, которые останутся въ Римѣ, наравнѣ съ тѣми, которые находятся въ лагерѣ Цезаря; три дни прошло въ безполезныхъ спорахъ и отговоркахъ. Враги Цезаря избрали еще орудіемъ своимъ трибуна народнаго Л. Метелла, чтобы противодѣйствовать какъ этой мѣрѣ, такъ и другимъ намѣреніямъ Цезаря, которыя тотъ хотѣлъ осуществить. Убѣдясь въ такомъ образѣ его дѣйствій и истративъ такимъ образомъ безъ пользы нѣсколько дней, Цезарь—опасаясь какъ бы не потерять и остальное время, недовершивъ того, что было хотѣлъ сдѣлать, выѣхалъ изъ Рима, и прибылъ въ дальнюю Галлію.

34. По пріѣздѣ туда, Цезарь узналъ, что Помпей отправилъ въ Испанію Вибуллія Руфа, того самаго, которому онъ даровалъ свободу, захвативъ его недолго передъ тѣмъ въ плѣнъ въ Корфиніи; что Домицій отправился занять Массилію на 7 легкихъ судахъ, взятыхъ во Игиліи и Козанѣ у частныхъ людей и наполненныхъ рабами, вольноотпущенными и своими поселенцами; что еще впредъ его отправлены обратно въ отечество послы Массилійскіе, молодые люди знатнаго происхожденія; уѣзжая изъ Рима, Помпей ихъ убѣждалъ, чтобы недавнія услуги Цезаря не вытѣснили изъ ихъ памяти давнишнихъ его, въ отношеніи къ нимъ, благодѣяній. Получивъ такой наказъ, Массилійцы затворили ворота Цезарю и призвали къ себѣ на помощь дикое племя Альбиковъ, живущее въ горахъ надъ Массиліею и издавна признававшее надъ собою власть этого города; изъ сосѣдней страны и изо всѣхъ

укрѣпленій свезли они хлѣбъ въ городъ, завели въ городѣ мастерскія оружія, чинили стѣны, ворота и флотъ.

35. Цезарь призываетъ къ себѣ пятнадцать старѣйшинъ Массилійскихъ и убѣждаетъ ихъ—не быть зачинщиками войны: «не лучше ли имъ послѣдовать примѣру всей Италіи, чѣмъ повиноваться волѣ одного человѣка?» Не преминулъ Цезарь упомянуть и обо всемъ прочемъ, что, по его мнѣнію, могло содѣйствовать къ вразумленію Массилійцевъ. Послы возвратились домой и передали согражданамъ все, что говорилъ Цезарь; потомъ, съ общаго совѣта, они отправлены съ такимъ отвѣтомъ: «видятъ они, что народъ римскій раздѣлился на двѣ враждебныя партіи; которой изъ нихъ дѣло болѣе справедливо, они не имѣютъ ни довольно основанія, ни довольно силъ, чтобы рѣшить. Во главѣ же этихъ двухъ партій стоятъ, покровители ихъ города, Кн. Помпей и Ю. Цезарь: одинъ публично уступилъ имъ земли Гельвіевъ и Волковъ Арекомиковъ; другой приписалъ къ нимъ Галліи, побѣжденныя на войнѣ и увеличилъ ихъ сборы. Видя равныя ихъ къ себѣ благодѣянія, они должны совершенно одинаково дѣйствовать въ отношеніи къ нимъ обоимъ; вслѣдствіе этого они не хотятъ помогать одному противъ другаго, и намѣрены не впускать ни того, ни другаго въ городъ, или въ его пристани».

36. Пока шли эти переговоры, Домицкій съ судами прибылъ въ Массилію. Жители ея не только впустили его, но и ввѣрили ему власть надъ городомъ и управленіе военными дѣйствіями. По его приказанію они разсылаютъ во всѣ стороны флотъ; вездѣ, гдѣ только можно, захватываютъ транспортныя суда и приводятъ къ себѣ въ гавань; матеріаломъ и вооруженіемъ судовъ, пришедшихъ въ ветхость, починиваютъ и приводятъ въ хорошее положеніе прочія суда; хлѣбъ, сколько его нашлось, обращенъ весь въ общественное достояніе; товары и прочіе предметы привоза сбережены для того, чтобы быть употребленными въ случаѣ осады города. Цезарь, выведенный изъ терпѣнія столь оскорбительнымъ для него поведеніемъ гражданъ, привелъ три легіона къ Массиліи, велѣлъ устроивать башни и машины для осады городы, а въ Арелатѣ строить 12 галеръ. Черезъ тридцать дней послѣ того, какъ срубленъ былъ потребный на нихъ лѣсъ, они были готовы, вооружены и приведены въ Массилію; начальство надъ ними ввѣрено Д. Бруту; а К. Требонію поручено веденіе осады Массиліи.

37. Пока все это готовилось, Цезарь послалъ впередъ въ Испанію легата К. Фабія съ тремя легіонами, находившимися на зимнихъ квартирахъ въ Нарбоннѣ и ея окрестностяхъ; онъ приказалъ ему,

какъ можно поспѣшнѣе, занять Пиренейскія горы, охраняемыя въ то время отрядами легата Л. Афранія; а прочимъ легіонамъ, зимовавшимъ далѣе, велѣлъ слѣдовать за первыми. Фабій, исполняя приказаніе Цезаря и дѣйствуя съ быстротою, сбилъ отряды, стоявшіе на горахъ, и поспѣшными переходами двинулся къ войску Л. Афранія.

38. Съ прибытіемъ въ Испанію Вибуллія Руфа, отправленнаго туда, какъ мы выше сказали, Помпеемъ, Афраній, Петрей и Варронъ, легаты Помпея (изъ нихъ первый занималъ тремя легіонами ближнюю Испанію, другой съ двумя легіонами занималъ область отъ Кастулонскихъ горъ къ Анѣ; третій, начиная отъ Аны, съ такимъ же числомъ легіоновъ, занималъ землю Веттоновъ и Лузитанію) раздѣлили между собою свои обязанности такъ: Петрей изъ Лузитаніи черезъ землю Веттоновъ долженъ былъ отправиться со всѣми войсками къ Афранію; Варронъ съ тѣми, какіе у него были, легіонами, долженъ былъ оберегать всю дальнюю Испанію. Распорядившись такимъ образомъ, Петрей предписываетъ всей Лузитаніи выставить конницу и вспомогательныя войска, а Афраній собираетъ ихъ съ Цельтиберовъ, Кантабровъ и всѣхъ дикихъ племенъ, живущихъ по берегамъ Океана. Собравъ ихъ, Петрей поспѣшно черезъ землю Веттоновъ прибылъ къ Афранію. Они рѣшили съ общаго совѣта весть войну у Илерды, вслѣдствіе благопріятной тамъ мѣстности.

39. У Афранія, какъ мы выше сказали, было три легіона, а у Петрея два; притомъ изъ ближней провинціи—вооруженныхъ щитами и изъ дальней Испаніи—снабженныхъ цетрами *),—около 80 когортъ, а всадниковъ изъ той и другой провинціи около 5 тысячъ. Цезарь отправилъ впередъ въ Испанію три легіона, и съ ними до шести тысячъ вспомогательнаго пѣшаго и три тысячи коннаго войска, участвовавшаго во всѣхъ его прежнихъ войнахъ и столько же имъ самимъ вновь набраннаго въ Галліи, по поименному вызову изъ каждаго города самыхъ благороднѣйшихъ и храбрѣйшихъ гражданъ; въ этомъ родѣ лучшіе люди были изъ Аквитанцевъ и горцевъ, живущихъ на границахъ галльской провинціи. До Цезаря дошелъ слухъ, что Помпей съ легіонами черезъ Мавританію идетъ въ Испанію, и скоро туда прибудетъ. Тутъ онъ занялъ денегъ у сотниковъ и трибуновъ военныхъ и роздалъ ихъ воинамъ. Такимъ образомъ достигъ онъ двухъ цѣлей разомъ: умы сотниковъ связалъ залогомъ, а щедростью снискалъ расположеніе воиновъ.

---

*) Цетра—небольшой щитъ изъ ремней.

40. Фабій пытался письмами и гонцами привлечь сосѣднія племена на свою сторону—На рѣкѣ Сикорѣ сдѣлалъ онъ два моста, въ разстояніи четырехъ миль одинъ отъ другаго. По этимъ мостамъ посылалъ онъ за фуражемъ, стравивъ въ прежніе дни весь кормъ, какой былъ на этой сторонѣ. То же самое почти и по той же причинѣ дѣлали вожди Помпеева войска. Часто происходили конныя сраженія между обоими войсками. Разъ, когда, по заведенному обыкновенію, служившіе прикрытіемъ фуражирамъ два Фабіева легіона перешли рѣку, а за ними слѣдовалъ обозъ и вся конница, вдругъ сильною бурею и напоромъ воды разорвало мостъ и большая часть конницы осталась на томъ берегу. Петрей и Афраній узнали объ этомъ, видя, какъ волны несли остатки моста. Тогда Афраній поспѣшно, по своему мосту, находившемуся у города и лагеря, съ четырьмя легіонами и со всею конницею, перешелъ на ту сторону и ударилъ на два Фабіевыхъ легіона. Получивъ извѣстіе о приближеніи непріятеля, Л. Планкъ, начальствовавшій надъ этими легіонами, вынужденный необходимостью, занялъ возвышенное мѣсто и сталъ на обѣ стороны въ боевомъ порядкѣ, чтобы не быть обойденнымъ конницею. Не смотря на неравенство силъ, онъ съ успѣхомъ выдерживалъ сильныя аттаки легіоновъ и конницы. Между тѣмъ какъ происходило конное сраженіе, вдругъ съ обѣихъ сторонъ увидали вдалекѣ значки двухъ легіоновъ, посланныхъ К. Фабіемъ по другому, дальнему мосту, на помощь нашимъ; онъ основательно догадывался о томъ, какъ и случилось, что непріятельскіе вожди не преминутъ воспользоваться случаемъ къ успѣшному нападенію на нашихъ. Съ прибытіемъ къ нашимъ подкрѣпленія, сраженіе прекратилось, и тотъ, и другой вождь отвелъ свои легіоны въ лагери.

41. Черезъ два дни послѣ того, Цезарь прибылъ въ лагерь съ отрядомъ изъ 900 всадниковъ, которыхъ онъ оставилъ при себѣ для безопасности. Мостъ прорванный-было непогодою, былъ почти исправленъ; Цезарь велѣлъ его ночью докончить. А самъ, разсмотрѣвши мѣстность, оставилъ для защиты моста и лагеря шесть когортъ и всѣ обозы, а на другой день со всѣми войсками, расположивъ ихъ въ три боевыхъ линіи, двинулся къ Илердѣ и остановился у Афраніева лагеря. Тутъ онъ нѣсколько времени простоялъ, вызывая Афранія на бой при равныхъ съ обѣихъ сторонъ условіяхъ. Видя возможность сраженія, Афраній вывелъ войско изъ лагеря и поставилъ его въ боевой породокъ у лагеря, на половинѣ холма. Цезарь, видя, что дѣло за Афраніемъ, если сраженіе не произошло, вознамѣрился остановиться лагеремъ шагахъ въ 600 отъ подошвы горы. Для того, чтобы при про-

изводствѣ работъ, воины не приведены были въ ужасъ внезапнымъ набѣгомъ непріятеля и не остановились бы вслѣдствіе того работы, Цезарь не приказалъ дѣлать вала, такъ какъ онъ подымается въ вышину и замѣтенъ издали, а велѣлъ съ лица противъ непріятеля рыть ровъ въ 15 футовъ. Первая и вторая линіи стояли подъ оружіемъ какъ сначала было заведено, а за ними непримѣтно третья линія трудилась надъ дѣланіемъ рва и онъ былъ оконченъ, прежде чѣмъ Афраній замѣтилъ, что Цезарь укрѣпляетъ свой лагерь.

42. Къ вечеру Цезарь отвелъ легіоны за ровъ и слѣдующую ночь провелъ подъ оружіемъ. На другой день онъ оставался съ войскомъ по сю сторону рва, и такъ какъ матеріалъ для вала надобно было брать издалека, то и на этотъ разъ онъ послѣдовалъ обыкновенному образу дѣйствій. Работы надъ укрѣпленіемъ каждой стороны лагеря были ввѣрены отдѣльному легіону; рвы должны были соотвѣтствовать размѣру перваго рва; прочіе легіоны, легковооруженные, стояли, готовые встрѣтить непріятеля. Афраній и Петрей съ цѣлью устрашить наши войска и воспрепятствовать ихъ работамъ, выдвинули свои легіоны до подошвы горы, вызывая на бой. Но Цезарь и тутъ не пріостановилъ работъ, полагаясь на защиту трехъ легіоновъ и на находившійся впереди ровъ. Непріятель недолго тамъ оставался, а дальше отъ подошвы холма не выступалъ впередъ и отвелъ войска свои назадъ въ лагерь. На третій день Цезарь окружилъ валомъ свой лагерь; прочія когорты, поставленныя въ прежнемъ лагерѣ, и обозы велѣлъ перевесть къ себѣ.

43. Между городомъ Илердою и ближайшимъ холмомъ, на которомъ находился лагерь Петрея и Афранія, была равнина шаговъ на триста. Почти на половинѣ ея была небольшая возвышенность. Цезарь надѣялся, занявъ ее войсками и укрѣпивъ, отрѣзать вождей непріятельскихъ отъ города, моста и всѣхъ запасовъ, ими собранныхъ въ городѣ. Въ этой надеждѣ Цезарь вывелъ три легіона изъ лагеря и, выстроивъ ихъ на ровномъ мѣстѣ въ боевомъ порядкѣ, приказалъ переднимъ рядамъ одного легіона бѣгомъ занять эту возвышенность. Узнавъ объ этомъ, когорты Афранія, находившіяся на караулѣ впереди лагеря, кратчайшимъ путемъ бросились туда же. Произошло сраженіе; воины Афранія, занявъ первые холмъ, оттѣснили оттуда нашихъ и, получивъ еще подкрѣпленія, вынудили ихъ обратить тылъ и отступить туда, гдѣ находились значки легіоновъ.

44. Воины непріятельскіе сражались такимъ образомъ: они всѣми силами производили натискъ и занимали смѣло позицію, не соблюдая строго рядовъ, а сражаясь отдѣльно и въ разсыпную. Тѣснимые, съ

своей стороны, они не считали позорнымъ отступать и оставлять занятую ими позицію. Такой родъ битвы заимствовали они отъ частыхъ столкновеній съ Лузитанами и другими варварскими племенами. Весьма естественно, что воинъ, долго оставаясь въ одной странѣ, перенимаетъ ея обыкновенія. Наши воины, не привыкнувъ къ такому роду сраженія, пришли отъ него въ замѣшательство; видя непріятеля разсѣяннымъ со всѣхъ сторонъ, они опасались за свой открытый флангъ; строго соблюдая ряды, они не отходили отъ значковъ и безъ крайней нужды не рѣшились бы оставить занятаго ими мѣста. Вслѣдствіе этого, когда передніе ряды смѣшались, легіонъ, стоявшій съ этой стороны, не удержался на своей позиціи и отступилъ на ближайшій холмъ.

45. Страхъ распространился почти по всему войску Цезаря: такъ неожиданъ и поразителенъ былъ результатъ нападенія!—Ободривъ своихъ краткою рѣчью, Цезарь ввелъ въ дѣло девятый легіонъ. Онъ остановилъ непріятеля, дерзко и горячо тѣснившаго нашихъ, и заставилъ его въ свою очередь обратить тылъ, удалиться къ городу Илердѣ и остановиться подъ стѣнами его. Воины девятаго легіона, горя усердіемъ загладить только-что понесенную неудачу, неосторожно преслѣдуя бѣгущихъ, зашли на неблагопріятную мѣстность и остановились не прежде какъ подъ горою, на которой стоялъ городъ Илерда. Когда они стали-было отступать, непріятель ихъ снова сталъ тѣснить съ возвышенной мѣстности. Мѣсто было весьма крутое, а по сторонамъ были отвѣсныя скалы; въ ширину же оно представляло столько мѣста, что три когорты могли стоять рядомъ; съ боковъ получить подкрѣпленіе или дѣйствовать конницѣ было невозможно. Отъ города шла покатость съ легкимъ склономъ, въ длину на 600 шаговъ; туда-то хотѣли пробиться наши, будучи излишнею ревностью занесены далѣе, чѣмъ бы слѣдовало. Итакъ сраженіе происходило на мѣстѣ неблагопріятномъ для нашихъ по тѣснотѣ и потому, что такъ какъ они стояли у подошвы стѣны, то ни одна непріятельская стрѣла не пропадала даромъ. Несмотря на то, наши воины съ мужествомъ и терпѣніемъ сражались и переносили раны. Силы непріятеля безпрерывно умножались, и новыя когорты часто подходили изъ лагеря, черезъ городъ, на смѣну свѣжими утомленныхъ Также вынужденъ былъ поступать и Цезарь и, выводя изъ сраженія утомленныхъ, онъ ставилъ на ихъ мѣсто новыхъ.

46. Бой такимъ образомъ продолжался безпрерывно въ продолженіи пяти часовъ. Наши, сильно тѣснимые непріятелемъ, имѣвшимъ перевѣсъ въ силахъ, истративъ всѣ стрѣлы, извлекли мечи и сдѣлали

сильный натискъ на когорты непріятельскія, расположенныя по горѣ; онѣ были сбиты и вынуждены отступить. Въ страхѣ онѣ удалились подъ самую стѣну города, а иныя даже вошли въ городъ, а потому наши безпрепятственно могли совершить отступленіе. Конница наша, по обоимъ флангамъ, несмотря на то, что стояла въ мѣстахъ низменныхъ и неудобныхъ, устремилась храбро на гору и, расположившись между обоими войсками, прикрывала отступленіе нашихъ. Такъ кончилось это сраженіе, гдѣ успѣхъ нѣсколько разъ переходилъ съ одной стороны на другую. Въ первой схваткѣ пало нашихъ 70 человѣкъ и въ числѣ ихъ первый копьеносецъ 14-го легіона К. Фульгиній, достигшій этого поста изъ самаго низкаго званія примѣрнымъ мужествомъ: ранено у насъ болѣе 600 человѣкъ. Изъ войска Афраніева убитъ Т. Цецилій, сотникъ перваго ряда, и кромѣ его 4 сотника и болѣе 200 воиновъ.

47. Результатъ этого дня былъ таковъ, что обѣ стороны приписывали себѣ побѣду. Воины Афраніевы, сознавая сами, что уступаютъ воинамъ Цезаря и въ мужествѣ и въ опытности, гордились тѣмъ, что столь долго вблизи выдерживали упорный бой, устояли противъ нападенія нашихъ, съ самаго начала удержались на холмѣ, за который происходило сраженіе, и въ началѣ его принудили было нашихъ обратить тылъ. А наши приписывали себѣ верхъ, ссылаясь на то, что, несмотря на неблагопріятную для нихъ мѣстность и численное превосходство силъ непріятельскихъ, они, въ продолженіи пяти часовъ, выдерживали бой, съ мечами въ рукахъ приступомъ заняли гору, а непріятеля, расположеннаго на возвышенности, вынудили обратить тылъ и втѣснили его въ городъ. Непріятель холмъ, за который происходило сраженіе, обнесъ сильными укрѣпленіями и оставилъ въ нихъ гарнизонъ.

48. Черезъ два дня послѣ этого сраженія случилось неожиданное несчастіе. Пошли такіе дожди, что въ этихъ странахъ вода вездѣ прибыла до такой степени, какъ никто не запомнитъ. Отъ растаявшихъ на горахъ снѣговъ, рѣки вышли изъ береговъ, и оба моста, сдѣланные К. Фабіемъ, снесены въ одинъ день. Это обстоятельство поставило войско Цезаря въ весьма затруднительное положеніе. Лагерь его расположенъ былъ между двумя рѣками, Сикорисомъ и Цингою; онѣ были одна отъ другой въ разстояніи 30 миль и ни черезъ одну не было сообщенія; по необходимости надобно было ограничиваться этимъ тѣснымъ пространствомъ. Союзныя Цезарю племена не могли доставлять его войску съѣстныхъ припасовъ; фуражиры, посланные на дальнее разстояніе, не въ состояніи были возвратиться за рѣками; большіе

обозы, шедшіе изъ Италіи и Галліи, находились въ совершенной невозможности достигнуть нашего лагеря. Время года было затруднительное; зимніе запасы истощились, а новый хлѣбъ уже поспѣвалъ. Весь край былъ истощенъ: Афраній, еще до прибытія Цезаря, свезъ почти весь хлѣбъ въ Илерду, а что и оставалось, то въ послѣднее время потреблено уже войсками Цезаря. Скотъ, могшій служить подспорьемъ хлѣбу въ случаѣ нужды, былъ угнанъ, по случаю войны, сосѣдними племенами на дальнее разстояніе. Фуражиры наши подвергались преслѣдованію легковооруженныхъ Лузитанцевъ и хорошо знакомыхъ съ мѣстностью цетратовъ ближней Испаніи. Они всегда могли переплыть рѣку, такъ какъ они безъ мѣховъ на войну не ходятъ.

49. Войско же Афранія не имѣло ни въ чемъ нужды. Большой запасъ хлѣба сдѣланъ былъ заблаговременно и весь свезенъ; въ большомъ количествѣ подвозили еще его со всей провинціи; корму для лошадей было въ изобиліи. Мостъ, находившійся въ Илердѣ, давалъ ко всему этому возможность, безъ всякой опасности представляя сообщеніе съ еще неопустошенною страною на той сторонѣ рѣки, доступъ въ которую для Цезаря былъ невозможенъ.

50. Вода долгое время не сбывала. Цезарь пытался-было возстановить мосты, но къ этому служили препятствіемъ и воды рѣки, бывшей въ разливѣ, и непріятельскія когорты, расположенныя по берегу. Ихъ сопротивленіе тѣмъ было важнѣе, что ширина рѣки и быстрина водъ затрудняли работы, а стрѣлы со всего противуположнаго берега были бросаемы на одинъ, и притомъ же тѣсный, пунктъ. Затруднительно было въ одно и то же время бороться и съ быстриною водъ, и уклоняться отъ стрѣлъ непріятельскихъ.

51. Афраній получилъ извѣстіе, что на берегу рѣки остановилось сильное подкрѣпленіе, идущее къ Цезарю. То были стрѣлки изъ Рутеновъ, конница галльская съ большимъ количествомъ повозокъ и тяжестей, какъ обыкновенно привыкли съ собою брать Галлы. При нихъ находилось еще разнаго званія людей тысячь около шести съ рабами и дѣтьми; но между ними не было никакого порядка; опредѣленнаго начальства не было, а всякій дѣйствовалъ по своему благоусмотрѣнію; всѣ шли свободно и безъ страха, полагаясь, какъ прежде, на безопасность дорогъ. Тутъ находилось много молодыхъ людей знатныхъ родовъ, дѣти сенаторовъ и всадническаго сословія, послы разныхъ племенъ и при нихъ легаты самого Цезаря. Всѣ они остановились за рѣкою. Съ намѣреніемъ захватить ихъ, Афраній отправился ночью со всею конницею и тремя легіонами. Конница, пришедъ впередъ, напала на нашихъ, не ожидавшихъ ничего подобнаго. Галльскіе всадники немед-

ленно приготовились и вступили въ бой; они упорно его выдерживали, пока онъ былъ при одинаковыхъ условіяхъ, несмотря на перевѣсъ въ силахъ непріятеля. Когда же увидѣли приближеніе легіоновъ, то наши, съ небольшею потерею, удалились въ сосѣднія горы. Такимъ образомъ это сраженіе спасло нашихъ, давъ имъ время удалиться на возвышенныя мѣста. Въ этотъ день мы потеряли около 200 стрѣлковъ, немного всадниковъ и небольшое число войсковаго обоза и прислуги.

52. Нужда въ съѣстныхъ припасахъ увеличивалась; какъ обыкновенно водится въ подобныхъ случаяхъ, опасеніе за будущее болѣе настоящей потребности дѣлало ее ощутительною. Цѣна за мѣру хлѣба дошла до пятидесяти денаріевъ, а силы воиновъ ослабѣли отъ недостаточнаго количества пищи. Затрудненіе росло со дня на день. Въ нѣсколько дней обстоятельства измѣнились до того, что мы въ самомъ необходимомъ терпѣли крайнюю нужду, а непріятель изобиловалъ всѣмъ и имѣлъ перевѣсъ на своей сторонѣ. Цезарь съ союзныхъ племенъ собиралъ скотъ за недостаткомъ хлѣба, слугъ войсковыхъ разсылалъ вдаль за хлѣбомъ и старался, сколько могъ, облегчать нужду.

53. Афраній и Петрей сообщили все это своимъ друзьямъ въ Римъ черезъ письма, съ прибавленіемъ такихъ подробностей, какихъ и не было. Молва, какъ обыкновенно, преувеличивала все и представляла войну какъ бы оконченною. Когда эти письма были получены въ Римѣ, въ домъ Афранія стеклось много народу, принося поздравленія. Многіе изъ Италіи спѣшили къ Помпею: иные—стараясь первые принесть благопріятную вѣсть, другіе—желая предварить конецъ войны, дабы не показать, что они были въ числѣ послѣднихъ, перешедшихъ на сторону побѣдителя.

54. Въ такомъ затруднительномъ положеніи, когда конные и пѣшіе отряды Афранія преградили намъ всѣ пути и построить мосты оказалось невозможнымъ, Цезарь приказалъ своимъ воинамъ строить суда по образцу тѣхъ, какія въ прошлые годы употреблялъ онъ въ Британіи. Остовъ лодки дѣлался изъ легкаго лѣсу, потомъ заплетался хворостомъ и обтягивался кожею. Когда эти суда были окончены, то Цезарь ночью приказалъ ихъ связанныхъ по двое на телѣгахъ перевезть на рѣку въ 22 миляхъ отъ лагеря. Воины переплыли на этихъ судахъ на противуположный берегъ и, къ удивленію непріятеля, заняли тамъ позицію и укрѣпили ее прежде, чѣмъ непріятель могъ взять противъ этого мѣры. Потомъ Цезарь переправилъ туда легіонъ и соединилъ въ этомъ мѣстѣ оба берега мостомъ, — каждый въ те-

ченіи двухъ дней былъ оконченъ. Тогда безопасно присоединились къ нему и подкрѣпленіе, шедшее изъ Галліи, и подвозы хлѣба, и можно было озаботиться правильнымъ снабженіемъ войска хлѣбомъ.

55. Въ тотъ же день, по приказанію Цезаря, значительная часть конницы перешла на ту сторону рѣки и, напавъ на непріятельскихъ фуражировъ, разсѣявшихся во всѣ стороны безъ всякаго опасенія, захватила множество людей и лошадей. Посланныя на помощь конницѣ когорты, расположенныя по сотнямъ, благоразумно раздѣлились на двѣ части: одна служила прикрытіемъ захваченной добычѣ, а другая должна была отражать непріятеля въ случаѣ, еслибы онъ вздумалъ учинить нападеніе. Одна непріятельская когорта, неосторожно отдѣлясь отъ другихъ, была окружена нашими и истреблена; а наши безъ всякой потери возвратились въ лагерь, по тому же мосту, съ большою добычею.

56. Пока все это происходило у Илерды, Массилійцы, по совѣту Л. Домиція, приготовляютъ семьнадцать галеръ и въ томъ числѣ одиннадцать крытыхъ; къ нимъ присоединили они множество малыхъ судовъ, чтобы многочисленностью устрашить нашъ флотъ. На суда посадили они большое число стрѣлковъ и Альбиковъ, о которыхъ говорено выше, и подстрекнули ихъ рвеніе разнаго рода обѣщаніями и наградами. Домицій беретъ себѣ извѣстное число судовъ и сажаетъ на нихъ колонистовъ и пастуховъ, которыхъ онъ привелъ съ собою. Такимъ образомъ снарядивъ окончательно флотъ, непріятель съ большою самоувѣренностью двинулся къ нашимъ судамъ, которыми командовалъ Д. Брутъ. Они стояли на якоряхъ у острова, лежащаго противъ Массиліи.

57. Числомъ судовъ Брутъ много уступалъ непріятелю; но Цезарь назначилъ на флотъ, по ихъ собственному желанію, отборныхъ изо всѣхъ легіоновъ храбрѣйшихъ передовыхъ сотниковъ. Они взяли съ собою желѣзныя лапы и крюки и сдѣлали большой запасъ стрѣлъ, дротиковъ и прочихъ метательныхъ орудій. Узнавъ о прибытіи непріятеля, наши вывели суда изъ пристани и сразились съ Массилійцами. Сраженіе съ обѣихъ сторонъ было весьма упорное. Альбики, грубые жители горъ, опытные въ военномъ дѣлѣ, мало чѣмъ уступали въ мужествѣ нашимъ. Обѣщанія Массилійцевъ, только-что ими оставленныхъ, были у нихъ въ свѣжей памяти; эти необузданные пастухи, въ надеждѣ на обѣщанную имъ свободу, старались въ глазахъ своихъ повелителей доказать, что они ея достойны.

58. Массилійцы, полагаясь на быстроту своихъ судовъ и на искусство кормчихъ, избѣгали столкновенія съ нашими судами и увер-

тывались отъ ихъ нападенія. Они старались, развернувъ боевую линію на большое пространство, обойдти наши суда или нѣсколькими судами напасть на одно, или мимоходомъ оторвать у нашихъ судовъ весла. Въ случаѣ же непосредственнаго столкновенія они отъ опытности кормчихъ и отъ хитростей разнаго рода имѣли прибѣжище въ храбрости горцевъ. Наши же, имѣя гребцовъ мало опытныхъ и несвѣдущихъ въ своемъ дѣлѣ кормчихъ (они были взяты для скорости изъ транспортныхъ судовъ и даже мало были знакомы съ техническими названіями галерныхъ снастей) затруднялись еще тяжестью и неповоротливостью судовъ своихъ. Сдѣланныя на скорую руку изъ сыраго матеріала, они не представляли надлежащихъ условій легкости. Вслѣдствіе этого наши домогались только того, какъ бы сойдтись близко съ непріятельскими судами, хотя бы на одномъ суднѣ съ двумя; придерживая ихъ желѣзными лапами, наши переходили на нихъ. Много убито было Альбиковъ и пастуховъ; нѣсколько судовъ потоплено, а другія захвачены съ людьми; прочія вынуждены искать спасенія въ пристани. Въ этотъ день Массилійцы потеряли и со взятыми въ плѣнъ девять судовъ.

59. Лишь только Цезарь, стоя подъ Илердою, получилъ это извѣстіе, какъ приведеніе къ окончанію моста дало дѣламъ нашимъ вдругъ благопріятный оборотъ. Непріятель, устрашенный мужествомъ нашей конницы, не такъ свободно и смѣло какъ прежде производилъ свои поиски: то фуражиры его не отходили далеко отъ лагеря, чтобы имѣть возможность уйдти въ него, то дѣлали длинные обходы. Они избѣгали встрѣчи съ нашими конными разъѣздами и при встрѣчѣ съ ними при маломъ ущербѣ, а часто и при одномъ видѣ ихъ издали, обращались въ бѣгство, пометавъ тяжести. Наконецъ въ теченіи многихъ дней непріятель вовсе прекратилъ фуражировку, а если и производилъ ее, то, противъ принятаго обычая, по ночамъ.

60. Между тѣмъ Оски и Каллагуриты, платившіе дань вмѣстѣ съ Осками, прислали къ Цезарю пословъ, изъявляя готовность исполнить его приказанія. Примѣру ихъ въ скоромъ времени послѣдовали Тарраконензы, Яцетаны и Авзетаны, а черезъ нѣсколько дней и Иллургавонензы, живущіе близь рѣки Ибера. Цезарь просилъ ихъ всѣхъ снабдить его хлѣбомъ. Они обѣщали и, собравъ со всѣхъ сторонъ всѣхъ вьючныхъ животныхъ, доставили его въ лагерь. Когорта Иллургавонензовъ, узнавъ о дѣйствіяхъ своихъ соотечественниковъ, перешла къ Цезарю и со значками, какъ была на караулѣ. Обстоятельства вдругъ перемѣнились совершенно. Мостъ былъ приведенъ къ окончанію; пять племенъ значительныхъ перешли на сторону Це-

*

заря; подвозы хлѣба были въ изобиліи; слухи о движеніи Помпея съ легіонами черезъ Мавританію на помощь Испаніи оказались неосновательными. Тогда многія и дальнія племена Испаніи отпали отъ Афранія и искали союза съ Цезаремъ.

61. Все это ввергло въ ужасъ противниковъ Цезаря. Онъ же, дабы не посылать безпрестанно конницу на мостъ большимъ обходомъ, въ удобномъ для того мѣстѣ велѣлъ рыть нѣсколько рвовъ, шириною въ 30 футовъ, съ цѣлью отвесть воды изъ Сикоры и сдѣлать ее проходимою въ бродъ. Предпріятіе это почти подходило къ концу. Афраній и Петрей стали опасаться, какъ бы имъ самимъ не отрѣзали подвозы хлѣба и фуража вслѣдствіе перевѣса силъ Цезаря конницею. А потому они рѣшились выйдти изъ этихъ мѣстъ и перенесть войну въ Цельтиберію. Къ этому побуждало ихъ то обстоятельство, что тамъ тѣ племена, которыя въ недавнюю войну съ Л. Серторіемъ держали его сторону, еще свѣжо въ памяти имѣли страхъ къ власти и имени Помпея, хотя и отсутствующаго; а тѣ, которыя были вѣрны союзу съ Помпеемъ, были осыпаны его великими благодѣяніями и потому любили его. Слава же Цезаря еще не распространилась между варварскими племенами этой страны. Тутъ непріятельскіе вожди надѣялись собрать значительныя вспомогательныя войска и многочисленную конницу и въ хорошо извѣстной имъ странѣ протянуть военныя дѣйствія до зимы. Вслѣдствіе этого плана, они приказали по всему теченію Ибера собрать суда и отвесть ихъ въ Октогезу, городу на берегу Ибера миляхъ въ 20 отъ лагеря. Въ этомъ мѣстѣ рѣки они изъ судовъ приказываютъ устроить мостъ, переводятъ два легіона черезъ Сикорью и укрѣпляютъ тамъ лагерь валомъ въ 12 футовъ.

62. Узнавъ объ этомъ черезъ лазутчиковъ, Цезарь и день и ночь старался неусыпными трудами воиновъ отвесть воду изъ рѣки. Онъ успѣлъ въ томъ, что всадники хотя и съ трудомъ, но рѣшались и могли переѣзжать черезъ рѣку; пѣшимъ же вода доставала почти до самыхъ плечъ; такая глубина при быстротѣ теченіи была еще большимъ препятствіемъ. Но въ это время получено извѣстіе, что на рѣкѣ Иберѣ почти оконченъ мостъ, а на Сикорьѣ открыли бродъ

63. Непріятельскіе вожди вслѣдствіе всего этого видѣли необходимость поспѣшить выступленіемъ въ походъ. Оставивъ двѣ когорты изъ вспомогательнаго войска въ Илердѣ въ видѣ гарнизона, они со всѣми войсками перешли Сикорью и стали лагеремъ вмѣстѣ съ 2 легіонами, переведенными ранѣе. Цезарю оставалось только конницею тревожить непріятельскую армію въ ея отступленіи. Движеніе въ

слѣдъ за нею черезъ его мостъ было бы безполезно, вслѣдствіе длиннаго обхода; непріятель прямымъ путемъ гораздо скорѣе могъ достигнуть Ибера. Итакъ, Цезарь послалъ черезъ рѣку конницу. Петрей и Афраній въ третью стражу ночи сняли лагерь; наши вдругъ показались въ тылу непріятельской арміи и, аттакуя большими массами ея задніе ряды, замедляли и останавливали ея движеніе впередъ.

64. На разсвѣтѣ съ возвышенныхъ мѣстъ, прилежавшихъ къ лагерю Цезаря, видно было, какъ наша конница сильно тѣснила задніе ряды непріятеля и иногда прорывалась въ нихъ, внося замѣшательство,—какъ непріятель всѣми когортами, переходя въ наступленіе, отражалъ нашу конницу и какъ потомъ снова она не давала ему покоя. По всему лагерю воины роптали, огорчаясь тѣмъ, что непріятель ускользаетъ у нихъ изъ рукъ, и что такимъ образомъ война тянется вдаль безъ нужды. Они приходили къ сотникамъ и трибунамъ военнымъ и умоляли ихъ: «представить Цезарю, что они готовы не щадить трудовъ и не отступать ни передъ какою опасностію; что они могутъ и рѣшаются перейдти рѣку тамъ, гдѣ прошла конница». Цезарь, видя общую готовность воиновъ, рѣшился исполнить ихъ желаніе и перейдти рѣку, хотя онъ и опасался подвергнуть войско опасности. Онъ отобралъ изъ всѣхъ сотень воиновъ слабыхъ силами или духомъ и съ однимъ легіономъ оставилъ ихъ гарнизономъ въ лагерѣ; а прочіе легіоны налегкѣ повелъ къ рѣкѣ. Поставивъ въ водѣ въ два ряда множество вьючныхъ животныхъ, онъ между ними перевелъ войско. Немногіе воины, увлеченные силою воды, были пойманы нашими всадниками и перевезены; но ни одинъ человѣкъ не погибъ. Переправившись благополучно съ войскомъ, Цезарь двинулся съ нимъ впередъ, расположивъ его готовымъ къ бою въ три линіи. Усердіе воиновъ было таково, что несмотря на обходъ въ шесть миль, на замедленіе при переправѣ въ бродъ, они ранѣе девятаго часа настигли непріятеля, вышедшаго изъ лагеря въ третью стражу.

65. Афраній и Петрей, увидавъ издалека приближеніе нашего войска, пришли въ ужасъ, не предполагавъ возможности такого случая. Ставъ на возвышенномъ мѣстѣ, они привели войска въ боевой порядокъ. Цезарь далъ отдохнуть на поляхъ своему войску, дабы не ввесть его въ дѣло утомленнымъ. Когда непріятель хотѣлъ было продолжать движеніе впередъ, Цезарь его сталъ преслѣдовать и замедлять его ходъ. Вынужденный необходимостью, непріятель остановился лагеремъ ранѣе, чѣмъ предположилъ. Недалѣе 5 миль оттуда начиналась дорога тѣсная и затруднительная. Цѣль непріятельскаго движенія была поспѣшить къ этимъ горамъ, гдѣ бы онъ нашелъ защиту отъ

конницы Цезаря и небольшими отрядами въ тѣсныхъ мѣстахъ могъ остановить преслѣдованіе нашей арміи, а между тѣмъ безопасно достигнуть рѣки Ибера; этого-то надлежало имъ домогаться всѣми средствами; но утомленные дорогою и сраженіемъ въ теченіи цѣлаго дня, они отложили исполненіе этого намѣренія до слѣдующаго дня. Цезарь съ своей стороны сталъ лагеремъ на ближайшемъ холмѣ.

66. Около полуночи наши всадники схватили нѣсколько непріятельскихъ воиновъ, отошедшихъ отъ лагеря нѣсколько далѣе за водою. Отъ этихъ плѣнныхъ Цезарь узналъ, что непріятельскіе вожди въ тишинѣ выводятъ войска изъ лагеря. Узнавъ объ этомъ Цезарь дѣлаетъ сигналъ, приказавъ затрубить по военному обычаю. Непріятель, слыша военные крики, не рѣшился выступить и остался въ лагерѣ, опасаясь быть вынужденнымъ принять сраженіе въ ночное время подъ тяжестями или въ тѣснинахъ быть обойденнымъ Цезаревою конницею. На другой день Петрей съ немногими всадниками тайно отправляется для изслѣдованія мѣстности. То же самое сдѣлано и со стороны Цезаря: Л. Децидій Сакса съ немногими всадниками посланъ разсмотрѣть мѣстность. Показанія обоихъ были одинаковы: въ пяти миляхъ впереди начинались мѣста гористыя и неудобопроходимыя, которыми кто прежде завладѣетъ, то безъ труда преградитъ сопернику совершенно путь.

67. Петрей и Афраній собрали военный совѣтъ для обсужденія времени, когда выступить. Бо́льшая часть были того мнѣнія, «что надо двинуться впередъ ночью и что тѣснинъ можно достигнуть прежде, чѣмъ узнаетъ объ ихъ движеніи Цезарь. Другіе были противъ этого: тревога въ лагерѣ Цезаря въ прошлую ночь показываетъ, что выступить изъ лагеря не бывъ замѣченными невозможно. Въ ночное же время конница Цезаря окружитъ ихъ и преградитъ имъ всѣ дороги. Сраженія ночнаго надо избѣгать; въ междуусобной войнѣ для воина чувство страха сильнѣе сознанія его обязанности; днемъ онъ знаетъ, что его видятъ, и стыдится позора; присутствіе и участіе военныхъ трибуновъ и сотниковъ много можетъ содѣйствовать къ успѣху сраженія, къ удержанію воиновъ въ повиновеніи и въ исполненіи ихъ обязанностей. Походъ надобно во всякомъ случаѣ продолжать днемъ; тогда еслибы и уронъ какой приключился, то главная масса войска во всякомъ случаѣ можетъ безопасно достигнуть цѣли похода». Мнѣніе это на военномъ совѣтѣ имѣло верхъ; рѣшено выступить въ походъ на другой день на разсвѣтѣ.

68. Цезарь, разсмотрѣвъ хорошо мѣстность, чуть забрежжился дневной свѣтъ, вывелъ всѣ войска изъ лагеря и повелъ ихъ въ дальній

обходъ не по дорогѣ; всѣ, какіе были пути къ Иберу и Октогезѣ, были преграждены непріятельскимъ лагеремъ. Воинамъ нашимъ предстояло перейдти глубокія долины, что было сопряжено съ большими затрудненіями; во многихъ мѣстахъ имъ преграждали путь крутые утесы, на которые они взбирались безоружные на плечахъ одинъ другаго, а оружіе потомъ передавали изъ рукъ въ руки и такимъ образомъ совершили большую часть пути. Впрочемъ воины не тяготились такими трудами, надѣясь ими привесть къ концу войну, отрѣзавъ непріятелю дорогу отъ Ибера и отъ подвозовъ провіанта.

69. Сначала воины Афранія, видя выступленіе нашего войска, радовались, выбѣгали изъ своего лагеря, преслѣдуя нашихъ воиновъ насмѣшками и ругательствами: они бѣгутъ вынужденные недостаткомъ съѣстныхъ припасовъ, и возвращаются къ Илердѣ». Мнѣніе это возникло оттого, что наши воины шли въ направленіи совершенно противуположномъ настоящей цѣли ихъ похода. Вожди непріятельскіе радовались, что настояли на томъ, чтобы остаться въ лагерѣ; предположеніе ихъ относительно движенія нашего войска къ Илердѣ казалось тѣмъ основательнѣе, что оно двинулось безъ обоза и вьючныхъ животныхъ и потому не могло долго выдерживать недостатокъ съѣстныхъ припасовъ. Когда же непріятели увидѣли, что наше войско мало-по-малу поворачиваетъ вправо и уже обходитъ ихъ лагерь; тогда всѣ, забывъ свои труды и усталость, стали готовиться къ немедленному выступленію. Они взялись за оружіе и всѣ, за исключеніемъ немногихъ когортъ, оставленныхъ для охраненія лагеря, двинулись прямою дорогою къ Иберу.

70. Все дѣло заключалось въ быстротѣ, въ томъ, чье войско первое займетъ тѣснины и достигнетъ гористаго мѣста. Движеніе войска Цезарева замедляли трудности пути; а войско Афранія пріостановлено было преслѣдованіемъ нашей конницы. Впрочемъ ему, еслибы оно успѣло первое достигнуть горъ, куда оно шло, удалось бы тамъ найдти безопасность; обозы же всего войска и когорты, оставленныя въ лагерѣ, не могли никакъ спастись, бывъ отрѣзаны войскомъ Цезаря. Цезарю первому удалось достигнуть цѣли; изъ гористыхъ мѣстъ онъ вывелъ войско на равнину и выстроилъ его тамъ въ боевомъ порядкѣ. Афраній, видя, что войско его сзади тѣснимо нашею конницею, а спереди также угрожаетъ ему непріятельское войско, остановился на возвышеніи. Отсюда онъ послалъ четыре когорты цетратовъ съ приказаніемъ занять самый возвышенный пунктъ изъ бывшихъ въ виду горъ. Онъ имъ предписываетъ исполнить это какъ можно поспѣшнѣе съ цѣлью туда же двинуться со всѣми войсками и по верши-

намъ горнаго хребта, перемѣнивъ путь, достигнуть Октогезы. Конница Цезаря, видя, что цетраты косвеннымъ путемъ спѣшатъ къ горѣ, ударила на нихъ; они не въ состояніи были почти ни на минуту сдержать натискъ нашей конницы: окруженные со всѣхъ сторонъ, они были избиты въ виду того и другаго войска.

71. Не надобно было упускать благопріятнаго случая къ рѣшительному успѣху. Цезарь понималъ, что войско непріятельское, приведенное въ ужасъ такимъ урономъ, понесеннымъ въ глазахъ, не въ состояніи будетъ сопротивляться тѣмъ болѣе, что сраженіе будетъ происходить на ровномъ мѣстѣ, гдѣ нашей конницѣ возможно будетъ дѣйствовать со всѣхъ сторонъ противъ непріятеля. Воины единогласно требовали боя. Легаты, сотники, военные трибуны сбѣжались и упрашивали Цезаря—не опасаться рѣшить дѣло сраженіемъ, увѣряя, что духъ воиновъ самый наилучшій. Напротивъ войско Афранія не могло скрыть овладѣвшаго имъ ужаса: это видно изъ того, что оно не подало помощи своимъ цетратамъ, не рѣшилось сойдти съ вершины холма, съ трудомъ выдерживало аттаки нашей конницы, сбилось въ кучу и значки снесло въ одно мѣсто, не соблюдая болѣе строгой правильности рядовъ. Если Цезарь останавливается передъ затрудненіями мѣстности, то возможность боя не замедлитъ представиться, такъ какъ Афранію, по безводности занятаго имъ мѣста, не возможно будетъ долго на немъ оставаться.

72. Цезарь возъимѣлъ надежду окончить войну безъ кровопролитія, не прибѣгая къ сраженію, а отрѣзавъ непріятелю подвозъ съѣстныхъ припасовъ: «Какъ бы ни былъ благопріятенъ конецъ сраженія, для чего ему терять своихъ людей? Для чего допуститъ онъ пролитіе крови воиновъ, оказавшихъ ему столько услугъ? Да и для чего дѣло вѣрное вручать рѣшенію перемѣнчивой судьбы? Для полководца столь же честно одержать побѣду умными распоряженіями, какъ и открытою силою». Съ соболѣзнованіемъ смотрѣлъ Цезарь на пролитіе крови своихъ согражданъ; онъ домогался достигнуть успѣха такъ, чтобы это не стоило имъ ни горя, ни потерь. Такая умѣренность Цезаря многимъ не нравилась; воины его явно толковали межь себя: «такъ какъ Цезарь упустилъ такой случай къ побѣдѣ, то буде онъ и пожелаетъ когда, а они тогда откажутся сражаться». Несмотря на это, Цезарь твердо держался своего рѣшенія и нѣсколько даже отступилъ, чтобы уменьшить опасенія непріятеля. Петрей и Афраній, видя возможность, удалились въ лагерь. Цезарь расположилъ отряды по горамъ, отрѣзавъ непріятелю всякое сообщеніе съ Иберомъ и, избравъ мѣсто для лагеря какъ можно ближе къ непріятелю, укрѣпилъ его.

73. На другой день непріятельскіе вожди въ затрудненіи, видя себя совершенно отрѣзанными отъ подвозовъ съѣстныхъ припасовъ и отъ рѣки Ибера, совѣщались о томъ, какъ поступить. Одна дорога была имъ возвратиться въ Илерду, а другая идти въ Тарракону. Когда они объ этомъ имѣли совѣщаніе, дано имъ знать, что наша конница препятствуетъ ихъ воинамъ въ снабженіи себя водою. Узнавъ объ этомъ, непріятельскіе вожди разставили въ близкомъ одна отъ другой разстояніи союзныя когорты, перемѣшавъ ихъ съ взятыми изъ легіоновъ, и эскадроны конницы, и начинаютъ весть валъ отъ лагеря къ водѣ, для того, чтобы во всякое время можно было подъ защитою укрѣпленій безопасно ходить за водою. Петрей и Афраній раздѣлили между своими войсками эту работу и сами для того, чтобы она скорѣе была окончена, вышли впередъ подалѣе.

74. Съ удаленіемъ ихъ воины, получивъ болѣе свободы для переговоровъ, толпами подходятъ къ нашему лагерю, отыскивая и вызывая знакомыхъ и земляковъ. Сначала «они высказываютъ имъ всѣмъ признательность за то, что они пощадили ихъ наканунѣ, когда они были въ ужасѣ, и считаютъ себя имъ обязанными жизнью». Потомъ они распрашиваютъ, до какой степени можно вѣрить Цезарю и могутъ ли они положиться на него? Жалѣютъ, что сначала такъ не поступили и обнажили оружіе противъ людей, связанныхъ съ ними узами родства и крови. Переходя отъ одного предмета къ другому, они просятъ отъ Цезаря слова пощадить жизнь Петрея и Афранія для того, чтобы не взять на себя преступленія и подозрѣнія въ измѣнѣ. Получивъ въ этомъ обезпеченіе, они немедленно перейдутъ и съ значками въ лагерь Цезаря. Для переговоровъ объ условіяхъ мира отправлены къ Цезарю послами сотники первыхъ рядовъ. Между тѣмъ одни другихъ приглашаютъ въ свой лагерь и воины обѣихъ сторонъ перемѣшались такъ, какъ будто два лагеря уже составляли одинъ. Многіе сотники и трибуны военные явились къ Цезарю, поручая себя въ его расположеніе. Также точно поступили старѣйшины испанскихъ племенъ, которыхъ Петрей и Афраній вызвали къ себѣ и держали въ своемъ лагерѣ въ видѣ заложниковъ; они отыскивали своихъ знакомыхъ и просили ихъ замолвить за нихъ слово Цезарю. Даже юный сынъ Афранія чрезъ легата Сульпиція велъ съ Цезаремъ переговоры о безопасности своей и отца своего. Всѣ радовались и поздравляли другъ друга; одни были довольны, что избѣгли такихъ опасностей, а другіе, что безо всякихъ потерь достигли столь желаннаго успѣха. Медленность и снисхожденіе Цезаря, столь прежде осуждаемыя, были оцѣнены по достоинству и всѣ одобрили основательность его образа дѣйствій.

75. Афраній, получивъ извѣстіе обо всемъ этомъ, оставилъ предпринятыя работы и удалился въ лагерь, готовый хладнокровно и спокойно встрѣтить все, что бы ему ни готовила судьба. Но Петрей не измѣнилъ своему всегдашнему характеру; вооруживъ своихъ приближенныхъ, преторіанскую когорту, цетратовъ, небольшое число туземныхъ всадниковъ, состоявшихъ на его жалованьи для охраненія его особы, неожиданно проскакалъ къ валу, положилъ конецъ сходбищамъ воиновъ, нашихъ прогналъ отъ лагеря, а нѣкоторыхъ, которые попались ему въ руки, и убилъ. Прочіе собрались въ толпу и, испуганные неожиданною опасностью, обернувъ лѣвую руку сагою, извлекли мечи и оборонялись отъ цетратскихъ всадниковъ, обнадеженные близостью лагеря. Они отступили къ нему и были защищены когортами, расположенными для караула впереди воротъ.

76. Когда это было сдѣлано, Петрей, проливая слезы, обходилъ воиновъ своихъ, заклиная ихъ: «не выдавать ни его, ни отсутствующаго Помпея, ихъ главнаго военачальника, врагамъ на мучительную смерть». Немедленно собрались воины въ преторій. Петрей тутъ требуетъ, чтобы всѣ дали клятву не оставлять своихъ вождей и рядовъ, не измѣнять имъ, ни искать какого-либо соглашенія иначе, какъ съ общаго совѣта. Онъ самъ первый даетъ эту клятву; потомъ принуждаетъ Афранія сдѣлать то же. Трибуны военные и сотники послѣдовали примѣру главныхъ вождей. Воины, приведенные по сотнямъ, дали всѣ ту же присягу. Приказано каждому, у кого есть воинъ Цезаря, привести его: когда они были приведены, то ихъ всѣхъ тутъ же въ преторіи умертвили. Но большую часть принятыхъ воины не выдали, а скрыли у себя и потомъ ночью спустили черезъ валъ. Такимъ образомъ ужасъ, внушенный вождями, жестокость казней, обязанность новой присяги—все это въ настоящемъ уничтожило надежду на примиреніе, измѣнило расположеніе умовъ воиновъ и военныя дѣйствія возобновились по прежнему.

77. Цезарь приказалъ съ большимъ стараніемъ отыскать всѣхъ непріятельскихъ воиновъ, во время переговоровъ пришедшихъ въ нашъ лагерь, и отослалъ ихъ обратно. Впрочемъ нѣкоторые трибуны военные и сотники добровольно пожелали остаться на службѣ у Цезаря; онъ и въ послѣдствіи имѣлъ ихъ въ большой чести: сотниковъ онъ повысилъ на службѣ, а всадниковъ римскихъ сдѣлалъ трибунами.

78. Войско Афранія тѣснимо было нашими во время фуражировки, съ трудомъ доставало себѣ воду. Что касается до хлѣба, то воины легіоновъ имѣли еще сколько-нибудь его, взявъ съ собою при выходѣ изъ Илерды провіанту на 22 дня. Цетраты же и союзныя войска

вовсе не имѣли его, какъ потому, что не имѣли средствъ добыть его, такъ и потому, что неспособны были носить съ собою тяжести; вслѣдствіе этого ежедневно большое число ихъ переходило къ Цезарю. Обстоятельства непріятеля были самыя крайнія; но изъ двухъ предположеній его лучшимъ казалось возвратиться въ Илерду, гдѣ еще оставался небольшой запасъ хлѣба, и тамъ обдумать дальнѣйшій ходъ войны. Тарраконъ былъ дальше и потому въ походѣ туда могли бы встрѣтиться и случаи, которыхъ нельзя было ожидать. Принявъ это рѣшеніе (возвратиться въ Илерду), непріятель выступилъ изъ лагеря. Цезарь послалъ за нимъ конницу въ погоню, чтобы не давать покою заднимъ его рядамъ; а самъ съ легіонами послѣдовалъ за нею. Схватки нашей конницы съ задними войсками непріятеля почти не прекращались.

79. Сраженіе происходило такимъ образомъ. Легко вооруженныя когорты замыкали собою главную массу всей арміи и нерѣдко, на ровныхъ мѣстахъ, останавливались, чтобы дѣлать отпоръ. Когда нужно было всходить на гору, то легко было по самому свойству мѣстности непріятелю защищаться; передніе его ряды съ помощью возвышенія прикрывали заднихъ. Когда же нужно было переходить долину, то и передніе ряды были въ невозможности подать помощь оставшимъ и наша конница съ возвышенія осыпала ихъ сзади стрѣлами; тутъ опасность непріятеля была велика. Ему оставалось одно въ такомъ случаѣ: приближаясь къ такимъ мѣстамъ, останавливать легіоны и дружнымъ нападеніемъ отразить нашу конницу; отодвинувъ ее, бѣгомъ спускаться въ долину и, перешедъ ее, останавливаться снова на возвышенномъ мѣстѣ. Несмотря на многочисленность своей конницы, непріятель не только неполучалъ отъ нея никакого пособія, но ее же защищалъ пѣхотою, заключивъ ее въ середину рядовъ,—до того она была разстроена и приведена въ ужасъ прежними битвами. Ни одному непріятельскому воину невозможно было оставить рядовъ безъ того, чтобы не попасться въ руки конницѣ Цезаря.

80. Такимъ образомъ непріятель подвигался впередъ медленно, сражаясь почти на каждомъ шагу и безпрестанно останавливаясь, чтобы поддержать своихъ; такъ случилось и на этотъ разъ. Прошедъ мили четыре, сильно тревожимый конницею, онъ занялъ позицію на высокой горѣ и, ставъ фронтомъ, началъ передъ нимъ дѣлать укрѣпленія, а между тѣмъ не снималъ вьюковъ съ лошадей. Видя, что и Цезарь сталъ лагеремъ, что палатки раскинуты и конница отправилась за кормомъ для лошадей, непріятель вдругъ, часу въ шестомъ дня, отправился въ путь, надѣясь сколько-нибудь выиграть времени

вслѣдствіе удаленія нашей конницы. Замѣтивъ движеніе непріятеля, Цезарь немедленно двинулся за нимъ въ погоню съ остальнымъ войскомъ, изъ легіоновъ состоявшимъ; только нѣсколько когортъ оставилъ онъ для прикрытія войсковаго обоза. Въ десятомъ часу онъ приказываетъ слѣдовать за собою фуражирамъ, и отзываетъ конницу. Она немедленно возвратилась къ исполненію своей ежедневной обязанности похода. У заднихъ рядовъ непріятеля произошло упорное сраженіе, которое чуть не окончилось его совершеннымъ пораженіемъ; многіе воины и даже нѣкоторые сотники были убиты. Войско Цезаря шло по пятамъ непріятеля и угрожало всею массою наступить на него.

81. Тогда непріятель, не имѣя возможности ни избрать удобное мѣсто для лагеря, ни продолжать путь, выпужденъ былъ остановиться вдали отъ воды и при самыхъ неблагопріятныхъ для него условіяхъ мѣстности. Оставаясь вѣрнымъ своему вышеизложенному плану, Цезарь прекратилъ сраженіе и, не безпокоя болѣе непріятеля, своимъ воинамъ не приказалъ разбивать палатокъ для того, чтобы они готовы были во всякое время продолжать преслѣдованіе, будетъ ли то днемъ или ночью. Непріятель, видя неудобное положеніе своего лагеря, всю ночь занимался распространеніемъ своихъ укрѣпленій, присоединяя лагерь къ лагерю. Работы эти продолжалъ онъ и въ слѣдующій день, начавъ ихъ съ ранней зари. Но чѣмъ дальше переносилъ онъ укрѣпленія, распространяя лагерь, тѣмъ дальше отходилъ отъ воды, и желая помочь горю, впадалъ въ худшее. Въ первую ночь никто не выходилъ изъ лагеря за водою; на слѣдующій день, оставивъ только гарнизонъ въ лагерѣ, непріятель со всѣми силами двинулся къ водопою, а за кормомъ для лошадей не посылалъ никого. Цезарь предпочиталъ нуждою заставить непріятеля просить о пощадѣ и покориться ему, чѣмъ достигнуть того же сраженіемъ. Съ этою цѣлью онъ началъ окружать его валомъ и рвомъ для того, чтобы преградить ему путь къ вылазкамъ, въ ту сторону, куда его вынуждала идти потребность воды. Терпя недостатокъ въ кормѣ и съ цѣлію ускорить свое движеніе, непріятель порѣзалъ всѣхъ вьючныхъ животныхъ.

82. Въ этихъ соображеніяхъ и работахъ прошли два дня; на третій большая часть предположеннаго Цезаремъ укрѣпленія была уже сдѣлана. Съ цѣлью воспрепятствовать работамъ, непріятельскіе вожди, по данному въ восьмомъ часу сигналу, вывели легіоны изъ лагеря и расположили ихъ въ боевомъ порядкѣ за валомъ. Цезарь отозвалъ легіоны отъ работы, собралъ всю конницу и поставилъ войско въ боевомъ порядкѣ. Не принять сраженія было неблагоразумно по влі-

янію этого на умы воиновъ и ихъ понятія. Впрочемъ Цезарь не измѣнилъ своему намѣренію избѣгать всячески сраженія; тѣмъ болѣе, что и въ случаѣ пораженія непріятеля побѣда надъ нимъ не могла быть рѣшительною по случаю близости лагеря. Между обоими лагерями разстоянія было не болѣе двухъ миль; двѣ трети этого пространства занимали собою враждебныя войска; треть его оставалась для движеній ихъ. Въ случаѣ сраженія пораженные всегда имѣли безопасное убѣжище въ лагерѣ; а потому Цезарь твердо рѣшился принять сраженіе въ случаѣ, если его атакуютъ, но самъ не дѣлать нападенія.

83. Войска Афранія, состоявшія изъ пяти легіоновъ, были расположены въ двѣ линіи; третью, въ видѣ резерва, составляли когорты изъ союзныхъ войскъ. Цезарево войско было расположено въ три линіи: первая состояла изо четырехъ когортъ пяти легіоновъ; вторая изъ трехъ когортъ тѣхъ же легіоновъ и третья изъ остальныхъ когортъ каждаго изъ пяти легіоновъ. Стрѣлки и пращники находились въ серединѣ боеваго фронта; конница стояла по флангамъ. Расположивъ армію въ боевомъ порядкѣ, обѣ стороны, казалось, равно достигали своихъ цѣлей: Цезарь готовъ былъ принять сраженіе только въ случаѣ, если его вынудятъ; а непріятель довольствовался тѣмъ, что воспрепятствовалъ нашимъ работамъ. До захода солнца обѣ арміи стояли подъ оружіемъ одна противъ другой, а потомъ разошлись по своимъ лагерямъ. На другой день Цезарь спѣшитъ привести къ концу начатыя работы. Непріятель же пытался рѣку Сикорью перейдти въ бродъ. Примѣтивъ это, Цезарь послалъ на ту сторону рѣки отряды легковооруженныхъ Германцевъ и конницы, и расположилъ по берегамъ частые караулы.

84. Окруженные со всѣхъ сторонъ, уже четвертый день нуждаясь въ кормѣ лошадей, не имѣя ни воды, ни дровъ, ни хлѣба, непріятельскіе вожди просятъ переговоровъ и, если можно, въ отдаленномъ отъ воиновъ мѣстѣ. Цезарь въ послѣднемъ отказалъ и соглашался на переговоры не иначе, какъ явно; въ заложники Цезарю присланъ былъ сынъ Афраніевъ. Переговоры открылись въ мѣстѣ, назначенномъ Цезаремъ. Афраній сталъ говорить—такъ что слышало то и другое войско—слѣдующее: «Цезарю не слѣдуетъ сердиться ни на нихъ, ни на воиновъ за то, что они исполнили обязанности вѣрности въ отношеніи къ своему вождю Кн. Помпею; теперь уже они довольно сдѣлали для своего долгу и достаточно понесли мученій, претерпѣвъ лишенія всякаго рода. Окруженные укрѣпленіями, лишенные воды, не имѣя возможности сойдти съ мѣста, они приведены въ состояніе слабыхъ жен-

щинъ, не будучи болѣе въ состояніи переносить ни тѣломъ скорби ни духомъ страхъ позора. А потому они признаютъ себя побѣжденными и молятъ лишь о пощадѣ, если только есть мѣсто состраданію, чтобы не быть вынужденными отчаяніемъ добровольно претерпѣть мученія смерти». Все это сказалъ Афраній самымъ смиреннымъ образомъ и со всѣми знаками униженія.

85. Цезарь на это отвѣчалъ: «всего менѣе прилично имъ жаловаться и просить о милосердіи. Воины конечно исполнили только свой долгъ. Что же касается до него, Цезаря, имѣя на своей сторонѣ всѣ выгодныя условія и времени и мѣста, онъ не прибѣгалъ къ сраженію, всячески стараясь открыть путь къ примиренію. Войско его, несмотря на то, что было оскорблено избіеніемъ своихъ товарищей, тѣхъ изъ непріятельскихъ воиновъ, которые находились въ его власти, защитило и отпустило безъ вреда. Да и они, сами собою начавъ переговоры о мирѣ, слѣдовали только внушенію чувства собственной ихъ всѣхъ безопасности. Итакъ обѣ стороны желали мира, давая мѣсто состраданію другъ о другѣ. Одни вожди остались глухи на желанія мира, презрѣвъ права мирныхъ переговоровъ, они предали мучительной смерти людей, ни въ чемъ невиновныхъ, завлеченныхъ въ ихъ лагерь надеждою на миръ. А потому и случилось съ ними то, что обыкновенно бываетъ съ людьми надменными и упрямыми, что они вынуждены молить теперь о томъ, что такъ недавно сами отвергли съ пренебреженіемъ. Впрочемъ онъ, Цезарь, не хочетъ воспользоваться для увеличенія своего могущества ни ихъ несчастнымъ положеніемъ, ни всѣми благопріятными для него обстоятельствами. Онъ требуетъ одного, чтобы эти войска, столько лѣтъ содержимыя съ враждебною для него цѣлью, были распущены. Противъ него посланы въ Испанію шесть легіоновъ, а седьмой тамъ набранъ; противъ него приготовлены сильные флоты, противъ него присланы сюда опытные вожди. Ничего это не нужно было для удержанія Испаніи въ покорности, уже давно наслаждающейся совершеннымъ спокойствіемъ. Давно все это готовится противъ него. Противъ него возникла новая власть, управляющая и внутренними дѣлами въ Римѣ и заочно столько лѣтъ владѣющая двумя провинціями, самыми воинственными. Противъ него измѣнены давнишніе законы объ опредѣленіи въ должности: управленіе провинціями, слѣдующее бывшимъ преторамъ и консуламъ, нынѣ достается по усмотрѣнію и выбору немногихъ лицъ. Противъ него выслуга лѣтъ потеряла свою силу и призываются въ ряды самые опытные изъ отличавшихся въ прежнія войны солдаты. Ему одному невозможно то, что дотолѣ было удѣломъ всѣхъ военачальниковъ—

счастливо окончивъ возложенныя на него дѣла, если и безъ награды, то по крайней мѣрѣ спокойно, распустивъ войско, возвратиться домой, не подвергаясь порицаніямъ. Впрочемъ онъ Цезарь все это терпѣливо перенесъ и будетъ переносить. И не того онъ добивается, чтобы присоединить къ своимъ войскамъ ихъ войска, что впрочемъ для него не трудно было бы сдѣлать, но чтобы они не могли ихъ снова обратить противъ него. А потому онъ повторяетъ уже, высказанное прежде, требованіе—выйдти изъ Испаніи и распустить войска. Въ случаѣ исполненія этого условія, онъ никому не сдѣлаетъ вреда: съ его впрочемъ стороны это крайнее и рѣшительное условіе для мира».

86. Весьма естественно, что для воиновъ ничего не могло быть пріятнѣе: вмѣсто наказанія, какого они должны были ожидать, они получали позволеніе оставить службу, что для нихъ равнялось наградѣ. Когда началось совѣщаніе о времени и мѣстѣ распущенія легіоновъ, всѣ воины съ валу, на которомъ они стояли, стали показывать и руками и криками, что они желаютъ немедленнаго отпуска. Никакой клятвы не считали они достаточнымъ ручательствомъ этого, если дѣло пойдетъ въ оттяжку. Объ этомъ предметѣ съ обѣихъ сторонъ было непродолжительное совѣщаніе; положено тѣхъ воиновъ, которые имѣли дома и земли въ Испаніи, распустить тотчасъ, а прочихъ у рѣки Вара; условлено было дать имъ безопасный пропускъ и непринуждать никого силою къ службѣ Цезарю.

87. Цезарь обѣщался прокормить ихъ съ этого времени и до достиженія ими рѣки Вара. Притомъ онъ объявилъ: «если кто изъ непріятельскихъ воиновъ найдетъ у его воиновъ въ числѣ военной добычи вещь, ему принадлежавшую, то онъ пусть ее отберетъ себѣ». Вещамъ этимъ сдѣлана была оцѣнка, и по ней Цезарь удовлетворилъ своихъ воиновъ деньгами. Воины всѣ свои распри, какія и впослѣдствіи между ними возникали, отдавали добровольно на судъ Цезарю. Когда Петрей и Афраній отказывались заплатить воинамъ требовавшимъ почти съ возмущеніемъ жалованье, утверждая, что срокъ еще не пришелъ, то они требовали довесть объ этомъ до свѣдѣнія Цезаря и обѣ стороны были довольны его рѣшеніемъ. Въ теченіи двухъ дней третья часть войска была распущена; на походѣ Цезарь впереди приказалъ идти двумъ легіонамъ, а прочимъ замыкать шествіе, и лагеремъ становились оба войска одно подлѣ другаго; этимъ дѣломъ поручилъ Цезарь завѣдывать легату К. Фуфію Калену. Сообразно наставленію Цезаря, войска совершили такъ путь изъ Испаніи къ рѣкѣ Вару, и тутъ была распущена остальная часть войска.

КНИГА ВТОРАЯ.

—

1. Пока происходили въ Испаніи событія, описанныя выше, легатъ К. Требоній, которому Цесарь поручилъ весть осаду Массиліи, съ двухъ сторонъ производилъ осадныя работы, дѣлалъ насыпь, крытые ходы для воиновъ, строилъ башни. Въ одномъ мѣстѣ со стороны пристани и верфей; въ другомъ со стороны дороги, ведущей изъ Галліи и Испаніи, къ той части морскаго берега, которая лежитъ близъ устья Роны. Городъ Массилія почти съ трехъ сторонъ омывается волнами моря; только съ четвертой къ нему есть доступъ сухимъ путемъ. И тутъ со стороны крѣпости онъ защищенъ природою и весьма высокимъ валомъ такъ, что осада въ этомъ мѣстѣ крайне затруднительна. Для производства осадныхъ работъ К. Требоній собираетъ со всей провинціи большое число вьючныхъ животныхъ и людей, и дѣлаетъ распоряженіе о заготовленіи хворосту и всякаго потребнаго матеріалу. Изготовивъ все, онъ возвелъ террассу въ 80 футовъ вышины.

2. Городъ Массилія до того изобиловалъ всѣми военными снарядами издревле и имѣлъ такъ много метательныхъ машинъ, что дѣйствію ихъ не могли противустоять никакіе крытые хворостомъ ходы. Въ двѣнадцать футовъ длины бревна, окованные на концѣ, будучи пущены изъ огромныхъ баллистовъ, пробивали четыре яруса плетневыхъ крышъ и втыкались въ землю. А потому выстроенъ былъ портикъ, крыша котораго состояла изъ бревенъ, толщиною въ футъ; подъ нимъ изъ рукъ въ руки передавали матеріалы, нужные для довершенія террассы. Впереди была устроена *черепаха* въ 60 футовъ для уравненія мѣстности; она состояла изъ самыхъ крѣпкихъ деревъ и покрыта была всѣмъ, что только могло противудѣйствовать метанію огня и камней со стороны осажденныхъ. Огромные размѣры работъ, вышина стѣнъ и башень, множество метательныхъ орудій — все это затрудняло дѣйствія осаждающихъ. Притомъ Альбики дѣлали безпрестанныя вылазки изъ города, усиливаясь поджечь нашу террассу и башни; наши воины безъ труда отражали ихъ и съ большимъ урономъ принуждали отступать въ городъ.

3. Между тѣмъ Л. Назидій отправленъ былъ Кн. Помпеемъ на помощь Домицію и Массилійцамъ съ флотомъ изъ шестнадцати судовъ,

изъ коихъ нѣсколько было окованныхъ мѣдью. Онъ безпрепятственно прошелъ черезъ Сицилійскій цроливъ, благодаря тому, что Куріонъ, ничего не ожидая, не принялъ мѣръ предосторожности. Назидій причалилъ въ Мессанѣ; сенатъ и главныя лица города бѣжали, пораженные внезапнымъ страхомъ; онъ безпрепятственно увелъ одинъ корабль съ верфей этого города и, присоединивъ его къ своимъ судамъ, прямо поплылъ къ Массиліи. Приближаясь къ городу, онъ тайно послалъ впередъ лодку, давая знать Домицію и Массилійцамъ о своемъ прибытіи и сильно убѣждалъ ихъ—снова, соединясь съ нимъ, сразиться съ флотомъ Д. Брута.

4. Массилійцы послѣ перваго пораженія пополнили число судовъ старыми, бывшими у нихъ на верфяхъ въ починкѣ и вооружили ихъ съ большимъ тщаніемъ (они изобиловали гребцами и кормчими). Присоединили они сюда и рыболовныя суда, сдѣлавъ надъ ними шалаши изъ хвороста для защиты гребцовъ отъ непріятельскихъ стрѣлъ; ихъ снабдили стрѣлками и метательными машинами. Когда флотъ былъ изготовленъ, то Массилійцы, уступая слезнымъ мольбамъ стариковъ, матерей семействъ и дѣвушекъ, просившихъ не оставить ихъ безъ защиты въ такой крайности, сѣли на суда не съ меньшимъ духомъ и надеждою на успѣхъ, какъ и въ первый разъ. Такова несовершенная природа человѣка, что насъ равно легко можетъ и ободрить и привесть въ ужасъ, чего мы еще не видѣли и не испытали; такъ случилось и на этотъ разъ. Прибытіе Назидія вселило въ жителей Массиліи новое мужество и новую надежду. При попутномъ вѣтрѣ они вышли изъ пристани, поплыли къ Тавроенту, небольшему укрѣпленію Массилійцевъ и соединились съ Назидіемъ. Тутъ они изготовили суда къ бою, ободряя другъ друга, и сообщили взаимно свои предположенія относительно сраженія. На правомъ крылѣ флота стали Массилійцы, а на лѣвомъ Назидій.

5. Туда же двинулся Брутъ, умноживъ число судовъ своего флота: кромѣ прежнихъ, сдѣланныхъ въ Арелатѣ по приказанію Цезаря, онъ починилъ шесть Массилійскихъ судовъ, захваченныхъ въ сраженіи и снабдилъ ихъ всѣмъ нужнымъ. Брутъ ободрилъ своихъ воиновъ рѣчью, представляя имъ, что они должны имѣть только презрѣніе къ врагу, уже разъ побѣжденному. Смѣло и въ надеждѣ на успѣхъ, выступилъ онъ въ походъ. Изъ лагеря К. Требонія и возвышенныхъ мѣстъ легко было видѣть, какъ въ городѣ вся молодежь, въ немъ оставшаяся и всѣ старики съ женами, съ дѣтьми, съ общественными стражами, одни со стѣнъ простирали руки къ небу, другіе наполняли храмы боговъ безсмертныхъ и, простершись передъ ихъ изображенія-

ми, умоляли о побѣдѣ. Каждый чувствовалъ и понималъ, что въ этотъ день рѣшается его участь: съ флотомъ отправился и цвѣтъ юношества и все, что было знатнѣйшаго въ городѣ, сообразно общему желанію и выбору. Въ случаѣ пораженія, не оставалось и средствъ возобновить попытку къ отраженію непріятеля. Побѣда же дала бы увѣренность Массилійцамъ спасти ихъ городъ или собственными средствами, или стороннею помощью.

6. Въ происшедшемъ сраженіи Массилійцевъ нельзя было упрекнуть въ недостаткѣ мужества. Помня внушенія своихъ соотечественниковъ, они постоянно, казалось, имѣли передъ собою мысль о томъ, что время было показать послѣднія усилія; погибнуть въ этомъ сраженіи за отечество—въ ихъ мысляхъ значило только немногими часами опередить судьбу, при взятіи города, имѣющую быть удѣломъ всѣхъ его жителей. Когда мало по малу между нашими судами обнаружился промежутокъ, то, при исскуствѣ гребцовъ, Массилійцы пользовались поворотливостью судовъ своихъ. Если же нашимъ удавалось притянуть желѣзною лапою непріятельскій корабль, то прочіе спѣшили къ нему на выручку. Да и въ рукопашномъ боѣ Массилійцы вмѣстѣ съ Альбиками обнаружили отличное мужество и мало чѣмъ развѣ уступали нашимъ. Изъ малыхъ судовъ непріятель осыпалъ нашихъ стрѣлами и они нанесли немалый вредъ, тѣмъ болѣе, что противъ нихъ не было взято никакихъ мѣръ защиты или осторожности. Двѣ непріятельскія триремы, замѣтивъ корабль, на которомъ находился Д. Брутъ — что видно было по его отличію — устремились на него съ двухъ сторонъ. Поспѣшно Брутъ успѣлъ поворотить свой корабль и тогда обѣ триремы налетѣли съ такою силою одна на другую, что̀ понесли большой вредъ, а у одной былъ пробитъ носъ и она совершенно была повреждена. Примѣтивъ это, суда нашего флота, находившіяся по близости, устремились на поврежденныя суда непріятельскія и безъ труда потопили ихъ.

7. Корабли Назидія почти не принесли никакой пользы Массилійцамъ; не долго участвовавъ въ сраженіи, они удалились. Ни видъ опасности отечества, ни убѣжденія родныхъ немогли склонить ихъ пожертвовать собою; а потому изъ нихъ всѣ остались невредимы. Изъ флота Массилійцевъ пять судовъ потоплены, а четыре взяты въ плѣнъ; одно ушло вмѣстѣ съ кораблями Назидія, искавшими убѣжища въ ближней Испаніи. Изъ остальныхъ одинъ былъ отправленъ въ Массилію съ извѣстіемъ объ исходѣ боя. Увидавъ его приближеніе къ городу, всѣ жители вышли на встрѣчу. Когда же узнали о случившемся, то по городу поднялся такой вой и плачь, какъ будто ужь

онъ взятъ непріятелемъ. Впрочемъ Массилійцы, не унывая, дѣятельно принялись готовить все, что оставалось для защиты города.

8. Воины нашего легіона, находившагося на правой сторонѣ осадныхъ работъ, убѣдились вслѣдствіе частныхъ вылазокъ непріятельскихъ, что весьма полезна будетъ имъ башня въ видѣ укрѣпленія и прикрытія, если ее выстроить кирпичную у подошвы стѣны города. Они уже ее сдѣлали на случай нечаянныхъ набѣговъ, но въ маломъ размѣрѣ и низенькую. Она служила имъ убѣжищемъ; тѣснимые непріятелемъ, они его отражали отсюда; отсюда они нападали на него и преслѣдовали. Во всѣ стороны она имѣла по 30 футовъ, а толщина ея стѣнъ была въ пять футовъ. Въ послѣдствіи времени открылось, какъ обыкновенно опытъ при наблюдательности человѣка есть лучшій учитель, что эта башня принесетъ гораздо больше пользы, если ее прибавить въ вышину; этого они достигли, дѣлая слѣдующимъ образомъ.

9. Когда башня выведена была до перваго этажа, то стѣны устроили такъ, что концы бревенъ помоста были заложены кирпичами и нисколько не выказывались наружу; такимъ образомъ огню, бросаемому непріятелями, нѣгдѣ было прицѣпиться. Сверхъ перваго этажа они вывели кирпичныя стѣны въ вышину на столько, сколько позволили крыши крытыхъ галлерей, гдѣ находились воины; надъ этимъ мѣстомъ, почти по концамъ стѣнъ, они положили два поперечныхъ бревна, на которыхъ должна была висѣть деревянная связь, назначенная служить крышею для башни. На эти бревна поперекъ положили еще бревна и прикрѣпили къ первымъ деревянными гвоздями. Бревна эти были длиннѣе стѣнъ и выдавались изъ нихъ для того, чтобы было къ чему привѣсить покровы, служащіе къ отраженію стрѣлъ и прочихъ метательныхъ снарядовъ, пока подъ защитою этой крыши станутъ выводиться стѣны. Крышу покрыли они землею и кирпичами для того, чтобы не могла загорѣться; а сверху покрыли еще ее толстыми покрывалами изъ грубой матеріи, для того, чтобы стрѣлы, пущенныя изъ машинъ, не могли пробить крышу, а камни, брошенные изъ катапултовъ, разбить кирпичей. Три покрывала, сплетенныя изъ якорныхъ канатовъ, въ длину равнявшіяся стѣнамъ башни а въ ширину имѣвшія 4 фута, были повѣшены со всѣхъ трехъ сторонъ, обращенныхъ къ непріятелю, на выдающихся концахъ поперечныхъ бревенъ; дознано было неоднократными опытами, что только такого рода покрывала не могутъ быть пробиты ни стрѣлою, ни какимъ другимъ метательнымъ снарядомъ. Когда такимъ образомъ уже сдѣланная часть башни была покрыта и защищена отъ непріятельскихъ орудій, крытые ходы приняли и употребили на другое

дѣло. Крышу же башни они приподнимали извнутри по мѣрѣ того, сколько требовало производство работъ по выведенію стѣны и сколько позволяла длина покрывалъ. Защищенные ими и крышею, воины безопасно клали изъ кирпича стѣны башни и, сложивъ часть, поднимали опять крышу ея и такимъ образомъ снова открывали себѣ мѣсто для работъ. Когда нужно было дѣлать еще этажъ, то они, какъ и въ первомъ, закладывали кирпичами концы помоста и на немъ опять поднимали крышу съ привѣшенными покрывалами. Такимъ образомъ въ совершенной безопасности воины наши выстроили башню въ 6 этажей, оставивъ въ ней окна, гдѣ они нужны были для метанія изъ нихъ стрѣлъ.

10. Когда наши убѣдились, что этою башнею могутъ быть защищены всѣ лежащія кругомъ осадныя работы; то они задумали сдѣлать *мускулъ* или крытую галлерею до непріятельской стѣны и башни; идя отъ каменной нашей башни на 60 футовъ въ длину, онъ сдѣланъ былъ изъ толстаго лѣсу въ 2 фута толщиною. Устроенъ же онъ былъ слѣдующимъ образомъ: сначала клались на землю параллельно въ промежуткѣ четырехъ футовъ два бревна одинаковой длины; въ нихъ вставлялись столбы пять футовъ вышины. На нихъ укрѣплены были стропила, имѣвшія не крутой склонъ; по стропиламъ сдѣлана была деревянная бревенчатая крыша, прикрѣпленная къ нимъ гвоздями и связьми. У конца ската крыши по обѣ стороны сдѣлана была деревянная рѣшетка въ четверть вышины для того, чтобы держались кирпичи, которыми сверху покрыта была кровля; вмѣстѣ съ кирпичами была и земля для противудѣйствія огненнымъ снарядамъ, со стѣны бросаемымъ. Сверхъ кирпичей *мускулъ* былъ покрытъ кожами, для того, чтобы вода, пущенная трубами, не могла смыть земли и кирпичей на кровлѣ; а по кожамъ были еще толстыя покрывала для противудѣйствія огню и камнямъ, бросаемымъ осажденными. Производство работъ *мускула* было у башни прикрыто крытыми ходами; по окончаніи его наши воины вдругъ, къ ужасу непріятеля, неожидавшаго такого случая, на деревянныхъ каткахъ, служащихъ къ спуску судовъ на воду, пододвинули мускулъ къ стѣнѣ непріятельской; съ другой стороны онъ примыкалъ къ нашей кирпичной башнѣ.

11. Жители, пораженные неожиданностью и близостью опасности, съ помощью рычаговъ придвигаютъ огромные камни и сбрасываютъ ихъ на *мускулъ*; но крѣпость его была такова, что они ему не повредили и, скатившись по крышѣ, падали на землю. Тогда осажденные прибѣгли къ другому средству: наполненныя смолою и горючими

матеріалами зажженныя бочки, они бросаютъ со стѣны на *мускулъ*; тѣ, не удержась на его скатахъ, падаютъ внизъ и, съ помощью длинныхъ рогачей, отодвигаются нашими отъ нашихъ работъ. Между тѣмъ подъ *мускуломъ* воины наши ломали разрушали основаніе непріятельской башни. Съ кирпичной башни *мускулъ* защищаемъ былъ градомъ стрѣлъ и метательныхъ снарядовъ до того, что невозможно было долѣе непріятельскимъ воинамъ держаться на стѣнѣ и башняхъ и свободно защищать ихъ. Когда основаніе непріятельской башни было въ половину разрушено, то значительная часть ея вдругъ упала.

12. Остальная часть башни угрожала также паденіемъ. Тогда жители, опасаясь, какъ бы городъ не былъ преданъ разграбленію, всѣ безоружные съ покрытыми головами выходятъ изъ воротъ и умоляютъ легатовъ и войско съ распростертыми руками о пощадѣ. При такомъ неожиданномъ случаѣ, непріязненныя дѣйствія прекратились и наши воины, наскучивъ продолжительною борьбою, готовы были внимать просьбамъ жителей. Они, подошедъ къ легатамъ и къ войску, бросились имъ въ ноги и просили: «дать имъ время дождаться прибытія Цезаря; городъ ихъ уже почти взятъ, осадныя работы всѣ приведены къ концу, башня полуразрушена. А потому они не думаютъ болѣе о сопротивленіи. До прибытія же Цезаря обстоятельства нисколько не могутъ перемѣниться въ ихъ пользу: если они не изъявятъ покорности, то ничто не воспрепятствуетъ ихъ городъ мгновенно предать разграбленію. Если же теперь башня совершенно будетъ разрушена, то воиновъ невозможно будетъ удержать: алчные добычи, они немедленно ворвутся въ городъ и разграбятъ его». Такія и въ этомъ же родѣ рѣчи со слезами говорили Массилійцы, какъ люди опытные, стараясь всячески возбудить къ себѣ состраданіе.

13. Легаты вняли мольбамъ горожанъ, отвели воиновъ отъ стѣнъ, прекратили военныя дѣйствія, разставивъ только у осадныхъ работъ стражу. Изъ милосердія къ жителямъ даровано имъ перемиріе впредь до прибытія Цезаря; и со стѣнъ, и изъ нашихъ укрѣпленій не было пущено болѣе ни одной стрѣлы. Дѣло казалось совершенно поконченнымъ, а потому прежнія дѣятельность и бдительность ослабѣли. И Цезарь черезъ письма неоднократно внушалъ Требонію, чтобы онъ не бралъ города приступомъ: въ такомъ случаѣ воины, озлобленные бунтомъ жителей, упорнымъ ихъ сопротивленіемъ и вслѣдствіе этого понесенными долгое время трудами воинскими, могли предать мечу всѣхъ взрослыхъ жителей мужскаго пола, а они грозили это сдѣлать, и съ трудомъ воздержаны были отъ немедленнаго приступа къ городу, сильно негодуя на Требонія, такъ какъ повидимому онъ воспрепятствовалъ имъ завладѣть городомъ.

14. А вѣроломные враги искали времени и случая къ измѣнѣ и коварству. Нѣсколько дней спустя, въ самый полдень, когда воины наши, неожидая ничего, ослабили свою бдительность—одни изъ нихъ разошлись по разнымъ мѣстамъ, другіе предавались покою послѣ продолжительныхъ трудовъ въ осадныхъ работахъ; оружіе было сложено въ кучи и покрыто—вдругъ жители города устремляются изъ воротъ и поджигаютъ всѣ наши работы при сильномъ и благопріятномъ вѣтрѣ. Разнесенное имъ быстро, пламя мгновенно и разомъ охватило террассу, крытые ходы, черепаху, осадныя орудія: все это погибло прежде, чѣмъ наши поняли въ чемъ дѣло. Пораженные неожиданностью случая, они бросаются какъ попало къ оружію; находившіеся въ укрѣпленіи выходятъ также и бросаются на враговъ. Тѣ отступаютъ къ стѣнамъ, откуда градъ стрѣлъ и метательныхъ снарядовъ не даетъ нашимъ преслѣдовать; тутъ непріятель свободно предалъ огню *мускулъ* и кирпичную башню. Работы, стоившія усилій нѣсколькихъ мѣсяцевъ, погибли въ самое краткое время, жертвою вѣроломства непріятелей и силы стихій. На другой день Массилійцы пытались возобновить свою попытку; въ сильную бурю, обнадеженные прежнимъ успѣхомъ, они съ горючими матеріалами устремились на истребленіе другой террасы и башни. Но наши, наученные примѣромъ предъидущаго дня, гдѣ они, захваченные въ расплохъ, почти не могли сопротивляться, были совершенно готовы къ отпору. Много непріятелей погибло, а прочіе безъ успѣха должны были отступить въ городъ.

15. Требоній рѣшился усиленными трудами воиновъ исполнить и возобновить все, уничтоженное непріятелемъ. Съ негодованіемъ видѣли воины, что стоившее имъ такихъ великихъ усилій истреблено врагомъ, вѣроломно нарушившимъ перемиріе, какъ бы въ насмѣшку надъ ихъ доблестью и потому были весьма огорчены; но земли для насыпи не откуда было брать. Тогда Требоній приказалъ срубить и привезть всѣ деревья въ Массилійской землѣ на далекое пространство кругомъ, сколько ихъ нашли. Террассу же онъ началъ дѣлать дотолѣ небывалую изъ двухъ каменныхъ стѣнъ, каждая толщиною въ шесть футовъ, а промежутокъ между ними былъ равенъ ширинѣ прежней террассы, сдѣланной изъ земли и дерева; на эти стѣны настланъ былъ помостъ изъ бревенъ; гдѣ требовала того ширина пространства между стѣнами или непрочность лѣсу, поставлены были столбы и на нихъ укрѣплены поперечныя бревна, долженствовавшія служить укрѣпленіемъ помосту. Сверху положенъ хворостъ и приваленъ землею. Такимъ образомъ, подъ этою террассою воины, защищенные и справа и слѣва ея стѣнами, а спереди крытыми ходами,

не подвергались никакой опасности въ производствѣ какихъ нужно было работъ. Поспѣшно возникла новая терраса и, благодаря усердію и трудолюбію воиновъ, въ короткое время пополнено разрушеніе того, что имъ стоило долговременныхъ усилій. Въ стѣнѣ террасы оставлены гдѣ нужно было ворота, на случай вылазки воиновъ.

16. Непріятели никакъ не ожидали, чтобы тѣ работы, которыя по ихъ понятію требовали очень много времени, въ короткое время были довершены и притомъ въ такомъ видѣ, что онѣ сдѣлались недоступными ни коварству, ни силѣ; такъ какъ въ нихъ ничего не было, что могло дать пищу огню или уступить усиліямъ нападающихъ. Они понимали, что такими же точно укрѣпленіями и башнями можетъ быть обнесенъ ихъ городъ отовсюду съ той стороны, гдѣ онъ имѣетъ сообщеніе съ твердою землею, и тогда имъ невозможно будетъ и держаться на стѣнахъ. Возведенныя нашимъ войскомъ стѣны, почти касались ихъ стѣнъ такъ, что можно было изъ рукъ бросать туда стрѣлы; такая близость дѣлала метательныя орудія осажденныхъ, на которыя они весьма расчитывали, безполезными. При равныхъ же съ обѣихъ сторонъ условіяхъ боя со стѣнъ и башень бороться мужествомъ съ нашими воинами осажденные чувствовали себя не въ силахъ. А потому они рѣшились снова прибѣгнуть къ покорности.

17. Между тѣмъ М. Варронъ, находившійся въ дальней Испаніи, узнавъ о событіяхъ въ Италіи, сначала сомнѣвался въ успѣхѣ Помпея и говорилъ о Цезарѣ съ большимъ дружелюбіемъ: «весьма ему Варрону жаль, что онъ впередъ взялъ должность отъ имени Помпея, что теперь данное обѣщаніе вѣрности его связываетъ; впрочемъ и съ Цезаремъ у него не менѣе тѣсныя связи дружбы. Притомъ по обязанности легата, котораго вся сила заключается въ довѣріи ему, не безъизвѣстно расположеніе къ Цезарю всей провинціи и свои собственныя силы». Въ такомъ духѣ были всѣ его слова и онъ оставался въ бездѣйствіи. Когда же онъ узналъ, что Цезарь задержанъ у Массиліи, что войска Петрея соединились съ Афраніевыми, что къ нимъ пришли сильныя вспомогательныя войска и поджидаютъ еще сильнѣйшихъ; что вся ближняя Испанія дѣйствуетъ единодушно; а особенно когда онъ услыхалъ о затруднительномъ, по недостатку съѣстныхъ припасовъ, положеніи Цезаря подъ Илердою—о чемъ ему подробно и съ преувеличеніемъ писалъ Афраній—то и онъ сталъ готовиться къ войнѣ, въ пользу той стороны, на которую по видимому склонялось военное счастіе.

18. Онъ производитъ наборъ по всей провинціи, комплектуетъ два

легіона и присоединяетъ къ нимъ около 30 союзныхъ когортъ, заготовляетъ большое количество хлѣба для отсылки Массилійцамъ, Афранію и Помпею; предписываетъ Гадитанамъ построить десять галеръ, въ Гиспалѣ занимается изготовленіемъ ихъ въ гораздо большемъ числѣ. Казну и всѣ драгоцѣнности, находившіяся въ храмѣ Геркулеса, переноситъ онъ въ городъ Гадесъ, пославъ изъ провинціи туда въ видѣ гарнизона шесть когортъ. Каію Галлонію, всаднику Римскому, родственнику Домиція, пріѣхавшему сюда по порученію Домиція, для припятія наслѣдства, Варронъ ввѣрилъ начальство надъ Гадесомъ; все оружіе, какое было, общественную и частныхъ лицъ собственность приказалъ снести въ домъ Галлонія, а самъ отзывался о Цезарѣ очень дурно: «что онъ терпитъ пораженія; большая часть его воиновъ перешла на сторону Афранія; знаетъ онъ объ этомъ положительно отъ вѣрныхъ людей». Устрашенныхъ такими слухами гражданъ римскихъ этой провинціи онъ вынудилъ обѣщать ему будто на общественныя потребности девятнадцать милліоновъ сестерціевъ, 20 тысячъ фунтовъ серебра и 120 тысячъ мѣръ пшеницы. На города, коихъ расположеніе къ Цезарю было извѣстно, онъ налагалъ особенныя тягости, ставилъ у нихъ войска и произносилъ судебные приговоры противъ частныхъ лицъ; за дѣйствія же и даже слова противъ общественнаго порядка, онъ отбиралъ имѣнія въ казну; жителей провинціи вынуждалъ всѣхъ дать клятву на вѣрность Помпею и ему Варрону. Узнавъ о томъ, что произошло въ ближней Испаніи, онъ готовился къ войнѣ; планъ его былъ съ двумя легіонами удалиться въ Гадесъ, собрать туда флотъ и весь хлѣбъ; онъ зналъ, что жители провинціи всѣ расположены въ пользу Цезаря. На островѣ же, имѣя большой запасъ хлѣба и суда подъ руками, онъ надѣялся безъ труда вести войну. Цезарь, не смотря на то, что многія и необходимыя дѣла призывали его въ Италію, рѣшился не прежде оставить Испанію, какъ подавивъ въ ней совершенно войну, зная, что въ ближней Испаніи свѣжо было еще воспоминаніе о благодѣяніяхъ Помпея, поддерживавшаго въ ней большія связи.

19. Вслѣдствіе этого, Цезарь, отправивъ въ дальнюю Испанію два легіона подъ начальствомъ К. Кассія, трибуна народнаго, самъ спѣшитъ впередъ съ отрядомъ въ 600 всадниковъ большими переходами, разославъ повсюду впередъ приказаніе къ назначенному дню—должностнымъ лицамъ провинціи и старѣйшинамъ всѣхъ городовъ собраться въ Кордубѣ. Когда объ этомъ узнали по всей провинціи, то каждый городъ поспѣшилъ немедленно отправить туда къ назначенному времени часть сената; каждый гражданинъ римскій сколько-нибудь значительный не преминулъ

явиться къ сроку. Собравшійся въ Кордубѣ сеймъ по собственному побужденію заперъ ворота города для Варрона, и расположилъ военныхъ людей по стѣнѣ и башнямъ для стражи и обереженія. Когда въ городъ случайно вошли двѣ когорты изъ такъ называемыхъ *колоническихъ* *), то сеймъ удержалъ ихъ въ городѣ въ видѣ гарнизона для его защиты. Въ то же время жители Кармона **), значительнѣйшаго города во всей провинціи, выгнали отъ себя три когорты, оставленныя было Варрономъ въ крѣпости въ видѣ гарнизона, и заперли ворота города.

20. Тѣмъ болѣе спѣшилъ Варронъ съ легіонами къ Гадесу; видя чрезвычайное усердіе жителей провинціи къ Цезарю, онъ опасался какъ бы они не преградили ему путь. Уже онъ сдѣлалъ большую часть дороги, когда получилъ изъ Гадеса письменное извѣстіе, что старѣйшины города, узнавъ о распоряженіи Цезаря относительно сейма въ Кордубѣ, согласились за одно съ трибунами когортъ, находившихся тамъ въ гарнизонѣ: Галлонія изгнать изъ ихъ города, а его и островъ отдать во власть Цезаря. Задумавъ такъ дѣйствовать, они сказали Галлонію, чтобы онъ убирался изъ города, пока можетъ это сдѣлать безопасно для себя; если же онъ этого не сдѣлаетъ, то они сами распорядятся, какъ знаютъ. Галлоній въ страхѣ долженъ былъ покинуть Гадесъ. Узнавъ объ этомъ, одинъ изъ двухъ Варроновыхъ легіоновъ, носившій названіе *туземнаго*, ***) оставилъ лагерь въ глазахъ самого Варрона; поднявъ свои значки, онъ удалился въ городъ Гиспалисъ и спокойно, безо всякаго вреда для жителей, расположился по главной площади и портикамъ. Граждане римскіе, находившіеся въ этомъ городѣ, до того довольны были поступкомъ этого легіона, что съ величайшею охотою пригласили къ себѣ воиновъ по домамъ и оказали имъ гостепріимство. Испуганный такими событіями, Варронъ располагалъ было, измѣнивъ дорогу, идти въ Италику ****); но отъ приверженцевъ своихъ получилъ увѣдомленіе, что ворота города заперты. Видя, что путь ему прегражденъ отовсюду, Варронъ послалъ сказать Цезарю, что онъ готовъ сдать свой легіонъ тому, кому онъ прикажетъ. Цезарь посылаетъ къ Варрону Секс.

---

*) Такъ-названныхъ, потому что они были набраны въ колоніяхъ.

**) Городъ Бетики въ маломъ разстояніи отъ Гиспалиса.

***) Legio Vernacula—этотъ легіонъ состоялъ изъ вольноотпущенниковъ и рабовъ, родившихся въ домѣ ихъ господина.

****) Нынѣ Севилья, la Vieja, въ Андалузіи.

Цезаря и приказываетъ ему принять легіонъ отъ него. Сдавъ легіонъ, Варронъ прибылъ къ Цезарю въ Кордубу; тутъ онъ ему отдалъ вѣрный отчетъ въ общественныхъ издержкахъ, вручилъ остальныя деньги, сколько ихъ было, и сообщилъ ему свѣдѣнія обо всѣхъ имѣвшихся у него запасахъ хлѣба и судахъ.

21. Цезарь на сеймѣ въ Кордубѣ благодарилъ всѣхъ вообще: гражданъ римскихъ за то, что они пеклись объ удержаніи города въ своихъ рукахъ; Испанцевъ за то, что они изгнали отъ себя военные отряды; жителей Гадеса за то, что они разстроили планы непріятелей и отстояли свою независимость; а трибуновъ и сотниковъ, прибывшихъ туда для защиты города, за то, что они своимъ мужествомъ поддержали добрыя намѣренія гражданъ. Деньги, обѣщанныя Варрону гражданами римскими на общественныя издержки, Цезарь имъ простилъ; возвратилъ имѣнія, отобранныя Варрономъ за возмутительные разговоры прежнихъ владѣльцевъ. Раздавъ нѣкоторымъ лицамъ общественныя и частныя награды, онъ обнадеживаетъ всѣхъ своею благосклонностію на будущее время. Пробывъ два дня въ Кордубѣ, Цезарь отправляется въ Гадесъ; тутъ онъ приказываетъ деньги и достопримѣчательныя вещи, снесенныя было изъ храма Геркулесова въ домъ частнаго лица, отнести опять въ храмъ: начальство надъ провинціею ввѣряетъ К. Кассію и даетъ ему четыре легіона; а самъ съ судами, изготовленными Варрономъ и Гадитанами, по приказанію Варрона, въ короткое время приходитъ въ Тарракону. Тамъ дожидались прибытія Цезаря посольства почти со всей ближней Испаніи. Тутъ, слѣдуя своей всегдашней политикѣ, Цезарь осыпалъ нѣкоторые города частно и публично почестями; потомъ онъ оставилъ Тарракону и сухимъ путемъ прибылъ въ Нарбонну, а оттуда въ Массилію. Здѣсь онъ узналъ, что въ Римѣ прошелъ законъ о диктаторѣ, и что онъ, Цезарь, преторомъ М. Лепидомъ назначенъ диктаторомъ.

22. Массилійцы, измученные всѣми бѣдствіями, терпя самую крайнюю нужду въ продовольствіи, побѣжденные въ двухъ морскихъ битвахъ, несли пораженіе въ частыхъ вылазкахъ; къ тому же присоединилось сильное моровое повѣтріе вслѣдствіе долговременнаго заключенія и перемѣны пищи (они всѣ вынуждены были питаться рожью и просомъ, испортившимися отъ давняго времени, съ какого этотъ хлѣбъ былъ заготовленъ на подобный случай). Башня ихъ упала, стѣна представляла почти одну груду развалинъ, надежды на подкрѣпленіе или пособіе не было ни откуда, все кругомъ признавало власть Цезаря; а потому они рѣшились на этотъ разъ чистосердечно покориться. За нѣсколько дней до того А. Домицій, узнавъ о расположе-

ніи Массилійцевъ къ сдачѣ, взялъ три корабля; на двухъ сѣли его приближенные, а на третьемъ онъ самъ; пользуясь бурною погодою, они вышли изъ пристани. Увидавъ ихъ, наши корабли, ежедневно по приказанію Брута стоявшіе настороже передъ пристанью, подняли якори и бросились ихъ преслѣдовать. Корабль, на которомъ находился Домицій продолжалъ бѣжать и пользуясь сильною непогодою, скоро исчезъ изъ виду; а остальныя два судна, испуганныя преслѣдованіемъ нашихъ судовъ, возвратились въ пристань. Массилійцы, по данному имъ приказанію, вынесли изъ города оружіе и машины военныя; корабли вывели изъ верфей и пристани и выдали деньги, находившіяся въ общественной казнѣ. Когда жители Массиліи исполнили всѣ эти условія, то Цезарь пощадилъ ихъ городъ во уваженіе болѣе его древности и извѣстности, чѣмъ заслугъ въ отношеніи къ нему; онъ оставилъ въ гарнизонѣ тамъ два легіона; прочіе отослалъ въ Италію, а самъ отправился въ Римъ.

23. Въ то же время К. Куріонъ отправился изъ Сициліи въ Африку. Питая уже съ самаго начала пренебреженіе къ войскамъ П. Аттія Вара, онъ взялъ съ собою два легіона изъ четырехъ, ввѣренныхъ ему Цезаремъ и 500 всадниковъ. Два дни и три ночи провелъ онъ въ плаваньи, и наконецъ присталъ къ мѣсту, называемому Аквиларія *), разстояніемъ отъ Клупеи **) въ 22 миляхъ: оно находится между двухъ мысовъ и въ лѣтнее время представляетъ довольно удобную стоянку для судовъ. Л. Цезарь сынъ съ десятью галерами стоялъ у Клупеи, дожидаясь прибытія непріятеля; галеры эти, взятыя у морскихъ разбойниковъ, были по приказанію П. Аттія исправлены и починены въ Утикѣ для этой войны. Видя многочисленность флота Куріонова, Л. Цезарь ушелъ съ моря, присталъ къ берегу и, бросивъ трирему, вытащенную на берегъ, пѣшкомъ отправился въ Адруметъ (городъ этотъ защищалъ К. Консидій Лонгъ съ однимъ легіономъ); прочія суда Цезаревы по его удаленіи нашли себѣ убѣжище также въ Адруметѣ. М. Руфъ квесторъ преслѣдовалъ Л. Цезаря съ двѣнадцатью кораблями, которыми онъ прикрывалъ транспортныя суда Куріона и, увидавъ брошенную на берегу трирему, спустилъ ее на воду и потомъ съ флотомъ возвратился къ Куріону.

24. Куріонъ, пославъ впередъ къ Утикѣ Марка съ судами, самъ двинулся съ войскомъ туда же; черезъ два дни похода онъ прибылъ

---

*) Этотъ городъ не существуетъ болѣе. Онъ находился на концѣ Меркуріева мыса, нынѣ Добраго (Cap Bon).

**) Нынѣ Квиспіа.

къ рѣкѣ Баградѣ; тутъ онъ оставилъ съ легіонами легата К. Канинія Ребила, а самъ съ конницею отправился впередъ для осмотра мѣста, носящаго названіе *Корнеліеваго лагеря* *), представлявшаго большое удобство для устройства тамъ лагеря. Оно состоитъ изъ прямаго горнаго хребта, вдающагося въ море, круто спадающаго на обѣ стороны; только къ сторонѣ Утики скатъ представляетъ нѣкоторую отлогость. По прямой линіи это мѣсто отъ Утики разстояніемъ не болѣе мили, но тутъ идетъ въ море ручей: разливаясь широко, онъ образуетъ топкое мѣсто, которое если объѣзжать, то до Утики будетъ шесть миль.

25. Разсматривая мѣстность, Куріонъ увидалъ и лагерь Вара, примыкавшій къ стѣнамъ города у воротъ, называемыхъ Беллическими, въ сильно укрѣпленной природою позиціи. Съ одной стороны она упиралась въ самый городъ Утику, съ другой въ театръ, находившійся передъ городомъ и представлявшій большую массу построекъ. Доступъ къ лагерю былъ вслѣдствіе того и узокъ и затруднителенъ. Куріонъ замѣтилъ большое движеніе по всѣмъ дорогамъ, идущимъ къ городу: шли большіе обозы и гнали стада вслѣдствіе внезапной тревоги отъ нечаяннаго приближенія непріятеля къ городу. Немедленно послалъ Куріонъ конницу разграбить обозы и захватить ихъ, какъ военную добычу. Въ то же время изъ города для защиты высланы шестьсотъ Нумидскихъ всадниковъ, къ которымъ Варъ присоединилъ четыреста пѣшихъ; войска эти, нѣсколько дней тому назадъ, были присланы въ Утику въ видѣ вспоможенія отъ Царя Юбы; узы наслѣдственнаго гостепріимства связывали его съ Помпеемъ; съ Куріономъ же была давнишняя вражда за то, что Куріонъ, въ бытность свою трибуномъ народнымъ, издалъ законъ объ отобраніи у Юбы царства въ собственность народа римскаго. Обѣ конницы схватились одна съ другою: Нумиды не могли выдержать перваго натиска нашихъ и, потерявъ убитыми 120 человѣкъ, остальные удалились въ лагерь къ городу. Когда прибыли къ Куріону галеры, то онъ послалъ сказать судамъ, стоявшимъ въ числѣ двухъ сотъ въ Утической гавани съ грузами разнаго рода: «что онъ поступитъ непріязненнымъ образомъ съ тѣми изъ нихъ, которыя тотчасъ не приплывутъ къ Корнеліеву урочищу». Получивъ это приказаніе, суда, находившіяся въ Утикѣ, немедленно снялись и отправились къ назначенному мѣсту; вслѣдствіе чего въ нашемъ лагерѣ открылось изобиліе во всемъ.

---

*) Такъ названнаго въ честь П. Корнелія Сципіона, стоявшаго тутъ въ войну съ Карѳагенянами.

26. Распорядясь такимъ образомъ, Куріонъ возвратился въ свой лагерь у Баграды, и восклицаніями всего войска провозглашенъ Императоромъ. На другой день онъ повелъ войско къ Утикѣ и сталъ лагеремъ подлѣ города. Работы по укрѣпленію лагеря не были еще приведены къ концу, когда всадники, расположенные на караулѣ, дали знать, что къ Утикѣ приближается многочисленное пѣшее и конное войско, присланное на помощь городу царемъ Юбою. Дѣйствительно, къ той сторонѣ поднимались облака пыли и вдругъ открылся первый строй. Куріонъ, взволнованный неожиданностью этого событія, послалъ впередъ свою конницу, выдержать первый напоръ непріятеля и замедлить его движеніе, а самъ, поспѣшно отозвавъ легіоны отъ лагерныхъ работъ, выстроилъ ихъ въ боевомъ порядкѣ. Всадники между тѣмъ вступили въ сраженіе и прежде чѣмъ легіоны построились въ назначенномъ для нихъ порядкѣ, вспомогательныя царскія войска пришли въ смятеніе и обратились въ безпорядочное бѣгство: они шли въ разсыпную, неожидая нападенія. Конница непріятельская почти не понесла никакого урону, поспѣшно берегомъ отступя въ городъ, но пѣхота много потеряла убитыми.

27. Въ слѣдующую ночь два марсійскихъ сотника съ двадцатью двумя изъ своихъ воиновъ перебѣжали изъ Куріонова лагеря къ Аттію Вару. Чистосердечно ли сами убѣжденные въ этомъ мнѣніи, или желая услужить Вару (мы охотно вѣримъ тому, чего желаемъ, и свои собственныя чувства легко надѣемся передать другимъ), какъ бы то ни было, они твердо увѣряютъ, что все войско Куріона не расположено къ нему, что главное теперь заключается въ томъ, какъ бы приблизиться въ войску и завести съ нимъ переговоры. Вслѣдствіе этого, на другой день рано утромъ, Варъ выводитъ свои легіоны изъ лагеря; Куріонъ послѣдуетъ его примѣру и оба войска стоятъ въ одной и той же долинѣ, одинъ противъ другаго, въ боевомъ порядкѣ, отдѣленные небольшимъ пространствомъ мѣста.

28. Въ войскѣ Вара находился Секс. Квинктилій Варъ, тотъ самый, который, какъ мы выше упоминали, находился къ Корфиніи: будучи отпущенъ Цезаремъ, онъ удалился въ Африку. Войско же Куріона состояло изъ тѣхъ самихъ легіоновъ, которые покорились Цезарю нѣсколько времени тому назадъ въ Корфиніи: за перемѣною немногихъ сотниковъ, воины были всѣ тѣже. Пользуясь этимъ, Квинктилій началъ обходить воиновъ Куріона и умолять ихъ—«вспомнить о прежней присягѣ, данной Домицію, которую онъ принималъ, бывъ въ должности квестора; не обнажать меча на тѣхъ, которые несли одну и ту же участь, терпѣли одно и тоже облежаніе; не сражаться за тѣхъ, отъ кото-

рыхъ въ насмѣшку получили они презрительное наименованіе перебѣжчиковъ». Намекнулъ онъ нѣсколько на надежду награжденія, котораго они въ правѣ будутъ ожидать отъ его щедрости въ случаѣ, если они послѣдуютъ за нимъ и за Аттіемъ.

29. Несмотря на эти убѣжденія, войско Куріона не обнаруживало своихъ истинныхъ намѣреній и такимъ образомъ и тотъ и другой вождь отвелъ свои войска въ лагери. Въ лагерѣ Куріона господствовало смятеніе вслѣдствіе самыхъ разнообразныхъ мнѣній и толковъ. Каждый останавливался на какомъ нибудь предположеніи и къ тому, что слышалъ отъ другихъ, присоединялъ что нибудь свое, отзывавшееся чувствомъ робости. Иногда то, что выдумано было однимъ, распространяясь между многими, казалось произведеніемъ нѣсколькихъ лицъ; всѣ толковали въ томъ духѣ: «война между гражданами; всякій воленъ свободно дѣйствовать, какъ ему вздумается и слѣдовать той сторонѣ, какой пожелаетъ». Легіоны же были тѣ, которые еще недавно были совсѣмъ противной партіи (они увлечены были на сторону Цезаря готовностью, съ какою покорялись ему муниципіи) и состояли изъ людей разныхъ мнѣній (тутъ были и Марсы и Пелигны, однокашники тѣхъ, которые ушли къ Вару въ предъидущую ночь); изъ воиновъ иные весьма неохотно слушали легкомысленные толки товарищей; другіе же выдумывали разные слухи, чтобы показать, что они внимательнѣе и дѣятельнѣе другихъ.

30. Вслѣдствіе этого собранъ военный совѣтъ, на которомъ обсуждаютъ, какъ слѣдуетъ поступить при такомъ крайнемъ положеніи дѣлъ. Одни были того мнѣнія, что надлежитъ идти приступомъ на лагерь Вара, такъ какъ ничего не можетъ быть вреднѣе праздности для своевольныхъ воиновъ. Притомъ утверждали они, «что лучше въ открытомъ бою ждать всего отъ личнаго мужества каждаго, чѣмъ отдать себя на истязаніе, бывъ оставленными своими воинами». Другіе полагали, «что въ третью стражу ночи надобно отступить въ Корнеліево урочище, что съ теченіемъ времени воины образумятся; а еслибы и случилось что-нибудь важное, то большое число судовъ, собранныхъ тамъ, сдѣлаетъ отступленіе въ Сицилію и свободнымъ и безопаснымъ».

31. Куріону не понравилось ни то, ни другое мнѣніе: одно ему казалось слишкомъ робкимъ, а другое слишкомъ дерзкимъ; одно заставляло прибѣгать къ постыдному бѣгству, а другое предлагало бой даже при неблагопріятныхъ условіяхъ мѣстности: «Какъ можемъ мы, говорилъ Куріонъ, съ нѣкоторою основательностью разсчитывать на успѣхъ въ нападеніи на непріятельскій лагерь, сильно укрѣпленный

и природою и искусствомъ? Что же тогда будетъ, если мы будемъ отбиты съ большимъ урономъ? Развѣ полководцы не снискиваютъ расположенія воиновъ удачными дѣйствіями а чрезъ несчастныя не теряютъ ли совершенно ихъ привязанность? Перемѣна лагеря повлечетъ за собою нечто иное, какъ постыдное бѣгство, упадокъ духа въ войскѣ и совершенное его разстройство. Не надобно показывать добросовѣстнымъ людямъ, что сомнѣваются въ ихъ вѣрности, а злонамѣреннымъ, что ихъ опасаются; тогда ослабѣетъ усердіе первыхъ, а дерзость послѣднихъ усилится. Мы собираемся дѣйствовать такъ, какъ будто мы убѣждены въ нерасположеніи къ намъ нашего войска; а я такъ полагаю, что слухи объ этомъ или вовсе неосновательны, или далеко не имѣютъ той степени важности, какую мы имъ приписываемъ. Да если это и такъ, то не лучше ли это скрыть и показать, что мы ничего не замѣчаемъ, чѣмъ поддерживать нашими подозрѣніями. Въ этомъ случаѣ слабыя стороны нашихъ воиновъ, какъ и раны тѣлесныя, мы должны прикрывать, дабы не ободрить враговъ нашихъ. Притомъ намъ совѣтуютъ отступленіе ночью: вѣроятно для того, чтобы измѣнникамъ было свободное поле дѣйствовать. Если на кого либо изъ нихъ еще имѣлъ вліяніе страхъ или стыдъ, то ночь уничтожитъ въ нихъ всякое сомнѣніе. Не такъ много во мнѣ самонадѣянности, чтобы я, безъ надежды на успѣхъ, сталъ аттаковать непріятельскій лагерь, но и не такъ робокъ, чтобы прежде времени оставить борьбу. Прежде я истощу всѣ средства и изберу такой образъ дѣйствія, съ коимъ вѣроятно вы будете совершенно согласны».

32. Распустивъ совѣтъ, Куріонъ собираетъ воиновъ. Онъ напоминаетъ имъ «расположеніе, которое они показали Цезарю у Корфинія; благодаря ему, а равно и дѣятельной ихъ помощи, онъ въ короткое время покорилъ большую часть Италіи. Вашему примѣру—сказалъ Куріонъ—послѣдовали всѣ муниципіи. Вы оказали величайшую услугу Цезарю и навлекли сильнѣйшее нерасположеніе противной стороны. Помпей, не будучи побѣжденъ ни въ одномъ сраженіи, вынужденъ былъ безъ боя оставить Италію вслѣдствіе вашего поступка. Цезарь, постоянно оказывавшій особенное ко мнѣ расположеніе, поручилъ моей заботѣ важнѣйшія провинціи Сицилію и Африку, безъ которыхъ невозможно удержать ни Римъ, ни Италію. Есть люди, убѣждающіе васъ оставить меня. Конечно, что можетъ быть желательнѣе врагамъ нашимъ, какъ въ одно и то же время и насъ опутать въ свои сѣти, и васъ сдѣлать орудіями гнуснаго преступленія? Въ негодованіи на васъ совѣтуютъ они вамъ измѣнить тѣмъ, которые признаютъ себя всѣмъ одолженными вамъ, и пристать къ тѣмъ, которыхъ гибели вы же

были орудіемъ. Развѣ до васъ не дошелъ слухъ о подвигахъ Цезаря въ Испаніи, какъ онъ разбилъ два войска и двухъ лучшихъ полководцевъ, покорилъ своей власти двѣ провинціи и все это въ теченіи не болѣе, какъ сорока дней съ того времени, какъ сошелся съ непріятелемъ? Если со всѣми силами они не въ состояніи были бороться, то что же они могутъ сдѣлать теперь, побѣжденные? Вы, избравшіе сторону Цезаря въ то время, когда еще неизвѣстенъ былъ исходъ борьбы, теперь ли послѣдуете за побѣжденными, когда вамъ предстоитъ пожинать награды за ваши прекрасныя дѣйствія? Они скажутъ, что вы измѣнили имъ, выдали ихъ, напомнятъ вамъ про прежнюю присягу. Но кто покинулъ: вы ли Л. Домиція или Л. Домицій васъ? Не онъ ли вамъ измѣнилъ, когда вы готовы были стоять за него до послѣдней крайности? Тайно отъ васъ онъ искалъ спасенія бѣгствомъ. Оставленные своимъ вождемъ, не взысканы ли вы благодѣяніями Цезаря? Не тотъ ли вамъ напоминаетъ о святости присяги, кто, самъ съ себя сложивъ должность и бросивъ ея знаки, частнымъ лицомъ самъ достался въ руки непріятеля? Это ужь будетъ неслыханное доселѣ заведеніе, если, пренебрегши присягу, которою вы теперь связаны, вы возвратитесь къ той, отъ которой вы освобождены изъявленіемъ покорности со стороны вашего бывшаго вождя и опасностью жизни, въ какой вы находились. Но вы, я убѣжденъ, неимѣете ничего сказать противъ Цезаря; все ваше неудовольствіе на меня. Конечно, нѣчего мнѣ говорить о моихъ въ отношеніи къ вамъ заслугахъ: они далеко не соотвѣтствуютъ и моему къ вамъ расположенію и тому, чего вы въ правѣ ожидать. Но всегда воины по окончаніи войны ждутъ наградъ за свои подвиги; а въ чью пользу будетъ она окончена, я полагаю, вы сами не имѣете сомнѣнія. Успѣхи теперешняго похода въ томъ видѣ, какъ онъ есть, надобно приписать, если не нашей дѣятельности, то по крайней мѣрѣ счастію. Можетъ быть вамъ непріятно, что я привезъ сюда войско въ цѣлости, не потерявъ ни одного корабля? Что самымъ прибытіемъ обратилъ въ бѣгство флотъ непріятельскій? Что въ двухъ сраженіяхъ конницы, происходившихъ два дня сряду, мы одержали побѣду? Что я изъ пристани и изъ рукъ непріятеля исторгъ двѣсти нагруженныхъ судовъ и довелъ непріятеля до того, что онъ не дерзаетъ думать о сопротивленіи ни на морѣ, ни на сушѣ? Можетъ быть такими успѣхами и такими вождями вы пожертвуете корфинійскому позору, Италіанскому бѣгству, покоренію Испаній и тому изъ африканской войны, что вы уже видѣли. Я гордился названіемъ воина Цезарева, вы нарекли меня императоромъ. Если вы раскаиваетесь въ томъ, снимите съ меня этотъ титулъ, отдайте мнѣ

мое прежнее званіе, но не доведите до того, чтобы честь, вами данная, обратилась мнѣ въ посрамленіе».

33. Тронутые этою рѣчью, воины не разъ перерывали ее криками, показывая тѣмъ, какъ имъ горько быть подозрѣваемыми въ измѣнѣ. Когда же Куріонъ окончивъ уходилъ изъ собранія, то всѣ окружили его, убѣждая не терять къ нимъ довѣрія и немедленно вступить въ бой, который докажетъ ихъ вѣрность и мужество. Такимъ образомъ, убѣдясь въ расположеніи воиновъ, Куріонъ положилъ какъ можно скорѣе рѣшить дѣло сраженіемъ и воспользоваться для него первымъ удобнымъ случаемъ. На другой день онъ выводитъ войска изъ лагеря и выстраиваетъ ихъ въ боевомъ порядкѣ на томъ же мѣстѣ, гдѣ и наканунѣ. И Аттій Варъ съ своей стороны вывелъ войска или съ цѣлью подговаривать нашихъ воиновъ, или можетъ быть и съ тѣмъ, чтобы дать сраженіе въ случаѣ, если это будетъ возможно при благопріятныхъ для него условіяхъ.

34. Между обоими войсками, какъ мы выше сказали, была долина хотя не очень обширная, но представлявшая скаты крутые и затруднительные для перехода. Каждая изъ двухъ враждебныхъ сторонъ ждала, чтобы войска другой первыя спустились въ эту долину, чтобы потомъ напасть при благопріятныхъ для себя условіяхъ мѣстности. На лѣвомъ крылѣ Аттія вся его конница и, находившіеся въ ея промежуткахъ, легковооруженные воины начали спускаться въ долину. Увидя это, Куріонъ послалъ на встрѣчу непріятелю конницу и двѣ когорты Марруциновъ. Даже перваго натиска нашихъ не выдержала непріятельская конница и, давъ поводья конямъ, искала убѣжища у главной массы арміи. Легковооруженные воины, брошенные на произволъ судьбы своею конницею, были окружены нашими и избиты. Войско Вара, обращенное въ ту сторону, видѣло пораженіе и бѣгство своихъ. Тутъ легатъ Цезаревъ Ребилъ, взятый Куріономъ съ собою изъ Сициліи за его опытность и знаніе военнаго дѣла: «ты видишь,— сказалъ онъ Куріону, что непріятель въ ужасѣ; чего же ты медлишь воспользоваться благопріятнымъ случаемъ»? Тогда Куріонъ, обратясь къ воинамъ, напомнилъ ихъ вчерашнія обѣщанія, приказалъ имъ слѣдовать за собою, а самъ бросился первый. Переходъ черезъ долину былъ до того затруднителенъ, что воины взбирались на крутизну на плечахъ своихъ товарищей. Воины Аттіевы были поражены ужасомъ вслѣдствіе пораженія и бѣгства своихъ и не думали о сопротивленіи, полагая, что они обойдены уже нашею конницею. Итакъ, не подпустивъ нашихъ на разстояніе стрѣлы, брошенной изъ лука, они не-

дождались ихъ и всею массою обратились въ бѣгство, ища убѣжища въ своемъ лагерѣ.

35. Во время бѣгства непріятелей нѣкто Фабій, родомъ Пелингъ, простой воинъ изъ заднихъ рядовъ Куріонова войска, нагнавъ передній строй бѣгущихъ непріятелей, громкимъ голосомъ звалъ Вара, показывая, что онъ изъ числа его воиновъ и имѣетъ нѣчто ему сказать. Слыша неоднократный зовъ, Варъ замѣтилъ это и остановился, спрашивая Фабія, кто онъ и что ему нужно. Тогда тотъ нанесъ ему мечемъ рану въ неприкрытое ничѣмъ плечо; ударъ этотъ для Вара едва не былъ смертельнымъ; впрочемъ онъ успѣлъ прикрыться щитомъ отъ покушенія Фабіева, который былъ окруженъ непріятелями и погибъ. Многочисленные бѣглецы въ смятеніи столпились у воротъ лагеря; тутъ произошла такая давка, что болѣе погибло здѣсь воиновъ, чѣмъ во время сраженія и бѣгства. Не трудно было бы тутъ овладѣть непріятельскимъ лагеремъ; многіе изъ бѣглецовъ уходили прямо въ городъ. Но укрѣпленія лагеря и самая мѣстность дѣлали затруднительнымъ занятіе его; притомъ Куріоновы воины, идя на сраженіе, не взяли съ собою предметовъ, нужныхъ для приступа къ лагерю. А потому Куріонъ отвелъ войско назадъ въ лагерь, потерявъ убитымъ только одного Фабія; непріятель же понесъ урону убитыми около 600 ч. и 1000 человѣкъ ранеными; они всѣ и еще много другихъ, притворившихся ранеными, по удаленіи Куріона, отъ страха искали убѣжища изъ лагеря въ городѣ. Варъ, видя это и замѣчая общій упадокъ духа въ войскѣ, оставилъ въ лагерѣ одного трубача и нѣсколько палатокъ для виду, а самъ въ третью стражу ночи тихонько сперешелъ со всѣмъ войскомъ изъ лагеря въ городъ.

36. На другой день Куріонъ предпринялъ осадить Утику и окружить ее валомъ. Большая часть жителей города въ долговременномъ наслажденіи миромъ, отвыкли отъ ужасовъ войны и расположены были въ пользу Цезаря вслѣдствіе нѣкоторыхъ его въ отношеніи къ нимъ благодѣяній; притомъ въ городѣ были собраны люди съ разныхъ сторонъ; впечатлѣніе ужаса отъ прежнихъ сраженій было велико. Всѣ явно толковали о сдачѣ и просили П. Аттія, чтобы онъ своимъ упорствомъ неподвергалъ всѣхъ опасности. Когда дѣла находились въ такомъ положеніи, вдругъ прибыли послы отъ Царя Юбы, отправленные имъ впередъ съ тѣмъ, чтобы дать знать о его приближеніи къ городу съ многочисленнымъ войскомъ и совѣтовать упорно обороняться. Это обстоятельство нѣсколько ободрило устрашенныхъ гражданъ.

37. Извѣстіе о приближеніи Юбы дошло до Куріона, но сначала онъ ему невѣрилъ, до того надѣялся на содѣйствіе счастія: по письмамъ

и слухамъ уже извѣстно было въ Африкѣ объ удачныхъ дѣйствіяхъ Цезаря въ Испаніи. Обнадеженный всѣмъ этимъ, Куріонъ полагалъ, что Юба не осмѣлится противъ него дѣйствовать. Наконецъ достовѣрно узналъ онъ, что Царь Юба стоитъ съ войскомъ менѣе, чѣмъ въ двадцати пяти миляхъ отъ Утики. Тогда Куріонъ, оставивъ свой лагерь у города, удалился въ лагерь на *Корнеліевомъ урочищѣ*, приказавъ туда свозить хлѣбъ и матеріалы, потребные для укрѣпленій; немедленно онъ послалъ въ Сицилію приказаніе остальнымъ двумъ легіонамъ и всей конницѣ спѣшить въ Африку. Лагерь здѣсь былъ удивительно хорошо приспособленъ для веденія войны; укрѣпленный мѣстностью, онъ мало требовалъ содѣйствія искусства, находился вблизи отъ моря, изобиловалъ водою и солью, большое количество которой уже заготовлено было и свезено сюда изъ ближайшихъ соловарень. Множество деревьевъ давало въ избыткѣ лѣсъ и дрова, а окрестныя плодородныя поля доставляли большое количество хлѣба. Вслѣдствіе этого Куріонъ, съ общаго съ своими приближенными совѣта, рѣшился здѣсь дожидаться прибытія прочихъ своихъ войскъ и отсюда вести войну.

38. Все это было такъ устроено и планъ для будущихъ дѣйствій одобренъ съ общаго совѣта, когда нѣкоторые перебѣжчики изъ города принесли извѣстіе, будто Царь Юба остался въ своихъ владѣніяхъ, задержанный пограничною войною и несогласіями съ жителями Лептиса *), и что къ Утикѣ приближается только полководецъ его Сабура съ небольшимъ войскомъ. Легкомысленно повѣривъ этому слуху, Куріонъ измѣняетъ свое намѣреніе и рѣшается немедленно дать сраженіе. Много къ этому содѣйствовала юношеская пылкость его, жажда славы, удача прежнихъ дѣйствій, надежда, что счастіе и тутъ его не оставитъ. Какъ бы то нибыло, въ ту же ночь онъ высылаетъ конницу къ рѣкѣ Баградѣ, у которой сталъ лагеремъ Сабура, о которомъ прежде дошелъ слухъ, съ непріятельскимъ войскомъ. Но за нимъ непосредственно слѣдовалъ Царь Юба со всѣми войсками, и сталъ позади Сабуры только въ шести миляхъ. Всадники ночь провели въ дорогѣ и ударили на непріятелей разсѣянныхъ и неожидавшихъ нападенія. Нумиды не измѣнили и тутъ своему варварскому обычаю и стояли какъ попало безо всякаго устройства и порядка. Заставъ ихъ сонными и разсѣянными въ безпорядкѣ, наши всадники убиваютъ многихъ; остальные въ ужасѣ бросаются бѣжать. Послѣ этого удачнаго нападенія, конница наша возвратилась къ Куріону, ведя плѣнныхъ.

---

*) Городъ Африки, въ небольшомъ разстояніи отъ Адрумета.

39. Куріонъ вышелъ со всѣми войсками въ четвертую стражу ночи, оставивъ въ лагерѣ для гарнизона пять когортъ. Прошедъ шесть миль, встрѣтилъ онъ свою конницу и узналъ о происшедшемъ сраженіи. На вопросъ Куріона кто начальствуетъ въ лагерѣ у Баграды, плѣнные отвѣчали: «Сабура». Объ остальномъ Куріонъ не спросилъ, спѣша походомъ; обратясь къ ближайшимъ воинамъ, онъ имъ сказалъ: «видите показанія плѣнныхъ подтверждаютъ слова перебѣжчиковъ. Царя самого здѣсь нѣтъ; силы непріятелей небольшія не могли выдержать нападенія нашей немногочисленной конницы. Поспѣшите же туда, гдѣ васъ ждетъ слава и добыча; время уже подумать о наградѣ, какая слѣдуетъ за ваши заслуги». Дѣйствительно подвигъ конницы заслуживалъ похвалу, особенно если сравнить несоразмѣрность силъ обѣихъ сторонъ; а всадники наши еще преувеличивали его, какъ обыкновенно наши дѣйствія намъ кажутся выше похвалы. Они показывали свою добычу, выводили плѣнныхъ пѣшихъ и конныхъ; воины наши всякое замедленіе на пути считали отсрочкою вѣрной побѣды. Ревность воиновъ вполнѣ соотвѣтствовала надеждамъ Куріона. Онъ приказываетъ всадникамъ слѣдовать за собою и какъ можно ускоряетъ движеніе, чтобы застать непріятеля еще неопомнившимся отъ пораженія. Всадники, утомленные походомъ, продолжавшимся всю ночь, не могли поспѣвать за войскомъ Куріона и многіе отставали на походѣ, что впрочемъ нисколько не могло убѣдить Куріона замедлить свое движеніе.

40. Юба, получивъ отъ Сабуры донесеніе о ночномъ нападеніи конницы Куріона, послалъ ему на помощь двѣ тысячи Испанскихъ и Галльскихъ всадниковъ, находившихся въ числѣ тѣлохранителей при его особѣ и самую надежную часть пѣхоты; а самъ немедленно двинулся впередъ со всѣмъ остальнымъ войскомъ и шестидесятью слонами. Онъ догадывался, что Куріонъ незамедлитъ слѣдовать за своею конницею. Сабура выстроилъ въ боевой порядокъ свои пѣшія и конныя войска, приказавъ имъ сначала будто въ испугѣ отступать, доколѣ онъ недастъ сигнала къ битвѣ, и не предпишетъ, какъ нужно будетъ дѣйствовать. Куріонъ, видя, что отступленіе непріятелей оправдываетъ его мнѣніе о разстройствѣ ихъ войска и считая признакомъ бѣгства, спустился съ своимъ войскомъ съ возвышеннаго мѣста въ открытое поле.

41. Долго преслѣдовалъ такимъ образомъ Куріонъ непріятеля; наконецъ видя, что воины его выбились изъ силъ отъ похода, сдѣлавъ шестьнадцать миль, онъ остановился. Сабура, далъ приказаніе и своимъ воинамъ остановиться, обходилъ ихъ ряды и ободрялъ ихъ.

Впрочемъ онъ пѣшихъ поставилъ подалѣе только для виду, а въ дѣло послалъ всю конницу. Куріонъ не потерялъ присутствія духа; онъ убѣждаетъ своихъ всю надежду на спасеніе полагать въ одномъ лишь мужествѣ. Пѣшіе его воины, не смотря на свою усталость и всадники, не смотря на свою немногочисленность и утомленіе, не обнаруживали недостатка ни въ усердіи, ни въ мужествѣ; не смотря на то, что они числомъ были не болѣе двухъ сотъ, прочіе же отстали на походѣ. Куда они дѣлали натискъ, то сбивали непріятеля съ этого пункта, но преслѣдовать далеко бѣгущихъ они не могли, а равно и принудить къ быстрому бѣгу своихъ утомленныхъ коней. Конница непріятельская съ обоихъ фланговъ тѣснила войско наше и, зайдя ему въ тылъ, нападала оттуда на воиновъ нашихъ, обращенныхъ туда задомъ. Когда наши когорты, выходя изъ фронта, бросались въ аттаку, то Нумиды, свѣжіе и бодрые силами, увертывались отъ нападенія; когда же когорты отступали на прежнее мѣсто, они обходили ихъ и отрѣзывали имъ путь къ соединенію съ остальнымъ войскомъ. Такимъ образомъ равно опасно было для нашихъ воиновъ и, стоя на мѣстѣ, оставаться въ рядахъ и бросаться въ аттаку, чтобы рѣшить дѣло рукопашнымъ боемъ. Непріятельскія войска все умножались, получая отъ Царя подкрѣпленія; наши же совершенно изнемогли отъ усталости. Раненые не могли ни выйдти изъ рядовъ, ни быть отнесены въ безопасное мѣсто; со всѣхъ сторонъ грозила непріятельская конница. Тогда наши воины, отчаясь въ спасеніи по всегдашней привычкѣ людей въ подобныхъ обстоятельствахъ, оплакивали свою неизбѣжную смерть или поручали свои семейства попеченію тѣхъ, которымъ можетъ быть удастся какимъ нибудь случаемъ избѣгнуть опасности; вездѣ раздавался плачь, и ужасъ былъ всеобщій.

42. Куріонъ видѣлъ, что устрашенные воины его не внимаютъ болѣе ни его увѣщаніямъ, ни мольбамъ, а потому, взявшись за послѣднюю надежду на спасеніе, велѣлъ своимъ воинамъ всѣми силами устремиться на близь лежащія высоты и стараться ихъ занять; но тамъ уже стояла конница, посланная туда Сабурою. Тогда наши совершенно разстроились въ отчаяніи: одни погибаютъ, стараясь въ бѣгствѣ найдти спасеніе, другіе—оставаясь на своихъ мѣстахъ. Кн. Домицій, начальникъ конницы, имѣя около себя небольшой отрядъ, совѣтовалъ Куріону спастись бѣгствомъ въ лагерь. Куріонъ отвѣчалъ, что никогда не дерзнетъ онъ показаться на глаза Цезарю, утративъ войско, имъ ввѣренное: онъ погибъ сражаясь. Немногіе всадники ушли съ мѣста битвы; тѣ же, которые отъ усталости коней своихъ не могли

слѣдовать за войскомъ, а были на дорогѣ, видя издали пораженіе нашего войска, удалились безъ вреда въ лагерь. Пѣшіе же воины погибли всѣ до одного.

43. Узнавъ объ этомъ, квесторъ М. Руфъ, которому Куріонъ ввѣрилъ начальство надъ лагеремъ, убѣждалъ своихъ воиновъ не терять присутствія духа, но тѣ умоляютъ его переправить ихъ немедленно на судахъ въ Сицилію. М. Руфъ согласился исполнить желаніе воиновъ и предписываетъ всѣмъ кормчимъ судовъ къ вечеру прислать всѣ лодки къ берегу. Ужасъ до того былъ великъ, что одни утверждали: вотъ войска Юбы, другіе: вотъ идутъ легіоны Вара; завѣряли, что видятъ уже пыль отъ движенія ихъ по дорогѣ. Все это были одни пустыя слухи. Иные опасались, что вотъ приплыветъ флотъ непріятельскій. Въ такомъ смятеніи каждый помышлялъ только о себѣ; находившіеся на военныхъ судахъ спѣшили отплыть; видя ихъ бѣгство, примѣру ихъ не замедлили послѣдовать кормчіе транспортныхъ судовъ. Немногія ладьи явились только вслѣдствіе приказанія. На берегу была тѣснота отъ воиновъ; они спѣшили другъ передъ другомъ садиться въ лодки, такъ что нѣкоторыя отъ тяжести груза сѣли на дно; другія, опасаясь подобной участи, не рѣшались пристать къ берегу.

44. Вслѣдствіе этого весьма немногіе воины и отцы семействъ, которые или умѣли возбудить къ себѣ состраданіе и участіе, или вплавь достигли кораблей, или спаслись благополучно бѣгствомъ въ Сицилію. Остальное войско при наступленіи ночи отправило къ Вару послами сотниковъ, изъявляя готовность покориться ему. На другой день Юба, увидавъ ихъ когорты передъ городомъ, сказалъ, что это его добыча; бо̀льшую часть воиновъ онъ велѣлъ побить, немногихъ отобравъ отослалъ въ свою землю. Варъ жаловался, что Юба сдѣлалъ его клятвопреступникомъ, но противиться ему не смѣлъ. Юба на конѣ въѣхалъ въ городъ Утику, въ сопровожденіи многихъ сенаторовъ, въ числѣ которыхъ находился Сер. Сульпицій и Лициній Дамазиппъ; нѣсколько дней пробылъ онъ въ Утикѣ, распоряжаясь и отдавая приказанія, а потомъ со всѣми войсками удалился въ земли своего царства.

КНИГА ТРЕТЬЯ.

—

1. На выборахъ, открывшихся подъ предсѣдательствомъ Цезаря, выбраны консулами Юлій Цезарь и П. Сервилій; въ этомъ году по закону ему уже можно было быть снова консуломъ. По закрытіи

выборовъ Цезарь, обращая вниманіе на общій упадокъ кредита по всей Италіи вслѣдствіе того, что должники отказались платить деньги ими должныя, постановилъ, чтобы избраны были посредники; они должны были оцѣнить движимыя и недвижимыя имущества должниковъ по той цѣнности, какую они имѣли до войны, и передать ихъ во владѣніе кредиторовъ. Этимъ Цезарь хотѣлъ уничтожить опасеніе, столь обыкновенное во время внутреннихъ несогласій и междуусобныхъ войнъ, относительно уничтоженія долговыхъ обязательствъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ поддержать довѣріе къ должникамъ. Также вслѣдствіе предложенія, сдѣланнаго народу преторами и трибунами народными, объ уничтоженіи закона Помпеева относительно осужденія гражданъ за противузаконныя на выборахъ дѣйствія, изданнаго Помпеемъ во время его вооруженнаго господства въ Римѣ (причемъ одни судьи выслушивали оправданія подсудимыхъ, а другіе ихъ присуждали къ наказанію и все дѣлалось однимъ днемъ), Цезарь совершенно оправдалъ подпавшихъ вслѣдствіе этого закона осужденію. Усердіе тѣхъ, которые сначала войны предложили ему свои услуги, онъ цѣнилъ наравнѣ какъ бы ими воспользовался, хотя оно и ограничилось однимъ желаніемъ. Притомъ онъ предпочелъ, чтобы они своимъ оправданіемъ одолжены были суду народа, а не его частному вліянію; дѣйствуя такимъ образомъ, онъ доказывалъ и свою личную признательность, и не посягалъ на права народа.

2. Одиннадцать дней употребилъ Цезарь на устройство всѣхъ этихъ дѣлъ, на празднованіе латинскихъ ферій и на окончаніе всѣхъ выборовъ; потомъ онъ сложилъ съ себя званіе диктатора и, выѣхавъ изъ Рима, прибылъ въ Брундизій, куда приказано было собраться двѣнадцати легіонамъ и всей конницѣ. Но судовъ оказалось столько, что съ трудомъ могли они принять пятнадцать тысячъ воиновъ изъ легіоновъ и 500 всадниковъ. Это одно обстоятельство заставило Цезаря отложить мысль — рѣшить войну быстрымъ ударомъ. Притомъ самыя войска въ большомъ недочетѣ садились на суда: уронъ столь продолжительныхъ Галльскихъ войнъ не былъ еще пополненъ; дальній походъ изъ Испаніи также уменьшилъ составъ войскъ, но особенно тяжелая осень, проведенная легіонами въ Апуліи и около Брундизія, куда они прибыли изъ здороваго климата Галліи и Испаніи, была причиною, что въ войскѣ оказалось весьма много больныхъ.

3. Помпей имѣлъ цѣлый годъ свободнаго времени для собранія войскъ, въ теченіи котораго онъ не былъ тревожимъ никакимъ непріятелемъ и пользовался совершеннымъ спокойствіемъ. Онъ собралъ большой флотъ изъ Азіи, Цикладскихъ острововъ, Корциры, Аѳинъ,

Понта, Виѳиніи, Сиріи, Киликіи, Финикіи и Египта; притомъ, по его распоряженію, вездѣ строились новыя суда. Большія деньги собралъ онъ въ Азіи и Сиріи съ царей, династовъ, тетрарховъ и вольныхъ племенъ Ахаіи; а равно значительное количество денегъ велѣлъ онъ выставить управленіямъ тѣхъ областей, которыя находились въ его власти.

4. Помпей составилъ девять легіоновъ изъ римскихъ гражданъ: пять изъ нихъ были имъ перевезены съ собою изъ Италіи; одинъ изъ Сициліи, составленный изъ ветерановъ: въ него слилъ Помпей два легіона и потому далъ ему названіе *двойнаго*; одинъ изъ Крита и Македоніи также состоялъ изъ ветерановъ, которые, бывъ отпущены прочими Императорами, были поселены въ этихъ провинціяхъ. Два легіона были набраны консуломъ Лентуломъ въ Азіи. Большое число воиновъ, набранныхъ въ Ѳессаліи, Веотіи, Ахаіѣ и Эпирѣ, были распредѣлены по легіонамъ въ видѣ резерва. Сюда присоединены были также бывшіе Антоніевы воины. Кромѣ этихъ легіоновъ Помпей ожидалъ еще изъ Сиріи два, бывшіе подъ начальствомъ Сципіона. У него находилось три тысячи стрѣлковъ изъ Крита, Лакедемона, Понта, Сиріи и другихъ областей; двѣ когорты пращниковъ, каждая по 600 человѣкъ. Конницы было 7000 всадниковъ: въ томъ числѣ 600 Галловъ привелъ Деіотаръ, 500 Аріобарзанъ изъ Каппадокіи; столько же Котисъ прислалъ изъ Ѳракіи подъ начальствомъ сына своего Садала. Изъ Македоніи было 200 всадниковъ подъ начальствомъ Расциполиса, извѣстнаго своимъ мужествомъ; 500 всадниковъ Габиніевыхъ изъ Александріи; ихъ привелъ Помпей сынъ изъ Александріи изъ числа тѣхъ Галловъ и Германцевъ, которыхъ А. Габиній оставилъ въ видѣ гарнизона у царя Птоломея. 800 всадниковъ собралъ Помпей изъ своихъ рабовъ и пастуховъ. Триста всадниковъ выставили изъ Галло-Греціи Таркондарій Касторъ и Донилай; одинъ изъ нихъ самъ прибылъ, а другой сына прислалъ. Двѣсти всадниковъ были присланы изъ Сиріи Антіохомъ Комагеномъ, котораго Помпей осыпалъ своими благодѣяніями; большая часть ихъ были конные стрѣлки. Тутъ были Дарданы и Бессы частью по найму, частью присланные своими властями, или добровольно пришедшіе. Присоединивъ сюда Македонцевъ, Ѳессаловъ и собранныхъ у разныхъ племенъ и народовъ, составилось выше упомянутое число всадниковъ.

5. Огромные запасы хлѣба были собраны изъ Ѳессаліи, Азіи, Египта, Крита, Киринеи и прочихъ странъ. На зимнія квартиры Помпей расположилъ свои войска въ Диррахіѣ, Аполлоніѣ и во всѣхъ при-

морскихъ городахъ для того, чтобы воспрепятствовать Цезарю переплыть море; съ тою же цѣлью по всему морскому берегу былъ разставленъ флотъ. Египетскими кораблями начальствовалъ Помпей сынъ, Азіатскими Д. Лелій и К. Триарій; Сирійскими К. Кассій, Родійскими К. Марцеллъ и съ нимъ К. Капоній; Либурнскими и Ахайскими Скрибоній Либонъ и М. Октавій; впрочемъ главное начальство и управленіе надо всѣмъ флотомъ было ввѣрено М. Бибулу; отъ него были всѣ общія распоряженія.

6. Цезарь, по прибытіи въ Брундизій, сказалъ слѣдующую рѣчь воинамъ: «вотъ уже близко желанный конецъ трудовъ и опасностей; не тужите о томъ, что вы въ Италіи оставите вашихъ рабовъ и вещи ваши; садитесь на корабли на легкѣ, чтобы можно было помѣстить на нихъ большее число воиновъ, и ждите всего отъ моей побѣды и щедрости». Всѣ воины отвѣчали на это единодушными восклицаніями: «пусть онъ Цезарь только повелѣваетъ, каждое его приказаніе будетъ ими исполнено съ усердіемъ». Четвертаго января Цезарь снялся съ якоря, взявъ съ собою на судахъ, какъ мы выше упомянули, семь легіоновъ. На другой день причалили къ землѣ, нашедъ довольно удобную стоянку между Керавнскими скалами и другими мѣстами, полными опасностей. Къ пристани ни къ одной не рѣшился подойдти Цезарь, полагая, что они всѣ во власти непріятелей; воины были высажены въ урочищѣ, называемомъ Фарсалія; изъ судовъ флота всѣ до единаго пришли въ цѣлости.

7. Въ Орикѣ находились Лукрецій Веспиллонъ и Минуцій Руфъ съ 18-ю судами Азійскими, которыми они начальствовали по приказанію Лелія; а у Корциры стоялъ М. Бибулъ со ста десятью судами. Несмотря на свою самонадѣянность первые не дерзнули выйдти изъ пристани, между тѣмъ какъ у Цезаря было всего 12 галеръ, изъ коихъ четыре съ палубою. Бибулъ же, имѣя суда неснаряженныя и гребцовъ распущенными, не поспѣлъ во время. Цезаря увидали уже причалившимъ къ берегу прежде, чѣмъ молва о его прибытіи достигла этихъ мѣстъ.

8. Когда воины были высажены, то Цезарь корабли въ ту же ночь отослалъ обратно въ Брундизій за остальными легіонами и за конницею. Порученіе это возложено на легата Фуфія Калена, ему приказано употребить наивозможную поспѣшность въ перевозкѣ легіоновъ. Корабли поздно отправились и не воспользовались ночнымъ вѣтромъ, а потому возвращаясь понесли уронъ. Бибулъ, узнавъ въ Корцирѣ о прибытіи Цезаря, вышелъ поспѣшно въ море, надѣясь захватить часть нагруженныхъ судовъ, но вмѣсто того

встрѣтилъ возвращавшіяся пустыя. Въ безсильной злобѣ вымѣстилъ онъ на нихъ свою небрежность и досаду и, захвативъ судовъ съ тридцать, сжегъ ихъ совсѣмъ съ гребцами и хозяевами судовъ; жестокостью казни онъ думалъ устрашить прочихъ. Совершивъ такой подвигъ, онъ разставилъ суда по всѣмъ пунктамъ морскаго берега отъ Салона до Орикской пристани, а по берегамъ разставилъ частые караулы. Самъ, несмотря на жестокія непогоды, ночи проводилъ на кораблѣ, не щадя трудовъ и исполняя старательно свой долгъ; онъ не ждалъ себѣ пощады въ случаѣ, если бы достался въ руки Цезаря.

9. По удаленіи Либурнскихъ судовъ изъ Иллирика, М. Октавій съ тѣми судами, какія имѣлъ при себѣ, прибылъ въ Салону. Здѣсь, возмутивъ Далматовъ и прочія варварскія племена, онъ городъ Иссу отторгъ отъ союза съ Цезаремъ; но Салонскій сенатъ не внялъ ни его обѣщаніямъ, ни угрозамъ; тогда Октавій предпринялъ взять его правильною осадою. Этотъ городъ, будучи расположенъ на холмѣ, укрѣпленъ самою мѣстностью. Поспѣшно граждане римскіе устроили деревянные башни и ими укрѣпились. По малочисленности своей, чувствуя свою слабость къ сопротивленію и теряя много ранеными, жители города прибѣгли къ мѣрѣ, внушаемой крайностью: дали свободу всѣмъ рабамъ способнымъ носить оружіе, а у женщинъ отрѣзали волоса на приготовленіе метательныхъ машинъ. Узнавъ о рѣшимости гражданъ къ оборонѣ, Октавій окружилъ городъ пятью лагерями, намѣреваясь въ одно и то же время тѣснить ихъ и облежаніемъ и правильною осадою. Граждане, будучи готовы перенесть все, терпѣли главное—нужду въ съѣстныхъ припасахъ; а потому отправили пословъ къ Цезарю просить помощи; сами же помогали своему горю, какъ могли. По долгомъ времени, когда воины Октавія, вслѣдствіе продолжительной осады, сдѣлались не такъ бдительны, осажденные—въ самой полдень, пользуясь удаленіемъ осаждающихъ, разставили по стѣнамъ женщинъ и дѣтей для того, чтобы показать будто все какъ обыкновенно, сами же всѣ съ тѣми, которыхъ недавно освободили, ударили на ближайшій лагерь Октавія. Взявъ его приступомъ, бросились на другой, потомъ на третій, четвертый и наконецъ овладѣли всѣми; убивъ много непріятелей, они вынудили Октавія съ остальнымъ войскомъ искать спасенія на судахъ. Таковъ былъ результатъ осады. Приближалась зима, и Октавій послѣ такаго урону, потерявъ надежду овладѣть городомъ, удалился въ Диррахій къ Помпею.

10. Мы выше писали, что префектъ Помпея Л. Вибуллій Руфъ

два раза попадалъ въ руки Цезаря и былъ имъ отпущенъ, первый разъ у Корфинія, а второй разъ въ Испаніи. Считая его себѣ обязаннымъ, Цезарь заблагоразсудилъ его отправить къ Помпею съ порученіями, тѣмъ болѣе что ему извѣстно было расположеніе Помпея къ Вибуллію. Сущность порученій заключалась въ слѣдующемъ: «Пора положить конецъ съ обѣихъ сторонъ упрямству, прекратить войну и не искушать болѣе счастія. Съ обѣихъ сторонъ понесены значительныя потери, которыя должны служить урокомъ на будущее и предостереженіемъ отъ могущихъ быть еще худшихъ послѣдствій. Что касается до Помпея, то онъ вынужденъ былъ очистить Италію, утратилъ Сицилію, обѣ Испаніи и вмѣстѣ съ Италіею и Испаніею сто тридцать когортъ гражданъ римскихъ. Онъ же Цезарь потерялъ Куріона и съ нимъ большую часть Африканскаго войска, а равно нѣкоторую часть воиновъ, сдавшихся подъ Корцирою. Время имъ пощадить и себя и отечество. Какую значительную роль играетъ на войнѣ счастіе, тому живымъ примѣромъ могутъ служить ими самими понесенныя потери. Теперь-то и время толковать о мирѣ, когда они оба увѣрены въ своихъ силахъ, находящихся почти въ равновѣсіи; но если только счастіе сколько-нибудь перевѣситъ на одну сторону, то тотъ, кто будетъ имѣть верхъ, не удовольствуется возможными теперь условіями мира и льстясь все имѣть одинъ, не ограничится равнымъ удѣломъ съ побѣжденнымъ. Условія мира, вслѣдствіе того, что они и прежде сами по себѣ не могли въ нихъ сойдтись, должны быть назначены по ихъ просьбѣ сенатомъ и народомъ Римскимъ. Въ настоящее же время и ихъ частный и общій всего отечества интересъ требуетъ, чтобы оба они въ собраніи согражданъ дали присягу въ теченіи трехъ дней распустить войско. Положивъ оружіе, отказавшись добровольно отъ вспомогательныхъ средствъ, на которыя они оба теперь разсчитываютъ, они должны будутъ удовольствоваться рѣшеніемъ сената и народа. Чтобы доказать Помпею чистосердіе своихъ намѣреній и побудить его къ тому же, онъ готовъ немедленно распустить всѣ свои войска, какъ находящіяся въ полѣ, такъ и стоящія по городамъ.

11. Вибуллій, принявъ отъ Цезаря порученія къ Помпею, счелъ нужнымъ предупредить его о быстромъ движеніи Цезаря для того, чтобы Помпей былъ въ состояніи предпринять противъ него мѣры прежде, чѣмъ долженъ былъ заняться обсужденіемъ предложеній Цезаря. Съ этою цѣлью онъ спѣшилъ день и ночь, на перемѣнныхъ лошадяхъ для скорости, прямо къ Помпею для того, чтобы дать ему знать о приближеніи Цезаря со всѣми силами. Въ то время Помпей

находился въ Кандавіи, на пути изъ Македоніи на зимнія квартиры въ Аполлонію и въ Диррахій. Пораженный неожиданнымъ извѣстіемъ, онъ самыми поспѣшными переходами сталъ спѣшить въ Аполлонію, опасаясь, какъ бы Цезарь не занялъ приморскіе города. А онъ, высадивъ войска, въ тотъ же день двинулся къ Орику. Когда онъ подошелъ къ городу, то начальствовавшій въ немъ отъ имени Помпея Л. Торкватъ, имѣвшій подъ своею командою гарнизонъ изъ Парѳиновъ, пытался было, затворивъ ворота, защищать городъ, отдавъ приказаніе Грекамъ взять оружіе и взойдти на стѣны. Но они отказались сопротивляться власти народа Римскаго; жители города даже желали покориться Цезарю. Отчаявшись получить откуда либо помощь, Торкватъ отворилъ городскія ворота, вручивъ себя и городъ власти Цезаря; тотъ не сдѣлалъ ему ни малѣйшаго вреда.

12. Цезарь, взявъ Орикъ, немедленно двинулся къ Аполлоніи. Услыхавъ о приближеніи его, Л. Стаберій, начальствовавшій въ городѣ, приказалъ запасать воду въ крѣпости и приводить ее въ оборонительное положеніе, а отъ гражданъ требовалъ заложниковъ. Тѣ отвѣчали: «что не дадутъ ему заложниковъ, не запрутъ консулу городскихъ воротъ и не берутъ на себя права судить дѣло иначе, какъ разсудилъ его народъ Римскій и вся Италія». Видя такое расположеніе умовъ жителей, Стаберій тайно ушелъ изъ Аполлоніи. Граждане тогда отправили пословъ къ Цезарю и приняли его въ свой городъ. Примѣру ихъ послѣдовали Буллидензы, Амантіаны и прочія сосѣднія племена, а также и весь Эпиръ; они отправили пословъ къ Цезарю, изъявляя готовность исполнить всѣ его приказанія.

13. Помпей, узнавъ о происшедшемъ въ Орикѣ и Аполлоніи и опасаясь за Диррахій, спѣшилъ къ нему день и ночь. Слыша о приближеніи къ нему же Цезаря, войско Помпея пришло въ ужасъ; оно безъ отдыху спѣшило день и ночь, такъ что оставило почти всѣ значки въ Эпирѣ и сосѣднихъ земляхъ и даже разбросало оружіе; поспѣшный походъ этотъ походилъ на бѣгство. Когда Помпей сталъ подлѣ Диррахія и началъ располагаться лагеремъ, то войско его еще не опомнилось отъ ужаса. Тутъ Лабіенъ выступилъ первый и далъ клятву не оставлять ни въ какомъ случаѣ Помпея и раздѣлить его участь, какую бы ему ни судила судьба. Ту же клятву даютъ и прочіе легаты, а за ними трибуны военные, сотники и все войско. Цезарь, видя что путь къ Диррахію уже прегражденъ, пріостановилъ поспѣшное движеніе своего войска и расположился лагеремъ у рѣки Апса на границѣ земель Аполлоніатскихъ, прикрывая рядомъ вооруженныхъ отрядовъ и укрѣпленій области, ему покорившіяся. Тутъ онъ рѣ-

шился дожидаться прибытія изъ Италіи остальныхъ легіоновъ и провести зиму въ палаткахъ. Также точно поступилъ Помпей; онъ, расположившись лагеремъ по ту сторону рѣки Апса, собралъ туда всѣ свои собственно и союзныя войска.

14. Каленъ посадилъ на суда въ Брундизіѣ легіоны и конницу сообразно наставленію Цезаря, то есть сколько могло помѣститься на суда, снялся съ якоря и немного отплылъ уже отъ пристани, какъ вдругъ получилъ письмо отъ Цезаря, въ которомъ тотъ даетъ ему знать, что всѣ пристани и вся линія берега находятся во власти непріятельскаго флота. Получивъ это извѣстіе, Каленъ возвратился въ пристань и отозвалъ всѣ корабли. Только одинъ изъ нихъ, упорствовавшій въ своемъ намѣреніи и непослушавшій приказанія Калена, такъ какъ на немъ не было воиновъ, а составлялъ онъ частную собственность, былъ отнесенъ къ Орику и попался въ руки Бибула; тотъ всѣхъ совершеннолѣтнихъ какъ свободнаго, такъ и рабскаго состоянія, казнилъ всѣхъ до единаго. Такимъ образомъ спасеніе цѣлаго войска зависѣло отъ самаго небольшаго промежутка времени, въ которое ему удалось избѣгнуть большой опасности.

15. Бибулъ, какъ мы выше говорили, находился съ флотомъ у Орика; имѣя въ своей власти море и пристани и обороняя ихъ отъ Цезаря, онъ самъ не имѣлъ доступа къ берегу, который весь находился во власти послѣдняго. Нельзя было ни снабжаться водою или дровами, ни прикрѣплять суда къ берегу. Положеніе Бибула было весьма затруднительно; терпя недостатокъ въ предметахъ самой первой необходимости, онъ былъ вынужденъ нетолько хлѣбъ, но и дрова и воду возить изъ Корциры на транспортныхъ судахъ. Случилось даже одно время, что, по случаю неблагопріятной погоды, непріятели вынуждены были довольствоваться ночною росою, которая оставалась на кожахъ, покрывавшихъ суда; такую нужду непріятель переносилъ съ терпѣніемъ и равнодушно, не рѣшаясь ни какъ очистить пристани и открыть доступъ къ морскому берегу. Когда онъ терпѣлъ такой во всемъ недостатокъ, то, по соединеніи Либона съ Бибуломъ, оба они съ судовъ заводятъ переговоры съ легатами Цезаря М. Ациліемъ и Статіемъ Муркомъ: первый начальствовалъ надъ городомъ, а второй надъ войсками, защищавшими берегъ. Они сказали имъ, что желаютъ, буде есть возможность, переговорить съ Цезаремъ о предметахъ первой важности. Къ этому они вкратцѣ намекнули о возможности примиренія и требовали перемирія, что и получили. Слова непріятельскихъ вождей казались тѣмъ важнѣе, что миролюбивое

расположеніе Цезаря было извѣстно и полагали что порученія, данныя Вибуллію, тутъ что-нибудь значатъ.

16. Цезарь въ то время находился съ однимъ легіономъ у Бутрота, противъ Корциры, куда онъ отправлялся для покоренія своей власти болѣе отдаленныхъ городовъ и для снабженія себя провіантомъ, въ которомъ онъ терпѣлъ недостатокъ. Извѣщенный письмомъ Ацилія и Мурка о предложеніяхъ Либона и Бибула, Цезарь оставилъ легіонъ, а самъ возвратился въ Орикъ. Прибывъ туда, онъ потребовалъ ихъ къ себѣ на свиданіе. Явился Либонъ; онъ не оправдывалъ Бибула; «въ томъ, что онъ простираетъ свою злобу до величайшей крайности, дѣйствуя въ этомъ случаѣ подъ вліяніемъ частной своей непріязни къ Цезарю, возникшей вслѣдствіе ихъ соперничества въ должностяхъ эдиля и претора. По этой причинѣ не явился онъ и на совѣщаніе, дабы своею раздражительностью не разстроить переговоры, весьма важные и по предмету, и по надеждѣ на миръ. Помпей всегда расположенъ былъ къ прекращенію войны и къ миру. Что же касается до нихъ, то предметъ этотъ отъ нихъ независитъ; съ общаго согласія веденіе войны и управленіе всѣмъ поручено Помпею. Теперь они желаютъ знать, въ чемъ заключаются требованія Цезаря для того, чтобы извѣстить о нихъ Помпея и, употребивъ свое посредство, склонить его къ миру. А перемирію быть, пока Помпей дастъ отвѣтъ на предложенія Цезаря и ничѣмъ не вредить другъ другу.»

17. На это Цезарь не счелъ нужнымъ въ то время и отвѣчать, да и врядъ ли теперь стоило бы упоминать объ этомъ. Цезарь съ своей стороны требовалъ: «чтобы ему дозволено было безпрепятственно отправить пословъ къ Помпею; а они этихъ пословъ пусть или сами примутъ, или, принявъ, отъ себя отправятъ къ Помпею. Что же касается до перемирія, то военныя обстоятельства таковы, что если они своимъ флотомъ задерживаютъ его суда и вспомогательныя войска, то и онъ съ своей стороны не допускаетъ ихъ до берега и недозволяетъ имъ брать воду. Пусть они не препятствуютъ ему и онъ допуститъ ихъ на берегъ; буде же они будутъ упорствовать, то того же и отъ него они должны ждать. Впрочемъ можно весть переговоры, продолжая непріязненныя дѣйствія; онѣ ни въ какомъ случаѣ не могутъ служить препятствіемъ.» Непріятельскіе же вожди несоглашались ни принять пословъ Цезаря, ни ручаться за ихъ безопасность, а во всемъ ссылались на Помпея; они настаивали главнымъ образомъ на необходимость перемирія. Цезарь понялъ, что все это дѣло затѣяно для отвращенія угрожающей нужды и опасности, и нисколько не обнаде-

живаетъ на миръ, и потому опять все свое вниманіе обратилъ на веденіе войны.

18. Бибулъ, въ теченіи долгаго времени лишенный всякаго сообщенія съ землею, впалъ въ тяжкую болѣзнь, послѣдствіе трудовъ и холода; онъ не могъ лечиться, и не рѣшался оставить ввѣренную ему должность, а потому и не могъ выдержать силу болѣзни. По смерти его, власть надъ флотомъ не сосредоточивалась болѣе въ однѣхъ рукахъ; было столько же начальниковъ, сколько отдѣленій флота. Между тѣмъ лишь только утихло волненіе въ войскѣ Помпея вслѣдствіе принесеннаго Вибулліемъ извѣстія о неожиданномъ приближеніи Цезаря, Помпей пригласилъ къ себѣ Либона, Л. Лукцея и Теоѳана, съ которыми всегда совѣтовался въ важнѣйшихъ дѣлахъ. Когда, въ ихъ присутствіи, Вибуллій сталъ высказывать предложенія Цезаря, Помпей перебилъ его и не далъ ему кончить, сказавъ: «не нужно мнѣ ни жизни, ни отечества, если я тѣмъ и другимъ буду обязанъ, хотя повидимому, милости Цезаря. Оставивъ разъ Италію, не могу возвратиться туда: общее мнѣніе будетъ, что я уступилъ въ этомъ случаѣ силѣ». По окончаніи войны. Цезарь узналъ о томъ, что было на этомъ совѣщаніи отъ тѣхъ, кто въ немъ участвовалъ. Тѣмъ не менѣе Цезарь считалъ необходимымъ испытать и иные пути къ переговорамъ о примиреніи.

19. Лагери Помпея и Цезаря были отдѣлены другъ отъ друга только рѣкою Апсомъ: воины безпрестанно приходили другъ къ другу на свиданіе и по взаимному соглашенію во время этихъ переговоровъ, всѣ непріязненныя дѣйствія прекращались. Цезарь послалъ легата П. Ватинія къ самому берегу рѣки, поручивъ ему въ главномъ высказать всю необходимость мира. Ватиній неоднократно громкимъ голосомъ кричалъ: «неужели гражданамъ нельзя будетъ отправить другъ къ другу по два посла и воспользоваться тѣмъ, что было доступно бѣглецамъ горъ Пиренейскихъ и разбойникамъ—тѣмъ болѣе что необходимо имъ потолковать какъ бы положить конецъ войнѣ согражданъ между собою?» Много говорилъ онъ въ этомъ родѣ съ мольбою, заклиная воиновъ позаботиться объ ихъ взаимной безопасности. Тѣ съ обѣихъ сторонъ слушали слова его въ молчаніи. Со стороны непріятелей данъ былъ отвѣтъ, что А. Варронъ вызывается добровольно явиться на другой день на совѣщаніе; тутъ же назначено было мѣсто, вполнѣ безопасное для веденія переговоровъ, и условлено было время совѣщанія. На другой день на совѣщаніе явились много съ обѣихъ сторонъ; казалось, съ нетерпѣніемъ ждали результата переговоровъ и всѣ дышали миролюбивымъ расположеніемъ. Изъ среды непріятелей выступилъ

Т. Лабіенъ; онъ тихимъ голосомъ началъ съ Ватиніемъ вести переговоры о мирѣ и спорить съ нимъ. Вдругъ разговоръ ихъ былъ прерванъ полетѣвшимъ со всѣхъ сторонъ градомъ стрѣлъ. Прикрытый щитами воиновъ, Лабіенъ едва избѣгъ смерти; многіе получили раны, какъ то сотники Корнелій Бальбъ, М. Плоцій, Л. Тибуртій и нѣкоторые воины. Тогда Лабіенъ сказалъ: «не говорите же болѣе о мирѣ; съ нашей стороны онъ невозможенъ, пока намъ не будетъ принесена голова Цезаря».

20. Между тѣмъ въ Римѣ преторъ М. Целій Руфъ взялъ подъ свою защиту должниковъ. Лишь только вступилъ онъ въ отправленіе должности, какъ распорядился поставить свой трибуналъ рядомъ съ кресломъ городоваго претора К. Требонія и вызвался принимать жалобы на оцѣнку и уплату черезъ посредниковъ, что установлено было самимъ Цезаремъ во время его бытности въ Римѣ. Впрочемъ справедливость декрета была такъ очевидна, и въ примѣненіи его Требоній дѣйствовалъ съ такою умѣренностью и снисходительностью, что не нашлось ни одного, кто бы пожелалъ принять услуги Целія Руфа. Если само по себѣ довольно низко отказываться отъ платежа нуждою, тяжелыми обстоятельствами, собственными и общественными, и выставлять затрудненія аукціонной продажи, то у кого достанетъ духу или безстыдства, имѣя долги, не удѣлить на уплату ихъ части имущества? Итакъ, не нашлось никаго, кто бы этого домогался, и Целій навлекъ на себя только презрѣніе тѣхъ, въ интерессѣ которыхъ онъ думалъ дѣйствовать. Впрочемъ, не желая остановиться на такомъ прекрасномъ пути, онъ предложилъ законъ объ отсрочкѣ долговъ на годъ безъ платежа процентовъ.

21. Такъ какъ этотъ законъ встрѣтилъ сопротивленіе консула Сервилія и прочихъ властей государства, и Целій Руфъ видѣлъ, что ошибся въ своихъ разсчетахъ, то, взявъ назадъ этотъ законъ, онъ издалъ еще два съ цѣлью — произвесть смуту въ гражданахъ: по одному наемная плата квартиръ должна быть прощена жильцамъ за цѣлый годъ, по другому долговыя обязательства должны быть пересмотрѣны. Народъ возмутился, сдѣлалъ нападеніе на Требонія, и ниспровергъ его съ сѣдалища. При этомъ нѣсколько человѣкъ переранено. Объ этихъ событіяхъ консулъ Сервилій доложилъ сенату, который опредѣлилъ Целія устранить отъ должности. Вслѣдствіе этого декрета консулъ не пустилъ Целія въ сенатъ, и силою свелъ съ ростръ въ то время, когда онъ хотѣлъ было говорить рѣчь къ народу. Огорченный своимъ безславіемъ, Целій говорилъ всѣмъ, что ѣдетъ къ Цезарю, а тайно отправилъ гонца къ Милону (тому самому, который

осужденъ за убійство Клодія) и вызвалъ его въ Италію. У Милона были еще остатки шайки гладіаторовъ, которыхъ онъ привязалъ къ себѣ щедрыми подарками. Соединившись такимъ образомъ за одно съ Милономъ, онъ послалъ его впередъ въ Туринъ — задобривать въ свою пользу пастуховъ: а самъ отправился въ Казилинъ. Впрочемъ въ одно и то же время были захвачены въ Капуѣ военные значки и оружіе, заготовленныя для Целія; а шайка гладіаторовъ показалась въ Неаполѣ и тѣмъ обнаружила намѣреніе овладѣть городомъ. Целій, видя, что замыселъ его открытъ и опасаясь, что съ нимъ поступятъ какъ съ врагомъ отечества, за покушеніе прибѣгнуть къ оружію, отказался отъ его исполненія и перемѣнилъ направленіе своего бѣгства.

22. Между тѣмъ Милонъ разослалъ по всѣмъ муниципіямъ письма, извѣщая, что онъ дѣйствуетъ по приказанію самого Помпея, переданному ему черезъ Бибула, и стараясь главное склонить на свою сторону несостоятельныхъ должниковъ. Видя, что они остаются въ бездѣйствіи, Милонъ, разломавъ нѣсколько сельскихъ тюрьмъ и освободивъ оттуда рабовъ, пытался овладѣть городомъ Козою на Туринскомъ полѣ, гдѣ начальствовалъ преторъ К. Педій съ легіономъ; тутъ Милонъ убитъ камнемъ, брошеннымъ со стѣны. Целій между тѣмъ по дорогѣ, какъ онъ увѣрялъ, къ Цезарю, прибылъ въ Турій. Когда онъ вздумалъ склонять на свою сторону нѣкоторыхъ гражданъ этого городка, а всадниковъ Цезаря Галловъ и Испанцевъ, находившихся тутъ въ гарнизонѣ, подкупать деньгами, то они его умертвили. Такой быстрый и счастливый конецъ имѣли важныя волненія въ Италіи, которыя, при затруднительныхъ обстоятельствахъ времени и озабоченности начальствъ, могли имѣть самыя вредныя послѣдствія.

23. Либонъ вышелъ изъ Орика съ флотомъ изъ пятидесяти судовъ, подошелъ къ Брундизію и занялъ островъ, находящійся противъ Брундузійскаго порта. Дѣйствительно, казалось лучшимъ наблюдать одинъ пунктъ, изъ котораго по необходимости надлежало нашимъ выйдти, чѣмъ охранять всѣ пристани и морской берегъ на большомъ пространствѣ. Вслѣдствіе неожиданности своего прихода, Либонъ успѣлъ схватить и сжечь нѣсколько транспортныхъ судовъ, а одинъ корабль, нагруженный хлѣбомъ, увелъ съ собою и распространилъ между нашими сильный ужасъ. Ночью онъ высадилъ на берегъ воиновъ и стрѣлковъ, сбилъ стоявшій на караулѣ отрядъ нашей конницы и до того возгордился своимъ успѣхомъ, зависѣвшимъ единственно отъ благопріятныхъ условій мѣстности, что послалъ къ Помпею письмо такого содержанія: «остальной флотъ онъ можетъ обратить въ при-

стани и отдать въ починку; онъ съ своею одною эскадрою не допуститъ къ Цезарю подкрѣплений.»

24. Въ то время въ Брундизіи находился Антоній; полагаясь на мужество своихъ воиновъ, онъ взялъ около 60 лодокъ съ большихъ судовъ и, сдѣлавъ надъ ними крыши изъ хвороста, наполнилъ ихъ отборными воинами; онъ велѣлъ имъ стать у берега во многихъ мѣстахъ, а двѣ триремы, которыя онъ велѣлъ сдѣлать въ Брундизіи, выслалъ ко входу въ гавань, какъ бы для упражненія гребцовъ. Видя смѣлое ихъ движеніе впередъ, Либонъ возъимѣлъ надежду отрѣзать ихъ отъ пристани и послалъ на встрѣчу имъ пять квадриремъ (судовъ о четырехъ рядахъ веселъ). Видя приближеніе непріятеля къ нашимъ судамъ наши ветераны устремились обратно къ пристани; непріятельскія суда, увлеченныя жаромъ преслѣдованія, зашли слишкомъ далеко. Тутъ, по данному сигналу, приготовленныя Антоніемъ лодки, устремились со всѣхъ сторонъ на непріятельскія суда; первымъ натискомъ они овладѣли одною квадриремою съ находившимися на ней гребцами и воинами, а прочія обратили въ постыдное бѣгство. Кромѣ этого урона, по распоряженію Антонія, наши конные отряды, разставленные по берегу, не давали непріятелю наливаться водою. Терпя въ ней нужду и пристыженный своимъ пораженіемъ, Либонъ ушелъ отъ Брундизія, отказавшись отъ блокады этого порта.

25. Много уже мѣсяцевъ прошло и зима уже подходила къ концу, а къ Цезарю все еще не приходили суда и легіоны изъ Брундизія. По мнѣнію Цезарю, нѣсколько къ тому благопріятныхъ случаевъ было упущено, тѣмъ болѣе, что часто дули попутные вѣтры, съ которыми можно было пуститься въ путь. Чѣмъ болѣе времени уходило, тѣмъ начальники отдѣленій Помпеева флота становились бдительнѣе; надежда не допустить непріятеля къ берегу у нихъ усиливалась; съ другой стороны Помпей въ своихъ безпрестанныхъ письмахъ пенялъ имъ, что они допустили сначала Цезаря къ берегу и убѣждалъ ихъ, чтобы они по крайней мѣрѣ отрѣзали отъ него остальное войско. При томъ они надѣялись, что съ уменьшеніемъ силы вѣтровъ, плаваніе для Цезарева флота будетъ тѣмъ затруднительнѣе. Зная и самъ это, Цезарь написалъ въ Брундизій къ своимъ строгое приказаніе немедленно, при первомъ попутномъ вѣтрѣ, выйдти изъ пристани и въ случаѣ крайности пристать къ берегамъ у Аполлоніи, хотя бы для того нужно было пожертвовать судами; мѣсто, назначенное Цезаремъ, по случаю отдаленія его отъ пристаней, подвергалось не столь строгому надзору непріятелбскаго флота, опасавшагося отходить далеко отъ пристаней.

26. Надѣясь на храбрость и счастіе, главные начальники, М. Антоній и Фуфій Каленъ, поддерживаемые въ своемъ намѣреніи самыми воинами, изъявлявшими готовность для Цезаря подвергнуться какой угодно опасности, при южномъ вѣстрѣ снялись съ якоря; на другой день они проплыли мимо Аполлоніи и Диррахія. Увидя ихъ съ берега, К. Копоній, находившійся въ Диррахіи съ Родосскимъ флотомъ, вывелъ суда изъ пристана. При слабомъ вѣтрѣ уже онъ нагонялъ нашихъ, когда онъ вдругъ посвѣжѣлъ и послужилъ для нашихъ защитою. Впрочемъ и Копоній не отказался отъ погони; усердіемъ и стараніемъ гребцовъ, онъ надѣялся преодолѣть силу вѣтра и хотя наши уже прошли Диррахій, онъ при сильномъ вѣтрѣ продолжалъ ихъ преслѣдовать. Достигнувъ пристани, называемой Нимфейскою, находящейся въ трехъ миляхъ по ту сторону Лисса, наши ввели туда корабли (пристань эта, открытая для южнаго вѣтра, была защищена отъ западнаго), предпочитая потерпѣть отъ бури, чѣмъ отъ непріятеля. Но едва только наши суда вошли въ пристань, по невѣроятному счастію, вдругъ южный вѣтеръ, дувшій два дни сряду, перешелъ въ западный.

27. Перемѣна счастія была самая поразительная и неожиданная: тѣ, которые еще недавно опасались за себя, нашли убѣжище въ самой безопасной пристани, а непріятель видѣлъ передъ собою гибель, которою онъ намъ угрожалъ. Съ перемѣною вѣтра, наши были въ совершенной безопасности, а Родосскія суда были выброшены на берегъ и всѣ до одного, въ числѣ шестнадцати, разбиты; находившіеся на судахъ гребцы и воины частью погибли ударившись о скалы, частью, выброшенные на берегъ, достались въ руки нашимъ. Цезарь не сдѣлавъ ни одному изъ нихъ вреда, всѣхъ ихъ отправилъ домой.

28. Два нашихъ корабля, отставшіе отъ другихъ по медленности хода и застигнутые ночью, не зная, гдѣ нашли убѣжище прочія суда, стали на якорѣ противъ Лисса. Отацилій Крассъ, командовавшій въ Лиссѣ, послалъ множество лодокъ и разныхъ судовъ малаго размѣра противъ нашихъ кораблей съ цѣлью овладѣть ими; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ требовалъ сдачи, обѣщая всѣмъ нашимъ безопасность. На одномъ изъ нашихъ кораблей было 120 человѣкъ изъ легіона новобранцевъ, а на другомъ безъ малаго 200 человѣкъ ветерановъ. Тутъ оказалось, какъ много значитъ для спасенія людей присутствіе духа. Новобранцы, устрашенные множествомъ непріятельскихъ судовъ, терпя страданія морской болѣзни, сдались Отацилію, когда онъ далъ клятвенное обѣщаніе, что не сдѣлаетъ имъ нималѣйшаго вреда; но всѣ въ его, Отацилія, присутствіи умерщвле-

ны самимъ варварскимъ образомъ, несмотря на клятву. Ветераны же, терпя не менѣе первыхъ отъ бурь и болѣзней, не измѣнили своему дознанному мужеству. Они старались выиграть время подъ предлогомъ веденія переговоромъ о сдачѣ и, протянувъ такимъ образомъ дѣло до ночи, принудили своего кормчаго выбросить судно на берегъ. Тутъ они въ удобномъ мѣстѣ провели остальную часть ночи и на разсвѣтѣ они отразили нападеніе 140 всадниковъ, посланныхъ за ними Отациліемъ изъ числа составлявшихъ береговую стражу и, умертвивъ нѣсколько непріятелей, проложили себѣ безопасный путь къ соединенію съ нашими.

29. Когда это случилось, то собраніе Римскихъ гражданъ, во власти которыхъ находился этотъ городъ, отданный имъ Цезаремъ и укрѣпленный имъ же, приняло Антонія и оказало ему пособіе во всемъ, въ чемъ онъ имѣлъ нужду. Отацилій, опасаясь за собственную безопасность, бѣжалъ изъ города къ Помпею. Антоній высадилъ на берегъ всѣ свои войска, состоявшія изъ трехъ легіоновъ ветерановъ, одного новонабранцевъ и 800 всадниковъ; большую часть судовъ онъ отправилъ обратно въ Италію за остальными пѣшими и конными войсками; только понтоны, родъ судовъ, употребляемый въ Галліи, онъ оставилъ въ Лиссѣ на тотъ случай, что если, какъ распространился было слухъ, Помпей вздумаетъ съ войскомъ переправиться въ Италію, которую онъ считалъ беззащитною, то чтобы Цезарю было на чемъ его преслѣдовать. Немедленно Антоній извѣстилъ Цезаря черезъ гонцовъ о мѣстѣ высадки и количествѣ высаженныхъ войскъ.

30. О приближеніи Антонія Цезарь и Помпей узнали почти въ одно и то же время: изъ Аполлоніи и Диррахія видно было движеніе его кораблей мимо этихъ городовъ; они сами сухимъ путемъ слѣдовали за ними; но сначала имъ было не извѣстно, куда ихъ занесъ вѣтеръ; когда же объ этомъ они получили извѣстіе, то каждый нихъ принялъ разныя рѣшенія. Цезарь хотѣлъ какъ можно поспѣшнѣе соединиться съ Антоніемъ, а Помпей захватить на походѣ вновь прибывшія войска и произвесть на нихъ нечаянное нападеніе. А потому оба противника въ одинъ и тотъ же день выводятъ войска свои изъ постоянныхъ лагерей у рѣки Апса. Помпей выступаетъ тайно и ночью, а Цезарь явно и днемъ. Цезарю надлежало идти дальше для того, чтобы найдти на рѣкѣ бродъ. Помпею же, бывшему на той сторонѣ, не нужно было переходить рѣку; онъ двинулся большими переходами къ Антонію и, узнавъ о его приближеніи, остановился въ удобномъ мѣстѣ, расположилъ тамъ войска, удерживая ихъ въ лагерѣ и не дозволяя даже разводить огней, чтобъ скрыть свое приближеніе; но Греки не-

медленно дали объ этомъ знать Антонію. Онъ послалъ гонцовъ къ Цезарю, а самъ одинъ день держался въ лагерѣ, а на другой прибылъ къ нему Цезарь, Узнавъ о его прибытіи, Помпей, опасаясь быть обойденнымъ обоими войсками, оставилъ занятую имъ было позицію и со всѣми войсками прибылъ въ Аспарагій Диррахиновъ, у котораго въ удобномъ мѣстѣ и расположился лагеремъ.

31. Въ то же время Сципіонъ принялъ наименованіе *Императора*, какъ бы въ награду за нѣкоторыя потери, понесенныя подъ горою Аманомъ. Тогда онъ вольнымъ городамъ и правителямъ предписалъ внесть значительныя денежныя суммы; отъ сборщиковъ податей своей провинціи онъ потребовалъ, чтобы они внесли ихъ за два года оставшіеся въ долгу, а за третій дали бы ему взаймы; притомъ онъ объявилъ наборъ конницы по всей провинціи. Собравъ ее, онъ оставилъ въ тылу у себя столь близкихъ враговъ Парѳовъ, которые незадолго передъ тѣмъ убили императора М. Красса, а М. Бибула со всѣмъ войскомъ держали въ облежаніи, и вывелъ и легіоны и конницу изъ Сиріи. Опасеніе войны съ Парѳами и страхъ за свою безопасность сильно встревожили всю провинцію; воины Сципіона говорили ему: «пусть онъ ихъ ведетъ на внѣшняго врага, и они готовы идти, а противъ согражданъ и консула они не обнажатъ меча». Сципіонъ разставилъ свои легіоны на зимнія квартиры въ Пергамѣ и другихъ богатыхъ городахъ, и для того, чтобы привязать къ себѣ воиновъ, дѣламъ имъ весьма щедрые подарки и отдалъ имъ на разграбленіе тѣ города, гдѣ они стояли.

32. Предписанные Сципіономъ денежные сборы производимы были по всей провинціи съ величайшею строгостью; вообще все, что только можетъ придумать корыстолюбіе, то все было приведено въ дѣло. И рабы и свободные граждане были обложены поголовно податью: собирали пошлину съ колоннъ, съ дверей, съ провозимыхъ по дорогамъ предметовъ, кромѣ того натурою требовали воиновъ, гребцовъ, оружіе и военныя машины. Казалось все. что только носило названіе вещи, уже по тому самому служило достаточнымъ поводомъ къ обложенію его денежною пошлиною. Не только каждый городъ, но каждое селеніе и каждая деревня имѣли своего начальника; чѣмъ неограниченнѣе и строже онъ пользовался своею властью, тѣмъ болѣе пріобрѣталъ себѣ право на названіе достойнаго человѣка и благонамѣреннаго гражданина. Вся провинція была наполнена ликторами и исполнителями приказаній Сципіона; толпы сборщиковъ, кромѣ слѣдующихъ по положенію денегъ, собирали еще въ свою собственно пользу. Свое гнусное корыстолюбіе они извиняли крайнею нуждою во

всѣхъ нужныхъ предметахъ жизни, какую они терпѣли, будучи изгнаны изъ отечества и своихъ домовъ. Возникъ притомъ страшный ростъ на деньги, какъ обыкновенно бываетъ при военныхъ обстоятельствахъ, когда вдругъ потребуется значительная сумма денегъ: снисхожденіе одного дня безсовѣстные сборщики считали чистымъ съ своей стороны подаркомъ. Такимъ образомъ, въ теченіи двухъ лѣтъ, вся эта провинція обременена была огромными долгами. И граждане римскіе не были пощажены; ихъ отдѣльныя общества и города обложены были извѣстною суммою, будто бы взаимообразно взимаемою вслѣдствіе сенатскаго опредѣленія; а у сборщиковъ податей подати за слѣдующій годъ, какъ было поступлено и въ Сиріи, взяты заимообразно же впередъ.

33. Не удовольствовавшись этимъ, Сципіонъ приказалъ вынесть изъ храма Діаны, находящагося въ Ефезѣ, съ давнихъ временъ хранившіяся тамъ сокровища и разныя литыя изображенія богини. Уже Сципіонъ, въ сопровожденіи многихъ лицъ сенаторскаго сословія, нарочно для того приглашенныхъ, взошелъ въ храмъ богини, какъ ему подали письмо отъ Помпея: «Цезарь съ легіонами переправился черезъ море; пусть, оставивъ все, Сципіонъ немедленно спѣшитъ къ нему, Помпею, на помощь со всѣмъ войскомъ». Получивъ это письмо, Сципіонъ отпустилъ собранныхъ сенаторовъ, а самъ началъ готовиться къ походу въ Македонію, куда и выступилъ немного дней спустя. Только это обстоятельство спасло отъ разграбленія сокровища Ефезскія.

34. Цезарь, соединившись съ войскомъ Антонія, взялъ съ собою легіонъ, находившійся въ Орикѣ для прикрытія морскаго берега, и предпринялъ наступательное движеніе, съ цѣлью узнать расположеніе провинцій. Уже къ нему изъ Ѳессаліи и Этоліи приходили послы, изъявляя со стороны жившихъ тамъ племенъ готовность исполнить его приказанія въ случаѣ, если къ нимъ будутъ присланы войска для ихъ безопасности. А потому Цезарь отрядилъ въ Ѳессалію Л. Кассія Лонгина съ легіономъ новонабранцевъ, носившимъ названіе двадцать седьмаго, и съ 200 всадниковъ, а К. Калвизія Сабина съ пятью когортами и немногими всадниками въ Этолію; особенно жителей ближайшихъ странъ убѣждалъ Цезарь снабжать его войско хлѣбомъ. Кн. Домицію Кальвину съ двумя легіонами, одиннадцатымъ и двѣнадцатымъ, и съ пятью стами всадниковъ Цезарь велѣлъ идти въ Македонію; изъ части этой провинціи, называемой вольною, Менедемъ, старѣйшина тѣхъ мѣстъ, явился посломъ къ Цезарю, засвидѣтельствуя ему особенное расположеніе всѣхъ его подвластныхъ.

35. Кальвизій лишь только прибылъ, какъ жители Этоліи встрѣтили его съ особеннымъ усердіемъ; изгнавъ непріятельскіе гарнизоны изъ Калидона и Навпакта, онъ въ короткое время овладѣлъ всею Этоліею. Кассій прибылъ съ легіономъ въ Ѳессалію, гдѣ жители раздѣлены были на двѣ партіи: Гегезаретъ, человѣкъ старый и сильный своимъ могуществомъ, стоялъ во главѣ приверженцевъ Помпея, а Петрей, молодой человѣкъ знатной фамиліи, собравъ вокругъ себя единомышленниковъ, усердно и словами и дѣйствіями содѣйствовалъ успѣху Цезаря.

36. Въ тоже время Домицій прибылъ въ Македонію. Когда начали къ нему со всѣхъ сторонъ являться посольства отъ ея жителей, получено извѣстіе, что Сципіонъ приближается съ легіонами; оно возбудило общіе толки: обыкновенно слава всегда предшествуетъ всему новому. Не останавливаясь нигдѣ въ Македоніи, Сципіонъ шелъ прямо на Домиція, но, не доходя до него только двадцат миль, вдругъ обратился въ Ѳессалію на Кассія Лонгина. Все это онъ дѣлалъ такъ поспѣшно, что едва приходило извѣстіе о его приближеніи, и уже онъ самъ былъ тутъ. Чтобы поспѣшнѣе совершать походы, Сципіонъ оставилъ у рѣки Галіакмона, отдѣляющей Македонію отъ Ѳессаліи, М. Фавонія съ восемью когортами для прикрытія находившихся тамъ войсковыхъ тяжестей, приказавъ ему тамъ сдѣлать укрѣпленіе. Въ то же время конница царя Котиса явилась у лагеря Кассія, находившагося близь границъ Ѳессаліи. Пораженный ужасомъ, Кассій узналъ о приближеніи Сципіона; видя передъ собою конницу, онъ счелъ ее принадлежавшею къ его войску и, удаляясь въ горы, опоясывающія Ѳессалію, по нимъ двинулся къ Амбракіи. Сципіона въ его поспѣшномъ походѣ настигъ гонецъ отъ М. Фавонія съ письмомъ, гдѣ онъ извѣщаетъ Сципіона, что Домицій идетъ на него съ легіонами, и что вслѣдствіе этого ему, Фавонію, невозможно удержаться въ занимаемой имъ позиціи безъ помощи Сципіона. Получивъ это извѣстіе, Сципіонъ тотчасъ измѣнилъ и намѣреніе и направленіе пути: оставивъ погоню за Кассіемъ, онъ двинулся на помощь Фавонію. День и ночь проведя на походѣ, онъ прибылъ такъ кстати, что почти въ одно и то же время густая пыль означила приближеніе войска Домиціева и показались въ виду передовые ряды войскъ Сципіона. Такимъ образомъ Кассій спасенъ былъ искусною диверсіею Домиція, а Фавоній поспѣшностью движенія Сципіона.

37. Сципіонъ провелъ два дня въ лагерѣ у рѣки, отдѣлявшей его отъ Домиціева войска; на третій день, на разсвѣтѣ, онъ со всѣмъ войскомъ перешелъ рѣку въ бродъ, и на той сторонѣ расположился

лагеремъ, а на другой день рано утромъ устроилъ войска передъ лагеремъ въ боевомъ порядкѣ. Домицій съ своей стороны нисколько неусумнился вывести легіоны и предложить сраженіе. Такъ какъ между обоими лагерями было ровное мѣсто на шесть миль протяженія, то Домицій съ войскомъ подошелъ было къ самому лагерю Сципіона, но тотъ упорно не отходилъ отъ своихъ окоповъ. Съ трудомъ Домицій удержалъ своихъ воиновъ, чтобы они не начали боя, въ которомъ крутизна берега, на которомъ стоялъ Сципіонъ, была для нашихъ весьма неблагопріятнымъ обстоятельствомъ. Видя рвеніе нашихъ воиновъ къ битвѣ и опасаясь, что на другой день онъ вынужденъ будетъ или постыдно оставаться въ лагерѣ, или противъ воли принять сраженіе, Сципіонъ обманулъ общія, возбужденныя имъ, ожиданія и его самонадѣянный походъ кончился самымъ постыднымъ образомъ. Ночью, даже безъ звука воинскихъ инструментовъ, онъ перевелъ войско обратно за рѣку, возвратился на прежнее мѣсто и тамъ сталъ лагеремъ на возвышеніи. Нѣсколько дней спустя, ночью онъ велѣлъ скрыться въ засаду нѣсколькимъ коннымъ отрядамъ близь того мѣста, куда наши въ предшествовавшіе дни ходили фуражировать. Когда на то мѣсто, по ежедневному обыкновенію, прибылъ начальникъ конницы Домиція, К. Варъ, съ отрядомъ, то непріятель вдругъ ударилъ на нашихъ изъ засады. Наши твердо выдерживали его натискъ, немедленно построясь въ ряды и дружно сами ударили на враговъ: убивъ изъ около 80, остальныхъ обратили въ бѣгство, а сами, потерявъ только двоихъ, отступили въ свой лагерь.

38. Послѣ этого Домицій, надѣясь вызвать Сципіона на открытый бой, притворился, будто недостатокъ съѣстныхъ припасовъ заставляетъ его оставить лагерь; а потому, при звукѣ воинскихъ трубъ, онъ выступилъ изъ него, но, отошедъ мили три, скрылъ въ удобномъ мѣстѣ все свое пѣшее войско и конницу. Сципіонъ, готовясь за нимъ слѣдовать, послалъ впередъ, для узнанія направленія пути Домиція, всю конницу и большую часть легковооруженныхъ воиновъ. На пути своемъ передовые уже взошли въ мѣсто, гдѣ стояла засада; возъимѣвъ подозрѣніе, слыша ржаніе коней, они начали отступать; слѣдовавшіе за ними, видя поспѣшное отступленіе переднихъ, остановились. Тогда наши, видя, что ихъ намѣреніе открыто непріятелемъ, и что безполезно было бы дожидаться болѣе, ударили на два передовыхъ отряда непріятельскихъ (при одномъ находился начальникъ конницы, М. Опимій); остальныхъ всѣхъ воиновъ этихъ отрядовъ или умертвили или, захвативъ въ плѣнъ, привели къ Домицію.

39. Мы упомянули выше, что Цезарь взялъ съ собою войска, прикрывавшія морской берегъ; только въ Орикѣ, для защиты города, оставилъ онъ три когорты, поручивъ имъ охрану галеръ, приведенныхъ имъ изъ Италіи. Эта обязанность и начальство надъ Орикомъ ввѣрено легату Ацилію. Онъ ввелъ суда внутрь гавани за городъ, прикрѣпилъ ихъ къ берегу; у входа въ гавань онъ затопилъ транспортное судно, а сверху поставилъ на якоряхъ другое, устроивъ на немъ башню, у самаго входа въ пристань. Онъ наполнилъ ее воинами и имѣлъ на ней постоянную стражу на случай нечаяннаго нападенія со стороны непріятеля.

40. Узнавъ объ этомъ, Кн. Помпей сынъ съ египетскимъ флотомъ, находившимся подъ его начальствомъ, прибылъ къ Орику; затопленный корабль, зацѣпивъ его нѣсколькими канатами и при помощи буксира, онъ оттащилъ въ сторону, а на другой, поставленный Ациліемъ для обереженія входа въ гавань, многими судами произвелъ нападеніе. На обоихъ концахъ судовъ своихъ устроилъ онъ башни; смѣняя усталыхъ свѣжими воинами, которые имѣли ту выгоду, что сражались съ возвышеннаго мѣста, онъ одновременно и съ сухаго пути приступалъ къ стѣнамъ города, приставляя лѣстницы и старался развлечь силы непріятельскія. Наши принуждены были уступить усилію непріятелей и множеству брошенныхъ ими стрѣлъ; они на лодкахъ бѣжали въ городъ, оставивъ судно во власти непріятелей. Въ то же время непріятель овладѣлъ природнымъ моломъ по ту сторону города, образовавшимъ въ этомъ мѣстѣ родъ островка; перетащивъ черезъ него на каткахъ суда о 2-хъ рядахъ веселъ, непріятель спустилъ ихъ внутрь пристани; такимъ образомъ съ двухъ сторонъ напавъ на наши пустыя галеры, прикрѣпленныя къ землѣ, непріятель увелъ съ собою четыре изъ нихъ, а прочія сжегъ. Исполнивъ это, Помпей оставилъ передъ Орикомъ Д. Лелія, взятаго изъ азіатскаго флота, поручивъ ему не пропускать въ городъ хлѣбныхъ подвозовъ изъ Буллиды и Аманціи, а самъ отправился къ Лиссу и, тамъ, проникнувъ въ пристань, сжегъ тридцать транспортныхъ судовъ, оставленныхъ М. Антоніемъ. Пытался было овладѣть онъ Лиссомъ, но встрѣтивъ сильное сопротивленіе какъ со стороны живущихъ тамъ гражданъ римскихъ, такъ и воиновъ, оставленныхъ тамъ Цезаремъ для гарнизона, онъ безуспѣшно отступилъ съ небольшою потерею.

41. Цезарь, узнавъ, что Помпей находится у Аспарагія, двинулся туда съ войскомъ; на пути онъ взялъ городъ Парѳиновъ, въ коемъ Помпей имѣлъ гарнизонъ. На третій день Цезарь прибылъ въ Македонію къ Помпею и сталъ лагеремъ возлѣ его лагеря. На другой день

онъ вывелъ всѣ войска изъ лагеря и, поставивъ ихъ въ боевомъ порядкѣ, предложилъ сраженіе Помпею. Видя, что онъ не двигается съ своего мѣста, Цезарь отвелъ войско въ лагерь и рѣшился дѣйствовать иначе. Итакъ на другой день весьма поспѣшно со всѣми войсками онъ двинулся къ Диррахію въ обходъ по узкой и весьма затруднительной дорогѣ; этимъ движеніемъ онъ хотѣлъ или Помпея заключить въ Диррахіи, или отрѣзать его отъ этого города, заключавшаго въ себѣ всѣ военные запасы и снаряды. Ожиданія Цезаря оправдались. Помпей сначала не догадывался объ истинномъ намѣреніи Цезаря: видя, что онъ отправился совершенно по другому направленію, онъ предполагалъ, что недостатокъ съѣстныхъ припасовъ вынудилъ Цезаря къ этому движенію; но, получивъ извѣстіе отъ своихъ разъѣздовъ, на другой день Помпей снялъ лагерь, надѣясь прямымъ путемъ опередить Цезаря у Диррахія. Подозрѣвая это, Цезарь убѣждалъ воиновъ не щадить усилій и трудовъ и, употребивъ только весьма малую часть ночи на отдыхъ, онъ рано утромъ пришелъ уже къ Диррахію, тогда какъ едва только вдалекѣ видны были передніе ряды Помпеева войска. Цезарь у Диррахія сталъ лагеремъ.

42. Помпей, видя неуспѣхъ своихъ намѣреній и будучи отрѣзанъ отъ Диррахія, заблагоразсудилъ расположиться укрѣпленнымъ лагеремъ на возвышенномъ мѣстѣ, называемомъ *Петра*; къ нему имѣли доступъ суда небольшаго размѣра, находившія тутъ защиту отъ нѣкоторыхъ вѣтровъ. Помпей приказалъ явиться сюда части своего галернаго флота и свезть хлѣбные и всякіе запасы, находившіеся въ Азіи и другихъ, принадлежавшихъ ему, провинціяхъ. Цезарь, видя, что война обѣщаетъ быть продолжительною и отчаясь въ полученіи подвозовъ изъ Италіи вслѣдствіе неусыпной бдительности, съ какою начальники Помпеева флота охраняли ихъ берега (суда же Цезаря, въ теченіи зимы построенныя по его приказанію въ Сициліи, Галліи и Италіи медлили своимъ приходомъ), отправилъ въ Эпиръ К. Титія и легата Л. Канулея за провіантомъ. По отдаленности этихъ мѣстъ, Цезарь вынужденъ былъ выстроить житницы, а ближайшимъ жителямъ предписать выставить подводы для подвоза хлѣба; а равно онъ приказалъ собрать все количество хлѣба, какое могло найдтись въ Лиссѣ, въ Парѳинѣ и другихъ, лежавшихъ вблизи, укрѣпленныхъ городахъ, но оно было весьма скудно по свойству самой мѣстности: гористая почва здѣшнихъ мѣстъ такъ мало родитъ хлѣба, что для продовольствія жителей употребляется большею частью привозный. Притомъ Помпей, предвидя это, незадолго передъ тѣмъ опустошилъ въ конецъ область

Парѳиновъ; конница его, разграбивъ дома жителей, захватила съ собою весь хлѣбъ, какой тамъ былъ.

43. Узнавъ все это, Цезарь придумалъ планъ дѣйствія, сообража-ясь съ условіями мѣстности. Вокругъ лагеря Помпеева было много высокихъ и крутыхъ холмовъ; сначала онъ занялъ ихъ вооружен-ными отрядами, а потомъ сталъ возводить на нихъ укрѣпленія. За тѣмъ, гдѣ позволяла мѣстность, укрѣпленія соединялись окопами, и такимъ образомъ Цезарь хотѣлъ окружить Помпея сѣтью укрѣпленій. Цѣль его была: такъ какъ самъ онъ нуждался въ подвозѣ съѣст-ныхъ припасовъ, а у Помпея была очень многочисленная конница, то обезопасить себѣ фуражировку и подвозъ съѣстныхъ припасовъ, а для Помпея же затруднить фуражировку и сдѣлать конницу его безпо-лезною. Притомъ Цезарь имѣлъ въ виду подорвать тотъ вѣсъ, какимъ по видимому пользовался Помпей у иноземныхъ народовъ; что̀ неми-нуемо должно было случиться, какъ только распространилось бы вездѣ извѣстіе, что онъ находится въ облежаніи у Цезаря и не дерзаетъ вступить въ бой.

44. Помпей между тѣмъ не хотѣлъ отойдти отъ Диррахія и отъ морскаго берега: тамъ у него былъ запасъ всего нужнаго для веденія войны: оружія, стрѣлъ, военныхъ машинъ; притомъ подвозъ съѣст-ныхъ припасовъ для его войска совершался моремъ. Воспрепятство-вать производству укрѣпленій со стороны Цезаря, Помпей не могъ иначе, какъ вступивъ въ рѣшительный бой, чего онъ до времени не хотѣлъ. Итакъ ему оставалось только занять своими войсками какъ можно болѣе холмовъ, и отрядами захватить наибольшее простран-ство, чѣмъ онъ долженъ былъ растянуть войска Цезаря, какъ и слу-чилось. Устроивъ двадцать четыре укрѣпленія, Помпей охватилъ ими пространство на 15 миль въ окружности и такимъ образомъ приго-товилъ себѣ безопасное мѣсто для фуражировки; притомъ внутри этого мѣста было много посѣвовъ, которые могли служить для корма лошадей. Какъ наши вели безпрерывные окопы отъ одного укрѣпле-нія къ другому для того, чтобы воины Помпеевы не имѣли возмож-ности сдѣлать вылазку и напасть съ тылу на нашихъ; такъ Помпе-ево войско съ своей стороны вело непрерывныя внутреннія укрѣп-ленія, желая оградиться отъ нападенія нашихъ и предупредить съ ихъ стороны возможность нападенія съ тылу. Работы Помпеевыхъ воиновъ шли успѣшнѣе нашихъ и по ихъ многочисленности, и по-тому, что будучи внутри, они охватили собою меньшее пространство. Гдѣ предстояло Цезаревымъ воинамъ занять позицію, то Помпей, хотя не хотѣлъ противодѣйствовать всѣми силами и ввести ихъ въ

дѣло, однако съ своей стороны отряжалъ туда пращниковъ и стрѣлковъ, которыхъ имѣлъ большое число; они переранили много нашихъ и страхъ стрѣлъ непріятельскихъ былъ такъ великъ, что почти всѣ наши воины сдѣлали себѣ въ защиту отъ нихъ туники или верхнія одежды изъ валеной шерсти, изъ кожъ и шерстяной толстой ткани.

45. Занятіе позицій съ обѣихъ сторонъ стоило всегда большихъ усилій: Цезарь хотѣлъ стѣснить Помпея какъ можно на меньшее пространство, а Помпей старался какъ можно болѣе холмовъ занять вооруженными отрядами и распространить такимъ образомъ кругъ своихъ дѣйствій; эти усилія съ обѣихъ сторонъ служили поводомъ къ частнымъ схваткамъ. Разъ случилось, что когда девятый легіонъ Цезаря занялъ одну позицію и началъ ее укрѣплять, насупротивъ ее, вблизи лежавшій холмъ, Помпей занялъ своими войсками и сталъ препятствовать нашимъ въ производствѣ работъ. Такъ какъ съ одной стороны доступъ былъ незатруднителенъ, то Помпей сначала пустилъ въ дѣло стрѣлковъ и пращниковъ, потомъ большое количество легко вооруженныхъ воиновъ и, приказавъ подвести метательныя машины, препятствовалъ нашимъ въ производствѣ работъ; имъ не легко было въ одно и то же время и работать надъ укрѣпленіями и отражать непріятеля. Цезарь, видя, что его воины много теряютъ ранеными, приказалъ имъ оставить позицію и отступить. Отступленіе должно было совершаться по скату холма; тѣмъ упорнѣе наступали непріятели, отнимая у нихъ свободу движенія и приписывая ихъ отступленіе страху. Говорятъ, что въ то время хвалясь Помпей сказалъ: «соглашается онъ на будущее время имѣть репутацію самаго пустаго полководца, если онъ не вынудитъ Цезаря съ большимъ урономъ отступить оттуда, куда онъ зашелъ такъ самонадѣянно.

46. Цезарь, опасаясь за порядокъ отступленія своихъ, приказалъ вынести впередъ на вершину холма, передъ фронтъ непріятеля, плетни и укрѣпить ихъ тамъ; позади и подъ защитою ихъ проведенъ былъ не очень широкій ровъ и вообще употреблены были всѣ средства для замедленія напора непріятеля. Въ нужныхъ мѣстахъ Цезарь поставилъ пращниковъ прикрывать отступленіе нашихъ. Помпеевы воины тѣмъ смѣлѣе и упорнѣе стали тѣснить нашихъ; опрокинувъ плетни въ ровъ, они открыли себѣ черезъ него дорогу. Видя это, Цезарь, опасаясь, какъ бы добровольное отступленіе его воиновъ не было сочтено за вынужденное и не послужило бы такимъ образомъ поводомъ къ большему урону, приказалъ Антонію, начальствовавшему этимъ легіономъ, на половинѣ дороги ободрить воиновъ рѣчью и, давъ сигналъ военною трубою, ударить на непріятеля. Воины девя-

таго легіона, стѣснивъ ряды свои и пометавъ впередъ дротики, не смотря на то, что мѣсто шло въ гору, устремились бѣгомъ на возвышеніе, ударили сильно на Помпеевыхъ воиновъ и принудили ихъ обратить тылъ: въ бѣгствѣ имъ служили большимъ препятствіемъ наваленные плетни, длинные шесты и незасыпанный ровъ. Наши воины, ограничась тѣмъ, что обезопасили себѣ отступленіе и убили много непріятелей, сами, потерявъ только пять человѣкъ, совершили его совершенно спокойно и пробывъ не долго около этого мѣста, заняли другія возвышенія, и сдѣлали на нихъ укрѣпленія.

47. Такимъ образомъ, образъ веденія войны принялъ характеръ новый и небывалый: обширный объемъ укрѣпленій, ихъ громадные размѣры, число фортовъ, самый родъ осады, все вообще должно было останавливать на себѣ вниманіе. Обыкновенно облежаніе непріятельскаго войска возможно только тогда, когда оно проиграло сраженіе или вооще поражено какимъ-либо урономъ и притомъ со стороны превосходящаго числомъ войска, и пѣшаго и коннаго. Поводъ же къ осадѣ обыкновенно заключается въ томъ, чтобы непріятеля не допустить снабжаться хлѣбомъ. Тутъ напротивъ свѣжія и многочисленныя войска были въ облежаніи отъ гораздо меньшаго числомъ войска Цезарева. Притомъ осажденный изобиловалъ всѣмъ: ежедневно приходило отовсюду множество судовъ съ припасами разнаго рода. Съ какой бы стороны ни дулъ вѣтеръ, но онъ со всѣхъ сторонъ множество пригонялъ къ Помпею всякого рода судовъ съ запасами. Войско же Цезаря, стравивъ всѣ запасы, какіе только можно было достать на большое пространство вокругъ, находилось само въ крайней нуждѣ, которую впрочемъ воины переносили съ необыкновеннымъ терпѣніемъ. Они помнили, что вытерпѣли въ прошломъ году въ Испаніи и что цѣною этого терпѣнія они привели къ концу весьма важную войну. Они припоминали, что цѣною великихъ лишеній у Алезіи, и еще большихъ у Аварика, они побѣдили народы, славные храбростью. Безъ ропота питались они ячменемъ и овощами разнаго рода; мясо же скота, пригоняемаго въ большомъ количествѣ изъ Эпира, считали за роскошную пищу.

48. Немалое пособіе въ недостаткѣ хлѣба оказывалъ родъ съѣдобнаго корня растѣнія, называемаго *хара* *); онъ открытъ былъ тѣми, которые находились при Валеріи; изъ него на молокѣ дѣлали родъ хлѣба; корень этотъ былъ въ большомъ изобиліи. Сдѣланные изъ него

*) Хара—это родъ дикой капусты.

хлѣбы наши воины обыкновенно бросали воинамъ Помпея, когда тѣ при переговорахъ попрекали ихъ голодомъ, и тѣмъ уменьшали въ нихъ надежду на успѣхъ.

49. Хлѣбъ въ полѣ началъ уже поспѣвать и надежда на скорое его изобиліе въ будущемъ помогала въ настоящемъ переносить его недостатокъ. Воины Цезаря въ бесѣдахъ между собою неоднократно говорили: «что скорѣе станутъ питаться древесною корою, чѣмъ дозволятъ ускользнуть Помпею изъ своихъ рукъ». Съ удовольствіемъ слышали они отъ перебѣжчиковъ, что лошади ихъ едва дышатъ, а прочія вьючныя животныя погибли, что между воинами свирѣпствуютъ болѣзни вслѣдствіе тѣсноты мѣста, дурныхъ испареній отъ множества гніющихъ труповъ и отъ усиленныхъ ежедневныхъ трудовъ, къ которымъ они себя прежде не пріучили, а особенно отъ большаго недостатка въ хорошей водѣ. Цезарь всѣ рѣки и ручьи, которые въ этомъ мѣстѣ впадаютъ въ море, или отвелъ, или преградилъ ихъ теченіе плотинами, устройство которыхъ было незатруднительно, потому что весь здѣшній край изрѣзанъ глубокими лощинами, представлявшими пространные водоемы. Въ такой нуждѣ непріятель долженъ былъ отыскивать низменныя мѣста и рыть колодцы; работы эти требовали еще новыхъ трудовъ сверхъ обыкновенныхъ; вырытые колодцы отъ многихъ отрядовъ войскъ находились въ отдаленіи, и притомъ отъ жаровъ скоро пересыхали. Здоровье же войска Цезарева находилось въ прекрасномъ положеніи; оно имѣло избытокъ въ водѣ; притомъ не было недостатка и въ съѣстныхъ припасахъ всякаго рода, за исключеніемъ одного хлѣба; поспѣвавшая съ каждымъ днемъ жатва обѣщала въ скоромъ времени водворить у насъ обиліе и въ этомъ отношеніи.

50. Новый образъ веденія войны вызвалъ и съ той, и съ другой стороны новыя военныя дѣйствія. Непріятель, по раскладеннымъ ночью огнямъ видѣлъ мѣста, гдѣ наши когорты собирались для ночной стражи. Подкравшись къ нимъ потихоньку всею массою, они осыпали нашихъ градомъ стрѣлъ и потомъ поспѣшно удалялись. Наученные примѣромъ, наши помогли этому горю тѣмъ, что въ одномъ мѣстѣ раскладывали огни, а въ другомъ проводили ночь . . . .

51. Между тѣмъ П. Сулла, которому Цезарь ввѣрилъ на время своего отсутствія начальство надъ лагеремъ, получивъ извѣстіе о случившемся, поспѣшилъ съ двумя легіонами на помощь когортѣ; съ его прибытіемъ Помпеевы воины безъ труда были отражены. Они не могли выдержать самаго приближенія и натиска нашихъ; когда первые ряды были сбиты, остальные обратились въ бѣгство, оставивъ свою пози-

цію; впрочемъ Сулла остановилъ дальнѣйшее преслѣдованіе нашихъ, и отозвалъ ихъ. Большинство полагало, что въ этотъ день могла бы окончиться война, еслибы наши упорствовали въ преслѣдованіи. Но нельзя осуждать и дѣйствій Суллы; иныя обязанности легата (намѣстника), иныя — главнаго вождя: одинъ долженъ во всемъ строго исполнять данныя ему приказанія, другой же дѣйствуетъ совершенно по своему благоусмотрѣнію, соображаясь только съ требованіемъ обстоятельствъ. Сулла, будучи оставленъ Цезаремъ въ лагерѣ, былъ доволенъ тѣмъ, что освободилъ своихъ и не хотѣлъ прибѣгать къ рѣшительному сраженію (которое могло представить неожиданныя случайности), и брать на себя то, что по праву принадлежало одному главному полководцу. Отступленіе для Помпеевыхъ воиновъ было сопряжено съ большими затрудненіями: зашедъ съ низменной мѣстности на возвышеніе, они должны были отступить внизъ по скату, преслѣдуемые нашими сверху; притомъ уже немного времени оставалось до захожденія солнца: надѣясь окончить дѣло, они дотянули его почти до ночи. Соображаясь съ указаніями необходимости и времени дня, Помпей занялъ холмъ, находившійся отъ нашего укрѣпленія внѣ полета стрѣлы, какъ изъ лука, такъ и изъ машины пущенной. Онъ остановился на этомъ холмѣ, укрѣпилъ его и расположилъ на немъ всѣ свои войска.

52. Въ то же время происходило сраженіе еще въ двухъ мѣстахъ: Помпей съ цѣлью раздѣлить наши силы, произвелъ одновременное нападеніе на большое число нашихъ укрѣпленій, для того, чтобы не могли находившіеся въ нихъ воины подать другъ другу помощь. Въ одномъ мѣстѣ Волкацій Туллъ съ тремя когортами выдержалъ нападеніе легіона и даже заставилъ его отступить; въ другомъ мѣстѣ Германцы, вышедъ изъ нашихъ укрѣпленій, убили много непріятелей и возвратились къ своимъ, не потерпѣвъ никакого вреда.

53. Такимъ образомъ въ одинъ день произошло шесть сраженій: три подъ Диррахіемъ, и три у укрѣпленій. Послѣдствія ихъ были слѣдующія: въ Помпеевомъ войскѣ, по достовѣрнымъ свѣдѣніямъ, пало двѣ тысячи человѣкъ и много сотниковъ и ветерановъ; въ числѣ ихъ былъ Л. Валерій Флаккъ, сынъ того, который въ должности претора правилъ Азіею; найдено нашими шесть непріятельскихъ военныхъ значковъ. Потеря наша во всѣхъ сраженіяхъ простиралась не болѣе двадцати человѣкъ: но въ укрѣпленіи не оставалось ни одного воина, который не получилъ бы раны; въ одной когортѣ и у четырехъ сотниковъ были выбиты глаза. Въ доказательство перенесенныхъ ими трудовъ и опасностей, воины, бывшіе въ укрѣпленіи, насчитали, что

въ него пущено около тридцати тысячъ непріятельскихъ стрѣлъ; къ Цезарю принесли щитъ сотника Сцевы, пробитый во 120 мѣстахъ. Цезарь въ благодарность ему, за услуги ему и отечеству, далъ тысячу двѣсти сестерцій и перевелъ изъ восьмаго ряда въ первый, такъ какъ не подвержено было сомнѣнію, что онъ своими трудами и мужествомъ не мало содѣйствовалъ къ защитѣ укрѣпленія. Когортѣ же Цезарь приказалъ выдать двойное жалованье, двойное количество хлѣба и платья, и притомъ каждому воину порознь щедрое военное награжденіе.

54. Помпей провелъ всю ночь, устроивая укрѣпленія и усиливая ихъ; въ теченіи слѣдующихъ дней онъ воздвигъ башни и сдѣлавъ укрѣпленія въ пятнадцать футовъ вышины, прикрылъ эту часть лагеря крытыми ходами. Черезъ пять дней, пользуясь пасмурною ночью, онъ приказалъ завалить всѣ лагерныя ворота и, всячески затруднивъ къ нимъ доступъ, въ началѣ третьей стражи ночи вывелъ войско въ тишинѣ, и удалился въ прежнія укрѣпленія.

55. Покоривъ своей власти Этолію, Акарнанію, Амфилоховъ черезъ Кассія Лонгина и Калвизія Сабина, какъ о томъ было упомянуто выше, Цезарь предпринялъ покушеніе на Ахаію и рѣшился нѣсколько распространить кругъ своихъ дѣйствій. Съ этою цѣлью онъ отправилъ туда Фуфія Калена, присоединивъ къ нему К. Сабина и Кассія съ когортами. Узнавъ объ ихъ приближеніи, Рутилій Лупъ, начальствовавшій надъ Ахаіею по порученію Помпея, вознамѣрился укрѣпить перешеекъ, чтобы преградить дорогу въ Ахаію Фуфію. Каленъ овладѣлъ Дельфами, Ѳивами, Орхоменомъ съ согласія жителей этихъ городовъ, а прочіе покорилъ силою; по остальнымъ городамъ онъ разослалъ посольства, склоняя ихъ на сторону Цезаря; таковъ былъ планъ дѣйствій Фуфія.

56. Во всѣ послѣдующіе дни Цезарь постоянно выводилъ войско въ боевомъ порядкѣ на ровное мѣсто почти къ самому Помпееву лагерю, предлагая ему сраженіе; первые ряды войска Цезарева были отъ окоповъ Помпеева лагеря на такомъ разстояніи, чтобы стрѣлы, пущенныя изъ лука, или изъ машинъ, не могли достать до нихъ. Помпей съ своей стороны, не желая утратить славу свою и вліяніе, которымъ пользовался, передъ лагеремъ выстраивалъ свои войска такъ, что третій рядъ ихъ стоялъ подъ самыми окопами; все же войско было подъ прикрытіемъ стрѣлъ, бросаемыхъ съ лагернаго валу.

57. Пока это происходило въ Ахаіи и у Диррахія, получено вѣрное извѣстіе о прибытіи Сципіона въ Македонію. Цезарь, не забывая своего прежняго плана дѣйствій, отправилъ къ нему Клодія, хороша-

го ихъ общаго знакомаго, котораго сначала Сципіонъ поручилъ въ доброе расположеніе Цезаря, и съ тѣхъ поръ Цезарь всегда осыпалъ его знаками своего вниманія. Онъ далъ Клодію письмо, и изустное порученіе слѣдующаго содержанія: «Истощилъ онъ, Цезарь, всѣ средства къ примиренію; если доселѣ они всѣ остались безуспѣшными, то причиною тому онъ полагалъ вину тѣхъ, которыхъ онъ избиралъ орудіями этого дѣла; вѣроятно они при неблагопріятныхъ обстоятельствахъ, не сочли за нужное его порученія передать Помпею. Онъ же Сципіонъ пользуется такимъ вѣсомъ, что не только можетъ свободно высказывать то, что чувствуетъ, но и можетъ заставить принять свое мнѣніе и уничтожить заблужденіе Помпея. Онъ самъ отъ себя начальствуетъ надъ войскомъ и потому, кромѣ вліянія, имѣетъ и достаточно силъ, чтобы внушить уваженіе къ своему мнѣнію. Поступивъ такимъ образомъ, онъ сдѣлаетъ то, что всѣ ему будутъ обязаны спокойствіемъ Италіи, мирнымъ благоденствіемъ провинцій и спасеніемъ отечества». Такого рода порученіе передалъ отъ Цезаря Сципіону Клодій. Сначала Сципіонъ, какъ казалось, слушалъ его внимательно; но потомъ отказался отъ переговоровъ съ нимъ, получивъ выговоръ отъ Фавонія, какъ объ этомъ узнали по окончаніи войны. Такимъ образомъ Клодій, не успѣвъ въ своемъ посольствѣ, возвратился къ Цезарю.

58. Цезарь, съ цѣлью стѣснить у Диррахія Помпееву конницу и воспрепятствовать ей въ фуражировкѣ, оба прохода, которые какъ мы выше упомянули, были очень узки, укрѣпилъ сильно и подѣлалъ подлѣ нихъ форты. Помпей, видя, что конница ему совершенно безполезна, нѣсколько дней спустя, на судахъ перевезъ ее обратно внутрь укрѣпленій. Въ кормѣ для лошадей былъ такой недостатокъ, что ихъ вынуждены были кормить листьями съ деревьевъ и толчеными кореньями молодаго тростника; посѣвы хлѣба, бывшіе внутри укрѣпленій, были давно уже стравлены и нужно было, не смотря на дальность разстоянія, привозить фуражъ изъ Корциры и Акарнаніи на корабляхъ; по небольшому количеству фуража, примѣшивали къ нему рожь и небольшими порціями кормили лошадей. Когда же не только истощился весь фуражъ и вся рожь, сколько ея было въ этихъ мѣстахъ и вся трава была подкошена, но даже листья на деревьяхъ всѣ уже были употреблены въ дѣло, и лошади гибли отъ недостатка корма, то Помпей видѣлъ необходимость попытаться сдѣлать вылазку.

59. У Цезаря въ числѣ всадниковъ были два брата Аллоброги Росциллъ и Эгъ, сыновья Абдуцилла, въ теченіи многихъ лѣтъ пользо-

вавшагося старѣйшинствомъ въ своемъ племени. Они славились своею храбростью и оказали ею не мало услугъ Цезарю въ теченіи всѣхъ Галльскихъ войнъ. За то онъ поручилъ имъ въ ихъ отечествѣ важнѣйшія должности, позаботился чтобы ихъ выбрали въ сенаторы не въ очередь, далъ имъ земли изъ отнятыхъ у непріятелей и большое денежное награжденіе, вообще изъ бѣдныхъ людей сдѣлалъ ихъ богатыми. За храбрость свою они пользовались не только уваженіемъ Цезаря, но и любовью всего войска. Обнадеженные расположеніемъ Цезаря и предавшись безразсудной и свойственной невѣжественнымъ людямъ самонадѣянности, они обнаруживали пренебреженіе къ своимъ соотечественникамъ, неисправно выдавали жалованье находившимся подъ ихъ начальствомъ всадникамъ и присвоивали всю добычу въ свою личную собственность. Негодуя на это, Галльскіе всадники всѣ толпою пришли къ Цезарю и открыто жаловались на притѣсненія; между прочимъ они сказали ему, что и самое число всадниковъ показано не вѣрно, чтобы брать для нихъ жалованье.

60. Цезарь заблагоразсудилъ не давать хода этому дѣлу, или находя это несообразнымъ съ обстоятельствами, или прощая изъ уваженія къ ихъ доблести. Онъ ограничился тѣмъ, что, призвавъ ихъ къ себѣ тайно, сдѣлалъ выговоръ за то, что они притѣсняютъ всадниковъ и внушалъ имъ, чтобы они ждали всего только отъ его дружескаго расположенія и памяти ихъ прежнихъ заслугъ. Тѣмъ не менѣе это обстоятельство не мало уронило ихъ значеніе, которымъ они пользовались; не рѣдко слышали они упреки, а главное имѣлъ на нихъ вліяніе судъ ихъ соотечественниковъ и ихъ собственной нечистой совѣсти. Подъ вліяніемъ стыда и можетъ быть наказанія, считая себя несовершенно оправданными, но людьми, судъ надъ кототорыми оставленъ до болѣе благопріятныхъ обстоятельствъ, какъ бы то ни было, а они рѣшились измѣнить намъ, искать себѣ счастія въ новыхъ друзьяхъ и союзникахъ. Они сообщили о своемъ преступномъ замыслѣ немногимъ своимъ кліентамъ, и сначала хотѣли было умертвить начальника нашей конницы, К. Волузена (какъ объ этомъ узнали по окончаніи войны), чтобы хоть этою заслугою имѣть право на благодарность Помпея. Увидя же трудность исполненія этого послѣдняго замысла, они назанимали какъ можно болѣе денегъ, подъ предлогомъ будто бы удовлетворять своихъ соотечественниковъ за прежнія притѣсненія, скупили множество лошадей и перешли къ Помпею съ участниками своего замысла.

61. Помпей, принимая въ соображеніе знатность происхожденія бѣглецовъ, пышность ихъ обстановки, многочисленность сопровождавшей

ихъ свиты на коняхъ, славу ихъ храбрости и уваженіе, какимъ они пользовались у Цезаря, а главное неожиданность и новость такого событія, провелъ ихъ по всему лагерю и показалъ всему своему войску. Дотолѣ ни одинъ воинъ Цезаревой арміи, ни пѣшій, ни конный, не переходилъ къ Помпею; между тѣмъ какъ изъ Помпеева войска къ Цезарю бѣглецы переходили почти ежедневно, а особенно въ большомъ числѣ переходили къ намъ недавно набранные Помпеемъ воины въ Епирѣ, Этоліи и другихъ мѣстахъ, въ настоящее время находившихся во власти Цезаря. Бѣглецамъ извѣстно было положеніе всѣхъ дѣлъ, что въ нашихъ укрѣпленіяхъ не было довершено, или что̀ представляло недостатки въ глазахъ людей, опытныхъ въ военномъ искусствѣ, что когда и какъ сдѣлалось, гдѣ были расположены наши отряды, съ какою бдительностію охранялся какой постъ, каковы были свойства и усердіе начальствовавшихъ лицъ—обо всемъ этомъ подробныя свѣдѣнія они сообщили Помпею.

62. Помпей, разузнавъ такимъ образомъ все и рѣшившись, какъ выше было упомянуто, сдѣлать вылазку, приказалъ своимъ воинамъ сдѣлать на шлемы покрышки изъ хвороста и заготовить множество фашинъ. Когда все было готово, онъ приказалъ садиться на легкія суда и лодки многочисленному отряду легко-вооруженныхъ и стрѣлковъ, и нагрузить туда же заготовленныя фашины. Съ полуночи онъ, взявъ съ собою шестьдесятъ когортъ изъ большаго лагеря, двинулся съ ними къ той части укрѣпленій, которая доходила до моря и находилась въ самомъ большемъ разстояніи отъ главнаго Цезарева лагеря. Туда же велѣлъ Помпей идти какъ судамъ нагруженнымъ, какъ мы выше упомянули, фашинами и легко вооруженными воинами, такъ и всѣмъ его галерамъ, сколько ихъ было у Диррахія, давъ имъ наставленіе, какъ дѣйствовать. Эту часть укрѣпленій, по приказанію Цезаря, оберегалъ девятый легіонъ подъ начальствомъ Лентулла Марцеллина; по случаю слабости его здоровья, ему данъ былъ на помощь Фульвій Постумъ.

63. Въ этомъ мѣстѣ былъ ровъ въ 15 футовъ ширины и валъ къ сторонѣ непріятеля вышиной въ десять футовъ; насыпь этого вала имѣла столько же въ ширину. Въ промежуткѣ 600 футовъ былъ насыпанъ другой валъ, обращенный въ противоположную сторону, нѣсколько пониже перваго. Цезарь опасался за это мѣсто, какъ бы непріятель на судахъ не обошелъ бы насъ съ этой стороны, и потому-то велѣлъ провесть двойной рядъ укрѣпленій, чтобы быть въ возможности сдѣлать отпоръ съ двухъ сторонъ. Громадный размѣръ укрѣпленій, обнимавшихъ собою 18 миль въ окружности, былъ

причиною, что они, несмотря на усиленный ежедневный трудъ нашихъ воиновъ, не были приведены къ концу; такимъ образомъ поперечный валъ къ сторонѣ моря, долженствовавшій соединить оба вала, о которыхъ сказано выше, не былъ еще довершенъ. Это обстоятельство извѣстно было Помпею изъ показаній Аллоброгскихъ бѣглецовъ, и имѣло для насъ весьма вредныя послѣдствія. Когорты девятаго легіона ночью на караулѣ были расположены на берегу моря; какъ вдругъ на разсвѣтѣ они неожиданно увидали передъ собою большую часть Помпеева войска. Воины Помпея, высаженные изъ судовъ въ тылу нашихъ укрѣпленій, стрѣляли въ валъ, бывшій съ этой стороны и заваливали рвы фашинами. Воины девятаго легіона защищали внутренній валъ, приставивъ лѣстницы, и пускали въ непріятеля множество стрѣлъ и разныхъ метательныхъ снарядовъ, которыхъ тутъ съ обѣихъ сторонъ было выпущено большое количество. Противъ метанія камней, главнаго съ нашей стороны средства обороны, воины непріятельскіе были защищены тростниковыми покрышками на шлемахъ. Такимъ образомъ наши сильно тѣснимы были съ обѣихъ сторонъ; когда же непріятель замѣтилъ недостатокъ нашихъ укрѣпленій, то въ промежутокъ между двухъ валовъ высадилъ своихъ воиновъ; дѣйствуя въ тылъ нашимъ, онъ безъ труда сбилъ ихъ съ укрѣпленій и заставилъ обратиться въ бѣгство.

64. Получивъ извѣстіе о замѣшательствѣ нашихъ войскъ, Марцеллинъ прислалъ имъ на помощь когорты; но они еще изъ лагеря видѣли бѣглецовъ и не только не могли поддержать ихъ, но и сами не выдержали натиска непріятеля. Такимъ образомъ при распространившемся страхѣ и смятеніи, самая помощь обращалась во вредъ и только еще болѣе портила дѣло: увеличивая число бѣглецовъ, дѣлала отступленіе болѣе затруднительнымъ. Въ этомъ сраженіи воинъ, носившій орла, изнемогая отъ раны и чувствуя совершенное истощеніе силъ, увидалъ нашихъ всадниковъ и закричалъ имъ: «Вотъ орелъ, возьмите его; пока живъ былъ, въ теченіи многихъ лѣтъ защищалъ его я со всѣмъ моимъ усердіемъ. Теперь умоляю васъ, не допустите случиться въ войскѣ Цезаря небывалому доселѣ посрамленію воинской чести; относите Цезарю этого орла въ цѣлости». Такимъ случаемъ орелъ былъ спасенъ; въ первой когортѣ всѣ сотники были убиты, кромѣ сотника перваго ряда.

65. Уже Помпеевы воины, избивая нашихъ, приближались къ лагерю Марцеллина и ужасъ распространился и на прочія когорты. Тогда М. Антоній, занимавшій сосѣднія укрѣпленія, получивъ объ этомъ извѣстіе, двинулся впередъ съ двѣнадцатью когортами и непріятелю

видно было, какъ онъ спускался съ возвышенія. Приближеніе его пріостановило напоръ Помпеевыхъ воиновъ, ободрило нашихъ и дало имъ возможность оправиться отъ чувства сильнаго страха. Да и вскорѣ самъ Цезарь, видя сигналъ дымомъ по укрѣпленіямъ, установленный еще прежде, взявъ нѣсколько когортъ изъ разныхъ укрѣпленій, прибылъ въ тоже мѣсто. Тутъ онъ узналъ весь объемъ своего урона; онъ увидѣлъ, что Помпей вырвался изъ сѣти возведенныхъ около него укрѣпленій, что теперь ему свободно фуражировать, и что, имѣя лагерь на берегу моря, онъ можетъ свободно получать подвозы съ моря. Испытавъ неудачу прежняго плана, Цезарь рѣшился дѣйствовать иначе, и началъ располагаться укрѣпленнымъ лагеремъ подлѣ Помпеева лагеря.

66. Укрѣпленія лагеря были приведены къ концу, когда лазутчики Цезаря замѣтили, что нѣсколько когортъ и вѣроятно цѣлый легіонъ находился за лѣсомъ и идетъ къ старому лагерю; а мѣстоположеніе этого лагеря было слѣдующее. Въ прежніе дни, когда девятый легіонъ Цезаря выдерживалъ борьбу съ силами Помпея, онъ окружилъ мѣсто, имъ занимаемое, укрѣпленіями, какъ мы говорили выше, и сдѣлалъ тутъ правильный лагерь. Онъ примыкалъ къ лѣсу, а отъ моря былъ въ разстояніи не болѣе шести сотъ шаговъ. Въ послѣдствіи, по нѣкоторымъ своимъ соображеніямъ, Цезарь перенесъ лагерь на другое мѣсто немного подалѣе отъ прежняго; вскорѣ послѣ того Помпей занялъ его, и какъ онъ содержалъ тутъ нѣсколько легіоновъ, то, находя прежній валъ тѣснымъ, онъ приказалъ, не трогая его, сдѣлать окопы гораздо обширнѣе. Такимъ образомъ маленькій лагерь, находясь внутри большаго, походилъ на крѣпость или цидатель. Отъ лѣваго угла лагеря, по приказанію Помпея окопы были проведены къ рѣкѣ на четыреста шаговъ разстоянія для того, чтобы воины могли въ безопасности снабжать себя водою. По нѣкоторымъ причинамъ, о которыхъ не стоитъ говорить, и Помпей вывелъ войско изъ этого лагеря; много времени этотъ лагерь оставался пустымъ, хотя укрѣпленія его оставались въ совершенной цѣлости.

67. Замѣтя въ этомъ лагерѣ знакъ легіона, лазутчики дали знать Цезарю; показаніе ихъ подтверждено было извѣстіями изъ нѣкоторыхъ нашихъ укрѣпленій, расположенныхъ на возвышенномъ мѣстѣ. Мѣсто это находилось въ разстояніи отъ новаго лагеря Помпеева шагахъ въ пяти стахъ. Цезарь возъимѣлъ надежду подавить этотъ легіонъ, и такимъ образомъ загладить уронъ, понесенный въ этотъ день; съ этою цѣлью онъ оставилъ въ лагерѣ двѣ когорты, которыя дѣлали видъ, будто трудились надъ приведеніемъ укрѣпленій къ концу,

а самъ другой дорогою, соблюдая по возможности величайшій секретъ, съ прочими когортами, въ числѣ 33 (тутъ былъ и девятый легіонъ, понесшій большой недочетъ въ воинахъ и потерявшій много сотниковъ), двинулся къ маленькому лагерю, гдѣ находился легіонъ Помпея, расположивъ свои войска въ двѣ линіи. Сначала все соотвѣтствовало ожиданіямъ Цезаря: и прибылъ онъ прежде, чѣмъ Помпей узналъ о его движеніи, и несмотря на силу укрѣпленій, Цезарь съ лѣваго флангу, гдѣ самъ находился, быстрымъ натискомъ сбилъ Помпеевыхъ воиновъ съ валу. Ворота были заставлены желѣзною рѣшеткою; въ этомъ мѣстѣ произошло нѣсколько упорное сраженіе: натискъ нашихъ пытались остановить непріятели и особенно храбро защищалъ этотъ постъ Т. Пульціонъ, который, какъ мы выше упомянули, своею измѣною предалъ войско К. Антонія. Впрочемъ наши воины взяли верхъ своею храбростью; вырубивъ рѣшетку, они сначала ворвались въ большой лагерь, а потомъ въ цитадель, находившуюся внутри его: при отступленіи туда легіона, тѣснимаго нашими, онъ понесъ значительный уронъ убитыми.

68. Счастіе всесильное какъ вообще во всѣхъ дѣлахъ человѣческихъ, такъ на войнѣ преимущественно, совершенно принимаетъ другой оборотъ, въ самое непродолжительное время; такъ случалось и на этотъ разъ. Мы упомянули выше, что окопы непріятельскіе шли отъ лагеря къ рѣкѣ; на правомъ флангѣ Цезаревы когорты, по незнанію мѣстности, вошли было въ нихъ, отыскивая лагерныхъ воротъ, и воображая, что это все лагерныя укрѣпленія. Замѣтивъ же, что они идутъ къ рѣкѣ, наши, безпрепятственно разрушивъ въ этомъ мѣстѣ укрѣпленія, открыли себѣ такимъ образомъ дорогу, прошли, а за ними послѣдовала и вся наша конница.

69. Между тѣмъ Помпей, уже по прошествіи значительнаго промежутка времени, послалъ на помощь своимъ пятый легіонъ, отозвавъ его отъ работъ. Въ одно и то же время наши войска, занимавшія лагерь, увидали приближеніе стройныхъ рядовъ непріятельскихъ, и его конница стала подходить къ нашей. Тутъ то послѣдовала общая перемѣна. Легіонъ Помпея, вытѣсненный было изъ лагеря, обнадеженный скорою помощью, возобновилъ самъ борьбу отъ заднихъ воротъ лагеря и сталъ тѣснить нашихъ. Конница Цезаря, которой предстоялъ весьма узкій путь черезъ укрѣпленія, опасаясь за свою безопасность, первая смѣшалась и обнаружила признаки бѣгства. Правое крыло нашихъ войскъ, видя себя отрѣзаннымъ отъ лѣваго и замѣшательство конницы и опасаясь быть окруженнымъ въ укрѣпленіяхъ, устремилось къ выходу тѣмъ мѣстомъ, которымъ

сначала проникло въ лагерь; но, по тѣснотѣ выхода, многіе воины бросались прямо черезъ ровъ, имѣвшій десять футовъ глубины; первые погибли; но по ихъ трупамъ прочіе искали спасенія въ бѣгствѣ. На лѣвомъ крылѣ наши воины, видя съ валу, что приближается Помпей и, замѣчая бѣгство своихъ, опасались быть окруженными въ тѣсномъ мѣстѣ (непріятель имъ угрожалъ и спереди и съ тылу), а потому стали отступать тѣмъ же мѣстомъ, какимъ пришли. Общее смятеніе, страхъ, разстройство войска были неописанныя. Тщетно самъ Цезарь приказывалъ остановиться бѣгущимъ, и собственною рукою удерживалъ ихъ за значки: одни соскакивали съ лошадей, чтобы удобнѣе бѣжать, а другіе бросали значки и все-таки бѣжали; никто не помышлялъ о сопротивленіи.

70. Бѣдствіе нашего войска было такъ велико, что его постигла бы совершенная гибель, еслибы не излишняя осторожность Помпея, медленно приближавшагося къ укрѣпленіямъ лагеря; онъ опасался засады и, какъ я полагаю, невѣрилъ можно сказать своимъ глазамъ, видѣвъ незадолго передъ тѣмъ изъ лагерей бѣгство своего войска. Конница его немогла свободно преслѣдовать нашихъ по тѣснотѣ воротъ, занятыхъ притомъ же воинами Цезаря. Такимъ образомъ незначительныя повидимому обстоятельства имѣли огромное вліяніе на исходъ событій. Окопы, проведенные отъ лагеря къ рѣкѣ, были причиною, что легкая и полная побѣда Цезаря, занявшаго приступомъ лагерь Помпея, обратилась въ пораженіе, но то же самое обстоятельство, замедливъ преслѣдованіе со стороны непріятеля, спасло наше войско отъ совершенной гибели.

71. Въ двухъ сраженіяхъ, бывшихъ въ этотъ день, Цезарь потерялъ 960 человѣкъ воиновъ и въ томъ числѣ именитыхъ всадниковъ римскихъ: Фельгината Тутикана Галла, сенаторскаго сына, К. Фелгината, родомъ изъ Плаценціи, А. Гранія изъ Путеолъ, М. Сакративира изъ Капуи; 32 трибуна военныхъ и сотника. Большая часть ихъ впрочемъ погибла не отъ меча непріятельскаго, но была задавлена въ тѣснотѣ и замѣшательствѣ своими же во рвахъ, укрѣпленіяхъ и на берегу рѣки; тридцать два военныхъ значка осталось на полѣ битвы. За это сраженіе воины Помпея провозгласили его императоромъ; онъ принялъ это наименованіе, и дозволялъ себя такъ величать, но ни въ письмахъ своихъ, ни на пукахъ ликторскихъ не употреблялъ изображенія лавровой вѣтви. Лабіенъ выпросилъ у Помпея нашихъ плѣнныхъ въ свое распоряженіе, и когда они были приведены къ нему, то онъ, вѣроятно желая показать свое усердіе къ Помпею и возбудить къ себѣ еще болѣе довѣрія съ его стороны, назвавъ ихъ въ

посмѣяніе товарищами, спросилъ съ большою на словахъ бранью: «неужели заслуженные воины умѣютъ бѣжать съ поля битвы?» и потомъ велѣлъ ихъ въ виду всѣхъ умертвить.

72. Событіе это до того обрадовало Помпеево войско и придало ему духу, что оно казалось ему рѣшительною побѣдою. Не принимало оно въ соображеніе малочисленности нашего войска, неблагопріятныя по тѣснотѣ условія мѣстности, присутствіе непріятеля и въ самомъ лагерѣ, который имъ занятъ былъ сначала, и извнѣ его напоръ (а это обстоятельство и распространило смятеніе въ нашихъ рядахъ), и раздробленіе нашего войска на двѣ части, изъ коихъ ни одна не могла подать помощи другой. Не разсудили непріятели того, что одолѣли они не въ открытомъ бою и что наши пострадали гораздо болѣе отъ тѣсноты и собственнаго замѣшательства, чѣмъ отъ ихъ оружія. Забыли они и то, какое несчастное вліяніе на оборотъ военныхъ событій имѣютъ повидимому самыя ничтожныя обстоятельства, пустой страхъ, возникшій отъ неосновательнаго предположенія и внезапный упадокъ духа въ воинахъ отъ пустаго суевѣрія; какъ иногда самая малая ошибка вождя и промахъ трибуна бываютъ причиною гибели цѣлаго войска. Но Помпеевы воины приписывали это событіе исключительно своей доблести и, не опасаясь перемѣны счастія, прославили его повсюду и изустно и въ письмахъ къ своимъ, какъ рѣшительную побѣду.

73. Цезарь, видя неудачу своихъ прежнихъ соображеній, предпринялъ дѣйствовать на будущее время совершенно иначе. Онъ оставилъ мысль блокировать Помпея, собралъ всѣ свои отдѣльные отряды въ одно мѣсто и, сосредоточивъ такимъ образомъ свои силы, счелъ нужнымъ передъ войскомъ сказать рѣчь, увѣщевая его: «не слишкомъ тревожиться случившимся и не имѣть большаго опасенія на будущее время; если они понесли уронъ въ одномъ сраженіи и то незначительномъ, то сколько они могутъ ему противуставить одержанныхъ ими побѣдъ! Они должны благодарить судьбу за то, что безъ пролитія крови овладѣли Италіею, покорили обѣ Испаніи, гдѣ имѣли дѣло съ храбрѣйшими войсками подъ начальствомъ опытнѣйшихъ вождей, подчинили себѣ обильныя хлѣбомъ сосѣднія провинціи. Пусть они не забудутъ, какъ счастливо переплыли они сюда безъ всякаго вреда посреди непріятельскихъ флотовъ, наполнявшихъ не только пристани, но все прибрежье. Если не все дѣлается по нашему желанію и счастіе иногда измѣняетъ, то этому должно помочь умомъ и присутствіемъ духа. Понесенное недавно пораженіе надобно именно приписать обстоятельствамъ, а не его или ихъ винѣ. Сраженіе началось при благопрі-

ятныхъ условіяхъ, они овладѣли непріятельскимъ лагеремъ, разбили и прогнали непріятелей. Но чему бы ни приписать пораженіе ихъ—собственному-ли недостатку присутствія духа, ошибкѣ ли какой съ ихъ стороны, враждебной ли судьбѣ, хотѣвшей исхитить изъ нашихъ рукъ уже вѣрную побѣду—во всякомъ случаѣ надобно всѣмъ стараться, чтобы общими усиліями доблестно загладить понесенный ущербъ. Дѣйствуя такъ, они минутнымъ пораженіемъ приготовятъ себѣ вѣрную побѣду и случится то же, что у Герговіи, что непріятель, уклонявшійся отъ рѣшительнаго боя, самъ его неосторожно предложитъ.

74. Сказавъ эту рѣчь къ воинамъ, Цезарь заклеймилъ позоромъ нѣсколькихъ значконосцевъ и лишилъ ихъ занимаемыхъ ими мѣстъ. Вслѣдствіе пораженія въ войскѣ Цезаря господствовало чувство горести и такое усердіе поскорѣе загладить посрамленіе, что никто не дожидался приказаній трибуна или сотника, а каждый воинъ самъ себя наказывалъ усиленною работою. Всѣ воины пылали желаніемъ сразиться и нѣкоторые изъ старшихъ военныхъ сановниковъ, тронутые рѣчью Цезаря, просили его оставаться на этомъ мѣстѣ и дать сраженіе. Но Цезарь не рѣшился ввѣрить судьбу его воинамъ своимъ, еще не совсѣмъ оправившимся отъ страха и вознамѣрился, оставивъ свои укрѣпленія, дать имъ время совершенно опомниться и прійдти въ себя. Притомъ же его тревожило опасеніе относительно снабженія войска провіантомъ. А потому немедленно, принявъ мѣры, которыхъ требовала заботливость о больныхъ и раненыхъ, онъ въ слѣдующую же ночь приказалъ всему обозу въ совершенной тишинѣ выступить изъ лагеря къ Аполлоніи, не отдыхая нигдѣ на дорогѣ; для охраненія обоза отправленъ съ нимъ одинъ легіонъ.

75. Распорядясь такимъ образомъ, Цезарь удержалъ при себѣ въ лагерѣ два легіона, а прочимъ велѣлъ выступить въ походъ нѣсколькими воротами для поспѣшности по тому же направленію. Нѣсколько времени спустя, Цезарь, желая соблюсти и военный обычай и дать знать непріятелю о своемъ выступленіи, какъ можно позднѣе велѣлъ заиграть въ трубы; выступивъ немедленно изъ лагеря и догнавъ задніе ряды своихъ войскъ, онъ поспѣшно скрылся изъ виду. Помпей, узнавъ о намѣреніи Цезаря, немедленно пустился его преслѣдовать; онъ надѣялся напасть на войска Цезаря, не совсѣмъ оправившіяся отъ страха, на дорогѣ; потому тотчасъ вывелъ войско изъ лагеря, а конницу послалъ впередъ безпокоить задніе ряды наши; но онъ не могъ нагнать войска Цезаря: идя налегкѣ безъ тяжестей, они успѣли опередить его далеко. Когда же они прибыли къ рѣкѣ Генузу, которой крутые берега затрудняли переправу, тогда конница непріятельская

нагнала наши задніе ряды и тревожила ихъ. Цезарь послалъ противъ непріятеля своихъ всадниковъ, придавъ имъ четыреста отборныхъ пѣшихъ воиновъ на легкѣ; въ происшедшемъ сраженіи непріятельская конница была разбита и понесла значительную потерю убитыми, а наши возвратились къ главной арміи въ цѣлости.

76. Сдѣлавъ въ этотъ день столько дороги, сколько слѣдовало по его соображеніямъ, Цезарь, по переходѣ войска черезъ рѣку Генузъ, остановился въ своемъ бывшемъ лагерѣ у Аспарагія; онъ вовсе не велѣлъ своимъ воинамъ выходить за лагерные окопы, а конницѣ, которая была выслана для фуражировки, немедленно приказалъ возвратиться въ лагерь задними воротами. Точно также и Помпей, удовольствовавшись на этотъ день пройденнымъ пространствомъ, остановился въ бывшемъ своемъ лагерѣ у Аспарагія. Такъ какъ укрѣпленія его оставались въ совершенной цѣлости, то воины Помпея, не занятые работою при лагерѣ, одни разошлись за дровами и фуражомъ и притомъ иные на дальнее разстояніе, а другіе, принужденные вслѣдствіе поспѣшности выступленія оставить большую часть своихъ вещей, отправлялись за ними по случаю близости другаго лагеря и, оставивъ оружіе въ палаткахъ, выходили изъ укрѣпленій. Видя, что непріятель не въ состояніи немедленно возобновить преслѣдованіе, Цезарь, предвидя послѣдствія этого, почти въ полдень далъ сигналъ къ выступленію, вывелъ войско изъ лагеря и сдѣлавъ въ этотъ день двойной переходъ, отошелъ 8 миль отъ своей стоянки; а Помпей не могъ его преслѣдовать, такъ какъ воины его не были въ сборѣ.

77. На другой день Цезарь также послалъ впередъ ночью обозъ, а самъ выступилъ въ четвертую стражу ночи; на этотъ разъ онъ, на случай необходимости принять сраженіе на пути, хотѣлъ имѣть войско постоянно готовымъ и не затрудненнымъ тяжестями. Также дѣйствовалъ онъ и въ слѣдующіе дни и достигъ того, что, несмотря на глубину рѣкъ и затруднительность дорогъ, онъ нигдѣ не понесъ никакого урону. Помпей въ первый же день преслѣдованія вынужденный замедлить свое движеніе, и въ слѣдующіе тщетно истощалъ усилія нагнать Цезаря длинными переходами; наконецъ, на четвертый день, отказался отъ этого намѣренія и рѣшился избрать другой планъ дѣйствій.

78. Цезарю необходимо было остановиться въ Аполлоніи для того, чтобы оставить тамъ больныхъ, раздать войску жалованье, ободрить союзниковъ и разставить по городамъ гарнизоны. Всѣ этѣ дѣла окончилъ онъ, какъ можно поспѣшнѣе. Онъ опасался сильно за Домиція, какъ бы Помпей незахватилъ его войско въ расплохъ, а потому съ

величайшимъ старанiемъ спѣшилъ къ нему на помощь. Весь планъ дѣйствiй Цезаря объяснился тѣмъ, чтобы въ случаѣ, если Помпей дѣйствительно идетъ на Домицiя, отвлечь его отъ моря и силъ, которыя у него собраны въ Диррахiи, отрѣзать отъ подвозовъ къ нему моремъ хлѣбныхъ и разнаго рода запасовъ, и заставить принять бой при равныхъ съ обѣихъ сторонъ условiяхъ. Въ случаѣ же, еслибы Помпей вознамѣрился перейдти въ Италiю, Цезарь, соединясь съ Домицiемъ поспѣшилъ бы ей на помощь черезъ Иллирикъ. Если же Помпей обратилъ бы свои силы на Аполлонiю и Орикъ и вздумалъ бы завоевать у Цезаря морской берегъ, то рано или поздно вынужденъ былъ бы подать руку помощи осажденному Цезаремъ Сципiону. Вслѣдствiе этого Цезарь отправилъ впередъ гонцовъ къ Домицiю съ письмомъ, извѣщая его о томъ, какъ намѣренъ поступить. Онъ оставилъ въ Аполлонiи въ гарнизонѣ четыре когорты, въ Лиссѣ одну и три въ Орикѣ; тутъ же оставилъ онъ больныхъ и раненыхъ, и черезъ Эпиръ и Акарнанiю двинулся въ походъ. Помпей, догадываясь о намѣренiяхъ Цезаря, рѣшился идти какъ можно поспѣшнѣе на соединенiе съ войскомъ Сципiона: въ случаѣ, если Цезарь туда же идетъ, онъ подалъ бы Сципiону помощь. Если же бы Цезарь не хотѣлъ отойдти отъ морскаго берега и окрестностей Орика, поджидая изъ Италiи легiоны и конницу, то Помпей хотѣлъ всѣми силами напасть на войско Домицiя.

79. Вслѣдствiе этихъ причинъ поспѣшность была главнымъ условiемъ дѣйствiй Помпея и Цезаря, и тотъ и другой хотѣлъ воспользовать случаемъ, чтобы своимъ подать руку помощи и подавить непрiятельскiя силы, не давъ имъ соединиться. Необходимость зайдти въ Аполлонiю замедлила движенiе Цезаря; Помпей же прямымъ путемъ черезъ Кандавiю двинулся въ Македонiю. Притомъ для насъ случилось еще неожиданное неблагопрiятное обстоятельство. Домицiй, долгое время простоявъ въ лагерѣ возлѣ лагеря Сципiона, вынужденный недостаткомъ съѣстныхъ припасовъ, долженъ былъ оставить его и идти въ Гераклею, лежащую возлѣ Кандавiи; счастiе, казалось, само отдавало его въ руки Помпея, пославъ къ нему на встрѣчу; Цезарю это обстоятельство было покуда неизвѣстно. Притомъ же Помпей разослалъ по всѣмъ провинцiямъ и городамъ письма о сраженiи у Диррахiя; съ свойственнымъ ему тщеславiемъ, онъ выставилъ это дѣло гораздо важнѣе, чѣмъ оно было; по преувеличенiю молвы, разбитый на голову Цезарь, утративъ большую часть войска, искалъ спасенiя въ бѣгствѣ. Это затруднило путь нашимъ войскамъ, поколебавъ вѣрность племенъ, по землямъ которыхъ онъ шелъ; такимъ образомъ множество гонцовъ, отправленныхъ и отъ Домицiя къ Цезарю, и отъ Цезаря къ

Домицію, не могли достигнуть цѣли своего назначенія. Случилось впрочемъ, что Аллоброги, изъ числа приближенныхъ Росциллу и Эгу, которые, какъ выше было упомянуто, перешли на сторону Помпея, встрѣтясь на дорогѣ съ разъѣздами Домиція, или по старому знакомству (они вмѣстѣ участвовали въ Галльскихъ войнахъ), или желая похвалиться своими успѣхами, разсказали все какъ было о движеніи Цезаря и о приближеніи Помпея. Получивъ отъ нихъ извѣстіе, Домицій, едва на четырехъ часовое разстояніе пути опередилъ Помпея и бывъ обязанъ непріятелю своимъ спасеніемъ, у Егинія, на границѣ Ѳессаліи, встрѣтился съ шедшимъ къ нему на встрѣчу Цезаремъ.

80. Соединивъ свое войско съ Домиціевымъ, Цезарь прибылъ въ Гомфы, первый городъ Ѳессаліи по дорогѣ изъ Эпира. Жители этого города, нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, посылали къ Цезарю пословъ, предлагая ему содѣйствовать всѣми силами и прося отъ него воиновъ для гарнизона. Но уже туда пришла молва весьма преувеличенная — о ней мы упоминали выше—о сраженіи подъ Диррахіемъ. Вслѣдствіе этого Андросѳенъ, преторъ Ѳессаліи, предпочелъ лучше вмѣстѣ съ Помпеемъ раздѣлить плоды его побѣды, чѣмъ оказать пособіе Цезарю въ несчастіи, а потому онъ собралъ съ полей въ городъ большое количество какъ рабовъ, такъ и свободныхъ, заперъ ворота и послалъ гонцовъ къ Сципіону и Помпею, призывая ихъ на помощь; онъ имъ наказывалъ, что надѣется на укрѣпленія города въ случаѣ, если ему скоро подадутъ руку помощи: продолжительную же осаду онъ не въ состояніи выдержать. Сципіонъ, узнавъ объ удаленіи войскъ отъ Диррахія, привелъ легіоны въ Лариссу. Помпей же еще и не приблизился къ Ѳессаліи. Цезарь, укрѣпивъ свой лагерь, велѣлъ войску готовить лѣстницы, стѣнобитныя орудія и все, что̀ нужно для взятія города приступомъ, а равно заготовить большое количество фашинъ. Когда все это было готово, то онъ сказалъ рѣчь своимъ воинамъ, убѣждая ихъ: не щадить усилій, чтобы взять городъ богатый и обильно всѣмъ снабженный, а это было бы какъ нельзя болѣе кстати; притомъ же примѣръ одного города послужитъ урокомъ для прочихъ городовъ той же области; городъ надобно взять какъ можно поспѣшнѣе прежде чѣмъ пойдутъ къ нему на выручку». Воины показали необыкновенное рвеніе, и Цезарь въ тотъ же самый день, когда подошелъ къ городу, послѣ девятаго часа произвелъ приступъ къ городу, окруженному весьма высокими стѣнами, а прежде захода солнца овладѣлъ имъ и отдалъ его на разграбленіе своимъ воинамъ. Потомъ немедленно онъ снялъ лагерь и пришелъ къ Метрополю, такъ что опередилъ вѣсти и слухи о взятіи города.

81. Жители Метрополиса, увлеченные тѣми же слухами, сначала послѣдовали было примѣру жителей Гомфъ, заперли ворота и вооруженные стали на стѣнахъ; но потомъ, узнавъ объ участи Гомфъ отъ плѣнниковъ, которые по приказанію Цезаря, были выведены къ стѣнамъ, они отворили ворота. Цезарь обошелся съ ними чрезвычайно милостиво и города Ѳессаліи, сравнивая участь Метрополиса съ участью Гомфъ, всѣ, за исключеніемъ Лариссы, занятой многочисленнымъ войскомъ Сципіона, изъявили покорность Цезарю и готовность исполнять его приказанія. Цезарь, найдя мѣстность, гдѣ хлѣбъ уже почти совершенно поспѣлъ, рѣшился здѣсь поджидать прихода Помпеева и перенесть сюда главный театръ военныхъ дѣйствій.

82. Немного дней спустя Помпей прибылъ въ Ѳессалію. Передъ собраніемъ всего войска онъ благодарилъ воиновъ за усердіе. Обратясь къ воинамъ Сципіоновой арміи, Помпей сказалъ· «хотя побѣда уже рѣшена, но плоды ея и награды вы раздѣлите». Оба войска соединены въ одномъ лагерѣ; Помпей раздѣлилъ съ Сципіономъ признаки власти, приказалъ и передъ нимъ играть въ трубы и разбить для него другую палатку. Усиленіе войскъ Помпеевыхъ, соединеніе двухъ многочисленныхъ армій—все это поддерживало уже вкоренившееся мнѣніе о побѣдѣ; она казалась столь вѣрною, что каждая прошедшая минута повидимому только замедляла время возвращенія въ Италію. Обвиняли даже Помпея въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ дѣйствовалъ медленно и разсудительно: «дѣло, которое можно рѣшить въ одинъ часъ, онъ тянетъ, утѣшаясь какъ дитя призракомъ власти; ему весело имѣть рабскими исполнителями своей воли бывшихъ преторовъ и консуловъ». Приверженцы его уже спорили другъ съ другомъ о наградахъ и должностяхъ, разобрали консульства впередъ за нѣсколько лѣтъ; другіе просили себѣ дома и имущества лицъ, находившихся въ лагерѣ у Цезаря. Даже въ совѣтѣ произошелъ большой споръ о томъ, нужно ли на предстоящихъ выборахъ претора обращать вниманіе на Л. Гирра, посланнаго Помпеемъ къ Парѳамъ. Родственники Гирра просили заступничества Помпеева, указывая на то, что порученіе имъ данное можетъ лишить Гирра слѣдующей ему чести, и такимъ образомъ вмѣсто знака довѣрія быть для него наказаніемъ; прочіе же оспоривали права Гирра и говорили, что несправедливо было бы его одного предпочесть всѣмъ, тогда какъ всѣ одинаково дѣлили труды и опасности.

83. О первосвященнической должности Цезаря ежедневно почти спорили Домицій. Сципіонъ и Лентуллъ Спинтеръ и въ ежедневныхъ состязаніяхъ громко не щадили ругательствъ другъ для друга. Лентуллъ предъявлялъ

на эту должность права лѣтъ своихъ, Домицій ссылался на расположеніе къ нему жителей Рима и всеобщее будто бы къ нему уваженіе, а Сципіонъ разсчитывалъ на свои родственныя связи съ Помпеемъ. Аттій Руфъ обвинялъ передъ Помпеемъ Л. Афранія въ томъ, что онъ въ Испанскую войну измѣннически предалъ свое войско Цезарю. Л. Домицій на совѣтѣ сказалъ, что по окончаніи войны тѣмъ лицамъ сенаторскаго сословія, которыя за одно съ ними дѣйствуютъ, нужно будетъ вручить тройныя таблички для произнесенія приговора надъ тѣми, которые или остались въ Римѣ, или хотя и находились въ городахъ, принадлежащихъ Помпею, но не оказывали ему надлежащаго содѣйствія въ войнѣ. На одной табличкѣ должны были записываться имена тѣхъ, которые признаны будутъ совершенно невинными, на другой тѣхъ, которые будутъ присуждены къ смертной казни, а на третьей, которые будутъ оштрафованы деньгами Однимъ словомъ, каждый помышлялъ объ удовлетвореніи или своего честолюбія, или корыстолюбія, или личной непріязни; всѣ думали не о томъ, какъ бы пріобрѣсть побѣду, но о томъ, какія изъ нея извлечь для себя выгоды.

84. Не имѣя недостатка въ продовольствіи для войска, ободривъ его духъ, изгладивъ впечатлѣніе пораженія у Диррахія значительнымъ промежуткомъ времени и удостовѣрясь въ воодушевленіи своихъ воиновъ, Цезарь заблагоразсудилъ испытать, до какой степени Помпей расположенъ къ рѣшительной битвѣ. А потому Цезарь сталъ выводить войска изъ лагеря и располагать ихъ сначала подлѣ своего лагеря и нѣсколько далѣе отъ лагерей Помпея, а съ теченіемъ времени началъ удаляться отъ своихъ лагерей и придвигать свои войска къ возвышеніямъ, на которыхъ былъ расположенъ лагерь Помпея, и тѣмъ со дня на день все болѣе и болѣе вселять духъ въ своихъ воинахъ. Относительно конницы Цезарь оставался вѣренъ давнишнему своему правилу, о которомъ мы говорили выше; имѣя конницу числомъ несравненно менѣе непріятельской, онъ обыкновенно посылалъ вмѣстѣ съ нею сражаться молодыхъ отборныхъ воиновъ изъ передовыхъ рядовъ, отличавшихся быстротою и ловкостью,—отъ ежедневнаго навыка они хорошо изучили этотъ родъ сраженія. Такимъ образомъ Цезарь достигъ того, что даже въ ровномъ и открытомъ мѣстѣ, гдѣ нужно было, его тысяча всадниковъ выдерживала напоръ семи тысячъ Помпеевыхъ всадниковъ и не робѣла отъ многочисленности непріятелей. Въ теченіи этого времени одно конное сраженіе кончилось въ нашу пользу, и въ немъ между прочими погибъ

Аллоброгъ Эгъ, одинъ изъ двухъ, о которыхъ мы упомянули выше, что они перебѣжали къ Помпею.

85. Помпей, лагерь котораго находился на возвышенiи, расположилъ войско въ боевомъ порядкѣ у подошвы его; онъ все ждалъ, не начнетъ ли сраженiя Цезарь при неблагопрiятныхъ для него условiяхъ мѣстности. Цезарь, полагая, что Помпей твердо рѣшился избѣгать боя, счелъ за лучшее безпрестанно мѣнять лагери и быть въ постоянномъ движенiи. Дѣйствуя такимъ образомъ, онъ всегда увѣренъ былъ въ изобилiи продовольствiя, надѣялся когда-нибудь подстеречь случай, какъ бы вынудить Помпея къ сраженiю, и постоянными ежедневными переходами изнурить, не привыкшее къ трудамъ, Помпеево войско. Все уже было приготовлено сообразно этому намѣренiю, сигналъ выступленiя данъ, палатки сняты, какъ вдругъ наши увидали, что Помпеево войско стало въ боевомъ порядкѣ не у лагеря, но далѣе отъ него, такъ что условiя мѣстности перестали быть неблагопрiятны для Цезарева войска на случай сраженiя. Тогда Цезарь, обратясь къ воинамъ, приготовившимся уже выходить изъ лагерныхъ воротъ: «отложимъ—сказалъ—на этотъ разъ выступленiе и обратимъ все наше вниманiе къ предстоящему сраженiю, котораго давно уже ждемъ мы съ нетерпѣнiемъ, и случай къ которому въ другой разъ мы не скоро найдемъ». Немедленно затѣмъ Цезарь вывелъ войска налегкѣ изъ лагеря, готовыя къ бою.

86. Помпей также рѣшился дать сраженiе, уступая убѣжденiямъ своихъ приверженцевъ, какъ объ этомъ узнали мы въ послѣдствiи. Да и прежде на совѣтѣ онъ сказалъ: «войско Цезаря будетъ разбито прежде, чѣмъ дѣло дойдетъ до рукопашнаго боя». Видя, что многiе дивились его словамъ: «знаю, сказалъ онъ, что я обѣщаю то, что почти невѣроятно, но я вамъ объясню мой планъ дѣйствiя для того, что чтобы вы смѣлѣе были въ предстоящемъ бою. Я полагаюсь главное на нашу конницу (а она ручается мнѣ за исполненiе): когда войска сойдутся, она обойдетъ съ открытаго фланга лѣвое крыло Цезаревой армiи и станетъ дѣйствовать ему въ тылъ; такимъ образомъ войско Цезаря будетъ приведено въ разстройство и въ бѣгство прежде, чѣмъ съ нашей стороны будетъ пущена хотя одна стрѣла. Такимъ образомъ бой рѣшится, не трогая легiоновъ и почти безъ кровопролитiя. А это не будетъ затруднительно, когда мы такъ сильны конницею». Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ прибавилъ: «чтобы они были готовы на будущее время и въ предстоящемъ сраженiи, котораго они давно дожидались, чтобы не обманули общихъ ожиданiй, возбужденныхъ во всѣхъ ихъ знанiемъ воинскаго дѣла и храбростью».

87. За тѣмъ Лабіенъ сталъ говорить. Превознося похвалами планъ Помпея, онъ съ презрѣніемъ отзывался о войскахъ Цезаря: «Ты не думай, сказалъ онъ Помпею, что передъ тобою то самое войско, которое покорило Галлію и Германію. Самъ я былъ во всѣхъ сраженіяхъ, и что̀ я здѣсь говорю, то твердо знаю по опыту. Изъ старыхъ воиновъ осталось весьма немного: большая часть ихъ погибла, что̀ необходимо должно было случиться въ войнѣ почти безпрерывной; прочіе частью померли осенью въ Италіи отъ моровой язвы частью разошлись по домамъ или остались на материкѣ. Развѣ вы не слыхали, что въ Брундизіи цѣлыя когорты составлены изъ тѣхъ, которые тамъ оставались по причинѣ болѣзни? Войска же, которыя теперь передъ нами, составлены изъ наборовъ, произведенныхъ въ эти года въ ближайшей Галліи и отчасти въ поселеніяхъ нашихъ по ту сторону По; да и изъ нихъ храбрѣйшіе погибли въ двухъ битвахъ подъ Диррахіемъ». Сказавъ это, Лабіенъ поклялся: «иначе какъ побѣдителемъ не возвращаться въ лагерь» и убѣждалъ прочихъ послѣдовать его примѣру. Одобряя слова Лабіена, Помпей далъ ту же клятву, да и изъ прочихъ не нашлось никого, кто бы усомнился дать ее. Вотъ что происходило на совѣтѣ и всѣ разошлись съ надеждою на успѣхъ и радостью; въ душѣ они уже считали побѣду вѣрною, полагаясь на слова опытнаго полководца и думая, что̀ онъ въ столь важномъ дѣлѣ не сталъ бы ихъ тратить по пустому.

88. Приближаясь къ лагерю Помпея, Цезарь увидѣлъ войско его расположеннымъ въ такомъ порядкѣ. На лѣвомъ крылѣ стояли два легіона, переданные Помпею Цезаремъ вслѣдствіе сенатскаго опредѣленія въ началѣ ихъ взаимныхъ несогласій; одинъ изъ этихъ легіоновъ носилъ названіе перваго, а другой третьяго; тутъ находился самъ Помпей. Въ серединѣ стоялъ Сципіонъ съ сирійскими легіонами. Легіонъ Киликійскій, вмѣстѣ съ когортами Испанскими, приведенными Афраніемъ, составлялъ собою правое крыло; эти войска Помпей считалъ самыми надежными; прочія войска онъ помѣстилъ въ промежуткахъ центра и обоихъ крылъ; всего же въ строю бытo сто десять когортъ, а числомъ 45 тысячъ человѣкъ. Кромѣ того двѣ тысячи ветерановъ, добровольно по призыву принявшихъ службу изъ числа уже награжденныхъ за прежнія компаніи, были разсѣяны по всему фронту войска. Семь остальныхъ когортъ поставлены были для охраненія лагеря и прилежащихъ укрѣпленій. Правое крыло Помпеевой арміи упиралось въ ручей съ крутыми и затруднительными къ переходу берегами и вслѣдствіе этого вся конница, всѣ стрѣлки и пращники прикрывали собою лѣвое крыло.

89. Цезарь, оставаясь вѣрнымъ прежнему рѣшенію, на правомъ флангѣ поставилъ десятый легіонъ, а на лѣвомъ девятый, бывшій весьма не въ комплектѣ, вслѣдствіе потерь подъ Диррахіемъ; потому Цезарь прибавилъ къ нему восьмой и почти составилъ изъ двухъ легіоновъ одинъ, приказавъ имъ поддерживать другъ друга. Всего въ строю у Цезаря находилось 80 когортъ, а числомъ 22 тысячи человѣкъ: двѣ когорты оставлены были гарнизономъ въ лагерѣ. Начальство надъ лѣвымъ крыломъ Цезарь ввѣрилъ Антонію, надъ правымъ П. Суллѣ, надъ центромъ К. Домицію, а самъ сталъ противъ Помпея. Предъугадавъ планъ дѣйствій его изъ порядка расположенія войскъ, Цезарь, опасаясь какъ бы многочисленная непріятельская конница не обошла въ тылъ его правой флангъ, немедленно изъ третьей линіи взялъ нѣсколько когортъ, составилъ изъ нихъ четвертую съ цѣлью противуставить ее конницѣ, и далъ ей наставленіе, какъ слѣдовало ей дѣйствовать въ сраженіи; онъ внушилъ имъ, что отъ мужества этихъ когортъ зависитъ успѣхъ сраженія. Затѣмъ третьей линіи и всему войску онъ повелѣлъ никакъ не вступать въ дѣло безъ его приказанія; когда же придетъ время, то онъ самъ подастъ знакъ флагомъ.

90. Сказавъ по военному обычаю рѣчь къ воинамъ передъ битвою, гдѣ онъ выставилъ имъ на видъ неусыпное всегдашнее его о нихъ попеченіе, Цезарь напомнилъ имъ: «что сами они могутъ засвидѣтельствовать, какъ усердно всегда желалъ онъ мира; къ нему клонились переговоры Ватинія и посольство А. Клодія къ Сципіону; у Орика— съ Либономъ онъ просилъ дозволенія отправить пословъ къ Помпею. Искреннимъ его желаніемъ было щадить кровь воиновъ и сберечь для отечества оба враждебныя войска». Окончивъ рѣчь, Цезарь, видя усердіе воиновъ, требовавшихъ битвы, далъ трубою знакъ къ сраженію.

91. Въ войскѣ Цезаря находился одинъ волонтеръ, по имени Крастинъ; въ кампанію прошедшаго года онъ командовалъ первымъ строемъ десятаго легіона; храбрость его была чрезвычайная. Когда знакъ къ сраженію былъ данъ, то онъ, обратясь къ воинамъ, сказалъ: «послѣдуйте за мною, бывшіе мои сослуживцы; оправдайте вашими усиліями ожиданія, какія возлагаетъ на васъ вождь. Еще одно и послѣднее сраженіе; по довершеніи его и онъ достигнетъ чести, ему слѣдующей по праву, и вы навсегда обезпечите себѣ вольность». А посмотрѣвъ на Цезаря, онъ произнесъ: «Императоръ, сегодня я такъ буду дѣйствовать, что ты останешься мнѣ благодаренъ, останусь ли я живъ или буду убитъ». Сказавъ это, онъ первый бросился изъ рядовъ нашего праваго крыла

и за нимъ послѣдовали 120 отборныхъ воиновъ волонтеровъ той же сотни.

92. Между обоими войсками оставалось именно столько пространства, сколько нужно для аттаки. Помпей приказалъ своему войску не двигаться съ мѣста и дожидаться нападенія Цезарева войска, которое естественно должно было разстроиться при аттакѣ. Говорятъ, что въ этомъ случаѣ Помпей послѣдовалъ совѣту К. Тріарія; онъ имѣлъ цѣлью, дѣйствуя такимъ образомъ, надломить первые напоры и усилія непріятельскаго войска, и потомъ стройными и правильными рядами ударить на непріятеля, въ нападеніи разстроившаго ряды и пришедшаго въ безпорядокъ. Притомъ Помпей полагалъ, что дротики непріятелей менѣе сдѣлаютъ вреда стоящему на мѣстѣ войску, чѣмъ идущему къ нимъ на встрѣчу, а что воины Цезаря при усиленной аттакѣ истратятъ всѣ силы и изнемогутъ отъ усталости. Въ этомъ случаѣ мнѣніе Помпея едва ли было основательно; цѣль сраженія возбудить и развить враждебное во всякомъ человѣкѣ воодушевленіе и чувство храбрости. Каждый полководецъ долженъ поддерживать это воодушевленіе, а не подавлять его. Съ этою цѣлью, чтобы сильнѣе дѣйствовать на воображеніе воиновъ, издревле заведено передъ сраженіемъ играть во всѣ трубы и поднимать общіе клики всему войску: это придумано, чтобы устрашить непріятеля и воодушевить своихъ.

93. По данному сигналу, наши, поднявъ дротики, бросились впередъ, но видя, что Помпеевы воины не двигаются съ мѣста, они, наученные опытомъ прежнихъ сраженій, остановились по собственному побужденію почти на половинѣ предстоявшаго имъ пути и отдохнули немного; собравшись съ силами, они пустили дротики и, сообразно данному Цезаремъ наставленію, схватились за мечи. Воины Помпея также не забыли своихъ обязанностей: хладнокровно приняли они пущенные въ нихъ дротики, выдержали натискъ легіоновъ и сомкнутыми правильными рядами, пустивъ съ своей стороны дротики, вступили въ рукопашный бой. Въ то же время конница Помпея, стоявшая на лѣвомъ флангѣ, сообразно данному ей приказанію, стала двигаться впередъ, разсыпавъ передъ собою большое количество стрѣлковъ. Конница наша, уступая напору непріятеля, стала отступать, а непріятельская тѣмъ сильнѣе преслѣдовать ее и, развернувшись повзводно, стала обходить нашу армію съ открытаго фланга. Цезарь примѣтивъ это, повелѣлъ вступить въ дѣло нарочно на этотъ предметъ, сформированной изъ шести когортъ, четвертой линіи. Быстро устремилась она впередъ и натискъ ея на конницу непріятельскую былъ такъ силенъ, что она, не выдержавъ его, не только была

сбита съ позиціи, но въ безпорядочномъ бѣгствѣ искала спасенія прямо на весьма высокія горы. Съ удаленіемъ конницы стрѣлки и пращники оставшись беззащитными, безоружные сдѣлались легкою жертвою нашихъ и были всѣ избиты. Четвертая же линія, не останавливаясь, стала обходить лѣвое крыло Помпеева войска, на всемъ пространствѣ фронта уже вступавшаго въ дѣло, и дѣйствовать ему въ тылъ.

94. Тогда Цезарь приказалъ выступить впередъ третій линіи, еще не бывшей въ дѣлѣ и спокойно стоявшей на своемъ мѣстѣ. Видя наступленіе свѣжихъ силъ непріятеля и его же войска въ тылу у себя, Помпеевы воины не выдержали и всѣ обратились въ бѣгство. Мнѣніе Цезаря, высказанное имъ передъ битвою воинамъ, что отъ когортъ, въ четвертой линіи противупоставленныхъ непріятельской конницѣ, зависитъ весь успѣхъ сраженія, вполнѣ оправдалось: они поразили непріятельскую конницу, избили стрѣлковъ и пращниковъ; обошли съ лѣваго фланга Помпеево войско и вынудили его бѣжать. Помпей, видя пораженіе конницы и замѣчая, что ужасъ сталъ вкрадываться въ ту часть войска, на которую онъ возлагалъ особенную надежду, отчаялся въ успѣхѣ и, оставивъ армію, немедленно на конѣ удалился въ лагерь. Обратясь къ сотникамъ, стоявшимъ на караулѣ передъ преторіанскими воротами, Помпей имъ сказалъ громко такъ, чтобы воины слышали: «Защищайте лагерь, отстаивайте эти ворота сколько можно, если насъ постигнетъ несчастіе; а я объѣду прочія лагерныя ворота и приму мѣры къ ихъ оборонѣ!» Сказавъ это, Помпей удалился въ преторій, предчувствуя уже пораженіе и дожидаясь результата боя.

95. Цезарь, видя, что воины Помпеевы съ поля битвы въ безпорядкѣ удалились въ свои окопы и, не желая имъ дать время оправиться отъ ужаса, сказалъ рѣчь своимъ воинамъ, убѣждая ихъ воспользоваться покровительствомъ счастія и взять приступомъ непріятельскій лагерь. Воины, несмотря на то, что страдали отъ зноя—дѣло было уже къ полудню—готовые на всѣ труды, повиновались волѣ Цезаря. Храбро защищали лагерь когорты, находившіяся въ гарнизонѣ и особенно вспомогательныя войска Ѳракійцевъ и другихъ варварскихъ народовъ. Что же касается до воиновъ, убѣжавшихъ съ поля сраженія, то они были внѣ себя отъ ужаса и усталости; бо́льшая часть ихъ потеряли оружіе свое и военные значки и всѣ они думали болѣе о бѣгствѣ, чѣмъ о защитѣ лагеря. Но и войска, стоявшія на валахъ, не могли долго тамъ держаться вслѣдствіе множества пущенныхъ нами стрѣлъ; израненные, они вынуждены были уступить и всѣ подъ начальствомъ своихъ сотниковъ и трибу-

новъ искали спасенія на весьма высокихъ горахъ, подходившихъ къ лагерю.

96. Мы нашли въ лагерѣ Помпея множество накрытыхъ столовъ, большое количество серебряной посуды; палатки были тщательно покрыты свѣжимъ дерномъ, а Лентула и нѣкоторыхъ другихъ увиты даже плющемъ; вообще все обнаруживало неумѣренную роскошь и увѣренность въ побѣдѣ. Такъ что легко было понять, что тѣ, которые приготовляли себѣ необходимыя наслажденія, не имѣли ни малѣйшаго сомнѣнія относительно исхода этого дня. А между тѣмъ они не стыдились упрекать въ сластолюбіи, завидуя его силѣ, бѣдное, но сильное войско Цезаря, нерѣдко терпѣвшее нужду въ предметахъ первой необходимости. Помпей, видя, что наши воины уже въ его лагерѣ, снявъ съ себя признаки императорскаго званія, сѣлъ на коня и въ задніе ворота лагеря поспѣшно поскакалъ къ Ларисcѣ. Тамъ онъ не остановился, но съ такою же поспѣшностью, собравъ вокругъ себя небольшое число своихъ приверженцевъ, ушедшихъ изъ лагеря, несмотря на ночное время, продолжалъ путь, въ сопровожденіи тридцати человѣкъ свиты прибылъ къ морскому берегу и сѣлъ на судно, которое было нагружено хлѣбомъ. Дорогою, какъ сказываютъ, часто вырывались у него жалобы, что онъ ошибся въ тѣхъ самыхъ людяхъ, на которыхъ наиболѣе разсчитывалъ; а тѣ, какъ бы измѣнивъ ему, первые показали примѣръ бѣгства.

97. Цезарь, овладѣвъ лагеремъ, требовалъ отъ воиновъ, чтобы они, занятые добычею, не забыли, что имъ еще надлежитъ сдѣлать. Видя готовность воиновъ, Цезарь немедленно сталъ принимать мѣры окружить окопами непріятеля, расположеннаго на горѣ. Помпеевы воины, замѣчая, что на занимаемой ими горѣ нѣтъ воды, не рѣшились на ней остаться и двинулись всѣ по направленію къ Ларисcѣ. Примѣтивъ эти ихъ надежды, Цезарь раздѣлилъ свои войска: части легіоновъ онъ приказалъ остаться въ лагерѣ Помпея, а часть отправилъ обратно въ свой лагерь; съ четырьмя же двинулся прямою и удобнѣйшею дорогою на перерѣзъ Помпееву войску и, прошедъ шесть миль, сталъ въ боевомъ порядкѣ. Увидя это, непріятель занялъ позицію на холмѣ, у подошвы котораго протекала рѣка. Цезарь ободрилъ воиновъ рѣчью и, несмотря на труды цѣлаго дня и приближеніе ночи, отдѣлилъ окопомъ гору отъ рѣки для того, чтобы Помпеевы воины не могли ночью ходить за водою. Вслѣдствіе этого, они прислали пословъ для переговоровъ о сдачѣ; немногія лица сенаторскаго сословія, находившіяся при непріятельскомъ войскѣ, въ теченіи ночи искали спасенія въ бѣгствѣ.

98. На разсвѣтѣ Цезарь приказалъ всѣмъ осажденнымъ на горѣ непріятелямъ сойдти оттуда въ равнину и бросить оружіе. Они безъ

отговорки это исполнили и, простирая руки, упали на землю, моля о пощадѣ. Цезарь сказалъ имъ нѣсколько словъ въ утѣшеніе, и чтобы ихъ успокоить отъ страха, напомнилъ имъ свое всегдашнее милосердіе; а воинамъ своимъ строго приказалъ ничѣмъ не обижать плѣнныхъ и ничего у нихъ не отнимать. Устроивъ это, Цезарь призвалъ къ себѣ изъ лагеря другіе легіоны, а тѣмъ, которые съ нимъ были, велѣлъ возвратиться въ лагерь и отдохнуть; въ тотъ же день Цезарь прибылъ въ Лариссу.

99. Въ этой битвѣ Цезарь потерялъ не болѣе 200 человѣкъ, въ томъ числѣ 30 храбрѣйшихъ сотниковъ. Убитъ и Крастинъ, о которомъ мы говорили выше, сражаясь съ отчаянною храбростью; онъ получилъ рану мечомъ прямо въ лицо. Онъ вполнѣ оправдалъ слова, сказанныя имъ при началѣ сраженія. Цезарь самъ былъ въ томъ убѣжденіи, что храбрость Крастина была выше всякой похвалы и оказала ему великія услуги. Въ Помпеевомъ войскѣ пало около пятнадцати тысячъ человѣкъ, а сдалось болѣе 24 тысячь (и тѣ когорты, которыя были гарнизономъ въ укрѣпленіи сдались Суллѣ); многіе же разбѣжались по сосѣднимъ городамъ; на полѣ сраженія найдено и принесено къ Цезарю 180 значковъ и девять орловъ. Л. Домицій во время бѣгства изъ лагеря на гору, въ изнеможеніи силъ отъ усталости, былъ нагнанъ и убитъ нашими всадниками.

100. Въ тоже время Д. Лелій съ флотомъ прибылъ къ Брундизію и по примѣру Либона, о дѣйствіяхъ котораго мы говорили выше, — занялъ островъ, лежащій противъ входа въ Брундизійскую гавань. Точно также Ватиній, который начальствовалъ въ Брундизіѣ, выманилъ суда Лелія, покрывъ и снабдивъ воинами лодьи, и когда нѣкоторыя изъ судовъ Лелія зашли далеко, то онъ при входѣ въ гавань захватилъ одну квинкверему (судно о пяти рядахъ веселъ) и два небольшихъ судна; а конными отрядами, расположенными на берегу, не давалъ судамъ Лелія наливаться водою. Но Лелій, пользуясь временемъ года благопріятнымъ для плаванія судовъ, на нихъ привозилъ воду изъ Корциры и Диррахія и никакъ не хотѣлъ оставить своего намѣренія ни вслѣдствіе безславной потери судовъ, ни вслѣдствіе недостатка въ самыхъ необходимыхъ предметахъ и, очистивъ островъ, отойдти отъ пристани.

101. Почти въ этоже время Кассій прибылъ къ берегамъ Сициліи съ флотомъ изъ судовъ Сирскихъ, Финикійскихъ и Киликійскихъ. Флотъ Цезаря былъ раздѣленъ на двѣ части: одною, находившеюся въ проливѣ у Вибона, начальствовалъ преторъ П. Сульпицій, а другою у Мессаны М. Помпоній. Кассій съ судами прилетѣлъ къ Мессанѣ

прежде, чѣмъ Помпоній узналъ о его прибытіи, и напавъ на него врасплохъ (не было ни стражи у судовъ и никакого порядка въ ихъ размѣщеніи) онъ воспользовался сильнымъ вѣтромъ и наполнивъ суда смолою, паклею и разными горючими веществами, пустилъ ихъ на Помпоніевъ флотъ и сжегъ всѣ суда его числомъ 35; изъ нихъ 20 были съ палубами. Вслѣдствіе этого въ городѣ распространился такой страхъ, что хотя въ немъ находился цѣлый легіонъ, но едва городъ защищался. Да и по весьма вѣроятному предположенію многихъ, онъ врядъ ли бы уцѣлѣлъ, еслибы въ то же самое время не прискакали на перемѣнныхъ лошадяхъ гонцы съ извѣстіемъ о побѣдѣ Цезаря. Оно пришло какъ не надобно болѣе кстати; городъ былъ приведенъ въ оборонительное положеніе, а Кассій оттуда отправился къ Вибону, гдѣ находился Сульпицій съ флотомъ; онъ нашелъ наши суда у берега въ томъ же самомъ замѣшательствѣ и безпорядкѣ, какъ и у Вибона. Кассій, пользуясь благопріятнымъ вѣтромъ, пустилъ около 40 транспортныхъ судовъ, наполненныхъ горючими веществами. Флотъ нашъ съ двухъ сторонъ былъ объятъ пламенемъ, отъ котораго погибло пять судовъ. Видя распространеніе огня по судамъ, вслѣдствіе сильнаго вѣтра, воины ветераны, изъ числа больныхъ оставленные для охраненія судовъ, не снесли такого позора; но по собственному побужденію сѣли на суда, снялись съ якоря и ударили на Кассіевъ флотъ. Они взяли двѣ квинкверемы; изъ нихъ на одной находился самъ Кассій, но онъ убѣжалъ на лодкѣ; кромѣ того наши захватили еще двѣ триремы. Немного спустя узнали о сраженіи, происшедшемъ въ Ѳессаліи, такъ что сами Помпеевы приверженцы не могли уже болѣе сомнѣваться въ истинѣ этого событія; прежде же они полагали, что оно придумано друзьями Цезаря. Удостовѣрясь въ этомъ, Кассій немедленно удалился съ флотомъ отъ береговъ Сициліи.

102. Цезарь заблагоразсудилъ, оставивъ все прочее, заняться немедленнымъ преслѣдованіемъ Помпея, въ какую бы сторону онъ ни вздумалъ бѣжать, для того, чтобы не дать ему возможности собрать новыя войска и возобновить войну. Каждый день Цезарь настолько двигался впередъ, сколько пути могла сдѣлать конница; а одному легіону онъ приказалъ слѣдовать за собою меньшими переходами. Въ Амфиполѣ отъ имени Помпея было объявлено, чтобы всѣ молодые люди этой провинціи, какъ Греки, такъ и римскіе граждане, явились для принесенія воинской присяги. Впрочемъ, не извѣстно для того ли это было сдѣлано, чтобы скрыть истинное намѣреніе Помпея, бѣжать въ отдаленныя края, или можетъ быть онъ дѣйствительно хотѣлъ съ помощью вновь набранныхъ воиновъ удержать Маке-

донію, въ случаѣ, еслибы его не тѣснили преслѣдованіемъ по горячимъ слѣдамъ. Одну только ночь Помпей простоялъ на якорѣ у Амфиполя; онъ призвалъ къ себѣ находившихся тамъ своихъ приверженцевъ и, собравъ съ нихъ денегъ сколько нужно было на самые необходимыя издержки, получивъ извѣстіе о приближеніи Цезаря, удалился оттуда, и черезъ нѣсколько дней прибылъ въ Митилену. Задержанный два дня бурею и, собравъ вокругъ себя нѣсколько небольшихъ судовъ, прибылъ въ Киликію и оттуда въ Кипръ. Здѣсь узналъ онъ, что всѣ жители Антіохіи и граждане римскіе, находившіеся въ этомъ городѣ для торговли, согласились между собою занять крѣпость города, чтобы не допускать въ нее Помпея. Они разослали къ бѣглецамъ, находившимся въ сосѣднихъ городахъ, чтобы они не приходили въ Антіохію; въ противномъ случаѣ угрожали имъ опасностію жизни. Также точно въ Родосѣ было поступлено относительно Л. Лентула, бывшаго консуломъ въ прошломъ году, П. Лентулла, бывшаго также нѣкогда консуломъ, и другихъ бѣглецовъ. Они бѣжали за Помпеемъ и прибыли къ острову, но не были впущены ни въ городъ, ни въ гавань, а получили приказаніе отплыть прочь, что и должны были сдѣлать къ большему своему огорченію. Уже молва о приближеніи Цезаря достигла и городовъ Азіи.

103. Узнавъ объ этомъ, Помпей оставилъ намѣреніе удалиться въ Сирію. Онъ взялъ деньги общественныя и кромѣ того занялъ у нѣкоторыхъ частныхъ лицъ; заготовивъ такимъ образомъ большую сумму денегъ на военныя издержки, онъ съ нею сѣлъ на судно, имѣя при себѣ до двухъ тысячъ вооруженныхъ людей, частью набранныхъ изъ находившихся въ службѣ у гражданъ римскихъ и у купцовъ, частью изъ бывшихъ при немъ лицъ способныхъ носить оружіе; съ ними прибылъ онъ въ Пелузій. Въ то время тамъ случайно находился царь Птолемей, еще почти дитя, съ многочисленнымъ войскомъ; онъ велъ войну съ сестрою своею Клеопатрою, которую нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ выгналъ изъ своего царства черезъ своихъ родныхъ и приближенныхъ. Лагерь Клеопатры находился недалеко отъ его лагеря. Помпей отправилъ пословъ къ Птолемею, прося у него, во имя дружественныхъ его отношеній съ отцемъ его, впустить его въ Александрію и защитить его въ постигшей невзгодѣ. Послы Помпея, исполнивъ возложенное на нихъ порученіе, вздумали свободно толковать съ воинами царя и убѣждать ихъ оказать содѣйствіе Помпею, сострадая его несчастію. А въ числѣ воиновъ Птолемея было много находившихся въ службѣ Помпея; ихъ Габиній, отправляясь въ

Александрію, взялъ у Помпея, а по окончаніи войны они остались на службѣ у Птолемея, отца того, о которомъ мы здѣсь говорили.

104. При такомъ положеніи дѣлъ, приближенные царя, по его малолѣтству правившіе царствомъ, или опасаясь, какъ они въ послѣдствіи утверждали, того, чтобы Помпей не овладѣлъ Александріею и Египтомъ, привлекши на свою сторону царское войско, или презирая его въ бѣдственномъ положеніи—какъ обыкновенно несчастіе дѣлаетъ изъ друзей враговъ. Какъ бы то ни было, они весьма ласково отвѣчали посламъ Помпея и пригласили его къ царю. А сами, замысливъ его гибель, послали Ахилла, префекта царскаго, человѣка отчаяннаго, готоваго на все, и Л. Септимія, трибуна военнаго, приказавъ имъ убить Помпея. Они встрѣтили Помпея съ изъявленіями ласки и дружбы. Онъ нѣсколько зналъ Септимія, командовавшаго отрядомъ подъ его начальствомъ въ войну съ морскими разбойниками, и потому, ничего не опасаясь, послѣдовалъ за нимъ въ лодью съ немногими изъ своихъ. Тутъ онъ былъ убитъ Ахиллою и Септиміемъ. Л. Лентуллъ также попался въ руки Птолемея и умерщвленъ въ тюрьмѣ.

105. Цезарь, прибывъ въ Азію, узналъ, что Т. Ампій хотѣлъ было взять деньги, находящіяся въ храмѣ Діаны въ Ефезѣ и съ этою цѣлью пригласилъ туда всѣхъ сенаторовъ, какіе находились въ провинціи, чтобы при нихъ повѣрить количество этихъ денегъ; но помѣшало ему прибытіе Цезаря и онъ спасся бѣгствомъ; такимъ образомъ Цезарь два раза спасъ сокровища Ефезскія отъ разграбленія. Въ то же время распространился слухъ, что въ Елидѣ, въ храмѣ Минервы, по разсчету времени въ тотъ самый день, когда Цезарь одержалъ побѣду, изображеніе побѣды, стоявшее лицомъ къ Минервѣ, и передъ нею самою вдругъ повернулось лицомъ къ вратамъ храма. Въ тотъ же день въ Антіохіи, въ Сиріи, два раза слышаны были такіе воинскіе клики и звукъ оружія, что всѣ граждане съ оружіемъ спѣшили на стѣны. То же самое случилось въ Птолемаидѣ. Въ Пергамѣ, въ самой дальней сокровенной части храма, куда дозволяется входить только однимъ жрецамъ (по-гречески она называется ἄδυτα) слышенъ былъ звукъ музыкальныхъ инструментовъ (тимпановъ). Въ Траллахъ, въ храмѣ Побѣды, гдѣ посвятили Цезарю статую, на кровлѣ изъ разщелины плитъ, ее составлявшихъ, въ эти же дни выросла пальма.

106. Цезарь только нѣсколько дней пробылъ въ Азіи. Услыхавъ, что Помпея видѣли въ Кипрѣ, Цезарь догадался о его удаленіи въ Египетъ, и, опасаясь дружескихъ его отношеній къ царю Птоломею и мѣстности страны, представляющей столько удобствъ для веденія войны, онъ немедленно отправился въ Александрію съ двумя легіо-

нами (изъ нихъ одному приказалъ за собою слѣдовать изъ Ѳессаліи, а другой взялъ изъ Ахаіи отъ легата К. Фуфія) и 800 всадниковъ; съ Цезаремъ находилось 10 Родосскихъ галеръ и небольшое число Азійскихъ. Въ двухъ легіонахъ Цезаря было только три тысячи двѣсти человѣкъ; прочіе же остались или будучи ранены, или изнемогая отъ трудовъ и дальней дороги. Цезарь, полагаясь на свою великую совершенныхъ дѣяній славу, не усумнился отправиться съ такими малыми силами, будучи увѣренъ въ своей безопасности вездѣ, гдѣ бы ни находился. Въ Александріи узналъ онъ о смерти Помпея. Выходя на берегъ, встрѣченъ былъ непріязненными кликами воиновъ, оставленныхъ царемъ въ городѣ для гарнизона и враждебными толпами народа, которому пуки, несенные передъ Цезаремъ, казались посягательствомъ на царскую власть. Несмотря на скорое усмиреніе этого мятежа, между воинами Цезаря и Птоломеевыми были безпрестанно непріязненныя столкновенія и весьма много нашихъ воиновъ были убиваемы во всѣхъ частяхъ города.

107. Видя такое положеніе дѣлъ, Цезарь приказалъ привести къ себѣ изъ Азіи легіоны, составленные изъ Помпеевыхъ воиновъ; самъ же волею-неволею долженъ былъ оставаться въ Александріи по случаю періодическихъ вѣтровъ, дующихъ навстрѣчу судамъ, выходящимъ изъ этого города. Между тѣмъ Цезарь былъ убѣжденъ, что право разбирать несогласія между царями принадлежитъ народу римскому и ему, Цезарю, какъ консулу, тѣмъ болѣе, что въ его прежнее консульство закономъ и сенатскимъ опредѣленіемъ заключенъ союзъ съ отцомъ Птоломея. А потому онъ высказалъ свою волю, чтобъ царь Птоломей и сестра его Клеопатра распустили свои войска, какія у нихъ есть и предоставили бы рѣшеніе ихъ взаимныхъ несогласій его суду, а не силѣ оружія.

108. Главное управленіе дѣлами царства лежало, по случаю малолѣтства царя, на его воспитателѣ эвнухѣ Потинѣ. Съ негодованіемъ, которое изливалъ онъ въ жалобахъ своимъ приближеннымъ, встрѣтилъ онъ волю Цезаря о предоставленіи правъ царя его, Цезаря, разбору. Соединясь за одно съ нѣсколькими приближенными царя, своими единомысленниками, онъ тайно призвалъ войско изъ Пелузія въ Александрію и начальство надъ нимъ ввѣрилъ Ахиллѣ, о которомъ мы говорили выше; ему онъ далъ наставленіе какъ дѣйствовать, не щадя обѣщаній отъ имени царя. Въ завѣщаніи Птоломея наслѣдниками назначены старшій изъ его двухъ сыновей и старшая изъ его двухъ дочерей, и въ немъ онъ заклиналъ народъ римскій соблюсть его — всѣми богами и святостью союза, заключеннаго въ Римѣ. За-

вѣщаніе одно было доставлено послами Птоломея въ Римъ для храненія въ общественной сокровищницѣ; но оно не могло быть положено туда вслѣдствіе общественныхъ смутъ, и потому ввѣрено было Помпею. Другое, точно такое же, находилось въ Александріи, запечатанное царскою печатью.

109. Этимъ-то дѣломъ занимался Цезарь, имѣя искреннее желаніе окончить споры между царями въ качествѣ общаго друга и посредника; какъ вдругъ онъ узналъ о прибытіи въ Александрію войска царскаго и всей конницы. Войско Цезаря было такъ малочисленно, что о сраженіи внѣ стѣнъ городскихъ не могло быть и рѣчи; Цезарю оставалось только защищать занимаемую имъ часть города и узнать истинное намѣреніе Ахилла. Цезарь отдалъ приказаніе всѣмъ своимъ воинамъ быть подъ оружіемъ, и убѣждалъ царя изъ его приближенныхъ избрать людей, пользующихся наибольшимъ вліяніемъ, и отправить ихъ послами къ Ахиллѣ узнать, чего онъ хочетъ. Отправленные съ этою цѣлью Діоскоридъ и Серапіонъ, тѣ самые, которые были послами въ Римѣ—они пользовались большимъ расположеніемъ Птоломея—отца прибыли къ Ахиллѣ. Увидавъ ихъ, Ахилла не спросилъ даже, для чего они пришли и, не выслушавъ ихъ, велѣлъ схватить и умертвить: одинъ упалъ раненый и за-мертво былъ вынесенъ своими, а другой убитъ на мѣстѣ. Узнавъ объ этомъ событіи, Цезарь принялъ мѣры къ тому, чтобы особу царя имѣть въ своей власти, зная какое вліяніе имя его имѣло на туземцевъ; онъ, дѣйствуя имъ, хотѣлъ выставить возникшую борьбу частнымъ—нѣкоторыхъ неблагонамѣренныхъ людей, ищущихъ грабежа-умысломъ, въ которомъ царь не принималъ никакого участія.

110. Войска Ахиллы и числомъ, и выборомъ людей, и воинскою опытностью заслуживали вниманіе; ихъ было подъ оружіемъ около 20 тысячь. Они состояли изъ воиновъ Габинія; но они уже совершенно утратили дисциплину, свыклись съ роскошною жизнью въ Александріи; забывъ свое происхожденіе, они уже поженились здѣсь, и многіе имѣли дѣтей. Тутъ же находились бывшіе пираты и разбойники изъ провинцій Киликіи, Сиріи и сосѣдственныхъ странъ. Кромѣ того собрались сюда въ большомъ числѣ преступники, бѣгствомъ ушедшіе отъ смертной казни, и изгнанники разнаго рода. Вообще Александрія представляла надежный и безопасный пріютъ нашимъ бѣглецамъ; здѣсь они имѣли вѣрное средство къ жизни, поступая въ военную службу. Если въ числѣ ихъ господинъ видѣлъ бѣглаго своего раба и хотѣлъ его схватить, то товарищи его заступались за него, всѣ за одно, и вырывали его силою, опасаясь сами той же участи, сознавая за собою ту же опас-

ность. Нерѣдко возмущались они, требуя головы приближенныхъ царя или предавая разграбленію дома богатыхъ, находя жалованье свое недостаточнымъ, осаждали царскіе палаты, изгоняли одного царя, сажали на его мѣсто другаго. Духъ своеволія какъ-то искони свойственъ былъ александрійскому войску. Оно возвратило царскій престолъ Птоломееву отцу, умертвило двухъ сыновей Бибула, вело войны съ Египтянами и въ нихъ пріобрѣло навыкъ и опытность военнаго дѣла.

111. Полагаясь на свои силы и презирая малочисленность войскъ Цезаря, Ахилла имѣлъ въ своей власти всю Александрію, кромѣ той части города, гдѣ находился Цезарь. Сначала Ахилла пытался было приступомъ взять домъ Цезаря; но Цезарь защитилъ его, занявъ когортами ведшія къ нему улицы. Въ то же время происходило упорное сраженіе у пристани, которое могло имѣть важныя послѣдствія. Раздѣливъ свои силы, непріятель въ одно и то же время нападалъ на нашихъ во многихъ улицахъ, но главныя свои силы обратилъ на пристань, съ цѣлью занять галеры. Ихъ было 50; они ходили было на помощь Помпею, но послѣ битвы въ Ѳессаліи возвратились домой. То были все суда о 3-хъ и 5-ти рядахъ веселъ въ совершенной исправности и снабженныя всѣмъ для плаванія. Кромѣ того тамъ же находились 22 палубныхъ судна, которыя обыкновенно употреблялись для защиты Александріи со стороны моря. Непріятель хотѣлъ исторгнуть этотъ флотъ изъ рукъ Цезаря, имѣть такимъ образомъ море въ своей власти и отрѣзать Цезарю всѣ подвозы. Упорная битва произошла вслѣдствіе этого: одни хотѣли обезпечить себѣ скорую и вѣрную побѣду рѣшительнымъ ударомъ, а другіе помнили, что сражались за свою жизнь. Побѣда осталась на сторонѣ Цезаря и онъ, не будучи въ состояніи съ своимъ малочисленнымъ войскомъ защищать суда, столь отдаленныя отъ его главной квартиры, предалъ эти суда, и всѣ, которыя находились въ верфяхъ, пламени; а воиновъ поспѣшно высадилъ на Фаросъ и овладѣлъ имъ.

112. Фаросъ — это весьма высокая башня на островѣ, замѣчательная по красотѣ и обширности постройки, получившая наименованіе отъ острова; а островъ своимъ положеніемъ насупротивъ Александріи образуетъ гавань. Древніе цари египетскіе соединили Фаросъ съ твердою землею двумя молами, имѣющими въ длину 900 шаговъ; они образуютъ узкій переходъ и мостъ, соединяющій Фаросъ съ Александріею. На островѣ живутъ туземцы Египтяне и поселокъ ихъ по величинѣ можно назвать городомъ; они привыкли — суда, силою вѣтровъ или неопытностью кормчихъ бро-

шенныя въ сторону, захватывать какъ морскіе разбойники. Безъ согласія того, въ чьей бы власти находился Фаросъ, невозможно судамъ по узкости прохода проникнуть въ гавань. Опасаясь этого Цезарь въ то время, когда все вниманіе непріятеля было обращено на битву, высадилъ воиновъ на Фаросъ, овладѣлъ имъ, поставилъ въ немъ гарнизонъ и такимъ образомъ обезпечилъ себѣ свободную достатку на судахъ и хлѣба и войскъ. Онъ разослалъ по всѣмъ сосѣднимъ странамъ, требуя вспомогательныхъ войскъ. Въ прочихъ мѣстахъ города сраженіе кончилось ничѣмъ, вслѣдствіе тѣсноты мѣста, и ни одна сторона не уступила другой побѣду. Потеря съ обѣихъ сторонъ также была незначительная. Цезарь, занявъ важнѣйшіе пункты войсками, ночью принялъ мѣры къ ихъ укрѣпленію. Въ части города, бывшей во власти Цезаря, находилось небольшое отдѣленіе царскихъ палатъ, сначала отведенное ему для помѣщенія; къ нему примыкало зданіе театра; оно, господствуя надъ пристанью и верфями, у Цезаря составляло родъ крѣпости. Къ нему присоединилъ Цезарь еще укрѣпленія, образовавъ вокругъ себя родъ стѣны, для того, чтобы не быть вынужденнымъ сражаться противъ воли. Между тѣмъ младшая дочь Птолемея, надѣясь получить престолъ, который она уже считала незанятымъ, прибыла изъ дворца къ войскамъ Ахиллы и вмѣстѣ съ нимъ стала распоряжаться военными дѣйствіями. Впрочемъ скоро у нихъ возникло соперничество о власти, которое клонилось къ большой выгодѣ войска; и та и другая сторона старалась большими подарками привлечь его на свою сторону. Пока это происходило у непріятеля, Потинъ, правитель царства и воспитатель Птолемея, былъ уличенъ перехваченными письмами его къ Ахиллѣ,—въ которыхъ онъ его убѣждалъ продолжать твердо начатое дѣло и не упадать духомъ,—и казненъ Цезаремъ. Такъ началась война въ стѣнахъ Александріи.

ЗАПИСКИ

О ВОЕННЫХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ ВЪ АЛЕКСАНДРІИ.

—

1. Вслѣдствіе открытія военныхъ дѣйствій въ Александріи, Цезарь призвалъ изъ Родоса, Сиріи и Киликіи весь флотъ. Изъ Крита онъ вызвалъ стрѣлковъ, а отъ Мальха, царя Набатеевъ, всадниковъ. Притомъ онъ сдѣлалъ распоряженіе о заготовленіи вездѣ и доставкѣ къ нему хлѣба, военныхъ машинъ разнаго рода и вспомогательныхъ войскъ. Между тѣмъ ежедневно возводились по его приказанію новыя укрѣпленія и всѣ мѣста города, казавшіяся недовольно крѣпкими, были защищены черепахами и мускулами. Изъ однихъ же строеній въ другія сосѣднія чрезъ пробитыя отверстія вдвигали стѣнобитныя орудія и обративъ его въ развалины или открытою силою захвативъ поболѣе мѣста, распространяли кругъ укрѣпленій. Отъ пожаровъ Александрія почти совершенно безопасна; въ постройку зданій тамъ не входитъ вовсе дерево, а они возводятся изъ камня, большою частью со сводами, и покрыты плитами или убитымъ щебнемъ. Главною цѣлью усилій Цезаря было, съ помощью новыхъ работъ, отрѣзать отъ остальнаго города ту небольшую часть его, которая и безъ того отдѣлена была отъ него на большое пространство болотомъ, проникавшимъ съ юга. Такимъ образомъ разрѣзавъ городъ на двѣ части, удобнѣе было дѣйствовать съ войскомъ, сосредоточеннымъ на одномъ пунктѣ; притомъ тогда легко было бы Цезарю подавать руку помощи туда, гдѣ потребовалось бы по обстоятельствамъ, и притомъ изъ одной части города въ другую. Главною же цѣлью его было — обезопасить себѣ снабженіе водою и фуражемъ; первой у него было малое количество, а во второмъ совершенный недостатокъ; болото же, о которомъ мы говорили выше, доставляло въ изобиліи и то и другое.

2. Да и жители Александріи при веденіи дѣла не оказывали ни нерѣшительности, ни медленности. Во всѣ мѣста, куда только хватали границы Египта и царства, были разосланы уполномоченные, которымъ поручено произвесть наборъ; они свезли въ городъ огромное количество оружія и машинъ всякаго рода, и сосредоточили туда несмѣтное число людей. Въ городѣ открыты въ большомъ размѣрѣ мастерскія разнаго оружія. Даже взрослымъ рабамъ роздано оружіе, а богатые владѣльцы взялись кормить ихъ и платить имъ жалованье. Эти многочисленныя войска расположены были для прикрытія укрѣпленій отдаленныхъ частей города; когорты же ветерановъ стояли свободно въ самыхъ важнѣйшихъ его пунктахъ и оттуда готовы были ударить съ свѣжими силами, въ какомъ бы мѣстѣ ни произошло сраженіе. Всѣ улицы и перекрестки были перерѣзаны тройнымъ валомъ; онъ былъ сложенъ изъ четырехъугольныхъ камней и въ вышину имѣлъ не менѣе 40 футовъ. Часть города, находившаяся внизу, была укрѣплена чрезвычайно высокими башнями въ 10 этажей. Сверхъ того устроены были и подвижныя башни о столькихъ же этажахъ; на колесахъ, съ помощью веревокъ и лошадей, они двигались по улицамъ туда, гдѣ въ нихъ оказывалась надобность.

3. Городъ, по своему богатству и обилію запасовъ всякаго рода, представлялъ неистощимое пособіе для непріятеля. Жители его одарены такимъ умомъ и смѣтливостью, и такъ быстро перенимали все, что мы ни дѣлали, что казалось не они у насъ, а мы уже съ нихъ брали примѣръ. Притомъ многое они сами изобрѣли, и одновременно и вредили нашимъ укрѣпленіямъ, и защищали свои. Главы народнаго возстанія въ собраніяхъ его говорили: «что народъ Римскій мало-по-малу простираетъ свои честолюбивые замыслы на Египетъ. Немного лѣтъ тому назадъ, Габиній былъ въ немъ съ войскомъ. Помпей туда же удалился послѣ пораженія. Цезарь прибылъ сюда же съ войскомъ. Смерть Помпея нисколько не помѣшала водвориться у нихъ Цезарю, котораго если имъ не удается изгнать, то царство ихъ обратится въ римскую провинцію. А для этого надобно дѣйствовать поспѣшнѣе, пока Цезарь, вслѣдствіе непогодъ нынѣшняго времени года, не можетъ получать помощи изъ заморя».

4. Мы уже говорили о несогласіи, происшедшемъ между Ахиллою, начальникомъ войска ветерановъ, и Арсиноею, младшею дочерью Птоломея. И тотъ и другая коварно замышляли другъ противъ друга, стараясь присвоить себѣ верховную власть. Но Арсиноя предупредила Ахиллу и, черезъ своего воспитателя, эвнуха Ганимеда, лишила его жизни. Такимъ образомъ она присвоила себѣ одной полную

и нераздѣльную власть, а начальство надъ войскомъ поручила Ганимеду; тотъ, вступивъ въ эту должность, не щадилъ денегъ для воиновъ и неусыпно заботился о дѣятельномъ продолженіи войны.

5. Александрія почти вся подрыта водопроводными подземными каналами, доставляющими въ дома жителей воду изъ Нила. Она, нѣсколько времени постоявъ и сдѣлавъ осадокъ, становится чистою и годною для питья; въ томъ же видѣ, какъ она прямо взята изъ рѣки, отстаивается. Ее то обыкновенно употребляютъ хозяева домовъ и ихъ семейства; а та, которая несется въ рѣкѣ Нилѣ до того иловата и мутна, что производитъ въ пьющихъ многія и разнообразныя болѣзни. Впрочемъ ею чернь и большинство жителей поневолѣ должны довольствоваться, такъ какъ въ городѣ нѣтъ никакого родника. Самая же рѣка находилась въ той части города, которая была во власти жителей; вслѣдствіе этого Ганимедъ понялъ возможность отрѣзать намъ воду; а наши воины, расположенные по разнымъ частямъ укрѣпленій для ихъ обороны, пользовались ею изъ водопроводовъ и колодцевъ, находившихся при частныхъ строеніяхъ.

6. Задумавъ такой планъ, Ганимедъ началъ великую и затруднительную работу Онъ перерылъ всѣ водопроводные каналы и отрѣзалъ всякое сообщеніе намъ съ занятою имъ частью города; потомъ колесами и разными машинами онъ усиливался достать изъ моря большое количество воды и пользуясь возвышенностью мѣста, впускалъ ее въ водопроводы части города, занятой войсками Цезаря. Мало по малу, къ общему удивленію нашихъ, не постигавшихъ причины, вода въ ближайшихъ строеніяхъ сдѣлалась соленою. Да и сами себѣ, сначала, не вѣрили, тѣмъ болѣе, что стоявшіе подалѣе утверждали, что у нихъ вода все еще прежняго вкуса. Они сличали одну воду съ другой и такимъ образомъ убѣдились въ разницѣ, между ними существующей. Но черезъ короткое время, вода въ ближайшихъ мѣстахъ сдѣлалась совершенно негодною для питья, да и въ отдаленныхъ начала уже портиться и солонѣть.

7. Когда всѣ убѣдились въ истинѣ этого факта, то такая робость распространилась въ нашемъ войскѣ, что оно считало уже себя на краю гибели. Одни упрекали Цезаря, что онъ медлитъ садиться на суда; другіе же чрезвычайно опасались послѣдствій самаго отступленія. Скрыть приготовленія бѣгства отъ Александрійцевъ былобы невозможно по близости разстоянія, а совершить его въ порядкѣ къ судамъ при противудѣйствіи и сопротивленіи жителей было бы невозможно. И въ части города, занятой Цезаремъ, оставалось много жителей, которыхъ Цезарь не изгналъ изъ ихъ домовъ, потому что они по наружности присоедини-

лись къ его сторонѣ. А утверждать, что жители Александріи способны къ вѣрности и постоянству—значило бы терять слова по пустому. Что касается до свойствъ этого народа, то каждый убѣжденъ, что нѣтъ инаго, болѣе способнаго къ измѣнѣ и предательству.

8. Цезарь старался уменьшить опасеніе своихъ воиновъ словами утѣшенія и разсудка. Онъ утверждалъ: «что, роя колодцы, можно найдти прѣсную воду; въ береговыхъ мѣстахъ непремѣнно должны находиться отъ природы жилы хорошей воды. Если даже свойство береговъ Египта иное, чѣмъ въ другихъ странахъ, то и въ такомъ случаѣ, имѣя во власти своей море, при недостаткѣ флота у непріятелей, онъ можетъ ежедневно, безъ всякаго препятствія, привозить воду на судахъ или слѣва отъ Паретонія или справа отъ острова; не можетъ быть такого противнаго вѣтра, чтобы нельзя было плыть по одному изъ этихъ направленій. Помышлять же о бѣгствѣ нетолько несообразно съ ихъ достоинствомъ и честью, но несовмѣстно съ самою безопасностью. Если теперь имъ трудно изъ-за укрѣпленій удержать напоръ непріятеля, то оставивъ ихъ, они не будутъ равны ему и въ численности, и выгоды мѣстности будутъ на сторонѣ непріятеля. Садиться на суда будетъ въ высшей степени затруднительно и сопряжено съ медленностью, тѣмъ болѣе, что это нужно будетъ дѣлать на лодкахъ. На сторонѣ Александрійцевъ величайшая быстрота ихъ движеній, знаніе мѣстности и городскаго строенія. Они, ободренные надеждою на побѣду, обойдутъ нашихъ спереди, займутъ всѣ выгодные пункты и такимъ образомъ воспрепятствуютъ нашему отступленію и удаленію на корабли. А потому мысль объ очищеніи города нужно имъ предать забвенію, а думать только о томъ, какъ бы побѣдить, во что бы то ни стало».

9. Сказавъ эту рѣчь своимъ и ободривъ умы всѣхъ, онъ приказалъ сотникамъ, чтобы они оставивъ всѣ прочія работы, употребляли воиновъ на рытье колодцевъ и не прекращали бы его и во всю ночь. Работы производились съ особеннымъ стараніемъ и усердіемъ, и въ теченіе той же ночи открыта въ изобиліи прѣсная вода. Такимъ образомъ, мы съ своей стороны непродолжительнымъ трудомъ сдѣлали безполезными, сопряженныя съ великими усиліями и огромными работами, труды Александрійцевъ. Черезъ два дни послѣ того 37-й легіонъ (онъ былъ составленъ изъ сдавшихся Цезарю воиновъ Помпея), посаженный на суда Домиціемъ Кальвиномъ съ огромнымъ запасомъ хлѣба, оружія, стрѣлъ, осадныхъ машинъ, былъ занесенъ вѣтромъ къ берегамъ Африки, немного выше Александріи. Но восточный вѣтеръ, дувшій постоянно въ теченіи многихъ дней, препятствовалъ имъ войдти

въ гавань; впрочемъ тамъ вездѣ у береговъ прекрасныя якорныя стоянки. Наши же суда, стоя уже долгое время и чувствуя недостатокъ въ водѣ, дали знать Цезарю на легкомъ суднѣ о своемъ затруднительномъ положеніи.

10. Цезарь для того, чтобы самому сообразить какъ слѣдуетъ поступить, сѣлъ на корабль и приказалъ за собою слѣдовать всему флоту, но на корабли не взялъ съ собою вовсе нашихъ воиновъ. Отъѣзжая на дальнее разстояніе, онъ не хотѣлъ обнажить укрѣпленія отъ защитниковъ. Прибывъ на мѣсто, называемое Херсонесъ, Цезарь высадилъ на берегъ гребцовъ за прѣсною водою; нѣкоторые изъ нихъ, отошедъ далеко отъ судовъ для грабежа, были захвачены непріятельскими всадниками. Отъ нихъ непріятель узналъ, что съ флотомъ находится самъ Цезарь, и что на судахъ нѣтъ воиновъ. На основаніи этого показанія, непріятель надѣялся уже покончить войну однимъ ударомъ, полагая, что судьба представила ему къ тому прекрасный случай. А потому, онъ всѣ суда, сколько ихъ у него было годныхъ къ плаванію, нагрузилъ воинами и двинулся на встрѣчу Цезарю, возвращавшемуся съ флотомъ. Цезарь по двумъ причинамъ не хотѣлъ сразиться: первое, съ нимъ на корабляхъ не было воиновъ и дѣло было уже въ десятомъ часу дня. Наступавшая ночь принесла бы большую увѣренность тѣмъ, которые полагались на знаніе мѣстности. А для него Цезаря не было бы даже возможности увѣщевать своихъ. Не было бы убѣжденій довольно сильныхъ, когда наступавшая ночь равно бы покрыла мракомъ и доблесть ихъ и трусость. А потому Цезарь придвинулъ суда какъ можно ближе къ берегу въ такомъ мѣстѣ, что непріятелю слѣдовать за нимъ было невозможно.

11. На правомъ флангѣ Цезаря, одинъ родосскій корабль стоялъ въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ прочихъ. Примѣтя это, непріятель устремилъ на него четыре палубныхъ и множество открытыхъ судовъ. Цезарь былъ вынужденъ подать ему помощь, дабы не быть свидѣтелемъ постыднаго урону, но сознавая, что если что дурное и случится, то по дѣломъ. Въ происшедшемъ сраженіи Родосцы оказали упорное сопротивленіе: они и всегда во всѣхъ сраженіяхъ отличались и знаніемъ дѣла и храбростью: а теперь не щадили величайшихъ усилій, дабы отклонить уронъ, виною котораго была ихъ собственная оплошность. Вслѣдствіе этого сраженіе увѣнчалось полнымъ успѣхомъ: одно непріятельское судно о четырехъ рядахъ веселъ взято, а другое затоплено, два потеряли весь свой экипажъ и на остальныхъ побито множество воиновъ. Еслибы не наступила ночь, то весь флотъ непріятельскій достался бы въ руки Цезаря. Непріятель пришелъ въ ужасъ

отъ этого пораженія, а Цезарь, при дувшемъ слабо противномъ вѣтрѣ, ввелъ транспортныя суда въ гавань буксиромъ тѣхъ судовъ, которыя съ нимъ были.

12. Это пораженіе произвело въ Александрійцахъ сильный упадокъ духа: они видѣли себя побѣжденными не храбростью воиновъ, а опытностью и знаніемъ дѣла моряковъ *)... Они взбирались на возвышенныя мѣста и на крыши домовъ, надѣясь оттуда обороняться; притомъ они вездѣ возводили укрѣпленія, опасаясь нападенія флота. Когда же Ганимедъ на совѣтѣ сказалъ утвердительно, что нетолько пополнитъ утраченное число судовъ, но и увеличитъ его противъ прежняго, то непріятель, обнадеженный этимъ, началъ съ великимъ усердіемъ починять старыя суда и вообще неусыпно трудиться надъ всѣмъ, что касалось этого предмета. Несмотря на то, что всего въ пристани и въ верфяхъ имъ было утрачено сто десять галеръ, однако онъ не терялъ надежды возобновить флотъ. Только имѣя флотъ, могъ непріятель отрѣзать Цезарю всѣ подвозы людей и припасовъ. Притомъ будучи моряками, жителями города и страны приморской жители Александріи, пріучась къ морю ежедневнымъ его пользованіемъ, имѣли страсть прибѣгать къ добру своему природному и домашнему и понимали сколько бы они могли сдѣлать себѣ пользы маленькими судами. А потому они налегли всѣми силами на приготовленіе флота.

13. По всѣмъ устьямъ Нила стояли сторожевыя суда для сбора таможенныхъ пошлинъ. Притомъ въ самыхъ сокровенныхъ царскихъ верфяхъ находились старые корабли, которые уже въ теченіи многихъ лѣтъ не были употребляемы для плаванія. Послѣдніе вычинили, а первые собрали въ Александрію. Въ веслахъ былъ недостатокъ; портики, гимназіи и другія общественныя строенія раскрывали и изъ балокъ дѣлали весла. Природная смѣтливость жителей, и богатство города доставляли средства ко всему. Притомъ они не разсчитывали на дальнее плаванье: имъ суда нужны были только въ настоящемъ случаѣ, и для сраженія въ самой гавани. Такимъ образомъ въ короткое время они сдѣлали сверхъ всякаго чаянія 22 судна о четырехъ рядахъ веселъ и 5 о пяти. Кромѣ того у нихъ было множество малаго размѣра судовъ открытыхъ (безъ палубы). Непріятель сдѣлалъ всѣмъ своимъ судамъ пробу въ гавани, для того чтобы узнать, чего отъ каждаго изъ нихъ можно было ожидать. Потомъ они посадили на суда опытныхъ воиновъ и приготовились совсѣмъ къ сраженію.

---

*) Тутъ въ подлинникѣ пропускъ.

Цезарь имѣлъ 9 судовъ родосскихъ (всѣхъ было къ нему отправлено 10, но одно претерпѣло крушеніе у береговъ Египта), понтійскихъ 8, ликійскихъ 5, азійскихъ 12. Изъ нихъ было пять о пяти рядахъ веселъ и 10 о четырехъ; остальныя были меньшаго размѣра и по большей части безъ палубы. Впрочемъ обнадеженный доблестью воиновъ Цезарь, зная и силы непріятеля, готовился вступить съ нимъ въ бой.

14. Такимъ образомъ обѣ враждующія стороны пришли къ полной увѣренности въ своихъ силахъ. Цезарь съ флотомъ, обойдя Фаросъ, поставилъ суда въ боевомъ порядкѣ противъ непріятеля: на правомъ крылѣ родосскія, а на лѣвомъ понтійскія. Между ними оставилъ онъ промежутокъ въ 400 шаговъ, считая его достаточнымъ для маневрированія судовъ. Въ другой линіи позади онъ поставилъ остальныя суда въ видѣ резерва, распредѣливъ и предписавъ каждому изъ нихъ, которому изъ передовыхъ судовъ ему служить пособіемъ. Александрійцы также не задумались вывести свой флотъ и выстроили его въ боевомъ порядкѣ: 22 корабля составили первую линію, а прочія суда образовали собою вторую или резервъ. Вывели кромѣ того множество судовъ малаго размѣра и лодокъ съ калеными стрѣлами и разными горючими веществами. Непріятель между прочимъ разсчитывалъ, что наши придутъ въ ужасъ отъ многочисленности судовъ, кликовъ воиновъ и отъ пламени. Оба флота были отдѣлены мелью, тянувшеюся до береговъ Африки (жители Александріи хвалятся, что половина ихъ города находится въ Африкѣ). И та и другая изъ враждующихъ сторонъ пережидали довольно долго другъ друга для начатія военныхъ дѣйствій. Причиною было то, что чей флотъ первый взошелъ бы въ мелководье, то для него и затруднительно было бы маневрировать и, въ случаѣ необходимости отступленія при неудачѣ, не могъ бы совершить его безъ разстройства.

15. Родосскими судами начальствовалъ Евфраноръ. Величіемъ духа и храбростью онъ скорѣе принадлежалъ къ числу нашихъ, чѣмъ Грековъ, изъ числа которыхъ онъ былъ по рожденію. Вслѣдствіе его отмѣнныхъ познаній и величія духа, Родосцы ввѣрили ему начальство надъ своимъ флотомъ. Евфраноръ, отгадывая мысли Цезаря, сказалъ ему: «мнѣ кажется, Цезарь, ты опасаешься вступить въ дѣло и послать суда впередъ, чтобы они не сдѣлались жертвою непріятеля прежде, чѣмъ успѣетъ подойдти остальной флотъ. Поручи намъ это; мы выдержимъ бой (и, повѣрь мнѣ, не обманемъ твоихъ ожиданій) пока всѣ прочіе за нами послѣдуютъ. Долѣе же мы не можемъ сносить огорченій и досады, видя, какъ они величаются въ виду на-

шемъ». Цезарь осыпалъ Евфранора похвалами и, сдѣлавъ ему съ своей стороны наставленія, подалъ сигналъ къ битвѣ. Четыре родосскія судна первыя прошли мелководье; на нихъ устремились Александрійскія суда. Выдерживаютъ натискъ и съ удивительною ловкостью и искуствомъ маневрируютъ Родосцы, и на столько знаніе дѣла превозмогло, что при численномъ неравенствѣ, ни одно изъ ихъ судовъ не подставило своего борта непріятелю и не допустило отнять у себя веселъ, а постоянно каждое изъ нихъ противуставляло непріятелю свой носъ. Между тѣмъ подошли и остальныя наши суда; тутъ уже по необходимости искусство оставлено, а исходъ борьбы зависѣлъ только отъ личнаго мужества. Воины наши, находившіеся въ Александріи, и жители ея, оставивъ свои занятія и работы, всѣ унизали собою крыши и вообще возвышенныя мѣста, откуда видна была гавань. Они возсылали къ безсмертнымъ богамъ обѣты и мольбы, каждый за успѣхъ той стороны, къ которой онъ принадлежалъ.

16. Борьба была для обѣихъ сторонъ далеко неравная. Нашимъ, въ случаѣ пораженія, не было спасенія ни на сушѣ, ни на морѣ, и въ случаѣ побѣды успѣхъ не былъ еще вполнѣ обезпеченъ. Непріятель, одолѣвъ нашъ флотъ, имѣлъ все въ своей власти; въ случаѣ же пораженія, могъ еще надѣяться на успѣхъ другими средствами. Притомъ опаснымъ и сомнительнымъ казалось то, что судьба и спасеніе всѣхъ зависѣло отъ мужества немногихъ. Отсутствіе же храбрости и смѣлости у одного влекло за собою гибель многихъ, которые сами не могли принять участія въ борьбѣ. Передъ сраженіемъ Цезарь неоднократно обращалъ вниманіе воиновъ на это обстоятельство и убѣждалъ ихъ сражаться тѣмъ съ большимъ усердіемъ, что отъ нихъ зависитъ участь всѣхъ. Притомъ друзья и товарищи шедшаго на битву воина, провожая его, просили не обмануть ихъ выбора и ожиданій. А потому наши воины обнаружили такое мужество, что искусство и ловкость непріятельскихъ моряковъ не принесли никакой помощи; равно и перевѣсъ численный силъ непріятельскихъ былъ совершенно для нихъ безполезенъ. Несмотря на то, что и воины непріятельскіе были отборные изъ такого большаго числа, однако въ мужествѣ они не могли сравниться съ нашими. Мы овладѣли въ этомъ сраженіи однимъ судномъ о пяти рядахъ веселъ, и однимъ о двухъ съ бывшими на нихъ воинами и гребцами, да потопили три; изъ нашихъ же судовъ всѣ остались невредимы. Остальныя непріятельскія суда поспѣшили отступить къ городу подъ защиту мола и своихъ укрѣпленій, что̀ и остановило преслѣдованіе со стороны нашихъ.

17. Желая предупредить на будущее время это, Цезарь счелъ за нужное овладѣть во что бы то ни стало островомъ и моломъ, примыкающимъ къ острову. Такъ какъ большая часть укрѣпленій въ части города, занимаемой Цезаремъ, уже была приведена къ концу, то онъ находилъ возможнымъ аттаковать въ одно и то же время и островъ и непріятельскую часть города. Для исполненія этого плана Цезарь посадилъ на малыя суда и лодки десять когортъ и отборныхъ, легко вооруженныхъ воиновъ, избравъ къ тому наиболѣе способныхъ изъ числа галльскихъ всадниковъ. Въ то же время, для развлеченія силъ непріятельскихъ, Цезарь аттаковалъ другую часть острова палубными судами, обѣщавъ большое награжденіе тѣмъ, которые первые имъ овладѣютъ. Сначала непріятель упорно выдерживалъ натискъ нашихъ; въ одно и то же время онъ и оборонялся съ крышъ домовъ и защищалъ вооруженными людьми берегъ; доступъ къ нему для нашихъ былъ затрудниteленъ по его крутости; притомъ непріятель, искусно пользуясь знаніемъ мѣстности, защищалъ узкіе морскіе проходы пятью галерами и многими мелкими судами. Наконецъ наши, изслѣдовавъ мѣстность и отыскавъ броды, вышли на берегъ сначала въ маломъ числѣ, а потомъ и всѣ за ними послѣдовали и произвели дружное нападеніе на непріятелей, оборонявшихъ берегъ. Тогда всѣ Фаросцы обратили тылъ; видя это, бывшіе на судахъ, оставивъ защиту гавани, причалили къ берегу и расположенному на немъ селенію, и вышли изъ судовъ для защиты домовъ.

18. Впрочемъ и въ укрѣпленіяхъ непріятель не могъ долго продержаться. Хотя строенія здѣсь были такія же, какъ и въ Александріи (конечно только въ меньшемъ размѣрѣ), а высокія и сплошныя башни представляли настоящую стѣну; притомъ наши не взяли съ собою ни лѣстницъ, ни фашинъ, и ничего, что нужно для приступа; однако ужасъ заставляетъ въ людяхъ молчать голосъ здраваго разсудка и отнимаетъ силу у членовъ, какъ случалось и на этотъ разъ. Тѣ же самые непріятельскіе воины, которые мыслили о сопротивленіи нашимъ на ровномъ мѣстѣ, считая себя совершенно имъ равными, были до того испуганы пораженіемъ и большою потерею своихъ, что уже не считали себя въ безопасности на вершинѣ строеній, имѣвшихъ 30 футовъ вышины, и черезъ молъ метались оттуда въ море, пытаясь спастись вплавь до города, отстоявшаго оттуда на 900 шаговъ. Однако многіе изъ нихъ были взяты и умерщвлены, всего же взятыхъ въ плѣнъ было 400 человѣкъ.

19. Цезарь отдалъ занятыя имъ строенія на разграбленіе воинамъ, какъ воинскую добычу; укрѣпленіе же, находившееся у моста, ближе

къ Фаросу, возобновилъ и оставилъ въ немъ гарнизонъ. Фаросцы изъ него бѣжали; но другой мостъ, ближайшій къ Александріи и и сильнѣе укрѣпленный, они еще обороняли. На другой день Цезарь произвелъ приступъ и къ нему, надѣясь взятіемъ его положить конецъ внезапнымъ грабительскимъ набѣгамъ непріятельскихъ судовъ. Мѣткою стрѣльбою ручною и изъ орудій непріятель скоро былъ сбитъ съ моста и отступилъ къ городу. Тогда Цезарь высадилъ на него примѣрно около трехъ когортъ (болѣе помѣстить тамъ войскъ не позволяла тѣснота мѣста, а потому прочія войска и остались на судахъ). Потомъ Цезарь приказалъ на мосту къ сторонѣ непріятеля возводить валъ, а мѣсто, гдѣ мостъ образовалъ сводъ, назначенный для выхода судовъ, велѣлъ завалить каменьями. Послѣднее немедленно было приведено въ исполненіе, и такимъ образомъ ни самаго малаго размѣра суда не могли болѣе выходить изъ гавани, и работы по укрѣпленію моста начались; тогда, по совершенно другому плану дѣйствія, всѣ войска Александрійцевъ вышли изъ города и на широкомъ мѣстѣ, у головы моста, стали готовыя къ бою; въ то же время суда, которыя обыкновенно высылались изъ-за мостовъ для зажженія транспортныхъ судовъ нашихъ, были придвинуты къ молу. Такимъ образомъ наши сражались съ мосту и съ мола, а непріятель съ площадки, находящейся напротивъ моста, и съ судовъ дѣйствовалъ противъ мола.

20. Пока Цезарь занимался этимъ и увѣщевалъ воиновъ, съ нашихъ галеръ большее число гребцовъ и моряковъ высадилось на молъ, — одни увлечены были желаніемъ посмотрѣть, а другіе увлечены желаніемъ подраться. Они сначала отражали подходившія къ мосту суда непріятельскія, бросая каменья и пращи, и приносили значительную пользу въ этомъ отношеніи множествомъ метательныхъ снарядовъ. Когда же въ сторонѣ отъ нихъ, съ открытаго фланга, высадилось нѣсколько Александрійцевъ, то наши, бывшіе безо всякаго порядка и распоряженія, видя свою неосторожность, стали спасаться бѣгствомъ съ мола на суда. Видя ихъ бѣгство, обрадованные Александрійцы спѣшили высаживаться и сильно тѣснили и преслѣдовали нашихъ при отступленіи. Остававшіеся же на галерахъ спѣшили, отнявъ лѣстницы, отодвинуть суда отъ берега, дабы они не достались въ руки непріятеля. Наши воины трехъ когортъ, находившіеся на мосту и первомъ молѣ, смутились, слыша за собою крики и видя бѣгство своихъ, а спереди поражаемые множествомъ стрѣлъ непріятельскихъ, они испугались, какъ бы непріятель не зашелъ имъ въ тылъ, и какъ бы съ удаленіемъ судовъ не были они совершенно отрѣзаны.

А потому они и оставили начатыя ими работы по укрѣпленію моста и въ поспѣшномъ бѣгствѣ устремились къ судамъ. Частью они достигли ближнихъ судовъ, но, насажавшись въ большомъ числѣ на нихъ, они отъ тяжести вмѣстѣ съ ними пошли ко дну. Часть, колебавшаяся и думавшая о томъ, какъ ей поступить, была избита Александрійцами. Нѣкоторые были такъ счастливы, что нашли безопасное убѣжище на легкихъ судахъ, стоявшихъ у берега на якорѣ. Немногіе спаслись вплавь къ ближайшимъ судамъ съ помощью щитовъ и употребивъ всѣ усилія.

21. Цезарь самъ не избѣгъ этой опасности; пока можно было, онъ все убѣждалъ своихъ защищать мостъ и укрѣпленіе. Видя же, что бѣгство становится общимъ, онъ удалился на свой корабль. Когда множество воиновъ бросились на него въ безпорядкѣ и невозможно было ни управлять судномъ, ни отодвинуть его отъ берега, то Цезарь, предвидя участь этого судна, бросился съ него и вплавь достигъ одного изъ судовъ, стоявшихъ поодаль. Отсюда онъ посылалъ на помощь своимъ лодки; они спасли нѣкоторыхъ; корабль же его, обремененный людьми, потонулъ. Въ этомъ сраженіи мы потеряли изъ числа легіонныхъ воиновъ около 400 и немного больше гребцовъ и моряковъ. Александрійцы усилили укрѣпленіе въ этомъ мѣстѣ новыми работами и военными орудіями; а заваленный проходъ для судовъ очистили совершенно такъ, что они свободно могли ходить по прежнему.

22. Этотъ уронъ не только не смутилъ нашихъ воиновъ, но еще болѣе ихъ воодушевилъ и вызвалъ на отмщеніе; съ нетерпѣніемъ ждали они случая напасть на укрѣпленія непріятеля. Въ ежедневныхъ стычкахъ, бывавшихъ совершенно случайно вслѣдствіе вылазокъ и набѣговъ Александрійцевъ.... несмотря на то, что силы наши были развлечены защитою большихъ укрѣпленій, воины пылали усердіемъ. Убѣжденія Цезаря не соотвѣтствовали ни терпѣнію воиновъ въ работахъ, ни ихъ желанію сражаться. Скорѣе кажется нужно было охладить жаръ воиновъ, чтобы не допустить ихъ очертя голову бросаться въ самыя опасныя предпріятія, чѣмъ возбуждать ихъ къ сраженію; поощрять же ихъ усердіе было бы излишнимъ.

23. Александрійцы, видя, что Римляне въ счастіи становятся самоувѣреннѣе и въ несчастіи не теряютъ присутствія духа, истощивъ всѣ средства къ оборонѣ, и въ нерѣшительности, какъ надобно полагать, не зная болѣе къ чему прибѣгнуть, или вслѣдствіе убѣжденій приближенныхъ царя, которые находились во власти Цезаря, или секретно получивъ одобреніе своего прежняго замысла отъ

царя, черезъ его пословъ, отправили къ Цезарю просить: «чтобы онъ выпустилъ царя и дозволилъ бы ему перейдти къ своимъ; что весь народъ, которому надоѣло правленіе женщины черезъ довѣренное лицо, крайне жестокое управленіе Ганимеда, готовъ будетъ исполнить то, что ему прикажетъ царь, и если онъ изберетъ дружбу и союзъ съ Цезаремъ, то никакой страхъ опасности не воспрепятствуетъ всему народу совершенно покориться».

24. Цезарь, хотя зналъ вѣроломство этого народа, привыкшаго высказывать совершенно противуположное его настоящимъ чувствамъ, однако нашелъ полезнымъ дать ему прощеніе по его просьбѣ. Въ этомъ случаѣ разсчетъ его былъ таковъ: если Александрійцы дѣйствительно также думали, какъ говорили, то нельзя было сомнѣваться, что царь, и будучи отпущенъ, останется въ дружбѣ съ Римлянами. Если же, чего скорѣе надобно было ожидать отъ природныхъ свойствъ жителей, они только желаютъ имѣть въ царѣ главу своего возстанія, то для него, Цезаря, болѣе чести и славы вести войну съ царемъ, чѣмъ съ шайкою бѣглыхъ и пришлецовъ. А потому Цезарь убѣждалъ царя: «порадѣть о наслѣдственномъ его государствѣ, пощадить прекраснѣйшее свое отечество, которое, бывъ доголѣ въ цвѣтущемъ положеніи, сдѣлалось теперь жертвою огня и разрушенія. Ему надлежитъ образумить своихъ подданныхъ и открыть имъ въ союзѣ съ народомъ римскимъ вѣрный путь къ безопасности. Довѣріе же его, Цезаря, къ нему такъ велико, что онъ отпускаетъ его къ его подданнымъ, находящимся въ открытой войнѣ съ нимъ». Цезарь взялъ правою рукою правую же руку царя, уже приходившаго въ совершенный возрастъ, и началъ съ нимъ прощаться. Царь, съ малолѣтства бывшій въ школѣ лицемѣрія и обмана, остался и тутъ вѣренъ характеру своего народа; со слезами онъ началъ умолять Цезаря: «чтобы онъ его не отпускалъ отъ себя; и самое царство для него не такъ пріятно какъ видѣть Цезаря». Цезарь самъ былъ растроганъ, уговаривалъ царя не плакать, представляя ему, что отъ него зависитъ, чтобы ихъ разлука была кратковременная, и потомъ отпустилъ его къ его народу. Но онъ какъ бы вырвавшись на свободу изъ тюрьмы, съ такимъ ожесточеніемъ началъ вести войну съ Цезаремъ, что не оставилъ сомнѣнія, что слезы, пролитыя при разлукѣ съ нимъ, были слезы радости. Приближенные Цезаря и многіе изъ его войска легаты, сотники и воины не безъ удовольствія видѣли, какъ коварно насмѣялся лицемѣрный мальчикъ надъ излишнею добротою Цезаря; но Цезарь въ этомъ случаѣ слѣдовалъ не одному только доброму влеченію сердца, а имѣлъ планъ, основанный на глубокомъ разсчетѣ.

25. Получивъ новаго вождя, Александрійцы нисколько не сдѣлались отъ этого сильнѣе, а Римляне не ослабѣли въ силахъ. Съ огорченіемъ они видѣли, что воины съ презрѣніемъ и насмѣшкою смотрятъ на возрастъ и слабость царя, и что отъ него нѣтъ имъ никакой пользы. До непріятелей дошелъ слухъ, еще самому Цезарю неизвѣстный, что сильное вспомогательное войско идетъ на помощь Цезарю сухимъ путемъ изъ Сиріи и Киликіи. Они вознамѣрились отрѣзать намъ подвозы разныхъ припасовъ моремъ. Съ этою цѣлью въ удобныхъ мѣстахъ у Канопа они разставили на-сторожѣ легкія суда и вредили нашимъ транспортамъ. Получивъ объ этомъ извѣстіе, Цезарь приказалъ изготовиться и выступить въ походъ своему флоту, поручивъ надъ нимъ начальство Тиб. Нерону. При этомъ флотѣ отправились и родосскія суда и съ ними Евфраноръ, безъ котораго не обходилась ни одна, мало-мальски удачная, морская экспедиція. Но счастіе, нерѣдко берегущее несчастный конецъ для своихъ любимцевъ, измѣнило Евфранору и привело его къ гибели. Когда флотъ нашъ прибылъ къ Канопу и сразился съ непріятельскимъ, то Евфраноръ, по своему обыкновенію, первый вступилъ въ дѣло, пробилъ одну непріятельскую трирему и затопилъ ее; но, преслѣдуя другую, зашелъ слишкомъ далеко и былъ окруженъ Александрійцами; наши же суда не поспѣли за нимъ и не подали ему помощи, или полагая, что Евфраноръ довольно храбръ и самъ вывернется изъ опасности, или опасаясь сами за себя. Такимъ образомъ, въ этомъ сраженіи, только одинъ Евфраноръ поступилъ какъ слѣдовало, но и погибъ жертвою своей храбрости и съ своимъ побѣдоноснымъ кораблемъ.

26. Около этого времени Мидридатъ, уроженецъ Пергама, знатнаго происхожденія человѣкъ, извѣстный знаніемъ военнаго дѣла и храбростью, испытанной вѣрности и преданности въ дружбѣ къ Цезарю (онъ еще въ самомъ началѣ Александрійской войны былъ отправленъ въ Сирію и въ Киликію за вспомогательнымъ войскомъ, и собралъ его въ теченіи непродолжительнаго времени, какъ вслѣдствіе общаго усердія всѣхъ племенъ къ Цезарю, такъ и неусыпными своими трудами) пришелъ къ Пелузію съ войскомъ по перешейку, соединяющему Египетъ съ Сиріею. Этотъ городъ, весьма важный по своему положенію (онъ съ сухаго пути ключъ Египта, точно также какъ съ моря Фаросъ), былъ занятъ сильнымъ гарнизономъ изъ войска Ахиллы. Мидридатъ, окруживъ его со всѣхъ сторонъ многочисленнымъ войскомъ, одновременно произвелъ нападеніе на всѣхъ пунктахъ, и постоянно вводя въ дѣло свѣжія силы, благодаря храбрости и упорству своихъ войскъ,

тѣмъ же днемъ овладѣлъ городомъ, какимъ къ нему подошелъ и оставилъ въ немъ гарнизонъ. Совершивъ такой славный подвигъ, онъ двинулся къ Цезарю въ Александрію и покорилъ Цезарю всѣ мѣста, по которымъ проходилъ, больше одною славою, обыкновенно предшествующею побѣдителю, чѣмъ силою оружія.

27. Лучшимъ мѣстомъ Египта по справедливости можно назвать то. которое находится близь Александріи и именуется Дельтою, вслѣдствіе сходства съ этою буквою. Здѣсь рѣка Нилъ неожиданно дѣлится на двое и, понемногу расходясь двумя руслами по разнымъ направленіямъ, впадаетъ въ море, оставивъ между ними весьма большое разстояніе. Царь, узнавъ о приближеніи Мидридата къ этому мѣсту и желая воспрепятствовать ему перейдти рѣку, послалъ противъ него сильныя войска съ приказаніемъ, или совершенно истребить его войска, или только удержать ихъ, въ чемъ, какъ полагалъ, не было затрудненія. Главное, царю нужно было не столько уничтожить войска Мидридата, сколько воспрепятствовать ему соединиться съ Цезаремъ. Передовыя войска царя, какъ только перешли рѣку у Дельты, и встрѣтились съ войсками Мидридата, торопясь, какъ бы нераздѣлить честь побѣды съ слѣдовавшими за ними войсками вступили въ бой. Первый натискъ ихъ Мидридатъ выдержалъ весьма осторожно въ лагерѣ, укрѣпленномъ сообразно съ нашими военными обычаями. Когда же непріятель въ разстройствѣ и опрометчиво подошелъ подъ самыя его укрѣпленія, то, сдѣлавъ со всѣхъ сторонъ вылазку, онъ умертвилъ весьма многихъ изъ нихъ. Только благодаря знанію мѣстности и присутствію судовъ, съ помощью которыхъ онъ перешелъ рѣку, непріятель избѣгъ совершеннаго истребленія. Опомнившись отъ страха, разбитыя непріятельскія войска примкнули къ слѣдовавшимъ за ними свѣжимъ и снова начали нападать на войска Мидридата.

28. Мидридатъ отправилъ гонца къ Цезарю, давая ему знать о случившемся; въ то же время царь узналъ о томъ же отъ своихъ. Такимъ образомъ почти одновременно отправились—царь раздавить всѣми силами войска Мидридата, а Цезарь на выручку его. Царь скорѣе совершилъ путь быстрымъ плаваніемъ по Нилу, имѣя на немъ многочисленный и совершенно готовый флотъ. Цезарь не хотѣлъ идти тѣмъ же путемъ, дабы не быть вынужденнымъ принять на рѣкѣ сраженіе; но онъ предпочелъ плыть по морю, омывающему, какъ мы говорили выше, эту часть африканскаго берега, и поспѣлъ прежде, чѣмъ царь произвелъ нападеніе на Мидридата; такимъ образомъ этотъ послѣдній съ побѣдоноснымъ и невредимымъ войскомъ остановился на возвышенной мѣстности, укрѣпленной природою; она окружена со

всѣхъ сторонъ равниною и съ трехъ прикрыта была укрѣпленіями разнаго рода. Одною стороною примыкала она къ рѣкѣ Нилу, другою къ самому высокому пункту возвышенности, гдѣ и расположенъ былъ лагерь, а съ третьей она опоясывалась болотомъ.

29. На пространствѣ, отдѣлявшемъ лагерь царя отъ лагеря Цезарева, въ разстояніи отъ перваго миляхъ въ семи, текла въ крутыхъ берегахъ не широкая рѣка, впадающая въ Нилъ. Царь, зная, что этимъ путемъ надлежало идти Цезарю, отправилъ впередъ къ этой рѣкѣ всю конницу и отборныхъ легковооруженныхъ пѣхотинцевъ съ цѣлью воспрепятствовать переходу Цезаря черезъ рѣку. Непріятель стрѣлялъ издали съ возвышеннаго берега рѣки; бой былъ для обѣихъ сторонъ неравный; при такихъ условіяхъ и храбрость оставалась безполезною и трусость безъ наказанія. Воины наши, какъ пѣшіе, такъ и конные, ведя въ теченіи столь долгого времени борьбу съ Александрійцами при равныхъ условіяхъ, пришли теперь въ негодованіе. Такимъ образомъ въ одно и то же время наши германскіе всадники, отыскивая бродъ по рѣкѣ, спустились по берегу, гдѣ онъ былъ менѣе крутъ, и бросались вплавь черезъ рѣку,—и нашихъ легіоновъ воины, срубивъ огромныя деревья, которыя доставили съ одного берега на другой, образовали на скорую руку мостъ, и перешли рѣку. Непріятель до того пришелъ въ ужасъ отъ нападенія нашихъ, что всю надежду на спасеніе положилъ въ бѣгствѣ; впрочемъ, напрасно: весьма немногимъ удалось уйдти къ войскамъ царя, а почти всѣ остальные въ большомъ числѣ были избиты.

30. Цезарь, послѣ полнаго успѣха, немедленно двинулся къ царскому лагерю, желая своимъ быстрымъ и неожиданнымъ движеніемъ вселить ужасъ въ Александрійцевъ и безъ того пораженныхъ одержанною имъ побѣдою. Но видя, что лагерь царя сильно укрѣпленъ и мѣстностью и искусствомъ, и что валъ покрытъ множествомъ воиновъ готовыхъ къ защитѣ, Цезарь незаблагоразсудилъ произвесть приступъ съ воинами, утомленными отъ дороги и отъ сраженія. Вслѣдствіе этого онъ расположился лагеремъ въ небольшомъ разстояніи отъ непріятельскаго. На другой день Цезарь со всѣми силами ударилъ на укрѣпленіе, сдѣланное царемъ въ ближайшемъ селеніи, неподалеку отъ его лагеря (желая удержать это селеніе за собою, царь соединилъ его линіею укрѣпленій съ лагеремъ) и овладѣлъ имъ. Нападеніе произведено было Цезаремъ со всѣми силами не потому, чтобы съ меньшимъ числомъ воиновъ нельзя было ждать успѣха, но для того, чтобы, пользуясь своимъ успѣхомъ и смятеніемъ Александрійцевъ, немедленно сдѣлать приступъ къ царскому лагерю. Такимъ образомъ воины наши, пре-

слѣдуя Александрійцевъ, спасавшихся бѣгствомъ изъ укрѣпленія въ лагерь, подошли къ самому валу, у котораго и завязался упорный бой. Съ двухъ сторонъ только можно было нашимъ весть приступъ: съ одной, гдѣ была, какъ выше сказано, ровная мѣстность; съ другой, гдѣ оставался небольшой промежутокъ отъ укрѣпленій лагеря до рѣки Нила. Со стороны ровной мѣстности отборные и многочисленные полки Александрійцевъ дѣлали отпоръ нашимъ; но еще съ большимъ успѣхомъ и вредомъ для нашихъ воиновъ дѣйствовалъ непріятель къ сторонѣ рѣки Нила: наши были поражаемы съ двухъ сторонъ стрѣлами: съ вала непріятельскаго лагеря и съ судовъ, въ большомъ количествѣ стоявшихъ на рѣкѣ и наполненныхъ стрѣлками и пращниками.

31. Цезарь, видя, что его воины вотще истощаютъ всѣ усилія храбрости и ничего не могутъ сдѣлать вслѣдствіе неблагопріятныхъ условій мѣстности, замѣтилъ, что Александрійцы оставили безъ защиты самый возвышенный пунктъ лагеря. Полагая его достаточно защищеннымъ крутизною мѣстности, они всѣ собрались къ тому мѣсту, гдѣ происходило сраженіе, частью изъ любопытства, частью желая принять въ немъ участіе. А потому Цезарь отдалъ приказаніе нѣсколькимъ когортамъ обойдти лагерь и овладѣть самимъ возвышеннымъ его пунктомъ; начальство надъ этою экспедиціею Цезарь ввѣрилъ Карфулену, котораго присутствіе духа и знаніе военнаго дѣла были ему хорошо извѣстны. Когда воины наши прибыли къ цѣли похода, они встрѣтили самое незначительное сопротивленіе. Александрійцы, видя опасность и слыша наши воинскіе клики со всѣхъ сторонъ, пришли въ смятеніе и искали спасенія въ бѣгствѣ изъ одной части лагеря въ другую. Видя замѣшательство враговъ, наши пришли еще въ большее одушевленіе и почти одновременно на всѣхъ пунктахъ проникли въ непріятельскій лагерь; впрочемъ воины Карфулена первые заняли самый возвышенный пунктъ его и, разсыпавшись оттуда по лагерю, избивали непріятелей. Большая часть Александрійцевъ, избѣгая грозившей имъ опасности, устремились толпами съ лагернаго вала къ рѣкѣ: множество ихъ погибло въ самомъ рву, но по трупамъ ихъ слѣдующіе проложили болѣе удобный для себя путь къ бѣгству. Достовѣрно извѣстно, что самъ царь бѣжалъ изъ лагеря и былъ принятъ на судно, но погибъ вмѣстѣ съ нимъ, когда оно было затоплено множествомъ людей, которые подплывали къ ближайшимъ судамъ.

32. Свершивъ дѣло весьма счастливо и быстро Цезарь, обнадеженный совершенно такою блистательною побѣдою, ближайшею сухопутною дорогою двинулся къ Александріи и вошелъ побѣ-

дителемъ въ ту часть города, которая занята была непріятельскими войсками. Онъ не обманулся въ своемъ ожиданіи, что непріятель, услыхавъ о результатѣ послѣдняго сраженія, не будетъ болѣе помышлять о сопротивленіи. По прибытіи своемъ въ Александрію, Цезарь пожалъ достойные плоды своей храбрости и величія духа. Всѣ жители города, бросивъ оружіе, вышли изъ укрѣпленій и, облекшись въ одѣянія, въ которыхъ обыкновенно молятъ побѣдителей о пощадѣ, вынесли всю свою святыню, которою привыкли умилостивлять своихъ разгнѣванныхъ и оскорбленныхъ царей, и такъ встрѣтили Цезаря съ изъявленіемъ совершенной покорности. Цезарь ободрилъ ихъ милостивыми словами и, принявъ ихъ обѣщанія въ вѣрности, черезъ укрѣпленія непріятельскія прибылъ въ свою часть города, гдѣ встрѣченъ былъ поздравленіями своихъ: они радовались не только счастливому окончанію опасностей и войны, но и самому прибытію Цезаря.

33. Онъ, овладѣвъ Египтомъ и Александріею, поставилъ надъ ними царей, назначенныхъ Птоломеемъ въ завѣщаніи (свидѣтелями и поручителями того, что его распоряженія не будутъ измѣнены, онъ назначилъ Римлянъ). Такъ какъ старшій изъ сыновей Птоломея погибъ, то царская власть отдана младшему и съ нимъ старшей изъ двухъ сестеръ его Клеопатрѣ, которая все время неизмѣнно оставалась въ дружественномъ союзѣ съ Цезаремъ и не покидала его владѣній. Младшую же царевну Арсиною, именемъ которой, какъ мы выше писали, такъ неумѣренно въ теченіи долгаго времени правилъ Ганимедъ, Цезарь рѣшился удалить изъ Египта для того, чтобы на будущее время, пока упрочится власть новыхъ государей, отнять поводъ къ возмущенію, которымъ могли воспользоваться люди злонамѣренные. Съ собою Цезарь взялъ только шестой легіонъ, состоявшій изъ ветерановъ; прочіе же легіоны оставилъ здѣсь, чтобы упрочить власть царей, которые не могли пользоваться расположеніемъ своихъ подданныхъ, такъ какъ они оставались вѣрными дружбѣ Цезаря и еще не имѣли въ свою пользу правъ давности владѣнія, будучи царями только едва нѣсколько дней. Притомъ общая польза и величіе государства требовали, чтобы войска римскія оставались здѣсь: въ случаѣ вѣрности новыхъ государей, они были для нихъ опорою и ручательствомъ безопасности; въ случаѣ же ихъ измѣны, они легко могли быть тотчасъ наказаны. Распорядясь такимъ образомъ и устроивъ всѣ дѣла, Цезарь сухимъ путемъ двинулся въ Сирію.

34. Пока описанныя выше событія происходили въ Египтѣ, царь

Деіотаръ прибылъ къ Домицію Кальвину, управленію котораго Цезарь ввѣрилъ Азію и сосѣднія провинціи, и умолялъ его не допустить Фарнака присвоивать себѣ и опустошать его царство Малую Арменію и царство Аріобарзана—Каппадокію. Въ противномъ случаѣ—говорилъ Деіотаръ—они будутъ не въ состояніи исполнять его приказанія и платить положенную съ нихъ дань. Домицій разсудилъ, что какъ съ одной стороны необходимъ исправный платежъ дани, употребляемой на содержаніе войска, такъ съ другой стороны несовмѣстно съ честью и величіемъ народа римскаго и побѣждавшаго вездѣ Цезаря, допускать чуждаго царя отнимать владѣнія у государей, бывшихъ въ союзѣ и въ дружбѣ съ нами. Онъ немедленно отправилъ гонцовъ къ Фарнаку, давая ему знать, чтобы онъ очистилъ Арменію и Каппадокію, и что народъ римскій, хотя и занятый внутреннею войною, не допуститъ посягательства на свои права и величіе. Чтобы силою поддержать свои требованія, Домицій рѣшился двинуться впередъ съ войскомъ. Прибывъ къ легіонамъ, онъ взялъ съ собою одинъ изъ трехъ, а именно 36-й, а два послалъ въ Египетъ къ Цезарю вслѣдствіе его письменнаго приказанія: одинъ изъ нихъ, отправленный сухимъ путемъ черезъ Сирію, не поспѣлъ къ Александрійской войнѣ. Кн. Домицій къ своему тридцать шестому легіону присоединилъ два Деіотаровы, въ теченіи многихъ лѣтъ обученные нашей дисциплинѣ и вооруженію, и сто всадниковъ; столько же всадниковъ взялъ онъ у Аріобарзана. Онъ послалъ П. Секстія къ Кн. Плеторію, квестору, съ приказаніемъ привесть легіонъ, набранный въ Понтѣ на скорую руку, а Квинкта Патизія въ Киликію за вспомогательными войсками. По распоряженію Домиція всѣ эти войска поспѣшно сосредоточились въ Команѣ.

35. Между тѣмъ послы принесли отъ Фарнака такой отвѣтъ: «Каппадокію онъ очистилъ, но малую Арменію онъ удержалъ, такъ какъ права на нее достались ему отъ отца. Впрочемъ онъ ихъ отдаетъ вполнѣ на судъ Цезаря; готовъ онъ будетъ исполнить все, чтобы тотъ ни постановилъ. Кн. Домицій понималъ, что Фарнакъ очистилъ Каппадокію не добровольно, а по необходимости; ему легче было защитить Малую Арменію, непосредственно къ его царству прилежащую, чѣмъ отдаленную Каппадокію. Притомъ Фарнакъ полагалъ, что Домицій идетъ со всѣми тремя легіонами; когда же узналъ, что два изъ нихъ отправлены къ Цезарю, то онъ смѣлѣе расположился въ Арменіи. Впрочемъ Домицій настаивалъ на своихъ требованіяхъ: «чтобы Фарнакъ вышелъ и изъ Малой Арменіи, на которую онъ не больше имѣетъ права, какъ и на Каппадокію. Несправедливо съ

его стороны требовать, чтобы дѣло оставалось въ такомъ положеніи до прибытія Цезаря; а пусть онъ приведетъ его въ тотъ видъ, какъ оно было прежде». Давъ такой отвѣтъ Фарнаку, Домицій двинулся въ Арменію съ тѣми силами, о которыхъ мы упомянули выше, избравъ для похода дорогу по возвышеніямъ. Изъ Понта отъ Команы идетъ довольно высокій горный хребетъ, поросшій лѣсомъ, и достигаетъ до Малой Арменіи въ томъ мѣстѣ, гдѣ она граничитъ съ Каппадокіею. Выгода избраннаго Домиціемъ пути заключалась въ томъ, что по возвышенности мѣста нельзя было опасаться нечаяннаго нападенія со стороны непріятеля. Притомъ Каппадокія, разстилавшаяся у подошвы этого горнаго хребта, въ избыткѣ могла доставлять всѣ припасы, нужныя для содержанія войска.

36. Между тѣмъ Фарнакъ отправлялъ посольство за посольствомъ къ Домицію съ предложеніями мира и съ богатыми подарками. Домицій упорно отвергалъ и то и другое, говоря посламъ Фарнака, что для него всего дороже величіе народа римскаго и защита правъ союзныхъ царей. Большими и безостановочными переходами Домицій прибылъ къ Никополю (городъ этотъ находится въ Малой Арменіи на ровномъ и открытомъ мѣстѣ, но въ нѣкоторомъ разстояніи по обѣимъ сторонамъ его идутъ горы) и расположился лагеремъ въ семи миляхъ отъ него. Такъ какъ, по выходѣ изъ этого лагеря, Домицію надлежало проходитъ тѣснины, то Фарнакъ расположилъ у нихъ въ засадѣ отборную пѣхоту и почти всю конницу; въ сосѣднихъ же мѣстахъ велѣлъ стеречь въ большомъ количествѣ стада и показываться земледѣльцамъ и горожанамъ безъ опасенія, какъ въ мирное время. Цѣль Фарнака была или заманить Домиція въ засаду мирными предложеніями и тѣмъ, что видъ страны, наполненной стадами и мирными жителями, казалось уничтожалъ всякое опасеніе войны; или давъ приманку добычи воинамъ Домиція, напасть на нихъ въ то время, когда они разсѣются для грабежа.

37. Приготовивъ эту засаду, и чтобы лучше заманить въ нее Домиція, Фарнакъ не переставалъ посылать къ нему, высказывая желаніе мира и дружбы. Но это самое ожиданіе и надежда кончить все миромъ и замедлили выступленіе Домиція изъ лагеря. Фарнакъ, видя, что случай къ нечаянному нападенію прошелъ, и что его засада можетъ быть открыта, отвелъ свои войска оттуда въ лагерь. На другой день Домицій подошедъ къ самому Никополю и сталъ у стѣнъ его лагеремъ. Пока наши воины занимались его укрѣпленіемъ, Фарнакъ расположилъ свои войска въ боевомъ порядкѣ, имъ изобрѣтенномъ и всегда употребляемомъ: съ фронта онъ поставилъ вой-

ска въ одну линію, но на флангахъ въ три линіи. Въ центрѣ точно также были три линіи и только въ обоихъ промежуткахъ между центромъ и крыльями войска были расположены въ одну линію. Домицій безпрепятственно привелъ къ концу укрѣпленія лагеря, поставивъ часть войскъ передъ валомъ.

38. Въ слѣдующую ночь Фарнакъ, перехвативъ гонцовъ несшихъ письма къ Домицію объ Александрійскихъ дѣлахъ, узналъ изъ нихъ, что Цезарь самъ находится въ большой опасности и проситъ Домиція прислать ему какъ можно скорѣе вспомогательныя войска и самого черезъ Сирію придвинуться ближе къ Александріи. Узнавъ объ этомъ, Фарнакъ надѣялся на успѣхъ, только стараясь выиграть время и полагая, что Домицію необходимо будетъ поспѣшно удалиться. Съ этою цѣлью онъ отъ города съ той стороны, гдѣ нашимъ удобнѣе было произвести на него нападеніе, приказалъ провесть два рва, параллельно, одинъ отъ другаго въ небольшомъ разстояніи, въ четыре фута глубины. За эти рвы Фарнакъ рѣшился не выводить войска и позади ихъ располагалъ ихъ въ боевомъ порядкѣ. Конницу же всю ставилъ внѣ рва по флангамъ, какъ потому, что иначе она не могла приносить никакой пользы, такъ и потому, что она далеко была гораздо многочисленнѣе нашей.

39. Домицій болѣе озабоченъ былъ затруднительнымъ положеніемъ Цезаря, чѣмъ своимъ собственнымъ. Отступленіе совершить съ безопасностью онъ не могъ и какъ было отступить безъ всякаго повода и напрашиваться на тѣ условія, которыя имъ же были отвергнуты? А потому онъ вывелъ войска изъ лагеря и расположилъ ихъ въ боевомъ порядкѣ. Тридцать шестой легіонъ онъ поставилъ на правомъ флангѣ, а понтійскій на лѣвомъ; изъ легіоновъ Деіотаровыхъ онъ составилъ центръ, сжавъ его съ фронта какъ можно тѣснѣе; изъ остальныхъ когортъ образовалъ онъ резервъ. Тогда между обоими войсками, готовыми къ бою, завязалось сраженіе.

40. По данному въ одно и то же время съ обѣихъ сторонъ сигналу, бросились воины одни на другихъ; бой былъ упорный и съ перемѣннымъ счастіемъ. Тридцать шестой легіонъ, ударивъ на непріятельскую конницу, расположенную по сю сторону рва, разбилъ ее на голову, гналъ до стѣнъ города и, перешедъ тамъ ровъ, напалъ на непріятелей съ тылу. Понтійскій легіонъ отступилъ немного, а резервъ пытался, обошедъ непріятеля, ударить на него съ открытаго флангу, но не могъ удачно исполнить этого, былъ смятъ и разбитъ при самомъ переходѣ рва, а Деіотаровы легіоны едва выдержали первый натискъ. Такимъ образомъ непріятель, одержавъ совершенную побѣду въ центрѣ и на

правомъ крылѣ, обратился всѣми силами на тридцать шестой легіонъ. Несмотря на несоразмѣрность силъ, тотъ образовалъ изъ себя кругъ, храбро оборонялся отъ многочисленнаго непріятеля и, не теряя присутствія духа, сражаясь отступилъ къ подошвѣ горъ. Фарнакъ не рѣшился преслѣдовать его туда по затруднительной мѣстности. Такимъ образомъ Понтійскій легіонъ былъ почти совершенно уничтоженъ, большая часть воиновъ Деіотара погибла; но тридцать шестой легіонъ успѣлъ спастись въ горы, потерявъ не болѣе 250 человѣкъ; въ этомъ сраженіи было убито нѣсколько всадниковъ римскихъ, извѣстныхъ по своей храбрости и общественному положенію. Домицій послѣ такого пораженія собралъ остатки разбитаго войска и отступилъ въ Азію черезъ Каппадокію, слѣдуя безопасными дорогами.

41. Фарнакъ возгордился успѣхомъ и надѣялся, что съ Цезаремъ дѣлается именно то, чего бы ему хотѣлось, и всѣми силами занялъ Понтъ. Онъ уже мечталъ о величіи своего отца только съ болѣе счастливымъ исходомъ. Какъ побѣдитель онъ пользовался своимъ торжествомъ и царскою властью съ величайшею жестокостью: взялъ силою много городовъ, разграбилъ имѣнія гражданъ римскихъ и жителей Понта и примѣнялъ въ отношеніи къ тѣмъ изъ нихъ, которые заслуживали вниманія по своему возрасту и красотѣ, такія казни, которыя были хуже самой смерти. Однимъ словомъ безпрепятственно занявъ Понтъ, Фарнакъ хвалился, что возвратилъ подъ свою власть царство принадлежавшее его отцу.

42. Около того же времени, значительный уронъ понесли мы въ Иллирикѣ; дотолѣ же эта область оставалась за нами и оборона ея ничего не принесла намъ, кромѣ чести. Посланный туда лѣтомъ съ двумя легіонами, К. Корнифицій, квесторъ Цезаря, исправлявшій должность претора, несмотря на то, что эта провинція была опустошена и истощена войною и раздорами жителей, своею неусыпною дѣятельностью и благоразуміемъ, а главное осторожностью, съ какою онъ избѣгалъ заходить далеко, не только-что удержалъ, но и отстаивалъ ее съ большимъ успѣхомъ. Онъ покорилъ силою многія крѣпостцы, расположенныя на возвышенныхъ мѣстахъ, жители которыхъ подъ защитою мѣстности вносили своими набѣгами войну и опустошеніе въ прилежащій край и отдалъ ихъ на разграбленіе своимъ воинамъ. Какъ ни скудна была найденная тамъ добыча, но при бѣдности провинціи и она была дорога для воиновъ, тѣмъ болѣе, что она была снискана ихъ доблестью. Когда Октавій, послѣ Фарсальской битвы, искалъ въ томъ заливѣ убѣжища съ большимъ флотомъ, то Корнифицій съ немногими судами Ядертинцевъ, которые постоянно оказывали Римскому

государству значительныя услуги, овладѣлъ многими судами Октавія, отошедшими отъ прочихъ и, присоединивъ взятыя суда къ имѣвшимся у него судамъ союзниковъ, образовалъ флотъ, который могъ ввести въ дѣло съ непріятельскимъ. Цезарь послѣ своей побѣды, отправился преслѣдовать Помпея въ отдаленныя земли и слыша, что много изъ бѣжавшихъ непріятелей ушло въ Иллирикъ по его близости къ Македоніи и что тамъ образовалось значительное скопище, отправилъ къ Габинію письменное приказаніе, чтобы онъ шелъ въ Иллирикъ съ легіонами рекрутовъ послѣдняго набора и, соединясь съ Корнифиціемъ, отстоялъ бы провинцію въ случаѣ, если ей будетъ угрожать опасность. Буде же для удержанія ея не будутъ потребны значительныя силы, то Габиній долженъ былъ отвести свои легіоны въ Македонію. Цезарь былъ убѣжденъ, что доколѣ Помпей будетъ въ живыхъ, жители этихъ странъ будутъ помышлять только о томъ, какъ бы возобновить войну.

43. Габиній прибылъ въ Иллирикъ въ зимнее время среди затрудненій всякаго рода. Можетъ-быть онъ имѣлъ о средствахъ провинціи преувеличенное понятіе или надѣялся на счастіе, сопровождавшее Цезаря во всѣхъ его дѣйствіяхъ или слишкомъ разсчитывалъ на свою храбрость и знаніе военнаго дѣла, совершивъ не разъ съ успѣхомъ затруднительные походы. Какъ бы то ни было, но по прибытіи онъ увидѣлъ, что нечего было надѣяться на средства области, частью истощенной, частью непокорной; на судахъ подвозить съѣстные припасы было невозможно, вслѣдствіе бурь, обыкновенно свирѣпствующихъ въ морѣ въ это время года. Среди такихъ затрудненій, Габиній долженъ былъ вести войну по указанію необходимости, а не по внушенію благоразумія. Такимъ образомъ онъ вынужденъ былъ недостатками всякаго рода въ самое суровое время года нападать приступомъ на города и укрѣпленія непріятельскія, причемъ терпѣлъ неоднократныя пораженія. До того пришелъ онъ въ пренебреженіе у туземцевъ, что дорогу въ Салону, приморскій городъ, населенный вѣрными и храбрыми римскими гражданами, проложилъ себѣ только открытою силою и упорнымъ боемъ. Тутъ потерялъ онъ болѣе двухъ тысячъ воиновъ, 38 сотниковъ, четыре трибуна; съ остальными же войсками удалился въ Салону; терпя тамъ лишенія всякаго рода, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ онъ умеръ тамъ отъ болѣзни. Неудача его при жизни и нечаянная смерть подали было большую Октавію надежду захватить всю эту провинцію; но счастіе, играющее первую роль въ военномъ дѣлѣ, предусмотрительность Корнифиція и мужество Батинія дали другой оборотъ дѣлу.

44. Ватиній, находясь въ Брундизіи и узнавъ о событіяхъ въ Иллирикѣ, будучи вызываемъ частыми письмами Корнифиція, для поданія помощи провинціи, слышалъ, что Октавій вступилъ въ союзъ съ дикими обитателями этой страны и въ весьма многихъ мѣстахъ приступаетъ къ занятымъ нашими войсками укрѣпленіямъ, частью моремъ съ помощью флота, частью съ сухаго пути пѣшими войсками туземцевъ. Несмотря на слабость здоровья и то, что силы тѣла не соотвѣтствовали бодрости духа, однако Ватиній преодолѣлъ всѣ трудности, какія ему противуставили его собственный недостатокъ силъ, зимнее время года и необходимость дѣйствовать поспѣшно. Имѣя у себя въ пристани очень мало галеръ, онъ послалъ письма въ Ахаію къ К. Калену, прося его прислать къ нему судовъ. Видя, что они замедлили прибытіемъ, опасное же положеніе нашихъ, не бывшихъ въ состояніи сопротивляться нападенію Октавія, не позволяло долго ждать, онъ придумалъ употребить въ дѣло транспортныя суда, которыхъ у него было большое количество, хотя и не такое, чтобы ихъ достаточно было для открытаго сраженія, и снабдилъ ихъ рострами такими, какъ у галеръ. Онъ присоединилъ ихъ къ галерамъ и, составивъ довольно значительный численностью флотъ, посадилъ на нихъ старыхъ воиновъ, которые въ большомъ числѣ изо всѣхъ легіоновъ оставались въ Брундизіи за болѣзнью при переходѣ войска въ Грецію и отправился въ Иллирикъ. По дорогѣ онъ взялъ нѣсколько приморскихъ городовъ, покорившихся было Октавію; прочіе же города, упорствовавшіе въ неповиновеніи, оставилъ покуда въ покоѣ, имѣя главною цѣлью какъ можно скорѣе настигнуть самого Октавія. Онъ въ это время осаждалъ съ моря и съ сухаго пути Епидавръ, гдѣ находился нашъ гарнизонъ; Ватиній своимъ прибытіемъ вынудилъ Октавія снять осаду, а гарнизонъ принялъ къ себѣ на суда.

45. Октавій, узнавъ, что большая часть Ватиніева флота состоитъ изъ транспортныхъ судовъ, надѣялся на превосходство своего флота и остановился у острова Тавриды. Ватиній слѣдовалъ за нимъ, не предполагая, чтобы онъ тамъ остановился, но не желая дать ему отдыха преслѣдованіемъ. Когда уже онъ подходилъ къ Тавридѣ и суда его шли въ безпорядкѣ, вслѣдствіе непогоды и не предполагая близости непріятеля, какъ вдругъ увидѣлъ, что навстрѣчу ему идетъ корабль; реи его были спущены до половины, мачты и самъ онъ наполненъ воинами. Замѣтивъ это, Ватиній немедленно отдалъ приказаніе свернуть паруса, спустить реи, а воинамъ взяться за оружіе. Въ то же время поднятіемъ флага, служащаго сигналомъ къ сраженію, онъ далъ знать

*

слѣдовавшимъ за нимъ судамъ, чтобы они поступили по его примѣру. Ватиніевы воины изготовлялись застигнутые врасплохъ, а Октавіевы суда уже совершенно готовые выступили изъ гавани. Съ обѣихъ сторонъ выстроились суда въ боевой порядокъ. Порядокъ и устройство были на сторонѣ Октавія, а готовность воиновъ и усердіе на сторонѣ Ватинія.

46. Ватиній, зная, что флотъ его и размѣромъ судовъ и числомъ ихъ уступаетъ непріятельскому, не рѣшился предоставить бой случайностямъ судьбы, а самъ первый съ своимъ судномъ о пяти рядахъ веселъ устремился на корабль о четырехъ рядахъ веселъ, на которомъ находился самъ Октавій. Съ такимъ напряженіемъ силъ и ловкостью дѣйствовали гребцы, что при столкновеніи обоихъ судовъ носами, мѣдная оббивка у корабля Октавіева была пробита и онъ удержался на одномъ деревѣ. Упорное сраженіе завязалось на всѣхъ пунктахъ, но особенно около судовъ, гдѣ находились вожди; къ нимъ спѣшили на помощь, и потому сраженіе сосредоточилось на маломъ пространствѣ моря и приняло характеръ рукопашнаго боя. Но чѣмъ ближе сходились суда, тѣмъ больше перевѣсъ былъ на сторонѣ Ватинія. Храбрые воины его съ удивительнымъ самоотверженіемъ перескакивали на непріятельскія суда и въ рукопашной схваткѣ, гдѣ мужество было на ихъ сторонѣ, безъ труда были побѣдителями. Корабль Октавіевъ затопленъ; многія его суда или захвачены въ плѣнъ, или съ пробитыми носами (рострами) пошли ко дну; бывшіе же на нихъ воины частью перерѣзаны, частью сброшены въ море. Самъ Октавій искалъ спасенія на лодкѣ и хотя она отъ тяжести пошла ко дну, вслѣдствіе того, что на нее набралось слишкомъ много народу, но онъ раненый успѣлъ доплыть до своего запаснаго корабля. Принятый на него, когда ночь положила конецъ сраженію, онъ, пользуясь бурною погодою, ушелъ на всѣхъ парусахъ. За нимъ послѣдовали остальныя суда его флота, которыхъ случай спасъ отъ гибели.

47. Одержавъ побѣду, Ватиній приказалъ играть отбой и, не потерявъ ни одного судна, вступилъ побѣдителемъ въ ту самую пристань, изъ которой вышелъ на бой флотъ Октавіевъ. Въ этомъ сраженіи Ватиній захватилъ одно судно о пяти рядахъ веселъ, два о трехъ, восемь о двухъ и многихъ гребцовъ Октавіевыхъ. Употребивъ два дня на исправленіе поврежденій въ своихъ судахъ и захваченныхъ у непріятеля, на третій Ватиній двинулся къ острову Иссѣ, куда, какъ онъ полагалъ, бѣжалъ Октавій; здѣсь находился одинъ изъ значительныхъ городовъ всей страны, извѣстный своею преданностью къ Октавію. По прибытіи Ватинія къ городу жители его немедленно

ему покорились. Тутъ онъ узналъ, что самъ Октавій съ немногими небольшими судами, пользуясь попутнымъ вѣтромъ, отправился въ Грецію съ тѣмъ, чтобы оттуда искать убѣжища въ Сициліи и въ Африкѣ. Такимъ образомъ Ватиній въ короткое время достигъ блистательнаго успѣха: выгнавъ флотъ непріятельской изо всего этого залива, онъ возвратилъ Иллирикъ подъ власть Корнифиція и вернулся побѣдителемъ въ Брундизій безо всякой потери въ войскѣ и флотѣ.

48. Въ то время, когда Цезарь у Диррахія держалъ Помпея въ облежаніи, потомъ, получивъ рѣшительный надъ нимъ успѣхъ у Палефарсалъ, велъ борьбу въ Александріи съ большою опасностью, но еще съ большею славою, въ Испаніи оставленъ былъ въ должности претора для окончательнаго покоренія дальней Испаніи К. Кассій Лонгинъ. Онъ, или вѣрный своему природному характеру или движимый местью за то, что, во время управленія его этою провинціею въ должности квестора, едва не погибъ жертвою предательскаго нападенія, явно выказывалъ свою ненависть къ жителямъ этой провинціи. Или сознавая въ душѣ, что онъ заслуживаетъ ихъ взаимную ненависть или замѣчая ее худо скрытою въ ихъ дѣйствіяхъ и словахъ, какъ бы то ни было, Лонгинъ хотѣлъ найдти противъ нея защиту, привязавъ къ себѣ войско. Лишь только собралъ онъ его въ одно мѣсто, какъ обѣщалъ каждому воину по сту сестерцій. Скоро послѣ того, взявъ въ Лузитаніи приступомъ городъ Медобрегу и гору Герминійскую, на которой жители Медобреги искали было спасенія, Лонгинъ былъ провозглашенъ императоромъ и подарилъ каждому изъ воиновъ по сту сестерцій. Кромѣ того онъ не щадилъ для нихъ подарковъ и награжденій, которыми въ настоящемъ пріобрѣталъ по видимому любовь войска, но которыя непримѣтно мало-по-малу ослабляли строгость военной дисциплины и уваженіе къ вождю.

49. Кассій, расположивъ легіоны на зимнихъ квартирахъ, отправился въ Кордубу для дѣланія тамъ суда и расправы. Онъ задумалъ собрать съ провинціи, какъ ни обременительно это было для нея, деньги на покрытіе сдѣланныхъ имъ долговъ. Какъ обыкновенно бываетъ съ щедрыми людьми, онъ былъ тѣмъ требовательнѣе, чѣмъ болѣе ему самому нужно было средствъ для удовлетворенія его расточительности. Люди богатые были обложены денежными суммами, и Лонгинъ не только принималъ ихъ, но и настоятельно ихъ требовалъ. Самыя пустыя обвиненія принимались въ соображеніе, если они касались людей богатыхъ и гдѣ только дѣло шло о деньгахъ, была ли то большая и значительная сумма, или малая и ничтожная, то это

дѣлалось первою заботою императора и предметомъ разбирательства его судилища. Врядъ ли кого оставили въ покоѣ, про кого знали, что онъ въ состояніи откупиться; его или отдавали на поручительство, или прямо отдавали подъ судъ. Такимъ образомъ жителямъ провинціи, кромѣ убытка въ денежныхъ интерессахъ, угрожала еще личная опасность.

50. Вслѣдствіе этого случилось, какъ и надобно было ожидать, что Лонгинъ, дѣйствуя также, какъ когда былъ квесторомъ, навлекъ на себя ту же ненависть жителей провинціи и они снова стали составлять умыслы противъ его жизни. Имъ сочувствовали въ этомъ и нѣкоторые приближенные Кассія; хотя они и были соучастниками его грабительства, но ненавидѣли того, кто дозволялъ имъ злодѣйства: они брали то, что удавалось, а что ускользало или было у нихъ отсуждаемо, то въ томъ они винили Кассія. Онъ набралъ вновь пятый легіонъ; самый наборъ и увеличеніе издержекъ вмѣстѣ съ умноженіемъ войска только содѣйствовали къ тому, чтобы сдѣлать Лонгина еще болѣе ненавистнымъ. Кромѣ того набрано три тысячи всадниковъ, вооруженіе которыхъ стоило огромныхъ издержекъ. Однимъ словомъ, Лонгинъ не давалъ отдыха своей провинціи.

51. Между тѣмъ Лонгинъ получаетъ отъ Цезаря письменное приказаніе перейдти съ войскомъ въ Африку, и черезъ Мавританію двинуться къ предѣламъ Нумидіи. Распоряженіе это сдѣлано было вслѣдствіе того, что царь Юба послалъ вспомогательныя войска Кн. Помпею и какъ полагали соберетъ еще большія. Съ великимъ удовольствіемъ и съ чувствомъ удовлетвореннаго самолюбія прочелъ Логинъ письмо Цезаря, усматривая изъ него, что въ его распоряженіе отдаются области еще неистощенныя и царство, находящееся въ цвѣтущемъ положеніи. Вслѣдствіе этого онъ самъ отправился въ Лузитанію за легіонами и вспомогательными войсками. Безъ себя же онъ поручилъ людямъ, на которыхъ могъ полагаться, изготовить запасы хлѣба и сто судовъ, а равно собралъ деньги по сдѣланному росписанію. Лонгинъ приказалъ, чтобы къ его прибытію все это было изготовлено. Возвратился же онъ ранѣе, чѣмъ его ожидали; трудъ и дѣятельность были ни по чемъ Кассію, особенно, если онъ имѣлъ въ виду удовлетвореніе своихъ страстей.

52. Собравъ войско въ одно мѣсто и расположивъ его лагеремъ у стѣнъ Кордубы, Лонгинъ передъ собраніемъ всего войска изложилъ ему, чего ждетъ отъ него Цезарь; съ своей же стороны далъ обѣщаніе по переходѣ въ Мавританію дать каждому воину по сту сестерцій. Пятый же легіонъ долженъ былъ оставаться въ Испаніи. Сказавъ

рѣчь къ войску, Лонгинъ возвратился въ Кордобу, и въ тотъ же день послѣ обѣда пошелъ въ храмъ. Тутъ на дорогѣ нѣкто Минуцій Силанъ, кліентъ Л. Рацилія, подалъ ему письменное прошеніе, какъ бы прося его въ качествѣ воина о чемъ-то нужномъ. Потомъ, какъ бы дожидаясь отъ Рацилія отвѣта (а Рацилій шелъ подлѣ Лонгина) онъ пошелъ сзади и, мало-по-малу подкравшись къ Лонгину, лѣвою рукою схватилъ его, а правою два раза ударилъ его кинжаломъ. Поднялся крикъ, служившій заговорщикамъ сигналомъ къ дѣйствію. Минуцій Флаккъ поразилъ мечемъ находившагося подлѣ него ликтора; убивъ его, онъ ранилъ легата К. Кассія. Обнадеженные этимъ, Т. Вазій и Л. Мергиліонъ, оба родомъ изъ Италики, помогаютъ своему земляку Флакку. На Л. Лонгина бросился Л. Лициній Сквиллъ и лежащему нанесъ нѣсколько легкихъ ранъ.

53. Окружавшіе Кассія устремились на его защиту; обыкновенно его сопровождали тѣлохранители и множество ветерановъ съ оружіемъ. Они не допустили прочихъ заговорщиковъ довершить злодѣйство; въ числѣ послѣднихъ былъ Кальпурній Сальвіанъ и Манилій Тускулъ. Минуцій бросился бѣжать, но былъ пойманъ между каменьями, лежавшими по дорогѣ, и приведенъ къ Кассію, котораго отнесли домой. Рацилій ушелъ въ находившійся неподалеку домъ одного своего пріятеля и тамъ дожидался вѣрнаго извѣстія, остался ли въ живыхъ Кассій. Л. Латерензъ, считая его убитымъ, прибѣжалъ въ лагерь, радуясь, и поздравлялъ воиновъ туземныхъ и втораго легіона, питавшихъ наиболѣе ненависти къ Кассію. Толпы воиновъ потащили его къ трибуналу и провозгласили преторомъ. Всѣ воины, какъ происходившіе родомъ изъ Испаніи (изъ таковыхъ состоялъ вновь набранный изъ туземцевъ легіонъ), такъ и освоившіеся съ нею по давнему въ ней пребыванію (какъ напримѣръ составлявшіе второй легіонъ) питали сильную ненависть къ Кассію. Только легіоны двадцать первый и тридцатый, отданные Лонгину по распоряженію Цезаря, состояли изъ воиновъ, набранныхъ только нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ въ Италіи; пятый же легіонъ тамъ же былъ набранъ въ самое недавнее время.

54. Между тѣмъ Латерензъ получаетъ извѣстіе, что Кассій остался въ живыхъ. Болѣе огорченный, чѣмъ испуганный этимъ извѣстіемъ, онъ, оправясь немного отъ смущенія, поспѣшилъ тотчасъ къ Кассію. Узнавъ о случившемся, тридцатый легіонъ поспѣшилъ къ Кордубу на помощь своему вождю; примѣру его послѣдовалъ двадцать первый, а за нимъ и пятый. Только два легіона остались въ лагерѣ: воины втораго легіона, опасаясь какъ бы не остаться однимъ и не быть на-

казаннымъ за явно высказанную нелюбовь къ вождю, послѣдовали примѣру другихъ легіоновъ. Остался только вѣренъ въ ненависти къ къ Кассію одинъ легіонъ, составленный изъ туземцевъ, и никакими угрозами не могъ быть приведенъ къ повиновенію.

55. Кассій приказалъ схватить тѣхъ изъ заговорщиковъ, которые покусились на его жизнь; пятый легіонъ онъ отослалъ обратно въ лагерь и оставилъ при себѣ тридцать когортъ. Изъ показаній Минуція открылось, что въ заговорѣ принимали участіе Л. Рациллъ, Л. Латерензъ и Анній Скапула: этотъ послѣдній, испанскій уроженецъ, пользовался большимъ вѣсомъ и вмѣстѣ съ Рациломъ и Латерензомъ былъ въ числѣ приближенныхъ Кассія. Сожалѣніе о нихъ впрочемъ у Кассія было такъ не велико, что онъ немедленно велѣлъ ихъ казнить. Минуція онъ отдалъ въ пытку отпущенникамъ, а также и Кальпурнія Сальвіана; послѣдній указалъ на многихъ участниковъ заговора, но искренно ли — или вынужденный страданіями пытки, неизвѣстно. Имъ же подвергнутъ и Л. Мергиліонъ. Сквиллъ также указалъ на многихъ; ихъ Кассій приказалъ умертвить за исключеніемъ тѣхъ, которые откупались деньгами; явно за десять тысячъ сестерцій онъ даровалъ жизнь Кальпурнію, а за пятьдесятъ тысячъ К. Секстію. Если такой выкупъ палъ на главныхъ виновниковъ заговора, то Кассій, за деньги забывая опасность жизни, которая ему угрожала и мучительныя раны, обнаружилъ, что корыстолюбіе въ немъ не уступало жестокости.

56. Черезъ нѣсколько дней онъ получилъ письмо отъ Цезаря, изъ котораго узналъ, что Помпей побѣжденный, утративъ всѣ свои войска, вынужденъ бѣжать. Это извѣстіе вмѣстѣ и обрадовало его и огорчило. Нельзя было не радоваться побѣдѣ Цезаря, но конецъ войны былъ вмѣстѣ и концомъ злоупотребленія власти. Онъ колебался въ душѣ, что ему остается дѣлать, ничего ли не страшиться или дерзнуть на все. Оправившись отъ ранъ, онъ приказалъ явиться къ себѣ всѣмъ, которые обязались ему внести денежныя суммы и потребовалъ ихъ взноса, а на иныхъ наложилъ еще, считая прежній выкупъ недостаточнымъ. Кромѣ того онъ положилъ произвесть наборъ изъ римскихъ гражданъ и приступилъ къ исполненію его по всѣмъ обществамъ и муниципіямъ. Стараясь избѣгнуть службы за моремъ, многіе откупались отъ нея. Сборъ денежный по этому случаю былъ великъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и общая ненависть къ Кассію росла. Окончивъ эти распоряженія, Кассій дѣлаетъ смотръ всему войску. Легіоны, назначенные въ Африку и вспомогательныя войска онъ отправилъ къ перевозу; а самъ отправился въ Гиспалисъ осмотрѣть флотъ, который

тамъ изготовлялся и тамъ замедлилъ. Отсюда онъ разослалъ указъ по всей провинціи, чтобы всѣ тѣ, которые еще не выплатили наложенныхъ на нихъ суммъ, явились къ нему. Это распоряженіе всѣхъ привело въ сильный страхъ и замѣшательство.

57. Между тѣмъ Л. Тицій, въ это время находившійся въ туземномъ легіонѣ въ должности военнаго трибуна, далъ знать о дошедшемъ къ нему слухѣ, что тридцатый легіонъ, находившійся подъ предводительствомъ легата К. Кассія, сталъ было лагеремъ у города Лептиса, но тамъ взбунтовался, умертвилъ нѣсколько человѣкъ сотниковъ, пытавшихся остановить волненіе, и своевольно двинулся на соединеніе со вторымъ легіономъ, который другою дорогою вели къ проливу. Узнавъ объ этомъ, Кассій выступилъ ночью въ походъ съ пятью когортами двадцать перваго легіона и прибылъ рано утромъ. Пробывъ тамъ день для того, чтобы изслѣдовать что тамъ случилось. Кассій отправился въ Кармону. Сюда собрались тридцатый и двадцать первый легіоны, четыре когорты изъ пятаго легіона и вся конница. Тутъ Кассій услыхалъ, что туземцы захватили въ расплохъ у Обукулы четыре когорты и съ ними отправились ко второму легіону и собравъ такимъ образомъ всѣ свои силы вмѣстѣ, избрали надъ ними начальникомъ Т. Торія, родомъ изъ Италики. Соображаясь съ требованіемъ обстоятельствъ, Кассій немедленно послалъ Марцелла въ Кордубу удержать ее въ повиновеніи, а К. Кассія легата въ Гиспалисъ. Нѣсколько дней спустя пришло извѣстіе, что сенатъ кордубскій измѣнилъ Кассію и что Марцеллъ добровольно ли или уступая силѣ (объ этомъ были разныя мнѣнія) согласился дѣйствовать за одно съ жителями Кордубы вмѣстѣ съ двумя когортами пятаго легіона, находившимися въ Кордубѣ въ гарнизонѣ. Раздосадованный всѣмъ этимъ, Кассій снялъ лагерь и на другой день прибылъ къ рѣкѣ Силиценской, у города Сеговіи. Здѣсь онъ собралъ воиновъ, стараясь узнать ихъ образъ мыслей; онъ убѣдился, что они остаются въ неизмѣнной къ нему вѣрности хотя не для него, а для отсутствующаго Цезаря и что они готовы рѣшиться на все, лишь бы обезпечить за Цезаремъ спокойное обладаніе Испаніею.

58. Между тѣмъ Торій привелъ къ Кордубѣ старые легіоны. А для того, чтобы причиною возмущенія не сочли одинъ безпокойный характеръ его и его воиновъ и чтобы противуставить К. Кассію, котораго вся сила заключалась въ томъ, что онъ дѣйствовалъ отъ имени Цезаря, равносильное вліяніе, Торій сталъ явно высказывать свое намѣреніе возвратить Испанію подъ власть Кн. Помпея. Руководствовался ли онъ въ этомъ случаѣ ненавистью къ Цезарю и расположеніемъ къ

Помпею, которое питали всѣ легіоны, состоявшіе подъ начальствомъ М. Варрона, или инымъ какимъ побужденіемъ, нельзя достовѣрно утверждать. Какъ бы то ни было онъ высказывалъ свое расположеніе къ Помпею, а воины имя его даже вырѣзали на своихъ щитахъ. Легіоны, приближаясь къ Кордубѣ, были встрѣчены многочисленными толпами жителей, не только мужей, но и женщинъ и несовершеннолѣтнихъ. Они умоляли пощадить Кордубу отъ непріязненныхъ дѣйствій и разграбленія; говорили, что раздѣляютъ съ ними ненависть къ Кассію, но ни за что не согласятся дѣйствовать противъ Цезаря.

59. Войско не могло безъ участія внимать столь слезнымъ мольбамъ такого многолюдства и поняло, что для преслѣдованія Кассія нѣтъ надобности въ имени и памяти Кн. Помпея, что Лонгинъ сдѣлался равно ненавистенъ для приверженцевъ обѣихъ партій и Цезаревой и Помпеевой; что ни сенатъ Кордубскій, ни Марцеллъ не согласятся дѣйствовать противъ Цезаря. Вслѣдствіе этого воины стерли съ щитовъ имя Помпея и взяли себѣ вождемъ Марцелла, явно высказывавшаго, что онъ будетъ дѣйствовать въ пользу Цезаря, провозгласили его преторомъ и, присоединивъ къ себѣ жителей Кордубы, стали лагеремъ у ея стѣнъ. Два дня спустя, Кассій подошелъ къ городу и въ виду его расположился лагеремъ на возвышеніи въ 4-хъ миляхъ отъ города по ту сторону рѣки Бетиса. Онъ отправилъ письма къ царю Богуду въ Мавританію и къ М. Лепиду проконсулу въ ближнюю Испанію, призывая ихъ къ себѣ на помощь и на защиту провинціи для Цезаря; а самъ сталъ непріязненнымъ образомъ опустошать поля Кордубскія и предавать огню селенія.

60. Въ негодованіи на низость и безобразіе этого поступка, легіоны, избравшіе себѣ вождемъ Марцелла, бросились къ нему, требуя, чтобы онъ велъ ихъ противъ непріятеля, что они готовы немедленно съ нимъ сразиться; но не потерпятъ посрамленія, чтобы у нихъ въ глазахъ жгли и истребляли лучшее и драгоцѣннѣйшее достояніе жителей Кордубы. Марцеллъ считалъ бой рѣшительнымъ несчастіемъ; на чьей бы сторонѣ ни была побѣда, во всякомъ случаѣ она была ко вреду Цезаря; но, вынужденный уступить желанію своихъ воиновъ, перевелъ легіоны черезъ Бетисъ и расположилъ ихъ въ боевомъ порядкѣ, но видя, что Кассій съ своей стороны передъ лагеремъ устроилъ войска въ боевомъ порядкѣ на мѣстѣ, болѣе возвышенномъ, Марцеллъ, выставивъ предлогъ, что Кассій не хочетъ спуститься въ равнину, убѣдилъ воиновъ возвратиться въ лагерь и началъ отводить войска. Кассій, превосходя Метелла конницею, воспользовался этимъ перевѣсомъ и пу-

ствивъ ее въ погоню за отступавшими легіонами, заднимъ рядамъ ихъ нанесъ большой вредъ на самомъ берегу рѣки. Испытавъ на дѣлѣ, какъ опасно въ виду непріятеля переходить рѣку, Марцеллъ перенесъ лагерь на ту сторону Бетиса. Не разъ и тотъ и другой легіоны выводили въ боевомъ порядкѣ, но къ бою не приступали по затрудненіямъ мѣстности.

61. Что касается до пѣшихъ войскъ, то въ нихъ перевѣсъ былъ на сторонѣ Марцелла; у него были легіоны ветерановъ, испытанные во многихъ бояхъ. Кассій же болѣе надѣялся на преданность легіоновъ, чѣмъ на ихъ храбрость. Такимъ образомъ, вслѣдствіе близости обоихъ лагерей, Метеллу удалось возвесть укрѣпленіе въ весьма удобномъ пунктѣ, съ котораго онъ могъ препятствовать войску Кассія снабжаться водою. Лонгинъ, опасаясь, какъ бы неочутиться въ нѣкоторомъ смыслѣ осажденнымъ среди края, ему мало знакомаго и непріязненнаго, ночью, въ глубокомъ молчаніи, выступилъ изъ лагеря и поспѣшно двинулся къ городу Уліи, на вѣрность жителей котораго онъ разсчитывалъ. Тамъ онъ расположился лагеремъ подъ самыми стѣнами города, такимъ образомъ, что и самая мѣстность (Улія находится на высокой горѣ) и укрѣпленія города дѣлали его позицію отовсюду неприступною. Марцеллъ шелъ по пятамъ Кассія и расположился лагеремъ сколько можно было ближе къ городу Уліи и къ лагерю Кассія. Мѣстность дѣлала бой невозможнымъ, а этого именно и хотѣлось Марцеллу; будь же малѣйшая возможность, онъ не могъ бы устоять противъ желанія своихъ раздраженныхъ воиновъ сразиться съ непріятелемъ. Съ другой стороны, Марцеллъ преградилъ Кассію возможность—распространять набѣгами опустошенія, какія онъ дѣлалъ около Кордубы. Устроивъ на главныхъ пунктахъ укрѣпленія и соединивъ ихъ окопами, Марцеллъ со всѣхъ сторонъ окружилъ своими войсками и городъ Улію и войско Кассія. Пока еще укрѣпленія Марцелла не были приведены къ концу, Лонгинъ отослалъ отъ себя всю свою конницу. Онъ надѣялся, что она принесетъ ему большую пользу, препятствуя Марцеллу снабжать войско съѣстными припасами и фуражомъ. Внутри же укрѣпленій оставить конницу—значило бы сдѣлать ее безполезною и истощить скорѣе запасы хлѣба, по осадному положенію необходимые.

62. Получивъ письмо Кассія, царь Богудъ въ непродолжительномъ времени прибылъ съ войсками; онъ привелъ съ собою легіонъ и много вспомогательныхъ когортъ испанскихъ. Какъ обыкновенно случается въ междуусобныхъ войнахъ, въ то время вся Испанія раздѣлилась на двѣ половины; иныя племена держались Кассія, большая

же часть Марцелла. Богудъ съ войсками приступилъ къ наружнымъ укрѣпленіямъ Марцелла; съ обѣихъ сторонъ произошелъ упорный бой и побѣда не разъ клонилась то на ту, то на другую сторону. Впрочемъ ни на одномъ пунктѣ воины Марцелла не были сбиты съ укрѣпленій.

63. Между тѣмъ прибылъ къ Уліи Лепидъ изъ ближней Испаніи съ 35-ю когортами разныхъ легіоновъ и съ большимъ числомъ конницы и вспомогательныхъ войскъ. Онъ съ тѣмъ и пришелъ, чтобы совершенно безпристрастно покончить несогласія, возникшія между Кассіемъ и Марцелломъ. Послѣдній безъ всякаго опасенія довѣрился Лепиду и отдался въ его распоряженіе. Кассій же держалъ себя въ оборонительномъ положеніи или потому, что считалъ себя въ большемъ правѣ, чѣмъ Марцеллъ или опасаясь, что Марцеллъ уже предупредилъ Лепида въ свою пользу. Лепидъ сталъ лагеремъ подлѣ Уліи и лагерь его составлялъ какъ бы одинъ съ Марцелловымъ; онъ приказалъ прекратить военныя дѣйствія и пригласилъ къ себѣ Кассія, давая ему свое слово, какъ ручательство безопасности. Долго Кассій не рѣшался какъ поступить и вѣрить ли Лепиду. Видя наконецъ, что въ случаѣ упорства ему нѣтъ надежды на спасеніе, онъ потребовалъ разрушить окружавшіе его окопы и открыть ему свободный выходъ. Перемиріе было заключено и окопы, уже приведенные почти къ концу, срыты, а караулы сняты съ укрѣпленій. Какъ вдругъ сверхъ всякаго ожиданія всѣхъ (если только въ числѣ всѣхъ былъ Кассій, а въ чистосердечіи его можно было по крайней мѣрѣ усумниться) вспомогательныя войска царя Богуда устремились на отдѣльное укрѣпленіе Марцелла, находившееся ближе другихъ къ Царскому лагерю, и убило тамъ весьма много воиновъ. Они бы надѣлали еще болѣе вреда, еслибы Лепидъ, съ негодованіемъ видѣвшій такое предательство, не поспѣшилъ подать помощь и не положилъ тѣмъ конецъ сраженію.

64. Когда путь Кассію былъ открытъ, Марцеллъ соединилъ свой лагерь съ Лепидовымъ. Въ одно и то же время Лепидъ и Марцеллъ отправились въ Кордубу, а Кассій съ своими въ Кармону. Въ то же время прибылъ проконсулъ Требоній для принятія управленія провинціею. Узнавъ о его прибытіи, Кассій—легіоны, бывшіе при немъ, и конницу разставилъ по зимнимъ квартирамъ, а самъ отправился въ Малаку, захвативъ съ собою на скоро всѣ свои вещи. Въ Малакѣ онъ сѣлъ на корабль не смотря на то, что время было неблагопріятно для плаванья, не желая, какъ онъ говорилъ, отдаться въ руки Лепида, Требонія и Марцелла. Друзья его говорили, что ему совѣстно было и несовмѣстно съ его достоинствомъ ѣхать черезъ область,

большая часть которой отпала отъ него. А многіе были того мнѣнія, что онъ опасался за свои сокровища, награбленныя безчисленными притѣсненіями, какъ бы они не достались въ чьи либо руки. Сначала вѣтеръ, хотя и ненастный, былъ ему попутенъ; но когда онъ на ночное время свернулъ въ рѣку Иберъ, а оттуда, несмотря на то, что вѣтеръ усилился, продолжалъ плаваніе, надѣясь его совершить также безопасно какъ прежде и пустился противъ прибоя въ устьи рѣки, въ самомъ этомъ мѣстѣ не будучи въ состояніи ни повернуть судно противъ теченія рѣки, ни преодолѣть бывшаго на встрѣчу прибоя, потонулъ съ кораблемъ.

65. Когда Цезарь прибылъ изъ Египта въ Сирію, тутъ онъ узналъ отъ пріѣхавшихъ къ нему изъ Рима о томъ, о чемъ уже онъ давно догадывался изъ писемъ, оттуда къ нему писанныхъ, что управленіе дѣлами общественными идетъ въ Римѣ очень дурно и безпорядочно: государство волновалось гибельнымъ своеволіемъ трибуновъ. Военные трибуны изъ честолюбія излишнею снисходительностью ослабили военную дисциплину и начальники легіоновъ, принявъ многое, несоотвѣтствовавшее духу военныхъ учрежденій, содѣйствовали тѣмъ къ ослабленію прежней строгости и дисциплины. Все это требовало присутствія Цезаря въ Римѣ. Впрочемъ Цезарь заблагоразсудилъ прежде тѣ страны и области, въ которыхъ находился, оставить въ такомъ видѣ, чтобы у нихъ не было болѣе повода къ внутреннимъ несогласіямъ, чтобы они управлялись постоянными правами и законами и впередъ не могли бы страшиться врага внѣшняго. Достигнуть этого въ Сиріи, Киликіи и Азіи Цезарь надѣялся очень скоро, потому что эти провинціи не были угрожаемы войною. Въ Виѳиніи и въ Понтѣ предстояло болѣе затрудненій: Фарнакъ не выходилъ изъ Понта, да и нельзя было ожидать, чтобы онъ вышелъ, возгордясь свою побѣдою надъ Домиціемъ Кальвиномъ. Цезарь самъ посѣтилъ всѣ города, сколько нибудь значительные и роздалъ награды гражданамъ, заслуживавшимъ ихъ, отдѣльно и цѣлымъ обществамъ вмѣстѣ. Онъ изслѣдовалъ давнишнія несогласія и рѣшилъ ихъ; принялъ изъявленія вѣрности царей, тирановъ, областныхъ династовъ, собравшихся къ нему отовсюду изъ сосѣднихъ странъ, предписалъ имъ условія, на которыхъ они должны были управлять и оберегать земли, ввѣренныя ихъ управленію, и потомъ отпустилъ ихъ, привязавъ ихъ къ себѣ и къ народу Римскому.

66. Проведя нѣсколько дней въ этой провинціи, Юлій Цезарь ввѣрилъ начальство надъ Сиріею и легіонами Сексту Цезарю, своему родственнику и другу, а самъ съ тѣмъ же флотомъ, съ которымъ

прибылъ, отправился въ Киликію. Представителей всѣхъ городовъ ея онъ созвалъ въ Тарсъ, самый значительный и укрѣпленный изо всѣхъ Киликійскихъ городовъ. Здѣсь онъ пробылъ не долго, но, спѣша отправиться на мѣсто военныхъ дѣйствій, оставался здѣсь именно на столько времени, сколько нужно было для устройства всѣхъ дѣлъ въ этой провинціи и прилежащихъ ей земляхъ. Совершая длинные переходы по Каппадокіи, Цезарь на два дня останавливался въ Мазакѣ и прибылъ въ Коману, гдѣ находится храмъ Беллоны, весьма уважаемый въ Каппадокіи по древности его и святости. Уваженіе это простирается до того, что жрецъ Беллоны пользуется у жителей этой страны величіемъ, властью и могуществомъ такимъ, что въ этомъ уступаетъ только одному Царю. Эту должность Цезарь отдалъ Ликомеду, родомъ изъ Виѳиніи; онъ, происходя отъ царей Каппадокійскихъ, имѣлъ на нее безспорныя права, но они были немного забыты вслѣдствіе несчастій, постигшихъ его предковъ и перемѣну рода; теперь же Цезарь возстановилъ его въ правахъ, ему принадлежавшихъ. Что же касается до, брата Аріобарзанова, Аріарата (а оба они равно принесли большія услуги Римскому государству), то Цезарь, чтобы и наслѣдство царства не соблазняло Аріарата, и какъ наслѣдникъ не былъ бы онъ постоянною грозою, подчинилъ Аріарата власти брата, а самъ отправился въ дальнѣйшій походъ съ прежнею поспѣшностію.

67. Когда Цезарь былъ уже близко отъ Понта и границъ Галлогреціи, то Деіотаръ, въ должности тетрарха владѣвшій почти всею Галлогреціею (прочіе тетрархи утверждали, что онъ сдѣлалъ это противъ закона и противъ существующихъ обычаевъ) и безспорно утвержденный сенатомъ въ качествѣ царя Малой Арменіи, явился къ Цезарю просителемъ, сложивъ съ себя знаки царскаго достоинстна, въ одеждѣ не столько частнаго человѣка, сколько кающагося. Онъ умолялъ Цезаря: «простить его; не видя въ томъ краю, гдѣ было его царство, войскъ Цезаревыхъ, предоставилъ свои войска и себя въ распоряженіе Помпея. Онъ не могъ быть судьею раздора, возникшаго въ народѣ Римскомъ, а повиновался власти, въ чьихъ рукахъ она была въ то время.

68. Цезарь на это: «припомнилъ ему свои весьма многія услуги въ бытность консуломъ и распоряженія правительства, сдѣланныя тогда имъ въ его Деіотара пользу, выставилъ ему на видъ, что причинъ, имъ приведенныхъ въ оправданіе, недостаточно. Онъ, какъ человѣкъ умный и дѣятельный, не могъ не знать въ чьей власти Римъ и Италія, гдѣ искать сената и народа Римскаго и отъ кого ждать приказаній, кто сдѣлался консуломъ вмѣсто Л. Лентулла и К. Марцелла. Впро-

чемъ онъ его прощаетъ въ уваженіе прежнихъ его въ отношеніи къ нему услугъ, старинныхъ связей гостепріимства и дружбы, лѣтамъ его и душевнымъ качествамъ, и просьбамъ его друзей и приближенныхъ, стекшихся къ нему въ большомъ числѣ просить за него милости. Разсудить несогласія, возникшія между тетрархами, Цезарь оставилъ до другаго времени, а Деіотару возвратилъ одѣяніе царское и приказалъ привесть къ себѣ для войны легіонъ, составленный Деіотаромъ изъ его подданныхъ въ отношеніи къ порядку и вооруженію по примѣру нашихъ легіоновъ, а равно и всю конницу.

69. Цезарь прибылъ въ Понтъ и собралъ тамъ всѣ свои войска въ одно мѣсто; они не были значительны числомъ и не отличались военною опытностью. Только исключеніе въ этомъ отношеніи составлялъ шестой легіонъ, приведенный Цезаремъ изъ Александріи; онъ состоялъ изъ ветерановъ, перенесшихъ много трудовъ и опасностей, но, вслѣдствіе частью безпрерывныхъ войнъ, частью затруднительнаго пути и плаванія, заключалъ въ численномъ своемъ составѣ менѣе чѣмъ тысячу человѣкъ. Кромѣ этого легіона, у Цезаря были еще три: одинъ Деіотаровъ, а два тѣ самые, съ которыми Кн. Домицій сражался противъ Фарнака, какъ о томъ писано выше. Тутъ послы Фарнака пришли къ Цезарю, умоляя его: «не начинать непріязненныхъ дѣйствій противъ Фарнака, который готовъ исполнить всѣ его приказанія». Послы Фарнака особенно указывали на то обстоятельство, что Фарнакъ ничѣмъ не оказывалъ пособія Помпею противъ Цезаря, а Деіотаръ помогалъ Помпею и несмотря на то получилъ прощеніе отъ Цезаря.

70. На это Цезарь отвѣчалъ: «что онъ будетъ весьма снисходителенъ къ Фарнаку, буде онъ исполнитъ все, что обѣщалъ.» Слѣдуя своему обыкновенію, въ ласковыхъ словахъ онъ внушилъ посламъ: «что нѣтъ повода имъ ссылаться на примѣръ Деіотара или ставить въ заслугу себѣ то, что они не оказывали содѣйствія Помпею. Для него Цезаря нѣтъ ничего пріятнѣе, какъ прощать кающимся; но за заслугу, ему лично оказанную, онъ не считаетъ себя въ правѣ прощать обиды, публично нанесенныя цѣлымъ провинціямъ. Тѣмъ, что Фарнакъ не оказалъ содѣйствія Помпею, онъ сдѣлалъ себѣ же самому пользу, избавивъ себя отъ пораженія; что же касается до него Цезаря, то безсмертные боги ему во всякомъ случаѣ даровали бы побѣду. Какъ бы то ни было, а онъ Цезарь прощаетъ Фарнаку тяжкія оскорбленія, причиненныя имъ гражданамъ римскимъ, занимавшимся въ Понтѣ торговлею, прощаетъ потому, что ихъ теперь ничѣмъ нельзя загладить: мертвымъ уже не возвратитъ Фарнакъ

жизни, и эвнухамъ силу возмужалости; а много граждань римскихъ подверглись этой казни, которая для нихъ тяжеле смерти. Пусть Фарнакъ немедленно очиститъ Понтъ, возвратитъ свободу семействамъ Римскихъ сборщиковъ податей и, захваченныя имъ у гражданъ Римскихъ и ихъ союзниковъ, имущества. Только по исполненіи всего этого пусть пришлетъ онъ ему подарки; императоры Римскіе принимаютъ ихъ только отъ царей, съ которыми находятся въ дружественныхъ отношеніяхъ и притомъ тогда, когда все идетъ хорошо». Фарнакъ прислалъ было Цезарю въ подарокъ золотую корону; а онъ, давъ вышеизложенный отвѣтъ, отослалъ къ нему пословъ обратно.

71. Фарнакъ обѣщалъ весьма охотно исполнить всѣ требованія Цезаря; онъ льстилъ себя надеждою, что Цезарь, желая поспѣшить къ важнымъ, его ожидавшимъ дѣламъ (всѣмъ было извѣстно, что прибытіе Цезаря въ Римъ было необходимо по многимъ причинамъ), обрадуется возможности кончить дѣло подъ благовиднымъ предлогомъ и повѣритъ его обѣщаніямъ. Съ этою цѣлью Фарнакъ нарочно медлилъ, просилъ дальняго срока на очищеніе Понта, предлагалъ перемиріе, однимъ словомъ обманывалъ Цезаря. Но тотъ, понимая его хитрые замыслы, вынужденъ былъ обстоятельствами прибѣгнуть къ обыкновенному во всѣхъ случаяхъ своему образу дѣйствій — т. е. поскорѣе рѣшить дѣло боемъ.

72. Въ Понтѣ есть городъ Зела; самимъ положеніемъ, хотя и на равномъ мѣстѣ онъ достаточно укрѣпленъ; онъ стоитъ на вершинѣ природнаго холма, со всѣхъ сторонъ крутаго и какъ бы обрытаго руками человѣческими и обнесенъ стѣнами. Въ нѣкоторомъ разстояніи городъ окруженъ горными возвышеніями, перерѣзанными долинами; самое значительное изъ нихъ, получившее извѣстность по побѣдѣ, одержанной на немъ Митридатомъ и по пораженію Тріарія и нашего войска, почти примыкаетъ отрогами своими къ самому городу; а отъ него находится въ разстояніи немного болѣе трехъ миль. На этомъ мѣстѣ, расположился Фарнакъ со всѣми своими силами, возобновивъ укрѣпленія отцовскаго лагеря, столь счастливой для него памяти.

73. Цезарь, лагерь котораго находился отъ непріятельскаго въ пяти миляхъ, сообразилъ, что тѣ же горныя долины, которыя служатъ защитою царскаго лагеря, будутъ служить для той же цѣли и его лагерю, въ случаѣ, если только ему удастся занять ихъ прежде непріятеля, отъ лагеря котораго они находились ближе. Цезарь приказалъ заготовить внутри укрѣпленій матеріалъ, нужный для насыпи. Когда это было сдѣлано съ поспѣшностью, то въ слѣдующую же ночь, въ четвертую ея стражу, Цезарь выступилъ съ легіонами на

легкѣ, оставивъ всѣ тяжести въ лагерѣ и на разсвѣтѣ, сверхъ всякаго ожиданія непріятеля, сталъ на той самой позиціи, на которой такъ успѣшно сразился Мидридатъ съ Тріаріемъ. Туда же приказалъ Цезарь рабамъ снести изъ лагеря матеріалъ, заготовленный тамъ для насыпи съ цѣлью, чтобы не отрывать ни одного воина отъ работъ, начатыхъ по укрѣпленію лагеря; непріятельскій лагерь былъ по ту сторону долины, имѣвшей въ ширину не болѣе мили.

74. Фарнакъ, увидавъ это, вдругъ на разсвѣтѣ выстроилъ всѣ свои войска передъ лагеремъ въ боевомъ порядкѣ. Мѣстность до того была неблагопріятна для сраженія, что Цезарь сначала думалъ видѣть въ дѣйствіяхъ Фарнака одно исполненіе всегдашняго военнаго обычая или желаніе воспрепятствовать нашимъ работамъ и заставить насъ держать долѣе людей подъ оружіемъ или намѣреніе похвалиться, что онъ Фарнакъ полагается не столько на крѣпость мѣстности, сколько на силу войска. Впрочемъ это движеніе Фарнака не воспрепятствовало Цезарю, расположивъ часть войска въ боевую линію передъ валомъ, продолжать, начатыя по укрѣпленію лагеря, работы. Но вдругъ Фарнакъ обнаружилъ намѣреніе вступить въ сраженіе, и началъ спускаться съ войскомъ въ долину по крутому ея склону. Что его къ этому побудило: надежда ли, что счастіе, на этомъ мѣстѣ благопріятствовавшее отцу, не оставитъ и его; или полагаясь на предсказанія гадателей, какъ о томъ распространился слухъ послѣ сраженія; или обнадеженный малочисленностью нашихъ, бывшихъ подъ оружіемъ (толпы рабовъ, таскавшихъ матеріалъ для укрѣпленій, онъ вѣроятно счелъ за воиновъ); или полагаясь на силу и мужество своего опытнаго войска, побѣдителя въ двадцати двухъ бояхъ по увѣренію его начальниковъ; или изъ презрѣнія къ нашему войску, тому же самому, которое уже онъ разбилъ, когда оно было подъ начальствомъ Домиція. Съ насмѣшкою смотрѣлъ Цезарь на такую безразсудную выходку непріятеля, зашедшаго съ своими войсками въ такую тѣснину, въ которую казалось бы никто въ здравомъ разсудкѣ не спустился для сраженія. Но Фарнакъ тѣмъ же самымъ порядкомъ, какимъ спустился въ долину, сталъ подниматься на другую, не менѣе крутую, ея сторону съ войсками, готовыми къ бою.

75. Цезарь пораженъ былъ невѣроятною самонадѣянностью и смѣлостью Фарнака. Впрочемъ, онъ уже ждалъ и былъ готовъ встрѣтить его, въ одно и то же время отдалъ приказаніе оставить работы, взяться за оружіе и стать въ ряды легіонамъ. Неизбѣжное, вслѣдствіе поспѣшности, замѣшательство причинило нашимъ воинамъ нѣкоторый страхъ и, снабженныя косами, колесницы царскія внесли было

замѣшательство въ толпы нашихъ воиновъ, еще несовершенно приведенныя въ порядокъ. Впрочемъ множество нашихъ стрѣлъ осыпало эти колесницы. За ними слѣдовали ряды непріятелей и, испустивъ военный крикъ, вступили въ дѣло. Тутъ намъ большую пользу принесла выгода мѣстности, бывшая на нашей сторонѣ, но главное — содѣйствіе боговъ безсмертныхъ. Хотя участіе ихъ видно во всѣхъ дѣйствіяхъ войны, но особенно въ тѣхъ, которыя выходятъ изъ границъ человѣческихъ соображеній, гдѣ никакой умъ не можетъ уже ничего сдѣлать.

76. Рукопашный бой былъ продолжительный и упорный; на правомъ крылѣ, гдѣ стоялъ шестый легіонъ, состоявшій изъ ветерановъ, побѣда прежде всего оказалась на нашей сторонѣ. Тутъ непріятель былъ сбитъ въ долину: нѣсколько позднѣе, благодаря помощи боговъ безсмертныхъ, и на лѣвомъ крылѣ, и въ центрѣ, войска царскія были обращены въ бѣгство. Тутъ мѣстность не мало содѣйствовала ихъ пораженію. Много непріятелей было побито нашими, а много задавлено своими въ бѣгствѣ. Иные, чтобы скорѣе бѣжать, побросали оружіе и ушли на ту сторону, но, будучи безъ оружія, не могли оттуда оказать никакой помощи своимъ, несмотря на выгоду мѣстности. Наши воины въ упоеніи побѣды не усумнились взобраться на непріятельскую сторону и напасть на его окопы. Не смотря на сопротивленіе когортъ, оставленныхъ Фарнакомъ для защиты лагеря, наши войска овладѣли имъ очень скоро. Потерявъ почти все свое войско, котораго часть была избита, а часть въ плѣну, Фарнакъ бѣжалъ съ немногими всадниками. Если бы наши не были немного задержаны приступомъ къ лагерю, давшимъ время Фарнаку уйдти, то онъ попался бы живой въ руки воиновъ Цезаря.

77. Радость Цезаря послѣ такой рѣшительной побѣды, увѣнчавшей рядъ блистательныхъ успѣховъ, не знала предѣла; важная война была окончена однимъ ударомъ. Пріятно было воспоминаніе о минувшихъ опасностяхъ и побѣда, стоившая большихъ усилій, была тѣмъ дороже. Возвративъ подъ власть Римскую Понтъ, Цезарь—всю добычу, найденную въ царскомъ лагерѣ, отдалъ своимъ воинамъ и на другой же день самъ отправился въ походъ съ легкими войсками; шестому легіону онъ приказалъ идти въ Италію для полученія слѣдовавшихъ ему почестей и наградъ; Деіотаровымъ войскамъ велѣлъ возвратиться домой, а два легіона оставилъ въ Понтѣ подъ начальствомъ Целія Виниціана.

78. Такимъ образомъ Цезарь направилъ свой путь въ Азію черезъ Галлогрецію и Виѳинію. По дорогѣ онъ занялся дѣлами областей,

требовавшими его разбирательства и рѣшилъ ихъ; онъ установилъ права городовъ, тетрарховъ и царей. Мидридата, уроженца Пергаменскаго, который такъ хорошо и удачно дѣйствовалъ въ Египтѣ (о чемъ писано выше), сдѣлалъ царемъ Босфора, прежде находившагося подъ властью Фарнака на что этому Митридату давали право и его происхожденіе отъ царей и достойное царя воспитаніе (его Мидридатъ, царь всей Азіи, за благородство его происхожденія взялъ еще маленькаго изъ Пергама и держалъ при себѣ въ теченіи многихъ лѣтъ, Ввѣривъ Виѳинію царю, на вѣрность котораго онъ могъ полагаться, Цезарь обезпечилъ безопасность областей народа римскаго съ этой стороны отъ покушеній варварскихъ народовъ и царей, не бывшихъ въ союзѣ съ нами. Ему же онъ отдалъ тетрархію Галлогрековъ, которая слѣдовала ему по праву происхожденія и по законамъ этого народа; ее немного лѣтъ передъ тѣмъ занялъ Деіотаръ и владѣлъ ею. Впрочемъ вездѣ оставался Цезарь не долѣе, сколько позволяла ему забота о волновавшихъ Римъ смутахъ. Устроивъ поспѣшно и удачно всѣ дѣла, Цезарь прибылъ въ Италію прежде, чѣмъ его ждали.

---

*

ЗАПИСКИ

ОБЪ

АФРИКАНСКОЙ ВОЙНѢ.

1. Цезарь, совершивъ правильные переходы и не останавливаясь ни на одинъ день, прибылъ въ Лилибей, въ 14-й день Январскихъ календъ, и немедленно обнаружилъ намѣреніе садиться на суда, хотя при немъ былъ только одинъ легіонъ изъ новобранцевъ и около 600 всадниковъ. Палатка Цезаря была разбита по его приказанію у самаго берега, такъ что до нея почти доходили морскія волны. Это было сдѣлано съ тою цѣлью, чтобы никто не разсчитывалъ на промедленіе, а чтобы всѣ каждую минуту были готовы. Въ это время господствовали сильные вѣтры, неблагопріятствовавшіе плаванію; тѣмъ не менѣе, по приказанію Цезаря, воины и гребцы не выходили изъ судовъ, но были готовы воспользоваться первою возможностью для отплытія. Отъ жителей этой провинціи узнали о силахъ непріятеля, о его безчисленной конницѣ: у царя Юбы было четыре легіона, много легко вооруженныхъ, у Сципіона десять легіоновъ, 120 слоновъ; притомъ у непріятеля былъ огромный флотъ. Ничто не могло смутить Цезаря или остановить его дѣйствія; увѣренность была у него въ душѣ, обнаруживалась и въ дѣйствіяхъ. Между тѣмъ съ каждымъ днемъ умножалось число галеръ, стекались въ большомъ числѣ транспортныя суда, сходились легіоны вновь набранные, и съ ними пришелъ пятый легіонъ, состоящій изъ ветерановъ; всадниковъ же было около двухъ тысячъ.

2. Въ сборѣ было шесть легіоновъ и двѣ тысячи всадниковъ. Каждый легіонъ лишь только подходилъ къ берегу, то немедленно садился на галеры, а конница была нагружаема на транспортныя суда. Цезарь отдалъ приказаніе большей части флота идти впередъ къ Апо-

ніанскому острову, находящемуся неподалеку отъ Лилибея. Самъ же остался на короткое время, и продалъ съ молотка имущества немногихъ жителей, потомъ далъ наставленіе претору Алліену, правившему Сициліею, относительно всѣхъ дѣлъ и особенно просилъ его какъ можно скорѣе, отправить вслѣдъ за нимъ еще остававшіяся войска. Распорядясь такимъ образомъ всѣмъ нужнымъ, Цезарь самъ сѣлъ на корабль въ шестой день передъ Январскими календами и тотчасъ же настигъ прочія суда. Пользуясь благопріятнымъ вѣтромъ и имѣя судно легкое на ходу, Цезарь на четвертый день по отплытіи достигъ береговъ Африки въ сопровожденіи немногихъ галеръ. Прочія транспортныя суда, кромѣ немногихъ, были разсѣяны вѣтромъ и плыли на удачу разными дорогами. Цезарь съ флотомъ проплылъ сначала мимо Клунеи, потомъ Неаполя и много другихъ городовъ и укрѣпленныхъ мѣстъ, находившихся не вдалекѣ отъ берега и оставилъ ихъ за собою.

3. Цезарь подошелъ къ Адрумету (гдѣ находился гарнизонъ непріятельскій подъ начальствомъ К. Консидія), а съ другой стороны у Адрумета явился Кн. Пизонъ, шедшій отъ Клупеи съ тремя тысячами Мавровъ всадниковъ. Тутъ Цезарь, постоявъ нѣсколько времени передъ пристанью для того, чтобы дать время подойдти прочимъ судамъ, высадилъ войска на берегъ; ихъ было съ нимъ только три тысячи пѣшихъ и 150 всадниковъ. Цезарь расположился лагеремъ передъ городомъ; воздерживаясь отъ непріязненныхъ дѣйствій, онъ строго запретилъ воинамъ грабить. Между тѣмъ жители города вооруженные стали на стѣнахъ и многочисленными отрядами прикрывали городскія ворота; гарнизонъ города состоялъ изъ двухъ легіоновъ. Цезарь объѣхалъ городъ кругомъ и, разсмотрѣвъ мѣстность, возвратился въ лагерь. Были люди, которые обвиняли Цезаря въ непредусмотрительности за то, что онъ не назначилъ кормчимъ и начальникамъ судовъ сборнаго мѣста и, измѣнивъ своему всегдашнему обыкновенію, которому постоянно слѣдовалъ прежде, не далъ запечатанныхъ конвертовъ, распечатавъ которые въ назначенный срокъ, всѣ начальники знали бы одно сборное мѣсто, куда должны были идти. Но Цезарь сдѣлалъ это не безъ причины; не было ни одной пристани по всему Африканскому берегу, которую можно бы считать совершенно безопасною отъ покушеній непріятеля. Только случай могъ указать Цезарю безопасное мѣсто для высадки.

4. Между тѣмъ Л. Планкъ легатъ сталъ просить у Цезаря позволенія снестись съ Консидіемъ и попытаться, нельзя ли какъ будетъ его образумить. Получивъ позволеніе, Планкъ написалъ письмо къ Консидію и поручилъ его отнести въ городъ плѣнному. Когда тотъ

пришелъ въ городъ и, исполняя возложенное на него порученіе, сталъ вручать Консидію письмо, то тотъ спросилъ: «откуда онъ?» Плѣнный на это отвѣчалъ: «отъ императора Цезаря». На это ему Консидій сказалъ: «въ настоящее время я знаю только одного императора у народа Римскаго и это—Сципіонъ». Потомъ при себѣ тотчасъ приказалъ умертвить принесшаго письмо, а его, не читая, запечатаннымъ какъ оно было, отослалъ съ вѣрнымъ человѣкомъ къ Сципіону.

5. Сутки провелъ Цезарь у города, а отвѣта отъ Консидія не было. Прочія войска не приходили еще; въ конницѣ былъ недостатокъ. Войскъ было мало для приступа къ городу и притомъ войска были вновь набранныя. Притомъ Цезарю не хотѣлось подвергать урону войско при самомъ прибытіи. Городъ былъ сильно укрѣпленъ и самая мѣстность неблагопріятствовала приступу. Слухъ носился, что сильное подкрѣпленіе конницы идетъ на помощь городу. Вслѣдствіе всѣхъ этихъ соображеній Цезарь не хотѣлъ приступать къ городу и оставаться долѣе передъ нимъ. Онъ могъ въ случаѣ, если бы упорствовалъ въ своемъ намѣреніи, быть взятъ съ тылу непріятельскою конницею.

6. Когда же Цезарь хотѣлъ снять лагерь, то многочисленныя толпы непріятелей устремились вдругъ изъ города. Случайно въ то же время поспѣла къ нимъ на помощь конница, присланная Юбою для полученія жалованья. Непріятель занялъ мѣсто лагеря, только что покинутое Цезаремъ и, преслѣдуя его, сталъ тревожить задніе ряды его войска. Видя это, легіоны вдругъ остановились и наша конница, какъ ни была малочисленна, смѣло устремилась на несравненно превосходившую ее въ числѣ непріятельскую. Случилось событіе невѣроятное: менѣе чѣмъ тридцать Галльскихъ всадниковъ сбили двѣ тысячи Мавровъ и втоптали ихъ въ городъ. Когда такимъ образомъ непріятель былъ отраженъ и загнанъ въ укрѣпленія, то Цезарь продолжалъ начатый походъ. Непріятель возобновлялъ свои нападенія и снова былъ прогоняемъ въ городъ нашею конницею; но Цезарь медленно продолжалъ путь, прикрывая задніе ряды нѣсколькими, бывшими при немъ, когортами ветерановъ и частью конницы. Чѣмъ далѣе наше войско отходило отъ города, тѣмъ медленнѣе въ преслѣдованіи были Нумиды. На пути встрѣчали Цезаря посольства разныхъ укрѣпленій городовъ, предлагая ему запасы хлѣба и изъявляя готовность исполнить всѣ его приказанія. Такимъ образомъ въ этотъ день, первый календъ Январскихъ, Цезарь сталъ лагеремъ у города Руспины.

7. Оттуда двинулся Цезарь и прибылъ къ городу Лептису, воль-

ному и самостоятельному. На встрѣчу ему вышли послы изъ города, изъявляя готовность охотно исполнить всѣ его требованія. Цезарь поставилъ у городскихъ воротъ сотниковъ и караулы изъ воиновъ для того, чтобы кто нибудь изъ воиновъ не проникъ въ городъ и не причинилъ бы какой обиды его жителямъ; въ недальнемъ же разстояніи отъ города, у самаго морскаго берега, расположился онъ лагеремъ. Туда же случайно пришло нѣсколько галеръ и транспортныхъ судовъ. Прочія же, незная мѣстности, отплыли по направленію къ Утикѣ, какъ это показали видѣвшіе ихъ. Такимъ образомъ Цезарь не могъ отойдти отъ берега и проникнуть внутрь страны вслѣдствіе разбросанности своего флота; конницу всю онъ держалъ на судахъ, вѣроятно опасаясь, какъ бы она не причинила грабежа и велѣлъ суда снабдить водою. Когда гребцы вышли изъ судовъ за водою, то вдругъ вовсе неожиданно бросились на нихъ Маврскіе всадники, и иныхъ убили, а многихъ переранили. Вообще они всегда ищутъ случая напасть изъ засады, скрываясь съ конями въ оврагахъ; рукопашнаго же боя въ открытомъ полѣ они избѣгаютъ.

8. Между тѣмъ Цезарь послалъ въ Сардинію, и во всѣ сосѣднія области, гонцевъ съ письмами къ ихъ начальствамъ, приказывая имъ, немедленно по полученіи писемъ, прислать вспомогательнаго войска, хлѣба и припасовъ разнаго рода. Разгрузивъ часть галеръ, онъ послалъ ихъ, подъ начальствомъ Рабирія Постума, въ Сицилію за вторымъ транспортомъ войскъ. Десять галеръ онъ отправилъ разыскивать транспортныя суда остальнаго флота, и вмѣстѣ оберегать прибрежье отъ покушенія непріятеля. Претору К. Саллюстію Криспу Цезарь приказалъ съ частью флота идти къ Церцинскому острову, находившемуся во власти непріятеля, гдѣ, какъ Цезарь зналъ по слуху, находились большіе запасы хлѣба. Цезарь давалъ каждому такія приказанія и такія точныя наставленія, что отговорки не могло быть ни въ какомъ случаѣ, и медленность или уклоненіе не нашли бы себѣ оправданія. Между тѣмъ Цезарь отъ перебѣжчиковъ и жителей узналъ объ обстоятельствахъ Сципіона и тѣхъ, которые за одно съ Сципіономъ вели противъ него войну; онъ подивился ослѣпленію и неразсудительности людей, которые предпочитаютъ быть данниками иноземнаго царя (Сципіонъ насчетъ провинціи Африканской содержалъ царскую конницу) возможности жить спокойно въ отечествѣ, пользуясь всѣми своими правами и состояніемъ.

9. Цезарь, въ третій день Январскихъ нонъ, выступилъ изъ лагеря и, оставивъ гарнизономъ въ Лептисѣ шесть когортъ подъ начальствомъ Сазерны, съ остальными войсками двинулся къ городу Рус-

пинѣ, откуда пришелъ за день. Тутъ покинувъ войсковые обозы, съ легкимъ отрядомъ отправился на поискъ хлѣбныхъ запасовъ по сосѣднимъ селамъ, приказавъ горожанамъ выставить телѣги и вьючныхъ животныхъ. Нашедъ хлѣба большое количество, Цезарь возвратился въ Руспину. Я полагаю, что Цезарь поступилъ такъ съ тою цѣлью, чтобы, на случай похода внутрь страны, приморскіе города не оставались безъ запасовъ, а будучи снабжены гарнизонами, представляли бы вѣрныя и безопасныя убѣжища для флота.

10. Вслѣдствіе этого Цезарь оставилъ тамъ легіонъ подъ начальствомъ П. Саэерны, брата того, котораго власти ввѣрилъ, лежавшій по близости, городъ Лептисъ, и приказалъ ему заготовить и свезти въ городъ какъ можно болѣе лѣсу. А самъ, взявъ съ собою семь когортъ, состоявшихъ изъ ветерановъ, служившихъ на флотѣ подъ начальствомъ Сульпиція и Ватинія, вышелъ изъ города Руспины и отправился къ пристани, которая отъ города находится въ разстояніи двухъ тысячъ шаговъ. Тутъ къ вечеру Цезарь съ этими войсками сѣлъ на суда. Никто въ войскѣ не зналъ намѣреній Цезаря и всѣ старались отгадать ихъ, сильно тревожась безпокойствомъ и страхомъ. Не безъ чувства печали видѣли они, что съ небольшимъ войскомъ новонабранцевъ, и то не въ полномъ составѣ высаженномъ, они были брошены въ Африкѣ на жертву народа, извѣстнаго своимъ предательствомъ, и непріятеля, имѣвшаго многочисленныя пѣшія войска, и безчисленную конницу. Настоящее не представляло ничего утѣшительнаго и не было казалось надежды ни откуда; но они получали ее, глядя на спокойное и веселое лицо своего вождя. Твердость, величіе и спокойствіе его духа высказывались на немъ. На него всѣ надѣялись и были убѣждены, что, какъ бы ни были велики опасности и затрудненія, но онъ восторжествуетъ надъ ними умомъ своимъ и знаніемъ военнаго дѣла.

11. Цезарь провелъ ночь на судахъ и на разсвѣтѣ уже собирался сняться съ якоря, какъ вдругъ часть флота, заблудившаяся было, прибыла къ этому же мѣсту. Узнавъ это, Цезарь, тотчасъ приказалъ высадить всѣхъ воиновъ, и которые выходили изъ судовъ на берегъ, должны были въ оружіи дожидаться, пока высадка кончилась. Такимъ образомъ суда немедленно были отведены въ пристань, а Цезарь съ вновь прибывшими пѣшими и конными войсками возвратился къ городу Руспинѣ и сталъ тамъ лагеремъ; самъ же съ тридцатью легкими когортами отправился собирать запасы хлѣба. Тогда-то узнали планъ Цезаря: онъ, тайно отъ непріятеля, хотѣлъ идти на помощь заблудившейся части своего флота, опасаясь какъ бы она не наткнулась

неосторожно на непріятельскій флотъ. А отъ воиновъ своихъ оставленныхъ въ гарнизонѣ, Цезарь скрылъ свое намѣреніе, дабы они не ощутили робости, оставшись въ маломъ числѣ въ виду непріятеля, гораздо многочисленнѣйшаго.

12. Цезарь уже отошелъ отъ лагеря мили три, когда лазутчики и конные разъѣзды его дали знать ему о томъ, что видѣли не вдалекѣ непріятельскія войска. Почти въ то же время замѣчены были вдали облака пыли. Узнавъ объ этомъ, Цезарь тотчасъ послалъ въ лагерь за всею конницею, которой съ нимъ было весьма немного и за стрѣлками, которыхъ число было также не велико и приказалъ и конницѣ и стрѣлкамъ въ порядкѣ, не спѣша, идти за нимъ, а самъ съ немногими вооруженными воинами пошелъ впередъ. Когда же вдалекѣ ясно увидѣли ряды непріятельскіе, то Цезарь отдалъ приказаніе воинамъ тутъ же въ полѣ надѣть шлемы и приготовиться къ бою. Войска Цезаря состояли изъ тридцати когортъ, ста пятидесяти всадниковъ и ста сорока стрѣлковъ.

13. Между тѣмъ вожди непріятельскаго войска, Лабіенъ и оба Пацидія, выстраиваютъ его въ боевую линію, растянувъ ее въ длину на огромное пространство и наполнивъ ее не пѣхотою, а конницею. Въ промежуткахъ помѣстили Нумидовъ легко вооруженныхъ и пѣшихъ стрѣлковъ въ толпахъ, густыхъ до того, что сначала наши полагали, что фронтъ непріятеля состоитъ изъ пѣхоты. Правое и лѣвое крыло также было подкрѣплено сильными массами кавалеріи. Цезарь съ своей стороны, по малочисленности своего войска, образовалъ изъ него только одну боевую линію, прикрывъ ее спереди стрѣлками. Конницу свою помѣстилъ онъ на обѣихъ крылахъ, правомъ и лѣвомъ, и приказалъ ей всячески беречься, какъ бы не обошла ее съ тылу непріятельская конница. Цезарь былъ въ томъ убѣжденіи, что будетъ имѣть дѣло съ пѣшими войсками непріятеля.

14. Обѣ стороны казалось чего-то ждали. Цезарь не двигался съ мѣста: при малочисленности своего войска, сравнительно съ непріятельскимъ, ему нужно было разсчитывать не столько на открытую силу, сколько на хитрость. Вдругъ конница непріятельская стала развертываться, обходить возвышенія и тревожить нашу конницу, обнаруживая явное намѣреніе обойдти ее въ тылъ. Съ трудомъ наша конница отражала нападеніе непріятельской несравненно многочисленнѣйшей. Когда главныя силы обѣихъ армій, находившіяся въ центрѣ, сошлись для боя, вдругъ изъ густой толпы непріятелей бросились легковооруженные пѣшіе Нумиды и съ ними всадники, и осыпали нашихъ воиновъ стрѣлами. Когда наши бросились на непріятеля,

всадники его отступили, но пѣшіе воины старались задержать нашихъ, а между тѣмъ конница ихъ, оправившись, снова возобновляла аттаку.

15. Цезарь, замѣтивъ при этомъ новомъ родѣ сраженія, что его воины, бросаясь на непріятеля для его отраженія, приходятъ въ замѣшательство (когда наши пѣшіе воины, выходя изъ рядовъ, далеко преслѣдовали непріятельскую конницу, то находившіеся вблизи Нумиды осыпали ихъ стрѣлами съ открытаго фланга, и много народу у насъ такимъ образомъ переранили), приказалъ по всѣмъ рядамъ, чтобы воины не отходили отъ значковъ далѣе, какъ на четыре шага. Между тѣмъ конница Лабіена, въ надеждѣ на свою многочисленность, пытается обойдти слабыя силы Цезаря. Малочисленные наши всадники, утомленные борьбою съ несравненно многочисленнѣйшимъ непріятелемъ, переранившимъ у нихъ большую часть лошадей, стали мало по малу отступать; тѣмъ сильнѣе и упорнѣе напиралъ непріятель. Такимъ образомъ немного времени потребовалось на то, чтобы непріятелю обойдти наши войска. Сбитые въ кружекъ, они не имѣли мѣста, чтобы развернуться, и должны были сражаться въ тѣснотѣ.

16. Лабіенъ на конѣ съ обнаженною головою ѣздилъ по переднимъ рядамъ своего войска; то ободрялъ своихъ, то съ насмѣшкою обращался къ воинамъ Цезаря. Такъ онъ сказалъ одному: «Что ты горячишься, новобранецъ; и тебя съумѣлъ своими рѣчами свести съ ума онъ (т. е. Цезарь); а ввелъ онъ васъ въ большую опасность, жаль мнѣ васъ». Воинъ ему отвѣчалъ: «не новобранецъ я, Лабіенъ, но старый воинъ десятаго легіона». Лабіенъ ему на это сказалъ: «не узнаю значковъ десятаго легіона». Тогда воинъ ему въ отвѣтъ: «а вотъ узнаешь, кто я таковъ» и, сбросивъ съ себя шлемъ, чтобы Лабіенъ могъ его узнать, воинъ всею силою руки бросилъ въ Лабіена дротикъ, который пронзилъ глубоко грудь его лошади, говоря: «узнай же, Лабіенъ, въ томъ, кто бросилъ въ тебя дротикъ, воина десятаго легіона». Впрочемъ невольно ужасъ овладѣвалъ всѣми и въ особенности новобранцами. Взоры всѣхъ обратились на Цезаря, а воины уже ограничивались тѣмъ, что старались уклоняться отъ стрѣлъ, бросаемыхъ непріятелемъ.

17. Замѣтивъ планъ непріятеля, Цезарь приказалъ своимъ войскамъ растянуться въ длину какъ можно болѣе, а когортамъ обратиться однимъ къ одной, а другимъ къ другой сторонѣ, слѣдуя одна за другою и поддерживая другъ друга. Такимъ образомъ Цезарь разрѣзалъ армію непріятельскую на двѣ половины и тогда напалъ на каждую порознь, осыпавъ стрѣлами и пустивъ въ аттаку пѣхоту и конницу. Непріятель обратился въ бѣгство, но Цезарь не преслѣ-

довалъ его далеко, опасаясь засады и вернулся къ своимъ. Тоже сдѣлала другая часть конницы и пѣхоты Цезаря. Удовольствуясь тѣмъ, что отразилъ непріятеля и съ урономъ, Цезарь въ боевомъ порядкѣ отступилъ къ своимъ запаснымъ войскамъ, находившимся въ лагерѣ.

18. Между тѣмъ М. Петрей и Кн. Пизонъ съ тысячью сто отборныхъ Нумидскихъ всадниковъ и значительною массою Нумидской пѣхоты, прямо съ похода подоспѣли на помощь своимъ. Тогда непріятель, оправясь отъ замѣшательства и страха, обратилъ коней впередъ и снова смѣло ударилъ на нашихъ отступавшихъ воиновъ, тревожилъ ихъ задніе ряды и не давалъ имъ спокойно взойдти въ лагерь. Примѣтивъ это, Цезарь приказалъ снова выступить впередъ и возобновить битву на срединѣ поля. Она происходила по прежнему; непріятель избѣгалъ рукопашной схватки, а лошади малочисленной Цезаревой конницы были до того изморены недавно перенесенною морскою болѣзнью, жаждою и усталостью, а многіе и переранены, что невозможно было разсчитывать на нихъ для аттаки и преслѣдованія непріятеля; притомъ день уже клонился къ вечеру. А потому Цезарь приказалъ когортамъ, вмѣстѣ съ конницею, дружно и въ порядкѣ ударить на непріятеля, прогнать его за ближайшія возвышенія и овладѣть ими. Вдругъ, по данному сигналу, когда уже непріятель дѣйствовалъ вяло и изрѣдка пускалъ стрѣлы, устремились на него наши когорты, въ сопровожденіи кавалеріи. Въ одну минуту безъ труда непріятель былъ сбитъ съ поля и отброшенъ за холмы; наши, занявъ на нихъ удобную позицію и постоявъ на ней нѣсколько времени, въ томъ же самомъ порядкѣ медленно отступили къ своимъ укрѣпленіямъ. Непріятель послѣ этого пораженія наконецъ также отступилъ къ своимъ окопамъ.

19. Во время сраженія, и по окончаніи его, много перебѣжчиковъ явилось къ намъ въ лагерь и много непріятельскихъ воиновъ, и пѣшихъ и конныхъ, захвачено было въ плѣнъ. Отъ нихъ узнали мы, что непріятель имѣлъ въ виду небывалымъ родомъ сраженія привесть въ замѣшательство нашихъ немногочисленныхъ вновь набранныхъ воиновъ и, какъ это случилось съ войскомъ Куріона, подавить ихъ своею кавалеріею. Лабіенъ сказалъ въ военномъ совѣтѣ: «что онъ противупоставитъ намъ столь многочисленныя вспомогательныя войска, что наши придутъ въ изнеможеніе, только поражая ихъ, и тогда сдѣлаются его легкою добычею». Лабіенъ основывалъ надежду успѣха на многочисленности своихъ воиновъ. Притомъ до него дошелъ слухъ, что въ Римѣ легіоны ветерановъ отказались отъ службы и не захотѣли перейдти въ Африку; своихъ же воиновъ, въ те-

ченіи трехлѣтняго пребыванія въ Африкѣ, онъ успѣлъ привязать къ себѣ. Кромѣ того онъ имѣлъ многочисленное вспомогательное войско Нумидовъ, состоявшее изъ кавалеріи и легковооруженныхъ воиновъ. Кромѣ того Лабіенъ собралъ послѣ пораженія Помпеева, всадниковъ Галльскихъ и Германскихъ, которые были привезены имъ съ собою изъ Брундизія; къ нимъ присоединилъ онъ въ послѣдствіи толпы людей смѣшаннаго происхожденія (отъ Римлянина или вольнаго отъ чужестранки или рабыни), вольноотпущенныхъ и рабовъ, давъ имъ вооруженіе и пріучивъ ихъ управлять конями взнузданными. Сверхъ всего этого у Лабіена были, присланныя на помощь отъ царя, многочисленныя пѣшія и несмѣтныя конныя войска, и 120 слоновъ: вообще у него было составлено изъ разнаго званія людей болѣе 12 легіоновъ. Такою надеждою и смѣлостью воспламененный Лабіенъ, смѣло аттаковалъ Цезаря съ тысячью пятью стами всадниковъ Галльскихъ и Германскихъ, съ 8 тысячами Нумидскихъ на невзнузданныхъ коняхъ; кромѣ того приведены были на помощь Петреемъ 1100 всадниковъ, а пѣшихъ и легковооруженныхъ въ четыре раза болѣе, множество пращниковъ и стрѣлковъ, и пѣшихъ, и конныхъ. Противъ этихъ-то силъ сражался Цезарь, наканунѣ нонъ Январскихъ, на третій день послѣ высадки въ Африку, на совершенно ровномъ и открытомъ мѣстѣ, отъ пятаго часа дня до самаго заката солнца. Въ этомъ сраженіи Петрей былъ такъ тяжело раненъ, что долженъ былъ оставить поле битвы.

20. Между тѣмъ Цезарь тщательно укрѣплялъ лагерь, усилилъ гарнизоны въ отдѣльныхъ укрѣпленіяхъ; отъ города Руспины провелъ окопы до самаго моря и таковыми же соединилъ лагерь съ городомъ. Это онъ сдѣлалъ съ цѣлью—обезпечить себѣ сообщенія и возможность получать безопасно подкрѣпленія всякаго рода. Цезарь приказалъ перенесть съ кораблей въ лагерь оружіе всякаго рода и военныя машины. Онъ взялъ съ судовъ въ лагерь часть гребцовъ и матросовъ родосскихъ и галльскихъ, вооружилъ ихъ, имѣя въ виду образовать изъ нихъ родъ легкой пѣхоты, которая, по примѣру непріятельской, могла бы сражаться вмѣстѣ съ конницею. Взявъ стрѣлковъ со всѣхъ кораблей Итирейскихъ, Сирскихъ и другихъ, Цезарь привелъ ихъ въ лагерь, стараясь всячески умножить свои силы (онъ слышалъ, что, на третій день послѣ вышеописаннаго сраженія, приблизился Сципіонъ съ восьмью легіонами и тремя тысячами всадниковъ, и соединился съ Петреемъ и Лабіеномъ). Цезарь приказалъ устроить мастерскія съ кузницами для заготовленія какъ можно болѣе стрѣлъ и всякаго рода оружія и для литья пращей, велѣлъ за-

готовить множество кольевъ, послалъ въ Сицилію гонцовъ и письменное приказаніе заготовить и привезть лѣснаго матеріалу для приготовленія военныхъ машинъ, въ которомъ Африка терпитъ недостатокъ, а также желѣза и свинцу. Цезарь видѣлъ, что продовольствовать войско ему придется привознымъ хлѣбомъ. Въ прошломъ году вслѣдствіе набора, обратившаго земледѣльцевъ въ солдатъ, жатвы не было; а какой и былъ въ Африкѣ хлѣбъ, то непріятель свезъ его въ немногіе и сильно укрѣпленные города, а поля опустошилъ и все на нихъ истребилъ. Города, кромѣ немногихъ, сильно укрѣпленныхъ и снабженныхъ многочисленными гарнизонами, непріятель разрушилъ, а жителей принудилъ перейдти въ укрѣпленныя мѣста. Такимъ образомъ поля представляли покрытую развалинами и выжженную пустыню.

21. Вынужденный такою необходимостью Цезарь, дѣйствуя ласкою и убѣжденіями на жителей, успѣлъ получить отъ нихъ нѣкоторое количество хлѣба, свезть его въ свои укрѣпленія и расходовалъ его съ большою бережливостью. Самъ ежедневно обходилъ укрѣпленія лагеря, и, вслѣдствіе многочисленности непріятелей, имѣлъ на постахъ поперемѣнно караулы. Лабіенъ своихъ раненыхъ, которыхъ у него было множество, приказалъ отвезть, привязанныхъ къ телѣгамъ, въ Адруметъ. Между тѣмъ транспортныя суда Цезаря, не зная мѣстности, ни того, гдѣ нашъ лагерь, скитались на удачу; нѣкоторыя изъ нихъ попались въ руки многочисленнымъ легкимъ судамъ непріятельскимъ и сожжены ими, или захвачены въ плѣнъ. Узнавъ объ этомъ, Цезарь разставилъ свой флотъ около островов и пристаней, съ цѣлью обезпечить себѣ подвозы моремъ.

22. Между тѣмъ М. Катонъ, начальствовавшій въ Утикѣ, не давалъ покоя Кн. Помпею, сыну убитаго Помпея, своими убѣжденіями и упреками. Онъ говорилъ ему: «твой отецъ, когда былъ въ твои года, видя государство жертвою немногихъ наглыхъ злодѣевъ, благонамѣренныхъ гражданъ или казненными или сосланными и такимъ образомъ лишенными и отечества и правъ гражданства, воспламененный жаждою славы и величіемъ духа, будучи еще частнымъ человѣкомъ и едва вышедши изъ отроческихъ лѣтъ, собралъ остатки отцовскаго войска, спасъ Италію и городъ Римъ, бывшіе на краю гибели и возвратилъ вольность отечеству. Съ удивительною быстротою возвратилъ онъ нашей власти Сицилію, Африку, Нумидію и Мавританію. Такими подвигами снискалъ онъ ото всѣхъ народовъ уваженіе и славу, которой нѣтъ ничего на свѣтѣ дороже. Будучи только всадникомъ римскимъ и въ самыхъ юныхъ лѣтахъ, онъ былъ

удостоенъ тріумфа. А впрочемъ ему не могли служить опорою славныя дѣянія отца, ни уваженіе, предками заслуженное, у него не было ни многочисленныхъ друзей отца, ни общаго уваженія къ его памяти. Ты, уже прославленный и возвеличенный отцомъ, наслѣдникъ его величія духа и дѣятельности, почему сидишь въ бездѣйствіи, не ищешь себѣ поддержки въ друзьяхъ твоего отца и не стараешься принесть пользу отечеству, которой ждутъ отъ тебя съ нетерпѣніемъ всѣ благонамѣренные граждане»?

23. Юный Помпей не пропустилъ безъ вниманія убѣжденій столь почтеннаго человѣка, какъ Катонъ, и съ тридцатью судами небольшаго размѣра, изъ коихъ очень немного было съ носами, обитыми желѣзомъ, отправился изъ Утики въ Мавританію и проникъ въ земли царя Богуда. Съ легкимъ войскомъ, состоявшимъ изъ рабовъ и изъ свободныхъ, частью вооруженныхъ, а частью безоружныхъ, числомъ около двухъ тысячъ человѣкъ, приступилъ къ городу Аскуру, гдѣ находился царскій гарнизонъ. Видя приближеніе Помпея, жители города дали ему подойдти къ самимъ укрѣпленіямъ и, вдругъ сдѣлавъ вылазку, напали на его воиновъ, поразили ихъ, смяли и вогнали частью въ море, частью на суда. Послѣ этого пораженія, Кн. Помпей сынъ отплылъ отъ Африки и, не приставая болѣе къ ея берегу, съ своимъ флотомъ направился къ Балеарскимъ островамъ.

24. Между тѣмъ Сципіонъ съ тѣми силами, о которыхъ мы говорили передъ этимъ, выступилъ въ походъ, оставивъ въ Утикѣ большой гарнизонъ, и сначала остановился лагеремъ у Адрумета. Пробывъ здѣсь недолго, онъ продолжалъ походъ ночью и соединился съ войсками Петрея и Лабіена. Они остановились въ трехъ миляхъ отъ Цезаря, всѣ въ одномъ лагерѣ, занявъ имъ большое пространство. Между тѣмъ ихъ конница бродила кругомъ укрѣпленій Цезаря и захватывала въ плѣнъ тѣхъ изъ его воиновъ, которые выходили за валъ искать фуражу или воды; такимъ образомъ войско Цезаря принуждено держаться внутри укрѣпленій. Вслѣдствіе этого, оно стало терпѣть большую нужду; подвозовъ не было еще ни изъ Сициліи, ни изъ Сардиніи. Притомъ флотъ по времени года не могъ безопасно плавать въ открытомъ морѣ. Въ нашей власти въ Африкѣ было земли не болѣе, какъ на шесть миль кругомъ. Главное—ощутителенъ былъ недостатокъ въ кормѣ для лошадей; въ такой крайности воины наши, участвовавшіе во многихъ сухопутныхъ и морскихъ войнахъ и нерѣдко бывавшіе въ подобныхъ опасныхъ и крайнихъ обстоятельствахъ, собирали по берегамъ морскія поросли и, вымывъ ихъ въ

прѣсной водѣ, давали лошадямъ, терпѣвшимъ голодъ, и такимъ образомъ поддерживали въ нихъ жизнь.

25. Пока это происходило, царь Юба, свѣдавъ о затруднительномъ положеніи, въ какомъ находился Цезарь, и о малочисленности его войска, рѣшился не дать ему времени оправиться и собраться съ силами. Съ этою цѣлью, собравъ многочисленное войско и пѣшее и конное, онъ двинулся на помощь своимъ и вышелъ за предѣлы своего царства. Между тѣмъ П. Ситій и царь Бокхъ соединили свои войска и, узнавъ о выступленіи царя Юбы, придвинули къ царству свои войска и, напавъ на Цирту, одинъ изъ самыхъ богатыхъ его городовъ, послѣ кратковременной осады, взяли приступомъ и сверхъ того два города Гетуловъ. Сначала предложили было они жителямъ выйдти изъ города и сдать его пустымъ; они отвергли это условіе и по взятіи города были всѣ умерщвлены. Продолжая походъ, они опустошали поля и тревожили города. Узнавъ объ этомъ, Юба, уже находившійся не въ дальнемъ разстояніи отъ Сципіона и другихъ главныхъ начальниковъ, счелъ за лучшее возвратиться на помощь своему царству и не подвергаться опасности, оказывая помощь другимъ, лишиться собственныхъ земель и тамъ не достигнуть цѣли. Вслѣдствіе этого онъ не только отступилъ, но и взялъ съ собою вспомогательный отрядъ, находившійся у Сципіона, — такъ онъ опасался за безопасность свою и того, что ему принадлежало. Онъ оставилъ ему только 30 слоновъ и отправился на защиту своихъ областей и городовъ.

26. Между тѣмъ Цезарь, вслѣдствіе того, что въ провинціи возникло сомнѣніе о его прибытіи и всѣ полагали, что онъ не самъ пришелъ въ Африку, а легатъ его съ войскомъ, разослалъ письма по провинціи, давая знать всѣмъ городамъ о своемъ прибытіи. Между тѣмъ стекались къ нему въ лагерь значительнѣйшіе граждане изъ городовъ, жалуясь ему на жестокія обиды и притѣсненія со стороны непріятеля. Сильно подѣйствовали ихъ жалобы и слезы на Цезаря и онъ, дотолѣ стоявшій постояннымъ лагеремъ, съ наступленіемъ теплаго времени года, сосредоточилъ всѣ свои войска, и собственныя и вспомогательныя, и рѣшился перейдти къ наступательнымъ дѣйствіямъ. Немедленно написалъ онъ письма въ Сицилію къ Алліену и Рабирію Постуму, и отправилъ съ нарочнымъ, на легкомъ суднѣ; эти письма были такого содержанія: «чтобы они немедленно, не ссылаясь ни на ненастную погоду, ни на противные вѣтры, какъ можно поспѣшнѣе, отправили къ нему войска. Провинціи Африкѣ угрожаетъ совершенная гибель и окончательное разореніе. Если не будетъ оказана немедленная помощь союзникамъ, то скоро въ Африкѣ, кромѣ

голой почвы, ничего не останется, ни даже одной крыши, которая могла бы служить пріютомъ; до того далеко непріятель простираетъ свои коварные и злодѣйскіе замыслы». Нетерпѣніе и желаніе немедленной дѣятельности были такъ велики у Цезаря, что не успѣлъ онъ отправить гонца и письма въ Сицилію, а на другой день ждалъ уже прихода флота и войска, не сводилъ глазъ съ моря и винилъ своихъ намѣстниковъ въ медленности. Это было весьма понятно: въ глазахъ у него селенія предавались пламени, поля — опустошенію; непріятель отгонялъ скотъ, убивалъ жителей, города и укрѣпленія обращалъ въ развалины; именитѣйшихъ гражданъ или казнилъ смертью, или содержалъ въ оковахъ, а ихъ дѣтей уводилъ въ рабство подъ видомъ заложниковъ. Но Цезарь, несмотря на мольбы жителей о защитѣ, находился въ то время въ невозможности, по малочисленности своихъ войскъ, пособить имъ. Въ ожиданіи подкрѣпленій, Цезарь занималъ воиновъ разнаго рода работами, укрѣплялъ лагерь, возводилъ башни и укрѣпленія, а въ пристани дѣлалъ новый молъ; всѣ эти работы продолжались безостановочно.

27. Между тѣмъ Сципіонъ старался пріучить слоновъ къ сраженію слѣдующимъ образомъ: онъ поставилъ двѣ боевыхъ линіи одна противъ другой; первая—пращниковъ была обращена лицомъ къ слонамъ, изображая собою непріятельскую армію во время сраженія; она пускала маленькіе камни въ слоновъ, расположенныхъ противъ нея въ рядъ. За ними стояло собственно его войско: воины должны были— слоновъ, когда тѣ, испуганныя непріятельскими каменьями, обратятся на нихъ, метаніемъ съ своей стороны камней обращать снова на непріятеля. Впрочемъ маневръ этотъ исполнялся тяжело и не совсѣмъ удачно; тяжелые, неповоротливые слоны, какъ ихъ ни учатъ въ теченіи многихъ лѣтъ, въ сраженіи неменѣе страшны для своихъ, какъ и для непріятелей.

28. Между тѣмъ какъ у Руспины съ обѣихъ сторонъ готовились къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ, К. Виргилій, бывшій преторъ, начальствовавшій приморскимъ городомъ Тапсомъ, замѣтивъ, что нѣкоторыя суда флота Цезарева, не зная мѣстности и расположенія своего лагеря, скитаются по морю, думалъ этимъ воспользоваться. Взявъ находившееся въ пристани транспортное судно, онъ наполнилъ его воинами и стрѣлками и, взявъ еще нѣсколько небольшихъ судовъ съ собою, началъ производить погоню за судами Цезаря. Наткнувшись на нѣсколько ихъ, бывшихъ вмѣстѣ, онъ потерпѣлъ пораженіе и долженъ былъ бѣжать. Это впрочемъ не заставило его отказаться отъ своихъ намѣреній; случайно встрѣтилъ онъ корабль, на которомъ на-

ходились два молодые Испанца Тиціи, трибуны пятаго легіона (отца ихъ Цезарь избралъ въ число сенаторовъ) и съ ними сотникъ того же легіона Т. Саліенъ (онъ то осаждалъ въ Мессанѣ легата М. Мессалу и говорилъ ему самую возмутительную рѣчь). Теперь, присвоивъ себѣ деньги и украшенія, назначенныя для тріумфа Цезарева, онъ опасался за это отвѣтственности. Сознавая свою виновность, уговорилъ онъ молодыхъ людей не сопротивляться и сдать судно Виргилію. Будучи приведены Виргиліемъ къ Сципіону, они заключены въ оковы и на третій день казнены. Когда ихъ вели на казнь, то старшій Тицій просилъ какъ милости у сотниковъ, чтобы его умертвили прежде брата, на что безъ труда и получилъ ихъ согласіе. Такимъ образомъ оба они и погибли.

29. Между тѣмъ конные отряды, прикрывавшіе съ обѣихъ сторонъ укрѣпленія по распоряженію вождей, не переставали имѣть между собою ежедневно небольшія схватки. Нерѣдко, по взаимному согласію, на короткое время, непріязненныя дѣйствія прекращались и служившіе у Лабіена галльскіе и германскіе всадники дружелюбно вели разговоры съ Цезаревыми. Лабіенъ съ частью конницы пытался взять приступомъ городъ Лептисъ, гдѣ начальствовалъ Сазерна съ тремя когортами. Впрочемъ, благодаря сильному укрѣпленію города и множеству метательныхъ орудій, гарнизонъ отстоялъ его безъ труда. Впрочемъ конница непріятельская неоднократно возобновляла свои покушенія; разъ, когда густая толпа ея стояла передъ воротами, скорпіонъ былъ брошенъ такъ удачно, что пронзилъ непріятельскаго десятника и какъ бы пригвоздилъ его къ воротамъ. Устрашенные всадники обратились въ бѣгство къ лагерю, и съ того времени оставили свои покушенія на городъ.

30. Между тѣмъ Сципіонъ, почти ежедневно передъ своимъ лагеремъ, шагахъ въ трехъ стахъ, выстраивалъ войско въ боевой порядокъ и, продержавъ подъ оружіемъ большую часть дня, отводилъ его назадъ въ лагерь. Несмотря на это, войска Цезаря не выходили изъ лагеря и оставались на своихъ мѣстахъ. Тогда, какъ бы въ насмѣшку надъ терпѣніемъ Цезаря и его войска, Сципіонъ вывелъ всѣ свои пѣшія и конныя войска и 30 слоновъ съ башнями и, вытянувъ свою боевую линію какъ можно больше въ длину, расположился, готовый къ битвѣ, недалеко отъ лагеря Цезарева.

31. Узнавъ объ этомъ, Цезарь отдалъ приказаніе воинамъ своимъ, находившимся въ равнинѣ внѣ укрѣпленія частью для сбора фуража и дровъ, частью матеріала для лагерныхъ укрѣпленій, и тѣмъ изъ нихъ, которые занимались производствомъ работъ, отступить къ укрѣпленіямъ мало-по-малу, не обнаруживая ни робости, ни тороп-

ливости, и остановиться на нихъ. Коннымъ отрядамъ, оберегавшимъ посты, Цезарь отдалъ приказаніе держаться на нихъ, пока до нихъ не станутъ долетать непріятельскія стрѣлы; когда же непріятель подойдетъ ближе, то они должны во всевозможномъ порядкѣ отступить внутрь укрѣпленій. Остальной конницѣ Цезарь отдалъ приказаніе, чтобы она на своихъ мѣстахъ была совершенно готова и въ полномъ вооруженіи. Всѣ эти распоряженія дѣлалъ Цезарь не на основаніи личныхъ наблюденій, сдѣланныхъ съ лагернаго валу, но до того пріобрѣлъ онъ удивительную опытность въ военномъ дѣлѣ, что приказанія отдавалъ, не выходя изъ своей преторіанской палатки, черезъ гонцовъ и разсыльныхъ. Цезарь былъ убѣжденъ, что какъ непріятель ни смотритъ съ самоувѣренностью на свои многочисленныя силы, по уже не разъ имъ разбитый и обращенный въ бѣгство, не разъ обязанный его милосердію жизнью, никогда не отважится онъ, вслѣдствіе собственнаго малодушія и подъ вліяніемъ претерпѣннаго отъ него уже страха, аттаковать его лагерь. Достаточно было имени Цезаря и его славы, чтобы уменьшить самонадѣянность непріятеля. Притомъ, превосходно устроенныя, укрѣпленія лагеря, вышина вала и глубина рвовъ, скрытыя передъ укрѣпленіями, разсѣянныя въ удивительномъ порядкѣ, волчьи ямы — дѣлали доступъ непріятелю къ нашему лагерю затруднительнымъ уже сами по себѣ. Притомъ лагерь снабженъ былъ въ изобиліи скорпіонами, катапультами и другими военными орудіями, служащими для обороны. Всѣ эти мѣры защиты приняты были Цезаремъ вслѣдствіе малочисленности и неопытности его войска, а не потому, чтобъ онъ опасался или робѣлъ непріятеля. Съ умысломъ старался Цезарь вселить въ немъ убѣжденіе въ своей нерѣшительности и робости. Не потому Цезарь не выводилъ въ поле своего войска, чтобы сомнѣвался въ побѣдѣ вслѣдствіе его малочисленности, а потому, что онъ принималъ въ соображеніе, что побѣда побѣдѣ рознь. Онъ былъ убѣжденъ, что послѣ столь блистательныхъ успѣховъ, послѣ пораженія столь сильныхъ непріятельскихъ войскъ, послѣ столь славныхъ побѣдъ, мало чести ему принесетъ одержать съ усиліемъ, стоившую бы много крови, побѣду надъ остальными силами непріятельскими, уцѣлѣвшими и собравшимися послѣ пораженія. А потому Цезарь рѣшился сносить похвальбу и надменность непріятеля, пока вторичный транспортъ не доставитъ ему хоть нѣкоторую часть опытнаго, состоявшаго изъ ветерановъ войска.

32. Сципіонъ съ своей стороны нѣсколько времени помедлилъ на занятой имъ позиціи, какъ бы въ пренебреженіе Цезарю, а потомъ мало-по-малу отвелъ свои войска въ лагерь. Здѣсь, передъ собра-

ніемъ воиновъ, онъ говорилъ, что ужасъ и отчаяніе господствуютъ въ войскѣ Цезаря и убѣждалъ своихъ потерпѣть еще немного, говоря, что скоро онъ доставитъ имъ вѣрную побѣду. Цезарь приказалъ воинамъ возвратиться къ работамъ, и новобранцы постоянно у него трудились надъ укрѣпленіями лагеря. Между тѣмъ Нумиды и Гетулы почти ежедневно уходили изъ лагеря Сципіона — одни домой, а другіе толпами въ лагерь Цезаря, помня благодѣянія къ нимъ К. Марія и слыша, что Цезарь ему приходится съ родни. Цезарь, отобравъ значительнѣйшихъ изъ Гетульскихъ бѣглецовъ, далъ имъ письма къ ихъ соотечественникамъ, убѣждая ихъ взяться за оружіе и защитить себя и страну отъ враговъ своихъ, совершенно поработившихъ ихъ своей власти.

33. Пока это происходило у Руспины, къ Цезарю явились послы изъ Ахиллы, вольнаго города, и разныхъ другихъ мѣстъ, изъявляя готовность исполнить охотно всѣ его приказанія. Одного просили они у Цезаря—прислать къ нимъ отрядъ войска, подъ защитою котораго они могли бы безопасно привесть свои намѣренія въ исполненіе; съ своей же стороны они готовы доставить хлѣба, и вообще всѣми силами содѣйствовать дѣлу общей безопасности. Цезарь безъ труда согласился на ихъ требованіе, и приказалъ К. Мессію, бывшему эдилу, отправиться въ Ахиллу съ отрядомъ войска. Узнавъ объ этомъ Консидій Лонгъ, имѣвшій въ Адруметѣ подъ своимъ начальствомъ два легіона и 700 всадниковъ, поспѣшно, оставивъ часть войска въ гарнизонѣ, съ 8 когортами двинулся къ Ахиллѣ. Мессій, ускоривъ походомъ, первый съ своимъ отрядомъ прибылъ въ Ахиллу. Между тѣмъ Консидій, подошедъ къ городу съ своими войсками, замѣтилъ, что онъ уже занятъ войсками Цезаря и не рѣшился приступить къ нему, несмотря на значительныя свои силы, и такимъ образомъ безо всякаго успѣха отступилъ обратно въ Адруметъ. Потомъ, черезъ нѣсколько дней, къ нему привелъ Лабіенъ на помощь часть конницы; тогда Консидій двинулся къ Ахиллѣ и, расположившись лагеремъ, сталъ снова осаждать городъ.

34. Въ тоже время К. Саллюстій Криспъ, который, какъ мы упоминали выше, за нѣсколько дней передъ тѣмъ былъ съ флотомъ отправленъ Цезаремъ, прибылъ къ Церцинѣ. При его приближеніи начальствовавшій тамъ К. Децимій, бывшій Квесторъ, охранявшій запасы хлѣба съ многочисленною толпою рабовъ, на небольшомъ суднѣ искалъ спасенія въ бѣгствѣ. Тогда преторъ Саллюстій, принятый дружелюбно жителями Церцины, найдя тамъ большіе запасы хлѣба, наполнилъ имъ, находившіяся въ значительномъ числѣ, транспортныя

суда и отправилъ ихъ въ лагерь къ Цезарю. Между тѣмъ проконсулъ Аллiенъ въ Лилибеѣ посадилъ на суда воиновъ 13 и 14 легiоновъ, восемьсотъ Галльскихъ всадниковъ, тысячу пращниковъ и стрѣлковъ и отправилъ къ Цезарю въ Африку второй транспортъ войскъ. При попутномъ вѣтрѣ всѣ эти суда на четвертый день прибыли благополучно въ Руспинскую пристань, у которой былъ расположенъ лагеремъ Цезарь. Такимъ образомъ, къ искренней радости Цезаря, все исполнилось сообразно его желанiю—и войска прибыли, и съѣстные припасы были въ изобилiи. Онъ былъ успокоенъ, воины стали веселы, и нужда исчезла; войскамъ, вышедшимъ на берегъ и пѣшимъ и коннымъ, Цезарь далъ время отдохнуть и оправиться отъ страданiй морской болѣзни, а потомъ размѣстилъ ихъ по укрѣпленiямъ и отдѣльнымъ постамъ.

35. Видя все это, Сципiонъ и его приближенные дивились и не знали, что и подумать: К. Цезарь, обыкновенно самъ начинавшiй всегда военныя дѣйствiя и первый вступавшiй въ сраженiе, теперь вдругъ сталъ дѣйствовать совершенно иначе. Они подозрѣвали, что эта перемѣна немогла произойдти безъ важной причины. Самая мнимая робость Цезаря была для непрiятеля поводомъ къ сильному опасенiю. Вслѣдствiе этого Сципiонъ двухъ Гетуловъ, которыхъ считалъ наиболѣе къ себѣ приверженными, склонилъ наградами и надеждою еще большихъ, явиться къ Цезарю въ лагерь въ видѣ перебѣжчиковъ и разузнать тамъ все. Приведенные къ Цезарю, эти Гетулы просили позволенiя говорить съ нимъ свободно, безъ опасенiй. Получивъ его, они сказали слѣдующее: «Не разъ уже, императоръ, намѣревались многiе изъ насъ Гетуловъ, которые считаемъ себя вѣчными клiентами К. Марiя и почти всѣ граждане римскiе, составляющiе легiоны четвертый и шестой, перейдти къ тебѣ на службу; но намъ не давали безопасно привести въ исполненiе нашъ умыселъ конные сторожевые отряды Нумидовъ. Теперь мы ради поводу явиться къ тебѣ въ качествѣ лазутчиковъ Сципiона; онъ прислалъ насъ разузнать, какiе рвы и западни для слоновъ сдѣланы тобою передъ лагернымъ валомъ и его воротами, и вообще извѣдать твои распоряженiя какъ въ этомъ отношенiи, такъ и твои намѣренiя относительно военныхъ дѣйствiй и обо всемъ этомъ дать ему знать». Цезарь сказалъ имъ нѣсколько словъ похвалы, далъ денежное награжденiе и приказалъ отвесть къ прочимъ перебѣжчикамъ. Скоро истина показанiя перебѣжчиковъ незамедлила подтвердиться; на другой день изъ тѣхъ легiоновъ, о которыхъ упоминали Гетулы, много воиновъ перебѣжало въ лагерь Цезаря.

36. Пока это происходило у Руспины, М. Катонъ, начальствовавшій въ Утикѣ, ежедневно производилъ наборъ вольноотпущенниковъ, туземцевъ, рабовъ,—однимъ словомъ, всякаго разбору людей, способныхъ по своимъ лѣтамъ носить оружіе, и отрядами постоянно отсылалъ ихъ въ лагерь Сциціона. Между тѣмъ къ Цезарю пришли послы изъ города Тисдры, гдѣ находилось триста тысячъ мѣръ пшеницы, свезенной туда итальянскими купцами и земледѣльцами, и сообщили ему свѣдѣніе о, находившемся у нихъ, запасѣ хлѣба и вмѣстѣ съ тѣмъ просили послать къ нимъ гарнизонъ для защиты какъ запасовъ хлѣба, такъ и частной собственности. Цезарь благодарилъ пословъ и обѣщалъ въ самомъ непродолжительномъ времени прислать отрядъ войска; сдѣлавъ увѣщаніе посламъ, онъ имъ велѣлъ возвратиться къ своимъ соотечественникамъ. Между тѣмъ П. Сицій двинулся съ войскомъ въ предѣлы Нумидіи и силою овладѣлъ укрѣпленіемъ, устроеннымъ на высокомъ мѣстѣ, которое царь Юба избралъ складочнымъ мѣстомъ для провіанта и прочихъ вещей, необходимыхъ для веденія войны.

37. Войско Цезаря, по прибытіи втораго транспорта, умножилось двумя легіонами ветерановъ, частью конницы и легковооруженными воинами. Немедленно Цезарь приказалъ шести транспортнымъ судамъ идти въ Лилибей и привезти оттуда остальное войско; а самъ въ 6 день Февральскихъ календъ, около первой стражи ночи, отдалъ приказаніе, чтобы всѣ лазутчики и разъѣздщики были неотлучно при войскѣ. Такимъ образомъ никто изъ непріятелей не зналъ и не подозрѣвалъ, какъ въ третью стражу ночи Цезарь вывелъ всѣ легіоны изъ лагеря и приказалъ имъ слѣдовать за собою къ городу Руспинѣ, который первый встрѣтилъ его дружелюбно и въ которомъ находился его гарнизонъ. Оттуда, спустившись съ небольшаго возвышенія, Цезарь повелъ свои легіоны лѣвою стороною равнины, подлѣ морскаго берега. Равнина эта представляетъ открытую мѣстность на пятнадцать миль протяженія. Поднимаясь отъ моря огромный, но не очень высокій, горный хребетъ опоясываетъ ее въ видѣ амфитеатра. Въ хребтѣ этомъ есть нѣсколько отдѣльныхъ возвышеній: на нѣкоторыхъ изъ нихъ издавна устроены были сторожевыя башни; у крайней находился отрядъ войска Сциціона для охраненія позиціи.

38. Цезарь, подошедъ къ вышеупомянутому горному хребту, началъ строить башни и укрѣпленія на каждомъ холмѣ; менѣе чѣмъ въ полчаса они были приведены къ концу. Подошедъ на недальнее разстояніе къ послѣднему холму и башнѣ, ближайшимъ къ непріятельскому лагерю, гдѣ находился, какъ мы выше сказали, отрядъ Нумидовъ, Цезарь

остановился на нѣкоторое время, разсматривая мѣстность. Расположивъ впереди конницу, Цезарь приказалъ легіонамъ заняться немедленно работами для соединенія валомъ того мѣста по серединѣ горнаго хребта, до котораго онъ дошелъ, съ тѣмъ пунктомъ, откуда выступилъ. Когда Сципіонъ и Лабіенъ это примѣтили, то, выведя всю конницу изъ лагеря и расположивъ ее въ боевой порядокъ, двинулись съ нею на милю впередъ укрѣпленій; пѣшія же войска были расположены во второй линіи, въ разстояніи отъ лагеря менѣе четырехъ сотъ шаговъ.

39. Цезарь нисколько не встревожился вслѣдствіе движенія непріятельскихъ войскъ и убѣждалъ своихъ воиновъ продолжать работы. Когда же разстояніе непріятельскаго фронта отъ его укрѣпленій было не болѣе полуторы тысячи шаговъ, то Цезарь угадалъ намѣреніе непріятеля своимъ приближеніемъ остановить наши работы и вынудить его отвести легіоны отъ производства укрѣпленій. Онъ приказалъ эскадронамъ Испанцевъ поспѣшить на ближайшій холмъ, сбить оттуда непріятельскій постъ и занять позицію; въ подкрѣпленіе коннинцѣ Цезарь послалъ за нею небольшой отрядъ легковооруженныхъ воиновъ. Дѣйствуя съ быстротою, наша конница ударила на Нумидовъ, частью захватила въ плѣнъ, частью переранила обратившихся въ бѣгство всадниковъ, и овладѣла позиціею. Замѣтивъ это, Лабіенъ, желая скорѣе подать помощь своимъ, двинулъ туда изъ боеваго строя кавалеріи почти все правое крыло и поспѣшилъ на помощь своимъ, искавшимъ спасенія въ бѣгствѣ. Цезарь, видя, что Лабіенъ оставилъ значительный промежутокъ между собою и прочимъ войскомъ, отправилъ лѣвое крыло своей конницы съ цѣлью отрѣзать часть непріятельскаго войска.

40. Въ той части поля, гдѣ происходило описанное выше дѣло, находился огромный загородный домъ, на которомъ устроены были четыре башни. Онъ-то закрылъ отъ глазъ Лабіена движеніе Цезаревой конницы, и не прежде увидалъ онъ Цезаревыхъ всадниковъ, какъ уже съ тылу они поражали его воиновъ. Неожиданность нападенія вкинула ужасъ въ конницу Нумидовъ, и она пустилась въ бѣжать по прямому направленію къ своему лагерю. Галлы и Германцы, оставшіеся на своемъ посту, были обойдены съ тылу и спереди съ горы тѣснимы нашими, и послѣ упорнаго сопротивленія погибли всѣ до одного. Видя это, легіоны Сципіона, которые были расположены въ боевомъ порядкѣ передъ лагеремъ, въ ослѣпленіи ужаса, устремились въ свой лагерь всѣми воротами. Такимъ образомъ войска Сципіона были сбиты и съ возвышенной позиціи, и съ поля, и оттѣс-

нены въ свой лагерь. Цезарь приказалъ играть отбой, и всей коннинѣ удалиться внутрь укрѣпленій. Когда поле совершенно очистилось, то увидали громадныя тѣла Галловъ и Германцевъ; это были тѣ, которые частью ушли за Лабіеномъ, подчинившись его вліянію, частью вызваны были изъ отечества обѣщаніями наградъ; а нѣкоторые, пощаженные послѣ пораженія Куріона, остались на службѣ у побѣдителя изъ благодарности за сохраненіе имъ жизни. Тѣла ихъ обращали вниманіе красотою и огромностью и, будучи разбросаны въ разныхъ мѣстахъ, покрывали все поле.

41. Послѣ этого успѣха, на другой день, Цезарь вывелъ когорты изъ отдѣльныхъ укрѣпленій, и всѣ свои войска расположилъ на ровномъ мѣстѣ въ боевомъ порядкѣ. Сципіонъ, видя пораженіе своихъ и понесши значительный уронъ убитыми и ранеными, заблагоразсудилъ лучше остаться внутри укрѣпленій. Цезарь, сначала расположившись у самой подошвы горы, мало-по-малу сталъ придвигаться къ непріятельскимъ укрѣпленіямъ. Уже тысячи шаговъ (мили) не оставалось пройдти легіонамъ Цезаря до города Узиты, находившагося во власти Сципіона, какъ тотъ, опасаясь потерять городъ, откуда онъ снабжалъ войско свое водою и прочими нужными предметами, вывелъ всѣ свои войска изъ лагеря и, по своему обыкновенію, устроилъ ихъ въ боевомъ порядкѣ въ четыре линіи, изъ коихъ первая состояла изъ конныхъ отрядовъ, въ интервалахъ между которыми были поставлены слоны съ башнями и вооруженными воинами. Въ такомъ порядкѣ Сципіонъ готовился идти на помощь городу. Цезарь, замѣтивъ это, полагалъ, что Сципіонъ готовъ принять сраженіе и потому въ нѣкоторомъ разстояніи отъ города, на мѣстѣ, о которомъ я упоминалъ выше, остановился такъ, что городъ прикрывалъ центръ его арміи; а правое и лѣвое крыло, прикрывъ слонами, расположилъ въ виду непріятеля.

42. Почти до заката солнца дожидался Цезарь и замѣтивъ, что Сципіонъ, съ того мѣста, гдѣ остановился, ближе къ нему не подступаетъ, онъ, Цезарь, ожидалъ нападенія Сципіона, но скоро увидѣлъ, что тотъ остается на мѣстѣ и болѣе разсчитываетъ на крѣпость своей позиціи, если бы его къ чему нибудь и вынудили обстоятельства, чѣмъ рѣшается выступить въ открытое поле. Цезарь не заблагоразсудилъ въ этотъ день подойдти ближе къ городу, зная, что въ немъ находится сильный гарнизонъ Нумидовъ, и что непріятель имъ прикрылъ центръ своей боевой линіи. Цезарю надлежало бы въ одно и то же время—и брать приступомъ городъ, и сражаться на правомъ и лѣвомъ крылѣ при невыгодныхъ условіяхъ мѣстности, что сопряжено было съ боль-

шою опасностью тѣмъ болѣе, что войско его съ ранняго утра было подъ оружіемъ и безъ пищи, и слѣдовательно было усталое и голодное. А потому Цезарь, отведя свои войска обратно въ лагерь, рѣшился на слѣдующій день выдвинуть свои укрѣпленія ближе къ сторонѣ непріятеля.

43. Между тѣмъ Консидій, осаждавшій съ восемью когортами Нумидовъ и Гетуловъ, состоявшихъ на жалованьи, городъ Ахиллу, гдѣ находился К. Мессій съ своими когортами, въ теченіи долгаго времени истощалъ всѣ свои усилія. Неоднократно производилъ онъ большія осадныя работы, но они осажденными были преданы огню. Видя безполезность своихъ усилій и встревоженный внезапно полученнымъ извѣстіемъ о пораженіи конницы, Консидій— запасы хлѣба, находившіяся у него въ лагерѣ, сжегъ, а прочіе припасы, какъ то вино, масло и другія годные въ пищу, испортилъ; затѣмъ отступилъ отъ Ахиллы, снявъ осаду. Направивъ путь черезъ области царя Юбы, Консидій часть своихъ войскъ уступилъ Сципіону, а съ остальною удалился въ Адруметъ.

44. Между тѣмъ одно судно втораго транспорта, отправленнаго Алліеномъ изъ Сициліи, на которомъ находились К. Коминій и Л. Тицида, всадникъ Римскій, отстало отъ остальнаго флота и занесено вѣтромъ къ Тапсу. Тутъ Виргилій захватилъ его съ помощью лодокъ и легкихъ судовъ и отвелъ къ Сципіону. Другая трирема этого же флота, отдѣлившаяся отъ прочихъ судовъ, бурею была занесена къ Эгимуру и здѣсь захвачена флотомъ Вара и М. Октавія; на этой триремѣ находились воины ветераны подъ начальствомъ одного сотника и нѣсколько человѣкъ новонабранцевъ. Варъ сберегъ плѣнныхъ безо всякого вреда и велѣлъ ихъ отвесть къ Сципіону. Когда они явились къ Сципіону и стали передъ его судилищемъ, то онъ сказамъ имъ слѣдующее: «знаю, что вы не по собственному побужденію, но вынужденные властью преступнаго вашего императора, безбожно преслѣдуете всѣхъ благонамѣренныхъ гражданъ. Теперь, предоставленные судьбою во власть нашу, возвратитесь къ своему долгу, за одно съ благомыслящими гражданами защищайте отечество и такимъ образомъ заслужите и жизнь и денежныя награжденія. Скажите же, какъ вы объ этомъ думаете?

45. Сказавъ эту рѣчь, Сципіонъ былъ убѣжденъ, что плѣнные съ признательностью примутъ его предложенія и потому-то онъ позволилъ имъ говорить; но изъ нихъ сотникъ четырнадцатаго легіона сказалъ слѣдующее: «Благодарю тебя, Сципіонъ (а императоромъ тебя не признаю) за твое великое къ намъ благодѣяніе, что, захвативъ насъ во-

енноплѣнными, ты обѣщаешь намъ жизнь и безопасность. Твоимъ благодѣяніемъ можетъ быть я бы и воспользовался, еслибы оно не было подъ условіемъ гнуснаго преступленія. Дерзну ли поднять мечъ на Цезаря, моего императора, подъ начальствомъ котораго я служилъ, и на его войско, за честь котораго и торжество сражался я въ теченіи болѣе, чѣмъ тридцати шести лѣтъ? Но я никогда этого не сдѣлаю, да и тебя прошу оставить твои намѣренія. Съ какими войсками имѣешь ты дѣло, если ты не испыталъ прежде, то узнай теперь. Выбери изъ своихъ войскъ одну когорту, самую лучшую по твоему мнѣнію, и поставь ее противъ меня; я же изъ моихъ товарищей, находящихся теперь въ твоей власти, возьму только десять. Тогда мужество наше тебѣ покажетъ, въ какой степени можешь ты надѣяться на свои войска.

46. Когда сотникъ съ совершеннымъ хладнокровіемъ высказалъ свое убѣжденіе, вовсе не соотвѣтствовавшее надеждѣ Сципіона, то онъ, пришедъ въ гнѣвъ и будучи глубоко оскорбленъ въ душѣ, далъ знать своимъ сотникамъ, какъ имъ надлежало поступить. У ногъ Сципіона убитъ былъ сотникъ Цезаря; прочихъ ветерановъ Сципіонъ повелѣлъ отдѣлить отъ новонабранцевъ. «Уведите—сказалъ онъ—этихъ людей, запятнанныхъ преступленіями и злодѣйствами, и несытыхъ крови сограждановъ». Они отведены за валъ и тамъ убиты мучительнымъ образомъ. Новобранцевъ приказалъ Сципіонъ распредѣлить по своимъ легіонамъ, а Комннія и Тициду запретилъ приводить къ себѣ. Цезарь былъ весьма огорченъ этимъ событіемъ и тѣхъ, которымъ онъ поручилъ съ галерами крейсировать передъ Тапсомъ для того, чтобы они служили прикрытіемъ транспортнымъ и прочимъ судамъ, счелъ за нужное удалить изъ войска въ видѣ позорнаго наказанія, и издалъ противъ нихъ эдиктъ въ самыхъ сильныхъ выраженіяхъ.

47. Около этого времени съ войскомъ Цезаря случилось обстоятельство невѣроятное и неслыханное. По заходѣ созвѣздія Плеядъ, около второй стражи ночи, поднялся страшный вихрь, сопровождаемый каменнымъ дождемъ. Послѣдствія его были тѣмъ хуже для насъ, что Цезарь—не какъ военачальники, донего бывшіе, держалъ воиновъ не на зимнихъ квартирахъ, но каждый третій и четвертый день подвигалъ лагерь ближе къ непріятелю и снова его укрѣплялъ; въ безпрерывныхъ работахъ воины не имѣли времени позаботиться о себѣ. Притомъ войско изъ Сициліи было перевезено такъ, что на суда брали только воиновъ и ихъ оружіе; брать же съ собою прислужниковъ и вообще вещи для домашняго обихода, къ употребленію которыхъ привыкли воины, не позволялось. Во время же пребыванія

въ Африкѣ воины не только не имѣли возможности пріобрѣсть что нибудь для себя или запастись чѣмъ нибудь, но и вслѣдствіе дороговизны хлѣба и прежде пріобрѣтенное все истратили. Вслѣдствіе этого воины наши до того обѣдняли, что, стоя подъ городомъ, весьма немногіе находили убѣжище въ кожаныхъ палаткахъ; остальные же ограничивались шалашами, покрытыми ихъ же платьемъ или хворостомъ и камышомъ. Такимъ образомъ застигнутые внезапно дождемъ и градомъ, они сильно потерпѣли отъ нихъ, въ темнотѣ подъ потоками воды, они скитались по лагерю, покрывая головы щитами; огни всѣ были загашены, предметы же, употреблявшіеся въ пищу, были повреждены. Въ ту ночь верхушки дротиковъ пятаго легіона были сами собою всѣ въ огнѣ.

48. Между тѣмъ Царь Юба, получивъ извѣстіе о результатѣ бывшаго сраженія конницъ и приглашаемый письмами Сципіона, оставилъ противъ Сиція префекта Сабуру съ частью войска; а самъ, надѣясь своимъ прибытіемъ придать силы войску Сципіона и устрашить Цезаря, взялъ съ собою три легіона, восемьсотъ всадниковъ со взнузданными конями, множество Нумидскихъ всадниковъ на невзнузданныхъ коняхъ и легковооруженныхъ воиновъ и 30 слоновъ. Вышедъ изъ своего царства, Юба двинулся на соединеніе съ Сципіономъ. Приблизившись къ нему, Юба расположился съ своими войсками, исчисленными выше, отдѣльнымъ лагеремъ неподалеку отъ Сципіонова. (Въ лагерѣ Цезаря сначала съ ужасомъ ждали прибытія Царя, и войско Цезаря тревожилось при мысли объ его силахъ; а когда онъ соединилъ лагерь съ лагеремъ, то, наше войско вмѣсто страха стало питать пренебреженіе къ непріятелю. Такимъ образомъ Юба по прибытіи своемъ утратилъ и то значеніе, какое имѣлъ находясь въ отсутствіи). Впрочемъ весьма естественно, что съ прибытіемъ царя, Сципіонъ возъимѣлъ болѣе надежды на успѣхъ. На другой же день онъ вывелъ въ поле всѣ свои войска и пришедшія съ Царемъ, и 60 слоновъ; онъ расположилъ ихъ въ боевомъ порядкѣ, стараясь выказать ихъ многочисленность. Выступивъ съ ними нѣсколько впередъ своихъ укрѣпленій и, помедливъ немного въ полѣ, Сципіонъ отвелъ свои войска обратно въ лагерь.

49. Цезарь видѣлъ, что къ Сципіону прибыли всѣ подкрѣпленія, какихъ только онъ ждалъ и что стало быть сраженіе не замедлитъ имѣть мѣсто. Вслѣдствіе этого онъ выдвинулъ свои войска впередъ по вершинѣ горнаго хребта, приказалъ весть дальше свои работы и укрѣплять отдѣльные пункты, занимая возвышенности все ближе и ближе къ арміи Сципіона. Непріятель съ своей стороны, обнаде-

женный многочисленностью своихъ войскъ, занялъ ближайшій холмъ, и такимъ образомъ преградилъ дорогу Цезарю къ дальнѣйшему наступленію. Лабіенъ задумалъ овладѣть этимъ пунктомъ и, находясь ближе всѣхъ къ нему, тѣмъ скорѣе занялъ.

50. Цезарю надлежало, чтобы достигнуть этого холма и овладѣть имъ, перейдти глубокую лощину, довольно широкую; скаты ея, очень крутые, имѣли разсѣлины въ родѣ пещеръ, по ту сторону долины находилась очень густая роща старыхъ масличныхъ деревъ. Замѣтивъ все это, Лабіенъ и зная, что Цезарю, чтобы достигнуть холма, надобно пройдти лощину и масличную рощу, рѣшился воспользоваться своимъ знаніемъ мѣстности и расположился тамъ въ засадѣ съ частью кавалеріи и легковооруженной пѣхоты, а по ту сторону горы и холмовъ скрытно расположилъ всадниковъ. Планъ его былъ таковъ: когда онъ съ фронта неожиданно ударитъ на легіоны Цезаря, съ холма вдругъ покажется его конница, то Цезарь и его войско, обойденные кругомъ, не имѣя возможности ни пробиться впередъ, ни отступить назадъ, должны былибы погибнуть. Цезарь, отправивъ впередъ конницу, шелъ съ войскомъ, не подозрѣвая засады и подошелъ къ этому мѣсту; но непріятельскіе воины, находившіеся въ засадѣ, или забывъ наставленія Лабіена или опасаясь быть захваченными въ ущельи, стали одинъ по одному выбираться на скалу и двигаться по направленію къ холму. Конница Цезаря погналась за ними и частью побила ихъ, частью захватила въ плѣнъ. Въ слѣдъ за тѣмъ тотчасъ она аттаковала холмъ и немедленно овладѣла имъ, сбивъ находившійся тамъ отрядъ Лабіена, который самъ едва успѣлъ спастись бѣгствомъ съ частью своей конницы.

51. Послѣ этого дѣла конницы, Цезарь назначилъ работу легіонамъ и на томъ холмѣ, которымъ овладѣлъ, началъ укрѣплять лагерь. Потомъ онъ приказалъ весть два вала отъ своего главнаго лагеря черезъ поле по направленію къ городу Узитѣ, находившемуся въ равнинѣ между лагерями его и Сципіона, такимъ образомъ, чтобы они сходились одинъ къ правому, а другой къ лѣвому углу города. Цѣль этихъ работъ была та, чтобы когда онъ войска подвинетъ ближе къ городу и станетъ къ нему приступать, то чтобы прикрыты были укрѣпленіями оба его фланга, какъ бы обойденный многочисленною непріятельскою конницею, не былъ вынужденъ оставить приступъ. Притомъ эти укрѣпленія облегчали сношенія съ непріятельскимъ войскомъ и перебѣжчики могли безъ труда исполнить свое намѣреніе, тогда какъ прежде это было сопряжено съ большою опасностью. Притомъ, приближаясь болѣе и болѣе къ не-

пріятелю, Цезарь хотѣлъ узнать, расположенъ ли онъ дать сраженіе. Ко всѣмъ этимъ причинамъ присоединялась и та, что низменность мѣста позволяла подѣлать въ немъ частые колодцы, а войско Цезаря снабжалось водою издалека и съ трудомъ. Пока эти работы производимы были частью легіоновъ, другая часть нашего войска, стоя подъ оружіемъ, прикрывала ихъ отъ нападенія непріятеля. Его туземная конница и легковооруженные воины не переставали пробовать силы въ небольшихъ схваткахъ.

52. Уже къ вечеру Цезарь отвелъ свои войска, прикрывавшія работы, въ лагерь. Тутъ Юба, Сципіонъ, Лабіенъ со всею конницею и легкою пѣхотою дружнымъ натискомъ напали на наши легіоны. Конница Цезаря не вынесла внезапнаго нападенія непріятеля столь многочисленнаго, и отступила немного. Но конецъ предпріятія непріятельскаго не соотвѣтствовалъ его началу. Цезарь воротилъ свои войска съ половины дороги и поспѣшилъ на помощь своей конницѣ. Она, обнадеженная прибытіемъ пѣхоты, повернула своихъ коней снова на непріятеля и напала на нумидскихъ всадниковъ, разсѣявшихся въ преслѣдованіи, переранила большую часть ихъ, многихъ умертвила и и гнала ее до самаго царскаго лагеря. Еслибы не ночь положила конецъ сраженію и пыль, гонимая встрѣчнымъ вѣтромъ, не ослѣпляла глаза нашимъ, то Юба и Лабіенъ попались бы въ руки Цезаря, а непріятельскія конница и легкая пѣхота были бы совершенно истреблены. Между тѣмъ, по непонятной причинѣ, воины изъ четвертаго и шестаго легіоновъ Сципіона толпами бѣжали одни въ лагерь Цезаря, а другіе куда попало. Также всадники изъ бывшей арміи Куріона, сомнѣваясь въ успѣхѣ Сципіона и его войска, переходили въ большомъ числѣ къ Цезарю.

53. Между тѣмъ какъ такаго рода дѣйствія происходили между обѣими враждующими сторонами подъ Узитою, два легіона—девятый и десятый—были отправлены изъ Сициліи на транспортныхъ судахъ. Уже они были недалеко отъ Руспинской пристани, какъ вдругъ увидавъ корабли Цезаря, стоявшія передъ Тапсомъ для наблюденія, сочли ихъ непріятельскими и опасаясь, какъ бы не наткнуться на флотъ непріятелей, остававшихся тамъ какъ бы въ засадѣ — неблагоразумно, опасаясь засады, пустились снова въ открытое море. Такимъ образомъ только послѣ долговременнаго и труднаго плаванія, въ теченіи многихъ дней терпя голодъ и жажду, наконецъ эти суда прибыли къ Цезарю.

54. Легіоны были высажены, а Цезарь не забылъ своеволія нѣкоторыхъ воиновъ въ Италіи и ихъ грабительствъ. Потому онъ воспользовался незначительнымъ поводомъ, что К. Авіенъ, военный трибунъ де-

сятаго легіона, цѣлый корабль занялъ своею прислугою, собственными вещами и вьючными животными, не взявъ съ собою ни одного воина. На другой день, въ собраніи трибуновъ и сотниковъ всѣхъ легіоновъ, Цезарь, съ своего мѣста сказалъ слѣдующее: «Всегдашнимъ и искреннимъ моимъ желаніемъ было образумить васъ, чтобы вы добровольно положили конецъ вашему своеволію и дерзости и оцѣнили наконецъ мою снисходительность, кротость и долготерпѣніе. Но такъ какъ вы не знаете ни мѣры, ни границъ вашему своеволію, то я покажу на васъ примѣръ строгости воинской дисциплины, чтобы удержать другихъ отъ подраженія вамъ. Ты, Авіенъ, въ Италіи возмущалъ воиновъ народа римскаго противъ отечества и производилъ грабежи по муниципіямъ, ты оказался безполезнымъ для дѣла общественнаго, нагрузивши на свой корабль, вмѣсто воиновъ, своихъ рабовъ и имущество. Черезъ тебя отечество въ такую крайнюю минуту терпитъ недостатокъ въ воинахъ. За все за это обрекаю тебя позору, отсылаю тебя отъ своего войска и приказываю тебѣ сегодня же, и какъ можно скорѣе, оставить Африку. И тебя, А. Фонтей, отсылаю отъ себя за то, что ты, въ должности военнаго трибуна, показалъ себя неблагонамѣреннымъ и безпокойнымъ гражданиномъ. И вы, Т. Саліенъ, М. Тиронъ, К. Клузинасъ, не заслугамъ вашимъ, а моей милости обязанные мѣстами въ моемъ войскѣ, вели себя такъ, что, не отличась ничѣмъ на войнѣ, и въ мирное время показали себя негодными и безполезными гражданами; ваши способности употребляли вы не на то, чтобы отличиться скромнымъ и тихимъ поведеніемъ, но возмущали воиновъ противъ вашего императора. А потому я васъ считаю недостойными занимать мѣста въ моемъ войскѣ, отсылаю васъ отъ себя и приказываю немедленно оставить Африку». Затѣмъ Цезарь сдалъ ихъ на руки сотникахъ, и они порознь были посажены на суда, и каждому дозволено взять съ собою не больше одного невольника.

55. Между тѣмъ гетульскіе перебѣжчики, отправленные домой, какъ мы выше упоминали, съ письмами и порученіями Цезаря, прибыли къ своимъ соотечественникамъ. Своимъ вліяніемъ они отъ имени Цезаря легко убѣдили ихъ, оставивъ царя Юбу, взяться поголовно за оружіе и дѣйствовать противъ него. Узнавъ объ этомъ, Юба, принужденный весть войну въ трехъ мѣстахъ, отдѣлилъ отъ своего войска, приведеннаго имъ противъ Цезаря, шесть когортъ и отправилъ ихъ въ земли своего царства для обороны ихъ отъ Гетуловъ.

56. Цезарь привелъ къ концу обѣ линіи укрѣпленій, выдвинувъ ихъ къ городу настолько, чтобы стрѣлы изъ города не могли вредить нашимъ воинамъ, и укрѣпился лагеремъ. Съ лицевой стороны

его противъ города выставилъ онъ множество метательныхъ машинъ, баллистовъ и скорпіоновъ, стараясь ихъ дѣйствіемъ сбить осаждающихъ со стѣны; сюда же перевелъ Цезарь 5 легіоновъ изъ прежняго лагеря. Такимъ образомъ явилась возможность для важнѣйшихъ и значительнѣйшихъ лицъ видѣться съ родными и бывшими знакомыми и переговорить съ ними. Цезарь предвидѣлъ, какія полезныя послѣдствія будетъ имѣть это обстоятельство. Дѣйствительно, знатнѣйшіе Гетулы, изъ царской конницы и префекты всадниковъ, которыхъ отцы служили нѣкогда подъ начальствомъ Марія и получили отъ него въ награду земли, а Сулла, побѣдивъ Марія, отдалъ ихъ подъ власть царя Гіемпсала—въ числѣ тысячи человѣкъ, съ конями и прислужниками, ночью, когда уже огни были разложены, перешли въ лагерь Цезаря, находившійся подлѣ города Узиты.

57. Когда это извѣстіе дошло до свѣдѣнія Сципіона и его приверженцевъ, то оно поразило ихъ непріятнымъ образомъ. Около этого же времени случилось, что Сципіонъ увидалъ М. Аквинія, ведущаго разговоръ съ К. Сазерною. Сципіонъ послалъ сказать Аквинію, что ему не о чемъ весть переговоры съ непріятелями. Останусь — отвѣчалъ Аквиній посланному, пока не скажу всего, что нужно. Когда же царь Юба прислалъ къ нему воина сказать — Сазерна это слышалъ—царь запрещаетъ тебѣ дальнѣйшіе переговоры, то въ страхѣ Аквиній немедленно повиновался и ушелъ. И случилось это съ гражданиномъ римскимъ, почетнымъ лицомъ между соотечественниками! Еще отечество и благо всѣхъ было внѣ опасности, а онъ предпочелъ повиноваться лучше чуждому царю, чѣмъ приказанію Сципіона, тогда какъ даже, еслибы его партіи угрожала гибель, все онъ имѣлъ возможность безопасно возвратиться въ отечество. Притомъ поступокъ Юбы былъ не столько оскорбителенъ для М. Аквинія, человѣка еще недавно выслужившагося и не пользовавшагося большимъ вѣсомъ сенатора, сколько для Сципіона, именитаго происхожденіемъ, саномъ и почестями. До прибытія царя Сципіонъ надѣвалъ обыкновенно порфиру (красную мантію); но Юба, говорятъ, сдѣлалъ ему представленіе, что неприлично ему носить ту же одежду, какую и онъ. Вслѣдствіе этого Сципіонъ опять сталъ надѣвать бѣлое платье и долженъ былъ повиноваться—Юбѣ, непомѣрно гордому, но лишенному всѣхъ прочихъ достоинствъ.

58. На другой день обѣ стороны вывели изъ лагерей всѣ свои силы. Занявъ небольшую возвышенность недалеко отъ Цезарева лагеря, непріятель расположился на ней въ боевомъ порядкѣ. Цезарь также вывелъ свои войска и поспѣшно расположилъ ихъ въ боевомъ

порядкѣ впереди своихъ полевыхъ укрѣпленій. Онъ полагалъ, что непріятель, надѣясь на многочисленность собственныхъ и вспомогательныхъ войскъ царя, самъ двинется къ нему и начнетъ сраженіе, тѣмъ болѣе, что онъ первый съ такою готовностью вывелъ свое войско въ поле. Цезарь объѣздилъ на конѣ легіоны, ободряя ихъ, и далъ сигналъ къ бою, ожидая съ минуты на минуту аттаки непріятеля. Самъ двинуться впередъ Цезарь не хотѣлъ по многимъ причинамъ. Въ городѣ Узитѣ, находившемся во власти Сципіона, были когорты войска, а въ него упирался правый флангъ Цезаря; потому Цезарь опасался, что, въ случаѣ движенія его впередъ, изъ города можетъ быть произведена вылазка, и его войска обойдены съ боку. Притомъ передъ фронтомъ Сципіоновой арміи было неудобопроходимое мѣсто, и Цезарь не рѣшался первый пуститься туда съ своимъ войскомъ.

59. Считаю неизлишнимъ упомянуть, въ какомъ порядкѣ были расположены обѣ арміи. Сципіонъ такимъ образомъ устроилъ свое войско: въ первой линіи онъ поставилъ свои легіоны и царя Юбы, и позади ея въ резервѣ Нумидовъ, растянувъ ихъ въ длину такъ, что издали казался центръ стоящимъ изъ одной линіи, а фланги изъ двухъ. Слоновъ поставилъ Сципіонъ на обоихъ крыльяхъ, правомъ и лѣвомъ, оставивъ между ними ровные промежутки. Позади слоновъ находились легковооруженные воины и вспомогательная Нумидская конница. Вся регулярная кавалерія (со внузданными конями) собрана была на правый флангъ; лѣвый упирался въ городъ Узиту и тамъ не было достаточно мѣста свободно дѣйствовать кавалеріи. Кромѣ того Сципіонъ на правомъ же крылѣ, почти въ милѣ отъ главной арміи, расположилъ отдѣльно у подошвы холма несмѣтное множество Нумидской конницы и легкой пѣхоты, съ умысломъ удаливъ ихъ отъ боевой линіи своей и непріятельской. Это сдѣлано было съ тою цѣлью, что когда оба войска сойдутся и начнется сраженіе, тогда конница Сципіона, обойдя немного подальше, неожиданно замкнетъ своею многочисленностью войско Цезаря и подавитъ его, нанеся ему большой вредъ стрѣлами. Вотъ каковъ былъ планъ Сципіона для сраженія въ этотъ день.

60. Говоря о расположеніи войска Цезарева, начнемъ съ лѣваго фланга и кончимъ правымъ. На лѣвомъ крылѣ стояли легіоны восьмой и девятый, на правомъ тридцатый и двадцать восьмой: а тринадцатый, четырнадцатый, двадцать шестой и двадцать девятый составляли центръ. У праваго фланга вторая линія состояла изъ когортъ, взятыхъ изъ тѣхъ же легіоновъ; къ нимъ присоединено было нѣсколько когортъ новонабранцевъ. Третья линія находилась на лѣ-

вомъ крылѣ, протягиваясь до середины всей боевой линіи; такимъ образомъ лѣвое крыло арміи Цезаря состояло изъ трехъ линій. Такое расположеніе было необходимо потому, что правое крыло опиралось на укрѣпленія, а лѣвое надобно было особенно усилить, чтобы оно могло съ успѣхомъ сопротивляться аттакамъ многочисленной непріятельской конницы. На этомъ же крылѣ Цезарь поставилъ всю свою конницу; но, не очень на нее полагаясь, онъ подкрѣпилъ ее пятымъ легіономъ и перемѣшалъ всадниковъ съ легковооруженными пѣхотинцами. Стрѣлки были разсыпаны въ разныхъ, наиболѣе важныхъ пунктахъ, но преимущественно по флангамъ.

61. Устроенныя такимъ образомъ въ боевомъ порядкѣ, оба войска простояли отъ ранняго утра до десятаго часа дня, въ разстояніи другъ отъ друга не болѣе трехъ сотъ шаговъ и не сразились,—примѣръ дотолѣ почти небывалый. Цезарь уже началъ вводить свои войска въ укрѣпленія, какъ вдругъ весь дальный отрядъ непріятельской иррегулярной конницы, состоявшей изъ Нумидовъ и Гетуловъ, всею массою сталъ двигаться вправо по направленію къ лагерю Цезаря, расположенному на холмѣ. Между тѣмъ регулярная конница непріятельская, которою начальствовалъ Лабіенъ, стояла на мѣстѣ и задерживала движеніе легіоновъ Цезаря. Вдругъ часть нашей конницы и легкой пѣхоты, безъ приказанія Цезаря, необдуманно устремилась впередъ на Гетуловъ и проскакала болото, но, не будучи въ состояніи выдержать натискъ непріятеля, оставленная легкою пѣхотою, она была сбита и переранена; потерявъ одного всадника и двадцать шесть легковооруженныхъ воиновъ убитыми, съ перераненными конями, наша конница искала спасенія въ бѣгствѣ къ своимъ рядамъ пѣхоты. Обрадованный успѣшнымъ концомъ этой стычки обѣихъ конницъ, Сципіонъ уже ночью отвелъ свои войска въ лагерь. Но судьба не долго позволила ему гордиться этимъ успѣхомъ. На слѣдующій день часть конницы, отправленная Цезаремъ въ Лептисъ за запасами хлѣба, дорогою нечаянно наткнулась на, возвращавшуюся съ грабежа, конницу Нумидскую и Гетульскую, напала на нее и разбила. Непріятель потерялъ до ста человѣкъ убитыми и много плѣнныхъ. Цезарь между тѣмъ ежедневно выводилъ свои легіоны въ поле, занималъ ихъ работами, стараясь перерѣзать все поле валомъ и рвомъ, и всячески стараясь препятствовать набѣгамъ непріятельскимъ. Сципіонъ съ своей стороны велъ укрѣпленія съ поспѣшностію, опасаясь, какъ бы Цезарь не отрѣзалъ его отъ горной возвышенности. Хотя такимъ образомъ оба вождя заняты были работами, но, не смотря на это, ежедневно происходили небольшія сраженія конницы.

62. Между тѣмъ Варъ, услыхавъ о приближеніи изъ Сициліи транспорта съ седьмымъ и восьмымъ легіономъ, флотъ свой, собранный имъ уже было на зимовку въ гавань города Утики, поспѣшно вывелъ въ море, наполнилъ его гребцами и матросами изъ Гетуловъ. Выступивъ изъ Утики, съ цѣлью захватить врасплохъ нашъ флотъ, онъ прибылъ къ Адрумету съ пятидесятью пятью судами. Не зная о его приближеніи, Цезарь отправилъ къ Тапсу на крейсировку для безопасности шедшихъ къ нему транспортовъ Л. Циспія съ флотомъ изъ двадцати семи судовъ, а К. Аквилу съ тринадцатью галерами послалъ для той же цѣли къ Адрумету. Циспій поспѣшно прибылъ къ мѣсту своего назначенія; а Аквила вытерпѣлъ бурю, никакъ не могъ обойдти мысъ и вынужденъ былъ искать убѣжища въ одной пристани, защитившей его отъ бури, не вдалекѣ отъ обыкновенной дороги судовъ. Остальной нашъ флотъ находился въ морѣ передъ Лептисомъ; гребцы частью съ него разошлись на берегъ, а частью въ городъ за покупками, и флотъ былъ почти беззащитенъ. Варъ узналъ объ этомъ отъ перебѣжчика и, желая воспользоваться столь благопріятнымъ случаемъ, во вторую стражу ночи вышелъ изъ Адруметскаго Котона, и на разсвѣтѣ со всѣмъ флотомъ прибылъ къ Лептису. Тутъ онъ предалъ огню транспортныя суда, находившіяся въ открытомъ морѣ въ отдаленіи отъ гавани, а два корабля о пяти рядахъ веселъ увелъ за собою безпрепятственно, такъ какъ на нихъ не было защитниковъ.

63. Тотчасъ же гонцы дали знать Цезарю о случившемся. Онъ въ это время осматривалъ работы въ лагерѣ, растояніемъ отъ пристани въ шести миляхъ; немедленно, оставивъ все, онъ поскакалъ въ Лептисъ. Тутъ онъ приказалъ слѣдовать за собою всѣмъ судамъ и самъ сѣлъ на небольшой корабль. Дорогою встрѣтилъ онъ Аквилу, испуганнаго многочисленностью непріятельскаго флота. Вмѣстѣ съ Аквилою Цезарь бросился въ погоню за непріятельскимъ флотомъ. Варъ былъ устрашенъ рѣшительностью и смѣлостью Цезаря и со всѣмъ своимъ флотомъ сталъ бѣжать по направленію къ Адрумету. За четыре мили до пристани, Цезарь нагналъ непріятельскій флотъ, отнялъ назадъ свою квинкверему со всѣмъ ея экипажемъ и 130-ью находившимися для ея защиты воинами, и кромѣ того захватилъ со всѣми, находившимися на ней, гребцами и воинами, бывшую вблизи непріятельскую трирему, пытавшуюся было обороняться. Прочія непріятельскія суда поспѣшили обогнуть мысъ и всѣ искали убѣжища въ Адруметскомъ Котонѣ. При томъ же вѣтрѣ Цезарь не могъ успѣть обойдти мысъ и провелъ эту ночь съ флотомъ на якоряхъ въ открытомъ

морѣ, а на разсвѣтѣ подошелъ къ Адрумету; тамъ транспортныя суда, находившіяся внѣ Котона, предалъ пламени, а остальныя вынудилъ непріятеля или вытащить на берегъ, или увесть въ Котонъ. Цезарь нѣсколько времени простоялъ передъ пристанью, ожидая, не приметъ ли непріятель сраженія на морѣ, а потомъ удалился въ лагерь.

64. На непріятельскомъ суднѣ захвачены въ плѣнъ П. Вестрій, всадникъ римскій, и П. Лигарій. Послѣдній служилъ въ Испаніи подъ начальствомъ Афранія: тамъ, вмѣстѣ съ прочими, Цезаремъ ему возвращена была свобода, но онъ опять ушелъ къ Помпею; потомъ онъ бѣжалъ съ сраженія и пришелъ въ Африку къ Вару. За такое клятвопреступленіе и вѣроломство Цезарь велѣлъ его казнить смертью, а П. Вестрія простилъ. Во-первыхъ братъ Вестрія въ Римѣ внесъ предписанную ему сумму денегъ, во вторыхъ П. Вестрій доказалъ Цезарю, что, будучи захваченъ флотомъ Назидія въ плѣнъ, онъ спасеніемъ жизни обязанъ былъ Вару, и потомъ не имѣлъ возможности бѣжать къ Цезарю.

65. Жители Африки имѣютъ обыкновеніе въ поляхъ и вездѣ въ жильяхъ, въ нарочно устроенныхъ для того ямахъ, прятать хлѣбъ, а особенно въ военное время и при нашествіи непріятеля. На основаніи показаній лазутчика, Цезарь, въ третью стражу ночи, отправилъ за десять миль отъ своего лагеря два легіона и всю конницу; они возвратились оттуда съ значительнымъ количествомъ хлѣба. Узнавъ объ этомъ, Лабіенъ, выступивъ отъ своего лагеря миль на семь по горнымъ возвышеніямъ, по которымъ наканунѣ шелъ Цезарь, и расположилъ тамъ въ лагерѣ два легіона. Полагая, что Цезарь неоднократно въ этомъ направленіи будетъ посылать за хлѣбомъ, Лабіенъ располагался ежедневно въ засадѣ по мѣстамъ удобнымъ съ большимъ отрядомъ кавалеріи и легкой пѣхоты.

66. Цезарь отъ перебѣжчиковъ узналъ о засадѣ, приготовленной ему Лабіеномъ; съ умысломъ промедлилъ онъ нѣсколько дней, предвидя, что непріятель, повторяя ежедневно одинъ и тотъ же маневръ, ослабитъ свою бдительность. Въ одинъ день, вдругъ рано утромъ, Цезарь приказалъ выступить за собою въ заднія ворота лагеря восьми легіонамъ ветерановъ и части конницы. Конница была послана впередъ: она вдругъ напала, на находившіяся въ засадѣ, непріятельскія войска, не ожидавшія ничего подобнаго и разсѣянныя по ущельямъ, и умертвила около 500 человѣкъ легко вооруженныхъ воиновъ; прочихъ же вынудила обратиться въ самое постыдное бѣгство. Между тѣмъ Лабіенъ со всею конницею поспѣшилъ на помощь своимъ, обращеннымъ въ бѣг-

ство. Наша конница по своей малочисленности не могла бы устоять противъ гораздо многочисленнѣйшей непріятельской, и потому Цезарь противуставилъ непріятелю свои легіоны, устроенные въ боевомъ порядкѣ. Тогда устрашенный Лабіенъ пріостановилъ нападеніе, и наша конница безъ потери примкнула къ войску. На другой день Юба приказалъ распять на крестѣ тѣхъ Нумидовъ, которые, оставивъ свой постъ, бѣжали въ лагерь.

67. Затѣмъ Цезарь, ощущая недостатокъ въ продовольствіи для войска, сосредоточилъ всѣ свои силы въ лагерь, оставивъ гарнизоны въ Лептисѣ, Руспинѣ и Ахиллѣ; а флотъ ввѣрилъ Циспію и Аквиллѣ, приказавъ первому осаждать съ моря Адруметъ, а послѣднему— Тапсъ. Самъ Цезарь, предавъ лагерь пламени, въ четвертую стражу ночи, выступилъ въ походъ въ боевомъ порядкѣ, на лѣвомъ флангѣ помѣстивъ войсковыя тяжести, и прибылъ къ городу Агаръ. Гетулы не разъ уже приступали къ этому городу, но были отбиты его жителями, защищавшимися съ величайшимъ упорствомъ. Здѣсь Цезарь всѣ войска расположилъ въ одномъ лагерѣ въ полѣ, а съ частью ихъ отправился по окрестнымъ мѣстамъ за поисками хлѣба. Онъ нашелъ большое количество ржи, вина, масла деревяннаго и фигъ, а очень мало пшеницы. Давъ такимъ образомъ оправиться своему войску, Цезарь возвратился въ лагерь. Между тѣмъ Сципіонъ, узнавъ о движеніи Цезаря, со всѣми войсками сталъ слѣдовать за нимъ по возвышеніямъ и, остановясь отъ его лагеря въ шести миляхъ, расположилъ свои войска въ трехъ отдѣльныхъ лагеряхъ.

68. Миляхъ въ десяти отъ лагерей Сципіона и къ ихъ сторонѣ находился городъ Зета, гораздо ближе впрочемъ отъ нихъ, чѣмъ отъ лагеря Цезарева, отъ котораго онъ былъ въ разстояніи болѣе 18 миль. Сципіонъ отправилъ туда за хлѣбомъ два легіона. Цезарь, узнавъ объ этомъ отъ перебѣжчика, перенесъ лагерь съ поля на холмъ для большой безопасности и, оставивъ тамъ для защиты лагеря часть войска, съ остальною выступилъ въ четвертую стражу ночи, прошелъ мимо непріятельскихъ лагерей и овладѣлъ городомъ Зетою. Здѣсь Цезарь узналъ, что легіоны Сципіона отправились за хлѣбомъ далеко; тѣмъ не менѣе онъ хотѣлъ идти ихъ отыскивать, какъ вдругъ увидалъ, что все войско непріятельское выступило къ нимъ на помощь; это обстоятельство замедлило дальнѣйшее движеніе Цезаря. Такимъ образомъ Цезарь въ Зетѣ взялъ въ плѣнъ К. Муція Регина, всадника римскаго, одного изъ самыхъ приближенныхъ лицъ къ Сципіону (онъ начальствовалъ въ этомъ городѣ), и П. Атрія, всадника римскаго, од-

ного изъ членовъ сената города Утики, и двадцать два верблюда, принадлежавшихъ царю Юбѣ. Оставивъ въ городѣ гарнизонъ подъ начальствомъ легата Оппія, Цезарь выступилъ въ обратный путь къ своему лагерю.

69. Когда Цезарь съ войскомъ сталъ приближаться къ лагерямъ Сципіона, мимо которыхъ ему надлежало проходить, Лабіенъ и Афраній выступаютъ вдругъ изъ засады со всею конницею и легкою пѣхотою, нападаютъ на задніе ряды и спереди съ возвышеній тревожатъ наше войско. Видя это, Цезарь отдалъ приказаніе своей коннницѣ отражать непріятеля, а легіонамъ снять свои тяжести и собрать ихъ въ середину, а потомъ быстро ударить на непріятеля. Когда это было исполнено, то, при первомъ натискѣ нашихъ легіоновъ, непріятельская конница и легкая пѣхота безъ труда были сбиты съ мѣста и сброшены съ холма. Цезарь уже полагалъ, что отбитый и устрашенный непріятель потерялъ охоту его преслѣдовать, и продолжалъ свое движеніе впередъ, какъ вдругъ съ сосѣднихъ возвышеній поспѣшно устремились, какъ прежде, на легіоны Цезаря Нумиды и легкая пѣхота. Послѣдняя дѣйствовала съ удивительною быстротою и ловкостью; она сражалась въ рядахъ конницы и поспѣвала вмѣстѣ съ нею и въ наступленіи и въ отступленіи. Непріятель неоднократно повторялъ этотъ маневръ, то преслѣдуя войско Цезаря въ походѣ, то отступая, когда оно останавливалось, и прекращая на то время нападеніе, сражался въ разсыпную и старался метаніемъ дротиковъ какъ можно болѣе переранить нашихъ. Цезарь понялъ намѣреніе непріятеля—вынудить его остановиться лагеремъ въ этомъ мѣстѣ, совершенно лишенномъ воды, и погубить голодомъ и жаждою какъ все его войско, съ четвертой стражи ночи до десятаго часа дня не принимавшее никакой пищи, такъ и вьючныхъ животныхъ.

70. Уже солнце приближалось къ закату, а войско Цезаря въ теченіи часа подвинулось впередъ не болѣе, какъ на сто шаговъ. Конница, потерявшая большую часть лошадей, вынуждена была удалиться къ заднимъ рядамъ войска, и Цезарь поочередно вводилъ легіоны въ дѣло для отраженія непріятеля, а самъ продолжалъ движеніе впередъ, пріостанавливая и отражая успѣшно натискъ непріятеля пѣхотными воинами легіоновъ. Между тѣмъ Нумидская конница съ обѣихъ сторонъ шла впереди нашего войска и по всей многочисленности со всѣхъ сторонъ окружала войска Цезаря, а часть ея слѣдовала по пятамъ за его аррієргардомъ. Впрочемъ стоило только тремъ или четыремъ изъ ветерановъ Цезаревыхъ обратиться лицемъ къ непріятелю и пустить въ него дротики, то двѣ и болѣе тысячи Нумидовъ

всѣ до одного обращались въ бѣгство и отступали къ своимъ рядамъ. Потомъ собравшись съ силами черезъ нѣсколько времени, снова возобновляли преслѣдованіе и бросали дротики. Такимъ образомъ Цезарь то идя впередъ, то отражая непріятеля, двигался чрезвычайно медленно и не прежде, какъ въ первомъ часу ночи, возвратился въ лагерь съ войскомъ, не потерявъ ни одного человѣка и имѣя только десять раненыхъ. Лабіенъ же отступилъ къ своимъ войскамъ, потерявъ болѣе 300 человѣкъ, имѣя кромѣ того много раненыхъ и изморивъ всю конницу преслѣдованіемъ. Сципіонъ между тѣмъ отвелъ въ лагерь войска свои и слоновъ; онъ расположилъ ихъ было въ боевомъ порядкѣ передъ своимъ лагеремъ въ виду Цезаря, думая этимъ устрашить его.

71. Видя, съ какого рода непріятелемъ онъ имѣлъ дѣло, Цезарь вынужденъ былъ свое, столь заслуженное и побѣдоносное войско, бывшее въ стольких компаніяхъ, обучать тѣмъ же штукамъ, какимъ учатъ молодыхъ людей и гладіаторовъ. Онъ училъ воиновъ, какъ имъ уклоняться отъ непріятеля и на какомъ разстояніи снова къ нему обращаться, то нападая, то убѣгая нападенія, то снова угрожая имъ; онъ далъ имъ наставленіе, какъ, и откуда, и когда съ большимъ успѣхомъ бросать въ непріятеля стрѣлы. Вообще легкая пѣхота непріятельская наиболѣе причиняла хлопотъ и вреда нашему войску. Конница не могла вступить въ дѣло, не потерявъ тотчасъ лошадей, большая часть коихъ гибла отъ непріятельскихъ дротиковъ; а быстротою и ловкостью движеній легкая пѣхота непріятельская очень утомляла нашу тяжелую пѣхоту легіоновъ. Тяжело вооруженный воинъ какъ только, будучи преслѣдуемъ непріятелями, останавливался и хотѣлъ сдѣлать на нихъ нападеніе, то тѣ быстрымъ бѣгомъ легко избѣгали отъ опасности.

72. Сильно тревожило Цезаря то обстоятельство, что въ сраженіяхъ каждый разъ его конница, безъ поддержки воиновъ изъ легіоновъ, должна была уступать конницѣ и легкой пѣхотѣ непріятельской. Озабочивало его еще и то, что не испыталъ онъ силу непріятельскихъ легіоновъ и не зналъ еще, какъ выдержать нападеніе конницы и легкой пѣхоты непріятельской, сила коихъ была удивительна, когда ихъ будутъ поддерживать легіоны. Притомъ множество слоновъ и ихъ громадность распространяли ужасъ въ нашихъ воинахъ. Впрочемъ этому послѣднему обстоятельству Цезарь нашелъ средство помочь. Нарочно приказалъ онъ привезть слоновъ изъ Италіи, чтобы ознакомить лучше воиновъ съ видомъ и привычками этихъ животныхъ. Воинамъ указывали мѣста, куда слѣдовало бросать стрѣлы,

особенно когда слонъ былъ вооруженъ и покрытъ; надобно было имъ знать мѣста, гдѣ обнаженное его тѣло давало возможность нанесть ему вредъ. Притомъ такимъ образомъ лошади наши мало-по малу привыкли къ этимъ животнымъ и не пугались ихъ страшнаго вида, пронзительнаго крика и распространяемаго ими вокругъ себя дурнаго запаху. Разсчетъ Цезаря удался вполнѣ: воины до того привыкли къ этимъ животнымъ, что не боялись трогать ихъ руками, зная ихъ неповоротливость, а всадники обучались бросать въ нихъ стрѣлы, острія у которыхъ были сняты; самые лошади отъ частаго обращенія перестали пугаться слоновъ.

73. Всѣ эти вышеприведенныя обстоятельства, озабочивавшія Цезаря, были причиною, что онъ сталъ дѣйствовать медленно и обдуманно, отказавшись отъ прежняго своего быстраго и рѣшительнаго образа дѣйствій на войнѣ. И неудивительно. Имѣлъ онъ войска, привыкшія сражаться въ Галліи на ровныхъ и открытыхъ мѣстахъ, притомъ съ народомъ, дѣйствовавшимъ прямо и безъ хитростей, обыкшимъ прибѣгать только къ открытой силѣ, а не къ ухищренію коварства. А потому Цезарю нужно было пріучить своихъ воиновъ къ хитростямъ, уловкамъ и засадамъ непріятельскимъ, внушить имъ, чего они должны домогаться и чего избѣгать. Съ этою цѣлью, чтобы скорѣе познакомить своихъ воиновъ съ образомъ дѣйствій непріятеля, Цезарь рѣдко оставался съ легіонами долго на одномъ мѣстѣ, а водилъ ихъ съ мѣста на мѣсто подъ предлогомъ фуражировки, зная, что непріятель, куда бы онъ ни двинулся, станетъ слѣдовать за нимъ по пятамъ. На третій день Цезарь, устроивъ тщательно войска въ боевомъ порядкѣ, прошелъ съ ними мимо непріятельскаго лагеря, предлагая врагу бой въ открытомъ полѣ. Видя, что непріятель не расположенъ принять сраженія, Цезарь къ вечеру отвелъ свои легіоны въ лагерь.

74. Между тѣмъ къ Цезарю пришли послы изъ города Вакки, находившагося недалеко отъ города Зеты, которымъ, какъ мы выше упомянули, овладѣлъ Цезарь. Они умоляли Цезаря прислать къ нимъ для защиты отрядъ войска, обѣщаясь снабдить его многими предметами, нужными для веденія войны. Но въ то же время—и въ этомъ нельзя не видѣть особенной милости боговъ безсмертныхъ къ Цезарю—явился перебѣжчикъ, который объявилъ своимъ согражданамъ, что царь Юба устремился поспѣшно къ городу, чтобы упредить приходъ войска Цезарева, окружилъ его своими многочисленными силами и овладѣлъ имъ. Жителей города онъ всѣхъ до одного перерѣзалъ, а городъ отдалъ своему войску на разграбленіе и совершенное уничтоженіе.

75. Затѣмъ Цезарь, въ 12-й день календъ Апрѣльскихъ, произвелъ смотръ своему войску, а на другой день вывелъ всѣ войска изъ лагеря, отошелъ отъ него миль пять такъ, что между занятою имъ позиціею и лагеремъ Сципіона было не болѣе двухъ миль разстоянія, и расположилъ свои войска въ боевомъ порядкѣ. Долго оставался Цезарь на позиціи, предлагая непріятелю бой, но видя, что онъ отъ нея отказывается, Цезарь отвелъ свои войска обратно въ лагерь. На другой день Цезарь снялъ лагерь и двинулся съ войскомъ къ городу Сарсурѣ, гдѣ Сципіонъ имѣлъ гарнизонъ изъ Нумидовъ и куда онъ свезъ запасы хлѣба. Лабіенъ, увидавъ движеніе Цезаря, сталъ тревожить его задніе ряды своею конницею и легкою пѣхотою. Ему удалось отбить у насъ нѣсколько повозокъ, на которыхъ армейскіе прислужники и купцы везли войсковыя тяжести и товары; такая удача ободрила непріятеля и онъ сталъ сильнѣе тѣснить нашихъ, полагая, что воины наши подъ тяжестью вооруженія и походныхъ вещей не въ состояніи будутъ отразить его. Но Цезарь, предвидя этотъ случай, оставилъ въ каждомъ легіонѣ по триста человѣкъ легковооруженныхъ. Они-то поспѣшили на помощь нашей конницѣ и ударили на войско Лабіена. Не ожидая этого, Лабіенъ, устрашенный при одномъ видѣ нашихъ значковъ, обратился въ постыдное бѣгство; онъ много потерялъ изъ своего войска убитыми, а еще болѣе ранеными. Отразивъ непріятеля, воины наши возвратились въ ряды легіоновъ и продолжали движеніе впередъ. Лабіенъ впрочемъ не переставалъ слѣдовать за нашимъ войскомъ въ значительнымъ отъ него отдаленіи по горнымъ возвышеніямъ, находившимся у насъ справа.

76. Цезарь прибылъ къ городу Сарсурѣ; находившійся въ немъ гарнизонъ Сципіона онъ истребилъ въ глазахъ непріятеля, не смѣвшаго подать помощи своимъ. Въ Сарсурѣ противуставилъ сильное и упорное сопротивленіе П. Корнелій, волонтеръ арміи Сципіона, начальствовавшій здѣсь отъ его имени; но онъ былъ окруженъ многочисленными нашими войсками, погибъ сражаясь, и городъ достался Цезарю. Раздавъ хлѣбъ войску, Цезарь на другой день прибылъ къ городу Тиздрѣ, въ коемъ въ это время находился Консидій съ многочисленнымъ гарнизономъ и собственною когортою гладіаторовъ. Цезарь осмотрѣлъ мѣстность города и видя, что осаждая его будетъ терпѣть недостатокъ въ водѣ, отошелъ отъ него тотчасъ и, разстояніемъ въ четырехъ отъ него миляхъ, расположился лагеремъ у воды; а на четвертый день выступилъ и возвратился въ лагерь, находившійся подлѣ Агара. Тоже сдѣлалъ и Сципіонъ; онъ отвелъ войско въ свой прежній лагерь.

77. Между тѣмъ жители города Табены, находившагося подъ властью царя Юбы въ его земляхъ, почти на границѣ ихъ и на берегу моря, избили находившійся у нихъ гарнизонъ царскій и отправили пословъ къ Цезарю, давая ему знать о своемъ поступкѣ и прося народъ Римскій не оставить ихъ безъ помощи въ ихъ искреннемъ желаніи быть ему полезнымъ. Цезарь одобрилъ ихъ поведеніе и послалъ для обороны Табены трибуна Марція Криспа съ когортою, стрѣлками и многими военнымъ орудіями. Въ тоже самое время воины разныхъ легіоновъ, которые дотолѣ не могли переѣхать въ Африку или по болѣзни или потому, что срокъ отпуска ихъ не вышелъ, прибыли къ Цезарю на одномъ транспортѣ въ числѣ четырехъ тысячь пѣхоты, шести сотъ всадниковъ, тысячи пращниковъ и стрѣлковъ. Цезарь всѣ свои войска какъ прежнія, такъ и вновь прибывшія, устроилъ въ боевой порядокъ и, отошедъ съ ними на 8 миль отъ своего лагеря, остановился въ открытомъ и ровномъ мѣстѣ, въ четырехъ миляхъ отъ Сципіонова лагеря.

78. Пониже лагеря Сципіонова находился городъ Тегея, въ которомъ въ видѣ гарнизона было постоянно около 600 всадниковъ. Расположивъ эту конницу по направленію отъ города на право и на лѣво, Сципіонъ вывелъ свои войска изъ лагерей и поставилъ ихъ въ боевомъ порядкѣ на небольшомъ возвышеніи, гдѣ и оставался, отошедъ отъ своихъ укрѣпленій не болѣе, какъ милю. Видя, что Сципіонъ долго остается на одномъ мѣстѣ и что день проходитъ безъ пользы, Цезарь отдалъ приказаніе своимъ коннымъ отрядамъ напасть на непріятельскую конницу, стоявшую на позиціи передъ городомъ, пославъ имъ на подкрѣпленіе легковооруженныхъ, стрѣлковъ и пращниковъ. Приказаніе Цезаря было исполнено, но когда наша конница бросилась въ аттаку на непріятельскую, то Пацидій, не прекращая упорнаго сраженія, сталъ растягивать фронтъ своей конницы въ длину съ цѣлью обойдти эскадроны Цезаревы съ фланговъ. Замѣтивъ это движеніе непріятеля, Цезарь тотчасъ послалъ на помощь конницѣ своей триста человѣкъ легковооруженныхъ, находившихся по его распоряженію при каждомъ легіонѣ, изъ того легіона, который стоялъ ближе другихъ къ мѣсту сраженія. Лабіенъ съ своей стороны безпрестанно посылалъ на помощь своей конницѣ новыя конныя войска и замѣнялъ раненныхъ и утомленныхъ людей свѣжими и не бывшими въ дѣлѣ. Уже наши всадники, бывшіе въ числѣ четырехъ сотъ, уступая превосходству силъ непріятельскихъ, состоявшихъ болѣе чѣмъ изъ четырехъ тысячь человѣкъ, начали отступать, преслѣдуемые легкою пѣхотою непріятельскою, переранившею у насъ много людей

тогда Цезарь приказалъ двинуться свѣжему конному отряду, который и бросился поспѣшно на выручку нашихъ, тѣснимыхъ непріятелемъ. Тогда наши, ободрясь, всѣ дружно ударили на непріятеля и обратили его въ бѣгство, при чемъ онъ потерялъ много убитыми, а еще болѣе ранеными. На три мили преслѣдовали наши войска непріятеля, оттѣснивъ его до самыхъ возвышеній и потомъ отступили къ своимъ рядамъ. Цезарь оставался до десятаго часу въ боевомъ порядкѣ и потомъ возвратился въ лагерь, не потерявъ ни одного человѣка. Въ этомъ сраженіи Пацидій получилъ тяжелую рану въ голову дротикомъ, пробившимъ шлемъ; другіе вожди непріятельскіе и храбрѣйшіе воины или убиты, или тяжело ранены.

79. Цезарь видѣлъ невозможность вынудить непріятеля принять сраженіе, и вывести его легіоны въ открытое поле; самъ же не могъ стать лагеремъ ближе къ непріятельскому по безводности мѣста. Непріятель въ этомъ случаѣ полагался не столько на собственную храбрость, сколько на отсутствіе воды и потому не опасался нападенія Цезаря. Вслѣдствіе этого, наканунѣ Апрѣльскихъ нонъ, въ третью стражу ночи, Цезарь оставилъ Агаръ и, пройдя въ теченіи ночи шестьнадцать миль, сталъ лагеремъ подъ городомъ Тапсомъ, гдѣ находился Виргилій съ многочисленнымъ гарнизономъ. Въ тотъ же день Цезарь принялъ мѣры къ обложенію города, укрѣпивъ и занявъ войсками важнѣйшіе около него пункты; такъ онъ поступилъ, чтобы непріятелю не дать возможности проникнуть къ нему, или имѣть сообщеніе со внутренностью страны. Сципіонъ, между тѣмъ, узнавъ о движеніи Цезаря, увидѣлъ необходимость прибѣгнуть наконецъ къ бою для того, чтобы не оставить постыднымъ образомъ на жертву Цезарю жителей Тапсы и Виргилія, не разъ доказавшихъ на дѣлѣ свою къ нему вѣрность. Вслѣдствіе этого Сципіонъ немедленно двинулся вслѣдъ за Цезаремъ по горнымъ возвышеніямъ, и остановился двумя лагерями, въ восьми миляхъ разстоянія отъ Тапса.

80. Въ этомъ мѣстѣ, въ разстояніи отъ морскаго берега не болѣе полуторы тысячи шаговъ, находится соляное озеро. Сципіону, чтобы подать помощь городу, надобно было идти этимъ перешейкомъ. Цезарь это предвидѣлъ и устроилъ въ этомъ мѣстѣ укрѣпленіе, въ которомъ оставилъ тройной гарнизонъ, а самъ съ прочими войсками расположился, въ устроенныхъ имъ около Тапса, укрѣпленіяхъ въ видѣ полукружія. Тогда Сципіонъ, видя, что ему перерѣзана дорога, которою онъ предполагалъ идти, по прошествіи дня и послѣдовавшей за нимъ ночи, сталъ на разсвѣтѣ лагеремъ повыше озера у морскаго берега, въ разстояніи отъ нашего укрѣпленія не болѣе тысячи ста

шагахъ Цезарь, получивъ объ этомъ извѣстіе, отозвалъ воиновъ отъ работъ и, оставивъ въ лагерѣ для защиты его проконсула Аспрената съ двумя легіонами, самъ съ остальными войсками налегкѣ поспѣшно двинулся къ означенному мѣсту. Флоту Цезарь отдалъ приказаніе— части его оставаться передъ Тапсомъ, а прочимъ судамъ пристать къ берегу въ тылу непріятеля, какъ можно къ нему поближе и тамъ дожидаться отъ него сигнала; по данному же сигналу находившіеся на судахъ люди должны были поднять громкіе крики, чтобы устрашить непріятеля и развлечь его вниманіе и силы опасеніемъ того, что происходитъ у него въ тылу.

81. Цезарь, прибывъ на мѣсто, увидалъ армію Сципіона расположенную впереди вала; правое и лѣвое крыло ея были прикрыты слонами, а часть арміи неусыпно трудилась надъ укрѣпленіями. Цезарь расположилъ свое войско въ три линіи: на правомъ крылѣ стояли легіоны десятой и второй, на лѣвомъ восьмой и девятый, въ центрѣ пять легіоновъ. Четвертую линію составляли поставленныя противъ слоновъ на каждомъ крылѣ, по пяти когортъ; по крыльямъ же были сосредоточены стрѣлки и пращники, а легкая пѣхота перемѣшана съ кавалеріею. Самъ Цезарь пѣшкомъ обходилъ ряды солдатъ, напоминая ветеранамъ ихъ подвиги, въ прежнихъ сраженіяхъ ими совершенные и ласково бесѣдуя съ ними, воспламенялъ ихъ духъ. Новобранцевъ, еще не бывшихъ ни разу въ дѣлѣ, Цезарь убѣждалъ: «въ доблести брать примѣръ съ ветерановъ и домогаться того, чтобы по пріобрѣтеніи побѣды они во всемъ, и въ славѣ и въ чести, сравнялись совершенно съ ними».

82. Обходя свои ряды, Цезарь замѣтилъ въ непріятельскомъ войскѣ бѣготню и смятеніе: воины непріятельскіе суетились около укрѣпленій: иные тѣснились у воротъ, стремясь въ лагерь, а другіе неосторожно выступали слишкомъ далеко впередъ. Тоже было замѣчено и многими изъ нашихъ воиновъ; тогда легаты и волонтеры стали умолять Цезаря дать сигналъ къ сраженію: «пусть онъ — говорили они ему—подастъ сигналъ безъ всякаго сомнѣнія; боги безсмертные даютъ ему въ руки вѣрную побѣду». Но Цезарь еще колебался, не уступалъ желанію и просьбамъ воиновъ, кричалъ громко, что онъ несогласенъ аттаку обратить въ родъ вылазки или набѣга, и удерживалъ ряды на мѣстѣ. Вдругъ на правомъ крылѣ раздался звукъ трубы (воины принудили трубача играть, не дождавшись приказанія Цезарева). По этому сигналу всѣ когорты устремились на непріятеля; тщетны были усилія сотниковъ грудью удержать воиновъ, чтобы они не вступали въ бой, не дождавшись приказанія Императора. Всѣ

средства къ этому остались безъ успѣха передъ воодушевленіемъ воиновъ.

83. Цезарь, видя, что ничто не можетъ остановить воспламененный духъ воиновъ, далъ пароль слово «счастіе» и самъ, подстрекнувъ коня, въ первыхъ рядахъ устремился на непріятеля. Въ тоже время на правомъ крылѣ наши стрѣлки и пращники осыпали слоновъ, стоявшихъ близко другъ къ другу, градомъ стрѣлъ. Эти животныя, испуганныя свистомъ пращъ и камней, обратились назадъ, внося смятеніе и смерть въ густые ряды непріятелей и стремясь къ воротамъ вала, еще не приведеннаго къ концу. Мавританскіе всадники, находившіеся на томъ же крылѣ, гдѣ и слоны, видя, что остались одни вслѣдствіе бѣгства этихъ животныхъ, первые показали примѣръ бѣгства. Такимъ образомъ, дѣйствуя поспѣшно, наши легіоны обошли слоновъ и овладѣли непріятельскимъ валомъ. Немногіе изъ непріятелей, оказавшіе упорное сопротивленіе, были убиты, а прочіе искали спасенія въ поспѣшномъ бѣгствѣ, стремясь въ тотъ лагерь, изъ котораго вышли наканунѣ.

84. Примѣръ доблести и присутствія духа, оказанный ветераномъ 5-го легіона, заслуживаетъ, чтобы его разсказать. На лѣвомъ крылѣ одинъ слонъ, получивъ рану, разъяренный отъ боли, бросился на безоружнаго прислужника и, поваливъ его, наступилъ на него колѣномъ, давя его изо всѣхъ силъ и испуская страшный ревъ, поднялъ къ верху хоботъ. Воинъ не вынесъ этого зрѣлища и бросился къ слону. Тотъ, видя, что къ нему на встрѣчу идетъ человѣкъ съ поднятымъ мечемъ, оставилъ свою жертву, ставшую уже трупомъ, обвилъ воина своимъ хоботомъ и поднялъ его къ верху, какъ онъ былъ съ мечемъ въ рукахъ. Несмотря на такую опасность, воинъ не потерялъ присутствія духа и мечемъ не переставалъ рубить изо всѣхъ силъ по обвивавшему его хоботу. Наконецъ боль вынудила слона далеко отбросить отъ себя воина, и съ ревомъ искать спасенія въ бѣгствѣ къ прочимъ животнымъ.

85. Между тѣмъ гарнизонъ города Тапса вышелъ изъ города въ обращенныя къ морю ворота, съ цѣлью или подать помощь своимъ или, оставивъ городъ, искать спасенія въ бѣгствѣ. Воины непріятельскіе по поясъ въ водѣ старались достигнуть берега; но рабы и дѣти, находившіеся въ нашемъ лагерѣ, не допустили ихъ выйдти на берегъ, бросая въ нихъ каменья и дротики и принудили ихъ возвратиться въ городъ. — Войска Сципіона были совершенно разбиты, и все поле было ими покрыто, бѣгущими въ безпорядкѣ. Ихъ преслѣдовали по пятамъ легіоны Цезаря, не давая имъ времени опом-

ниться и собраться съ силами. Непріятельскіе воины, прибѣжавъ въ прежній лагерь, хотѣли было удержаться въ немъ и возобновить укрѣпленія; но тщетно искали они человѣка, который бы принялъ надъ ними начальство и сдѣлалъ бы нужныя распоряженія. Не видя ни въ комъ себѣ опоры, они побросали оружіе и устремились къ лагерю царя Юбы, но, приблизившись къ нему, увидѣли его во власти нашихъ воиновъ. Тогда, не видя ни откуда надежды на спасеніе, непріятель положилъ оружіе и привѣтствовалъ нашихъ по военному обыкновенію. Но это не спасло несчастныхъ отъ гибели. Наши ветераны до того было воодушевлены и ожесточены, что не только не щадили никого изъ непріятелей, но и много своихъ убили и переранили, особенно знатнѣйшихъ гражданъ города Рима, обвиняя ихъ, что они дѣйствовали за одно съ непріятелемъ. Такъ погибъ Туллій Руфъ, бывшій квесторъ, котораго одинъ воинъ умышленно прокололъ дротикомъ. Также Помпей Руфъ былъ раненъ мечемъ въ руку и былъ бы убитъ, если бы не ушелъ поспѣшно къ Цезарю. Видя такое своеволіе и остервенѣніе воиновъ, которые въ чаду побѣды полагали, что имъ все позволено и, опасаясь за свою жизнь, многіе всадники Римскіе и сенаторы оставили поле битвы. А воины Сципіона въ глазахъ Цезаря, котораго они умоляли о пощадѣ, избиты всѣ до одного, несмотря на всѣ усилія Цезаря защитить ихъ отъ ярости воиновъ.

86. Такимъ образомъ Цезарь овладѣлъ тремя непріятельскими лагерями и удалился въ свой лагерь, потерявъ убитыми только 50 человѣкъ и немного ранеными; непріятель же потерялъ десять тысячь убитыми, и войско его было совершенно разсѣянно. Прямо съ похода явился Цезарь къ городу Тапсу и велѣлъ выстроить передъ нимъ въ рядъ шестьдесятъ четыре непріятельскихъ слона, захваченныхъ въ плѣнъ съ находившимися на нихъ башнями и полнымъ вооруженіемъ. Это онъ сдѣлалъ для того, чтобы убѣдить Виргилія и осажденныхъ въ полнотѣ своего успѣха и склонить ихъ къ сдачѣ, побѣдивъ ихъ упорство. Тутъ же самъ Цезарь, обратясь къ Виргилію, говорилъ ему о своемъ милосердіи и кротости, и предлагалъ ему сдаться. Не получивъ никакого отвѣта на свои предложенія, Цезарь отступилъ отъ города. На другой день, по совершеніи благодарственной мольбы, Цезарь собралъ воиновъ и въ глазахъ осаждающихъ похвалилъ ихъ за мужество, одарилъ всѣхъ ветерановъ и съ своего возвышеннаго мѣста раздалъ награды особенно отличившимся. Потомъ Цезарь немедленно выступилъ въ походъ, оставивъ для осады Тапса—Ребила проконсула съ 3 легіонами, а для осады Тисдры, гдѣ находился Консидій—Кн. Домиція, съ двумя легіонами. Пославъ впе-

редъ свою конницу, подъ начальствомъ М. Мессалы, къ Утикѣ, Цезарь и самъ двинулся туда же.

87. Конница Сципіона, убѣжавшая съ поля битвы, по направленію къ городу Утикѣ, достигла города Парадъ. Жители его, до которыхъ уже достигла молва о побѣдѣ Цезаря, отказались принять въ свои стѣны воиновъ Сципіона. Они овладѣли городомъ силою и, разложивъ на площади посереди города огромный костеръ, зажгли его и побросали не только все имущество жителей, но и всѣхъ ихъ связанныхъ безъ различія пола и возраста. Такъ погибли несчастные жители этого города въ ужасныхъ мученіяхъ. Оттуда конница Сципіона прибыла прямо въ Утику. Еще прежде М. Катонъ, не полагаясь на вѣрность жителей Утики, воспользовавшихся благодѣяніемъ закона, изданнаго Юліемъ Цезаремъ, выгналъ всю безоружную чернь изъ города. Передъ воротами, носившими названіе *военныхъ*, онъ отвелъ ей мѣсто дла поселенія, окруживъ его небольшммъ рвомъ и поставивъ тамъ стражу для наблюденія, а сенатъ города держалъ подъ стражею. Зная приверженность жителей этого предмѣстія къ Цезарю, всадники Сципіона, пришедъ къ городу, пытались овладѣть предмѣстіемъ, чтобы гибелью его жителей утолить свою злобу. Но жители Утики, ободренные извѣстіемъ о побѣдѣ Цезаря, отразили нападеніе конницы Сципіона палками и каменьями. Не будучи въ состояніи овладѣть предмѣстіемъ, она проникла въ городъ и многихъ жителей его умертвила, а дома ихъ взяла приступомъ и разграбила. Тщетно Катонъ убѣждалъ ее, оставивъ убійства и грабежи, за одно съ нимъ защищать городъ, обѣщаясь исполнить ихъ требованія. Чтобы отвязаться отъ нихъ, онъ выдалъ каждому воину по сту сестерцій. Сулла Фавстъ поступилъ точно также, сдѣлавъ имъ подарокъ изъ собственныхъ своихъ денегъ; вмѣстѣ съ ними оставилъ онъ Утику и двинулся въ земли царя Юбы.

88. Мало-по-малу въ Утику собралось много бѣглецовъ. Катонъ созвалъ ихъ, пригласивъ въ собраніе и тѣ триста человѣкъ, которые дали Сципіону свои деньги на военныя издержки. Онъ ихъ убѣждалъ—возвратить свободу рабамъ и вооружиться всѣмъ на защиту города. Видя, что одни согласны съ нимъ, а другіе въ ужасѣ помышляютъ только объ одномъ бѣгствѣ, Катонъ оставилъ свое намѣреніе и отдалъ въ ихъ распоряженіе суда, чтобы они ѣхали на нихъ, куда имъ вздумается. А самъ, распорядясь всѣмъ самымъ тщательнымъ образомъ, ввѣрилъ своихъ Л. Цезарю, находившемуся при немъ въ должности квестора, и пошелъ спать съ спокойнымъ видомъ, какъ всегда. Тайно принесъ онъ съ собою въ свою комнату мечь, и закололъ-

ся имъ. Онъ упалъ, не смертельно поразивъ себя; въ комнату къ нему бросились домашніе его и докторъ, подозрѣвая что нибудь необыкновенное, и начали перевязывать рану; но Катонъ самъ сорвалъ повязки и умеръ съ полнымъ сознаніемъ того, что онъ дѣлаетъ. Жители Утики хотя ненавидѣли Катона за избранную имъ сторону, но, отдавая справедливость его удивительному безкорыстію, въ чемъ онъ вовсе не походилъ на бывшихъ прежде у нихъ начальниковъ и его заслугамъ, что онъ окружилъ ихъ городъ превосходными башнями и укрѣпленіями, похоронили его со всѣми почестями. По смерти Катона, Л. Цезарь рѣшился воспользоваться этимъ обстоятельствомъ, созвалъ народъ и сказалъ къ наму рѣчь, убѣждая его отворить ворота Цезарю и прибѣгнуть къ его извѣданному милосердію. Такимъ образомъ оставивъ мысль о сопротивленіи, Л. Цезарь вышелъ изъ Утики и отправился на встрѣчу Цезарю. Мессала, исполняя данное ему приказаніе, вошелъ въ Утику и поставилъ стражу у всѣхъ воротъ города.

89 Между тѣмъ Цезарь, выступивъ отъ Тапса, прибылъ къ городу Усцету, въ которомъ находился, подъ защитою небольшаго отряда Сципіонова, большой запасъ хлѣба, оружія и разныхъ другихъ вещей. Цезарь овладѣлъ имъ какъ только подошелъ и оттуда прибылъ въ Адруметъ, который отворилъ ему тотчасъ ворота. Осмотрѣвъ находившійся въ городѣ запасъ хлѣба, оружія и денегъ, Цезарь даровалъ жизнь К. Лигарію и К. Консидію сыну, находившимся въ то время въ Адруметѣ. Въ тотъ же день Цезарь выступилъ изъ Адрумета, оставивъ въ немъ гарнизонъ изъ одного легіона подъ начальствомъ Ливинейя Регула, и двинулся къ Утикѣ. Тутъ на дорогѣ встрѣтилъ его Л. Цезарь; онъ палъ ему въ ноги, умоляя его только объ одной жизни. Цезарь безъ труда простилъ его, слѣдуя въ этомъ случаѣ столько же и влеченію своего добраго сердца, сколько и видамъ политики. Вслѣдствіе этого Цезарь даровалъ прощеніе Цецинѣ, К. Атею, П. Атрію, Л. Целлѣ какъ отцу, такъ и сыну, М. Еппію, М. Аквинію, сыну Катона и дѣтямъ Дамазиппа. Къ Утикѣ Цезарь подошелъ въ началѣ ночи, когда стали зажигать огни, и эту ночь провелъ внѣ города.

90. На другой день рано утромъ Цезарь вошелъ въ городъ. Созвавъ нарочно собраніе, онъ въ рѣчи своей благодарилъ жителей за ихъ усердіе, а гражданъ Римскихъ, купцовъ и тѣхъ, которые въ числѣ 300 человѣкъ пожертвовали деньги Варону и Сципіону, укорялъ въ сильныхъ выраженіяхъ. Изложивъ подробно ихъ въ отношеніи къ нему проступки, Цезарь наконецъ приказалъ явиться къ себѣ безъ страха: «Онъ имъ даруетъ—таковъ былъ его приговоръ— одну лишь жизнь, а имущества продастъ съ публичнаго торгу, съ

тѣмъ впрочемъ условіемъ, что кто изъ нихъ пожелаетъ, имѣетъ право самъ внести въ видѣ выкупа за свою жизнь цѣну своего имущества.» Тѣ, трепетавшіе отъ страха за свою жизнь, бывъ исполнены отчаянія отъ сознанія своихъ проступковъ, увидѣли вдругъ неожиданно надежду на спасеніе и приняли ее съ радостью и съ благодарностью. Они просили какъ милости у Цезаря, чтобы онъ ихъ всѣхъ, въ количествѣ трехъ сотъ человѣкъ, обложилъ пенею денежною; вслѣдствіе чего Цезарь и приказалъ имъ внесть въ казну народа Римскаго два милліона сестерцій, разсрочивъ на три года и на шесть взносовъ. Виновные съ радостью согласились на это и благодарили Цезаря, говоря, что онъ имъ даровалъ новую жизнь.

91. Между тѣмъ царь Юба, спасаясь бѣгствомъ послѣ сраженія, вмѣстѣ съ Петреемъ, днемъ скрывался въ селеніяхъ, а по ночамъ совершалъ путь къ землямъ своего царства. Наконецъ достигъ онъ города Замы, гдѣ у него находился весь домъ, жены и дѣти. Туда же по распоряженію Юбы съ начала войны собраны были всѣ его сокровища и драгоцѣнности, и этотъ городъ обнесенъ былъ вслѣдствіе этого сильными укрѣпленіями. Но жители города уже получили столь желанное для нихъ извѣстіе о побѣдѣ Цезаря и потому затворили Царю ворота. Причиною было и то, что онъ съ самаго начала войны съ народомъ Римскимъ, приготовилъ на площади огромный костеръ изъ дровъ. Онъ хотѣлъ, въ случаѣ пораженія, бросить въ огонь все свое имущество, гражданъ всѣхъ перерѣзать и тѣла ихъ предать пламени, а въ заключеніе и самому себя умертвить; однимъ словомъ погубить огнемъ женъ и дѣтей своихъ, гражданъ и всѣ сокровища. Долго стоялъ Юба передъ воротами города, сначала угрозами стараясь подѣйствовать на жителей его и склонить ихъ къ повиновенію. Видя, что это средство остается безъ пользы, онъ сталъ ихъ умолять пустить его къ его домашнему очагу. Но жители города продолжали упорствовать въ своемъ намѣреніи, равно презирая и угрозы Царя и его мольбы. Наконецъ Юба просилъ жителей Замы выдать ему по крайней мѣрѣ женъ и дѣтей, чтобъ онъ могъ ихъ взять съ собою. Видя что и эту просьбу жители города оставили безо всякаго вниманія, царь Юба отошелъ отъ Замы и, вмѣстѣ съ Л. Петреемъ, въ сопровожденіи немногихъ всадниковъ, удалился въ свой загородный домъ.

92. Между тѣмъ жители Замы отправили пословъ въ Утику къ Цезарю о своихъ дѣлахъ, представляя ему: «чтобы онъ поспѣшилъ прислать имъ вспомогательное войско прежде, чѣмъ царь соберетъ новое войско и сдѣлаетъ на нихъ нападеніе; впрочемъ они готовы защищать для него городъ, пока у нихъ будетъ искра жизни.» Цезарь,

выразивъ посламъ свое благоволеніе, приказалъ имъ возвратиться домой и сказать тамъ, что онъ немедленно прибудетъ вслѣдъ за ними. На другой день Цезарь выступилъ изъ Утики и съ конницею вошелъ въ предѣлы царства. На дорогѣ встрѣтились ему многіе вожди царскихъ войскъ, прося его о пощадѣ. Простивъ ихъ, Цезарь прибылъ въ Заму. Вслѣдствіе распространившейся молвы о милосердіи и кротости Цезаря, почти всѣ всадники царскіе явились въ Замѣ къ Цезарю, который простилъ ихъ, и не велѣлъ имъ ничего опасаться.

93. Пока это происходило, Консидій, который въ Тисдрѣ начальствовалъ надъ толпою рабовъ своихъ, гладіаторовъ и Гетуловъ, получивъ извѣстіе о пораженіи своей партіи, съ ужасомъ услыхалъ о приближеніи Доминія и легіоновъ и, отчаявшись въ своемъ спасеніи, оставилъ городъ съ огромною суммою денегъ, въ сопровожденіи немногихъ туземцевъ, и бѣжалъ въ земли Мавританскаго царства. Но сопровождавшіе его Гетулы, соблазнясь на унесенныя Консидіемъ сокровища, убили его дорогою и съ своею добычею ушли куда кто попало. Вслѣдъ затѣмъ и Виргилій, видя, что онъ обложенъ и съ моря и съ сухаго пути, и что партія, къ которой онъ принадлежалъ, уничтожена совершенно, что М. Катонъ въ Утикѣ самъ на себя наложилъ руки, что царь Юба скитается бѣглецомъ, презрѣнный и оставленный всѣми, что войско Сабуры и самъ Сабура погибли отъ войска Ситіева, что Утика безъ сопротивленія отворила ворота Цезарю, что отъ такого войска не осталось и столько, чтобы могло служить защитою ему и дѣтямъ его, сдался осаждавшему его проконсулу Канинію, взявъ съ него клятвенное обязательство въ безопасности его жизни.

94. Между тѣмъ ни одинъ городъ не хотѣлъ впустить къ себѣ царя Юбу. Отчаявшись въ спасеніи, разъ послѣ ужина онъ съ Петреемъ рѣшились умереть смертью храбрыхъ и сразились мечами. Юба, какъ сильнѣйшій, безъ труда умертвилъ Петрея, уступавшаго ему въ силѣ и въ здоровьи. Потомъ онъ хотѣлъ себѣ пронзить грудь, но безъ успѣха, и наконецъ одинъ изъ его рабовъ, уступая его просьбамъ, умертвилъ его.

95. Между тѣмъ П. Ситій, разбивъ войско Сабуры, полководца царя Юбы и его самого умертвивъ, двинулся къ Цезарю съ небольшимъ отрядомъ черезъ Мавританію. Случайно встрѣтилъ онъ Фавста и Афранія съ тѣмъ войскомъ, которое ограбило Утику и теперь направляло путь къ Испаніи, въ числѣ тысячи пяти сотъ человѣкъ. Немедленно, пользуясь ночнымъ временемъ, Ситій разставилъ отряды въ засаду, и на разсвѣтѣ произвелъ нападеніе на непріятеля. За исключеніемъ немно-

гихъ всадниковъ, ушедшихъ изъ первыхъ рядовъ въ началѣ сраженія, остальные всѣ были или убиты, или захвачены въ плѣнъ. Афраній и Фавстъ были захвачены живые, и съ послѣднимъ жена его и дѣти. Вскорѣ послѣ того въ войскѣ произошло возмущеніе, въ которомъ Афраній и Фавстъ убиты. Помпеѣ, женѣ Фавста и дѣтямъ его, Цезарь даровалъ жизнь и возвратилъ имъ все ихъ имущество.

96. Что касается до Сципіона, то онъ вмѣстѣ съ Дамазиппомъ, Торкватомъ и Плеторіемъ Рустіаномъ ушли въ море на галерахъ, намѣреваясь бѣжать въ Испанію. Настигнутые бурею, они долго носились по морю, пока не прибило ихъ къ Гиппону царскому, гдѣ въ то время находился флотъ П. Сиція. Окруженные многочисленными судами, немногія непріятельскія безъ труда были потоплены; тутъ-то погибъ Сципіонъ и съ нимъ всѣ тѣ, которыхъ я только что назвалъ.

97. Вслѣдъ за тѣмъ, Цезарь въ Замѣ продалъ съ публичнаго торга имущество царя Юбы и тѣхъ гражданъ Римскихъ, которые обнажили оружіе противъ народа Римскаго, а жителямъ Замы за то, что они не впустили къ себѣ царя, роздалъ награжденія, отмѣнилъ подати, установленныя царемъ, и земли его обратилъ въ провинцію, Власть надъ новою провинціею Цезарь ввѣрилъ проконсулу Криспу Саллюстію и, оставивъ Заму, удалился въ Утику. Здѣсь онъ продалъ съ публичнаго торга имущества тѣхъ лицъ, которыя служили въ войскѣ Юбы и Петрея, и въ видѣ пени приказалъ внесть жителямъ Тапса два милліона сестерцій, а правительственнымъ лицамъ города три милліона сестерцій, жителямъ Адрумета три милліона, а ихъ сенату пять милліоновъ сестерцій. Самые же города и всѣ имущества жителей защитилъ отъ всякой обиды и грабежа. Жители Лепта, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, терпя притѣсненія и грабежи отъ царя Юбы, черезъ пословъ принесли свои жалобы сенату Римскому, который возвратилъ имъ понесенные убытки. Такъ какъ, не смотря на это, они сначала войны, вслѣдствіе домашнихъ своихъ несогласій, вступили въ союзъ съ царемъ Юбою и оказывали ему пособіе оружіемъ, людьми и деньгами, то Цезарь велѣлъ имъ вносить въ видѣ пени ежегодно по триста тысячь фунтовъ деревяннаго масла. Жители Тисдры, вслѣдствіе бѣдности ихъ города, наказаны были небольшимъ ежегоднымъ взносомъ хлѣба.

98. Совершивъ все это, Цезарь въ Іюнскіе Иды сѣлъ на корабль въ Утикѣ, и на третій день прибылъ въ Каралесъ въ Сардинію. Здѣсь онъ Сульцитанъ за то, что дали было у себя убѣжище Назидію и его флоту и помогали ему войсками, обложилъ пенею въ десять милліоновъ сестерцій и приказалъ имъ платить, вмѣсто

десятой части своихъ доходовъ, восьмую, а нѣкоторыхъ немногихъ лицъ имущества продалъ съ публичнаго торгу. За три дня Іюльскихъ календъ Цезарь снова сѣлъ на карабль и отправился изъ Каралеса, держась берега. Впрочемъ, не прежде, какъ на двадцать восьмой день послѣ отъѣзда изъ Каралеса, удалось Цезарю прибыть въ Римъ, потому что сильные встрѣчные вѣтры не позволяли ему войдти въ пристань.

ЗАПИСКИ
О ВОЙНѢ ВЪ ИСПАНІИ.

—

1. Послѣ пораженія Фарнака и занятія вновь Африки, остатки непріятельской арміи подъ начальствомъ юнаго Кн. Помпея, ушли въ Испанію и овладѣли ея дальнею провинціею. Пока Цезарь былъ занятъ въ Италіи раздачею наградъ, Помпей между тѣмъ собирался съ силами и призывалъ жителей городовъ дѣйствовать за одно съ нимъ. Такимъ образомъ, отчасти просьбами, отчасти насиліемъ собравъ довольно значительное войско, Кн. Помпей опустошалъ имъ нашу провинцію. Нѣкоторые города добровольно давали ему пособіе, другіе же оказывали сопротивленіе. Овладѣвъ какимъ нибудь городомъ силою, юный Помпей обыкновенно скоро находилъ какую нибудь вину въ самихъ богатыхъ гражданахъ, хотя бы и оказавшихъ большія услуги его отцу и, казнивъ ихъ, имущество ихъ раздавалъ въ добычу своей шайкѣ, правильнѣе состоявшей изъ разбойниковъ, чѣмъ изъ воиновъ. Такимъ образомъ приманкою добычи онъ безъ труда собралъ значительныя силы. Города, враждебные Помпею, не переставали посылать гонца за гонцомъ въ Италію, умоляя о защитѣ ихъ противъ покушеній Помпея.

2. Кайй Цезарь, уже третій выборъ диктаторъ, утвержденный и на четвертый срокъ, послѣ долгаго странствованія, наконецъ поспѣшно прибылъ въ Испанію, чтобы положить конецъ пылавшей тамъ войнѣ. Тутъ явились къ нему послы жителей Кордубы, вознамѣрившихся отпасть отъ Кн. Помпея, и сказали ему: «въ ночное время можно безъ труда занять Кордубу тѣмъ болѣе, что онъ Цезарь неожиданно прибылъ въ провинцію, и что гонцы, Кн. Помпеемъ разставленные по всѣмъ дорогамъ, чтобы извѣстить его о приближеніи Цезаря, всѣ переловлены». Многое и кромѣ того приводили они въ пользу своего

мнѣнія. Уступая ихъ просьбамъ, Цезарь далъ знать о своемъ прибытіи К. Педію и К. Фабію Максиму, которые были имъ оставлены легатами при войскѣ, предписывая имъ прислать ему немедленно на помощь конницу, набранную ими въ провинціи. А самъ онъ двинулся къ нимъ поспѣшнѣе, чѣмъ они ожидали его прибытія, не имѣя при себѣ, какъ желалъ, вспомогательнаго коннаго отряда.

3. Въ это время находился съ отрядомъ войска въ Кордубѣ, которая считалась главнымъ городомъ всей этой провинціи, Секстъ Помпей, братъ Кнеевъ. А самый юный Кн. Помпей осаждалъ городъ Улію, подъ стѣнами котораго уже онъ стоялъ нѣсколько мѣсяцевъ. Жители этого города, узнавъ о прибытіи Цезаря, отправили къ нему пословъ, которымъ удалось благополучно миновать разъѣзды Помпея; послы, явясь къ Цезарю, просили его прислать къ нимъ, какъ можно скорѣе, вспомогательное войско. Цезарь, зная, что жители этого города всегда отличались вѣрною службою народу Римскому, немедленно, во вторую стражу ночи, приказалъ идти шести когортамъ и такому же количеству конницы; начальство надъ этимъ отрядомъ Цезарь ввѣрилъ одному изъ извѣстныхъ туземцевъ, хорошо знакомому съ мѣстностью страны, Л. Юнію Паціеку. Когда онъ приблизился къ окружавшимъ городъ войскамъ Помпея, то была страшная непогода и ужасно сильный, встрѣчный для осаждающихъ, вѣтеръ. Темнота была такая, что съ трудомъ можно было видѣть человѣка возлѣ себя: обстоятельство это было весьма благопріятно для нашего вспомогательнаго отряда. Когда онъ подошелъ къ непріятельскимъ аванпостамъ, то Паціекъ приказалъ всадникамъ ѣхать впередъ прямо по двое черезъ непріятельскія войска. Когда кто нибудь изъ непріятелей спрашивалъ нашихъ, то они отвѣчали: «молчите, не дѣлайте шуму; дѣло въ томъ, чтобы подобраться къ стѣнѣ и взять городъ». Стражи непріятельскіе, по случаю страшной непогоды, не могли быть очень бдительны, притомъ же они повѣрили тому, что было имъ сказано. Подошедъ къ воротамъ, наши по данному сигналу были узнаны осажденными и впущены въ городъ. Тутъ пѣшія и конныя войска, за исключеніемъ отряда оставшагося въ городѣ, съ военными кликами бросились на непріятельскій лагерь. Непріятель, не ожидавшій ничего подобнаго, въ ужасѣ вообразилъ, что онъ уже почти взятъ въ плѣнъ.

4. Отправивъ вспомогательный отрядъ въ Улію, Цезарь двинулся къ Кордубѣ, желая отвлечь Помпея отъ осады этого города. Съ похода Цезарь отправилъ впередъ къ Кордубѣ, отрядъ тяжело вооруженныхъ воиновъ и конницы. Приближаясь къ городу, первые сѣли

на коней позади всадниковъ. Изъ города не могли примѣтить этого и, видя приближеніе нашей конницы, выслали на встрѣчу ей сильное войско, надѣясь безъ труда истребить ее. Но тутъ наши тяжеловооруженные воины соскочили съ коней и завязали упорное дѣло, изъ котораго немногимъ непріятелямъ удалось безъ вреда уйдти въ городъ. Секстъ Помпей въ ужасѣ послалъ къ брату, призывая его къ себѣ на помощь и умоляя его поспѣшить, чтобы до его прихода Цезарь не овладѣлъ городомъ. Такимъ образомъ Кн. Помпей вынужденъ былъ снять осаду Уліи на половину почти взятой и, вслѣдствіе письменныхъ убѣжденій брата, поспѣшить съ войсками къ Кордубѣ.

5. Цезарь, подошедъ къ рѣкѣ Бетису, не могъ ее перейдти въ бродъ съ войскомъ, по причинѣ ея глубины. Онъ приказалъ набросать въ воду корзинъ съ каменьями и сверхъ ихъ устроилъ мостъ. Тремя отдѣленіями переведя войско свое по мосту, Цезарь подлѣ него расположился лагеремъ. Къ сторонѣ города мостъ состоялъ изъ бревенъ и дѣлился на двѣ части. Помпей, подошедъ съ своими войсками, сталъ лагеремъ также недалеко отъ мосту напротивъ Цезаря, который, намѣреваясь отрѣзать ему путь отъ моста и отъ города, началъ вести линію укрѣпленій отъ лагеря къ мосту. Помпей съ своей стороны вознамѣрился сдѣлать тоже. огда между обоими вождями произошло страшное состязаніе о томъ, кто прежде подойдетъ къ мосту. Вслѣдствіе этого произошелъ упорный рукопашный бой, въ которомъ обѣ стороны, оспаривая упорно другъ у друга обладаніе мостомъ, тѣснили другъ друга къ рѣкѣ, стараясь туда опрокинуть. Груды тѣлъ покрывали мѣсто сраженія. Въ теченіи многихъ дней Цезарь выжидалъ случая предложить непріятелю бой на ровномъ мѣстѣ, чтобы однимъ рѣшительнымъ ударомъ окончить войну.

6. Видя, что непріятель не желаетъ принять сраженія, и что планъ его съ этою цѣлью отвлечь его къ себѣ не удался, Цезарь перевелъ войска черезъ рѣку и ночью, приказавъ разложить большіе огни, двинулся къ Атегую, одному изъ самыхъ укрѣпленныхъ городовъ Помпеевыхъ. Когда Помпей узналъ отъ перебѣжчиковъ объ этомъ движеніи Цезаря, то онъ въ тотъ же день приказалъ собрать всѣ повозки и осадныя орудія, которыя онъ было оставилъ назади по тѣснотѣ дорогъ, и удалился въ Кордубу. Цезарь началъ осаждать Атегуй правильною осадою и открылъ передъ нею траншеи. Узнавъ объ этомъ, Помпей въ тотъ же день выступилъ въ походъ. Готовясь на случай его прибытія, Цезарь укрѣпилъ позади себя всѣ важнѣйшіе пункты и, занявъ ихъ отрядами конницы и пѣхоты, прикрылъ ими путь къ своему лагерю. Когда Помпей приблизился къ

позиціи Цезаря, былъ чрезвычайно густой туманъ. Подъ покровомъ его Цезаревы конные отряды отрѣзали и окружили со всѣхъ сторонъ нѣсколько непріятельскихъ батальоновъ и эскадроновъ и истребили ихъ такъ, что весьма немногимъ изъ непріятелей удалось уйдти.

7. Въ слѣдующую ночь Помпей предалъ огню свой прежній лагерь и расположился вновь лагеремъ между городами Атегуемъ и Укубисомъ по горамъ, перерѣзаннымъ лощинами. Цезарь между тѣмъ, окончивъ линію укрѣпленій и всѣ предварительныя работы, нужныя для осады города, сталъ устроивать террассу и дѣлать подступы. Мѣстность была гористая, и самою природою приспособленная къ военнымъ дѣйствіямъ. Долина перерѣзана была рѣкою Сальсомъ, разстояніемъ отъ города Атегуя только въ двухъ миляхъ. Напротивъ города по горамъ расположенъ былъ лагерь Помпея въ виду обоихъ городовъ; на выручку же своимъ онъ не смѣлъ идти. У Помпея находились значки и орлы тринадцати легіоновъ, но единственныя силы, на которыя онъ расчитывалъ, были—два легіона туземцевъ, тѣ самые, которые ушли отъ Требонія. Одинъ легіонъ состоялъ изъ переселенцевъ, живущихъ въ Испаніи. Четвертый былъ Афраніевъ изъ Африки, приведенный имъ съ собою оттуда. Прочіе легіоны составлены были изъ сбора бѣглецовъ разнаго рода. Что же касается до легкой пѣхоты и конницы, то и тою и другою мы далеко превосходили непріятеля.

8. Помпею, въ его намѣреніи тянуть военныя дѣйствія, много содѣйствовала мѣстность страны, состоящей изъ горныхъ возвышеній и весьма удобной къ устройству укрѣпленныхъ лагерей. Трудно весть наступательную войну во всей дальней Испаніи, гдѣ плодородіе почвы и обиліе воды вездѣ даютъ средства къ оборонѣ. Притомъ вслѣдствіе частыхъ набѣговъ дикихъ народовъ всѣ важнѣйшіе пункты, какъ бы они ни были отдалены отъ городовъ, обнесены укрѣпленіями и снабжены башнями. Притомъ строенія здѣсь, какъ и въ Африкѣ, покрыты цементомъ, а не черепицею; онѣ очень высоки и въ нихъ устроены каланчи, съ которыхъ далеко видно. Притомъ большая часть городовъ этой провинціи укрѣплены самою мѣстностью, то есть своимъ положеніемъ на горахъ и притомъ такъ превосходно, что самый подступъ къ нимъ и нападеніе становятся крайне затруднительны. Такимъ образомъ, находя свою защиту въ мѣстоположеніи, города Испаніи не могутъ быть легкою добычею непріятеля, что доказала и теперешняя война. Помпей, какъ мы выше сказали, расположился лагеремъ между городами Атегуемъ и Укубисомъ, въ виду ихъ обоихъ, а въ четырехъ миляхъ отъ занятой имъ позиціи находился удивительно укрѣпленный

природою холмъ, извѣстный подъ названіемъ Постуміевыхъ лагерей; его, по этой самой причинѣ, Цезарь обнесъ укрѣпленіями и занялъ отрядомъ войска.

9. Помпей, позиція котораго, находившаяся довольно въ большомъ разстояніи отъ лагеря Цезарева, была защищена гористою мѣстностью, надѣялся безъ труда овладѣть вышеупомянутымъ постомъ Цезаря, отдѣленнымъ отъ него рѣкой, такъ какъ ему подать помощь при такихъ обстоятельствахъ было весьма затруднительно. Въ этомъ убѣжденіи, въ третью стражу ночи, Помпей выступилъ изъ лагеря и произвелъ аттаку на укрѣпленіе Цезарево, надѣясь такимъ образомъ помочь осажденнымъ. Видя приближеніе непріятелей, находившійся въ укрѣпленіи, нашъ гарнизонъ, встрѣтилъ ихъ громкими кликами и градомъ стрѣлъ, перeранившимъ у нихъ много людей. Такимъ образомъ осаждающіе оказывали упорное сопротивленіе. Когда извѣстіе объ этомъ пришло въ главный лагерь Цезаря, то онъ двинулся на помощь своимъ съ тремя легіонами. Узнавъ о приближеніи Цезаря, непріятель въ ужасѣ обратился въ бѣгство, потерявъ много убитыми, а еще больше взятыми въ плѣнъ, да и которымъ удалось уйдти, то и тѣ побросали оружіе; восемьдесятъ щитовъ поднято на мѣстѣ сраженія.

10. На слѣдующій день утромъ рано прибылъ изъ Италіи Аргуецій съ конницею. Онъ съ собою принесъ пять Сагунтинскихъ знаменъ, отбитыхъ имъ у жителей этого города. Да мы забыли еще упомянуть, что Аспренатъ привелъ еще прежде Цезарю на помощь конницу изъ Италіи. Въ ту же ночь Помпей, предавъ огню свой лагерь, отправился къ Кордубѣ. Царь Индо, пришедшій на помощь Цезарю съ своею конницею, преслѣдуя горячо непріятеля, былъ захваченъ воинами его туземныхъ легіоновъ и убитъ.

11. На другой день конница наша далеко преслѣдовала по направленію къ Кордубѣ тѣхъ, которые везли разнаго рода припасы въ лагерь Помпея; захвачены 50 человѣкъ съ лошадьми, и приведены въ лагерь. Въ тотъ же день перебѣжалъ къ намъ въ лагерь К. Марцій, служившій въ войскѣ Помпея военнымъ трибуномъ. Около третьей стражи ночи произошелъ у стѣнъ города упорный бой. Осажденные метали въ насъ огнемъ и испробовали тутъ всѣ средства, какія только существуютъ для бросанія огня. Вслѣдъ за тѣмъ всадникъ римскій, К. Фунданій, перебѣжалъ къ намъ въ лагерь изъ стана непріятельскаго.

12. На другой день наши всадники захватили въ плѣнъ двухъ непріятельскихъ воиновъ изъ легіона туземцевъ; эти воины показали, будто они рабы; но ихъ узнали воины, которые служили подъ на-

чальствомъ Фабія и Педія, и перебѣжали отъ Требонія. Такая вина немогла быть прощена и плѣнные убиты нашими воинами. Въ то же время попались въ плѣнъ гонцы, посланные изъ Кордубы къ Помпею, но ошибкою зашедшіе въ нашъ лагерь. Они отпущены обратно съ отрубленными руками. Слѣдуя своему обыкновенію, осажденные и въ эту ночь, со второй ея стражи, пустили въ насъ множество огненныхъ снарядовъ и стрѣлъ, не переставая въ теченіи долгаго времени, и переранили у насъ много народу. Къ концу ночи осажденные сдѣлали вылазку къ тому мѣсту, гдѣ былъ расположенъ шестой легіонъ, растянутый на большое пространство для производства работъ, и завязали упорный бой. Впрочемъ они отбиты, несмотря на то, что выгоды мѣстности были всѣ на ихъ сторонѣ. Когда осажденные сдѣлали вылазку, то наши воины встрѣтили ихъ храбро, и хотя производили нападеніе съ возвышеннаго мѣста, однако были съ большимъ урономъ оттѣснены и возвратились въ городъ.

13. На другой день Помпей началъ весть траншею отъ своего лагеря къ рѣкѣ Сальсу. Тутъ случилось, что большая конная непріятельская партія, наткнувшись на нашъ небольшой постъ, сбила его, причемъ мы потерпѣли урону три человѣка убитыхъ. Въ тотъ же день А. Вальгій, сынъ сенатора (братъ его остался въ лагерѣ Помпея), бросивъ все свое, сѣлъ на коня и бѣжалъ къ намъ. Въ руки воиновъ нашихъ попался лазутчикъ изъ втораго Помпеева легіона и убитъ ими. Въ то же время со стѣны брошена была къ намъ праща, съ запискою: «когда будетъ положенъ на стѣнѣ щитъ, то это будетъ знакомъ, что можно взять городъ безъ труда». Въ этой надеждѣ нѣкоторые изъ нашихъ воиновъ, надѣясь безъ опасности приблизиться къ стѣнѣ и овладѣть городомъ, на другой же день начали весть къ стѣнѣ подкопы, и большая часть первой стѣны рушилась. Несмотря на это жители города обошлись съ ними какъ съ своими и умоляли только выпустить изъ города къ Помпею тяжеловооруженныхъ воиновъ и начальниковъ города, поставленныхъ въ немъ Помпеемъ. Цезарь отвѣчалъ на это: «что онъ привыкъ предписывать условія, а не принимать ихъ». По возвращеніи пословъ въ городъ, узнавъ отвѣтъ Цезаря, осажденные, выпустивъ въ насъ всѣ метательные снаряды, какіе у нихъ были, начали упорный бой на всемъ протяженіи стѣнъ, такъ что бо̀льшая часть нашихъ ждали непремѣнно вылазки. Окруживъ городъ живою стѣною воиновъ, мы съ своей стороны нѣсколько времени поддерживали упорный бой. Выстрѣломъ изъ нашего баллиста сбита башня непріятельская съ

пятью, находившимися на ней, воинами и съ мальчикомъ, которому поручено было наблюдать за дѣйствіемъ нашего баллиста.

14. Немного спустя, Помпей устроилъ укрѣпленіе по сю сторону Сальса, причемъ наши его не тревожили. Вслѣдствіе этого Помпей возгордился, пришелъ къ ложному убѣжденію, будто онъ въ нашихъ предѣлахъ устроилъ это укрѣпленіе. На слѣдующій день Помпей продолжалъ свое наступательное движеніе. Тутъ многочисленныя силы непріятельскія напали на нашъ постъ, состоявшій изъ нѣсколькихъ эскадроновъ конницы и отряда легкой пѣхоты, сбили его и, пользуясь своимъ перевѣсомъ численности, почти совершенно уничтожили. Это происходило въ виду обоихъ лагерей. Возгордясь своимъ успѣхомъ, Помпеевы войска, преслѣдуя нашихъ, далеко зашли впередъ. Когда же наши, собравшись съ силами, остановились и встрѣтили непріятеля грудью, то онъ, ограничившись военнымъ кликомъ, которымъ онъ желалъ показать, что не уступаетъ въ мужествѣ нашимъ, не принялъ предложеннаго ему сраженія.

15. У нашего войска въ случаѣ сраженія съ конницею было принято за правило: когда всадникъ, вступая въ рукопашный бой съ пѣхотинцемъ, спѣшивается, то онъ ни какъ не можетъ съ нимъ сравняться, что доказало и нынѣшнее сраженіе. Когда легкая непріятельская пѣхота неожиданно ударила въ нашу конницу, то она большею частью спѣшилась. Такимъ образомъ произошелъ упорный бой, въ которомъ всадники сражались пѣши, а пѣхотинцы сражались какъ всадники. Побоище окончилось не прежде, какъ у самаго вала непріятельскаго. Въ этомъ сраженіи пало у непріятеля 123 человѣка, остальные возвратились въ лагерь, многіе перераненные, а еще больше потерявъ оружіе. Нашихъ пало трое, а ранено 12 человѣкъ пѣшихъ и пять всадниковъ. Остальную часть дня бой продолжался у стѣнъ города, какъ прежде. Осажденные по обыкновенію своему осыпали насъ огненными снарядами и стрѣлами. Потомъ они взялись за страшное и неслыханное злодѣйство. Въ виду нашемъ они начали убивать хозяевъ домовъ, гдѣ они находились, и бросать ихъ со стѣны, какъ дѣлается только у варварскихъ народовъ, а о чемъ у насъ подобнаго примѣра дотолѣ не сохранила память людей.

16. Къ вечеру этого дня прошелъ въ городъ такъ, что мы его не видали, гонецъ изъ лагеря Помпеева съ приказаніемъ: въ эту же ночь предать огню нашу террасу и башни, и въ третью стражу произвесть вылазку. Осажденные, бросивъ въ насъ множество огней и стрѣлъ, сожгли большую часть нашей стѣны и отворили ворота города, обращенныя къ лагерю Помпея. Они произвели вылазку всѣми

силами, вынесли съ собою фашины заваливать рвы и крючья для растаскиванья нашихъ шалашей, сдѣланныхъ изъ соломы для защиты воиновъ отъ зимнихъ непогодъ. Они взяли съ собою денегъ и дорогія платья, надѣясь, пока наши будутъ заниматься грабежемъ, пробиться къ войскамъ Помпея, которыя онъ водилъ въ боевомъ порядкѣ по той сторонѣ Сальса. Хотя наши не ожидали этой вылазки, но мужественно ее встрѣтили, отбили нападеніе и съ большимъ урономъ втоптали осажденныхъ въ городъ, ограбивъ ихъ и лишивъ оружія; иныхъ захватили живьемъ, и на другой день умертвили ихъ. Въ то же время одинъ перебѣжчикъ изъ города принесъ извѣстіе, что Юній, находившійся тамъ для веденія минныхъ работъ, видя, что началось избіеніе жителей города, воскликнулъ: «что вы дѣлаете за страшное и неслыханное злодѣйство и преступленіе? Чѣмъ эти несчастные заслужили его? Развѣ тѣмъ, что васъ впустили въ дома свои къ своимъ домашнимъ очагамъ? За гостепріимство вы воздали гнуснымъ злодѣйствомъ». Много Юній говорилъ въ этомъ же родѣ, и ему удалось усовѣстить своихъ и остановить избіеніе гражданъ.

17. Вслѣдствіе этого, на другой день, явились къ намъ послами изъ города Туллій и Катонъ Лузитанецъ. Первый сказалъ Цезарю: «о, если бы боги безсмертные судили мнѣ лучше быть воиномъ твоимъ, чѣмъ Кнея Помпея и мужество мое показать скорѣе въ твоемъ счастіи, чѣмъ въ его несчастіи! Его роковая слава кончилась тѣмъ, что мы, граждане римскіе, будучи лишены защиты, въ такихъ гибельныхъ обстоятельствахъ, стали, можно сказать, на одну доску съ его врагами. Чуждые успѣховъ отечества, мы только перенесли его несчастія. Мы выдержали нападеніе столькихъ легіоновъ, днемъ и ночью на укрѣпленіяхъ не боялись ни ударовъ мечей, ни града стрѣлъ. Теперь, побѣжденные твоимъ мужествомъ, а Помпеемъ брошенные на произволъ судьбы, прибѣгаемъ къ твоему милосердію, ища въ немъ одномъ себѣ спасенія». Цезарь на это отвѣчалъ: «могу ли я согражданамъ моимъ, сознающимъ свою вину, отказать въ томъ, въ чемъ я никогда не отказывалъ иноплеменникамъ?»

18. Когда послы возвратились къ городу и подошли уже къ его воротамъ, то Тиб. Туллій не послѣдовалъ за К. Антоніемъ. Тотъ уже было пошелъ въ ворота, но, не видя Туллія, воротился за нимъ, и схватилъ его за руку. Тиберій Туллій тогда выхватилъ изъ-за пазухи кинжалъ и нанесъ Антонію рану въ руку. Такимъ образомъ ему и его товарищу Катону Лузитанцу удалось уйдти обратно къ Цезарю. Въ тоже время перебѣжалъ къ намъ знаменосецъ перваго легіона. Между прочимъ онъ показалъ, что, въ день сраженія кон-

ницы, изъ людей, находившихся подъ его знаменемъ, пало тридцать пять человѣкъ; въ лагерѣ же Помпея не только не велѣно было распространять это извѣстіе, но запрещено говорить, и объ убыли одного человѣка. Одинъ невольникъ, владѣлецъ котораго находился въ лагерѣ Цезаря, оставивъ жену и сына въ городѣ, зарѣзалъ своего господина и ушелъ въ лагерь къ Помпею тайно отъ нашихъ карауловъ. Онъ прислалъ оттуда записку на пращѣ, въ которой сообщилъ свѣдѣніе о мѣрахъ, какія принимаются въ городѣ для его обороны. Такимъ образомъ передавъ письма тѣ, которые обыкновенно бросали къ намъ записки на пращахъ, возвратились въ городъ. Немного спустя два Лузитанца, родные братья, перешли къ намъ. Они разсказывали, что Помпей въ собраніи воиновъ сказалъ: «вслѣдствіе того, что городу невозможно подать помощи, онъ намѣренъ ночью изъ виду непріятеля скрыться и удалиться къ морскому берегу». На это ему одинъ воинъ отвѣчалъ: «не лучше ли идти прямо сразиться съ врагомъ, чѣмъ показать себя бѣглецами?» За такой отвѣтъ этого воина тутъ же умертвили. Въ тоже время захвачены гонцы Помпея, отправленные имъ въ городъ. Цезарь, письма, найденные у гонцовъ, приказалъ показать жителямъ города, а тому изъ нихъ, кто желаетъ остаться въ живыхъ, приказалъ поджечь деревянную городскую башню. Тому, кто рѣшился бы на этотъ подвигъ, Цезарь обѣщался все, чего онъ только ни пожелаетъ. Покушеніе зажечь эту башню сопряжено было съ большою опасностью. И дѣйствительно тотъ, кто хотѣлъ ее зажечь, какъ только приблизился къ ней, былъ съ нея убитъ. Въ туже ночь одинъ перебѣжчикъ сообщилъ намъ извѣстіе, что Помпей и Лабіенъ съ большимъ негодованіемъ узнали о, случившемся въ городѣ, избіеніи гражданъ.

19. Во вторую стражу ночи, одна наша деревянная башня, вслѣдствіе множество пущенныхъ въ нее осажденными метательныхъ снарядовъ, обнаружила сверху до втораго и третьяго этажа большія повреждения. Въ тоже время у стѣнъ города происходилъ упорный бой и осажденнымъ удалось, пользуясь благопріятнымъ для нихъ вѣтромъ, сжечь одну нашу башню. На слѣдующій день рано утромъ одна мать семейства спустилась со стѣны и убѣжала къ намъ. Она показала, что хотѣла уйдти къ Цезарю со всѣмъ своимъ семействомъ и прислугою, но тѣ всѣ были схвачены и перерѣзаны. Въ тоже время брошены были со стѣны дощечки, на которыхъ было написано слѣдующее: «К. Минацій—Цезарю. Если ты мнѣ обѣщаешь жизнь, то, будучи брошенъ Помпеемъ на произволъ судьбы, я буду служить тебѣ съ такимъ же мужествомъ и вѣрностью, съ какимъ служилъ ему».

Въ то же время явились къ Цезарю послы изъ города тѣже самые, которые и прежде, и сказали ему, что на слѣдующій же день сдадутъ ему городъ, буде онъ обѣщаетъ имъ жизнь». На это Цезарь отвѣчалъ: «что онъ—Цезарь, и слово свое привыкъ держать». Такимъ образомъ, наканунѣ одиннадцатаго для мартовскихъ календъ, Цезарь овладѣлъ городомъ и провозглашенъ воинами императоромъ.

20. Помпей, узнавъ отъ перебѣжчиковъ о сдачѣ города, перенесъ свой лагерь ближе къ городу Укубису, окружилъ его укрѣпленіями и расположилъ въ нихъ свое войско. Цезарь съ своей стороны двинулся впередъ и расположился лагеремъ близь непріятельскаго. Вскорѣ послѣ того, какъ-то разъ рано утромъ, одинъ тяжеловооруженный воинъ изъ туземнаго легіона перебѣжалъ къ намъ и сообщилъ намъ извѣстіе, что Помпей собралъ жителей Укубиса и приказалъ имъ произвесть межъ себя строгой разборъ, кто изъ нихъ держится его стороны и кто желаетъ успѣха Цезарю. Спустя нѣсколько времени во взятомъ нами городѣ, въ одномъ подкопѣ, найденъ тотъ невольникъ, о которомъ мы выше упоминали, что онъ убилъ своего господина; онъ сожженъ на кострѣ живьемъ. Около того же времени восемь тяжеловооруженныхъ сотниковъ изъ туземнаго легіона перешли къ Цезарю; а наша конница имѣла стычку съ непріятельской, гдѣ мы потеряли нѣсколько человѣкъ изъ легкой пѣхоты ранеными. Въ ту же ночь пойманы непріятельскіе лазутчики: три изъ нихъ невольника, а четвертый—воинъ изъ туземнаго легіона. Рабы распяты на крестахъ, а воину отрублена голова.

21. На слѣдующій день изъ непріятельскаго лагеря перебѣжали къ намъ всадники и легковооруженные воины. Въ то время одиннадцать всадниковъ сдѣлали набѣгъ на нашихъ воиновъ, когда тѣ брали воду, нѣсколько человѣкъ убили, а другихъ живыхъ увели съ собою въ плѣнъ. Изъ всадниковъ при этомъ случаѣ взяты въ плѣнъ восемь человѣкъ. На слѣдующій день, по приказанію Помпея, отрублены головы семидесяти четыремъ человѣкамъ, которыхъ подозрѣвали въ тайномъ расположеніи къ сторонѣ Цезаря. Остальныхъ, на кого пало подозрѣніе, Помпей велѣлъ отвесть въ городъ; изъ нихъ сто двадцать человѣкъ бѣжали и ушли къ Цезарю.

22. Спустя нѣсколько времени жители Бурсаволы, захваченные нами въ плѣнъ въ Атегуѣ, отправлены были, вмѣстѣ съ нашими послами, въ Бурсаволу, чтобы увѣдомить своихъ соотечественниковъ о случившемся и внушить имъ, какую они могутъ имѣть надежду на Кн. Помпея, когда воины его рѣжутъ тѣхъ, которые ихъ же оказали гостепріимство и совершаютъ многія другія злодѣйства тамъ, куда они

впущены для защиты. Приблизившись къ городу, наши послы, въ числѣ коихъ были сенаторы и всадники римскіе, не рѣшились войдти въ городъ и отпустили туда однихъ туземцевъ. Тѣ, послѣ долгихъ переговоровъ, уже возвращались къ нашимъ, но, находившіеся въ городѣ, воины, изъ ненависти къ нимъ, нагнали ихъ и перерѣзали. Только двумъ изъ пословъ удалось уйдти къ Цезарю и дать ему знать о случившемся. Жители же Бурсаволы послали лазутчиковъ въ Атегуй; узнавъ отъ нихъ, что показанія пословъ были справедливы, они пришли въ волненіе, схватили виновника избіенія пословъ и хотѣли его побить каменьями, говоря, что онъ виновникъ гибели ихъ всѣхъ. Съ трудомъ избѣжавъ смерти, онъ просилъ жителей города дозволить ему—самому отправиться къ Цезарю и выдать себя головою, какъ главнаго виновника. Выпущенный на волю, онъ вышелъ изъ города и, собравъ шайку вооруженныхъ людей, ночью обманомъ прокрался въ городъ и произвелъ тамъ страшныя убійства. Лишивъ жизни старѣйшинъ города, въ коихъ онъ видѣлъ своихъ враговъ, онъ городъ подчинилъ своей власти. Немного спустя рабы перебѣжчики показали, что имущества гражданъ продаются съ публичнаго торга и никому не дозволяется уходить изъ города иначе, какъ совершенно раздѣтому. Вслѣдствіе этого, послѣ взятія Агетуя, жители Бурсаволы, отчаявшись въ побѣдѣ своей стороны, въ страхѣ многіе бѣжали въ Бетурію. Нашихъ перебѣжчиковъ непріятель помѣщалъ въ легкую пѣхоту, давая имъ на содержаніе не болѣе шестнадцати ассъ въ сутки.

23. Немного времени спустя Цезарь приблизилъ свой лагерь къ непріятельскому и началъ весть траншею къ рѣкѣ Сальсу. Когда наши воины заняты были производствомъ работъ, то на нихъ устремились въ большомъ числѣ съ возвышеннаго мѣста непріятельскіе воины, и пока наши успѣли противуставить сопротивленіе, они пустили въ нихъ множество стрѣлъ и переранили очень много народу. Энній говоритъ, что тутъ наши должны были уступить напору непріятеля. Видя, какъ наши—что́ было не въ ихъ обыкновеніи—отступаютъ передъ непріятелемъ, два сотника пятаго легіона перешли рѣку и своимъ мужествомъ остановили напоръ непріятеля. Они ободрили нашихъ и двинули ихъ впередъ; но тутъ одинъ изъ нихъ палъ, пораженный стрѣлами, которыми осыпали насъ непріятели съ возвышеннаго мѣста. Другой все таки поддерживалъ еще бой, начинавшій становиться неровнымъ, но тутъ какъ-то оступился и упалъ. Непріятельскіе воины устремились къ нему со всѣхъ сторонъ; но тутъ наши всадники, перешедъ на ту сторону, ударили въ середину враговъ, гнали и тѣснили ихъ до валу. Здѣсь впрочемъ занесшись далеко въ средину не-

пріятельскихъ силъ, конница наша окружена была со всѣхъ сторонъ легкою пѣхотою непріятельскою и его кавалерію. Только безпримѣрнымъ мужествомъ удалось конницѣ нашей спастись отъ плѣна; тѣснота мѣста, гдѣ происходилъ бой у непріятельскихъ укрѣпленій, была такова, что всадникъ съ трудомъ могъ защищаться. Въ этихъ обоихъ сраженіяхъ у насъ переранено много всадниковъ и въ томъ числѣ Клодій Аквицій. Не смотря на то, что бой былъ почти рукопашный, наши воины потеряли только двухъ сотниковъ, а покрыли себя славою.

24. На другой день войска обѣихъ сторонъ сосредоточились у Сорикаріи; наши начали вести траншеи. Помпей, видя, что его хотятъ отрѣзать отъ укрѣпленія Аспавіи, находящагося отъ Укубиса въ разстояніи пяти миль, понялъ необходимость дать сраженіе. Долго онъ не рѣшался дать его при, одинаковыхъ для себя и для насъ, условіяхъ мѣстности; но наконецъ, съ цѣлью овладѣть возвышенностью, болѣе благопріятною для него, чѣмъ та, которую онъ занималъ, по необходимости онъ долженъ былъ сойдти на неблагопріятную для него мѣстность. Такимъ образомъ оба войска сразились за эту возвышенность, и наше поразило непріятельское и сбило его съ равнины. Сраженіе это увѣнчалось полнымъ успѣхомъ. Непріятель былъ разбитъ на всѣхъ пунктахъ съ большимъ урономъ, и не мужество его, а гористая мѣстность, куда онъ удалился, спасла его отъ совершеннаго истребленія. Притомъ наступленіе вечера воспрепятствовало нашимъ, — что бы они непремѣнно сдѣлали, несмотря на то, что перевѣсъ численности былъ на сторонѣ непріятеля,—окружить его со всѣхъ сторонъ и отрѣзать ему отступленіе. Уронъ непріятеля простирался до трехъ сотъ двадцати четырехъ человѣкъ легкой пѣхоты, и ста тридцати восьми тяжелой пѣхоты (легіоновъ) убитыми. Кромѣ того многіе его воины побросали оружіе. Такъ мы отплатили непріятелю за гибель двухъ сотниковъ, случившуюся наканунѣ.

25. На слѣдующій день Помпей опять вывелъ войска свои на то же мѣсто, но тутъ остался вѣренъ своему обыкновенію—не сражаться съ нами на ровномъ мѣстѣ иначе, какъ одною конницею. Между тѣмъ какъ наши заняты были работами, конница безпрерывно производила нападенія. Воины нашихъ легіоновъ громкими кликами требовали сраженія, полагая, что они въ состояніи преслѣдовать непріятеля и въ его выгодной позиціи, а потому они вышли изъ низменной равнины, на которой прежде были расположены и остановились вблизи отъ непріятеля, хотя на равнинѣ же, но при, неблагопріятныхъ для себя, условіяхъ мѣстности. Несмотря на то, непріятель не рѣшался спустить-

ся съ возвышенности и принять сраженіе въ открытомъ полѣ; только одинъ воинъ Антистій Турпіонъ, надѣясь на свои силы и считая себя непобѣдимымъ, выступилъ впередъ. Тогда произошло единоборство, подобное тому, которое, какъ сказываютъ, случилось нѣкогда между Ахилломъ и Мемнономъ. На вызовъ Антистія выступилъ изъ нашихъ рядовъ К. Помпей Нигеръ, всадникъ римскій, родомъ изъ Италики. Храбрость Антистія была извѣстна, и потому, оставивъ работы, всѣ воины поспѣшили смотрѣть на единоборство. Обѣ арміи стояли въ боевомъ порядкѣ и съ такимъ вниманіемъ смотрѣли, за кѣмъ изъ двухъ сражающихся останется побѣда, какъ будто она должна была рѣшить участь всей войны. Каждая сторона ободряла своего воина, и самые опытные и свѣдущіе люди съ участіемъ слѣдили за ходомъ боя. Оба единоборца шли другъ къ другу на встрѣчу на равнинѣ и щиты ихъ блистали рѣзными украшеніями; но между ними бой не состоялся вслѣдствіе движенія съ одной стороны конницы, а съ другой стороны легкая пѣхота выступила впередъ для прикрытія укрѣпленій. Непріятель горячо преслѣдовалъ по пятамъ нашу конницу, отступавшую въ лагерь; она, обратившись назадъ, съ криками, дружно на него ударила, смяла, обратила въ бѣгство и гнала до самаго лагеря, куда онъ и удалился съ большою потерею.

26. Цезарь, въ награду за отличное мужество, далъ эскадрону Кассія денежную награду тринадцать тысячъ сестерцій, а начальнику его пять золотыхъ ожерельевъ. Легкой пѣхотѣ Цезарь роздалъ десять тысячъ сестерцій. Въ этотъ же день явились къ Цезарю непріятельскіе перебѣжчики—А. Бебій, К. Флавій и А. Требеллій, всадники римскіе изъ города Асты; ихъ вооруженіе было, можно сказать, залито серебромъ. Они принесли извѣстіе, что всѣ всадники римскіе, сколько ихъ есть въ лагерѣ у Помпея, сдѣлали быстро заговоръ перейдти къ Цезарю; но, по доносу одного раба, они схвачены и посажены подъ стражу, откуда удалось уйдти имъ только однимъ. Въ этотъ же день перехвачено письмо Кн. Помпея къ жителямъ Урсаоны: «нахожусь въ добромъ здоровьи и вамъ того же желаю. Хотя и теперь уже мы счастливо и съ успѣхомъ отражаемъ непріятеля, но лишь только мы найдемъ случай сойдтись съ нимъ на ровномъ мѣстѣ, то скорѣе, чѣмъ вы можете ожидать, окончимъ войну. Непріятель не рѣшается ввести въ дѣло свое войско, состоящее изъ новобранцевъ. Онъ войну ведетъ, можно сказать, нашими средствами; осаждая порознь наши города, найденными тамъ запасами поддерживаетъ свое войско. А потому я прійму мѣры и къ защитѣ нашихъ городовъ и къ тому, чтобы войну кончить какъ можно скорѣе, рѣшительнымъ ударомъ.

Я пошлю къ вамъ скоро вспомогательный отрядъ. Непріятель, лишенный средствъ, которыя онъ добывалъ въ нашихъ же городахъ, вынужденъ будетъ принять сраженіе».

27. Нѣсколько времени спустя, когда наши неосторожно были растянуты для производства работъ, конница непріятельская ударила на нашихъ, когда тѣ занимались рубкою дровъ въ масличной рощѣ. Къ нимъ перебѣжало нѣсколько человѣкъ рабовъ; они дали знать, что сраженіе, произшедшее у Сориціи въ 3-ій день Мартовскихъ Нонъ, распространило ужасъ въ непріятельскомъ войскѣ, и что защита отдѣльныхъ фортовъ непріятельскихъ ввѣрена Аттію Вару. Въ тотъ же день Помпей снялъ лагерь и расположился насупротивъ Гиспалиса въ масличной рощѣ. Когда Цезарь собирался за нимъ слѣдовать, то около 6-го часу увидали мѣсяцъ. Отступая отъ Укубиса, Помпей отдалъ приказаніе, остававшемуся въ немъ, гарнизону—сжечь городъ и потомъ удалиться въ большой лагерь. Послѣ того Цезарь приступилъ къ городу Вентиспонту и когда тотъ покорился, онъ двинулся въ Каррукѣ, и сталъ лагеремъ противъ Помпеева. Помпей городъ Карруку за то, что онъ затворилъ передъ его войсками ворота, сжегъ. Нашими пойманъ тотъ воинъ, который закололъ своего брата, и забитъ палками до смерти. Двинувшись отсюда, Цезарь на Мундійской равнинѣ сошелся съ Помпеемъ и сталъ лагеремъ напротивъ его лагеря.

28. На слѣдующій день Цезарь съ своими войсками хотѣлъ уже продолжать путь, когда лазутчики дали ему знать, что Помпей съ третьей стражи ночи стоитъ съ войскомъ въ боевомъ порядкѣ. По полученіи извѣстія объ этомъ, Цезарь велѣлъ поднять флагъ. Потому то онъ и вывелъ войска, что въ нихъ были люди, расположенные въ пользу жителей города Урсаоны, а имъ прежде Помпей писалъ: «Цезарь не рѣшается сойдти на ровное мѣсто, вслѣдствіе того, что большая часть его войска состоитъ изъ вновь набранныхъ солдатъ». Такого рода письма сильно обнадеживали горожанъ. Да и самъ раздѣляя эти надежды, онъ уже надѣялся исполнить все, тѣмъ болѣе, что позицію, гдѣ находился лагерь, онъ избралъ защищенную и самою природою, и укрѣпленіями города. Мѣстность здѣсь, какъ мы объяснили выше, была возвышенная, состоявшая изъ непрерывнаго ряда холмовъ, между которыми почти вовсе не было долинъ.

29. Необходимо упомянуть о томъ, что случилось въ это время. Между обоими лагерями находилась равнина, имѣвшая миль пять протяженія. Сообщенія Помпея были обезпечены крѣпостью города и гористою мѣстностью. Спереди возвышенность переходила круто въ

равнину; ее перерѣзывалъ ручей, переходъ черезъ который былъ весьма затруднителенъ, такъ какъ онъ бѣжалъ въ правую сторону по болотистому и топкому мѣсту. Сначала Цезарь, видя армію непріятельскую расположенную въ боевомъ порядкѣ, надѣялся, что она спустится въ равнину для сраженія и всѣ были того же мнѣнія. Притомъ на равнинѣ конницѣ было несравненно удобнѣе дѣйствовать. День былъ тихій и ясный, и казалось сами боги безсмертные дали ему всѣ условія, удивительно благопріятныя для сраженія. Въ нашемъ войскѣ чувство радости не исключало у нѣкоторыхъ чувства тревожнаго безпокойства, такъ какъ дѣло было поставлено въ такое положеніе, что никто не могъ предузнать, какую перемѣну произведетъ судьба въ одинъ наступающій часъ времени. Такимъ образомъ наши выступили на бой. Полагали, что и непріятели также поступятъ, но они, отошедъ милю отъ города, на большое разстояніе удалиться отъ его укрѣпленій не дерзали, рѣшившись принять сраженіе не иначе какъ, такъ сказать, подъ стѣнами города. А потому наши все шли впередъ. Благопріятныя условія мѣстности побуждали нашихъ противниковъ идти какъ бы на вѣрную побѣду; но онъ не измѣнялъ своему обычаю сражаться не иначе, какъ съ возвышенной позиціи и у стѣнъ города. Уже наши поспѣшно приблизились къ ручью, а непріятель и не думалъ оставлять своей неприступной мѣстности.

30. Непріятельскія войска, расположенныя въ боевомъ порядкѣ, состояли изъ тринадцати легіоновъ; по флангамъ они были прикрыты кавалеріею. Легкой пѣхоты у Помпея было тысячъ шесть и столько же вспомогательнаго войска. Наши силы состояли изъ восьмидесяти когортъ, и восьми тысячъ конницы. А потому когда наши, пройдя равнину, вступили въ неудобныя мѣста, то переходъ черезъ нихъ сопряженъ былъ съ большою опасностью, потому что непріятель угрожалъ съ возвышеннаго мѣста. Цезарь, опасаясь этого обстоятельства и того, какъ бы оно не обратилось ко вреду всего его войска, задержалъ свои войска. Солдаты съ негодованіемъ и досадою встрѣтили приказаніе Цезаря, горя усердіемъ немедленно вступить въ бой. Такое замедленіе съ другой стороны послужило къ ободренію непріятеля, вообразившаго, что робость овладѣла войскомъ Цезаря и что оно остановилось вслѣдствіе этого. Возгордясь этимъ, непріятель громко приглашалъ нашихъ къ бою при невыгодныхъ для нихъ условіяхъ, убѣжденный въ неприступности своей позиціи. Десятый легіонъ по обыкновенія былъ на правомъ крылѣ, на лѣвомъ третій и пятый, и тамъ же сосредоточены были вспомогательныя войска и

конница. Испустивъ военные клики съ обѣихъ сторонъ, войска вступили въ сраженіе.

31. Хотя наши превосходили мужествомъ непріятеля, но тотъ упорно защищался съ возвышеннаго мѣста. Съ обѣихъ сторонъ раздавались громкіе военные клики и пущено было множество стрѣлъ, такъ что была минута, когда наши усумнились было въ побѣдѣ. Натискъ съ обѣихъ сторонъ и военные клики, которыми обыкновенно стараются испугать другъ друга, были съ обѣихъ сторонъ одинаковы. Такимъ образомъ сраженіе продолжалось долго съ равнымъ упорствомъ, но со стороны непріятеля много людей пало отъ нашихъ дротиковъ. Мы уже говорили, что на правомъ нашемъ крылѣ стоялъ десятый легіонъ; несмотря на свою малочисленность, онъ внушалъ непріятелю своею извѣстною храбростью такой страхъ, что Помпей, видя стѣсненное положеніе своихъ на правомъ флангѣ и опасаясь, какъ бы онъ не былъ обойденъ, отправилъ одинъ легіонъ съ лѣваго фланга на правый. Лишь только тотъ двинулся, наша конница начала тѣснить лѣвый флангъ непріятеля. Онъ дѣлалъ мужественный отпоръ и войска въ бою стѣснились такъ, что даже помощи подать имъ было невозможно. Военные клики смѣшивались съ стонами умирающихъ и раненныхъ, страшный звукъ мечей—все это должно было вселять робость въ воинахъ, еще неопытныхъ. «Тутъ, по словамъ Эннія,— нога тѣснила ногу, и оружіе встрѣчалось съ оружіемъ». Наконецъ, несмотря на упорное сопротивленіе, наши стали тѣснить сильно непріятеля, который отступилъ къ городу. Такимъ образомъ непріятель потерпѣлъ пораженіе въ самый день, посвященный Вакху, и былъ бы совершенно истребленъ, еслибы не нашелъ убѣжища на той самой позиціи, съ которой выступилъ для сраженія. Въ этомъ сраженіи пало около 30.000 человѣкъ у непріятеля, если не больше; въ числѣ убитыхъ были Лабіенъ и Аттій Варъ. Ихъ тѣла похоронены съ надлежащими почестями. Тутъ же пало всадниковъ римскихъ, частью происходившихъ изъ города Рима, частью изъ провинцій, до трехъ тысячъ. Мы потеряли около тысячи человѣкъ частью пѣхоты, частью конницы убитыми, и до пятисотъ человѣкъ ранеными. У непріятеля отняли мы тринадцать орловъ, множество значковъ и ликторскіе пуки; да семьнадцать военачальниковъ взято въ плѣнъ. Таковъ-то былъ результатъ этого боя.

32. Вслѣдствіе того, что непріятель нашелъ себѣ убѣжище въ городѣ Мундѣ, наше войско приступило къ его обложенію. Трупы непріятельскіе, оружіе, щиты и дротики, найденные на полѣ сраженія— вотъ изъ какихъ матеріаловъ состоялъ валъ. Сверху были постав-

лены отрубленныя головы непріятелей, съ одной стороны какъ свидѣтельство побѣды, а съ другой для внушенія страха осаждающимъ. Такимъ образомъ мы со всѣхъ сторонъ окружили непріятеля валомъ. Потомъ, по примѣру Галловъ, окруживъ городъ стѣною изъ непріятельскихъ тѣлъ, изъ-за нея осыпали мы непріятеля градомъ стрѣлъ и дротиковъ. Изъ этого сраженія молодой Валерій бѣжалъ съ немногими всадниками въ Кордубу и далъ знать Сексту Помпею, находившемуся тамъ, о результатѣ сраженія. Помпей, узнавъ объ этомъ, немедленно всѣ деньги, сколько ихъ у него было, раздалъ находившимся при немъ всадникамъ и сказалъ жителямъ города, что онъ отправляется къ Цезарю для переговоровъ о мирѣ. Во вторую стражу ночи вышелъ онъ изъ города. А Кней Помпей, въ сопровожденіи немногихъ пѣшихъ и конныхъ воиновъ, отправился въ городъ Картеію, гдѣ находились ихъ морскія силы; этотъ городъ отъ Кордубы находится въ разстояніи ста семидесяти миль. За восемь миль не доходя города, П. Кальвицій, которому Помпей прежде ввѣрялъ начальство надъ лагеремъ, отъ его имени написалъ письмо въ городъ слѣдующаго содержанія: «такъ какъ онъ не совсѣмъ хорошо себя чувствуетъ, то пусть ему пришлютъ носилки для того, чтобы отнести его въ городъ». Вслѣдствіе этого письма Помпея отнесли въ Картеію. Узнавъ объ этомъ, приверженцы Помпея поняли его намѣреніе войти въ городъ тайно и собрались въ домъ, куда онъ былъ отнесенъ, что узнать его намѣренія относительно военныхъ дѣйствій. Когда они собрались въ большомъ числѣ, то Помпей съ носилокъ искалъ убѣжища подъ защиту ихъ вѣрности.

33. Цезарь послѣ сраженія, обложивъ со всѣхъ сторонъ Мунду, отправился въ Кордубу. Ушедшіе съ поля сраженія непріятельскіе воины заняли мостъ. Когда наши войска подошли къ мосту, то непріятель издѣвался надъ ними, говоря: «что насъ мало осталось послѣ сраженія и что гдѣ мы найдемъ убѣжище»? Они упорно обороняли мостъ. Цезарь переправился черезъ рѣку и сталъ лагеремъ. Скапула, главный виновникъ возстанія вольноотпущенниковъ и рабовъ, съ поля сраженія прибылъ въ Кордубу и созвалъ и тѣхъ и другихъ. Тутъ приказалъ онъ сдѣлать для себя костеръ, облекся въ самыя роскошныя одежды, приказалъ подать себѣ самый изысканный ужинъ; всѣ свои деньги и все цѣнное имущество онъ роздалъ своимъ приближеннымъ. Онъ спокойно поужиналъ, причемъ возливали на него разныя благовонныя масла. Потомъ, по его приказанію, одинъ рабъ его закололъ его, а вольноотпущенникъ, раздѣлявшій съ нимъ ложе, поджегъ его костеръ.

*

34. Жители Кордубы, когда Цезарь расположился лагеремъ подлѣ ихъ стѣнъ, до того стали между собою спорить, что крики приверженцевъ Цезаря и Помпея достигали нашего лагеря. Тутъ находились легіоны, составленные изъ перебѣжчиковъ; да и рабы жителей города, отпущенные на волю Секс. Помпеемъ, теперь радѣли уже Цезарю. Тринадцатый легіонъ началъ оборонять городъ, и несмотря на сопротивленіе, которое онъ встрѣтилъ въ противной партіи, онъ овладѣлъ частью башенъ и стѣны. Партія Цезаря отправила пословъ къ нему, прося его прислать ей на помощь легіоны. Бѣглецы, замѣтивъ это, старались поджечь городъ. Въ происшедшемъ бою они истреблены нашими, и тутъ погибло двадцать двѣ тысячи непріятелей, не считая тѣхъ, которые пали внѣ стѣнъ города. Кордуба такимъ образомъ досталась во власть Цезаря. Пока онъ здѣсь былъ задерживаемъ, непріятельскія войска, бывшія у насъ въ облежаніи, сдѣлали вылазку, но съ большою потерею прогнаны назадъ въ городъ.

35. Когда Цезарь сталъ приближаться къ Гиспалису, изъ этого города вышли послы, моля его о пощадѣ. Цезарь обѣщалъ безопасность городу, и велѣлъ войдти къ нему легату Канинію съ гарнизономъ, а самъ остановился лагеремъ подъ городомъ. Въ немъ находился сильный отрядъ войска Помпеева; онъ съ негодованіемъ видѣлъ въ городѣ гарнизонъ Цезаря; особенно дѣйствовалъ противъ этого нѣкто Филонъ, самый горячій защитникъ интерессовъ Помпея, имѣвшій большія связи по всей Лузитаніи. Тайно отъ Цезарева гарнизона, Филонъ отправился въ Лузитанію и у Ленія нашелъ Цецилія Нигра, родомъ туземца, имѣвшаго подъ своимъ начальствомъ значительный отрядъ Лузитанцевъ. Съ нимъ онъ двинулся снова къ Гиспалису и принятъ въ городъ ночью черезъ стѣну. Тогда гарнизонъ Цезаревъ и его караулы истреблены остріемъ меча, ворота города затворены и военныя дѣйствія открылись снова.

36. Пока происходили эти событія, послы жителей города Картеіи даютъ знать Цезарю, что Помпей въ ихъ власти. Они надѣялись этою услугою загладить въ памяти Цезаря то, что они передъ нимъ заперли ворота. Въ Гиспалисѣ Лузитанцы продолжали упорно сопротивляться; Цезарь понялъ, что если онъ будетъ пытаться взять городъ открытою силою, то защитники его, готовые на все, разрушатъ городъ и оставятъ ему однѣ развалины, а потому, ночью собравъ совѣтъ, онъ допускаетъ Лузитанцевъ сдѣлать вылазку, а тѣ и не догадались, что допущены къ тому съ умысломъ. Когда же осажденные, сдѣлавъ вылазку, зажгли наши суда, находившіяся на рѣкѣ Бетисѣ и полагая, что наше войско занято погашеніемъ пожара, стали отсту-

пать къ городу, то наша конница окружила ихъ и истребила. Такимъ образомъ городъ Гиспалисъ снова достался въ руки Цезаря; онъ оттуда двинулся къ городу Астѣ, изъ котораго явились къ нему послы съ изъявленіемъ покорности. Многіе изъ жителей Мунды, ушедшіе съ поля сраженія въ городъ, послѣ долговременной осады, явились къ намъ съ изъявленіемъ покорности. Ихъ распредѣлили въ одномъ легіонѣ, но они составили заговоръ: ночью, въ одно и то же время, по данному сигналу, они должны были произвесть убійства въ нашемъ лагерѣ, а осажденные учинить вылазку. Впрочемъ объ этомъ умыслѣ узнали, и заговорщики, находившіеся у насъ въ лагерѣ, въ слѣдующую же ночь, въ третью стражу, по данному знаку, отведены за валъ и тамъ избиты.

37. Между тѣмъ какъ Цезарь по пути покорялъ остальные города, между начальниками города Картеи возникли раздоры изъ-за Помпея. Одни отправили пословъ къ Цезарю, а другіе стали въ защиту Помпея. Началось возмущеніе; заняты были ворота. Произошло большое побоище. Раненый Помпей успѣлъ захватить 20 галеръ и бѣжать съ ними. Дидій, начальствовавшій въ Гадесѣ надъ флотомъ, получивъ извѣстіе о бѣгствѣ Помпея, немедленно погнался за нимъ, приказавъ слѣдовать за собою поспѣшно берегомъ пѣшему и конному отряду. На четвертый день Дидій наконецъ настигъ непріятеля: вынужденный отплыть изъ Картеи, не запасшись водою, онъ долженъ былъ за нею пристать къ берегу. Пока онъ наливался водою, Дидій его настигъ, съ флотомъ, нѣкоторыя суда сжегъ, а другія захватилъ въ плѣнъ. Помпею удалось съ немногими приближенными бѣжать, и найдти убѣжище въ укрѣпленномъ природою мѣстѣ.

38. Всадники и когорты, отправленные для преслѣдованія, узнали отъ передовыхъ разъѣздовъ объ открытіи непріятеля и спѣшили день и ночь. Помпей былъ сильно раненъ въ плечо и въ бедро лѣвой ноги, кромѣ того онъ себѣ вывихнулъ ногу, и потому не могъ свободно ходить. Вслѣдствіе этого его несли на тѣхъ же самыхъ носилкахъ, на которыхъ унесли изъ города. Войско Цезаря не замедлило узнать мѣсто, гдѣ скрывался Помпей, примѣтивъ Лузитанъ въ ихъ военныхъ одеждахъ, и окружило его со всѣхъ сторонъ. Несмотря на то, что, по возвышенной мѣстности, занятой Помпеемъ, и многочисленности бывшаго при немъ отряда, нападеніе на него сопряжено было съ большими трудностями, но наши не замедлили его аттаковать. Непріятель осыпалъ ихъ стрѣлами и, преслѣдуя отступавшихъ, дѣлалъ ихъ аттаку безуспѣшною. Наши не замедлили замѣтить, что такого рода нападенія на непріятеля и безполезны, и

сопряжены съ большею потерею, а потому они рѣшились обложить непріятеля со всѣхъ сторонъ. Немедленно приступивъ къ работамъ съ этою цѣлью, они скоро достигли того, что могли сражаться съ непріятелемъ грудь съ грудью, устранивъ невыгоду мѣстности. Не находя въ ней болѣе никакой себѣ защиты, непріятель искалъ спасенія въ бѣгствѣ.

39. Помпей, какъ мы выше сказали, раненный и съ вывихнутою ногою, не могъ бѣжать скоро; притомъ затруднительная мѣстность не позволяла ему прибѣгнуть къ употребленію коня или повозки. Непріятель, оставивъ свои укрѣпленія и не имѣя ни откуда помощи, былъ повсюду преслѣдуемъ и избиваемъ нашими. Помпей нашелъ было убѣжище въ разсѣлинѣ скалы, имѣвшей подобіе пещеры и не скоро былъ бы тамъ найденъ, еслибы плѣнные не указали этого мѣста. Такимъ образомъ Помпей былъ найденъ и убитъ. Цезарь находился въ Гадесѣ, когда, наканунѣ Апрѣльскихъ Идъ, голова Помпея была принесена въ Гиспалисъ, и тамъ выставлена на показъ народу.

40. Дидій, захвативъ и предавъ смерти Помпея младшаго, былъ очень радъ. Онъ удалился въ сосѣдній укрѣпленный городокъ, а нѣкоторыя суда свои приказалъ чинить. Лузитанцы, уцѣлѣвшіе отъ сраженія, собрались снова и, получивъ большое подкрѣпленіе, обратились опять къ Дидію. Ему нужно было принимать мѣры къ защитѣ судовъ, и потому онъ неоднократно дѣлалъ вылазки. Осаждающіе рѣшились воспользоваться ежедневными вылазками Дидія и, раздѣливъ войска свои на три части, устроили ему засаду. Часть ихъ должна была зажечь наши суда, а остальные—ударить на нашихъ въ то время, когда они будутъ спѣшить на помощь своимъ. Эти отряды непріятеля были расположены такъ, что ихъ нельзя было примѣтить ранѣе той минуты, когда они дружно должны были ударить на нашихъ. Такимъ образомъ, когда Дидій сдѣлалъ вылазку и, преслѣдуя непріятеля, отошелъ отъ города, тотъ по данному сигналу зажегъ наши суда; въ то же время толпы непріятелей явились съ военными кликами въ тылу нашихъ, гнавшихъ передъ собою другихъ. Тутъ Дидій, храбро сражаясь, погибъ съ большою частью своего отряда. Нѣкоторымъ изъ его воиновъ удалось захватить лодки, бывшія на берегу, а другіе вплавь достигли нашихъ судовъ, стоявшихъ на якоряхъ, и отплыли на нихъ въ открытое море. Лузитанцы захватили тутъ большую добычу. Цезарь опять изъ Гадеса поспѣшилъ въ Гиспалисъ.

41. Фабій Максимъ, оставленный Цезаремъ подъ стѣнами Мунды для ея осады, вслѣдствіе постоянныхъ работъ, обнесъ ее со всѣхъ сторонъ укрѣпленіями, отрѣзавъ непріятелю совершенно выходъ. Въ непрі-

ятельскомъ гарнизонѣ возникъ раздоръ, кончившійся открытымъ боемъ, въ которомъ много погибло. Прочіе сдѣлали вылазку; наши тутъ не щадили усилій овладѣть городомъ и захватили въ плѣнъ четырнадцать тысячь человѣкъ непріятелей. Оттуда Фабій Максимъ съ войскомъ двинулся къ Урсаону. Городъ этотъ былъ обнесенъ сильными укрѣпленіями, но еще болѣе въ условіяхъ мѣстности находилъ защиту отъ нападенія непріятеля. Притомъ вокругъ города, достаточно снабженнаго водою, на восемь миль во всѣ стороны не было воды,—обстоятельство весьма благопріятное для осажденныхъ. Лѣснаго матеріалу для осадныхъ работъ на устройство террассы и башенъ нельзя было найдти ближе, какъ въ шести миляхъ разстоянія. Помпей, чтобы еще болѣе обезопасить городъ, приказалъ срубить всѣ деревья, какія находились въ окрестностяхъ города и свезть ихъ въ городъ. Такимъ образомъ наши вынуждены были — возить матеріалы, нужные для осадныхъ работъ, изъ города Мунды, которымъ они незадолго передъ тѣмъ овладѣли.

42. Между тѣмъ, какъ эти событія происходили подъ стѣнами Мунды и Урсаона, Цезарь, прибывъ въ Гиспалисъ изъ Гадеса, на слѣдующій день созвалъ народное собраніе и въ немъ сказалъ слѣдующее: «Съ самого своего вступленія въ должность квестора, онъ преимущественно передъ интерессами другихъ провинцій, поставилъ себѣ цѣлью заботиться объ интерессахъ Испаніи, оказывая этой странѣ всѣ тѣ услуги, какія были въ его силахъ. Получивъ преторство, а съ нимъ болѣе вѣса и власти, онъ просилъ сенатъ сложить подати, наложенныя Метелломъ на эту провинцію, и успѣлъ въ томъ. Далѣе онъ взялся ходатайствовать по всѣмъ дѣламъ, по которымъ Испанія присылала пословъ, какъ частнымъ, такъ и общественнымъ, чѣмъ навлекъ на себя немало непріятностей. Во время своего консульства, несмотря на то, что онъ находился большею частью въ отлучкѣ, онъ заботился постоянно объ интересахъ Испаніи. Но они забыли всѣ благодѣянія и его, и народа римскаго, и заплатили за нихъ самою черною неблагодарностью, что доказываетъ и нынѣшняя война, и прошлыя событія. «Вы, вѣдая народное право и обычаи народа римскаго, неоднократно посягали на жизнь сановниковъ его, личность коихъ долженствовала быть для васъ священною, что извинительно было бы только однимъ дикимъ племенамъ. Среди бѣлаго дня злодѣйски, на общественной площади, хотѣли вы убить Кассія. Миръ для васъ такъ ненавистенъ, что легіоны народа римскаго никогда не выходятъ изъ этой провинціи. Услуги, вамъ сдѣланныя, вы принимаете за непріязненныя дѣйствія, а послѣднія считаете за благодѣянія въ отношеніи къ вамъ.

У васъ недостаетъ ни единодушія въ мирное время, ни энергіи и храбрости на войнѣ. Бѣглецомъ и частнымъ человѣкомъ явился къ вамъ Помпей, присвоивъ себѣ власть консульства и ея признаки. Онъ предалъ смерти многихъ гражданъ, и собралъ сильное войско противъ народа римскаго. Вы—главные виновники, что онъ огнемъ и мечомъ опустошилъ провинцію. Можете ли вы разсчитывать быть когда-нибудь побѣдителями? Еслибы вамъ даже удалось стереть меня съ лица земли, то развѣ не останется у народа римскаго еще десяти легіоновъ такихъ, что они въ состояніи не только истребить васъ, но и потрясти всю вселенную? Ихъ славою и доблестью . . . .

Москва
1857.
Генваря 19.

КОНЕЦЪ.

ПРИЛОЖЕНІЕ I.

ЖИЗНЕОПИСАНІЕ
ЮЛІЯ ЦЕЗАРЯ

(сочиненное светоніемъ).

1.... На шестнадцатомъ году отъ роду Юлій Цезарь лишился отца. Во время правленія слѣдующихъ консуловъ, будучи назначенъ Діальскимъ фламиномъ, Цезарь, оставивъ Коссуцію, ему обрученную, когда онъ былъ еще отрокомъ (Коссуція была изъ всаднической фамиліи и очень богата), женился на Корнеліи, дочери Цинны, бывшаго четыре раза консуломъ; она ему вскорѣ затѣмъ родила дочь Юлію. Никакія ни просьбы, ни угрозы Суллы, бывшаго въ то время диктаторомъ, не могли склонить Цезаря развестись съ женою; вслѣдствіе этого, онъ былъ лишенъ занимаемой имъ должности фламина, женнинаго приданаго и дошедшаго къ нему, вслѣдствіе разныхъ завѣщаній, имущества, и долженъ былъ скрываться. Страдая въ это время лихорадкою, Цезарь почти ежедневно долженъ былъ перемѣнять мѣста, служившія ему убѣжищемъ, и отъ сыщиковъ откупаться деньгами. Наконецъ Цезарь получилъ прощеніе Суллы черезъ посредничество дѣвъ Вестальскихъ и ходатайство своихъ родныхъ и приближенныхъ Мамерка Эмилія и Аврелія Котты. Почти неподвержено сомнѣнію, что Сулла, когда его просили столь почтенные и ему близкіе люди, долго не соглашался; наконецъ, какъ бы уступая ихъ усиленнымъ просьбамъ, вскричалъ, или отгадывая характеръ Цезаря, или можетъ быть по вдохновенію свыше: «пусть будетъ по вашему, но только

знайте, что тотъ, кого вы такъ горячо отстаиваете, нѣкогда окончательно погубитъ аристократическую партію, которую вы вмѣстѣ со мною защищали. Цезарь одинъ стоитъ нѣсколькихъ Маріевъ».

2. Цезарь военную свою службу началъ въ Азіи, подъ начальствомъ претора Терма. Отправленный преторомъ въ Виѳинію за флотомъ, Цезарь нѣсколько времени прожилъ у царя Никомеда, и тутъ-то распространился слухъ, что онъ ему пожертвовалъ своимъ цѣломудріемъ. Слухъ этотъ усилился, когда Цезарь, черезъ нѣсколько дней по возвращеніи, опять отправился въ Виѳинію, будто бы взыскивать деньги, должныя какому-то отпущеннику, его кліенту. Остальное время службы своей здѣсь, Цезарь провелъ съ большею честью; при покореніи Митиленъ онъ получилъ отъ претора Терма вѣнокъ за храбрость.

3. Потомъ Цезарь служилъ въ Киликіи подъ начальствомъ Сервилія Исаврика, но непродолжительное время. Узнавъ о смерти Суллы, Цезарь поспѣшно возвратился въ Римъ, надѣясь воспользоваться смутами, возбужденными М. Лепидомъ. Впрочемъ Цезарь не хотѣлъ пристать къ Лепиду, не смотря на весьма выгодныя, предлагаемыя имъ условія союза, или недовѣряя способностямъ Лепида, или видя настроеніе умовъ, не совсѣмъ соотвѣтствовавшее его ожиданіямъ.

4. По окончаніи внутреннихъ смутъ, Цезарь потребовалъ на судъ за взятки Корнелія Долабеллу, бывшаго консула и удостоеннаго почестей тріумфа. Когда Долабеллу оправдали, Цезарь рѣшился удалиться въ Родосъ, желая избѣжать возбужденнаго имъ неудовольствія и съ цѣлью, въ это спокойное и свободное время, слушать уроки краснорѣчія у Аполлона Молонскаго, знаменитаго въ то время учителя краснорѣчія. Совершая переѣздъ туда уже въ зимнее время, Цезарь у острова Фармакузы попался въ плѣнъ морскимъ разбойникамъ. Онъ провелъ у нихъ около сорока дней съ докторомъ и двумя прислужниками; разбойники обращались съ нимъ съ большимъ уваженіемъ; прочихъ же людей, его сопровождавшихъ, Цезарь немедленно отправилъ за деньгами для выкупа. Онъ внесъ за себя пятьдесятъ талантовъ и былъ высаженъ на берегъ. Немедленно взявъ съ собою суда, онъ преслѣдовалъ разбойниковъ, настигъ ихъ и казнилъ, исполнивъ надъ ними то, о чемъ онъ говорилъ имъ въ шутку. Видя, что Мидридатъ опустошаетъ близь лежащія страны, не желая показать, что онъ равнодушно смотритъ на опасность союзниковъ, изъ Родоса перешелъ въ Азію. Собравъ вспомогательныя войска, онъ прогналъ префекта царскаго, и такимъ образомъ удержалъ въ повиновеніи города и племена, готовившіяся отпасть.

5. Сдѣлавшись военнымъ трибуномъ—это первая должность въ Ри-

мѣ голосами народа данная, по его возвращеніи Цезарь всѣми силами поддерживалъ тѣхъ, которые хлопотали о возстановленіи власти трибуновъ, которую Сулла очень уменьшилъ. Онъ также содѣйствовалъ возвращенію въ Римъ Л. Цинны, брата жены и другихъ, во время внутреннихъ смутъ державшихся стороны Лепида и по умерщвленіи его ушедшихъ къ Серторію, что и исполнено по предложенію Плотія; по этому случаю Цезарь даже говорилъ самъ рѣчь въ народномъ собраніи.

6. Находясь въ должности квестора, онъ сказалъ по обычаю передъ рострами похвальное слово Юліи, теткѣ по отцу, и своей женѣ Корнеліи. Въ говоренномъ въ честь Юліи онъ въ такихъ выраженіяхъ упомянулъ о родѣ ея и своего отца: «родственницы моей Юліи— родъ по матери царскаго происхожденія, а по отцу связанъ съ богами безсмертными. Отъ царя Анка Марція ведутъ свое происхожденіе Марціи, отъ которыхъ была ея мать; а Юліи, къ которымъ принадлежитъ и наше семейство, происходятъ отъ Венеры. Такимъ образомъ съ этимъ происхожденіемъ связана и святость сана царскаго, столь много значащая у людей, и уваженіе къ богамъ, во власти коихъ находятся сами цари». Вмѣсто Корнеліи онъ женился на Помпеѣ, дочери К. Помпея, племянницѣ Л. Суллы. Онъ съ нею въ послѣдствіи развелся, подозрѣвая въ преступной связи съ Клодіемъ; а слухъ о томъ до того былъ гласенъ, что Клодій въ женскомъ платьѣ прокрался къ ней во время совершенія священныхъ обрядовъ, и сенатъ опредѣлилъ произвесть слѣдствіе объ оскверненіи святыни.

7. Когда Цезарь былъ квесторомъ, то ему въ управленіе досталась Дальняя Испанія. Тутъ, по порученію претора, онъ объѣзжалъ города, оказывая судъ и расправу. Когда онъ пріѣхалъ въ Гадесъ, то, увидя у Геркулесова храма изображеніе Великаго Александра, залился слезами, оплакивая свое бездѣйствіе, что онъ еще ничего замѣчательнаго не совершилъ въ тѣ лѣта, когда Александръ уже покорилъ земной шаръ. Постоянно просилъ онъ отпуска для того, чтобы искать въ отечествѣ случая къ возвышенію. Его смутилъ странный, видѣнный имъ сонъ, что онъ былъ въ преступной связи съ матерью. Гадатели возбудили въ немъ великія надежды, предсказавъ ему обладаніе земнымъ шаромъ. Они толковали, что мать, находившаяся въ его объятіяхъ, есть земля, общая родительница всѣхъ живущихъ.

8. Такимъ образомъ, оставивъ до истеченія срока Испанію, Цезарь отправился къ латинскимъ колоніямъ, искавшимъ въ это время право гражданства. Онъ заставилъ бы ихъ рѣшиться на что-либо важное, еслибы консулы не задержали именно вслѣдствіе этого на

нѣсколько времени легіоны, набранные для отправленія въ Киликію. Несмотря на неудачу, Цезарь не переставалъ вслѣдъ за тѣмъ искать большаго переворота въ государствѣ.

9. За нѣсколько дней передъ тѣмъ, какъ ему вступить въ отправленіе эдильской должности, Цезарь впалъ въ подозрѣніе, что онъ, вмѣстѣ съ М. Крассомъ, бывшимъ консуломъ, П. Суллою и Л. Автроніемъ, избранными консулами, осужденными за подкупъ на выборахъ, составилъ заговоръ—въ началѣ года сдѣлать нападеніе на сенатъ, избить тѣхъ изъ сенаторовъ, кого имъ заблагоразсудится, и диктаторомъ провозгласить Красса. Цезарь долженъ былъ быть у него начальникомъ конницы. Всѣ общественныя дѣла должны были устроиться по ихъ произволу, а консулами остаться Сулла и Автроній. Объ этомъ заговорѣ упоминаютъ Танузій Геминъ въ своей исторіи, М. Бибулъ въ Едиктахъ, К. Куріонъ отецъ въ рѣчахъ. На это намекаетъ и Цицеронъ, говоря въ одномъ письмѣ къ Аксію: «Цезарь, въ бытность свою консуломъ, упрочилъ за собою царскую власть, о которой помышлялъ еще, будучи эдилемъ». Танузій присовокупляетъ, что Крассъ или отъ страха, или вслѣдствіе раскаянія, не явился въ назначенный для убійства день, и вслѣдствіе этого Цезарь не подалъ условленнаго знака: онъ долженъ былъ сбросить съ плеча тогу. Тотъ же Куріонъ, и съ нимъ М. Акторій Назонъ, утверждаютъ, что Цезарь былъ въ заговорѣ и съ молодымъ Кн. Пизономъ, которому, опасаясь отъ него волненія и смутъ въ городѣ, сенатъ предложилъ самъ не въ очередь управленіе Испаніею. Между Цезаремъ и Пизономъ условлено было: первому въ Римѣ, а второму въ провинціяхъ стараться объ осуществленіи ихъ замысловъ съ помощью Амбронов и Транспадановъ. Этотъ планъ обоихъ разстроился вслѣдствіе смерти Пизона.

10. Будучи эдилемъ, кромѣ мѣста комицій, форума и базиликъ, Цезарь украсилъ Капитолій. Онъ построилъ портики, въ которыхъ были поставлены предметы, уже не вмѣщавшіеся въ храмы. Травли звѣрей и игры онъ, и отдѣльно самъ по себѣ давалъ, и вмѣстѣ съ товарищемъ. Такимъ образомъ онъ одинъ заслужилъ благодарность за издержки, произведенныя вдвоемъ. Потому-то, товарищъ его, М. Бибулъ говорилъ: «случилось съ нимъ то же, что съ Поллуксомъ. Какъ храмъ обоихъ братьевъ близнецовъ, воздвигнутый на форумѣ, именуется одного Поллукса, такъ щедрость его и Цезарева приписывается одному Цезарю». Кромѣ того Цезарь сталъ содержать за свой счетъ гладіаторовъ, впрочемъ для какой цѣли—та ему не удалась. Такъ какъ онъ, собравъ многочисленную толпу гладіаторовъ, внушилъ этимъ

опасеніе своимъ противникамъ; то закономъ было постановлено число гладіаторовъ, болѣе котораго никто не могъ держать въ Римѣ.

11. Снискавъ благорасположеніе народа, Цезарь, чрезъ посредство трибуновъ народныхъ, хлопоталъ о томъ, чтобы ему въ управленіе народъ назначилъ Египетъ. Тамъ жители Александріи царя своего, который получилъ отъ сената названіе друга и союзника, изгнали, къ большому неудовольствію Римлянъ. Это желаніе Цезаря осталось безъ исполненія, вслѣдствіе сопротивленія аристократической партіи. Мстя ей и желая, какими бы то ни было средствами, ослабить ея вліяніе, Цезарь возстановилъ трофей, поставленный Марію въ честь его побѣдъ надъ Югуртою, Кимврами и Тевтонами, ниспровергнутый-было Суллою. Когда производилось слѣдствіе объ убійцахъ, то къ числу ихъ Цезарь присоединилъ и тѣхъ, которые, во время проскрипцій Суллы, получали плату изъ общественной казны за принесенныя ими головы гражданъ, хотя, по законамъ Корнеліевымъ, эти люди были изъяты отъ судебнаго преслѣдованія.

12. Цезарь подкупилъ деньгами одного, который потребовалъ къ суду, обвиняя въ государственной измѣнѣ, К. Рабирія, того самаго, при помощи главнымъ образомъ котораго нѣсколько лѣтъ тому назадъ сенатъ съ успѣхомъ подавилъ волненія, начатыя-было трибуномъ Л. Сатурниномъ. Случилось, что судья, избранный по жеребью, сдѣлалъ такой строгій приговоръ, что, при аппеляціи къ народу, ничто не принесло подсудимому такой пользы, какъ эта чрезмѣрная строгость судьи.

13. Видя неудачу расчетовъ на провинцію, Цезарь сталъ искать великаго первосвященства, и это стоило ему страшныхъ издержекъ. Тогда-то Цезарь, имѣя въ виду огромныя суммы долгу, имъ нажитыя, отправляясь утромъ на выборы, сказалъ, говорятъ, своей матери: «что онъ домой иначе не возвратится, какъ первосвященникомъ». Такимъ образомъ онъ восторжествовалъ надъ двумя сильными соперниками, превосходившими его и лѣтами и службою, и торжество его было до того полное, что онъ въ тѣхъ трибахъ, къ которымъ они принадлежали, получилъ больше голосовъ, чѣмъ они во всѣхъ трибахъ, вмѣстѣ взятыхъ.

14. Цезарь былъ въ должности претора въ то время, когда открытъ былъ заговоръ Катилины и когда весь сенатъ постановлялъ соучастниковъ злодѣйства смертную казнь, Цезарь одинъ подалъ мнѣніе, чтобы ихъ распредѣлить по муниципіямъ и держать подъ стражею, описавъ ихъ имущества въ казну. Притомъ онъ внушилъ такой страхъ тѣмъ изъ сенаторовъ, которые были строга-

го мнѣнія, показавъ имъ, какое будетъ впослѣдствіи негодованіе противъ нихъ народа Римскаго, что самъ Децимъ Силанъ, только что выбранный консуломъ, не устыдился если не взять свое мнѣніе назадъ, что было невозможно, то смягчить, показавъ, что оно принято въ болѣе строгомъ смыслѣ, чѣмъ онъ хотѣлъ. Мнѣніе Цезаря восторжествовало бы непремѣнно; уже многіе сенаторы приняли-было его, и въ томъ числѣ Цицеронъ, братъ консула; съ трудомъ рѣчь М. Катона разъувѣрила сенатъ. Не смотря на то, Цезарь продолжалъ настаивать на своемъ мнѣніи до того, что всадники римскіе, изъ вооруженнаго отряда, стоявшаго для обереженія сената, грозили Цезарю за его упорство смертью, и даже устремились къ нему съ обнаженными мечами такъ, что сидѣвшіе подлѣ Цезаря бѣжали; только немногіе прикрыли Цезаря руками и тогами. Тогда Цезарь, устрашенный, не только ушелъ, но и остальное время года не показывался уже въ сенатѣ.

15. Въ первый день своего преторства Цезарь позвалъ на судъ народа К. Катулла за возобновленіе Капитолія и предложилъ, чтобы это дѣло было поручено другому. Впрочемъ онъ не могъ восторжествовать надъ силою аристократической партіи; она, оставивъ заботу о выборѣ новыхъ консуловъ, такъ горячо и упорно воспротивилась предложенію Цезаря, что онъ взялъ его назадъ.

16. Тѣмъ не менѣе Цезарь сильно поддерживалъ трибуна народнаго Цецилія Метелла, который предлагалъ самые возмутительные законы противъ права вмѣшательства трибуновъ народныхъ. Сенатъ постановленіемъ своимъ опредѣлилъ—устранить отъ управленія общественными дѣлами и Метелла и Цезаря. Не смотря на запрещеніе сената, Цезарь не хотѣлъ отказаться отъ должности, и давалъ судъ и расправу. Узнавъ, что противъ него хотятъ дѣйствовать вооруженною силою, Цезарь, отпустивъ ликторовъ и бросивъ служебную мантію, убѣжалъ тайно домой, видя необходимость уступить силѣ обстоятельствъ и оставаться до времени въ покоѣ. Дня черезъ два чернь во множествѣ собралась къ Цезарю, обѣщая ему поддержать его силою въ его притязаніяхъ. Цезарь не только отказался, но и убѣдилъ чернь успокоиться. Ни какъ не ожидая такой съ его стороны умѣренности, сенатъ, собравшійся-было поспѣшно вслѣдствіе народнаго волненія, благодарилъ Цезаря черезъ самыхъ именитыхъ своихъ членовъ. Пригласивъ его въ курію, и высказавъ ему въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ свою признательность, сенатъ уничтожилъ свой прежній декретъ и возвратилъ Цезарю санъ претора.

17. Онъ снова впалъ-было въ опасность. Его обвинили въ участіи

въ заговорѣ Катилины передъ Новіемъ Нигромъ квесторомъ Л. Веттій судья, а передъ сенатомъ К. Куріонъ. Послѣднему назначено было награжденіе отъ государства за то, что онъ первый открылъ умыселъ заговорщиковъ. Курій говорилъ, что онъ отъ самаго Катилины слышалъ объ участіи Цезаря, а Веттій хвалился даже, что онъ представитъ собственноручную записку Цезаря, данную имъ Катилинѣ. Цезарь рѣшился разъ навсегда положить конецъ подобнымъ обвиненіямъ. Самъ Цицеронъ, по просьбѣ Цезаря, показалъ, что Цезарь многое о заговорѣ. что зналъ, донесъ ему; такимъ образомъ Цезарь успѣлъ въ томъ, что Куріону награжденіе не было дано; Веттій былъ осужденъ, отданъ на поруки, а имущество его разграблено; потомъ Цезарь посадилъ его въ тюрьму вмѣстѣ съ квесторомъ Новіемъ, а этого послѣдняго за то, что онъ дерзнулъ принять къ своему разбирательству жалобу на лице, облеченное высшею, чѣмъ онъ, властью.

18. Выслуживъ свой срокъ преторомъ, Цезарь по жеребью получилъ въ управленіе Дальную Испанію. Онъ склонилъ кредиторовъ обождать, представивъ за себя поручителей. Противъ установленныхъ законовъ и обычаевъ, онъ отправился, не бывъ оффиціально еще утвержденъ въ должности. Неизвѣстно, по какому поводу онъ такъ поспѣшилъ, опасаясь судебнаго ли преслѣдованія, которое ему готовили какъ частному человѣку, или желая поскорѣе поспѣшить на помощь союзнымъ народамъ, умолявшимъ его о защитѣ. Возстановивъ въ провинціи миръ и спокойствіе, Цезарь съ такою же поспѣшностью, не дождавшись преемника, отправился въ Римъ въ надеждѣ тріумфа и консульства. Такъ какъ выборы уже были назначены, и онъ не могъ быть къ нимъ допущенъ иначе, какъ если онъ войдетъ въ городъ частнымъ человѣкомъ, а многіе когда онъ просилъ сдѣлать для него изъ законовъ изъятіе, противорѣчили, то онъ вынужденъ былъ, отказаться отъ тріумфа, чтобы не быть устраненнымъ отъ консульства.

19. Изъ двухъ соискателей консульства, Л. Лукцея и Марка Бибула, Цезарь привязалъ къ себѣ Лукцея, договорясь чтобы онъ, имѣя мало связей въ народѣ, а будучи очень богатъ, изъ собственныхъ средствъ, отъ имени обоихъ консуловъ, роздалъ бы извѣстныя суммы денегъ по сотнямъ. Узнавъ объ этомъ аристократическая партія, опасаясь, что Цезарь воспользуется покорностью своего товарища и рѣшится на все, имѣя верховную власть въ своихъ рукахъ, уговорила Бибула обѣщать столько же, и на этотъ предметъ многіе оказали пособіе деньгами, съ согласія самаго Катона, которому этотъ подкупъ показался согласнымъ съ интересами государства. Вслѣдствіе

этихъ усилій аристократической партіи, Бибулъ выбранъ консуломъ вмѣстѣ съ Цезаремъ. Усиліямъ аристократической партіи обязаны были новые консулы тѣмъ, что имъ назначены были въ управленіе самыя незначительныя области, состоявшія изъ однихъ лѣсовъ и горъ. Жестоко оскорбленный этимъ, Цезарь старался всячески сблизиться съ Кн. Помпеемъ, а тотъ съ своей стороны считалъ себя оскорбленнымъ сенатомъ за то, что онъ медлилъ подтвердить его распоряженія, сдѣланныя имъ вслѣдствіе побѣды надъ царемъ Митридатомъ. Цезарь сблизилъ также М. Красса съ Помпеемъ; у нихъ была старинная вражда современи консульства, которое они ознаменовали сильною враждою. Они трое составляли между собою товарищество на томъ условіи, чтобы въ государствѣ ничего не дѣлалось неугодное имъ всѣмъ тремъ.

20. Первымъ распоряженіемъ Цезаря, по вступленіи его въ должность консула, было установить — чего прежде не было, — чтобы велись протоколы занятіямъ сената и народа, и чтобы ихъ рѣшенія приводились въ общую извѣстность. Цезарь возстановилъ также древнее обыкновеніе, чтобы въ томъ мѣсяцѣ, когда не имѣетъ права консулъ имѣть при себѣ ликторскіе пуки, впереди его всегда шелъ урядникъ, а за нимъ вслѣдъ ликторы. Вслѣдствіе обнародованія Цезаремъ поземельнаго закона, онъ своего товарища Бибула, оказавшаго противорѣчіе, оружіемъ согналъ съ площади. Въ слѣдующій день Бибулъ принесъ на это дѣйствіе Цезаря жалобу въ сенатъ, но не нашлось ни одного человѣка, кто бы осмѣлился заняться этимъ дѣломъ и пустить его на голоса, какъ то бывало и въ менѣе важныхъ случаяхъ. Бибулъ, вслѣдствіе этого, пришелъ въ такое отчаяніе, что удалился домой, и все остальное время своего служенія, скрываясь тамъ, одними письменными протестами сопротивлялся распоряженіямъ Цезаря. Съ этого времени Цезарь одинъ, по своему произволу, распоряжался общественными дѣлами. Вслѣдствіе этого, многіе жители Рима, когда имъ случалось подписываться свидѣтелями подъ какими-нибудь документами, писали: *въ консульство Цезаря и Юлія*, отдѣливъ его имя и фамильное прозваніе, а не, какъ бы слѣдовало: *въ консульство Цезаря и Бибула*. Оттого-то въ народѣ ходили стихи:

«*Въ послѣднее время все, что дѣлалось, то дѣлалось при Цезарѣ, а не помню я, чтобы что нибудь случилось при консулѣ Бибулѣ*».

Стеллатское поле, освященное завѣтомъ предковъ, и Кампанское поле, которое ходило внаймы въ пользу общественной казны, — Це-

зарь раздѣлилъ, не по жеребью, двадцати тысячамъ гражданъ, имѣвшимъ трехъ и болѣе дѣтей. Откупщикамъ, имѣвшимъ въ оброчномъ содержаніи статьи государственныхъ доходовъ, Цезарь сложилъ третью часть, слѣдовавшей съ нихъ, суммы, сдѣлавъ имъ всенародное увѣщаніе, чтобы они впередъ не наносили слишкомъ необдуманно цѣны на торгахъ. Вообще онъ не зналъ мѣры своей щедрости и давалъ каждому, что̀ ему хотѣлось, никого не спрашиваясь и запугавъ всѣхъ, кто бы захотѣлъ противорѣчить. М. Катона, когда онъ вздумалъ ему сопротивляться, онъ велѣлъ ликтору вытащить изъ сената и весть въ темницу. Когда Л. Лукуллъ слишкомъ свободно сталъ возражать Цезарю, то онъ осыпалъ его такими угрозами, что тотъ въ страхѣ на колѣнахъ просилъ у него прощенія. Узнавъ, что Цицеронъ разъ въ одной рѣчи, по поводу какого-то процесса, оплакивалъ положеніе дѣлъ, Цезарь, чтобы отмстить ему, въ тотъ же самый день, въ девятомъ часу, завербовалъ въ свою партію П. Клодія, отъявленнаго врага Цицеронова, уже давно хотѣвшаго изъ аристократической партіи перейдти къ народу. Ища гибели главъ враждебной партіи, Цезарь подкупилъ деньгами Веттія — донесть, будто его подговаривали нѣкоторыя лица убить Помпея. Веттій долженъ былъ съ ростръ къ народу наименовать тѣхъ, кого ему укажутъ. Видя, что этотъ доносъ возбудилъ только неудовольствіе и недовѣрчивость къ доносчику, Цезарь — какъ говорятъ — избавился ядомъ отъ опаснаго соучастника.

21. Около того же времени Цезарь женился на Кальпурніи, дочери Л. Пизона, который долженъ былъ быть послѣ него консуломъ. Свою дочь Юлію — Цезарь отдалъ въ замужство Кн. Помпею, отказавъ прежнему жениху Сервилію Цепіону, котораго содѣйствіемъ онъ главнымъ образомъ восторжествовалъ надъ Бибуломъ. Породнившись такимъ образомъ съ Помпеемъ, Цезарь сталъ спрашивать въ сенатѣ о мнѣніи перваго Помпея, тогда какъ прежде спрашивалъ Красса, а было обыкновеніе въ теченіи всего года спрашивать сенаторовъ о мнѣніи въ томъ порядкѣ, какъ консулъ спросилъ первый разъ въ Январскія календы.

22. Такимъ образомъ, пользуясь содѣйствіемъ своихъ зятя и тестя, Цезарь изъ множества провинцій выбралъ себѣ въ управленіе Галлію, будучи увѣренъ, что она доставитъ ему случай къ побѣдамъ и торжествамъ. Сначала, по Ватиніеву закону, Цезарю въ управленіе отдана была Цизальпинская Галлія и Иллирикъ; вскорѣ сенатъ присоединилъ къ этому и Галлію Комату, опасаясь, въ случаѣ отказа, что народъ своею властью вручитъ и ее Цезарю. Обрадованный Це-

зарь не могъ скрыть своего восхищенія, и нѣсколько дней спустя, въ полномъ засѣданіи сената, онъ хвалился, что достигъ цѣли своихъ желаній на зло и къ великому огорченію своихъ враговъ, а потому совершенное торжество его надъ ними близко. Когда кто-то въ насмѣшку ему сказалъ, что трудно это сдѣлать женщинѣ, то Цезарь, какъ бы соглашаясь съ нимъ, указалъ на примѣръ Семирамиды, царствовавшей въ Сиріи, и Амазонокъ, господствовавшихъ надъ большою частью Азіи.

23. По окончаніи срока консульства Цезарева, преторъ К. Меммій и Люцій Домицій требовали отъ Цезаря отчета въ его дѣйствіяхъ за истекшее время консульства. Цезарь представилъ это дѣло на благоусмотрѣніе сената. Тотъ отказывался; три дня прошло въ безполезныхъ спорахъ, а за тѣмъ Цезарь удалился въ свою провинцію. Квесторъ его тотчасъ былъ отданъ подъ судъ за какіе-то проступки. Вслѣдъ затѣмъ Л. Антистій, трибунъ народный, позвалъ на судъ самого Цезаря, и онъ только, прибѣгнувъ къ защитѣ всего сословія трибуновъ, успѣлъ выхлопотать свое избавленіе отъ суда, по случаю отсутствія на службѣ государству. Вслѣдствіе этого, Цезарь, чтобы на будущее время обезопасить себя отъ притязанія преемниковъ, принялъ за правило—ставить ихъ отъ себя въ зависимости, поддерживая изъ нихъ только тѣхъ, которые обязывались защищать всѣ его дѣйствія. Въ этомъ случаѣ онъ бралъ съ нихъ даже клятвы и письменныя обѣщанія.

24. Когда Л. Домицій, кандидатъ въ консулы, явно грозилъ, что онъ, въ должности консула, добьется того, чего не могъ сдѣлать, бывъ преторомъ, и отниметъ у него войско, то Цезарь убѣдилъ Красса и Помпея, вызвавъ ихъ въ Лукку городъ своей провинціи, чтобы они вторично домогались консульства для того только, чтобы не допустить Домиція и чтобы власть ему была продолжена на пять лѣтъ; и въ томъ, и въ другомъ успѣлъ. Съ такою же самоувѣренностью, Цезарь—къ легіонамъ, полученнымъ при вступленіи въ должность, присоединилъ еще нѣсколько—частью на общественный, а частью на свой собственный счетъ. Одинъ легіонъ былъ весь составленъ изъ жителей Транзальпинской Галліи и даже носилъ галльское наименованіе Алавда. Онъ ихъ обучилъ дисциплинѣ и обычаямъ римскимъ, и впослѣдствіи всѣмъ даровалъ право гражданства. Затѣмъ Цезарь не отступалъ ни передъ какимъ поводомъ къ войнѣ, какъ бы онъ ни былъ несправедливъ и опасенъ. Онъ самъ затѣвалъ войну съ народами, даже бывшими въ союзѣ, и съ другими—дикими и непріязненными. Сенатъ опредѣлилъ было какъ-то разъ—отправить

легатовъ для изслѣдованія галльскихъ дѣлъ; а нѣкоторые изъ сенаторовъ были даже того мнѣнія, чтобы выдать Цезаря врагамъ головою. Впрочемъ всѣ походы Цезаря оканчивались счастливо и по его донесеніямъ чаще, чѣмъ когда-либо прежде, и на болѣе продолжительный срокъ, были опредѣлены благодарственныя молебствія.

25. Въ теченіи девяти лѣтъ управленія Галліею, Цезарь совершилъ слѣдующее: всю Галлію, заключающуюся между Пиренейскими горами, Альпами, горами Севеннскими и рѣками Рейномъ и Роною, представляющую въ окружности шесть тысячь миль, за исключеніемъ союзныхъ и оказавшихъ услуги племенъ, обратилъ въ Римскую провинцію, положивъ съ нея ежегодную дань сорокъ милліоновъ сестерцій. Цезарь, первый изъ Римлянъ, устроивъ мостъ черезъ Рейнъ, нанесъ большое пораженіе Германцамъ. Внесъ войну Цезарь и къ Британцамъ, до него неизвѣстнымъ; побѣдивъ ихъ, онъ взялъ съ нихъ заложниковъ и обложилъ ежегодною данью. При стольквхъ успѣхахъ три раза не болѣе испыталъ неудачи: въ Британіи римскій флотъ былъ почти истребленъ бурею; въ Галліи легіонъ Римскій разбитъ у Герговіи, да въ германскихъ предѣлахъ пали измѣною легаты Титурій и Аврункулей.

26. Почти въ одно и то же время Цезарь потерялъ сначала мать, потомъ дочь, а немного послѣ и внука. Вслѣдъ затѣмъ, когда умы всѣхъ поражены были убійствомъ П. Клодія и сенатъ опредѣлилъ быть одному консулу, а именно Кн. Помпею, то трибуны народные хотѣли ему въ товарищи дать Цезаря. Цезарь просилъ ихъ лучше исхлопотать у народа, чтобы онъ, къ концу срока его управленія, дозволилъ ему заочно искать вторичнаго консульства, для того чтобы онъ не вынужденъ былъ вслѣдствіе этого, преждевременно и не довершивъ войны, оставить провинцію. Получивъ желаемое, Цезарь мечталъ уже о большемъ и полный надеждъ, онъ не щадилъ ни издержекъ ни услугъ всякого рода, чтобы задобрить и весь вообще народъ и частныхъ лицъ. Онъ началъ отдѣлывать форумъ на счетъ военной добычи; одна площадь форума стоила ему болѣе ста милліоновъ сестерцій. По случаю поминковъ дочери Цезарь объявилъ народу игры и обѣдъ, чего до него никто прежде не дѣлалъ. Чтобы сдѣлать сильнѣе общее ожиданіе, Цезарь, кромѣ того, что заказалъ все относящееся до пиршества харчевникамъ, приказалъ готовить и дома. Сколько-нибудь извѣстныхъ гладіаторовъ, узнавъ, что они гдѣ-нибудь дерутся къ неудовольствію зрителей, Цезарь приказывалъ брать силою и уводить къ себѣ подъ строгій надзоръ. Новичковъ изъ нихъ онъ обучалъ не на сценѣ и не черезъ обыкновенныхъ учителей фехтованія, но по домамъ, черезъ

всадниковъ римскихъ и даже черезъ сенаторовъ, особенно опытныхъ въ искусствѣ владѣть оружіемъ. Онъ ихъ просилъ, какъ видно изъ его писемъ, чтобы они имѣли надзоръ надъ каждымъ изъ нихъ и сами давали бы нужные уроки. Жалованье легіонамъ Цезарь удвоилъ на всегда. Что касается до хлѣба, то, какъ только его было много, Цезарь раздавалъ его безъ мѣры и ограниченія; даже изъ плѣнныхъ онъ роздавалъ гражданамъ римскимъ по одному въ рабы.

27. Для того, чтобы удержать расположеніе Помпея и скрѣпить его узами родства, Цезарь отдалъ за него въ замужство Октавію, внучку своей сестры, бывшую прежде за мужемъ за К. Марцелломъ; а самъ просилъ руку его дочери, обѣщанную было Фавсту Суллѣ. Цезарь всѣхъ своихъ знакомыхъ, и въ томъ числѣ многихъ сенаторовъ, обязалъ денежными ссудами, или вовсе безъ процентовъ или за самые ничтожные. Вообще всѣхъ гостей, какъ приглашенныхъ, такъ и случайно у него бывавшихъ, Цезарь награждалъ щедрыми подарками. Онъ не щадилъ ихъ и для вольноотпущенниковъ и рабовъ, особенно для тѣхъ, которые пользовались особеннымъ расположеніемъ своихъ господъ. Цезарь былъ вѣрнымъ и единственнымъ прибѣжищемъ всѣхъ подсудимыхъ, обремененныхъ долгами, и молодыхъ людей, поставленныхъ своею расточительностью въ затруднительное денежное положеніе. Онъ отказывался помогать только тѣмъ, которыхъ преступленія были ужь слишкомъ явны, или которыхъ нищета или мотовство были такъ значительны, что и пособить имъ не было возможности. Этимъ онъ явно говорилъ, что для нихъ необходима война между гражданами.

28. Съ неменьшимъ стараніемъ заискивалъ Цезарь расположеніе царей и народовъ по всему земному шару; однимъ онъ дарилъ тысячи плѣнныхъ, другимъ, безъ вѣдома сената и народа, посылалъ вспомогательныя войска, сколько и когда они желали. Притомъ онъ украсилъ работами, стоившими большихъ издержекъ, самые могущественные города Италіи, Галліи, Испаніи, Азіи и Греціи. Всѣ были удивлены этими дѣйствіями Цезаря и не знали, къ чему они клонятся. Тутъ консулъ М. Клавдій Марцеллъ, предупредивъ сенатъ, что онъ будетъ говорить о предметѣ первой важности для государства, предложилъ сенату, не дожидаясь истеченія срока управленія Цезарева, послать ему преемника. Такъ какъ война окончена и повсюду господствуетъ міръ, то побѣдоносное войско Цезаря должно быть распущено. Притомъ, на слѣдующихъ выборахъ, не допускать до искательства консульства Цезаря, какъ отсутствующаго, тѣмъ болѣе, что и Помпей отказался отъ права, предоставленнаго ему народнымъ постановленіемъ. Слу-

чилось, что, въ законѣ о правахъ должностныхъ лицъ, онъ забылъ именно исключить Цезаря въ той главѣ, гдѣ говорилось объ отсутствующихъ. Уже законъ былъ врѣзанъ на доску и отнесенъ въ казнохранилище, когда спохватились объ ошибкѣ и исправили ее. Марцеллъ, не довольствуясь отнять у Цезаря область и дарованныя ему народомъ права, предложилъ у поселенцевъ, вслѣдствіе Ватиніева закона водворенныхъ Цезаремъ въ Новокомѣ, отнять право гражданства, какъ данное имъ произвольно и изъ честолюбивыхъ видовъ.

29. Цезарь былъ крайне встревоженъ этими мѣрами. Онъ понималъ — и говорятъ онъ не разъ повторялъ это впослѣдствіи, что гораздо труднѣе противникамъ его столкнуть его съ перваго мѣста въ государствѣ на второе, чѣмъ со втораго на самое послѣднее. А потому онъ всѣми силами воспротивился покушеніямъ своихъ враговъ, частью чрезъ посредство трибуновъ, частью Сервія Сульпиція, втораго консула. Въ слѣдующемъ году К. Марцеллъ, поступившій въ консулы намѣсто своего двоюроднаго брата Марка, сталъ того же добиваться, что и братъ. Цезарь за большія деньги нашелъ ему противодѣйствіе въ Эмиліи Павлѣ, другомъ консулѣ, и въ Кайѣ Куріонѣ, одномъ изъ самыхъ горячихъ трибуновъ. Видя же, что враги его дѣйствуютъ упорно, не оставляютъ своихъ замысловъ, и что консулы выбраны изъ враждебной ему партіи, Цезарь письменно просилъ сенатъ не лишать его того, что онъ имѣетъ по милости народа римскаго, или вмѣстѣ распорядиться, чтобы и прочіе военачальники распустили находящіяся при нихъ войска. Полагаютъ, что Цезарь, предлагая эту мѣру, надѣялся, что ему легче будетъ, въ случаѣ надобности, собрать снова своихъ ветерановъ, чѣмъ Помпею его новонабранцевъ. Противникамъ своимъ Цезарь предложилъ, какъ средство соглашенія, что онъ, пока будетъ вновь консуломъ, удовольствуется провинціею Галльскою по сю сторону Альповъ и однимъ легіономъ; восемь легіоновъ распуститъ, а равно откажется отъ управленія всею Галліею по ту сторону Альповъ; даже просилъ онъ, пока будетъ консуломъ, одинъ легіонъ съ Иллирикомъ.

30. Но и сенатъ не хотѣлъ оказать своего посредства, а противники его не вступали ни въ какія соглашенія относительно государственныхъ вопросовъ. Тогда Цезарь перешелъ въ Ближнюю Галлію и, участвовавъ въ засѣданіяхъ сеймовъ, остановился въ Равеннѣ, не скрывая своего намѣренія прибѣгнуть къ оружію въ случаѣ, если сенатъ приметъ строгія мѣры противъ, заступившихся за Цезаря, трибуновъ народныхъ. Говорятъ, что для Цезаря это былъ только предлогъ къ начатію междуусобной войны, а что на самомъ дѣлѣ у него были другіе, по-

будительные къ ней, поводы. Кн. Помпей утверждалъ, что Цезарь потому хотѣлъ произвесть общую суматоху и войну, что не былъ въ состоянiи своими частными средствами привесть къ концу затѣянныя имъ работы, ни удовлетворить ожиданiямъ народа, въ надеждѣ на его неслыханную щедрость съ нетерпѣнiемъ ждавшаго его возвращенiя. Другiе утверждаютъ, что Цезарь опасался, возвратясь въ положенiе частнаго человѣка, отвѣтственности за противузаконныя и произвольныя свои дѣйствiя во время перваго консульства. М. Катонъ хвалился и даже клялся, что онъ немедленно позоветъ на судъ Цезаря, лишь только тотъ распуститъ войско. Враги Цезаря не стыдились гласно говорить, что, буде онъ только возвратится въ Римъ, то, какъ Милонъ, предстанетъ предъ судилище, окруженное войсками. Тѣмъ вѣроятнѣе то, что разсказываетъ Азинiй Поллiонъ: «Цезарь, видя пораженiе и бѣгство своихъ противниковъ на Фарсальскомъ полѣ, сказалъ будто бы слѣдующее:

«*Сами того захотѣли. Не прибѣгни я къ защитѣ моего войска, они меня, К. Цезаря, послѣ стольких на службу отечеству подвиговъ, осудили бы на казнь.*»

Иные полагаютъ, что Цезарь, стремясь къ верховной власти, дѣйствовалъ по заранѣе составленному плану: взвѣсивъ силы свои и противниковъ, онъ воспользовался первымъ случаемъ къ осуществленiю своихъ задушевныхъ отъ самой юности замысловъ. Такого мнѣнiя о Цезарѣ былъ и Цицеронъ. Въ третьей книгѣ своего сочиненiя «*объ обязанностяхъ*», онъ говоритъ, что Цезарь постоянно любимымъ своимъ изрѣченiемъ имѣлъ стихъ Еврипида:

«*Только для достиженiя верховной власти можно попирать за*«*коны; въ прочихъ случаяхъ они должны быть для насъ священны!*»

31. Получивъ извѣстiе, что сенатъ положилъ силою конецъ заступничеству трибуновъ, и что они вынуждены были бѣжать изъ Рима, Цезарь немедленно послалъ впередъ когорты тайно, а чтобы не дать повода къ подозрѣнiю, онъ скрылъ свои намѣренiя, присутствовалъ на публичномъ зрѣлищѣ, и разсматривалъ планъ для построенiя новой арены для гладiаторовъ; потомъ по обыкновенiю участвовалъ въ пиршествѣ, гдѣ было много гостей. Послѣ захода солнца, Цезарь приказалъ заложить въ повозку муловъ съ ближней мельницы, и отправился въ путь самымъ скрытнымъ образомъ съ многочисленною свитою. Вѣтеръ задулъ огни; Цезарь заблудился, долго не могъ попасть на дорогу, и наконецъ только къ утру нашелъ проводника, и пѣшкомъ, по тѣснымъ тропинкамъ, прибылъ къ когортамъ. Онъ ихъ нагналъ у рѣчки Рубикона, составлявшей границу его про-

винціи. Тутъ Цезарь простоялъ нѣсколько времени, обдумывая всю важность своего начинанія. Обратясь къ окружающимъ, онъ сказалъ: «*еще теперь есть время возвратиться назадъ*; *но если мы перейдемъ этотъ маленькій мостикъ, тогда уже одна сила оружія рѣшитъ дѣло*!»

32. Когда Цезарь такимъ образомъ былъ въ раздумьи, случилось чудное происшествіе. Вдругъ не подалеку явился въ человѣческомъ образѣ кто-то, величавой и прекрасной наружности, и сладко заигралъ на свирѣли. Пастухи сбѣжались со всѣхъ сторонъ его слушать, и многіе воины Цезаревы подошли туда же, и въ томъ числѣ нѣсколько трубачей. Вдругъ игравшій на свирѣли схватилъ у одного трубу, бросился къ рѣкѣ, играя громко и звучно кличъ военный, переплылъ ее и исчезъ на противоположномъ берегу. Тогда Цезарь обратясь къ воинамъ, сказалъ: «*пойдемъ же, куда зоветъ насъ голосъ свыше и несправедливость враговъ нашихъ. Жребій рѣшенъ*!»

33. Переправивъ такимъ образомъ войско, Цезарь допустилъ къ себѣ трибуновъ народныхъ, изгнанныхъ изъ Рима. Тутъ Цезарь собралъ воиновъ, со слезами растерзавъ одежду на себѣ, онъ умолялъ ихъ быть ему вѣрными. Распространился тутъ слухъ, будто онъ всѣмъ обѣщалъ такіе оклады, какими пользуются всадники римскіе; но слухъ этотъ произошелъ отъ недоразумѣнія. Цезарь, говоря рѣчь, часто поднималъ палецъ лѣвой руки, показывалъ его народу и увѣрялъ, что онъ готовъ для тѣхъ, которые защищаютъ его честь, пожертвовать всѣмъ, хотя бы даже и тѣмъ самымъ кольцомъ, которое онъ носитъ на рукѣ. Стоявшіе назади воины, которымъ видны были движенія Цезаря, но не слышны его слова, заключили о нихъ изъ его жестовъ и пересказывали другъ другу, будто Цезарь обѣщалъ каждому изъ нихъ всадническія права и по четыреста тысячь сестерцій.

34. ратко упомянемъ о главнѣйшихъ дѣйствіяхъ и походахъ Цезаря, имъ послѣ совершенныхъ. Онъ занялъ Пиценъ, Умбрію, Этрурію. Л. Домиція, во время внутреннихъ смутъ назначеннаго было ему въ пріемники и находившагося въ городѣ Корфиніи съ гарнизономъ, Цезарь взялъ въ плѣнъ со всѣмъ войскомъ. Возвративъ Домицію свободу, Цезарь по берегу Верхняго (*Адріатическаго*) моря двинулся къ Брундизію, куда удалились и Помпей и консулы, поспѣшая за море. Цезарь не успѣлъ, не смотря на всѣ свои старанія, воспрепятствовать ихъ выходу. Тогда Цезарь поѣхалъ въ Римъ и, устроивъ тамъ съ сенаторами общественныя дѣла, отправился въ Испанію — противъ сильнѣйшихъ войскъ Помпеевыхъ, бывшихъ подъ начальствомъ трехъ легатовъ: М. Петрея, Л. Афранія и М. Варрона. Отправляясь въ этотъ

походъ, Цезарь сказалъ: *«я иду къ войску, не имѣющему вождя, а оттуда возвращусь къ вождю, лишенному войска»*. Несмотря на сопротивленіе Массиліи, замедлившее Цезаря на пути, и недостатокъ съѣстныхъ припасовъ, представлявшій большое неудобство въ этомъ походѣ, Цезарь въ самое короткое время окончилъ его съ совершеннымъ успѣхомъ.

35. Изъ Испаніи Цезарь возвратился въ Римъ. Оттуда отправился въ Македонію; въ теченіи четырехъ мѣсяцевъ Цезарь держалъ Помпея въ осадѣ работами, стоившими большихъ—труда и времени. Наконецъ Цезарь совершенно разбилъ его въ Фарсальскомъ сраженіи. Бѣгущаго преслѣдовалъ онъ въ Александрію. Узнавъ, что Помпей умерщвленъ и что царь Птолемей и ему строитъ ковы, Цезарь началъ самую трудную войну. Все было противъ Цезаря—и мѣстность, и время года зимнее; военныя дѣйствія происходили въ стѣнахъ города, находившагося во власти непріятеля, изобрѣтательнаго и изобиловавшаго всѣмъ; Цезарь же имѣлъ недостатокъ во всемъ, не приготовясь къ этой войнѣ. Оставшись побѣдителемъ, Цезарь—царство Египетское ввѣрилъ Клеопатрѣ и младшему ея брату. Онъ не рѣшался еще сдѣлать изъ Египта провинцію, опасаясь, что его предпріимчивые жители, нашедъ себѣ болѣе ловкаго предводителя, могутъ надѣлать много хлопотъ. Изъ Александріи Цезарь перешелъ въ Сирію и оттуда въ Понтъ, куда его призывали извѣстія о дѣйствіяхъ Фарнака. Сынъ великаго Мидридата, онъ воспользовался для веденія войны обстоятельствами времени и возгордился многими успѣхами. На пятый день по прибытіи въ Понтъ, и черезъ четыре часа послѣ первой встрѣчи съ войскомъ Фарнака, Цезарь разбилъ его въ одной рѣшительной битвѣ. Часто съ улыбкою Цезарь вспоминалъ о военной славѣ Помпея, пріобрѣтенной имъ главнымъ образомъ въ войнахъ съ подобнаго рода изнѣженными непріятелями. Вслѣдъ за тѣмъ Цезарь разбилъ Сципіона и Юбу, старавшихся раздуть огонь междуусобной войны въ Африкѣ, а потомъ дѣтей Помпеевыхъ въ Африкѣ.

36. Въ продолженіи всѣхъ гражданскихъ войнъ, Цезарь не потерпѣлъ никакого урону, кромѣ въ лицѣ своихъ легатовъ. Изъ нихъ К. Куріонъ погибъ въ Африкѣ, К. Антоній въ Иллирикѣ попалъ во власть непріятеля, П. Долабелла тамъ же потерялъ флотъ, а Кн. Домицій Кальвинъ въ Понтѣ войско. Самъ Цезарь вездѣ сражался съ полнымъ и только два раза съ сомнительнымъ успѣхомъ: разъ у Диррахія Цезарь претерпѣлъ пораженіе, но Помпей его не преслѣдовалъ, и по этому случаю Цезарь сказалъ, что Помпей не умѣетъ побѣждать. Во второй

разъ, въ послѣднемъ сражзніи въ Испаніи, Цезарь до того отчаялся въ успѣхѣ, что хотѣлъ самъ себя лишить жизни.

37. По окончаніи всѣхъ войнъ, Цезарь пять разъ имѣлъ почести тріумфа: побѣдивъ Сципіона, онъ въ одномъ и томъ же мѣсяцѣ праздновалъ четыре раза свои побѣды, каждый разъ черезъ нѣсколько дней одинъ послѣ другаго. Пятый разъ торжествовалъ Цезарь, побѣдивъ дѣтей Помпея. Первый и лучшій тріумфъ его былъ Галльскій, второй—Александрійскій, третій — Понтійскій, четвертый — Африканскій и послѣдній — Испанскій. Всѣ пять тріумфовъ праздновались съ чрезвычайною пышностью и отличались одинъ отъ другаго. Во время Галльскаго тріумфа, когда Цезарь проѣзжалъ улицу Велабръ, у колесницы его сломалась ось, и онъ чуть не упалъ изъ нея. При факелахъ Цезарь вошелъ въ Капитолій черезъ рядъ сорока слоновъ, стоявшихъ по обѣ стороны; на нихъ были огни. Во время Понтійскаго тріумфа несли передъ Цезаремъ изображеніе трехъ словъ: *пришелъ*, *увидѣлъ*, *побѣдилъ*. Они означали не самыя событія войны, какъ при другихъ тріумфахъ, но быстроту, съ какою они были окончены.

38. Старымъ заслуженнымъ пѣшимъ воинамъ легіоновъ Цезарь роздалъ каждому въ видѣ добычи, въ самомъ началѣ междуусобной войны, по двѣ тысячи сестерцій, а по окончаніи еще по двадцати четыре тысячи мелкихъ монетъ. Роздалъ онъ имъ и земли для поселенія, но не къ ряду, не желая лишить кого-нибудь изъ владѣльцевъ принадлежащихъ имъ участковъ. Простому народу Цезарь роздалъ по десяти мѣръ хлѣба и по десяти фунтовъ масла, а кромѣ того каждому гражданину по триста монетъ, давно имъ обѣщанныхъ, и по сотнѣ еще за промедленіе. Изъ ежегодныхъ за квартиры платежей Цезарь простилъ въ Римѣ до двухъ тысячъ монетъ, а по всей Италіи не болѣе пяти сотъ тысячъ сестерцій. Къ этому Цезарь прибавилъ еще пиръ и раздачу мяса народу, а послѣ Испанской войны еще два обѣда. Давъ одинъ сначала. Цезарь нашелъ его не соотвѣтствующимъ своей щедрости и слишкомъ умѣреннымъ, а потому черезъ пять дней сдѣлалъ другой, много роскошнѣе.

39. Онъ далъ зрѣлища разнаго рода: бой гладіаторовъ. Игры давалъ онъ по всему городу по разнымъ его частямъ; въ нихъ участвовали актеры, говорившіе на разныхъ языкахъ; кромѣ того были по его приказанію представленія въ циркѣ, борьба атлетовъ, морскія сраженія. Въ гладіаторскомъ боѣ, происходившемъ на форумѣ, участвовалъ Фурій Лептинъ, котораго отецъ былъ преторомъ, и А. Кальпенъ, нѣкогда засѣдавшій въ сенатѣ и завѣдывавшій судебными дѣлами. Пиррихійскую пляску танцовали дѣти владѣтелей Виѳиніи и

Малой Азіи. Во время игръ всадникъ римскій замѣнилъ мѣсто своего шута. Онъ получилъ въ подарокъ пять сотъ тысячъ сестерцій и золотое кольцо, и черезъ четырнадцать ступенекъ перешелъ со сцены черезъ оркестръ. Въ циркѣ, на обѣ стороны продолженномъ и принявшемъ въ свой составъ и Еврипъ, молодые люди знатныхъ фамилій состязались другъ съ другомъ въ быстротѣ бѣга въ колесницахъ четвернями и парами, и верхами на скаковыхъ лошадяхъ. Троянскую басню представляли два отдѣленія актеровъ, одни по-моложе, а другіе по-старше. Въ теченіи пяти дней была травля звѣрей, а потомъ сраженіе, въ которомъ участвовали съ обѣихъ стором по 500 пѣшихъ, по двадцати слоновъ и по триста всадниковъ. Чтобы дать больше простору сражающимся, приняты были межи цирка и на ихъ мѣстѣ устроены два лагеря одинъ противъ другаго. Три дня продолжалась борьба атлетовъ во, временно устроенномъ на Марсовомъ полѣ, циркѣ. На вырытомъ въ *меньшемъ пустырѣ* прудѣ сражались, представляя подобіе морской битвы, тирскія и египетскія суда о 2-хъ, 3-хъ и 4-хъ рядахъ веселъ; на судахъ было много воиновъ. На всѣ эти зрѣлища столько собралось со всѣхъ сторонъ зрителей, что имъ не доставало помѣщенія въ домахъ, и они жили во временныхъ шалашахъ, устроенныхъ на улицахъ и площадяхъ. Тѣснота и давка были такія, что не разъ многіе лишались жизни въ толпѣ; въ числѣ этихъ несчастныхъ жертвъ были и два сенатора.

40. Среди этихъ увеселеній, Цезарь не забывалъ заниматься устройствомъ общественныхъ дѣлъ. Онъ исправилъ календарь, до того испорченный произвольными со стороны первосвященниковъ вставками, что праздникъ жатвы не приходился лѣтомъ, а уборка винограда осенью. Цезарь приспособилъ годъ къ солнечному обращенію и составилъ его изъ трехъ сотъ шестидесяти пяти дней. Отмѣнивъ вставочный мѣсяцъ, Цезарь установилъ прибавлять къ каждому четвертому году по одному дню. Чтобы однажды навсегда на будущее время сдѣлать счетъ времени правильнымъ, начиная отъ январскихъ календъ, Цезарь между ноябремъ и декабремъ вставилъ два промежуточныхъ мѣсяца. Такимъ образомъ этотъ годъ, съ обыкновеннымъ вставочнымъ мѣсяцемъ, содержалъ въ себѣ пятнадцать мѣсяцевъ.

41. Цезарь пополнилъ сенатъ, умножилъ число патриціевъ. Онъ увеличилъ число преторовъ, эдилей, квесторовъ и вообще всѣхъ второстепенныхъ сановниковъ. Лицамъ, подпавшимъ подъ осужденіе цензоровъ, или находившимся подъ судомъ за подкупъ избирателей, Цезарь возвратилъ ихъ права. На выборахъ Цезарь раздѣлилъ власть съ народомъ. Кромѣ только лицъ, искавшихъ должности консульской,

всѣхъ прочихъ половину избиралъ народъ, кого хотѣлъ, а другую половину назначалъ Цезарь. Въ такомъ случаѣ обыкновенно раздавались по народнымъ трибамъ записочки Цезаря такого содержанія: «Диктаторъ Цезарь *такой-то* трибѣ. Поручаю въ ваше расположеніе *такого-то* въ *такую-то* должность; поддержите его вашими голосами». Цезарь допустилъ въ общественной службѣ и дѣтей опальныхъ гражданъ. Суды Цезарь составлялъ только изъ двухъ сословій—сенаторскаго и всадническаго, а засѣдателей отъ казначейства, прежде въ нихъ участвовавшихъ, отмѣнилъ. Перепись народную произвелъ Цезарь не какъ прежде въ опредѣленное время и въ назначенномъ мѣстѣ, но по кварталамъ, черезъ посредство владѣльцевъ домовъ. Такимъ образомъ Цезарь уменьшилъ число гражданъ, получавшихъ хлѣбъ отъ казны, отъ трехъ сотъ двадцати тысячъ до полутораста. А чтобы на будущее время уничтожить поводъ къ новымъ переписямъ, то Цезарь установилъ: на мѣста умершихъ, преторъ по жребью назначалъ изъ числа гражданъ, не попавшихъ въ прежніе списки.

42. Выселивъ восемьдесятъ тысячъ гражданъ въ колоніи по ту сторону моря, Цезарь, желая пополнить населеніе города, постановилъ, чтобы ни одинъ гражданинъ римскій, не моложе двадцати и не старѣе сорока лѣтъ, не былъ болѣе трехъ лѣтъ сряду въ отлучкѣ изъ Италіи, кромѣ случая, когда онъ обязанъ къ тому присягою. А также чтобы ни одинъ сынъ сенатора иначе, какъ для обученія военной службѣ, или сопровождая должностное лицо, не уѣзжалъ бы изъ горсда; чтобы занимающіеся разведеніемъ стадъ имѣли въ числѣ пастуховъ не менѣе третьей части взрослыхъ вольныхъ. Всѣмъ занимающимся медициною и искусствами Цезарь, чтобы привязать ихъ къ городу и черезъ нихъ зазвать и другихъ, даровалъ права гражданства. Относительно долговъ, Цезарь рѣшительно отказался—отмѣнить ихъ совершенно, какъ того надѣялись отъ него многіе, а опредѣлилъ, чтобы должники заплатили своимъ кредиторамъ по оцѣнкѣ ихъ недвижимой собственности въ томъ видѣ, какъ они были до начала междуусобной войны, исключивъ изъ суммы долга то, что ужъ они уплатили процентами. И такимъ образомъ кредиторы теряли почти четвертую часть своихъ денегъ. Всѣ коллегіи, кромѣ издревле установленныхъ, Цезарь уничтожилъ. Преступникамъ Цезарь увеличилъ мѣру наказанія, замѣтивъ, что люди богатые тѣмъ смѣлѣе рѣшались на убійства, что, отправясь въ видѣ наказанія въ ссылку, они продолжали жить тамъ роскошно своими доходами. Це-

зарь опредѣлилъ, какъ пишетъ Цицеронъ, отцеубійцъ лишать всего ихъ имѣнія, а прочихъ убійцъ—половинной части его.

43. Правосудіе оказывалъ Цезарь съ большою заботливостью и и весьма строго; уличенныхъ во взяткахъ онъ исключалъ изъ сенаторскаго сословія. Онъ уничтожилъ бракъ одного претора, который женился на женѣ, оставившей мужа, черезъ два дня послѣ развода, хотя другой никакой у нея вины не было. Цезарь установилъ пошлины съ чужестранныхъ товаровъ. Онъ запретилъ общее употребленіе носилокъ, пурпурнаго платья и жемчугу, разрѣшивъ употребленіе всего этого только нѣкоторымъ лицамъ извѣстнаго возраста и въ назначенные дни. Строго приказывалъ Цезарь наблюдать за умѣренностью въ пищѣ. Разставлены были стражи около рынка, смотрѣть, чтобы не носили запрещенныхъ яствъ. Случалось, что воины, исполняя приказаніе Цезаря, уносили уже изъ столовыхъ кушанья, ошибкою пропущенныя сторожами.

44. Цезарь постоянно заботился объ украшеніи и улучшеніи Рима, и объ утвержденіи и упроченіи его всемірнаго значенія. Онъ предполагалъ возобновить храмъ Марса въ огромномъ, небываломъ дотолѣ видѣ, засыпавъ совершенно и сравнявъ прудъ, на которомъ происходили морскія сраженія, и построить самый большой театръ, прислонивъ его къ подошвѣ горы Тарпейской. Цезарь хотѣлъ изо всѣхъ гражданскихъ законовъ составить одно уложеніе, и изъ удивительнаго множества, столь разнообразныхъ, законовъ выбрать самые важные и нужные и составить изъ нихъ краткіе своды. Онъ приказалъ М. Варрону собирать книги греческія и римскія, приводить ихъ въ порядокъ, и составлять изъ нихъ библіотеки, которыя онъ намѣревался сдѣлать доступными для публики. Онъ задумалъ осушить Помптинскія болота, спустить Фуцинское озеро, провесть большую и удобную дорогу отъ Верхняго моря черезъ вершины Аппениновъ къ Тибру, перекопать перешеекъ Коринѳскій, усмирить Даковъ, которые сдѣлали нашествіе на Понтъ и Ѳракію; черезъ Малую Арменію внесть войну къ Парѳамъ неиначе какъ разузнавъ хорошенько, что это за народъ. Смерть застала Цезаря среди всѣхъ этихъ замысловъ и плановъ. Прежде чѣмъ станемъ говорить мы о его несчастномъ концѣ, скажемъ вкратцѣ о наружности, привычкахъ, характерѣ Цезаря, о его поведеніи на войнѣ и въ мирное время.

45. Говорятъ, — Цезарь былъ высокаго роста, бѣлъ лицомъ, члены имѣлъ нѣжные и тонкіе, лицомъ нѣсколько полноватъ, глаза имѣлъ черные и выразительные. Отличался постоянно крѣпкимъ здоровьемъ; только передъ концомъ жизни сталъ чувствовать

упадокъ духа и имѣлъ тревожный сонъ. Два раза среди важныхъ дѣлъ схватывала его падучая болѣзнь. Что касается до наружности, то Цезарь очень о ней заботился, и не только тщательно брился и стригся, но даже выщипывалъ волосы, какъ нѣкоторые ставили ему въ вину. Весьма огорчала его лысина, служившая предметомъ остротъ его завистниковъ, а потому онъ обыкновенно зачесывалъ къ верху оставшіеся на затылкѣ волосы. Изо всѣхъ почестей, предоставленныхъ ему опредѣленіями сената и народа, ни одною такъ не былъ доволенъ Цезарь, и ни одною такъ часто не пользовался, какъ правомъ носить всегда лавровый вѣнокъ. Одежду всегда Цезарь носилъ изысканную; употреблялъ онъ и латиклавій, у рукавовъ выложенный бахрамою; по немъ онъ опоясывался и всегда очень слабо. Оттого-то, говорятъ, Сулла обыкновенно говаривалъ аристократамъ: «бойтесь этого молодаго человѣка, слабо опоясаннаго».

46. Сначала Цезарь жилъ въ Субурѣ въ скромномъ домикѣ; а со времени вступленія въ должность великаго первосвященника—на Священной улицѣ, въ казенномъ домѣ. Цезарь любилъ жить съ удобствомъ и роскошно: виллу Неморенскую онъ построилъ всю вновь и съ огромными издержками; нашедъ, что она не совсѣмъ соотвѣтствуетъ его желанію, Цезарь приказалъ ее сломать до основанія, хотя въ то время онъ еще былъ бѣденъ и обремененъ долгами; даже въ походахъ Цезарь приказывалъ возить за собою штучные паркетные полы.

47. Цезарь совершилъ походъ въ Британію, надѣясь достать жемчугу. Онъ самъ не рѣдко занимался взвѣшиваніемъ жемчужинъ, желая опредѣлить ихъ цѣнность. Притомъ онъ былъ охотникомъ до драгоцѣнныхъ камней, до произведеній чеканной работы, до статуй и картинъ древнихъ художниковъ, и собиралъ ихъ съ большимъ тщаніемъ. Огромныя суммы платилъ онъ за рабовъ хорошихъ и ловкихъ, до того, что самъ стыдился столь большихъ издержекъ и не приказывалъ записывать ихъ въ счетахъ.

48. Во время поѣздокъ своихъ по провинціямъ, Цезарь постоянно обѣдалъ на два стола: за однимъ сидѣли одѣтые въ саги и палліи (*т. е. лица, не имѣвшія права гражданства римскаго*), а за другимъ одѣтые въ тоги и знатнѣйшія лица провинціи. Цезарь до того былъ аккуратенъ и строгъ относительно порядка въ домѣ, что заключилъ въ оковы раба, подавшаго ему за столомъ хлѣбъ не такой, какъ его гостямъ. А любимаго своего вольноотпущенника, за преступную связь съ женою всадника римскаго, Цезарь, хотя никто ему не приносилъ жалобы, казнилъ смертью.

49. Цѣломудріе Цезарь хранилъ строго; только пребыванія его у царя Никомеда въ Виѳиніи осталось вѣчнымъ для него пятномъ и поводомъ къ злымъ насмѣшкамъ и упрекамъ его враговъ. Не стану говорить объ извѣстныхъ стихахъ Кальва Лицинія, гдѣ онъ называетъ Никомеда *соблазнителемъ Цезаря*; напомню рѣчи Долабеллы и Куріона отца, въ которыхъ первый называетъ Цезаря *совмѣстникомъ царицы, брусомъ царскаго ложа*, а Куріонъ—*Виѳинскимъ развратникомъ* и *стойломъ Никомеда*. Не стану говорить и объ эдиктѣ Бибула, гдѣ онъ своего товарища, называя его *Виѳинскою царицею*, упрекаетъ въ томъ, что *«прежде ему близокъ къ сердцу былъ царь, а теперь царская власть»*. М. Брутъ разсказываетъ, что въ то время нѣкто Октавій, которому слабость его разсудка извиняла все, при огромномъ стеченіи народа Помпея назвалъ *царемъ*, а Цезаря *царицею*. К. Меммій упрекалъ Цезаря, что онъ присутствовалъ при пиршествахъ Никомеда въ толпѣ презрѣнныхъ людей, служившихъ страстямъ царя, чему свидѣтелями были нѣкоторые Римскіе купцы, участвовавшіе въ пиршествѣ, которыхъ онъ именуетъ. Цицеронъ не довольствовался тѣмъ, что въ своихъ письмахъ упрекаетъ Цезаря, что онъ въ ранней юности потерялъ цѣломудріе, что одѣтый въ пурпурное платье введенъ онъ былъ въ царскую спальню на золотое ложе исполнителями прихотей царя Никомеда, и въ Виѳиніи утратилъ цвѣтъ красоты, данной ему Венерою. Разъ когда Цезарь передъ Римскимъ сенатомъ защищалъ дѣло Низы, дочери Никомедовой, и упомянулъ о благодѣяніяхъ Виѳинскаго царя къ нему лично, то Цицеронъ воскликнулъ: «Молчи пожалуста объ этомъ. Слишкомъ хорошо намъ всѣмъ извѣстно, чѣмъ ты обязанъ Никомеду и чѣмъ Никомедъ тебѣ». Наконецъ, во время Гальскаго тріумфа, воины Цезаря, слѣдуя за его колесницею, между прочими шуточными стихами, которые обыкновенно при этомъ случаѣ поются, упоминали и слѣдующіе, наиболѣе въ то время распространенные:

«Цезарь покорилъ Галлію, Никомедъ же Цезаря.
«Вотъ Цезарь теперь торжествуетъ за то, что покорилъ Галлію.
«Никомедъ же не торжествуетъ за то, что покорилъ Цезаря».

50. Не подвержено сомнѣнію, что Цезарь любилъ женщинъ и не жалѣлъ на нихъ денегъ; съ многими знатнѣйшими женщинами того времени былъ онъ въ любовной связи: съ Постуміею, женою Сервія

Сульпиція, съ Лолліею—Авла Габинія, съ Тертуллою—М. Красса, и даже съ Муціею—Кнея Помпея, которому оба Куріона, отецъ и сынъ, и многіе другіе ставили въ вину то, что «онъ изъ честолюбія женился на дочери «того самаго, черезъ котораго развелся съ женою, родившею ему уже «трехъ дѣтей, и котораго онъ иначе не называлъ со слезами, какъ «Эгистомъ». Болѣе другихъ Цезарь любилъ Сервилію, мать М. Брута. Во время своего консульства онъ купилъ ей жемчугу на шесть милліоновъ сестерцій, и, кромѣ многихъ другихъ подарковъ, онъ пріобрѣлъ на ея имя нѣсколько прекрасныхъ помѣстій, продававшихся съ аукціона за ту цѣну, въ какую они были оцѣнены. Когда многіе не могли надивиться дешевизнѣ цѣны, то Цицеронъ въ шутку говорилъ: «не такъ дешево, какъ вы думаете, вѣдь Терція пошла еще въ придачу». Терція была дочь Сервиліи, которую какъ была общественная молва, мать продавала сама Цезарю.

51. Цезарь не менѣе невоздерженъ былъ относительно замужнихъ женщинъ и по провинціямъ, какъ видно изъ шуточнаго стиха, который былъ часто повторяемъ его воинами во время Галльскаго тріумфа:

«Горожане, берегите женъ вашихъ! Мы къ вамъ приводимъ лысаго прелюбодѣя. Онъ всѣ деньги истратилъ въ Галліи на женщинъ, взявъ ихъ здѣсь взаймы».

52. Цезарь былъ въ любовной связи и съ царицами. Онъ очень любилъ Мавритянку Евною, жену царя Богуда и, какъ пишетъ Назонъ, и ее и мужа ея одарилъ слишкомъ щедро. Но особенно любилъ Цезарь Клеопатру; онъ съ нею нерѣдко проводилъ ночи въ пирахъ до разсвѣта. На одномъ съ нею суднѣ, имѣвшемъ въ себѣ опочивальню, Цезарь проплылъ по Нилу весь Египетъ до самой Ѳіопіи; пошелъ бы онъ и дальше, но войско отказалось за нимъ слѣдовать. Потомъ Цезарь пригласилъ Клеопатру въ Римъ, и отпустилъ ее не прежде, какъ осыпавъ большими почестями и наградами; онъ ей позволилъ, родившагося у ней, сына назвать своимъ именемъ. Нѣкоторые Греки утверждаютъ, что онъ походилъ на Цезаря и наружностью и походкою. М. Антоній передъ сенатомъ утверждалъ, что Цезарь призналъ его за своего, и ссылался въ этомъ случаѣ на К. Матія, К. Оппія и другихъ друзей Цезаря. Изъ нихъ К. Оппій призналъ дѣло это стоющимъ серьезнаго опроверженія и издалъ книгу, гдѣ доказываетъ, что «не Цезаревъ сынъ тотъ, кого такъ называетъ Клеопатра». ГельвійЦипна, трибунъ народный, признавался многимъ, что у него уже былъ написанъ и приготовленъ, по приказанію Цезаря, на утвержденіе народа, во время его отсутствія, законъ «о дозволеніи имѣть сколько угодно женъ для произведенія изъ нихъ дѣтей». Чтобы, од-

нимъ словомъ характеризовать безнравственность и распутный нравъ Цезаря, Куріонъ отецъ, въ одной своей рѣчи, именуетъ Цезаря «мужемъ всѣхъ женщинъ и женою всѣхъ мущинъ».

53. Воздержаніе отъ вина у Цезаря было такъ велико, что сами враги его не могли въ этомъ не сознаться. Извѣстны слова М. Катона: «изо всѣхъ лицъ, домогавшихся ниспроверженія государственныхъ учрежденій, Цезарь первый взялся за это дѣло трезвый». Что касается до пищи, то Цезарь былъ такъ неразборчивъ, что, разсказываетъ Оппій, когда на одномъ обѣдѣ хозяинъ подалъ вмѣсто свѣжаго масла—старое, и всѣ гости отъ него отказались, Цезарь взялъ себѣ больше обыкновеннаго для того, чтобы не обличить хозяина въ нерадѣніи и неумѣніи жить.

54. Въ управленіи провинціями и при отправленіи должностей, Цезарь показалъ себя не очень строгой нравственности. Такъ, по словамъ нѣкоторыхъ, ссылающихся на собственныя росписки Цезаря, онъ въ Испаніи отъ проконсула и отъ союзныхъ народовъ выпросилъ денегъ на уплату долговъ. Нѣкоторые города Лузитаніи, изъявившіе готовность исполнить его приказанія и отворившіе передъ нимъ ворота, были разграблены Цезаремъ, какъ бы взятые приступомъ. Въ Галліи Цезарь ограбилъ храмы боговъ и отнялъ у нихъ богатыя приношенія, а города отдавалъ на разграбленіе не столько за проступки ихъ жителей, сколько за богатство и для добычи. Такимъ образомъ Цезарь досталъ себѣ множество золота, такъ что онъ его дешевою цѣною продавалъ въ Италіи и областяхъ фунтъ по три тысячи монетъ. Во время своего перваго консульства, Цезарь взялъ себѣ изъ Капитолія тайно золота три тысячи фунтовъ, замѣнивъ его позолоченою мѣдью. Царства и дружбу народа Римскаго онъ продавалъ за деньги; такъ у одного Птоломея онъ взялъ почти шесть тысячъ талантовъ для себя и для Помпея. Вообще несмѣтныя издержки, которыхъ требовали военныя дѣйствія, тріумфы и подкупъ народа—Цезарь пополнялъ явными святотатствами и грабежами.

55. Что касается до краснорѣчія и военныхъ дарованій, то Цезарь въ этомъ отношеніи едва ли не превзошелъ всѣхъ. Послѣ обвинительной рѣчи своей противъ Долабеллы Цезарь вдругъ сталъ на ряду съ первыми ораторами своего времени. Цицеронъ, обращаясь къ Бруту и исчисляя ораторовъ, пишетъ о Цезарѣ: «врядъ ли онъ уступитъ кому-нибудь даромъ слова. Слогъ его обиленъ, живъ, благороденъ и не лишенъ украшеній рѣчи». Въ письмѣ своемъ къ Корнелію Непоту, Цицеронъ говоритъ: врядъ ли кого можно поставить выше Цезаря и изъ тѣхъ ораторовъ, которые только однимъ этимъ и за-

нимаются». За образецъ краснорѣчія для себя онъ принялъ кажется съ ранней юности Страбона Цезаря; изъ его рѣчи *за Сарды* много внесъ слово въ слово въ свое разсужденіе *о предвѣщаніяхъ*. Современники Цезаря сохранили намъ, что онъ говорилъ рѣчи голосомъ громкимъ, выразительнымъ, и что его пріятно было не только слушать, но и видѣть говорящимъ. Отъ него сохранились нѣкоторыя рѣчи, впрочемъ несправедливо ему приписываемыя. Такъ, что касается до рѣчи *за К. Метелла*, то Августъ говоритъ, что она невѣрно записана скорописцами со словъ Цезаря, когда онъ ее произносилъ. Въ нѣкоторыхъ рукописяхъ эта рѣчь имѣетъ заглавіе не *за Метелла*, но *писанная къ Метеллу* отъ лица Цезаря, гдѣ онъ оправдываетъ себя и Метелла отъ обвиненій ихъ общихъ враговъ. Что касается до, приписываемой Цезарю, рѣчи *къ воинамъ въ Испаніи*, то, по мнѣнію Августа, она едва ли имъ писана. Притомъ этихъ рѣчей двѣ, одна будто бы говоренная Цезаремъ въ первомъ сраженіи, а другая въ послѣднемъ. Азиній Полліонъ говоритъ, что тутъ, по внезапному нападенію непріятеля, Цезарю не было времени говорить рѣчи.

56. Цезарь описалъ свои походы въ своихъ *запискахъ*: Галльскіе и гражданскую войну съ Помпеемъ. Записки о походахъ Александрійскомъ, Африканскомъ и Испанскомъ принадлежатъ неизвѣстному сочинителю; одни приписываютъ ихъ Оппію, а другіе Гирцію; онъ же будто бы привелъ къ концу послѣднюю, недовершенную Цезаремъ, книгу о Галльской войнѣ. Цицеронъ, въ сочиненіи, упомянутомъ выше, такъ отзывается *о запискахъ Цезаря*: «написалъ онъ записки, заслуживающія полнаго одобренія: они составлены кратко, ясно и правильно, но обнажены совершенно отъ всѣхъ украшеній слога. Онъ хотѣлъ доставить матеріалъ для тѣхъ, которые вздумаютъ писать исторію; но за это возьмутся развѣ невѣжды, чтобы изуродовать его сочиненіе, а у благоразумныхъ людей онъ скорѣе отбилъ охоту писать объ этомъ предметѣ». А Гирцій о *запискахъ* Цезаря говоритъ слѣдующее: «онѣ въ такой степени заслужили всеобщее одобреніе, что отняли возможность написать что нибудь лучше объ этомъ предметѣ, тогда какъ они должны были служить только матеріаломъ для писателей. Въ моихъ глазахъ, болѣе чѣмъ въ чьихъ либо другихъ, заслуживаютъ они удивленія. Всѣ могутъ оцѣнить, какъ правильно и хорошо онѣ писаны, но я, какъ свидѣтель, знаю также, какъ легко и скоро писалъ ихъ Цезарь». Азиній Полліонъ замѣчаетъ, что *записки* Цезаремъ составлены небрежно, и безъ соблюденія строгой истины исторической. Многое Цезарь легковѣрно внесъ туда, какъ ему донесено было другими, да и свои дѣйствія передалъ невѣрно, отча-

сти съ намѣреніемъ, отчасти ошибкою, забывъ какъ было дѣло. Впослѣдствіи Цезарь хотѣлъ пересмотрѣть и исправить свои *записки*. Онъ оставилъ намъ еще двѣ книги *объ аналогіи*, и двѣ книги *противъ Катона*, и кромѣ того поэму подъ заглавіемъ *путь*. Изъ этихъ сочиненій первое Цезарь написалъ при переѣздѣ черезъ Альпы, возвращаясь къ войску изъ Ближней Галліи по закрытіи сеймовъ. Слѣдующее сочинено имъ около времени сраженія при Мундѣ, а послѣднее, когда онъ изъ Рима прибылъ въ Дальнюю Испанію въ теченіи 24 дней. Есть еще письма Цезаря къ сенату; онъ кажется первый подалъ примѣръ писать ихъ въ видѣ книжки по страницамъ, а прежде они писались поперекъ одного листа. Существуютъ еще письма Цезаря къ *Цицерону*, и къ его *приближеннымъ* о его домашнихъ дѣлахъ. Когда онъ въ нихъ желалъ выразиться, чтобъ его не всѣ поняли, то онъ писалъ, перестановивъ буквы, и прочитать этихъ мѣстъ невозможно иначе, какъ считая *д* за *а* и въ такомъ порядкѣ замѣнивъ одна другою буквы. Говорятъ, что Цезарь написалъ нѣсколько сочиненій въ дѣтствѣ и въ отрочествѣ, какъ-то *похвальное слово Геркулесу*, трагедію *Эдипъ*, а также *собраніе изрѣченій*. Всѣ эти сочиненія Августъ запретилъ издавать въ свѣтъ, въ своемъ краткомъ и простомъ письмѣ къ Помпею Марку, которому онъ поручилъ привесть въ порядокъ библіотеки.

57. Владѣть оружіемъ и ѣздить верхомъ Цезарь умѣлъ въ совершенствѣ; труды переносилъ съ удивительнымъ терпѣніемъ. Во время похода иногда верхомъ, а больше пѣшій, онъ шелъ впереди войска съ открытою головою, несмотря ни на солнце, ни на дождь. Съ невѣроятною поспѣшностью совершалъ онъ самые быстрые переходы; налегкѣ, въ простой телѣгѣ онъ дѣлалъ по сту и болѣе миль въ сутки. Когда встрѣчались рѣки, Цезарь переплывалъ ихъ вплавь, или на мѣхахъ, наполненныхъ воздухомъ, и нерѣдко онъ поспѣвалъ прежде, чѣмъ гонцы, посланные извѣстить о его пріѣздѣ.

58. Во время походовъ—трудно рѣшить, что преобладало у Цезаря осторожность ли, или смѣлость. Никогда Цезарь не вступалъ съ своимъ войскомъ въ затруднительныя мѣста, не изслѣдовавъ прежде хорошенько мѣстности. Въ Британнію Цезарь переѣхалъ не прежде, какъ самъ лично изслѣдовавъ положеніе пристаней, удобства плаванія около острова, и лучшія мѣста для высадки. А между тѣмъ онъ же, получивъ извѣстіе объ осадѣ его лагеря въ Германіи, черезъ непріятельскіе посты, въ Галльской одеждѣ, пробрался къ своимъ. Изъ Брундизія Цезарь переѣхалъ зимою въ Диррахій, посреди непріятельскаго флота. Разъ, когда медлили подходить войска, которымъ

Цезарь приказалъ слѣдовать за собою, онъ много разъ за ними посылалъ и наконецъ самъ отправился, сѣвъ тайно ночью одинъ съ закутаннымъ лицомъ въ челнокъ, и не прежде онъ открылъ себя кормчему и позволилъ ему возвратиться вслѣдствіе неблагопріятной погоды, какъ уже полузатопленный волнами.

59. Никакое суевѣріе не могло его отвратить отъ разъ задуманнаго предпріятія, или убѣдить его отложить. Разъ у жреца изъ рукъ вырвалось и убѣжало животное, назначенное къ закланію; но это обстоятельство не заставило Цезаря отложить свой походъ противъ Сципіона и Юбы. Выходя изъ корабля, приставъ къ Африканскому берегу, Цезарь упалъ на землю; онъ обратилъ это въ хорошее предзнаменованіе, сказавъ: Ухватилъ я тебя Африка! Чтобы отнять силу у предсказаній, предвѣщавшихъ, что, по волѣ судебъ, имя Сципіоновъ счастливо и непобѣдимо въ Африкѣ, Цезарь держалъ у себя въ лагерѣ какого-то изъ рода Корнеліевъ человѣка, самаго послѣдняго во всѣхъ отношеніяхъ, въ насмѣшку прозваннаго *низкопоклонникомъ*, за низкій его образъ жизни.

60. Вступалъ Цезарь въ бой не только по обдуманному намѣренію, но и пользуясь представившимся вдругъ случаемъ. Нерѣдко онъ давалъ сраженіе прямо съ похода и въ самую дурную погоду, когда непріятель менѣе всего ожидалъ этого. Къ концу своей дѣятельности, Цезарь сталъ съ большою осторожностью вступать въ бой; послѣ длиннаго ряда успѣховъ, онъ сталъ недовѣрчивѣе къ счастію. зная, что еще одна побѣда не можетъ столько ему дать, сколько отнять одно пораженіе. Не довольствуясь разбитіемъ непріятеля въ открытомъ полѣ, Цезарь всегда овладѣвалъ его лагеремъ, не давая времени опомниться устрашенному непріятелю. Въ сраженіяхъ, гдѣ успѣхъ могъ быть невѣренъ, Цезарь отсылалъ изъ рядовъ всѣхъ коней и особенно своего, для того, чтобы, отнявъ всякую надежду на бѣгство, сдѣлать воиновъ отчаяннѣе.

61. У Цезаря былъ весьма замѣчательно сложенный конь; ноги у него были сложены почти какъ у человѣка и подковы подстрижены на подобіе ногтей. Когда онъ родился, то гадатели предсказывали, что кто сядетъ на него, будетъ господствовать надъ вселенною. А потому Цезарь приказалъ ходить за нимъ съ особеннымъ стараніемъ и первый сѣлъ на него. Изображеніе коня своего Цезарь велѣлъ поставить передъ храмомъ Венеры Родительницы.

62. Личными своими усиліями Цезарь нерѣдко приводилъ въ порядокъ ряды своихъ воиновъ, уже готовившихся бѣжать; онъ ловилъ каждаго отдѣльно и поворачивалъ его лицемъ къ непріятелю. Случи-

лось, что воины до того растерялись въ ослѣпленіи, что разъ одинъ орлоносецъ замахнулся на старавшагося его удержать Цезаря остріемъ, а другой значокъ свой оставилъ у него въ рукахъ, а самъ убѣжалъ.

63. Твердость и присутствіе духа Цезаря по-истинѣ заслуживаютъ удивленія, чему много ясныхъ примѣровъ. Уже послѣ битвы Фарсальской, когда Цезарь, переправивъ впередъ войска въ Азію, на простой лодкѣ переѣзжалъ Геллеспонтъ, ему встрѣтился К. Кассій, принадлежавшій къ враждебной ему партіи, съ десятью военными судами. Цезарь не только не устрашился и не бѣжалъ, но приблизился къ судамъ непріятельскимъ и убѣдилъ Кассія—перейдти на его сторону со всѣми судами.

64. Во время военныхъ дѣйствій въ Александріи, когда бой завязался на мосту, и непріятель нечаянною вылазкою принудилъ Цезаря искать спасенія въ лодкѣ, онъ, видя, что она слишкомъ обременена бѣглецами, спрыгнулъ въ море и проплылъ пространство на двѣсти шаговъ до ближайшаго корабля, поднявъ лѣвую руку къ верху, чтобы не замочить находившіяся у него бумаги, а верхнее свое одѣяніе придерживая зубами для того, чтобы оно не досталось непріятелю въ руки.

65. Что касается до своихъ воиновъ, то Цезарь больше всего дорожилъ ихъ силою и храбростью, не разбирая ни ихъ нравственности, ни счастія. Не всегда и не вездѣ, но только вблизи непріятеля, Цезарь обнаруживалъ особенную строгость дисциплины. Не назначалъ онъ заранѣе времени ни похода, ни сраженія, но держалъ войско такъ, чтобъ оно всегда готово было по первому знаку—вдругъ выступить изъ лагеря. Часто дѣлалъ Цезарь ложныя тревоги, особенно, когда воины менѣе всего этого ожидали, т. е. въ ненастные дни и въ праздники. И вдругъ, сдѣлавъ увѣщаніе воинамъ, чтобы они слѣдовали за нимъ, Цезарь вступалъ въ походъ, было ли это середи дня или середи ночи. Онъ двигался на походѣ съ большою быстротою, чтобы понудить заднихъ не отставать отъ него.

66. Когда Цезарь зналъ, что воины его со страхомъ ожидаютъ приближенія непріятельскихъ силъ, то онъ не только не старался ихъ разувѣрить и уменьшить въ ихъ глазахъ силу непріятеля, но напротивъ увеличивалъ ее и придавалъ ей такіе размѣры, какихъ она далеко не имѣла. Когда въ рядахъ воиновъ Цезаря распространился ужасъ по случаю приближенія царя Юбы, то Цезарь, созвавъ ихъ, сказалъ: «знайте, что вотъ, на этихъ дняхъ, явится сюда царь съ десятью легіонами, съ тридцатью тысячами конницы, ста тысячами

легковооруженныхъ и съ тремя стами слоновъ. А потому, не распрашивайте болѣе никого о его силахъ; повѣрьте мнѣ, что я хорошо ихъ знаю. Ослушниковъ же я велю посадить на полусгнившее старое судно и пустить на волю вѣтровъ, къ какому берегу они ихъ прибьютъ».

67. Не за всѣ проступки воиновъ Цезарь строго взыскивалъ, а многіе оставлялъ безъ изслѣдованія. Ни за что такъ строго не наказывалъ Цезарь, какъ за дезертирство и за бунтъ, на прочее же все смотрѣлъ снисходительно. Нерѣдко, послѣ упорной битвы и блистательной побѣды, Цезарь давалъ воинамъ полную свободу гулять и веселиться, оставивъ строгія правила военной службы, въ такихъ случаяхъ онъ обыкновенно говорилъ: «что воины его умѣютъ побѣждать и заботясь о своей наружности». Въ рѣчахъ къ нимъ, Цезарь называлъ ихъ не *воинами*, а болѣе ласковымъ словомъ: *сослуживцами*. Цезарь заботился даже о достаткѣ воиновъ, многимъ давалъ онъ оружіе, украшенное золотомъ и серебромъ, какъ для виду, такъ и для того, чтобы они въ сраженіи болѣе имъ дорожили, опасаясь потерять его. А привязанъ былъ Цезарь къ нимъ до того, что, узнавъ о гибели воиновъ, бывшихъ подъ начальствомъ Титурія, отпустилъ себѣ бороду и волосы, и не прежде сталъ ихъ стричь, какъ отмстивъ непріятелю. Этимъ онъ и сильно привязалъ къ себѣ воиновъ, и сдѣлалъ ихъ непобѣдимыми.

68. Въ началѣ междуусобной борьбы Цезаря съ Помпеемъ, сотники каждаго Цезарева легіона вооружили изъ своего жалованья по всаднику. Всѣ воины вызвались служить ему безъ жалованья и не получая провіанту, причемъ достаточные взяли на себя содержаніе неимущихъ. Ни одинъ изъ воиновъ Цезаря не измѣнилъ ему въ столь продолжительную войну, а многіе, доставшись въ плѣнъ непріятелю, отказались отъ жизни, предложенной имъ на условіи—обратить свое оружіе противъ Цезаря. Голодъ и разнаго рода лишенія воины Цезаря сносили съ удивительнымъ терпѣніемъ, и при томъ не только когда сами были въ осадѣ, но и когда непріятеля держали въ облежаніи. Когда Помпей подъ Дирраxіемъ былъ осаждаемъ Цезаремъ, то, увидя хлѣбъ изъ какой-то травы, которымъ питались воины Цезаря, сказалъ, что онъ имѣетъ дѣло съ дикими, приказалъ его забросить и никому не показывать, опасаясь, какъ бы не подѣйствовало вредно на умы его воиновъ такое терпѣніе и упорство непріятеля. О храбрости воиновъ Цезаря въ сраженіи можно судить по тому, что когда подъ Дирраxіемъ они потерпѣли пораженіе, то сами потребовали наказанія, и Цезарю оставалось не мстить имъ, но ихъ же утѣшать. Во

многихъ сраженіяхъ они безъ труда побѣдили многочисленныя войска непріятельскія, находясь сами въ много меньшемъ числѣ. Такъ одна когорта шестаго легіона, защищая ввѣренное ей укрѣпленіе, въ продолженіи нѣсколькихъ часовъ, выдерживала нападеніе четырехъ легіоновъ Помпея, почти засыпанная стрѣлами непріятельскими, которыхъ нашли внутри укрѣпленія сто тридцать тысячъ. Не удивительны послѣ этого подвиги личнаго мужества нѣкоторыхъ воиновъ, какъ-то напримѣръ Кассія Сцевы сотника и воина К. Ацилія, не говоря о множествѣ другихъ. Сцева потерялъ глазъ, получилъ опасныя раны въ ногу и въ плечо (щитъ его былъ пробитъ во ста двадцати мѣстахъ), а все-таки удержалъ ввѣренный ему постъ, защищая ворота укрѣпленія. Ацилій, во время морской битвы у Массиліи, схватился правою рукою за корму судна; ему отрубили руку, но, онъ, слѣдуя знаменитому примѣру Грека Цинегира, перескочилъ на судно непріятельское, гоня передъ собою непріятелей щитомъ, бывшимъ на лѣвой рукѣ.

69. Въ теченіи десяти лѣтъ, какъ продолжались галльскіе походы, воины Цезаря не бунтовали ни разу, а во время междуусобной войны нѣсколько разъ, но каждый разъ скоро возвращались къ повиновенію, не столько въ слѣдствіе снисхожденія полководца, сколько изъ уваженія къ нему. Не только Цезарь никогда не обнаруживалъ робости во время ослушанія своихъ воиновъ, но самъ шелъ на встрѣчу ихъ негодованію. Девятый легіонъ у Плаценціи въ то время, когда Помпей былъ еще во всей силѣ, Цезарь, въ полномъ его составѣ, прогналъ отъ себя съ позоромъ и не иначе, какъ вслѣдствіе многихъ усиленныхъ просьбъ, согласился простить, наказавъ впрочемъ самихъ виновныхъ.

70. Когда десятый легіонъ въ самомъ Римѣ взбунтовался, грозя гибелью и Цезарю, и городу, и требуя отставки и обѣщанныхъ наградъ, то Цезарь, несмотря на то, что война въ Африкѣ кипѣла еще въ полной силѣ, не замедлилъ идти самъ къ бунтовщикамъ, противъ совѣта друзей, и сказать имъ, что они ему не нужны. Одно слово Цезаря, что онъ назвалъ воиновъ, вмѣсто обычнаго имени, словомъ *квириты*, такъ сильно поразило воиновъ, что они въ одинъ голосъ отвѣчали: «мы воины»—и сами послѣдовали за Цезаремъ въ Африку, хотя онъ отвергалъ ихъ услуги. Впрочемъ Цезарь не преминулъ наказать главныхъ зачинщиковъ, отнявъ у нихъ третью часть обѣщаннаго имъ награжденія деньгами и землею.

71. Съ молодыхъ лѣтъ Цезарь любилъ одолжать своихъ кліентовъ, и дѣлать имъ всевозможныя услуги. Масинту, молодаго человѣка знатнаго происхожденія, онъ защищалъ съ такимъ жаромъ противъ

царя Гіемпсала, что разъ за него въ спорѣ схватилъ Юбу, сына Гіемпсалова, за бороду. Когда Масинта отданъ былъ въ распоряженіе Гіемпсала, то Цезарь исторгъ его изъ рукъ тѣхъ, которые хотѣли его схватить, и скрылъ у себя; а когда, по окончаніи своего служенія въ должности претора, Цезарь отправился въ Испанію, то онъ взялъ съ собою въ носилки и Масинту, несмотря на сопровождавшихъ его и бывшихъ тутъ ликторовъ.

72. Съ своими друзьями Цезарь обращался всегда чрезвычайно ласково и обнаруживалъ къ нимъ большое расположеніе. Разъ, когда К. Оппій ѣхалъ съ нимъ по мѣстамъ пустымъ и лѣсистымъ и внезапно занемогъ, то Цезарь, остановясь въ небольшомъ постояломъ дворѣ, встрѣтившемся на дорогѣ, единственную, бывшую тамъ, постелю уступилъ Оппію, а самъ провелъ ночь на землѣ, на открытомъ воздухѣ. На верху могущества онъ не презиралъ своихъ бѣдныхъ друзей, и многихъ изъ ничтожества довелъ до высокихъ степеней. Когда слышалъ за это порицанія, то громко признавался: «что счелъ бы себя обязаннымъ также поступить съ злодѣями и разбойниками, еслибы онъ пользовался ихъ помощью въ достиженіи величія и могущества».

73. Ненависть и вражда не могли долго гнѣздиться въ душѣ Цезаря, и онъ радъ былъ первому случаю забыть ихъ. Съ К. Мемміемъ Цезарь жестоко бранился въ рѣчахъ, отвѣчая на его рѣзкія ругательства такими же, а впослѣдствіи Цезарь всѣми силами поддерживалъ его въ домогательствѣ консульства. К. Кальвъ, сочинитель извѣстныхъ противъ Цезаря эпиграммъ, просилъ друзей Цезаря помирить ихъ; узнавъ объ этомъ, Цезарь первый написалъ къ нему письмо. Когда Валерій Катуллъ, котораго стихи о Мамуррѣ нанесли, по собственному признанію Цезаря, ему неизгладимое оскорбленіе, явился къ нему съ извиненіемъ, то Цезарь оставилъ его въ тотъ же день съ собою ужинать, а даже, бывъ и въ ссорѣ съ нимъ, не переставалъ быть хорошимъ знакомымъ и частымъ гостемъ его отца.

74. Видя необходимость наказанія, Цезарь по своей врожденной кротости избѣгалъ жестокости. Получивъ въ свои руки морскихъ разбойниковъ, у которыхъ въ плѣну онъ находился, Цезарь исполнилъ надъ ними обѣщанную имъ угрозу — распять ихъ на крестѣ — не прежде, какъ отрубивъ имъ головы. Онъ не сдѣлалъ ни малѣйшаго вреда Корнелію Фагитѣ, котораго преслѣдованія во время Суллы онъ съ трудомъ избѣжалъ, скрываясь, несмотря на свою болѣзнь, и отъ котораго онъ откупился только деньгами. Филемона своего раба, обѣщавшаго врагамъ его лишить его жизни ядомъ, Це-

зарь казнилъ смертью просто, безъ мученій. Когда Цезаря вызвали свидѣтелемъ въ дѣлѣ П. Клодія, обвиненнаго въ преступной связи съ женою Цезаря, Помпеею, и въ оскверненіи священныхъ обрядовъ, то Цезарь сказалъ, что онъ ничего не знаетъ, несмотря на то, что мать его Аврелія и дочь Юлія показали все, какъ было по чистой правдѣ. На вопросъ, зачѣмъ же онъ въ такомъ случаѣ развелся съ женою, Цезарь отвѣчалъ, «что, по его убѣжденію, принадлежащія къ его семейству лица не только не должны быть виновны, но и должны быть свободны отъ подозрѣнія».

75. Умѣренность и кротость Цезаря, обнаруженныя имъ и во время его управленія и въ продолженіи междуусобныхъ войнъ, поистинѣ заслуживаютъ удивленія. Помпей объявилъ, что онъ за враговъ сочтетъ тѣхъ, которые вовсе не примутъ участія въ начинавшейся междуусобной борьбѣ. Цезарь же съ своей стороны сказалъ, что онъ такихъ сочтетъ не принадлежащими ни къ той, ни къ другой сторонѣ, и оставляетъ ихъ въ покоѣ. Всѣмъ, получившимъ хотя отъ него, Цезаря, мѣста, но по рекомендаціи Помпея, Цезарь далъ полную свободу идти къ нему. Когда подъ Илердою зашла рѣчь о соглашеніи, и уже воины обѣихъ сторонъ сблизились и бывали часто другъ у друга, Афраній и Петрей, заставъ въ своемъ лагерѣ воиновъ Цезаря, въ внезапномъ припадкѣ гнѣва, избили ихъ; но Цезарь не захотѣлъ быть товарищемъ ихъ вѣроломства и отплатить тѣмъ же ихъ воинамъ, бывшимъ у него. Во время Фарсальскаго боя, Цезарь приказалъ щадить жизнь гражданъ. Притомъ для каждаго изъ своихъ воиновъ онъ простилъ, по ихъ выбору, по одному изъ противной партіи. Ни одинъ изъ враговъ Цезаря не погибъ отъ него иначе, какъ въ открытомъ сраженіи, за исключеніемъ впрочемъ Афранія, Фавста и молодаго Л. Цезаря. Да и тѣ убиты, какъ говорятъ, противъ желанія Цезаря. Первые два погибли, взбунтовавшись снова, послѣ уже разъ дарованнаго имъ прощенія; а Л. Цезарь, погубивъ въ жестокихъ истязаніяхъ отпущенниковъ и рабовъ Цезаря, избилъ звѣрей, приготовленныхъ для травли, обѣщанной народу. Наконецъ, въ послѣдній годъ своего правленія, Цезарь, позволилъ и всѣмъ остальнымъ изгнанникамъ, еще имъ непрощеннымъ, возвратиться въ Италію и занять бывшія ихъ должности и мѣста. Ниспроверженныя народомъ, статуи Л. Суллы и Помпея Цезарь велѣлъ снова поставить на ихъ прежнія мѣста. Замыслы противъ своей безопасности и злые о себѣ слухи—Цезарь предпочиталъ предотвращать, чѣмъ за нихъ наказывать. Узнавъ о заговорахъ противъ себя и о ночныхъ сборищахъ, Цезарь ихъ обличалъ въ декретахъ, показывая только, что ему из-

вѣстно ихъ существованіе; а тѣхъ, которые дерзко о немъ отзывались, Цезарь довольствовался обличать передъ собраніемъ, увѣщевая ихъ впередъ быть воздержнѣе на языкъ. Весьма хладнокровно снесъ Цезарь то, что Авлъ Цецина въ своемъ ругательномъ сочиненіи, и Питолай въ стихахъ самымъ дерзкимъ образомъ терзали его добрую славу.

76. Впрочемъ остальныя его дѣйствія заслуживаютъ осужденія и въ нѣкоторомъ смыслѣ оправдываютъ его насильственную смерть. Слишкомъ жадно сосредоточилъ онъ на себя почести, какъ-то: постоянное консульство, безпрерывную диктатуру, завѣдываніе общественною нравственностью, кромѣ того титулъ императора, наименованіе отца отечества, статую въ ряду царскихъ, особенное возвышенное мѣсто въ театрѣ. Мало этого, не удовольствовался Цезарь почестями человѣческими, но и пожелалъ несовмѣстныхъ съ слабостью природы смертнаго. Онъ допустилъ, что ему дали позолоченое кресло въ сенатѣ и передъ трибуналомъ, во время игръ въ циркѣ, торжественную колесницу, воздвигали въ его честь храмы, жертвенники; изображеніе его поставили въ ряду боговъ, соорудили ему священное ложе, опредѣлили въ честь его особыхъ жрецовъ и именемъ его назвали одинъ изъ мѣсяцевъ. Нѣкоторыми почестями Цезарь распоряжался произвольно, и какъ бы въ насмѣшку. Довольствуясь властью диктатора, данною ему вмѣстѣ съ постояннымъ консульствомъ, Цезарь, обыкновенно, на три послѣдніе мѣсяца каждаго года назначалъ отъ себя подставныхъ консуловъ. Такимъ образомъ въ этотъ промежутокъ времени, не было иныхъ выборовъ, кромѣ трибуновъ и эдилей народныхъ. Вмѣсто преторовъ, Цезарь назначалъ отъ себя префектовъ, которые въ его присутствіи завѣдывали городскими дѣлами. Случилось разъ, уже, что наканунѣ календъ январскихъ, одинъ изъ консуловъ умеръ скоропостижно. Цезарь и тутъ на нѣсколько часовъ должностью, уже приближавшеюся къ концу, облекъ одного просителя. Съ такою же дерзостью попирая древніе законы, Цезарь отсрочивалъ на нѣсколько лѣтъ срокъ служенія чиновникамъ; десяти бывшимъ преторамъ Цезарь далъ почести, принадлежащія консуламъ. Нѣкоторымъ изъ Галловъ полудикимъ Цезарь далъ права гражданства и допустилъ ихъ даже въ сенатъ. Притомъ онъ къ монетному дѣлу и къ сбору податей приставилъ своихъ собственныхъ рабовъ на жалованьи. Начальство надъ тремя легіонами, оставленными въ Александріи, Цезарь ввѣрилъ Рузіону, сыну своего отпущеника, служившему низкимъ орудіемъ его страстей.

77. Не менѣе надменно высказывалъ Цезарь свои убѣжденія. Онъ

не стыдился, какъ пишетъ Т. Ампій въ своемъ сочиненіи, публично говорить: «что республика перестала существовать, осталось одно ея бездушное и безжизненное тѣло. Сулла не зналъ самыхъ первыхъ правилъ политики, сложивъ съ себя диктатуру. Всѣ люди должны теперь смотрѣть на него, Цезаря, съ особеннымъ уваженіемъ и считать его волю за законъ». Гордая увѣренность Цезаря простиралась до того, что когда разъ гадатель, принося жертву, предсказывалъ несчастія потому, что у жертвы не оказалось сердца: «ничего, сказалъ Цезарь — стоитъ столько мнѣ захотѣть и будущее окажется веселымъ; а это что за диво, если у животнаго не оказалось сердца!»

78. Но главное обстоятельство, которымъ Цезарь навлекъ себѣ глубокую и непримиримую ненависть, заключалось въ слѣдующемъ: когда всѣ сенаторы явились къ нему, поднося ему многія свои опредѣленія, облекавшія его, Цезаря, великими и властью и почестями, то онъ принялъ ихъ, сидя, передъ храмомъ Венеры Родительницы. Одни говорятъ, что Цезарь хотѣлъ встать, но его удержалъ Корнелій Бальбъ. Другіе утверждаютъ, что онъ не только не думалъ встать, но когда К. Требацій совѣтовалъ ему это сдѣлать, то Цезарь взглянулъ на него весьма недружелюбно. Этотъ поступокъ Цезаря заслужилъ тѣмъ болѣе всеобщее порицаніе, что онъ самъ, когда, во время торжественнаго своего входа въ Римъ, поровнялся съ мѣстомъ, гдѣ сидѣли трибуны народные, и они всѣ встали, кромѣ одного Понтія Аквилы, Цезарь не могъ сдержать своего негодованія, и тутъ же воскликнулъ: «трибунъ Аквила, отними одинъ у меня власть, данную мнѣ народомъ»! И потомъ долго еще помнилъ Цезарь поступокъ Аквилы, и на просьбы просителей онъ соглашался не иначе, какъ съ оговоркою, въ которой отзывалась горькая насмѣшка: «буде позволитъ впрочемъ Понтій Аквила.»!

79. Показавъ столь явное пренебреженіе къ сенату, Цезарь не менѣе произвольно и нагло поступилъ съ чиновниками народа. Когда, послѣ Латинскихъ жертвоприношеній, Цезарь возвращался домой, и народъ сопровождалъ его неумѣренными изъявленіями радости и благодарности, то одинъ простолюдинъ надѣлъ на статую Цезаря лавровый вѣнокъ, перевязанный бѣлою лентою. Трибуны народные Епидій Маруллъ и Цезетій Флавъ приказали снять вѣнокъ съ статуи, а положившаго его отвесть въ тюрьму. Цезарь съ негодованіемъ принялъ такой поступокъ, или огорчась, что такъ не удачно предложенъ ему царскій вѣнокъ, или тѣмъ, что у него отнята была честь добровольно отъ него отказаться. Какъ бы то ни было, Цезарь осыпалъ трибуновъ ругательствами и лишилъ ихъ власти. Впрочемъ молва его явно обвиняла въ

домогательствѣ царской власти, и Цезарь не могъ ее уничтожить; хотя разъ, когда чернь привѣтствовала его наименованіемъ *царя*, то Цезарь отвѣчалъ, что онъ честь быть *Цезаремъ* ставитъ выше, чѣмъ быть *царемъ*. Также, во время празднествъ въ честь Пана, Цезарь отвергъ діадиму, нѣсколько разъ предложенную Антоніемъ, и отослалъ ее въ Капитолій Юпитеру Всемогущему. Распространился въ народѣ слухъ, что Цезарь замышляетъ всѣ силы государства перемѣстить въ Александрію, или въ Иліонъ, и самому туда переѣхать, а Италію изнурить наборами и Римомъ управлять черезъ приближенныхъ; что въ ближайшее засѣданіе сената Л. Котта, одинъ изъ коммиссіи пятнадцати, предложитъ дать Цезарю титулъ царя на томъ основаніи, что пророческія книги утверждаютъ, что Парѳовъ Римляне побѣдятъ не иначе, какъ подъ предводительствомъ царя.

80. Эти слухи ускорили приведеніе въ исполненіе заговора противъ Цезаря; участвовавшіе въ немъ испугались возможности быть орудіями его замысловъ. Такимъ образомъ прежде отдѣльно замышлявшіе смерть Цезаря, или по двое, по трое, соединились теперь всѣ вмѣстѣ. Самый народъ уже не былъ доволенъ своимъ положеніемъ, тайно тяготился рабствомъ и искалъ освободителей. Когда Цезарь допустилъ въ сенатъ чужеземцевъ, то выставили объявленіе: «доброе дѣло сдѣлаетъ тотъ, кто новымъ сенаторамъ не укажетъ дороги къ куріи». Въ народѣ ходили стихи:

«Цезарь велъ за собою Галловъ въ тріумфѣ, а потомъ ихъ же ввелъ въ курію. Галлы сняли свои народныя одежды, и облеклись въ сенаторскія».

Когда разъ К. Максимъ, подставной Цезаревъ трехмѣсячный консулъ, вошелъ въ театръ, и ликторъ по обыкновенію провозгласилъ, чтобы ему отдавали честь, то всѣ, бывшіе въ театрѣ, закричали: «какой это консулъ»! Удаленныхъ отъ должности трибуновъ, Цезеція и Марулла, на слѣдующихъ выборахъ, многіе голоса предлагали въ консулы. На статуѣ Л. Брута написалъ кто то: «о еслибы ты воскресъ!» А на статуѣ Цезаря:

«Брутъ за то, что изгналъ царей, сдѣланъ первымъ консуломъ; а этотъ за то, что изгналъ консуловъ, сдѣланъ напослѣдокъ царемъ»!

Въ заговорѣ противъ Цезаря участвовали человѣкъ шестьдесятъ или больше; главными участниками его были К. Кассій, Маркъ и Децимъ Бруты. Долго не рѣшались они избрать мѣсто, гдѣ убить Цезаря: то они хотѣли во время выборовъ на Марсовомъ полѣ, когда Цезарь поочередно будетъ звать трибы для подачи голосовъ, раздѣлиться на двѣ части: одни должны были сбросить его съ мосту,

а другіе принять его на мечи; то когда онъ проходилъ по Священной улицѣ, то когда онъ входилъ въ театръ. Узнавъ же, что въ Мартовскія Иды назначено собраніе сената въ Помпеевой куріи, заговорщики остановились на мысли,—въ это время убить Цезаря.

81. Насильственная смерть Цезаря была предвозвѣщена ему вѣрными чудесными предзнаменованіями. За нѣсколько передъ нею мѣсяцевъ, поселенцы, вслѣдствіе Юліева закона, пришедшіе въ Капую, роя землю для фундамента своихъ будущихъ жилищъ на мѣстѣ стараго кладбища, производили эти работы съ особеннымъ стараніемъ, находя въ землѣ кой-какія старинныя вещи. При разрытіи гробницы, гдѣ по преданію схоронено было тѣло Каписа, основателя Капуи, найдена была мѣдная доска, писанная на греческомъ языкѣ и греческими буквами; на ней значилось слѣдующее: «Когда будутъ открыты кости Каписа, то потомокъ Юла погибнетъ отъ руки своихъ единокровныхъ, и Италія вслѣдъ затѣмъ сдѣлается жертвою большихъ бѣдствій». За истину этого сказанія ручается Корнелій Бальбъ, одинъ изъ самихъ приближенныхъ къ Цезарю лицъ. А за нѣсколько дней до смерти Цезаря кони, при переходѣ Рубикона имъ обреченные богамъ и ходившіе стадами на свободѣ, отказались отъ пищи, какъ было донесено Цезарю, и проливали обильныя слезы. Когда Цезарь приносилъ жертву, то, заклавшій ее, гадатель Спуринна предупредилъ его, чтобы «онъ берегся опасности, которая будетъ грозить ему не далѣе Мартовскихъ Идъ». Наканунѣ ихъ одна птичка, крапивишникъ, держа въ носу лавровую вѣтвь, влетѣла въ зданіе Помпеевой куріи, но, преслѣдовавшія ее, птицы изъ сосѣдней рощи разорвали ее тамъ же. Въ ночь, предшествовавшую непосредственно дню убійства, Цезарь видѣлъ себя во снѣ летающимъ за облаками и пожимающимъ руку Юпитеру. А Кальпурнія, жена Цезаря, видѣла во снѣ, что крыша дома упала, и что мужъ ея убитъ у ней на груди. Въ ту же минуту двери спальни отворились сами собою. Эти предзнаменованія не могли не подѣйствовать и на Цезаря, и онъ, особенно чувствуя въ этотъ день себя не совсѣмъ здоровымъ, долго не рѣшался идти въ сенатъ, и хотѣлъ свои предложенія отложить до другаго времени. Наконецъ, уступая просьбамъ Д. Брута, представлявшаго ему, что сенаторы собрались въ большомъ числѣ и уже давно съ нетерпѣніемъ ожидаютъ его прибытія, Цезарь не ранѣе пятаго часа отправился въ сенатъ. Дорогою ему кто-то подалъ записку, извѣщавшую его о злодѣйскомъ на его жизнь умыслѣ. Цезарь, не читая, подложилъ ее къ прочимъ бумагамъ, бывшимъ у него въ лѣвой рукѣ, собираясь ихъ прочитать послѣ. Много было принесено жертвъ, но всѣ неудач-

но. Несмотря на такое дурное предзнаменованіе, Цезарь вошелъ въ курію, и съ усмѣшкою сказалъ Спуриннѣ: «вотъ неправда, что для меня гибеленъ день Мартовскихъ Идъ»! На это Спуринна отвѣчалъ: «этотъ день насталъ, но еще не прошелъ»!

82. Когда Цезарь сѣлъ, заговорщики обступили его, какъ бы съ выраженіями усердія. Тутъ Цимберъ Тиллій, взявшій на себя начать дѣло, подошелъ къ Цезарю, прося его о чемъ-то, Цезарь отказалъ и движеніемъ руки показалъ, что отлагаетъ до другаго времени; Тиллій вдругъ схватилъ тогу Цезаря у плечь. Цезарь воскликнулъ: «это, я вижу, насиліе!» Тутъ одинъ изъ заговорщиковъ Каска, ударилъ его кинжаломъ и нанесъ ему рану немного пониже глотки. Цезарь грифелемъ, бывшемъ у него въ рукѣ, прокололъ руку Каскѣ и хотѣлъ бѣжать, но остановленъ былъ еще нанесенною ему раною. Видя, что со всѣхъ сторонъ устремлены на него кинжалы убійцъ, Цезарь прикрылъ голову тогою, а лѣвою рукою придерживалъ ее у колѣнъ. И падая, онъ думалъ, какъ бы пасть прилично, прикрывъ нижнюю часть тѣла. Безмолвно принялъ онъ двадцать три раны; только при первомъ ударѣ испустилъ онъ легкій стонъ. Впрочемъ нѣкоторые говорятъ, что когда Брутъ бросился на него съ кинжаломъ, то Цезарь сказалъ ему по гречески: «и ты, дитя мое, въ числѣ ихъ!» Сенатъ, по совершеніи злодѣйскаго умысла, весь разбѣжался въ страхѣ. Цезарь долго лежалъ бездыханный; наконецъ три невольника пришли, и на носилкахъ отнесли его домой. Въ числѣ столькихъ ранъ, по показанію Антистія врача, только одна оказалась смертельною, полученная Цезаремъ въ грудь. Заговорщики хотѣли было тѣло павшаго Цезаря оттащить и бросить въ Тибръ, имѣніе его продать съ публичнаго торга и отмѣнить всѣ его распоряженія; но оставили этотъ умыселъ безъ исполненія, опасаясь консула М. Антонія и Лепида, главнокомандующаго конницею.

83. Вслѣдствіе требованія тестя Цезарева, Л. Пизона, завѣщаніе его было вскрыто и прочитано въ домѣ Антонія. Оно было написано Цезаремъ, въ послѣдніе сентябрскіе Иды, въ Лавиканскомъ его загородномъ домѣ, и ввѣрено храненію старшей изъ Вестальскихъ дѣвъ. К. Туберонъ пишетъ, что въ прежнихъ завѣщаніяхъ Цезаря, писанныхъ отъ перваго его консульства до начала междуусобной войны, онъ обыкновенно назначалъ главнымъ своимъ наслѣдникомъ Помпея, о чемъ неоднократно объявлялъ воинамъ передъ ихъ собраніемъ. А въ послѣднемъ завѣщаніи Цезарь отказалъ тремъ наслѣдникамъ, внукамъ сестеръ своихъ: К. Октавію три четверти всего, а четвертую раздѣлилъ между Л. Пинаріемъ и К. Педіемъ. Въ концѣ завѣщанія онъ

усыновилъ Октавія и принялъ его въ свое семейство. Многіе изъ участвовавшихъ въ убіеніи Цезаря были назначены имъ въ завѣщаніи опекунами къ его сыну, если бы таковой родился; а Д. Брутъ упомянутъ даже въ числѣ второстепенныхъ наслѣдниковъ. Народу Римскому Цезарь завѣщалъ въ общественное пользованіе сады около рѣки Тибра, и по триста сестерцій каждому гражданину.

84. Въ день, назначенный для похоронъ, воздвигнутъ костеръ на Марсовомъ полѣ, подлѣ могилы Юліи, а передъ рострами воздвигнутъ позолоченный небольшой храмъ на подобіе того, что построенъ въ честь Венеры Родительницы; внутри приготовлено было ложе изъ слоновой кости, украшенное золотомъ и пурпурными тканями; въ гололовахъ трофей съ одеждами покойнаго, въ которыхъ онъ былъ въ ту минуту, когда его постигла смерть. Такъ было много знаковъ почестей, несенныхъ за тѣломъ Цезаря, что, принимая въ соображеніе краткость дня, дозволено было лицамъ, ихъ несшимъ, идти какими имъ угодно улицами города на Марсово поле. Тутъ пѣли стихи, выражавшіе сожалѣніе о смерти Цезаря и ненависть къ его убійцамъ, взятые изъ Пакувія *судъ объ оружіи* и примѣненные къ этому случаю:

«За тѣмъ ли я ихъ спасъ, чтобы приготовить себѣ въ нихъ убійцъ?»

Иные въ томъ же смыслѣ стихи были заимствованы изъ Электры Аттилія. Вмѣсто похвальнаго слова Цезарю консулъ Антоній черезъ глашатаевъ объявилъ сенатскій декретъ, покрывшій память Цезаря всѣми, какія только есть, почестями человѣческими и божескими. Равно при этомъ же случаѣ объявлено было, данное сенаторами, клятвенное обѣщаніе, обречь себя всѣмъ для спасенія одного. Ко всему этому Антоній присоединилъ отъ себя очень не много словъ въ похвалу покойному. Смертный одръ его вынесли на форумъ и помѣстили передъ рострами сановники и разные почетныя лица. Одни предлагали сжечь тѣло Цезаря въ оградѣ храма Юпитера Капитолійскаго, а другіе въ Помпеевой куріи. Вдругъ явились двое неизвѣстныхъ; оба они имѣли мечи при поясахъ, и въ рукахъ по два дротика; они зажгли костеръ восковыми свѣчами. Окружавшій народъ подкладывалъ сухой хворостъ, скамейки съ судебнаго трибунала и вообще все, что ему попадалось подъ руки. Музыканты и актеры, которые имѣли на себѣ тѣже одежды, въ которыхъ они участвовали въ тріумфахъ Цезаря, сняли ихъ и разорвавъ бросили въ огонь. Бывшіе при этомъ, ветераны легіоновъ Цезаря бросили туда же оружіе, какое при нихъ было; матери снимали съ себя украшенія, а съ дѣтей одежды ихъ и ожерелья и метали въ огонь. Общій плачъ былъ великъ; бывшіе при

этомъ чужестранцы оплакивали смерть Цезаря, каждый по своему. Особенную горесть показывали Іудеи; они и по ночамъ ходили плакать на гробницу Цезаря.

85. Чернь, прямо съ похоронъ Цезаря, тотчасъ устремилась съ зажженными головнями къ домамъ Брута и Кассія. Съ трудомъ отраженная, она умертвила попавшагося ей на дорогѣ Гельвія Цинну, введенная въ заблужденіе его именемъ, полагая, что онъ тотъ Корнелій, который, какъ съ негодованіемъ услыхала чернь, наканунѣ дурно отзывался въ своей рѣчи о памяти Цезаря. Вонзивъ голову его на копье, чернь носила ее передъ собою. Потомъ она воздвигла на Форумѣ цѣльную, въ двадцать футовъ вышины, колонну изъ Нумидскаго камня, надписавъ на ней: «отцу отечества». И въ теченіи долгаго времени спустя, народъ у ней приносилъ жертвы, давалъ обѣты и разрѣшалъ свои споры, клянясь именемъ Цезаря.

86. Нѣкоторые изъ приближенныхъ лицъ къ Цезарю были убѣждены, что онъ самъ не хотѣлъ жить болѣе, и не заботился о своей безопасности, особенно съ тѣхъ поръ, какъ сталъ чувствовать слабость здоровья. Вслѣдствіе этого-то Цезарь оставилъ безъ вниманія и совѣты друзей и предвѣщанія судьбы. Другіе полагаютъ, что Цезарь, обнадеженный особенно опредѣленіемъ сенаторовъ и данною ими клятвою, отказался отъ, сопровождавшей его всегда, свиты Испанцевъ съ вооруженными мечами. Иные утверждаютъ, что Цезарь предпочиталъ лучше идти на встрѣчу опасности и разъ ее испытать, чѣмъ постоянно находиться въ состояніи страха и ожиданія. Говорятъ, что Цезарь часто повторялъ: «жизнь ему не дорога, а если онъ хочетъ жить, то потому, что нуженъ онъ для отечества. Довольно уже насладился онъ и всѣми удовольствіями жизни, и вполнѣ насытился почестями. Но отечество, съ его смертью, не будетъ спокойно; жертва междуусобныхъ браней, оно прійдетъ въ худшее, чѣмъ при немъ, состояніе».

87. А почти за достовѣрное всѣми принято, что родъ смерти его соотвѣтствовалъ его задушевному желанію. Разъ Цезарь, прочитавъ въ Ксенофонтѣ, что Киръ, уже будучи отчаянно боленъ, сдѣлалъ нѣкоторыя распоряженія о своихъ похоронахъ, съ презрѣніемъ отозвался о такой медленной смерти и сказалъ, что для себя желаетъ онъ скорой и неожиданной. Наканунѣ того дня, какъ онъ былъ убитъ, Цезарь за ужиномъ у М. Лепида, когда зашелъ разговоръ о томъ, какой исходъ изъ жизни самый удобнѣйшій, сказалъ, что предпочитаетъ внезапный и неожиданный.

88. Цезарь погибъ на шестьдесятъ пятомъ году отъ роду. Онъ причисленъ къ сонму боговъ не только устами произносившихъ опре-

дѣленіе, но таково было и убѣжденіе народа. Во время игръ, въ честь его данныхъ наслѣдникомъ его Августомъ, въ теченіи семи дней безпрерывно показывалась комета, восходя около одиннадцатаго часа. Народъ былъ того убѣжденія, что то была душа Цезаря, принятая въ небесныя жилища; по этой то причинѣ надъ головою Цезаря въ его изображеніяхъ видна звѣзда. Зданіе сената, въ которомъ Цезарь убитъ, завалено навсегда, по опредѣленію сената, а Иды Мартовскія прозваны *отцеубійственными*, и поставлено въ этотъ день на будущее время не имѣть собранія сената.

89. Изъ убійцъ Цезаря врядъ ли одинъ прожилъ болѣе трехъ лѣтъ, и всѣ погибли насильственною смертью. Какъ обреченные судьбою, они всѣ погибли, одни мечомъ, другіе въ волнахъ моря, а нѣкоторые сами себя пронзили тѣмъ же самымъ кинжаломъ, который преступною рукою подняли на Цезаря.

Перевелъ съ Латинскаго
А. Клевановъ.

Москва.
1857.
Марта 4-го.

ПРИЛОЖЕНІЕ II.

РѢЧЬ ЦИЦЕРОНА ЗА МАРЦЕЛЛА.

Нѣсколько словъ отъ переводчика. *Въ видѣ предисловія считаемъ самымъ лучшимъ продпослать разсказъ самого Цицерона объ обстоятельствахъ, сопровождавшихъ эту рѣчь, изложенный въ письмѣ его къ Сервію Сульпицію, писанномъ въ 708 году отъ построенія города, въ консульство Цезаря и Лепида. Вотъ слова Цицерона: «Такое смущеніе и замѣшательство во всемъ, до того все сбито и «лежитъ сраженное гнуснѣйшею войною, что каждый ка«жется самъ по себѣ несчастнѣйшимъ, въ какомъ бы мѣ«стѣ ни находился; оттого то и ты раскаиваешься въ «твоемъ образѣ дѣйствій и мы, находясь дома, кажемся «тебѣ счастливыми. Но твое положеніе уже тѣмъ лучше «нашего, что ты дерзаешь описывать свое горе, а мы не «можемъ съ безопасностью и того. И это грѣхомъ не по«бѣдителя —нельзя быть его умѣреннѣе, но самой побѣ«ды, которая въ гражданскихъ войнахъ всегда не знаетъ «мѣры. Въ одномъ ты позавидуешь намъ, что мы, немно«го раньше тебя, узнали о спасеніи Марцелла, твоего то«варища, и даже были свидѣтелями, какъ это дѣло прои-*

«зошло. Знай только навѣрное, что съ той бѣдственной «поры, какъ оружіемъ стали разрѣшать вопросы обще- «ственнаго права, ничего еще не происходило другаго съ до- «стоинствомъ. Самъ Цезарь винилъ ожесточеніе—такъ онъ «именно выразился—Марцелла, съ великою честью и похва- «лою отозвался о твоихъ справедливости и благоразуміи, «и вдругъ, сверхъ всякаго ожиданія, сказалъ: «что онъ не «откажетъ сенату на просьбу о Марцеллѣ, несмотря «на личныя къ нему отношенія». А сенатъ это и сдѣлалъ: «когда Л. Пизонъ упомянулъ о немъ, а К. Марцеллъ бро- «сился къ ногамъ Цезаря, сенаторы встали всѣ, и съ моль- «бою подошли къ нему. И не разспрашивай: до того мнѣ «показался прекраснымъ день тотъ, что мнѣ казалось я «видѣлъ возникающимъ образъ ожившаго общественнаго тѣ- «ла! А потому, когда всѣ сенаторы, спрошенные до меня, «высказали благодарность Цезарю, кромѣ одного Волкація, «а тотъ высказалъ, что, будь онъ на мѣстѣ самого Мар- «целла, и то не поступилъ бы такъ. Когда мнѣ предло- «жили вопросъ, то я перемѣнилъ мое рѣшеніе—а я было «постановилъ въ душѣ, конечно не отъ лѣности, но отъ «сожалѣнія о прежнемъ значеніи—постоянно хранить мол- «чаніе. Сломилось это мое рѣшеніе и передъ величіемъ духа «Цезаря, и передъ моими обязанностями къ сенату. А по- «тому я многословно высказалъ благодарность Цезарю и «теперь опасаюсь, какъ бы и въ прочихъ дѣлахъ не лишилъ «бы онъ насъ честнаго бездѣйствія, а это было един- «ственнымъ утѣшеніемъ въ этомъ бѣдственномъ положе- «ніи. Но теперь, когда уже не можетъ обижаться на ме- «ня Цезарь, полагавшій себя, пока я молчалъ, въ правѣ «предполагать, что я теперь совершающееся не считаю «даже за общественный порядокъ, я буду словомъ пользо- «ваться умѣренно, такъ чтобы удовлетворить и его же- «ланіямъ и моимъ стремленіямъ.

РѢЧЬ ЦИЦЕРОНА ЗА МАРЦЕЛЛА.

1. Долговременному молчанію, почтенные сенаторы, какимъ я пользовался въ эти времена не изъ робости какой, но частью изъ скорби, частью изъ почтительности, нынѣшній день принесъ конецъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ начало высказывать по прежнему то, что я желаю и что чувствую. Такую снисходительность, такую необыкновенную и неслыханную кротость, такую, при власти необъятной, умѣренность во всемъ, наконецъ такую невѣроятную и почти божественную мудрость, не могу никакимъ образомъ пройдти молчаніемъ.

2. Съ возвращеніемъ Марцелла, почтенные отцы, я полагаю не только его, но и мой голосъ и значеніе и вамъ, и общественному дѣлу сохранены и возвращены. Горько мнѣ было, отцы почтенные, и сильно тосковалъ я, видя, что такой человѣкъ въ томъ же дѣлѣ, въ которомъ я былъ, дѣлитъ не ту же судьбу и не могъ я самъ себя убѣдить, и не считалъ приличнымъ—дѣйствовать на моемъ прежнемъ поприщѣ, когда этотъ соревнователь и подражатель трудовъ и занятій моихъ оторванъ отъ меня какъ бы товарищъ и спутникъ. Слѣдовательно ты, Цезарь, и мнѣ открылъ подавленныя (задержанныя) было привычки моей прежней жизни и имъ всѣмъ, для лучшихъ надеждъ обо всѣхъ частяхъ общественнаго дѣла, какъ бы поднялъ своего рода знамя.

3. Понялъ я на многихъ, въ особенности же на мнѣ самомъ, а вотъ незадолго передъ этимъ поняли всѣ, когда уступилъ ты Марцелла сенату и народу Римскому, припомнивъ впрочемъ его оскорбленія, что ты значеніе этого сословія и достоинство общественнаго дѣла ставишь выше твоихъ и огорченій, и подозрѣній. А тотъ (Марцеллъ) конечно въ нынѣшній день получилъ лучшій плодъ всей своей по-нынѣ проведенной жизни, какъ въ величайшемъ единодушіи сената, такъ въ

особенности въ приговорѣ твоемъ, исполненномъ важности и величія. Изъ этого ты вполнѣ понимаешь, сколько похвалы въ данномъ (оказанномъ) благодѣяніи, когда въ принятомъ такая заключается слава. Но по-истинѣ счастливъ тотъ, спасеніе котораго доставило почти всѣмъ не менѣе радости, сколько онъ и самъ долженъ ее чувствовать. Впрочемъ ему случилось это и по заслугамъ, и съ самымъ основательнымъ правомъ. Кто же можетъ превзойдти его и знатностью рода, и честностью и усердіемъ къ самымъ возвышеннымъ занятіямъ, и чистотою нравовъ, или чѣмъ бы то ни было похвальнымъ?

II. Ни у кого не найдется такого обилія силъ умственныхъ, ни у кого такой силы выраженія какъ на словахъ, такъ и на письмѣ, которая въ состояніи не скажу украсить твои дѣянія, К. Цезарь, но и только изложить. Впрочемъ утверждаю, и скажу это съ твоего позволенія, что въ нихъ (твоихъ дѣяніяхъ) нѣтъ большей похвалы, какую ты стяжалъ нынѣшній день. 5. Имѣю обычаемъ часто ставить передъ глазами и охотно приводить въ безпрестанныхъ бесѣдахъ: всѣ дѣянія нашихъ великихъ полководцевъ (императоровъ) чужестранныхъ племенъ и могущественнѣйшихъ народовъ, знаменитѣйшихъ царей, не могутъ сравниться съ твоими ни важностью борьбы, ни числомъ сраженій, ни разнообразіемъ странъ, ни быстротою приведенія къ концу: и земли, отброшенныя одна отъ другой на самое большое пространство, врядъ ли могутъ быть пройдены чьими либо ногами быстрѣе, чѣмъ отмѣчены они твоими, не скажу походами, но побѣдами. 6. Безумнымъ былъ бы я, еслибы не сознался, что они слишкомъ велики, чтобы быть схваченными чьимъ-либо умомъ или помышленіемъ; но впрочемъ есть еще и то, что значительнѣе этого. Нѣкоторые имѣютъ обычай—военныя похвалы уничтожать словами, отнимать ихъ у побѣдителей, обобщать ихъ со многими, дабы они не были исключительною собственностью главныхъ вождей. И дѣйствительно, на войнѣ содѣйствуютъ много—доблесть воиновъ, удобства мѣстности, вспомогательныя силы союзниковъ, флоты, подвозы продовольствія; но особенно большую часть, какъ бы по собственному праву, присвоиваетъ себѣ счастіе и чтобы ни сдѣлалось удачнаго, то почти все называетъ своимъ. А въ этой похвалѣ, К. Цезарь, которой ты достигъ незадолго передъ этимъ, товарища тебѣ нѣтъ никого. Тутъ все, каково бы оно ни было, а конечно оно самое возвышенное, все, я утверждаю, твое нераздѣльно; нисколько изъ этой похвалы не можетъ себѣ присвоить ни сотникъ, ни префектъ, ни пѣшій, ни конный отрядъ. Да и самая полновластная хозяйка дѣлъ человѣческихъ-судьба не можетъ отнюдь войдти въ товарищество этой славы;

тебѣ уступаетъ, сознаетъ, что она твоя собственная нераздѣльно. Никогда случайность не будетъ смѣшана съ мудростью, и обдуманное не есть плодъ слѣпаго случая. III. Смирилъ ты народы, звѣрски дикіе, безчисленные множествомъ, мѣстностью безпредѣльные, обилующіе всякого рода средствами, но впрочемъ ты побѣдилъ то, что по природѣ и положенію могло быть побѣждено силою. Конечно нѣтъ такой, какъ бы она ни была велика, силы, которая не можетъ быть ослаблена и сломлена желѣзомъ и силами. Побѣдить свой духъ, сдержать раздраженіе, умѣрить побѣду (найдти умѣренность и въ побѣдѣ) противника, отличающагося знатностью рода, умомъ, доблестью, не только поднять лежащаго, но и возвысить его прежнее значеніе: кто такъ поступитъ, того я буду сравнивать не только съ самими великими людьми, но и сочту его ближайшимъ подобіемъ Бога. 9. А потому, К. Цезарь, твои военныя похвалы будутъ прославлены не только нашими, но почти всѣхъ народовъ письменами и языками, и никогда ни одно поколѣніе не умолчитъ о славѣ твоей; впрочемъ такого рода вещи, не знаю какъ-то почему, даже когда читаются, заглушаются повидимому криками воиновъ и звуками трубъ. А когда мы выслушиваемъ или читаемъ, что кто-нибудь поступилъ милостиво, кротко, справедливо, умѣренно, мудро въ особенности при раздраженіи, не совмѣстномъ съ размышленіемъ, и при побѣдѣ, по природѣ уже надменной и выходящей за границы законности; то какимъ воспламеняемся усердіемъ— не только за дѣла совершенныя, но даже и за вымышленныя—и начинаемъ любить часто тѣхъ, кого никогда не видали! 10. А тебя, котораго видимъ на лицо, котораго помышленія, чувства и выраженія передъ нами, какими похвалами будемъ превозносить за то, что сколько судьба войны пощадила общественнаго дѣла, ты хочешь, чтобы все это было невредимо? Какимъ усердіемъ будемъ преслѣдовать, какимъ расположеніемъ обнимать? По-истинѣ, мнѣ кажется, самыя эти стѣны сенатскаго зданія хотѣли бы высказать тебѣ свою благодарность за то, что вскорѣ будетъ присутствовать тутъ та высокая личность въ мѣстопребываніи ея предковъ и своемъ. Дѣйствительно, когда я только что передъ этимъ видѣлъ вмѣстѣ съ вами слезы К. Марцелла, отличнѣйшаго человѣка, одареннаго высокою набожностью, умъ мой затмился воспоминаніемъ всѣхъ Марцелловъ. Имъ-то, хотя они уже и померли, ты, Цезарь, сохранивъ М. Марцелла, сохранилъ ихъ достоинство и—знатнѣйшій родъ, уже сведенный къ немногимъ, сберегъ почти отъ гибели. А потому-то этотъ день ты, Цезарь, основательно предпочтешь твоимъ самымъ великимъ и безчисленнымъ торжествамъ. Это дѣло есть единственно и нераздѣльно Цезаря и ему только свойствен-

ное; остальныя совершены подъ твоимъ водительствомъ и конечно велики, но впрочемъ и товарищей у тебя было много, и значительныхъ. Но въ этомъ дѣлѣ ты одинъ и вождь и товарищъ, а оно таково, что время принесетъ конецъ твоимъ трофеямъ и памятникамъ: такъ какъ нѣтъ ничего силою или трудомъ совершеннаго, чего когда-нибудь не сокрушило бы и не уничтожило время. А эта твоя справедливость и кротость духа все болѣе и болѣе будетъ процвѣтать день со дня, такъ что насколько продолжительность времени будетъ убавлять у твоихъ дѣяній, настолько тутъ прибавлять похвалы. И конечно ты прочихъ всѣхъ побѣдителей въ междуусобныхъ войнахъ побѣдилъ еще прежде справедливостью и милосердіемъ, а въ нынѣшній день ты побѣдилъ самого себя. Опасаюсь, какъ бы то, что я скажу, не такъ вполнѣ было бы понятно слушателямъ, какъ я самъ представляю себѣ это въ мысляхъ: ты повидимому побѣдилъ самую побѣду, когда ты простилъ побѣжденнымъ всѣ ея послѣдствія. Между тѣмъ какъ, по необходимому условію самой побѣды, мы, побѣжденные, которые по всей справедливости должны были принять смерть, сужденіемъ твоего милосердія спасены. А потому по-истинѣ одинъ непобѣдимый ты, которымъ побѣждены самой побѣды—и условія и сила.

V. 13. Но обратите вниманіе, почтенные сенаторы, такое сужденіе К. Цезаря какой широкой имѣетъ размѣръ! Всѣ мы, побужденные на ту войну не знаю какимъ гибельнымъ и бѣдственнымъ рѣшеніемъ судьбы отечества, хотя и не чужды вины заблужденія человѣческаго, но отъ преступленія конечно свободны. Когда Цезарь по вашей просьбѣ сохранилъ для дѣла общественнаго М. Марцелла, то онъ и меня—мнѣ и дѣлу общественному, безо всякой чьей-либо просьбы, и остальныхъ знаменитѣйшихъ мужей возвратилъ имъ и отечеству, и ихъ-то и многочисленность и значеніе видите въ этомъ самомъ засѣданіи. Не враговъ ввелъ онъ въ зданіе сената, но судилъ, что большинство вовлечено въ войну больше незнаніемъ, ложными и тщетными опасеніями, чѣмъ алчностью и жестокостью. Да и въ самой этой войнѣ я постоянно прислушивался къ толкамъ о мирѣ и всегда скорбѣлъ, что не только миръ, но даже рѣчи гражданъ, сильно его желавшихъ, были отвергаемы. Не ходилъ я ни на эту и ни на какую междуусобную войну; мой образъ мыслей былъ всегда мирный, соотвѣтствующій моей гражданской дѣятельности, а не воинственный и непріязненный. За человѣкомъ (Помпеемъ) послѣдовалъ я подолгу частной признательности, а не какъ общественный дѣятель, и настолько во мнѣ имѣла силы вѣрная память признательнаго духа, что не только нечего не желая, но даже и не надѣясь, сознательно и обдуманно

стремился я какъ бы на добровольную гибель, 15. И такой мой образъ мыслей во все не былъ тайною: и въ этомъ сословіи, при непочатомъ еще дѣлѣ, многое сказалъ я о мирѣ, и среди самой войны. Чувствовалъ я тоже, даже съ опасностью головы моей. Вслѣдствіе этого не найдется никого, столь несправедливаго, цѣнителя событій, который усумнился бы—каковъ былъ образъ мыслей Цезаря о войнѣ, когда онъ тѣмъ, которые хлопотали о мирѣ, даровалъ немедленно безопасность, а къ прочимъ былъ раздраженнѣе. И это не такъ еще можетъ быть удивительно тогда, когда не извѣстенъ былъ бы еще исходъ и судьба войны еще не рѣшена. Но кто побѣдителемъ любитъ желавшихъ мира, то ясно обнаруживаетъ тѣмъ, что желалъ бы лучше не сражаться, чѣмъ побѣдить.—VI. 16. И въ этомъ дѣлѣ я свидѣтель М. Марцеллу; наши мысли, какъ въ мирное время постоянно, такъ на тотъ разъ и въ войнѣ, были одинаковы. Сколько разъ, и съ какимъ прискорбіемъ, видѣлъ я его полнаго опасеній относительно наглости нѣкоторыхъ людей и жестокихъ послѣдствій самой побѣды. И тѣмъ пріятнѣе это должно быть для насъ, видѣвшихъ это твое снисхожденіе, Цезарь. Уже не дѣло той и другой стороны, но побѣды должны идти въ сравненіе. 17. Мы видѣли твою побѣду оконченною исходомъ сраженій: меча, вынутаго изъ ноженъ, въ городѣ не видали. Если какихъ утратили мы гражданъ, то они пали жертвою силы войны (на полѣ сраженія), а не раздраженія побѣды. Никто и сомнѣваться недолженъ, что К. Цезарь—многихъ, еслибы только имѣлъ возможность, воротилъ бы съ того свѣта, когда онъ и уцѣлѣвшихъ въ тѣхъ же рядахъ сохраняетъ всѣхъ кого можетъ. Другой же стороны, ничего не скажу болѣе того, чего мы всѣ опасались, побѣда была бы слишкомъ исполнена раздраженія. Нѣкоторые грозили не только тѣмъ, что за оружіе взялись, но иногда даже и тѣмъ, которые оставались праздными и говорили, что въ соображеніе надобно принимать не образъ мыслей каждаго, но то, гдѣ онъ находился. И мнѣ кажется, что боги безсмертные, хотя и наслали кару на народъ Римскій за какое нибудь его прегрѣшеніе, возбудивъ междуусобную войну столь огромную и столь плачевную, но или умилостивленные, или можетъ быть сколько нибудь удовлетворенные, всю надежду спасенія обратили на кротость побѣдителя и его мудрость.

А потому радуйся твоимъ этимъ, столь выходящимъ изъряду, добромъ, и пользуйся какъ счастіемъ и славою, такъ и природными твоими наклонностями и привычками, а въ этомъ то по истинѣ величайшіе плодъ и пріятность мудрому. Когда памятью будешь проходить ты прочія твои дѣянія, хотя очень часто—доблести, но и большую часть—

счастью твоему долженъ ты приписать. О насъ, которыхъ ты пожелалъ сохранить вмѣстѣ съ собою для общественной дѣятельности, каждый разъ какъ подумаешь, то столько же разъ припомнишь твои благодѣянія, невѣроятное добродушіе и рѣдкую мудрость; а эти то не только высшія блага, но и по истинѣ дерзну сказать—единственныя. Таковъ блескъ въ праведной похвалѣ, таково достоинство въ величіи духа и намѣреній, что это то дары добродѣтели, а остальное все принадлежности судьбы! А потому не уставай въ сохраненіи хорошихъ людей, притомъ сдѣлавшихся жертвою не пожеланій какихъ либо или порочныхъ наклонностей, но мыслью объ обязанности, можетъ быть и безразсудною, но вовсякомъ случаѣ не безчестною, и какимъ то предлогомъ общественнаго блага. Твоей вины нѣтъ вовсе въ томъ, что тебя нѣкоторые боялись, а напротивъ величайшая похвала, такъ какъ большинство почувствовало, что тебя бояться вовсе неслѣдовало.

VII. 21. Теперь прихожу къ важнѣйшей жалобѣ, и самому жестокому твоему подозрѣнію, и о нихъ надобно позаботиться по крайней мѣрѣ столько же, сколько тебѣ самому, и всѣмъ гражданамъ. И хотя я надѣюсь, что это подозрѣніе ложное, но словами уменьшать его важность никогда не стану. Твоя безопасность есть вмѣстѣ наша и, если необходимо увлечься въ ту или другую сторону, то лучше пусть покажусь слишкомъ робкимъ, чѣмъ мало осторожнымъ. Но кто же бы нашелся столь безумный? Изъ твоихъ? Но поистинѣ кто же болѣе твои, чѣмъ тѣ, которымъ ты, сверхъ ихъ ожиданія, даровалъ безопасность? Или изъ числа тѣхъ, которые были вмѣстѣ съ тобою? Трудно повѣрить, чтобы въ комъ либо-нашлось такое безумство, жизнь того, подъ чьимъ водительствомъ получилъ все самое лучшее, не предпочелъ своей? Но если твои не замышляютъ ничего преступнаго, то нужно принять мѣры противъ недоброжелателей. Но гдѣ они? Всѣ, какіе и были, или по своему упорству утратили жизнь, или твоимъ милосердіемъ сохранены такъ что или никто не пережилъ изъ недоброжелателей, а кто пережилъ, сдѣлались въ высшей степени друзьями. Но какъ въ душѣ человѣка много извилинъ и тайныхъ уголковъ, то конечно мы постараемся усилить твою подозрительность; вмѣстѣ съ тѣмъ увеличимъ и заботливость. Кто же можетъ быть столь чуждый знанія всѣхъ предметовъ, столь неопытный въ дѣлахъ общественныхъ, столь незаботливый ни о своей, ни общественной безопасности, кто бы не понималъ—что въ твоемъ спасеніи и его собственное и что отъ жизни одного зависитъ жизнь всѣхъ. Что же касается до меня, то я, размышляя о тебѣ и дни и ночи, какъ и обязанъ, опасаюсь покамѣстъ только случайностей человѣку

сродныхъ, невѣрнаго исхода перемѣнъ въ здоровьи и вообще не прочности нашей общей природы. Скорблю, что дѣло общественное, долженствующее быть безсмертнымъ, заключается въ душѣ одного смертнаго. Но если къ человѣчэскимъ случайностямъ, къ невѣрнымъ исходамъ (положеній) здоровья—присоединится содѣйствіе преступленія и коварства, то—полагаемъ—какое божество, еслибы и желало, будетъ въ состояніи помочь общественному дѣлу?—VIII. Тебѣ, Цезарь, предстоитъ воздвигнуть все то, что чувствуешь самъ ниспровергнутымъ напоромъ самой войны и что, по необходимому послѣдствію, лежитъ разбитое и брошенное: необходимо устроить судебную часть, возстановить кредитъ, подавить дурныя страсти, содѣйствовать дѣторожденію, все, что уже распавшись пошло куда попало, скрѣпить строгими законами. Невозможно было избѣжать, при столь значительной междуусобной войнѣ, при такой ожесточенной борьбѣ мнѣній и оружія, чтобы общественный порядокъ, до основанія потрясенный каковъ бы ни былъ исходъ войны, не утратилъ много и украшеній, и достоинства, и ручательствъ прочности. И тотъ и другой вождь съ оружіемъ въ рукахъ сдѣлалъ многое, чего онъ же въ мирное время не допустилъ бы. Теперь приходится тебѣ излѣчивать всѣ эти раны, войною нанесенныя, а имъ кромѣ тебя никто пособить не въ состояніи. А потому неохотно слышалъ я твои знаменитѣйшія и мудрѣйшія слова: «достаточно долго жилъ я и для естества и для славы». Достаточно, если ты уже такъ хочешь, можетъ быть для естества, присоедини даже если угодно и для славы, но—и это самое важное—для отечества конечно мало. А потому оставь, прошу тебя, эту ученыхъ людей мудрость въ презрѣніи смерти. Пожалуста не мудрствуй съ опасностью для насъ. Нерѣдко доходитъ до моего слуха, что ты слишкомъ часто повторяешь это самое, что довольно ты жилъ для тебя. Вѣрю; но тогда сталъ бы я это слушать, еслибы ты жилъ только для себя, или еслибы ты рожденъ былъ только для себя. А теперь, когда твои подвиги охватили безопасность всѣхъ гражданъ и весь общественный строй, такъ далекъ ты отъ довершенія величайшихъ работъ, что и основаній, которыя ты обдумываешь, еще не положилъ! Мѣру жизни твоей соображаешь ты не съ сохраненіемъ общественнаго строя, но съ равнодушіемъ твоихъ мыслей. Что же если этого мало будетъ и для твоей славы, а что ты къ ней жаденъ въ высшей степени, то при всей своей мудрости ты и отрицать не станешь. Но ты скажешь: не достаточно ли великую славу оставлю? Конечно, для всѣхъ другихъ, какъ бы ихъ ни было много, достаточною, а тебѣ одному—нѣтъ. Что бы то ни было, какъ бы ни было само по себѣ велико, но всякомъ случаѣ мало;

когда есть что нибудь еще большее. Если твоихъ К. Цезарь. безсмертныхъ дѣлъ такой исходъ долженъ былъ быть, что побѣдивъ противниковъ, общественный строй оставишь въ такомъ положенiи, въ какомъ теперь есть, то разсмотри, прошу тебя, твоя божественная доблесть не вызываетъ ли болѣе удивленiя, чѣмъ славы. Притомъ же не мало есть и безъ того славы громкой и распространенной у многихъ и великихъ личностей, заслуживавшихъ извѣстность или по отношенiю къ себѣ, или къ отечеству, или ко всему роду человѣческому. IX. Вотъ тебѣ осталась какая часть: это открыто поле дѣйствiя; въ томъ долженъ ты трудиться, чтобы устроить общественное дѣло и ты первый, приведя его въ порядокъ, будешь наслаждаться величайшимъ спокойствiемъ и свободнымъ временемъ. Только тогда ты, когда и отечеству исполнишь свой долгъ и удовлетворишь самой природѣ, насытясь жизнью, скажешь, что ты жилъ достаточно долго. Да и дѣйствительно, что же то можетъ быть вполнѣ продолжительнымъ, чему же есть какой-либо конецъ, а когда онъ приходитъ, то все прошлое наслажденiе ни во что, такъ какъ впослѣдствiи его уже вовсе не будетъ. Притомъ духъ твой никогда не былъ доволенъ тѣми тѣсными предѣлами, какiе намъ назначила для жизни природа, но постоянно пылалъ любовью къ безсмертiю. Да и не это должно считать твоей жизнью, что ограничивается твоимъ тѣломъ и дыханiемъ. Вотъ та, утверждаю, жизнь твоя, которая будетъ имѣть силу въ памяти всѣхъ вѣковъ, которую поддерживать будетъ потомство, а самая вѣчность всегда будетъ сохранять. Ей то ты долженъ служить, ей то показать себя необходимо, и предметовъ къ удивленiю ей, уже много есть, а теперь ожидаетъ она предметовъ для похвалы. Конечно съ удивленiемъ остановятся потомки надъ распоряженiями, провинцiями, Рейномъ, Океаномъ, Ниломъ, безчисленными битвами, невѣроятными побѣдами, несмѣтными ихъ памятниками, читая и слыша о твоихъ торжествахъ. Но если городъ этотъ не будетъ упроченъ твоими мыслями и учрежденiями, то слава имени твоего пронесется далеко и широко, но прочнаго мѣстопребыванiя, и опредѣленнаго жительства, имѣть не будетъ. И въ будущихъ поколѣнiяхъ возникнетъ тотъ же великiй раздоръ, какой былъ у насъ, когда одни похвалами превозносили до небесъ твои дѣйствiя, а другiе можетъ быть потребуютъ чего нибудь, и это самаго важнаго—спасенiемъ отечества погасить пожаръ междуусобной войны; и то по видимому слѣдуетъ приписать судьбѣ, а это обдуманности. А потому послужи и тѣмъ приговорамъ, которые будетъ изрекать надъ тобою судъ потомства черезъ много вѣковъ и притомъ не знаю, не безпристрастнѣе ли, чѣмъ

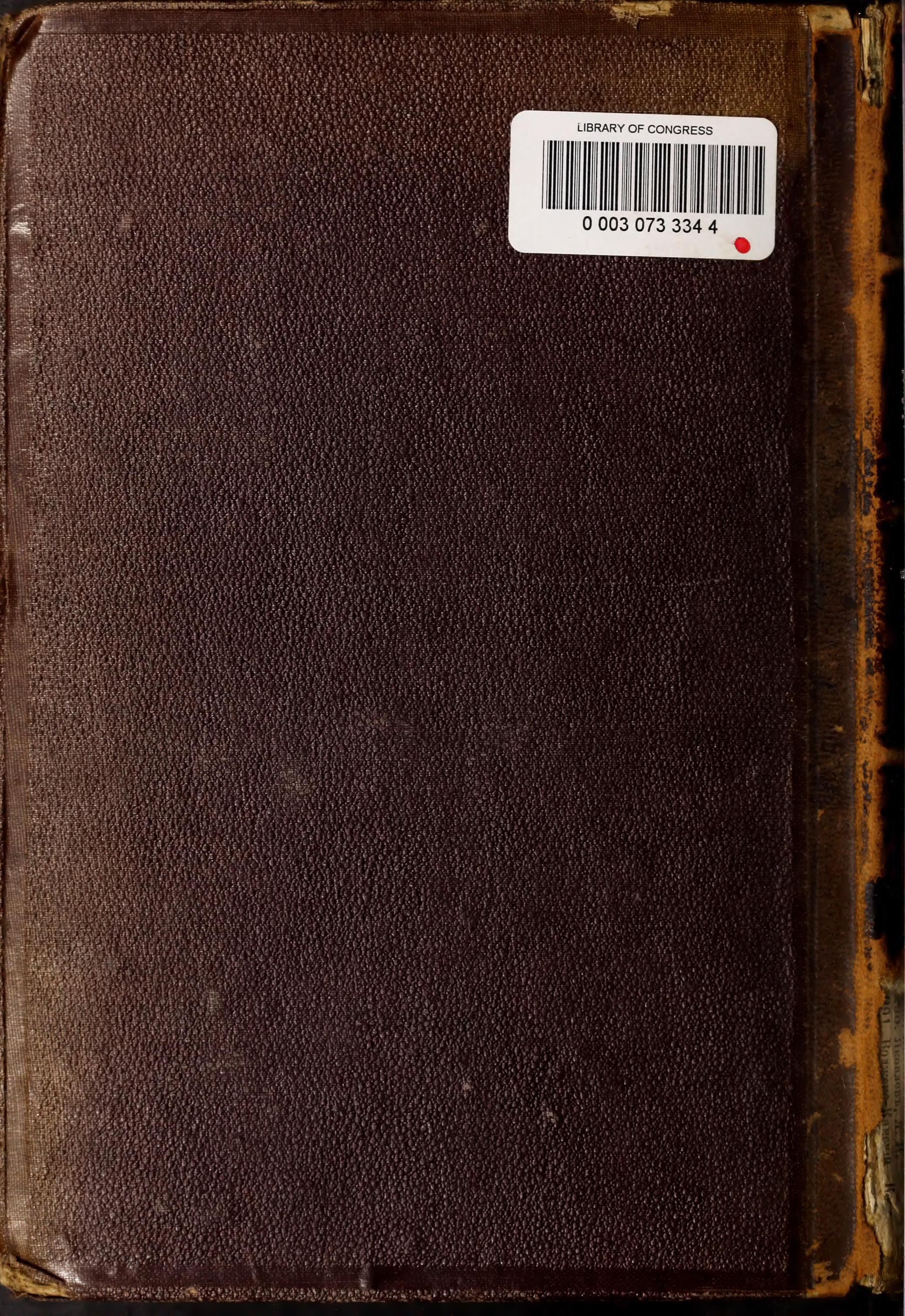
мы. Судить потомкм будутъ безъ расположенія и страсти, но за то безъ ненависти и зависти. И хотя бы это тогда до тебя, какъ нѣкоторые ложно утверждаютъ, и не касалось, то теперь конечно имѣетъ отношеніе, чтобы тебѣ быть такимъ, что твои похвалы никогда не покроетъ никакое забвеніе. X. Различныя были желанія гражданъ, несогласны мнѣнія. Да и не стремленіями только и усиліями, но и оружіемъ и походами, обнаруживали мы нашъ раздоръ. Была какая-то смута; возникла борьба между знаменитѣйшихъ полководцевъ. Многіе находились въ сомнѣніи, что было бы лучшимъ; многіе, что для нихъ было бы выгоднѣе, многіе, что приличнѣе, а нѣкоторые даже, что имъ позволительнѣе. Общественное дѣло погибло въ этой бѣдственной и печальной войнѣ; побѣдилъ тотъ, кто не находилъ въ счастіи пищи своей ненависти, но благостью смягчалъ и не полагалъ, чтобы всѣ тѣ, на которыхъ онъ былъ раздраженъ, этимъ самымъ были достойны изгнанія или смерти. Оружіе одними было положено, у другихъ исторгнуто. Неблагодаренъ и несправедливъ тотъ гражданинъ, который, будучи освобожденъ отъ опасности оружія, сохранитъ духъ вооруженный. И лучше его тотъ, кто палъ въ сраженіи, кто въ самомъ разгарѣ дѣла испустилъ духъ! То, что нѣкоторымъ можетъ показаться упрямствомъ, другіе назовутъ твердостью духа. Но уже всякое несогласіе сломлено силою оружія и изглажено справедливостью побѣдителя; остается, чтобы всѣ, имѣющіе сколько нибудь не только благоразумія, но и здраваго смысла, желали одного. Только если ты, К. Цезарь, будешь невредимъ и останешься при томъ образѣ мыслей, который какъ прежде приводилъ ты въ дѣло, такъ и теперь въ особенности—мы можемъ сказать, что мы спасены. А потому мы всѣ, которые дорожимъ существованіемъ всего этого, и убѣждаемъ, и заклинаемъ тебя—подумать о твоей жизни, о твоей безопасности и всѣ тебѣ—я говорю и за другихъ то, что чувствую самъ за себя, такъ какъ ты полагаешь, что есть что-то такое, чего тебѣ нужно опасаться—обѣщаемъ не только стражу и караульныхъ, но и защиту нашихъ собственныхъ тѣлъ и силъ.

XI. Но откуда взяла начало, на томъ пусть и кончится рѣчь. Мы всѣ приносимъ тебѣ, К. Цезарь, величайшую благодарность, и еше большую сохраняемъ. Всѣ чувствуютъ одно и тоже, и это ты могъ понять изъ единодушныхъ слезъ и просьбъ всѣхъ; но такъ какъ не необходимо, чтобы всѣ встали и говорили, то они (сенаторы) ясно хотятъ, чтобы я высказалъ, и это мнѣ необходимо и потому, что они желаютъ и потому, что прилично и по моимъ обязанностямъ, какъ я ихъ понимаю относительно М. Марцелла, возвращеннаго тобою этому

сословію, народу Римскому и дѣлу общественному. Я понимаю, что всѣ радуются не спасенію одного только, но общему всѣхъ спасенію. А это свойственно высшей благосклонности, а она въ отношеніи къ нему съ моей стороны всѣмъ достаточно до того была извѣстна, что едва ли я уступлю въ ней К. Марцеллу, лучшему и любимѣйшему брату, а другому, кромѣ его, не уступлю никому. И если я такъ много обнаруживалъ заботливости, попеченій и труда, пока еще было сомнѣніе о его (Марцелла) спасеніи, то конечно теперь, освободясь отъ большихъ заботъ, огорченій и непріятностей, долженъ я исполнить. А потому я тебя, К. Цезарь, такъ благодарю, что будучи во всѣхъ отношеніяхъ не только сохраненъ тобою, но и почтенъ—теперь къ твоимъ мнѣ одному оказаннымъ безчисленнымъ благодѣяніямъ, ты этимъ поступкомъ присоединилъ еще самое высшее, чего я не предполагалъ даже возможности осуществленія когда либо на дѣлѣ.

1869 г.
Марта 15
Москва.

А. Клевановъ.

LIBRARY OF CONGRESS
0 003 073 334 4